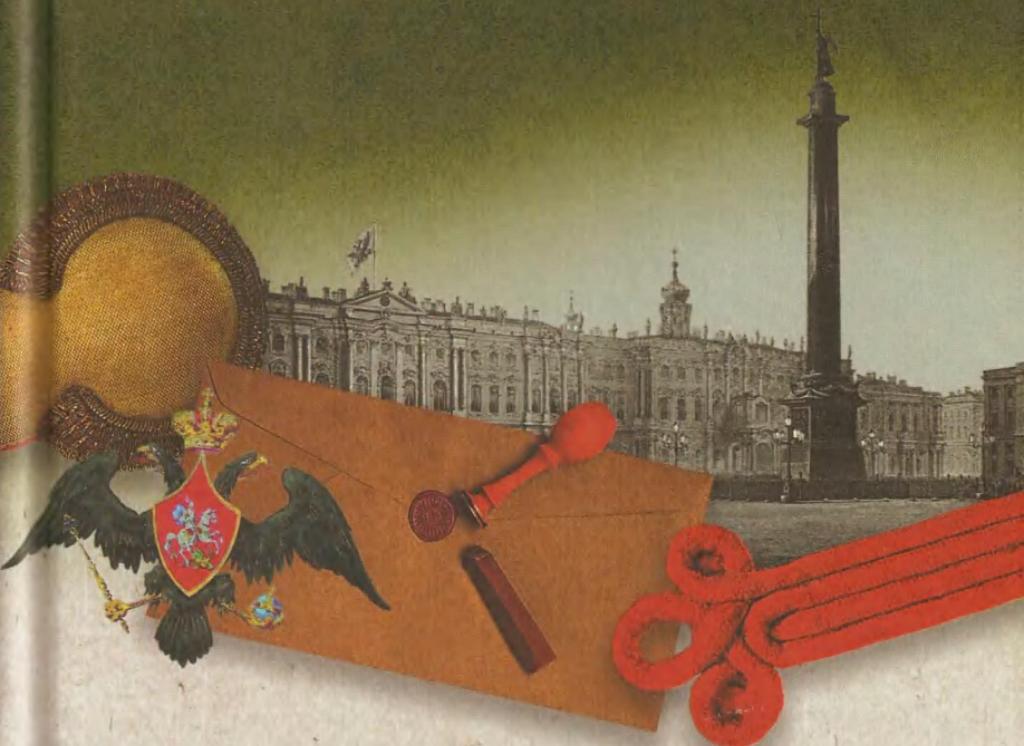

Хроники тайной войны

М.Н. Алексеев

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

М.Н. АЛЕКСЕЕВ

**ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ –
от Александра I
до Александра II**

Москва
«Вече»
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)+67.401.212
А92

Алексеев, М.Н.

А92 Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II / М.Н. Алексеев. — М. : Вече, 2010. — 480 с. : ил. — (Хроники тайной войны).

ISBN 978-5-9533-4485-2

Первые ведомства, отвечавшие за разведку, появляются в России еще в XVI веке. Благодаря им русские государи и их ближайшие помощники были лучше осведомлены о замыслах и намерениях противника. При Алексее Михайловиче был основан Приказ тайных дел, а Пётр I в воинском уставе 1716 г. впервые подвел законодательную и правовую базу для деятельности русской военной разведки. Большую роль в создании военной разведки в России сыграл генерал-адъютант князь П.М. Волконский. Но настоящим органом военной разведки стала Экспедиция секретных дел при Военном министерстве, созданная по инициативе Барклая-де-Толли в январе 1810 г. По его замыслу, это учреждение должно было заниматься стратегической и оперативно-тактической разведкой, а также контрразведкой.

О руководителях русской военной разведки и знаменитых разведчиках, о наиболее важных операциях российских императорских спецслужб в XIX веке рассказывает очаровательная книга серии.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)+67.401.212

ISBN 978-5-9533-4485-2

© Алексеев М.Н., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

1. ПЕРВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО СОЗДАНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРГАНА ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

1.1. На пути к Русско-французской войне. Экспедиция секретных дел при Военном министерстве

Происшедшие в конце XVIII в. и в начале XIX в. изменения социально-политических и материально-технических условий ведения вооруженной борьбы привели к зарождению и оформлению нового военного искусства.

На смену кордонной стратегии пришла новая стратегия, «стратегия массовых армий», основным принципом которой было сосредоточение крупных масс на решающих направлениях. Однако «наполнение» этой стратегии было диаметрально противоположно у Наполеона и Кутузова. Наполеон был ярым поборником «стратегии сокрушения». Главным видом боевых действий для французского маршала стало наступление, а маневр использовался в целях создания наиболее выгодной группировки для решительного поражения противника в одном-двух генеральных сражениях. Этую стратегию Наполеон довел до совершенства.

М.Б. Барклай-де-Толли¹, М.И. Кутузов (Голенищев-Кутузов)² доктрине одного генерального сражения противопоставили новую стратегическую доктрину: завоевание окончательной победы путем проведения ряда сражений при наращивании сил действующей армии за счет широкого привлечения стратегических резервов, прибегая для этих целей к отступлению в глубь страны и избегая на первых порах крупномасштабных боевых действий.

Применение новой системы снабжения (реквизиции) повысило подвижность и маневренность войск и привело к рассредоточению боевых действий по фронту и в глубину. Возникла необходимость организации стратегического взаимодействия между войсками, действующими на различных операционных направлениях. Зарождались элементы операции как совокупности ряда сражений и маневров

войск, рассредоточенных во времени и в пространстве, но объединенных единым замыслом и направленных к достижению одной цели.

На смену линейной тактике пришла новая тактика — тактика колонн и рассыпного строя. Пехоте, которая стала делиться на линейную и легкую (егеря), по-прежнему принадлежала главная роль. Основу боевого порядка составляла линейная пехота. Она обычно строилась в центре в несколько линий батальонных колонн. На флангах и за главными силами выстраивалась конница. Полковая артиллерия занимала огневые позиции между колоннами, а полевая — на флангах и впереди главных сил. В нескольких сотнях метров впереди главных сил в рассыпанном строю действовала легкая пехота. Она выполняла вспомогательную роль, прикрывая главные силы в период завязки боя, выводя ружейным огнем из строя командный состав и артиллерию противника, обеспечивая отход главных сил в случае неудачного исхода сражения. Важнейшим элементом боевого порядка становился резерв. Его наличие придавало боевому порядку определенную глубину, позволяло осуществлять маневр на поле боя, своевременно наращивать усилия. Войска, построенные в колонны, обладали большой силой удара, могли сражаться на любой местности, вести маневренные босовые действия, преследовать противника. Исход боя решался не только огнем, но и штыковым ударом главных сил пехоты, действовавших в колоннах. Этот удар подготавливался артиллерием огнем, а поддерживался и развивался конницей. Возросла продолжительность сражения. Классическим примером применения тактики колонн и рассыпного строя являлось Бородинское сражение.

В целом тактика колонн и рассыпного строя имела много преимуществ перед предшествовавшей ей тактикой, но ей были и присущи серьезные недостатки. Основными из них являлись большие потери от огня противника при плотных и глубоких построениях боевых порядков войск и невозможность одновременного сочетания огня и удара, поскольку артиллерия только подготавливала атаку пехоты, но поддерживать ее не могла.

Утверждение новых тактических принципов привело к изменению роли отдельных родов войск в бою. Основным ударным родом войск стала пехота. Конница являлась теперь основным средством ведения разведки и преследования отступающего противника. Резко возросла роль артиллерии, которая выросла численно.

В результате численного роста армий, усложнения форм и методов боевых действий войск и пространственного расширения сражений резко повысились

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

требования к организации управления войсками, органами которого становились войсковые штабы. Характер и масштабы боевых действий настоятельно требовали их разведывательного обеспечения.

Зарождение и развитие нового военного искусства оказало серьезное влияние на развитие форм организации войск. Во всех армиях Европы основным тактическим соединением стала дивизия, состоявшая из трех родов войск. В целях улучшения управления массовой армией дивизии сводились в корпуса, а последние (только в России) — в армейские объединения.

В течение XIX века происходили многочисленные реорганизации военного управления, в результате которых появлялись органы, которым ставились среди прочих задачи сбора разведывательной информации за рубежом.

Военная разведка всегда являлась функцией органов военного управления и имела своим предназначением обеспечение этих органов, а также высшего военно-политического руководства государства информацией о действующем или вероятном противнике для принятия ими решений по созданию и использованию вооруженных сил в ходе подготовки и ведения военных действий. Поэтому развитие военной разведки как вида деятельности и организационной структуры вооруженных сил неразрывно связано с развитием органов государственного и военного управления.

Манифестом Александра I в 1802 г. были учреждены первые восемь министерств, в том числе Министерство военно-сухопутных сил, Министерство морских сил и Министерство иностранных дел. Созданные при Петре Великом коллегии в полном составе вошли во вновь образованные министерства и просуществовали еще многие годы (Коллегия иностранных дел была упразднена только в 1832 г. и передача всех политических дел затянулась на несколько десятков лет). В 1815 г. Министерство военно-сухопутных сил и Министерство морских сил были именным указом переименованы в Воеинное и Морское министерства. «*Сообразно тому и Министры*» должны были «именоваться» «*первый Военный, а последний Морским*». Весьма запоздалый указ, так как уже с 1812 г. было «*высочайше утверждено учреждение Военного министерства*», а с 1808 г. это ведомство возглавлял военный министр.

При создании Министерства военно-сухопутных сил Военная коллегия перешла в ведение министра в качестве органа центрального военного управления. Министр военно-сухопутных сил сносился с Военной коллегией через Департа-

мент министра военно-сухопутных сил. Дела по этому министерству подлежали рассмотрению в Военной коллегии, причем «в образе производства дел» коллегия должна была оставаться на прежних основаниях. Таким образом, министерство военно-сухопутных сил (как, впрочем, и другие министерства) продолжало, по сути, сохранять прежнюю структуру Военной коллегии, действуя при этом на коллегиальных началах, хотя и в своеобразном сочетании с началом единоличным. Министром военно-сухопутных сил был назначен вице-президент Военной коллегии генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов³ (08.09. 1802 г. — 13.01.1808 г.).

Министерство иностранных дел (МИД) до второй половины XIX века продолжало выступать преемником Коллегии иностранных дел в части ведения разведки на государственном уровне, получая от постоянных миссий и представительств России за границей разведывательные сведения по военным и военно-политическим вопросам, по-прежнему обходясь без специализированного структурного подразделения в центральном аппарате.

До 1810 г. военная разведывательная информация, поступавшая из-за границы от сотрудников российских миссий, доставлялась сначала в канцелярию МИД и лишь затем передавалась в Министерство военно-сухопутных сил на имя его министра. По заданию Министерства иностранных дел в 1810-е годы в Синьцзян, Афганистан и Индию были направлены российские купцы М. Рафаилов и Р. Данибеков (Данибековы), которые наряду с решением своих коммерческих вопросов собирали информацию и в интересах Военного министерства.

Развитие Генерального штаба в России не шло в логической последовательности, зачастую оказывалось тупиковым и начинало развиваться снова. Причинами тому были как люди, претворявшие идеи, в том числе и собственные, так и оглядка на иностранный опыт, чаще всего немецкий и меньше французский. Более того, сам термин «Генеральный штаб» не только в во второй половине XVIII в., но и на протяжении всего XIX в. оставался «расплывчатым и произвольным». В 1797 г. Павлом I была образована «Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части», подчиненная непосредственно императору. Функции Свиты были неопределенные. Важным элементом в ее составе были иностранцы, преимущественно французы и голландцы, а после Тильзитского мира и немцы.

С вступлением на престол Александра I генерал-квартирмейстером Свиты был назначен генерал П.К. Сухтелен⁴ (1801—1810 гг.), человек широко образованный, талантливый военный инженер.

Офицеры квартирмейстерской части с самого начала XIX в. играли наиболее активную роль в изучении окраин Российской империи и сопредельных территорий. С назначением генерал-квартирмейстером П.К. Сухтелена в постоянную практику входит командирование офицеров-квартирмейстеров на Кавказскую линию и в Закавказье. Они же занимаются в 1803—1804 гг. описанием Казахской, или Киргизской, степи (Казахстана), участвуют в 1803—1806 гг. в плавании И.Ф. Круzenштерна к берегам Японии, сопровождают в 1805—1807 гг. посольство Ю.Л. Головкина⁵ в Китай, занимаясь по пути глазомерной съемкой. Как видно из доклада Сухтелена в инспекторскую экспедицию Восиной коллегии, на 1 июля (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) 1805 г. из 175 чинов квартирмейстерской части в Закавказье, Оренбургском крае и на Дальнем Востоке постоянно находилось 19 офицеров (История отечественного востоковедения до середины XIX. М., 1990. С. 174.)

Собирание географических и статистических сведений о государствах, на территории которых могли возникнуть военные действия, производились почти во все времена, но до начала XIX столетия это делалось без определенной системы и имело случайный характер.

Начинал складываться первый компонент зарубежных (стратегических) сил военной разведки, действовавший в мирное время, — участники военно-ученых экспедиций, направляемые в приграничные районы России и территории сопредельных государств с целью сбора разведывательной информации (пока еще и не в полном объеме). Военно-ученые экспедиции командировались на Средний (особенно в Среднюю Азию) и Дальний Восток. Участникам экспедиций предстояло исследовать не только территории сопредельных государств, но и собственные территории, за счет которых происходило приращение Российской империи. Ведь эти неисследованные территории могли стать вероятным театром военных действий. Участники военно-ученых экспедиций собирали географический, статистический и этнографический материал и т.д., проводили топографическую съемку местности, осуществляли геодезические работы и барометрическую нивелировку, составляли астрономические каталоги местностей. Так появляются военные востоковеды, чаще всего офицеры квартирмейстерской части, внесшие значительный вклад в изучение окраинных областей России и прилегавших к ней территорий, включая вооруженные силы сопредельных государств. Разведывательная информация — географический, статистический и военно-статистический материал

по своей сути будет представлять собой материал «военно-географического» характера, а впоследствии такую разведывательную информацию назовут «военно-статистическим» материалом. Но в описываемое время еще не существовало перечня тех «военно-географических» (разведывательных) сведений, которые подлежали сбору в сопредельных (и не только) государствах. Поэтому сбор сведений нередко был случаен и ограничен, безусловно, важными топографическими съемками и геодезическими работами. К началу XX века этот компонент зарубежных сил военной разведки постепенно сойдет на нет.

Гроза Наполеоновских войн в Европе эхом отозвалась на Востоке. После провала планов совместного похода в Индию русских и французских войск Наполеон I не оставил надежд на захват крупнейшей английской колонии в Азии. В связи с этим особую остроту приобрел «персидский вопрос», который заключался в соперничестве европейских держав за преобладающее влияние в Иране. В этой борьбе за дальние подступы к Индии оба противника — Англия и Франция — стремились одновременно подорвать позиции России в Закавказье.

В мае 1804 г. началась объявленная шахским правительством Русско-персидская война. Правительство Российской империи перед лицом надвигавшейся наполеоновской агрессии в Европе не было заинтересовано в расширении военных действий в Закавказье. О нежелательности перенесения войны во внутренние области Персии свидетельствовало письмо военного министра М.Б. Барклай-д-Толли главнокомандующему на Кавказе, генералу от кавалерии А.П. Тормасову от 12 апреля 1811 г. (История отечественного востоковедения до середины XIX. М., 1990. С. 172.)

Ход войны показал, что, несмотря на многовековой опыт дипломатических и торговых отношений с Персией, эта страна была для русских военачальников в известной степени *terra incognita*. Боевые столкновения, имевшие место в Закавказье в XVIII в., давали некоторое представление о персидской армии, но описаний маршрутов, пригодных для движения войск, ис говоря уже о военно-статистических описаниях Персии, не существовало. О том, что попытки дать описание страны предпринимались уже во время войны, свидетельствует записка упомянутого генерала А.П. Тормасова, в которой было кратко охарактеризовано административно-территориальное деление Персии.

Очевидно, это был черновой набросок для более обширного и подробного описания. Трудно сказать, какими материалами располагал главнокомандующий,

но не подлежит сомнению, что сбор сведений о Персии проводился. Описание не было продолжено, поскольку летом 1811 г. Тормасов был переведен на Украину, где возглавил 3-ю Обсервационную армию накануне Отечественной войны 1812 г.

Одновременно с Русско-персидской войной (1804—1813 гг.) происходили события первой в XIX в. Русско-турецкой войны (1806—1812 гг.). Сведения об Османской империи, которыми к началу войны располагало русское командование, были искажены, чем разведывательная информация о Персии. Здесь также сказался низкий уровень востоковедческих знаний, характерный для русского военного ведомства в самом начале XIX в.

Отставной полковник генерального штаба И.П. Липранди⁶, составлявший в 1860-х гг. обзор театра военных действий периода 1806—1812 гг., писал: «*Война с турками во всех отношениях представляет разительную противоположность с войной европейской. Здесь ученые условия военного искусства без особенного применения и навыка столь же бесполезны, как все выступы человека, искусно владеющего оружием и обдулывающего удары, против соперника, нападающего исступленно и без всяких правил. Неосновательные знания театра войны в Турции и недостаток точных описаний происходивших там военных действий увеличивают еще более все затруднения, представляемые физическим положением края, климатом, фанатизмом, воинственностью жителей и множеством других обстоятельств. Странно, казалось бы, что Оттоманская империя, давно уже обращающая на себя внимание ученой Европы, до сих пор еще так мало известна... Изучения, большей частью поверхностные, производимые не на месте, основанные не на опыте, а на одних только предположениях, руководимые пристрастием и своего рода фанатизмом, представляли призрак, принимаемый за существенность и вводивший целую Европу в заблуждение относительно положительного (реального. — Примеч. автора) состояния империи Османа» (Липранди И.П. Обозрение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 год. СПб., 1854. С. I—II).*

Тот же автор, подчеркивая совершенную недостаточность точной информации о противнике, имевшейся в распоряжении русского командования к 1806 г., указывал тем самым и на главную задачу воинной разведки: «*Последующая война всегда начиналась с прежней неопытностью, снова наука турецкой войны покупалась дорогой ценой. Нет сомнения, что главные причины ошибок и сопряженных с ними утрат происходили от того, что правительства не*

озабочивались собирать заблаговременно верные и точные сведения о стране, в которую вносили свое оружие, или, лучше сказать, от того, что для собрания этих сведений не были употреблены люди способные. Те же, на которых большей частью возлагались подобные поручения, были руководимы вкоренившимся презрением к туркам и не вникали беспристрастно во все, до них относящееся, не изучали ни свойств, ни быта, ни права, ни обычая, но, движимые народным самолюбием, а может быть, и религиозным предубеждением, изображали империю Османлиев слабой и без средств, приводя в пример многие, часто созданные одним воображением события и случаи и таким образом усыпляя внимание своих правительства».

Потребность в точной информации о происходящих военных действиях и о стране противника стала очевидной в ходе Русско-турецкой войны, точно так же, как и Русско-персидской. В 1810 г. предпринимаются шаги в направлении решения этой задачи. В Петербурге начинает выходить «Военный журнал» — первое в России военно-научное периодическое издание. Сначала его редактировал отставной майор квартирмейстерской службы П.А. Рахманов, а в 1811 г. к нему присоединился штабс-капитан лейб-гвардии Артиллерийской бригады А. Вельяминов. Журнал печатался в типографии Ученого комитета по артиллерийской части. Уже в первом выпуске «Военного журнала» за 1810 г. была помещена статья отставного майора-квартирмейстера Чуйксвича о сражении при Облиешти, произшедшем 2 июня 1807 г. между русскими и турецкими войсками. В статье среди прочего давалась краткая характеристика турецкой армии, проводился разбор действий турецких восначальников. В дальнейшем в течение 1810 г. почти в каждом выпуске журнала помещались материалы о Русско-турецкой войне.

Таким образом, военный (и не только военный) читатель России мог получать информацию о тактике и стратегии турецкого войска, его боевых качествах.

С конца XVII в. происходит резкое нарушение политического равновесия в Европе в пользу Франции в результате обширных территориальных завоеваний. Жажда новых завоеваний со стороны генерала Бонапарта, разогнавшего Директорию и ставшего первым консулом, неудержимо толкала французские армии от берегов Рейна к Эльбе и Дунаю, а от них к Одере и Висле. В то же время стремление до конца сокрушить могущество Англии толкало к попыткам вытеснить военный флот коварного Альбиона из Средиземного моря и установить наконец пребладание Франции в странах Ближнего, а затем и Среднего Востока.

Создавались и распадались антифранцузские коалиции, в ряде которых своими войсками деятельно участвовала Россия. В ходе кампании 1806—1807 гг. появились первые ростки партизанской войны, которая являлась и источником разведывательных сведений. Слово «партизан» происходит от французского «partisan» — лицо, входящее в состав отряда, партии — «parti». Партизанская война представляла собой самостоятельные действия выделенных армией отрядов, прервавших с нею связь, хотя бы временно, и наносивших ущерб противнику преимущественно в тылу. До конца XVII в. у армий противоборствовавших сторон, в сущности, не было тыла, а, следовательно, и не было подходящей цели для партизанских действий. И только в начале XVIII в., когда выработалась магазинная система снабжения (способ снабжения войск продовольствием и фуражом из складов, следовавших за войсками на расстоянии 100—150 км, т.е. в пяти переходах) и с ней создавалась чувствительность сообщений, возник зародыш партизанской войны. Кампания 1807 г. характеризовалась подвигами русских партизан, в том числе блестящими действиями казачьих отрядов атамана Войска Донского М.И. Платова в тылу корпуса Ней в сражении при Гутштадте; киевских драгун при движении французов к Прейсиш-Эйлау; сумских гусар и курляндских драгун при Морунгенс. Известны многие случаи захватов казаками ординарцев, эстафет и даже пленение французского командира корпуса маршала Виктора. Действия партизан в тылу противника не имели решительного влияния на ход военных действий, так как являлись частным успехом. Подобный вывод относится и к полученным в ходе партизанских действий разведывательным сведениям — они были редки, ограниченны и не давали представления о намерениях противника (Военная энциклопедия. Петроград. 1914. Т. XVII. С. 303—308).

Военные действия чередовались мирной передышкой, когда Россия выступала на стороне Франции. Так, это произошло в июне 1807 г., когда Александр I подписал с Наполеоном Тильзитский мир и заключил союз между двумя странами. Российская империя приняла на себя целый ряд обязательств, в том числе участие в континентальной блокаде Англии.

С конца 1809 г. русско-французские отношения неуклонно ухудшались. Полной неудачей закончились переговоры по вопросу о будущем герцогства Варшавского. Наполеон отказался ратифицировать конвенцию, говорившую о том, что «Польское королевство никогда не будет восстановлено». Французский император (с 1804 г.) явно намеревался в недалеком будущем создать в восточной части Европы

новое крупнос и целиком зависимое от Франции королевство. Вторым вопросом, вызывавшим обострение в отношениях между двумя странами, был восточный. Переговоры о разделе Турции, запедшие в тупик в марте 1808 г., больше не возобновлялись. Становилось ясным, что Наполеон не собирается разграничивать сферы влияния на Ближнем Востоке и выполнять свое обещание не препятствовать переходу дунайских княжеств — Молдавии и Валахии — к России.

К двум указанным причинам острых разногласий к 1810—1811 гг: давно уже прибавилась и третья — экономическая, связанная с невозможностью для России выносить наложенное на нее в Тильзите ярмо континентальной блокады.

Беспрецедентное расширение наполеоновской империи вызывало все большую тревогу в Петербурге. В июле 1810 г. к Франции было присоединено Голландское королевство, в декабре — швейцарская территория Валлис, а в феврале 1811 г. — герцогство Ольденбургское. Почти одновременно лишились своей независимости и три ганзейских города — Гамбург, Бремен и Любек. Франция становилась балтийской державой. Все эти завоевания создавали непосредственную угрозу России.

Грядущая война ни по своим масштабам, ни по количеству участников и привлекаемых сил и средств, ни по преследуемым целям не могла идти ни в какое сравнение с ведущимися Русско-персидской, Русско-турецкой и завершившейся Русско-шведской войнами. Обеспечение русской армии разведывательной информацией о потенциальном противнике стало настоятельно необходимым.

Единая централизованная структура военной разведки в армии впервые возникла в России именно вследствие нарастания военной угрозы, вызванной проведенными Францией с 1799 г. войнами, значительно расширившими территорию Французской империи и поставившими в зависимость от нее большинство государств Западной и Центральной Европы.

Первые энергичные шаги в направлении регулярного поступления разведывательной информации из-за рубежа были предприняты военным министром А.А. Аракчеевым⁷ (13.01.1808 г. — 01.01.1810 г.). В начале 1808 г. по требованию военного министра А.А. Аракчева был переведен в Министерство иностранных дел *«с оставлением в звании генерал-лейтенант»* Х.А. Ливен⁸, позже в МИД были назначены на тех же основаниях генерал-лейтенант П.А. Шувалов⁹ и генерал-майор Н.Г. Репнин¹⁰, которые сразу же были откомандированы на должности послов и посланников в западноевропейские страны — в Берлин, Вену и Мадрид соответственно. В конце 1809 г. послом в Швецию был назначен бывший генерал-

квартирмейстер Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части генерал П.К. Сухтелен. Подобные назначения были далеко не случайны и, безусловно, способствовали организации сбора разведывательной информации о вооруженных силах Франции и стран-сателлитов. К этому времени с 1802 г. на посту чрезвычайного посланника и полномочного министра в Дрездене (Саксония) находился генерал-лейтенант В.В. Ханыков¹¹.

Еще до назначения Аракчеева министром со специальной разведывательной миссией во Францию выехал генерал-майор П.М. Волконский¹², боевой офицер, в 1805 г. занимавший должность дежурного генерала и генерал-квартирмейстера вспомогательного корпуса графа Буксгевдена. После Тильзитского свидания монархов (13 июня 1807 г.) он был представлен Наполеону и получил приказание отправиться во Францию для изучения французской армии и устройства французского Генерального штаба. Пользуясь расположением Наполеона, Волконский сопровождал его на все маневры и смотры французской армии. В 1809 г., когда началась Франко-австрийская война, Наполеон предложил Волконскому сопровождать его в походе. Последний «не счел это для себя удобным» и в 1810 г. возвратился в Санкт-Петербург с Отчетом. Александр I остался очень доволен проделанной работой и назначил его генерал-квартирмейстером Свиты Е.И.В. вместо отправленного послом в Швецию Сухтелена. 26 ноября 1810 г. князь П.М. Волконский организовал Канцелярию управляющего квартирмейстерской частью Свиты Е.И.В. (просуществовала в «урезанном» виде до 28 марта 1832 г.).

Канцелярия состояла из четырех отделений (первое — «письменных дел» — осуществляло текущую переписку и составляло приказы по квартирмейстерской части; второе — топографическое — занималось производством военных съемок и черчением планов; третье — маршрутное — ведало устройством военных дорог, расположением войск по квартирам и лагерям; четвертое — казначейское). Но ни на одно из них не возлагались задачи сбора военно-статистических сведений о неприятеле и о театре военных действий.

Вновь созданное учреждение было призвано координировать деятельность квартирмейстерских офицеров, нацеливая их прежде всего на топографическое изучение сопредельных государств. В 1811 г. под общим управлением П.М. Волконского были разработаны и изданы «Руководство к направлению службы чиновником дивизионного генерал-штаба» и специальное положение — «О должности офицеров квартирмейстерской части, находящихся при корпусах и дивизиях в

мирное время». В «Руководстве» указывались обязанности офицеров квартирмейстерской части и требования, предъявляемые к ним. При каждой пехотной дивизии полагалось иметь одного штаб-офицера и двух обер-офицеров из чинов квартирмейстерской части, причем штаб-офицер назывался «начальником генерал-штаба дивизии» и заведовал всем тем, что относилось к движению, расположению и действиям войск. В «Руководстве» излагались также правила составления диспозиции (боевого порядка), ведения исторического журнала, секретной переписки и донесений.

Ни на Канцелярию, ни на чины офицеров квартирмейстерской части при корпусах и дивизиях организация и сбор разведывательной информации не возлагались. Подобного органа не существовало и во французской армии, опыт устройства Генерального штаба которой Волконский пытался перенести на русскую почву. На своем посту Волконский сделал много: он принял все меры для составления карты России; образовал «депо карт» всех иностранных государств; основал училище колонновожатых и заложил основу создания библиотеки Главного штаба, пожертвовав 500 книг.

Новая страница в активной подготовке русской армии к возможной войне с Францией была открыта генералом от инfanterии Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли, талантливым военачальником, военным министром (20.01.1810 г. — 24.08. 1812 г.).

Анализ Барклаем качества донесений глав дипломатических миссий России привел к неутешительному выводу: эти донесения «недостаточно обращали внимания на все относившееся до военных приготовлений в Европе» (Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива (далее: ВУА). Т. I. Ч. I. СПб., 1900. С. 247). Те же сведения, «которые доходили дипломатическим путем до канцлера Румянцева, не всегда сообщались военному министерству». «Я должен по истине признаться, — писал военный министр о качестве разведывательных сведений о Франции и завоеванных ею странах графу Ливену, посланнику России в Пруссии, — что департамент военный в сих сокровищах весьма скучен» (там же. С. 88).

В интересах добывания разведывательных сведений военного характера Барклай-де-Толли «с высочайшего Государя Императора соизволения» впервые от имени военного ведомства поставил конкретные разведывательные задачи послам в целом ряде западноевропейских стран. 26 августа 1810 г. Барклай-де-

Толли в письме к посланнику России в Пруссии графу Х. А. Ливену «*с твердым упновием на достоинства вашего сиятельства и готовность соучаствовать в пользу службы*» дал развернутый перечень разведывательных сведений, подлежащий добыванию (там же. С. 86). В частности, исходя из посылки, что «*Пруссия и ее соседние державы* (в том числе Франция. — Примеч. авт.) *в взаимных между собою отношениях заключают все виды нашего внимания*», военный министр выразил интерес своего ведомства в добывании разведывательных данных «*о числе войск, особенно в каждой державе, об устройстве, образовании и вооружении их и расположении по квартирам... о состоянии крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск*». Ставилась также задача «*закупать издаваемые в стране карты и сочинения в военной области*». «*Сколько же на то потребно будет суммы, — писал Барклай-де-Толли, — я не премину своевременно высыпал*».

Интересы М.Б. Барклая-де-Толли включали и другие составляющие военной мощи и военного потенциала иностранных государств. Так, он указывал, что «*не менее еще желательно достаточное иметь известие о числе, благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках сей империи или средствах к продолжению войны...*». В обращении к российскому посланнику Барклай-де-Толли подчеркивал, что «*настоящее ваше пребывание открывает удобный случай доставать секретные сочинения и планы*».

С просьбой содействовать в добывании разведывательных сведений Барклай-де-Толли обратился в течение второй половины 1810 г. к главам дипломатических представительств в Австрии — графу П.А. Шувалову, в Саксонии — генерал-лейтенанту В.В. Ханыкову, в Баварии — князю И.И. Барятинскому¹³, в Швеции — П.К. фон-Сухтелену и во Франции — князю А.Б. Куракину¹⁴ (с октября 1807 г. — по октябрь 1808 г. послом во Франции был генерал-лейтенант П.А. Толстой¹⁵).

Уже с осени 1810 г. количество и, главное, качество докладов послов и посланников о состоянии вооруженных сил Франции и ее союзников существенно возрастает. Вот лишь некоторые названия материалов, направляемых с мест в Петербург. В 1811 г. из Берлина от графа Ливена были получены, в том числе: «*Сведения о составе армии маршала Даву, численности гарнизона в крепостях по р. Одер и о заготовках провианта*» от 26 января; «*Известия об иностранных армиях и о герцогстве Варшавском*» от 23 мая. В этом же году от генерал-лейтенанта Ханыкова из

Дрездена поступили среди прочих донесений «*Приготовление к войне в Германии*» от 31 июня; «*Ведомости о состоянии саксонской армии*» от 19 июля.

Особенно необходимо отметить посла в Пруссии генерал-лейтенанта Х.А. Ливена. Наряду с передаваемыми им важными сведениями военного характера именно по его инициативе на основе записки «Об устройстве системы военных лазутчиков» было положено начало созданию агентурной сети в этой стране и выделено 10 тыс. прусских талеров.

При деятельном участии генерала Ливена удалось создать, используя настроения, направленные против Наполеона, довольно многочисленную сеть добровольной агентуры в Пруссии, которой руководил из Праги бывший прусский министр полиции Юстус Грунер (1777—1820). С 1809 г. Грунер занимал пост полицай-президента в Берлине, в 1811—1812 гг. являлся начальником прусской полиции. В марте 1812 г., после заключения франко-прусского соглашения, он вышел в отставку и уехал в Прагу, где на австрийской территории занимался вербовкой волонтеров для Немецко-русского легиона и руководил сетью добровольной агентуры в Пруссии (из более чем 40 «корреспондентов», которые собирали сведения о французской армии и возбуждали антибонапартистские настроения в немецком обществе). Грунер получал финансовую поддержку от русских властей. Донесения в Россию он посыпал через г. Радзивиллов в виде бюллетеней, написанных особого рода чернилами. В августе 1812 г. по настоянию французов Грунер был арестован австрийской полицией и до осени 1813 г. содержался в крепости Пстервардейн.

Активно действовали под руководством Ливена и русские консулы в Пруссии И.И. Фациус, А.Ф. Трефурт и Трептовитус (*Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г.* М., 2005. С. 54—55).

По предложению Барклая-де-Толли при Военном министерстве был создан специальный орган, занимавшийся организацией и руководством деятельностью военной разведки как за границей, так и в стране. С 28 августа 1810 г. по 26 января 1812 г. он существовал под названием «Экспедиция секретных дел при военном министерстве» (дается по дате назначения директора Экспедиции). «Канцелярия управляющего квартирмейстерской частью свиты Е.И.В.» не стала таким органом, и вакуум был заполнен Барклаем, впервые создавшим разведывательное учреждение. Штат Экспедиции секретных дел состоял из правителя, четырех экспедиторов и переводчика (Приложение № 1). Экспедиция подчинялась непосредственно только военному министру, результаты ее деятельности не включались в ежегод-

ный министерский отчет, а круг обязанностей его сотрудников определялся особо установленными правилами. Данный орган занимался не только организацией разведки, но и всеми вопросами, которые, с точки зрения военного министра, были особо секретными, т.е. обобщением и анализом поступающей разведывательной информации, выработкой рекомендаций для составления военных планов и осуществлением секретных подготовительных мероприятий, в частности переслокацией воинских частей на границе.

Первым руководителем Экспедиция секретных дел стал доверенный сотрудник Военного министра флигель-адъютант полковник Алексей Васильевич Восиков¹⁶ (с 28 августа 1810 г.). Свою карьеру после окончания с отличием Московского университетского пансиона он начинал ординарцем у А.В. Суворова. Затем был адъютантом у ряда русских генералов, а в 1809 г. в Финляндии был отмечен М.Б. Барклаем-де-Толли за проявленную храбрость в боях со шведами (особенно во время перехода через залив Кварксн) и уже сложившиеся навыки штабной работы. Собственно, дальнейший рост и перевод в Военное министерство были обусловлены возвышением Барклая и его личной благосклонностью к своему адъютанту. Воейков сумел проявить именно те качества, которые особенно ценил военный министр, в силу этого и был назначен правителем Экспедиции секретных дел.

27 января 1812 г. была введена новая организация Военного министерства (Приложение № 2). Согласно новой структуре в составе Военного министерства помимо семи департаментов были созданы «особенные установления» в числе Военного ученого комитета, Военного топографического бюро, Типографии и Особенной канцелярии при военном министре (Полное собрание сочинений Российской империи с 1649 г. (далее: ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 32. № 24971. СПб., 1830). В части последнего органа было отмечено следующее: «Состав и предметы Особенной канцелярии, собственно при Военном Министре полагаемой, определены правилами, особо для оной утвержденными». Особенная канцелярия (бывшая Экспедиция секретных дел при Военном министерстве) отвечала за сбор за рубежом разведывательной информации, ее анализ, обобщение и доклад военному министру, а также за выработку инструкций для направляемых за границу разведчиков. Вне Военного министерства оказалась Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части. Штат Особенной канцелярии был не многочисленен: директор, три экспедитора и один переводчик. Для сравнения укажем, что штат Особенной канцелярии Ми-

нистерства полиции состоял в то время из 14 человск, не считая чиновников для особых поручений. Особенная канцелярия занималась «всеми вопросами, которые с точки зрения военного министра были особо секретными, т.е. проведением разведки, обобщением и анализом поступающей разведывательной информации, выработкой рекомендаций для составления военных планов и осуществлением секретных подготовительных мероприятий, в частности передислокацией воинских частей на границе» (Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 552. Л. 1—7об.).

Директором Особенной канцелярии был оставлен полковник Алексей Васильевич Войков. Казалось, ничто не предвещало скорой смены руководства. Но, как выяснилось, Войков был близко знаком с М.Л. Магницким (вместе учились в пансионате), а уже через своего приятеля с М.М. Сперанским. Именно эта личная связь стала причиной, из-за которой никому не доверявший Александр I после ссылки Сперанского и Магницкого решил впоследствии убрать Войкова с такой важной должности. Делами разведки должен был руководить человек вне всяких подозрений и не обремененный знакомством с лицами, подозреваемыми в неблагонадежности.

19 марта 1812 г. неожиданно для Войкова император назначил его командиром егерской бригады еще формируемой 27-й пехотной дивизии. Внешне для окружающих это выглядело повышением — занял генеральскую должность, но по сути это было явное понижение. Так падение некогда царского любимца Сперанского «опалило» блестящего офицера (реформаторская деятельность Сперанского вызвала недовольство окружения Александра, которое третировало его как высокочку, обвиняло в государственной измене и добилось его падения — в 1812 г. он был сослан в Нижний Новгород). И хотя Войков за Бородинское сражение получил чин генерал-майора, дальше продвинуться по служебной лестнице он уже не мог, и в 1815 г. вышел в отставку (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 66—70*).

21 марта 1812 г. пост директора уже Особенной канцелярии занял полковник Арсентий Андреевич Закревский¹⁷, бывший адъютант одного из талантливых русских генералов, умершего незадолго до этого Н.М. Каменского. Под руководством Каменского, в прошлом наравне с Багратионом¹⁸ любимца Суворова, Закревский прошел хорошую боевую школу в последних войнах России с Францией, Швецией и Турцией и зарекомендовал себя как отличный штабной офицер. Именно он возглавил сотрудников Особенной канцелярии во время боевых действий, поскольку

всё находились при Барклайе в 1-й Западной армии до оставления Москвы и выполняли свои обязанности в полевых условиях.

Фактически заместителем директора Экспедиции секретных дел (Особенной канцелярии) с 1810 по 1812 г. был подполковник квартирмейстерской части Петр Андреевич Чуйкович¹⁹. Собственно, с апреля 1811 г., когда Воейков получил дополнительное назначение состоять редактором «комиссии по составлению военных уставов и уложений», он стал выполнять большую часть обязанностей своего начальника. Военный писатель и один из образованнейших офицеров русской армии П.А. Чуйкович был также замечен Барклаем благодаря опубликованным книгам «Подвиги казаков в Пруссии» и «Стратегические размышления о первых действиях россиян за Дунаем». В 1810 г. Военный министр вернулся из отставки, и с этого момента Чуйкович как экспедитор 1-го стола Экспедиции секретных дел начал заниматься обобщением и анализом всей поступающей разведывательной информации. Все донесения, поступавшие из-за рубежа в Особенную канцелярию, собирались в сброшюрованные книги, и на их основе проводился подсчет военных сил, которые могли принять участие в кампании против России. В январе 1812 г. Чуйкович составил дислокацию французских частей, которая постоянно обновлялась. По этой карте военный министр и император Александр I следили за передвижениями французских корпусов. В русских штабах численность французских сил определялась в 400—500 тыс. человек. Французские историки определили первый эшелон войск в 450 тыс. человек.

В начале июня 1812 г. по устному приказанию военного министра Чуйкович был направлен с письмом к маршалу Даву. Поездка преследовала разведывательные цели. Пересечь границу в районе Ковно подполковнику квартирмейстерской части не удалось. Таможенные чиновники Варшавского княжества сообщили, что получили строгое указание пропускать через границу только тех лиц, которые имеют в паспортах подписи министра внешних сношений Франции герцога Бассано или французского посла Лористона. Тогда Чуйкович отправился к прусской границе, которую спокойно пересек. 5 июня он прибыл в Тильзит и был представлен командующему авангардом прусского корпуса генерал-майору Массенбаху, который узнав, куда направляется подполковник, предложил передать письмо ему и вернуться обратно. Однако Чуйкович не внял предложению генерала и настаивал на том, что имеет приказ вручить депешу лично в руки маршала. Для окончательного решения вопроса прусский генерал отправил Чуй-

кевича в сопровождении своего адъютанта к вышестоящему начальству. Однако, так как и в вышестоящем штабе «не знали» о местонахождении маршала Даву, Чуйкович опять-таки с сопровождающим был препровожден в штаб маршала Макдональда. Здесь продолжали уверять, что не ведают, где находится Даву, а вероятнее всего, не хотели раскрывать место дислокации штаба маршала. На сей раз Чуйкович вынужден был передать Макдональду под расписку письмо, адресованное маршалу Даву. Находясь на территории, занятой войсками потенциального противника, Чуйкович лично проводил наблюдение за дислокацией и перемещением войск, организаций их снабжения, расположением штабов. О своих наблюдениях, а также о настроениях, царивших в войсках, и о личных качествах командного состава, с которым пришлось столкнуться, Чуйкович доложил Барклаю немедленно по возвращении в Вильно.

Во время своей недолгой поездки Чуйкович познакомился с людьми, которые могли бы быть использованы, по его мнению, для расширения агентурной сети в Пруссии с учетом уже имевшейся агентуры. Предложения Чуйковича были доложены военным министром Александру I и получили «высочайшее соизволение». В связи с этим подполковником квартирмейстерской части были представлены на имя Барклая следующие предложения:

«Вследствие Высочайшей воли, объявленной мне вашим высокопревосходительством, относительно приведения в действие предположения моего учредить в Тильзите постоянное шпионство, имею честь изложить мое мнение: Поручить исполнение сего на месте кому-либо другому кроме меня представляет затруднение.

Один только случай, приведший меня в Тильзит, ознакомил меня с некоторыми людьми, которые привержены России и ненавидят французов. Для исполнения сего поручения, по возможности, нужно послать меня через Тильзит в главную квартиру маршала Макдональда с письмом вашего высокопревосходительства будет довольно благовидной причиной, пристойной для главнокомандующего Российской армии и даст мне случай побывать в Тильзите...

В Шмеленникене доставлю я Бергману подарок Его Императорскому Величеству и с ним положу меры, с какими людьми можно мне иметь свидание в Тильзите, которые будут пересыпать ему известия, а он уже будет сообщать их в нашу границу к графу Витгенштейну (командующий 1-м пехотным корпусом. — Примеч. авт.), как и до сего делал.

Уверен будучи в приверженности господина Гейнца к России и особенно к особе Государя Императора, мне легко будет в доме его иметь тайным образом свидания с людьми, которых мне назначит Бергман или с неким Гиртом, служившим берегитором в Лейб-Кирасирском Ее Величества полку при генерал-майоре Есипове, который вышел из нашей службы на свою родину, предан России и по теперешним обстоятельствам жалеет, что ее оставил. Сей человек, которого я видел у Гейнца, проверен, сметлив и способен для употребления в подобных случаях, сверх того показался же он мне любящим несколько деньги...

На случай задобрения некоторых людей в Тильзите, как равномерно и другие дорожные издержки, покорнейше прошу приказать отпустить 200 червонцев» (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 67).

Начало боевых действий не дало возможности осуществить эти планы.

Остальной штат Особенной канцелярии состоял из гражданских лиц, но также был подобран самим Барклаем из образованных молодых людей, хорошо знавших иностранные языки. В 1810 г. туда были взяты два молодых чиновника из секретной канцелярии Министерства иностранных дел, как и Чуйкович, имевшие пристрастия к литературным и научным сочинениям: Александр Леонтьевич Майер, сын близкого знакомого военного министра в молодости и родной племянник полководца — Андрей Иванович Барклай-де-Толли — сын инженер-генерал-майора И.Б. Барклая-де-Толли. Чуть позже на службу в канцелярию поступил третий молодой человек — Николай Гаврилович Кириллин, предоставивший «аттестат, писанный на иностранном диалекте» (там же. С. 68).

Во время войны все чиновники Экспедиции секретных дел (Особенной канцелярии), помимо своих обязанностей, выполняли самые разные поручения. На этот период Особенная канцелярия превратилась по существу в часть собственной канцелярии Главнокомандующего 1-й Западной армии. Закревский в большей степени был занят исполнением обязанностей старшего адъютанта Барклая. Чуйкович был назначен 6 июля 1812 г. обер-квартирмейстером корпуса М.И. Платова. А. Майер и А. Барклай-де-Толли дополнительно выполняли функции дипломатических чиновников при армии, причем последний в августе 1812 г. был командирован с депешами к царю, а затем обратно в Главную квартиру русской армии. Н.Г. Кириллин «сверх занимаемой должности исправлял таковую же по собственной канцелярии главнокомандующего». Вероятнее всего, во избежание дублирования функций Особенной канцелярии и Высшей воинской полиции

Барклай во время войны переместил центр тяжести с разведывательной работы на выполнение других секретных поручений.

Сотрудники Особенной канцелярии находились в армии до середины сентября 1812 г. и были отозваны в Петербург в связи с увольнением Барклая с должности военного министра. Их деятельность была высоко оценена. Никого не обошли в наградах. Закревский был назначен флигель-адъютантом, за Бородино награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. 1812 г. стал началом его блестящей карьеры. В январе 1812 г. он был майором, а 15 сентября произведен в генерал-майоры. В дальнейшем он попал в когорту генералитета, занимавшего важные военно-административные посты в государстве. Чуйкович также был награжден за Бородино орденом Св. Владимира 3-й степени и произведен в полковники, а с 1813 г. по 1815 г. был директором Особенной канцелярии. Все три гражданских чиновника (А. Барклай-де-Толли, А. Майер, Н. Кириллин) были награждены орденами Св. Владимира 4-й степени. М.Б. Барклай-де-Толли в реляции на них написал следующее: «...трудами и усердием своим еще до открытия войны имели особое участие в делах собственно до военных приготовлений относящихся. В продолжение же кампании 1812 г. находились безотлучно при мне на всех походах, следовали за мной на поля сражений и все данные им поручения выполняли с отличием и успехом» (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 66—70),

Об Экспедиции (Особенной канцелярии) не было известно практически никому из современников. Поэтому и в мемуарах об эпохе 1812 г. она не упоминается.

Образование первого центрального органа военной разведки повлекло за собой создание зарубежных сил на постоянной основе и тоже впервые. Летом 1810 г. Барклай-де-Толли в докладе Александру I выдвинул программу организации деятельности военной разведки за границей и просил разрешить направить к русским посольствам «военных чиновников» (Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. ВУА. Д. 417. Л. 189об-202). Запрос Барклая был вскоре удовлетворен.

В этой связи для центрального органа военной разведки впервые начали создаваться регулярные зарубежные силы. В посольства и миссии, где главами состояли «послы военных генеральных чинов», были направлены для разведывательной работы офицеры в официальном качестве адъютантов таких послов-генералов. Харьковского драгунского полка майор В.А. Прендель²⁰ был назначен

адъютантом к генерал-лейтенанту Ханыкову, посланнику в Саксонии (в Дрездене), «дабы скрыты были его занятия, по примеру, как все наши послы военных генеральских чинов гр. Ливен, гр. Шувалов и кн. Репнин имеют уже таковых при себе» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. I. Ч. I. С. 109). При генерал-майоре Репнине — посланнике в Испании, генерал-лейтенанте Ливене — после в Берлине и генерал-лейтенанте Шувалове — посланнике в Вене с 1810 г. состояли адъютантами соответственно поручик П.И. Брозин²¹, подполковник Р.Е. Ренни²² и полковник Ф.Т. Тейль фон Сераскеркен²³. Не исключено, что подготовка к их направлению за границу была начата еще при Аракчееве. В 1811 г. Ренни на посту адъютанта посла в Берлине генерал-лейтенанта Х.А. Ливена заменил поручик Г.Ф. Орлов²⁴.

В сентябре 1810 г. в Мюнхен «в звании канцелярского при миссии служителя с ношением употребительного мундира» был определен артиллерии поручик П.Х. Граббес²⁵, которого можно ныне рассматривать как первого военного разведчика, действовавшего под официальным прикрытием гражданской должности в российском посольстве за рубежом (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. I. Ч. I. С. 92). Отобранные кандидаты для ведения разведки за рубежом имели военное образование, были энергичными людьми, владели иностранными языками и в большинстве своем были знакомы с местными условиями и национальными особенностями населения.

Для разведки Франции использовались и позиции личного адъютанта Александра I при Наполеоне полковника А.И. Чернышева²⁶, находившегося в распоряжении французского императора с февраля 1810 г.

Кандидатуры на должности адъютантов «послов военных генеральских чинов» подбирались весьма тщательно. Представители богатых дворянских семей офицеры Александр Иванович Чернышев, Григорий Федорович Орлов и сын генерала Павел Иванович Брозин получили прекрасное домашнее воспитание, знали иностранные языки, были участниками военных кампаний. Среди них были и офицеры нерусского происхождения, которые не только имели боевой опыт, владели иностранными языками, но и знали реалии жизни в Европе. Потомок бедного немецкого дворянина Павел Христианович Граббе окончил кадетский корпус, воевал в конной артиллерии генерала А.П. Ермолова. Двух полковников квартирмейстерской части — голландского уроженца Федора Васильевича Тейля фон Сераскеркена и потомка шотландского переселенца из Прибалтики Роберта

Егоровича Ренни — очень ценили и относили к «числу храбрых, распорядительных и точных высших офицеров».

Необычную, как отмечает В.М. Безотосный, авантюрную судьбу имел самый старший из отправленных за границу с разведывательными целями — 46-летний тиролец Виктор Антонович Пренделль. В раннем возрасте за активную вооруженную борьбу против Французской революции он был приговорен Конвентом к гильотинированию, но ему удалось бежать из тюрьмы. Уже находясь на австрийской военной службе, в 1799 г. он сражался под руководством А.В. Суворова и командовал казачьим летучим отрядом. Это решило его судьбу, он окончательно перешел на русскую военную службу и в дальнейшем использовался для выполнения секретных заданий генералов М.И. Кутузова, И.Н. Эссена, Д.С. Дохтурова и самого российского императора. Не случайно Барклай в письме русскому посланнику в Саксонии генерал-лейтенанту В.В. Ханыкову дал Виктору Антоновичу весьма лестную характеристику: «Я рекомендую... майора Пренделля как надежного, опытного и усердного чиновника. На которого положиться можно. Он от многих наших генералов употреблен был с похвалой» (Безотосный Виктор. Секретная экспедиция // Родина. 1992. № 6—7. С. 22—25).

Для каждого из направляемых за границу в качестве адъютантов офицеров разрабатывалась персональная инструкция, сформулированная в русле общих требований. В частности, майору Пренделю предписывалось проявить «неусыпное старание» и «приобрести точные статистические и физические познания о состоянии Саксонского королевства и Варшавского герцогства, обращая наибольшее внимание на военное состояние».

С поставленной перед ними задачей адъютанты «послов военных генеральских чинов» справились успешно. Вот немногие из заголовков донесений, полученных от них, в 1811 г.: «Известия из Варшавского герцогства, Вестфалии, Северной Германии, Сербии и Австрии» от 18 марта, «С известиями из Богемии, Венгрии и Австрии и с отчетами о путешествии» от 6 апреля (майор Прендель); «Сведения о войсках Рейнского союза и с известиями из Баварии» от 26 марта, «Сведения о некоторых заграничных крепостях» от 8 апреля (поручик Граббе); «Сведения из Австрии, политические соображения касательно предстоящей войны» от 10 сентября (Тейль фон Сераскеркен). И так в течение почти двух лет, давая полную картину о состоянии Великой армии. О наличии у адъютантов

российских послов агентуры свидетельствует «Просьба о назначении Германа тайным агентом», поступившая от полковника Тейля фон Сераскеркена в сентябре 1811 г.

Вместе с тем, предвидя скорое начало боевых действий, посланные за границу офицеры-разведчики излишне заблаговременно — в декабре 1811 г. — январе 1812 г. — были отзваны на родину и вернулись в свои части, в том числе и поручик Граббе (одному лишь А.И. Чернышеву пришлось уезжать позже и в связи с другими обстоятельствами). Необходимость такого шага можно было бы объяснить только разрывом дипломатических отношений России со странами пребывания, хотя это было далеко не везде (сохранились дипломатические отношения с Пруссией и Австрией). Здесь сказалась недооценка самим Барклаем важности агентурной работы не только в мирное, но и в военное время.

Любопытен и показателен факт, касавшийся отношения высшей власти к судьбам военных разведчиков. 12 декабря 1811 г. майор Прендель был отзван из Саксонии и направлен в распоряжение командующего 2-й Западной армией генерала П.И. Багратиона. В начале января Багратион, отправляя жену к родственникам за границу, назначил в качестве сопровождавшего Пренделя, в связи с тем, что *«последний хорошо знает тамошние условия»*. Этот, казалось бы, незначительный случай уже 20 января 1812 г. послужил основанием для выяснения обстоятельств данной командировки в связи с недовольством, высказанным через военного министра Александром I Багратиону. Российский император, совершенно обоснованно рассудил, что Багратион, посылая недавно отзванного Пренделя за границу, подвергал тем самым жизнь майора опасности.

Все офицеры, направленные за границу в 1810 г. с разведывательными целями, дослужились до генеральских чинов (за исключением молодого Г.Ф. Орлова, в 22 года потерявшего ногу при Бородино и вышедшего в отставку полковником). П.Х. Граббе был произведен в генералы от кавалерии и генерал-адъютанты, был кавалером всех высших российских орденов, включая Св. апостола Андрея Первозванного, и стал членом Государственного совета. А.И. Чернышев в царствование Николая I фактически стал вторым лицом в империи, являясь генерал-адъютантом, генералом от кавалерии, военным министром, председателем Государственного совета и Комитета министров. А.И. Чернышев, как и П.Х. Граббе, был удостоен всех высших орденов Российской империи.

1.2. «Наш» человек в Париже

Анализ поступавшей в 1810—1812 гг. разведывательной информации показывает, что самые важные и ценные сведения отправлял из Парижа полковник А.И. Чернышев. Первоначально его предусматривалось прикомандировать к посольству России в Париже. Однако подобное назначение не состоялось. 17 сентября 1810 г. канцлер Н.П. Румянцев информировал Барклая о том, что, невзирая на предложения военного министра, «нет надобности состоять ему (Чернышеву. — Примеч. авт.) под начальством посла, а лучше оставить его в том же самом положении, в каковом он ныне в Париже находится, на что, как известно мне, и Его Величеству угодно будет изъявить свое соизволение» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. I. Часть II. С. 245). Так Чернышев остался адъютантом Александра при Наполеоне, в распоряжении которого, как уже отмечалось, он находился с февраля 1810 г.

Знакомство Чернышева с Наполеоном состоялось еще в начале 1808 г. — в период сближения России с Францией, — когда молодому полковнику было поручено доставить в Париж послу графу Толстому пакет с письмом Наполеону. На встречу с французским императором посол взял с собой молодого курьера. Увидев на груди русского офицера боевые ордена, Наполеон поинтересовался, где он их заслужил. Завязался разговор о сражениях при Аустерлице и Фридланде, где французские войска нанесли поражения соединенным армиям России и Австрии. Смелость и уверенность Чернышева понравились французскому императору. Русский офицер, не смущаясь, спорил, порою опровергал доводы великого полководца. Спустя месяц Александр вторично направил Чернышева с письмом, которое предстояло, на сей раз, вручить лично Наполеону. В апреле 1809 г. Чернышев, которого друзья, шутя, называли «вечным почтальоном», в очередной раз отправился с письмом Александра к Наполеону. Одновременно его обязали находиться при Наполеоне во время боевых действий французов против австрийцев и информировать Петербург о ходе сражений. Донесения, которые посыпал в Петербург Чернышев, убедили Александра, что молодой человек не только ловкий и расторопный офицер, но и незаурядный аналитик и тонкий наблюдатель.

В августе 1809 г. Чернышев был направлен с письмами Александра к Наполеону и австрийскому императору Францу. Миссия достаточно деликатная, учитывая, что союзница России Франция еще находилась в состоянии войны с Австрией.

Русский флигель-адъютант с блеском выполнил и эту миссию. В своем письме канцлеру Н.П. Румянцеву, помимо изложения беседы с австрийским императором, Чернышев представил собранную им информацию о перспективах заключения франко-австрийского мирного договора.

Перечень разведывательных задач, подлежащих освещению за подписью Барклая, был передан Чернышеву князем Александром Борисовичем Куракиным, послом России в Париже, летом 1810 г. и повторял задачи, поставленные «послам генеральских званий». Документ заканчивался следующим указанием военного министра, чтобы «все сношения ваши со мною были в непроницаемой тайне, то для вернейшего ко мне доставления всех сведений обязаны вы испрашивывать в том посредства г. посла, которого я также особенным отношением о сем прошу». Чаще всего Чернышев направлял разведывательные сведения через посольство; реже пользовался оказисом или доставлял собственноручно. Адресатами Чернышева были российский император, министр иностранных дел (Н.П. Румянцев) и военный министр. Адресат определял характер передаваемых сведений: информация Александру и Румянцеву чаще носила политический характер, а Баркланде-Толли — военный.

Уже в начале августа от него поступили первые, интересовавшие военное ведомство, сведения. Источники разведывательной информации Чернышева были многообразны. В первую очередь сам Наполеон. За время пребывания в качестве адъютанта российского императора при французском императоре Чернышев трижды доставлял письма Александра Наполеону и трижды привозил в Санкт-Петербург корреспонденцию из Парижа. В ходе многочасовых аудиенций, предоставляемых Чернышеву, французский император высказывался по поводу основных положений писем Александра, излагал и всесторонне комментировал содержание своих ответных посланий. Затем флигель-адъютант на многих десятках листов излагал императору России суть этих бесед.

Во время пребывания в Париже Чернышев завел широкий круг знакомств в придворных, правительственныех и военных кругах, чему в немалой степени способствовало благосклонное отношение Наполеона к русскому офицеру. Для него были открыты двери кабинетов многих сановников и видных государственных деятелей, в том числе Шампаньи, Бертье, Дюрока. Своим человеком Чернышев стал и у сестер Наполеона, королевы Неаполитанской и принцессы Полины Боргезе. Молва приписывала Чернышеву любовную связь с последней. Так узнавал он все

придворные тайны. В великосветских салонах Парижа о Чернышеве сложилось мнение как о покорителе женских сердец. «*Его прозвали “Северным Ловеласом”, но не потому, что у него было красивое лицо или вообще благородная внешность, а потому, что он обладал особенным шиком... оригинальными манерами в соединении с крайним изяществом. Его гибкая талия, плотно обтянутая узким мундиром, каска с пером, татарские глаза — все делало из него любопытный и самый пикантный тип в парижском обществе. Одним словом, по выражению Савари, Чернышев “сделался маленьким царьком среди Парижа”» (Исторический вестник. 1912. Декабрь. С. 1277).*

Еще большую известность приобрел он после печально знаменитого бала у австрийского посла князя К. Шварценберга, когда в разгар веселья загорелся танцевальный зал и в огне погибло много приглашенных. Чернышев бесстрашно бросался в огонь и спас жизнь женам маршала Нея, Дюрока и сенатора Богарне.

Чернышев близко знал французского маршала Бернадота. Поэтому, когда последний был избран шведским наследным принцем, Александр послал в Стокгольм именно Чернышева. Ему предстояло выяснить намерения Швеции. В ходе трех продолжительных бесед будущий король Карл XIV заверил русского посланника в том, что «*Швеция не двинется, в каких бы обстоятельствах ни находилась Россия, и ничего не делает, что “могло бы быть ей неприятно”*» (Сборник императорского русского исторического общества. Т. 122. СПб., 1905. С. 22).

Расставаясь с адъютантом императора, наследный принц вручил ему два письма — одно к Наполеону, другое — к принцессе Боргезе. Чернышеву удалось снять копии этих писем. Свою инициативу он объяснил предположением, что государю будет очень интересно узнать их содержание.

В феврале 1812 г. в Петербурге было подписано секретное соглашение, согласно которому в обмен на признание прав Швеции на Норвегию сами шведы подтверждали права России на Финляндию и Аландские острова.

Диапазон добываемой Чернышевым информации, в том числе и секретной, был чрезвычайно широк. Так, ему удалось получить ряд документов из секретного архива министерства внешних сношений Франции, в том числе донесение императору Наполеону о «*политическом положении Пруссии*».

В своей переписке, ссылаясь на отсутствие «знаков тайнотисии», адъютант русского императора чаще всего не раскрывал своих источников информации и называл их «одно лицо», «г-жа Д», «лица, которые удостаивают меня от-

кровенности». Однако кое-где в переписке проскальзывали должности и имена конфидентов. Это — посланники Пруссии и Рейнского союза (существовавшего в 1806—1813 гг. объединения 36 германских государств под протекторатом Франции) и, конечно, Талейран²⁷. В одном из донесений Чернышев прямо говорил, что был у Талейрана, передал ему письмо государя и долго беседовал с ним, причем «князь Беневентский» проявил себя настоящим другом России.

Секретарь топографической канцелярии Наполеона полковник Альбэ представил возможность Чернышеву снять копии с топографических карт целого ряда городов и их окрестностей, включая имевшиеся укрепления.

Адъютант Александра при Наполеоне внимательно следил за всеми изданиями по военному искусству и наставлениями для офицеров наполеоновской армии. Среди отправленных им в Россию публикаций были «Инструкция для офицеров-артиллеристов сухопутных войск», «Инструкция для офицеров полков легкой кавалерии», «История революционных войн», «История военной администрации». В поле зрения Чернышева находились и военно-технические изобретения французов. Он докладывал об изобретении новых ружейных замков без кремней и особого состава пороха. При этом он направил два образца замков и рецепт состава пороха. Уже 1 ноября 1810 г. военный министр предписал инспектору артиллерии барону Меллер-Закомельскому, чтобы «сделаны были тщательные опыты над сим изобретением». Не прошли мимо внимания Чернышева и поступившие в войска новые транспортные повозки. Переодевшись, он сумел проникнуть в часть, куда поступили первые образцы таких повозок, сделать их эскизы и снять основные характеристики.

Кроме лиц, от которых он получал информацию на доверительной основе, Чернышев завел и платную негласную (тайную) агентуру. С августа 1810 г. по февраль 1812 г. в адрес Барклая-де-Толли он регулярно направлял важные разведывательные сведения по преимуществу военного характера. Первого платного агента ему удалось привлечь к сотрудничеству уже в августе 1810 г. Посылая в начале сентября в Санкт-Петербург «Ведомость о составе и расположении французских войск к 10 сентября 1810 г.», Чернышев писал, что документ был добыт в результате трудных поисков и затраты денег. Далее он сообщал, что военный министр Франции для организации снабжения войск приказал издавать раз в десять дней ведомость с детальным расписанием боевого состава вооруженных сил империи в ограниченном количестве экземпляров и направлять ее начальникам

отделов министерства. Один из таких экземпляров был доставлен Чернышеву сентябрьским воскресеньем в 5 часов вечера служащим воинского министерства. Адъютант Александра немедленно приступил к копированию этого объемного документа — 58 листов, так как к 9 часам утра следующего дня секретные бумаги должны были быть возвращены на место.

Чернышев был прекрасно осведомлен о добывавшихся посольством разведывательных сведениях, так как в сопроводительном письме к «Ведомости» он отмечал: «...посольству только один раз удалось получить копию одной из таких ведомостей, и все это в самом начале моего пребывания в Париже». Далее добывание столь ценной информации на время прерывается — Чернышев с письмом Наполеона был отправлен в Россию и возвратился в Париж через Стокгольм только в декабре 1810 г. В феврале следующего года он докладывал Барклаю, что ценный агент в военном министерстве в его отсутствии «выгодно женится», в результате чего больше не нуждается в материальных средствах и отказывается говорить о продолжении сотрудничества. Несговорчивость бывшего агента объяснялась и тем, что была введена смертная казнь за разглашение секретных сведений. Ответственность же за секретность данных по составу и дислокации войск была возложена персонально на начальников отделов. Служащие министерства могли пользоваться ведомостями только в присутствии руководства. Казалось, доступ к информации был нагло закрыт. Однако Чернышев нашел выход. Вскоре он доносил Барклаю: «...Я уже нашел другого [служащего], пообещавшего мне в ближайшее время сводную таблицу со штатным расписанием вооруженных сил Французской империи. ...Я надеюсь также через пять-шесть недель получить точную таблицу всех войск Рейнской конфедерации и Польского княжества».

«Ближайшее время» наступило только через несколько месяцев. В конце апреля адъютант императора докладывал Барклаю, что снова располагает агентом в военном министерстве. В начале июня Чернышев направил в Санкт-Петербург «Сводную статистическую таблицу по всем странам Рейнской конфедерации с боевым расписанием членов конфедерации, а также состав и дислокацию датской армии», судя по всему, полученную им от нового агента. Одновременно Чернышев докладывал, что «сотрудник отдела по передвижению войск, служащий нашему посольству со времен миссии графа Маркова (А.И. Морков, посол во Франции в 1801—1803 гг. — Примеч. авт.), добыл очень ценные сведения». В этой связи в предыдущем письме Чернышев пояснял: «...я считаю своим долгом доводить до

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

сведения посольства требования, которые необходимо предъявлять к человеку, работающему... в одном из отделов военного министерства. Сведения, полученные от агента посольства, были действительно ценными. Они представляли собой подробные данные по составу и дислокации французской армии к 1 апреля 1811 г. на 58 листах.

В августе — начале сентября 1811 г. Чернышев привлек к сотрудничеству платного агента в Государственном совете Франции. Все это время он настойчиво искал «своего человека» среди служащих кабинета Генерального штаба, откуда исходили «самые секретные приказы». В течение 10 месяцев 1811 г. Чернышев заплатил агентуре восемь тысяч франков.

В июне 1811 г. Чернышев в письме императору Александру предложил сформировать в России немецкий легион. Эта идея независимо от Чернышева родилась и у советника посольства К.В. Нессельроде и после совместного обсуждения была окончательно сформулирована и изложена полковником Чернышевым. Основания для этого были весьма существенные: политику Наполеона отторгали все слои населения германских государств. Особенно ущемленным чувствовало себя германское дворянство. Не довольствуясь письмом, флигель-адъютант вступил в тайные сношения с австрийскими офицерами: генералом графом Вальмоденом и полковником Тетенборном. Они дали согласие поступить на службу в немецкий легион в случае его формирования и, более того, привлечь к службе в нем ряд австрийских офицеров. Предложение Чернышева было принято с некоторыми изменениями — с началом войны в Ревеле было начато формирование русско-немецкого легиона, командование которым было вверено графу Вальмодену.

От Чернышева поступала многоплановая и всесообщаемая информация. Во-первых, это были сведения, отражавшие каждодневную деятельность французской армии, состояние французского общества в целом и высшего света в частности, внутриполитическую обстановку в стране и внешнеполитические акции Франции. Во-вторых, это всесторонний анализ обстановки, блестящий прогноз, а также рекомендации и предложения, учет и реализация которых должны были, по мнению Чернышева, способствовать успеху русского оружия в предстоящей войне.

Чернышев еще в конце 1810 г. рассмотрел в Наполеоне завоевателя, который никогда не остановится на достигнутом. После продолжительной аудиенции у французского императора 23 декабря 1810 г. он доложил Александру: «*Осмеливаюсь сказать Вашему Величеству, что хотя речи императора наполнены миро-*

любием, все его действия совершенно несогласны с ними. Быстрота, с которой в продолжение шести месяцев совершено столько насильственных присоединений, предвещание, что за ними последуют другие захваты; деспотические и насильственные меры, которые употреблял Наполеон для увеличения своих войск, конскрипция нынешнего года, которую он возьмет, конечно, в полном числе, в чем никто не сомневается, видя, к каким коварным средствам он прибегает в этом случае, наконец, предположение учредить подвижную национальную гвардию более нежели в 300 000 человек, о чем уже идут рассуждения в совете... Все эти обстоятельства ставят все европейские державы в крайне тревожное положение в отношении империи Наполеона» (Военный сборник. 1902. № 3. С. 26).

«Взоры всех обращаются на Россию, — продолжал Чернышев, — это единственная держава, которая одна еще может не только не подчиниться тому рабству, от которого страдает остальная Европа, но даже положить предел тому разрушительному потоку...»

В этой ситуации Чернышев рекомендовал любой ценой заключить мир с турками. «Эта жертва, — объяснял он, — будет с избытком вознаграждена всеми выгодами, которые произойдут от грозного и внушительного положения, которое может тогда занять Россия, заставив уважать свою волю в мирное время, а в случае разрыва с Францией приобретая неоценимое преимущество — предупредить своего врага».

В мае 1812 г. в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор, положивший конец войне, затянувшейся с 1806 г. Стремясь развязать себе руки для предстоящей борьбы с Наполеоном, русское правительство, проявляя разумную уступчивость, согласилось очистить Молдавию и Валахию, уже несколько лет занятые русскими войсками. Оно ограничило лишь приобретением Бессарабии. Возвращены были Турции частично и области, завоеванные в Закавказье, а также г. Анапа на Черном море.

В своих корреспонденциях Чернышев давал и оценку высшему военному руководству Франции — маршалов империи. Вот отрывки двух из таких портретов:

«Удино, герцог Реджио. Отмечен во всей французской армии, как обладающий наиболее блестящей храбростью и личным мужеством, наиболее способный произвести порыв и породить энтузиазм в войсках, которые будут под его началом. Из всех маршалов Франции он один может быть употреблен с наибольшим успехом в тех случаях, когда нужно выполнить поручение, требующее точности

и неустрашимости... Его отличительные черты — это здравый смысл, большая откровенность, честность; друзья и недруги — все единогласно отдают ему в этом должное...»

«Лефевр, герцог Данцигский. Маршал Испании и сенатор. Не получил никакого воспитания; будучи глубоко невежественным человеком, имеет за собою только большой опыт, много мужества и неустрашимости. Неспособный действовать самостоятельно, он может, однако, успешно выполнять те операции, которые ему будут указаны. Маршалу Лефевру от 55 до 60 лет, но он еще очень свеж и очень крепкого здоровья».

Чернышеву удалось предугадать основные контуры стратегического замысла Наполеона, который окончательно был сформулирован французским императором только в мае—июне 1812 г. 8 (20) февраля он доложил в Петербург: «*Война неотвратима и не замедлит разразиться*» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XI. С. 67).

31 декабря 1811 г. он написал военному министру, что французский император поведет наступление тремя группами корпусов, то есть в трех стратегических направлениях. Не ошибся Чернышев и в определении направления главного удара французских войск, связав его с будущим местоположением штаб-квартиры Наполеона. Невозможно окончательно утверждать, докладывал он, 8 февраля 1812 г., куда направится Наполеон — в Варшаву или в Данциг. «*Различные сведения, — вместе с тем продолжал Чернышев, — позволяют предположить, что главный удар будет нанесен именно из последнего пункта*». Правильное предвидение — главный удар по русским войскам наносился именно левым крылом французской группировки под началом самого Наполеона. Передаваемые Чернышевым данные позволяли судить о численном составе первого эшелона Великой армии Наполеона — 350—400 тысяч человек, по состоянию на 15 марта 1812 г. К моменту вторжения в Россию первый эшелон насчитывал 448 тысяч человек. Раскрыл Чернышев и намерение Наполеона выиграть войну в ходе одной кампании, начав с разгрома противника уже в ходе пограничных сражений.

Всего с августа 1810 г. по февраль 1812-го только в адрес военного министра Чернышев направил 11 донесений общим объемом 370 листов.

Уже весной 1811 г. Чернышев почувствовал повышенный интерес со стороны французской полиции к своей персоне. 9 апреля в письме к Александру I он отме-

тил, «что со времени моего возвращения в эту столицу, несмотря на всю вежливость и предупредительность в отношении ко мне со стороны всех окружающих Наполеона, за мной гораздо больше следят теперь, чем прежде» (Сборник императорского русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1905. С. 65).

Министр полиции Савари герцог Ровиго не без основания опасался излишне любопытного и чрезвычайно энергичного молодого русского флигель-адъютанта. В одной из бесед с графом Нессельроде в апреле 1811 г. он передал для Чернышева следующее пожелание, прозвучавшее как приказ: «...перестать писать дипломатические депеши и предоставить это посланнику и миссии, стараться веселиться здесь... и чтобы это было... единственным занятием» (там же. С. 91).

Вокруг Чернышева была соткана целая шпионская сеть. Полицейские ищёйки под руководством префекта Паскье докладывали о каждом шаге русского полковника министру полиции Савари и министру внешних сношений герцогу Бассано. В здании, где проживал Чернышев, был поселен сотрудник полиции, который с первых же дней попытался подкупить слуг полковника, предложив им большие деньги за то, «чтобы они ежедневно письменно докладывали ему, где бывает их хозяин и что делает, оставаясь дома».

Одновременно были предприняты меры по предотвращению утечки секретной информации. Так, в военное министерство поступил подписанный Наполеоном грозный циркуляр следующего содержания: «Министр полиции меня информирует, что краткая ведомость о дислокации войск империи — та, что направляется посольством каждые три месяца, — оказывается у русских, как только она выходит в свет. Эта ведомость дошла даже до их войск и штабов. Горе тому, кто виновен в этом презренном предательстве, я смогу навести порядок, разоблачить преступника и заставить его понести наказание, которое он заслуживает» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. VII. СПб., 1907. С. 34).

«Циркуляр, — по словам Чернышева, — посеял такой ужас среди сотрудников, что первым их побуждением было прекратить всякие сношения со мной». Ему пришлось употребить все свое влияние, чтобы не потерять негласную агентуру.

Приближался роковой 1812 год, а Чернышев все еще находился в Париже. Сознавая, что его деятельность становится все более подозрительной в глазах французского правительства и желая быть в первых рядах защитников своей родины, он выразил настойчивое желание быть отозванным в Россию. 31 декабря 1811 г. Чернышев пишет государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву: «Мною ру-

ководит не желание избегнуть захвата моих бумаг, может быть даже лишение свободы со всеми прискорбными обстоятельствами, могущими из сего происходить; но я буду считать истиным для себя несчастьем, если я буду задержан в Париже в такое время, когда новое положение дел представило бы мне случай служить Императору согласно моим желаниям и на поприще мне свойственном. Хотя это несчастье не зависело бы от моей воли, но я крайне буду огорчен, если не буду немедленно на своем месте, лишь только война призовет всех военных к исполнению своего долга». Избавление пришло неожиданно от самого Наполеона, который принял решение отправить Чернышева с письмом к Александру. После короткой аудиенции у Наполеона, состоявшейся 13 февраля 1812 г., он выехал в Санкт-Петербург.

На следующий день после отъезда Чернышева в его квартиру нагрянула парижская полиция. В кабинете были найдены только ничего не говорящие обрывки писем и записок, но в камине в спальне оказалась груда пепла от сожжённых бумаг. В надежде найти уцелевшие от огня листы было решено перебрать пепел на ковре, лежащем рядом с камином. Когда же подняли ковер, под ним оказалось письмо, «случайно попавшее туда и таким образом избегнувшее уничтожения». Письмо гласило: «Господин граф, вы гнетете меня своими просьбами. Могу ли я сделать для вас более тою, что делаю? Сколько я переношу неприятностей, чтобы заслужить случайную награду. Вы удивитесь завтра тому, что я вам дам. Будете у себя в 7 часов утра. Теперь 10 часов: я бросаю перо, чтобы достать сведения о дислокации великой армии в Германии по сегодняшний день. Формируется четвертый корпус, состав которого совершенно известен, но время не позволяет мне дать вам об этом все подробности. Императорская гвардия войдет в состав великой армии. До завтра в 7 часов утра. «М.» (Тимирязев В.А. Чернышев и Мишель // Исторический вестник. 1895. № 2. С. 607).

Письмо, ставшее роковым для автора и навсегда связавшее его с именем Чернышева. Дальнейшие события, согласно официальной версии, развивались следующим образом. Драгоценная находка являлась прямым доказательством того, что это государственная измена. Было очевидно, что под буквой «М» скрывался человек, имеющий доступ к тайнам военного ведомства. На первых порах поиск в военном министерстве и военной администрации не дал результатов. И лишь после того, как обратились к сотрудникам кабинета начальника Генерального штаба, «немедленно заподозрили, не скрывается ли под буквой "М" один из служащих

прежде в военном ведомстве мелких чиновников по фамилии Мишель. Этого Мишеля отыскали в военной администрации, где он занимал место чиновника по отделу обмундирования; у него был лучший почерк во всем ведомстве, но он пользовался сомнительной репутацией человека пьющего и живущего сверх своих средств. Немедленно достали какую-то написанную им бумагу, и по сравнении ее с найденной в квартире Чернышева запиской почерк на той и другой оказался тождественным. Спустя час Мишеля привезли в министерство полиции, и ввиду очевидности своей вины он чистосердечно сознался в сношениях с Чернышевым» (там же. С. 608).

На первых же допросах вскрылось, что преступные действия Мишеля начались задолго до ареста, а его «грехопадение» предопределила встреча в 1803 г. с секретарем русского посольства П.Я. Убри²⁸. По показаниям, данным Мишелем в суде в 1812 г., знакомство его с Убри произошло следующим образом. Однажды он (в ту пору — 28-летний писарь в отделе по передвижению войск военного министерства) «случайно» встретил на бульваре незнакомого господина, который, заметив в руках Мишеля исписанный лист бумаги, поинтересовался, его ли это почерк. Получив утвердительный ответ, незнакомец представился сотрудником посольства России и попросил переписать ряд имевшихся у него документов. Вряд ли эта встреча была случайной. Мишель согласился с предложением и переписал для Убри три или четыре бумаги «самого безобидного свойства», за что ему было заплачено тысяча франков, сумма совершенно несоразмерная с проделанной работой. Получив большие деньги, Мишель не устоял, когда в следующий раз Убри попросил его за такую же сумму достать сведения об организации и дислокации французских войск.

Разрыв дипломатических отношений с Францией в 1804 г. предопределил паузу в агентурных отношениях с Мишелем до 1807 г. Неизвестно, встречался ли Убри с Мишелем, когда в июне 1806 г. он был направлен в Париж с поручением прозондировать почву для заключения мира с Францией (20 июля 1806 г. Убри подписал чрезвычайно невыгодный для России договор, который так и не был ратифицирован Александром).

Осенью 1807 г. с восстановлением дипломатических отношений с Францией в Париже появилась русская миссия во главе с графом Петром Александровичем Толстым. В состав миссии вошел советник посольства К.В. Нессельроде²⁹, который и продолжил работу с Мишелем.

С его отъездом (август 1811 г.) Мишель был передан на связь секретарю посольства А.Л. Крафту.

В 1809 г. Мишель был переведен из военного министерства на службу в военную администрацию (во Франции существовало два военных ведомства — военное министерство и военная администрация — со строго разграниченными функциями), в отдел по обмундированию войск. С увольнением из военного министерства Мишель потерял доступ к разведывательной информации, интерес в приобретении которой проявляло российское посольство. А информацию, к которой он имел доступ, посольство не могло должным образом оценить и использовать. В течение всего 1810 г. Мишель не передал ни одного разведывательного сообщения. Сведения военного характера стали поступать от него только с начала 1811 г., хотя Мишель и продолжал работать на прежнем месте. К этому времени Мишель, наконец, «приобрел» сообщников. Первым из них стал Жан Мозес (по прозвищу Мирабо, 35 лет), сторож того же отдела военного министерства, где раньше служил Мишель. Мозесу было поручено носить к переплетчику для брошюровки ведомость дислокации французской армии, которая составлялась в отделе два раза в месяц. На это отводилось ограниченное время, но Мозес ухитрялся выкраивать три четверти часа — время, необходимое Мишелю для переписывания секретных сведений. Свой интерес Мишель объяснял тем, что в армии служит его богатый и бездетный родственник, единственным наследником которого он является. Мозес удовлетворился таким не совсем удачным объяснением. Вскоре начальнику отдела показалось, что Мозес слишком долго ходит к переплетчику, и вместо него стали посыпать другого служащего. Однако Мишель не унывал и привлек к сотрудничеству Луи-Франсуа-Александра Сальмона, 32 лет, служившего в отделе инспекции войск военного министерства, и Луи-Франсуа Саже, 35 лет, чиновника военного министерства в отделе по передвижению войск. На сей раз Мишель ссылался на потребности военного подрядчика, в интересах которого он собирал информацию.

Отношения с Нессельроде, а впоследствии с Крафтом Мишель, по его словам, поддерживал в основном через посредника Вертингера (по другим источникам — Вюстингера, Рестингера), австрийца по происхождению, камердинера Нессельроде, ставшего после его отъезда швейцаром в российском посольстве. Именно Вертингер, по словам Мишеля, «свел его с Чернышевым, который призвал его к себе и просил сообщить ему тайно от Крафта все доставляемые ему сведения».

«Мишель на это согласился, после того как Чернышев рекомендовал себя как любимца императора Александра и обещал от имени своего государя значительную пенсии. С этого времени Мишель начал служить двум господам, и Чернышев списывал из работы, приготовленной Крафту, то, что ему было нужно. Он также требовал иногда отдельных сведений... за эти услуги он получил от Чернышева 4 000 франков. Перед своим отъездом Чернышев предложил Мишелю посыпать ему, во время его отсутствия, сведения о переменах во французской армии через человека, которого он обещал указать, и поручил ему для этой цели подкупить чиновников Генерального штаба».

Хотя на следствии, как потом и на суде, Мишель во всем сознался, он старался представить себя невинной жертвой демонов-искусителей, и в первую очередь Чернышева, «который пугал его, говоря: “вы слишком далеко зашли и не можете пойти назад; если вы откажетесь мне служить, то я донесу на вас, и вы погибнете”».

Служение дела Мишеля и его сообщников состоялось в Сенском уголовном суде 1 и 2 апреля 1812 г. Мишелю было предъявлено обвинение по статье 76 Уголовного кодекса, «каравшей гильотиной за сношения с иностранными государствами, с целью доставить им средства предпринять войну против Франции». Виновность Мишеля оказалась вполне установленной, хотя он и уверял, что, предоставляя сведения о французской армии русскому правительству, находившемуся в мире с Францией, не приносил родине никакого вреда. Суд присяжных после трехчасового совещания приговорил Мишеля к смертной казни. Сальмону и Мозесу вынесли оправдательный приговор, признав виновными только в нарушении своих служебных обязанностей. Саже был приговорен к тюремному заключению и штрафу в 600 франков. Вертигер, как иностранный гражданин и служащий посольства, вообще не был привлечен к ответственности и выступал на суде в качестве свидетеля.

Первого мая Мишель был казнен, несмотря на все его просьбы о помиловании. В монархических кругах Европы громко сожалели о судьбе «бедного Мишеля, мученика святого дела».

Представляется необходимым ответить на несколько вопросов, которые в силу целого ряда причин до сих пор не получили должного отвста, что привело к формированию искаженного представления о разведывательной деятельности Чернышева — упрощенного и примитивного. Некое подобие кривого зеркала,

которое тиражируется и повторяется до сих пор. Вопрос первый. Подлинные причины отъезда Чернышева из Парижа? Вопрос второй. Почему имя Мишеля было связано с именем Чернышева, а не с именами представителей российского посольства в Париже — Убри, Нессельроде, Крафта, — что на первый взгляд представляется более очевидным и обоснованным? Вопрос третий. Когда и какие отношения были установлены между Мишелем и Чернышевым? Вопрос четвертый. Являлся ли Мишель основным источником разведывательной информации Чернышева?

Февраль 1812 г. Отдаются первые распоряжения о концентрации Великой армии. Развязывание войны становится неминуемым. В такой ситуации присутствие проницательного разведчика в Париже представлялось чрезвычайно опасным. В этой связи Наполеон, у которого еще в весны 1811 г. по докладам министра полиции не было сомнений в характере деятельности Чернышева, принимает решение выдворить его из французской столицы, направив в последний раз с письмом к Александру. Выдворяет, не решаясь, однако, арестовать, — еще не пришел срок для международного скандала.

Итак, война неотвратима. И Наполеон поддерживает предложение подготовить и провести открытый процесс над шпионами в пользу России. Процесс, который вскрыл бы «козни» России против Франции и дал еще один предлог для разрыва. И не случайно, что к началу судебного процесса — середина апреля — основные массы первых восьми армейских корпусов завершили сосредоточение на огромном пространстве от Эльбы до Вислы, нависая над Россией. Почему Чернышев? На этот вопрос дал ответ сам Наполеон, лично продиктовав министру внешних сношений Франции герцогу Бассано записку, предназначенную Куракину, но так ему и не врученную. «*Его величество, — говорилось в этом документе, — чрезвычайно огорчен поведением графа Чернышева... Его величество жалуется, что под титулом, вызывавшим особое доверие, приставили к нему шпиона, и при том во время мира, а это дозволительно только относительно врага и во время войны. Он жалуется, что шпионом был выбран не человек, принадлежащий к низшему слою общества, а лицо, близко стоящее, к своему государю.*» Гнев Наполеона был искусственен, так как он сам широко прибегал к услугам шпионов.

Мишель, согласно его показаниям в суде, познакомился с Чернышевым после отъезда Нессельроде из Парижа через Вертигера. Произойди такое знакомство раньше, Мишель не стал бы скрывать этого факта.

А Чернышев? О существовании Мишеля и всю историю, относившуюся к его появлению, он узнал от Нессельроде более чем за год до личной встречи. Ссылки на Мишеля (без упоминания его имени) появляются в письмах, адресованных Барклаю-де-Толли, лишь в апреле 1811 г. К этому моменту молчавший весь 1810 год Мишель наконец «заработал». И заработал, безусловно, благодаря Чернышеву.

Именно Чернышев «вдохнул» в него жизнь, через Нессельроде подсказав, как найти выход на отдел по передвижению войск, где раньше работал Мишель, и как объяснить интерес к разведывательной информации привлекаемым к сотрудничеству Мозесу, Сальмону и Саже.

Однако с отъездом Нессельроде разведывательная деятельность Мишеля затухает. С сентября 1811 г. по январь 1812-го послом России во Франции князем А.Б. Куракиным из Парижа было направлено весьма ограниченное количество разведывательных сведений военного характера. Очевидно, в это время Мишель пытался отойти от сотрудничества, вовсе не давая информации или давая незначительную ее часть. Объясняется это во многом атмосферой психоза в военных ведомствах, где открылась охота на шпионов. В этих условиях Чернышев через Верtingера разыскивает Мишеля, не гнушаясь даже тем, чтобы посетить его на дому, и уговорами, посулами, угрозами заставляет его продолжить работу. Результатом явилась подробная сводка о составе и расположении французских войск к 15 февраля 1812 г. (на 44 листах) («*Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. IX. С. 66.*»).

Как бы там ни было, вернув Мишеля к сотрудничеству, Чернышев мог со спокойной совестью «отсечь» его от посольства в лице Крафта или поддерживать его работу в интересах посольства на установленном формальном уровне. Однако Чернышев этого не сделал. Вероятно, другое — он стал давать отдельные задания Мишелю, которые тот и выполнял, не ставя об этом в известность Крафта.

Несостоительно утверждение, выплывшее на суде и повторяемое рядом исследователей, о том, что «Чернышев списывал из работы, приготовленной Крафту, то, что ему было нужно». В течение 1811-го — начала 1812 г. информация, поступавшая от Чернышева, ни разу не дублировала информацию посольства.

Обвинение Чернышева в принуждении Мишеля к противозаконной деятельности, а также признание на суде последнего в выполнении заданий русского полковника без вещественных доказательств оставались голословными. И такой

неопровергимой уликой стало письмо, найденное на квартире Чернышева. Письмо, которого Чернышев, наверно, и не получал. Вспомним, что последние месяцы в Париже Александр Иванович жил в ожидании обыска и даже возможного ареста и проявлял в этой связи чрезвычайную осторожность. «Я... не осмеливаюсь больше хранить у себя ни единого «важного» листочка, — пишет он Барклаю, — сознавая прекрасно, что мое убежище не является неприкосновенным» (там же. VII. С. 33).

А раз письма не было — значит, его подбросили. Ведь написал же Мишель под диктовку письмо из тюрьмы, вызывая Вертигера на встречу в город из посольства. Точно так же Мишель согласился (попробовал бы не согласиться!) написать письмо, адресованное якобы Чернышеву. И в этом письме он не был краток, каким должен быть негласный агент с опытом работы более восьми лет. Казалось, достаточно было сообщить: «*Буду у вас завтра в семь часов утра*». Без обращения и без подписи. Однако письмо писалось для прокурора, поэтому в нем присутствует все. И характер разведывательных сведений, передаваемых Чернышеву (дислокация Великой армии в Германии, формирование четвертого корпуса, сообщение об императорской гвардии), и настойчивость Чернышева (*«господин граф, вы гнетете меня просьбами»*), и свидетельство их постоянного сотрудничества (*«могу ли я сделать для вас более того, что делаю?»*). Письмо, выдающее и автора, и получателя с «головой». В одном ошиблись авторы письма — Чернышев стал графом значительно позже.

Какой негласной агентурой располагал Чернышев к моменту отъезда? В декабре 1811 г. у него было четыре платных агента: в военном министерстве, в военной администрации, в Государственном совете и агент-посредник.

Об агентах в военном министерстве и Государственном совете уже шла речь. Значился ли в этом перечне Мишель? Судя по всему, он проходил как агент военной администрации. Мозес, Сальмон, Саже не входили в этот список. Ими руководил Мишель, он же расплачивался с ними по своему усмотрению. Лично Чернышев получил от Мишеля одну, максимум две обстоятельные информации. Однако в целом благодаря Чернышеву посольством от Мишеля в 1811—1812 гг. были получены достаточно ценные военные разведывательные сведения, хотя и однопланового характера — состав и дислокация войск с учетом их перемещений.

А агент-посредник? Посредник был необходим, по словам Чернышева, чтобы *«не слишком часто показываться мне самому»*. Возможно, речь идет о швейцаре

посольства Вертигере. Хотя им мог быть и другой человек. Ведь, намечая передачу сведений после своего отъезда, Чернышев обещал «указать человека».

Согласно донесениям Чернышева, у него в течение 1810—1812 гг. было два агента в военном министерстве, один из которых отошел от сотрудничества из опасения быть разоблаченным и выгодно женился. Однако благодаря постоянному поиску информация из военного министерства поступала регулярно. И эта информация, вместе со сведениями, получаемыми от Мишеля посольством, создавала целостную картину состава и дислокации вооруженных сил Франции в ее динамике.

Полиция подозревала, что не только Мишель и другие привлеченные им к сотрудничеству добывали разведывательную информацию в пользу России. Поэтому одновременно был арестован целый ряд чиновников военных ведомств, которых, впрочем, вскоре освободили за недостатком улик (Алексеев М. У истоков. Александр Чернышев // Элита русской разведки. М., 2005. С. 49—91).

С сентября полковник Чернышев воевал в действующей армии, командовал отдельным кавалерийским отрядом, участвовал в партизанских действиях. За успешное проведение ряда операций уже 22 ноября был произведен в генерал-майоры.

А.И. Чернышев наряду с офицерами-адъютантами стал одним из первых военных разведчиков, действовавших под прикрытием официальных военных должностей в разведываемых странах. Причем последние явились предтечами появившихся через полвека военных агентов при российских зарубежных представительствах.

Существенную роль в освещении внешнеполитического курса Франции и ее военных приготовлений сыграли российский посол в Париже А.Б. Куракин (1808—1812 гг.) и отдельные сотрудники Российского посольства во Франции, и в первую очередь граф Нессельроде (Карл Роберт) Карл Васильевич. Выходец из немецких дворян, сын русского дипломата, Нессельроде, в 1788 г. был записан во флот мичманом. В 1796 г. окончил гимназию в Берлине и поступил на действительную службу на Балтийский флот. 19 декабря этого же года переведен в л.-гв. кавалерийский полк. 9 июля 1799 г. — полковник и командир эскадрона в этом полку. 16 января 1800 г. уволен с военной службы. С 13 августа 1801 г. — в Коллегии иностранных дел, был назначен в российскую миссию в Берлине. Участвовал в разработке условий Тильзитского мира. С 31 августа 1807 г. — советник

посольства во Франции. Полученные навыки на военной службе облегчали сму сбор разведывательной информации военного характера.

К тому времени российская дипломатия в Париже располагала несколькими источниками разведывательной информации. Среди них был уже упоминаемый Мишель, имя которого впоследствии навсегда свяжут с Чернышевым.

Знаменитый Шарль Морис Талейран-Перигор, известный дипломат, министр внешних сношений Франции (1797—1807 гг.) также сотрудничал с русскими. В сентябре 1808 г. Талейран, сопровождавший Наполеона на встречу с Александром I в Эрфурт, тайно встречается с российским императором. Дипломат пытается убедить Александра не уступать требованиям Наполеона. Какие же мотивы побудили бывшего министра иностранных дел Франции на этот шаг? В своих мемуарах, как и в беседах с Александром, он утверждал, что заботился единственno о благе Франции (*Tapie E.B. Талейран. М.-Л., 1948. С. 103.* Вероятнее всего, он думал не только о Франции, но и о себе. И еще, он наладил канал связи с императором России, который, как он рассчитывал, позволял влиять на российского монарха в нужном направлении. Как бы то ни было, Талейран опасался катастрофы в самые блестящие годы наполеоновской империи, за шесть лет до ее окончательного крушения. Александр I не хотел вступать в слишком тесный контакт с Талейраном, опасаясь скандала: союзник собирает секретную информацию через опального министра! В 1810 г. обстановка коренным образом изменилась. Сотруднику посольства России в Париже К.В. Нессельроде поручается поддерживать отношения с Талейраном, направляя полученную от него информацию на имя Н.П. Румянцева или М.М. Сперанского. В переписке Нессельроде с Петербургом соблюдались правила конспирации: Наполеону было присвоено русское имя и отчество «Терентий Петрович», иногда его называли на английский манер — «София Смит». Под условными именами были скрыты посол России во Франции А.Б. Куракин («Андрюша»), Н.П. Румянцев («тетя Аврора»), министр иностранных дел Франции герцог Бассано («племянник Серж»), Александр I именовался «Луизой», а сам Карл Васильевич скрывался под псевдонимом «танцор». Талейран в переписке назывался по разному: «кузен Анри», «мой друг», «Анна Ивановна», «наши книго-продавец (библиотекарь)», «красавец Леандр».

«Кузен Анри» передал весной 1810 г. сведения о новом браке Наполеона и дал оценку этому событию. Талейран получил за это 3 тысячи франков. Оплата была сделанная. Через два дня после получения трех тысяч «кузен Анри» по-

требовал еще четыре тысячи за новые данные. Учитывая аппетиты Талейрана, Нессельроде попросил Петербург прислать ему сразу от 30 до 40 тысяч франков. Талейран, вельможа, владелец дворца в Париже и замка в провинции, вел жизнь полную наслаждений. Наполеон внесшие смилостилился, снял опалу, но доверия не вернул, к рабочему кабинету императора его не подпускали. Информацию разведывательного характера Талейран добывал через свои старые связи в верхах. Одним из таких источников информации стал министр полиции Жозеф Фуше. В тайной переписке Фуше проходил то как «*Наташа*», то как «*президент*», то как «*Бержье*». Внутриполитическая ситуация во Франции обозначалась словами «английское земледелие» или «любовные шашни Бутягина» (фамилия секретаря русского посольства).

Летом 1810 г. случилась неприятная заминка. «*Мне дали надежду на новое произведение по английскому земледелию, но не сдержали слова*», — жаловался Нессельроде 18 июня 1810 г. И неудивительно: источник сведений о внутреннем положении французской империи внезапно иссяк. Наполеон удалил 15 июня 1810 г. Фуше в отставку. Уход Фуше сказался на качестве секретных сведений, передаваемых Талейраном в русское посольство. Новый министр полиции Савари, герцог Ровиго, имел репутацию преданного Наполеону служаки. При нем рекомендовалось поостеречься: поменьше расспрашивать великосветских знакомых в салонах, не слишком часто встречаться с русским дипломатом графом Нессельроде. Сообщения Талейрана стали решительно тусклы. Однако сам Талейран не считал, что оплата его услуг на этом должна прекратиться. 15 сентября 1810 г. он пишет письмо царю. В нем с оттенком сердечности и дружеской доверительности сообщает, что в последнее время поиздергался и было бы очень удачно, если бы царь выделил своему верному корреспонденту полтора миллиона франков золотом. Далее следовала деловая справка, как удобнее всего прислать деньги, через какого именно банкира во Франкфурте. Желаемого результата письмо не возымело. Александр ответил любезным по форме, но ехидным по содержанию отказом: денег этих он не может дать, чтобы не бросить тень подозрений на князя Талейрана и не скомпрометировать его.

Казалось бы, на этом и прервется сотрудничество Талейрана-Перигора с русским посольством. Но хитрец, выждав некоторое время, умерил свои запросы и стал выпрашивать через Нессельроде русские торговые лицензии и другие, более скромные подачки. Нехватку конкретной информации Талейран восполнял

блестящим анализом и прогнозом развития событий, который часто оправдывался. В декабре 1810 г. Талейран подтвердил худшие опасения петербургского двора — Наполеон готовит восстановление самостоятельной Польши, он отнимет у Пруссии Силезию и отдаст ее саксонскому королю, чтобы вознаградить его за потерю герцогства Варшавского. Талейран вел свою политическую игру. Передавая через Нессельроде информацию, он постоянно стремился подтолкнуть правительство России к конкретным внешнеполитическим шагам, преследуя свои цели. Когда начались долгие мирные переговоры между Россией и Турцией в Бухаресте, Талейран советовал Александру поскорее соглашаться на мир, чтобы иметь возможность дать отпор всеми силами Наполеону. С другой стороны, рекомендовал не настаивать на передаче Молдавии и Валахии России, а согласиться на уступку их Австрии, которая и не воевала с Турцией. Что же получала Россия при таком раскладе? Дружбу Австрии для последующей совместной борьбы против Наполеона. Подобная ненавязчивая подсказка, как и многие другие, не стала бы возможной, не предложил Талейран в 1808 г. свои услуги российскому императору. Но в одном Талейран был уверен и искренен: он не переставал сообщать об активной подготовке Наполеоном нападения на Россию. Уже в марте 1811 г. Талейран предсказал начало войны в близком будущем и даже уточнил дату: война, по его мнению, должна была начаться ровно через год, к 1 апреля 1812 г. Он советовал России ни в коем случае не начинать войну первой, продолжая при этом укреплять свою обороноспособность. Нессельроде, помимо донесений о беседах с Талейраном, личных соображений о политике Франции и России, направлял в Петербург копии документов французской дипломатии. Это были секретные обзоры отношений Франции с ее союзниками на тот момент — Россией, Австрией, Пруссией, отчеты о войне в Испании и настроениях внутри империи Наполеона.

В августе 1811 г. К.В. Нессельроде был отзван в Россию. С начала войны 1812 г. находился в армии, исполняя разного рода дипломатические поручения. В 1813—1814 гг. являлся начальником походной дипломатической канцелярии императора. Пользовался полным и неизменным доверием императоров Александра I и Николая I. В 1816 г. ему было поручено управлять Министерством иностранных дел. С 1822 г. он сделался министром иностранных дел и сохранял за собой этот пост до 1856 г. Совместное пребывание двух выдающихся личностей в Париже — Чернышева и Нессельроде, имевших опыт разведывательной деятельности, принесло свои плоды. Много лет спустя, став военным министром

(1832—1852 гг.), А.И. Чернышев неоднократно обращался к К.В. Нессельроде с просьбами поставить перед российскими миссиями за рубежом конкретные задачи по добыванию разведывательной информации военного характера. И этот tandem давал положительные результаты.

Опираясь на поступавшие агентурные сведения, а также на доверительные связи в верхах наполеоновской империи, российский посол в Париже А.Б. Куракин не сомневался в агрессивных намерениях Бонапарта. «*Не время уже нам манить себя пустою надеждою*, — писал он министру иностранных дел Н.П. Румянцеву, — но наступает уже для нас то время, чтобы с мужеством и непоколебимою твердостию, достояние и целость настоящих границ России защитить». В его депешах на Родину призыв готовиться к отражению нападения стал доминирующим: «...и с настоящего времени, считая войну неизбежную, мы приготовимся вести ее с успехом» (Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее: Сб. РИО). Т. 21. С. 359).

С отъездом полковника Чернышева не пресеклось поступление разведывательных сведений из Парижа. К таким сведениям, в частности, относились и копия секретного франко-австрийского договора от 14 марта 1812 г., которой уже в апреле располагал Румянцев. Об обстоятельствах ее получения министр иностранных дел писал 9 апреля российскому посланнику в Вене Г.О. Штакельбергу: «*Благодаря имеющимся у нас тайным связям в Париже нам удалось получить через одного военного, вернувшегося из-за границы, сведения об акте, недавно заключенном с Францией венским двором*». Не исключено, что это был источник А.И. Чернышева.

Наряду со стратегической (внешней) разведкой уже в мирное время под руководством Барклая-де-Толли организуется тактическая разведка. Так, штабы армий и корпусов, дислоцированных на западной границе, развернули сбор разведывательных сведений и материалов о сосредоточении Великой армии, а также войск потенциальных союзников Франции на сопредельных территориях на глубину до 100 км, а иногда и более.

Понятие «агент» применительно к иностранцу, привлекаемому к тайному сотрудничеству с русской разведкой, появляется именно в этот период. 6 декабря 1811 г. один из активных организаторов русской разведки на западной границе майор М.-Л. де Лезер (Лезер)³⁰ докладывал военному министру Барклаю-де-Толли, «препровождая известия из Польши»: «*Крайняя осмотрительность, которая про-*

является жителями Герцогства (Варшавского. — Примеч. авт.) по отношению к путешественникам, создает для нас большие трудности по заведению агентов и шпионов, способных принести пользу» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. VII. С. 32).

Тактическую разведку организовывал и военный министр, так как он в то же время являлся главнокомандующим 1-й Западной армией. В мае 1812 г. Барклай-де-Толли предписал вышеупомянутому графу Лейзеру «вследствие Высочайшего повеления» отправиться в Ковно и «оттуда разъезжать по границе смотря по надобности, находясь переди 1-й Западной армии, для доставления положительных сведений о неприятельской армии и других тому подобных». Для исполнения возложенного поручения Лейзеру предлагалось «избрать надежных агентов», которых следовало использовать только после утверждения Барклаем. В связи с этим майору был направлен документ без названия, который являлся секретной «Инструкцией Директору вышшей воинской полиции», утвержденной 27 января 1812 г. (об этом еще пойдет речь ниже), и был, вне всяких сомнений, подготовлен Особенной канцелярией. В документе, адресованном Лейзеру, отсутствовало лишь несколько слов, имевших отношение к высшей полиции. Этот документ содержал три раздела: «I. О средствах узнавать истинных лазутчиков», «II. Об употреблении двусторонних лазутчиков в свою пользу», «III. О способах удостоверения в верности лазутчиков и агентов». Само название разделов свидетельствовало о том, что вопрос надежности лазутчиков и агентов являлся наиболее злободневным. В связи с этим именно надежности руководством разведкой уделялось первостепенное внимание. В частности, рекомендовалось следующее: «Для лучшего удостоверения в верности агентов, из неутральных или неприятельских чиновников набираемых, нужно привлекать их на свидание в местах безопасных, посыпать к ним надежных офицеров с письмами от начальника главного штаба, которые тотчас и должны быть сжигаемы». «Посланный, — говорилось далее в документе, — обязан достать от них лестью и обещаниями такой письменный ответ, который бы, будучи ясным доказательством измены со стороны агента, служил залогом его верности» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XII. Подготовка к войне в 1812 г. (май месяц). СПб., 1909. С. 308—310).

Авторы документа не задавались целью дать определение употребляемых понятий «агент», «лазутчик», «шпион». Связь с агентами, которые находились в нейтральных и неприятельских странах, предлагалось поддерживать через

«надежных офицеров» или «разнощиков писем». Лазутчики же, как следовало из документа, посыпались в *«неприятельскую армию»* и возвращались обратно с собранными сведениями. Признавалось *«полезным»* иметь от лазутчиков письменные доказательства *«об их услугах»*. К *«ложным лазутчикам»* были отнесены те, кто *«приносят новости неважные и никогда не доставляют других, кои могут или должны вероятно знать»*, а также *«ложные дезертиры»*, *«кои предаваясь к неприятелю и вступая в его службу, уходят обратно и приносят известия»*. Как только лазутчик подозревался *«двойным»*, предписывалось *«немедленно довести до его сведения важные ложные известия, и в то же время, описав его приметы, сообщить всей цепи корреспондентов, с предписанием наблюдать за ним и давать ему ложные известия»*.

Грань между понятиями *«лазутчик»* и *«шпион»* была неопределенной и, по сути, оба понятия являлись синонимами. На шпиона возлагались задачи по наблюдению за лазутчиком: *«Сверх разного рода лазутчиков, должно набирать из слуг, продавцов и ремесленников партии шпионов, определяемых к наблюдению за поведением лазутчиков, впадших в подозрение. Они обязаны следовать за сими последними, даже в неприятельский стан, если сие нужно»*. Подобная рекомендация была не только вредна, но и нагубна и, судя по всему, осталась *«на бумаге»*.

Генерал от инфanterии князь Багратион, командовавший в 1812 г. 2-й Западной армией, в докладной записке военному министру писал: *«А как я намерен в сомнительные места для тайного разведывания делать посылки под иным каким предлогом достойных доверенности и надежных людей, то для свободного проезда за границу не угодно ли будет Вашему Высокопревосходительству прислать ко мне несколько бланков пашпорта за подписанием господина канцлера, дабы... удалить могущее пасть подозрение»* (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. VII. С. 151).

Появление производных от *разведывать* и их закрепление в специальной терминологии происходило постепенно. *«Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный»*, изданный в 1806—1822 гг., приводит только слова *разведывать, разведывание*. Согласно словарю, *разведывать, разведать — «чрез разные способы стараться узнать то, что неизвестно; доискиваться, допытываться, допрашиваться»*, *разведывание — «старание узнать о чем-либо»* (*Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V. СПб., 1822. С. 818*), что подтверждается вышеупомянутой цитатой.

Багратион изначально не собирался ограничиваться организацией тактической разведки, опираясь в основном на лазутчиков. Еще в конце 1810 г., 26 ноября, он запросил разрешения военного министра на организацию постоянной агентуры в Австрии, в самой Вене. Для этого нужно было «иметь сношения в Вене с нашим министром Штакельбергом». Барклай такого разрешения не дал, так как на Штакельберга уже замыкалась целая сеть агентов. Но все это Багратиону не объяснялось, видимо, по причине скретности. Последний нервничал, его письма к военному министру были полны раздражения и почти не скрываемой обиды.

Особенностью организации разведки в предвоенный период и с началом боевых действий являлось использование в качестве лазутчиков местных жителей и в первую очередь евреев, плотно заселявших как приграничные западные области России, так и сопредельные с ней территории. Занимаясь торговлей и имея родственников за границей, они могли совершать частые легендированные переезды из одного населенного пункта в другой. «...Получено нижеследующее от посланного за границу еврея Янкеля Иоселевича, приехавшего из герцогства Варшавского в Пруссию...» — докладывал генерал-лейтенант Багговут военному министру 3 июня 1812 г.

Известны единичные случаи, когда в качестве лазутчиков использовались военные. «...Полученные мною заграничные известия оставленного в Полангене полковником Аренцишльдом инж.-капитана Кетрица при сем имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству, из которых усмотреть изволите, что неприятель приступает к постройке мостов на Немане...» — докладывал генерал-лейтенант Витгенштейн военному министру 5 июня 1812 г. (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIII. СПб., 1909. С. 43). Накануне войны в качестве лазутчика за границу был послан в партикулярном платье капитан Черниговского мушкетерского полка А.И. Нейдгард³¹. Поскольку о его поездке узнала полиция герцогства Варшавского и она закончилась провалом, Барклай запретил использовать офицеров для подобных целей. Иногда в качестве лазутчиков выступали отставные офицеры и подданные других государств.

Организация сбора разведывательных сведений на сопредельных территориях имела свою специфику. Перед отправкой лазутчиков за границу на непродолжительный срок на таможнях заводились специально разрезанные на две части карточки с текстовыми данными на него. Одна из них вручалась лазутчику, другая оставалась на таможне, через которую разведчик должен был возвращаться в Россию. Таким

образом, устанавливалась принадлежность человека к русской разведке после выполнения задания. 2 мая 1812 г. майор Каташев докладывал генерал-лейтенанту Витгенштейну: «*По сношению Юрбургской пограничной таможни от 23-го числа апреля месяца за № 26, проезжающий заграницу по секретному купону юрбургский еврей Meer Морковский сего числа из Пруссии возвратился, и по надлежащем осмотре через Посвентскую рогатку в Россию пропущен*».

Если лазутчик убывал на длительный срок, то сообщение с ним поддерживалось через связников — «разноициков писем», или же почтовой корреспонденцией. Причем в последнем случае сообщение зашифровывалось или вписывалось между строк бытового текста специальными чернилами, видимыми только на свет. Если лазутчик жил вблизи русской границы, то практиковались также встречи с ним на границе или его переход на русскую сторону для передачи собранных сведений и получения новых инструкций.

Данные, поступавшие от таких лазутчиков, основывались на увиденном ими или же опирались на собранные слухи. В подавляющем большинстве случаев лазутчиками были случайные люди, в военном отношении не компетентные. Поэтому ис приходится говорить о большой достоверности собранных ими сведений. Хотя иногда удавалось получать и верную информацию. Так, полковник И.И. Турский, состоявший на русской военной службе польский дворянин, представил точные сведения об организации и численности армии Герцогства Варшавского. Всربовались лазутчики и из числа жителей сопредельных с Россией территорий.

Деятельность тактической разведки имела особое значение в последние дни перед войной, когда усилия стратегической разведки в значительной степени были затруднены французскими спецслужбами. Кроме того, даже полученная агентами в Европе информация не могла из-за больших расстояний оперативно попадать в русские штабы. В этот период тактическая разведка значительно активизировала свои действия. По свидетельству генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена, состоявшего при Александре I, император почти ежедневно получал в Вильно «*известия и рапорты о движении различных неприятельских корпусов; наши эмиссары повсюду встречали содействия и пособия при своих расследованиях. Дело наше было правое, и каждый благомыслящий человек, имевший возможность сообщить сведения о движении неприятеля, спешил нам их доставить*» (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 55—57). Такое положение в целом сохранилось и в предвоенные

июньские дни, несмотря на то, что Наполеон для того, чтобы скрыть свои замыслы, распорядился организовать блокаду границ России. Почта перестала пропускаться через границу как в одну, так и в другую сторону, значительно был ограничен пропуск людей через границу.

Лица, предоставлявшие услуги разведке, требовали денег, и порой немалых. 21 октября 1811 г. Багратион докладывал восенному министру Барклаю-де-Толли: «...Крайне трудно сыскывать верных людей, ибо таковые требуют весьма важную сумму. Естественно, рискуя быть повешенным в случае падшего на него подозрения, он может откупиться, имея большие деньги... У меня есть в виду надежные люди, достойные всякого доверия, но все они жалуются на скучность платежа и никто не соглашается за какие-нибудь 200 червонцев собою рисковать» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. VII. С. 151).

Организовывали и направляли тактическую разведку офицеры: майоры М.-Л. де Лейзер (Лезэр), А. Врангель и И.В. Вульферт — в Прибалтике; полковники И.И. Турский³² и К.П. Шиц — в Белостоке; полковник В.А. Анохин — в Бресте; полковник И.О. де Витт — во 2-й Западной армии.

Особую активность в сборе информации о противнике на австрийской границе проявили братья Гирсы — Константин³³ и Карл³⁴, один — капитан Московского пехотного полка, в 1812 г. был назначен военным полицмейстером Радзивиллова, другой — почтмейстер в этом же городе. Во время войны именно через Радзивиллов поступали агентурные сообщения из Европы. 1 мая 1812 г. капитан Гирс докладывал командиру 6-го корпуса генералу от инфантерии Дохтурову: «... Войска Австрийского в Галиции не более 40000, но полки не комплектны, равно отставки офицерам поныне продолжаются, а находящиеся в отпуску военные чины еще к полкам не прибыли. Хотя всем военным чинам к жалованью прибавлена часть денег и дана кроме того не в счет треть жалования, но зато не получают полную пропорцию провианта и фуражса, а от артиллерийских и подъемных лошадей отнята половинная дача фуражса впередь до повеления, почему лошади весьма изнурены. ...Помещик из Подгорцев уверяет, что в княжестве Варшавском не только люди, но и лошади кавалерийские пытаются корой. ...Я вчерашнего дня говорил с одним купцом на границе, который шесть дней из Дрездена, который и был в Лейпциге и почти всю армию французскую видел... Император французский по выезде сего купца из Дрездена еще туда не прибыл» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIII. СПб., 1909. С. 28).

5 мая 1812 г. на сей раз пограничный почтмейстер Карл Гирс направил депешу генералу от инфантерии Багратиону: «*Полученное с заграничной Бродской почтой письмо на имя капитана Крусинского в Житомире, в коем усмотря я донесение о движених и количествах армии французской и прочей, равно и другие известия, касающиеся воинских обстоятельств, при сем в оригинале по нарочной эстафете к вашему сиятельству на благорассмотрение представить честь имею».*

Не последнюю роль в получении данных о передислокации войск Великой армии играла перлюстрация писем. Литовский почтмейстер А. Бухарский докладывал Барклаю-де-Толли: «*Вследствие секретного повеления вашего высокопревосходительства от 29-го мая № 98 честь имею донести, что в пограничных почтовых конторах Гродненской, Белостокской, Брестской и Радзивиловской производится всегда надлежащий надзор за иностранной корреспонденцией. Я ныне предписал чиновникам, занимающим там сию обязанность, выписки из подозрительных им чуждых обыкновенной переписке писем доставлять без замедления времени к главнокомандующим армиями, которые к ним ближе будут находиться...»*

Для сбора разведывательных сведений использовались командировки офицеров в авангард русских войск. «...*Накануне отъезда моего из Гродно, — доносил Барклаю генерал-адъютант граф Шувалов 4 июня 1812 г., — отправил я адъютанта моего капитана Штакельберга на границу по дистанции моего авангарда для получения некоторых известий с той стороны. Сей расторопный и деятельный офицер доставил мне... сведения...»* (там же. С. 34).

Источником информации выступали также высылавшиеся разъезды, выставляемые посты, кордоны и пикеты. Генерал-лейтенант Багговут докладывал военному министру 6 июня из Чебишки: «...*примечены ныне кордонную стражею вверенного мне корпуса на противоположной стороне [высылаемых] польскими войсками разъезды... Хорунжий Могилев донес, что близ поста его кордона, называемого "Станевского", от Ковны вверх по реке к Рушишкам примечено, что четыре улана с мужиком ездили противу брода и уповательно рассматривали глубину реки, против коего места нашей кордонной стражею поставлен секретный пикет...*» (там же. С. 52).

Встречались и случайные источники разведывательных сведений, которые, тем не менее, препровождались военному министру. «...*Дошедшие до меня известия с границы Австрии и герцогства Варшавского и отобранные мною от возвратившихся из-за границы Курляндских и Лифляндских помещиков, бывших для*

обучения в университете...». Для сведения вашего высокопревосходительства — отправлял генерал А. Тормасов в начале июня.

Поступали разведывательные сведения и от дезертиров, перебежчиков и беженцев. «*Доставленного ко мне на сих днях с пограничных постов дезертира польских войск Алексея Соколовского с отобранным у него и у сего приложенным допросом при сем к вашему превосходительству представляю*», — доносил атаман Платов военному министру из Белостока 9 июня 1812 г. (там же. С. 89). Граф Шувалов сообщал из Гродно в начале июня: «... *Привезенный сего числа казаками герцогства Варшавского выходец Матеуш Шванн показывает...*» (там же. С. 9).

Доставлявшиеся из-за границы разведывательные сведения поступали либо напрямую, либо через Министерство иностранных дел, в Экспедицию секретных дел (Особенную канцелярию). 19 марта 1812 г. Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим 1-й Западной армией с оставлением за ним поста военного министра, а Особенная канцелярия, по существу превратилась в часть Собственной канцелярии командующего 1-й армией. Опираясь на все вышеперечисленные силы, Барклай-де-Толли имел достоверные данные, что основные силы французских войск развернуты в трех группировках, главная из которых под личным командованием Наполеона сосредоточена в районе Эльбинг, Торунь и Данциг, а также что 10 (24) июня противник перейдет государственную границу. Правда, установить место переправы французских войск через реку Неман разведке не удалось.

Двухлетнее — с 1810 г. по 1812 г. — существование в России и эффективная по тем временам деятельность не имевшей аналогов в истории единой централизованной системы военной агентурной разведки со специальным центральным органом, зарубежными силами и средствами, с четко поставленными разведывательными задачами и необходимым финансовым обеспечением явились заслугой выдающегося русского военного деятеля Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. Он смог предвосхитить и реализовать на практике ставшую через много лет наущной потребность вооруженных сил государства в собственной единой структуре военной агентурной разведки со специальными центральными органами и зарубежными силами и средствами.

24 августа Барклай-де-Толли был уволен от должности военного министра, и первый в России специальный центральный орган военной агентурной разведки прекратил практическое свое существование, формально оставаясь структурной

частью Военного министерства до 12 декабря 1815 г. Зарубежные силы Экспедиции секретных дел (Особенной канцелярии) создавались Барклаем только на короткий предвоенный период, этим и объясняется демонтаж созданных зарубежных сил центрального органа военной разведки, который был преждевременен и совершенно не оправдан и имел пагубные последствия. А лишенный зарубежных сил центральный орган Военного министерства становился фикцией.

Многие десятилетия после первого опыта такая система в России не воссоздавалась. Причиной этому стало то, что победа в Отечественной войне и отсутствие у России в течение большей части указанного периода серьезного внешнего противника, угрожавшего ее национальной безопасности, сформировали, как представляется, у русских царей, правительства и военного командования в некоторой степени излишнюю уверенность в непобедимости русского оружия и не подталкивали их к проведению реформ в армии и на флоте, подобных тем, к которым уже приступили Англия и Франция.

Насущная необходимость образования центрального разведывательного органа в рамках военного ведомства в то время пока не вызрела, что и явилось действительной причиной окончательного прекращения деятельности Особенной канцелярии еще в бытность Барклая-де-Толли военным министром.

27 января 1812 г. одновременно с учреждением Военного министерства было принято «Учреждение для управления Большой действующей армии» для организации полевого управления войсками в военное время (Приложение № 3).

Согласно «Учреждению» было образовано Главное отделение начальника Главного штаба, в которое вошла квартирмейстерская часть, состоявшая из двух отделений. «Учреждением» было определено, что квартирмейстерская часть в армии «делает все приуготовительные соображения к военным операциям». «Приводит оныя в действие, и ведает все дела, подлежащие тайне» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № . 24975. СПб., 1830).

Офицерам Первого отделения квартирмейстерской части вменялось в обязанность «собирание всех сведений о земле, где война происходит». В документе пояснялось:

«Сведения сии суть —

1. Лучшие карты и военно-топографические описания.
2. Таблицы о способах и богатстве края.
3. Таблицы о числе населения.

4. Исторические записки о бывших войнах в краю, Армией занимаемом.
5. Обозрение мест в тылу Армии».

Составители «Учреждения» оставили в стороне вопрос, на какие силы и средства должно опираться Первое отделение для решения поставленных перед ним задач.

Второе отделение должно было заниматься составлением диспозиций и наставлений, производством рекогносцировок, составлением данных для управления движением войск и расположением их лагерем.

При Главном полевом штабе армии должен был находиться генерал-квартирмейстер (он же помощник начальника штаба), при корпусном штабе — обер-квартирмейстер, при дивизионном штабе — дивизионный квартирмейстер, в штабе полка — полковой квартирмейстер.

Анализ перечня задач, стоявших перед Первым отделением, не позволяет рассматривать его как центральный разведывательный орган, каким Отделение и не стало в годы Отечественной войны 1812 г., хотя стоявшие перед Первым отделением задачи предполагали деятельность в этом направлении. При Главнокомандующем Большой действующей армии была учреждена должность «дипломатического чиновника», в том числе и для передачи разведывательной информации от Министерства иностранных дел.

«Учреждением для управления Большой действующей армии» предусматривалось введение должности «капитана над вожатыми», который должен был избираться из обер-офицеров квартирмейстерской части. Предпочтение должно было отдаваться лицам, которые «*делали съемку самых мест действия или оные обозревали*». Капитан над вожатыми должен был получать заблаговременно от квартирмейстерской части сведения о назначении дорог, которыми должны следовать войска, о числе колонн, отрядов, конвоев, и в соответствии с этим готовить проводников для сопровождения. В команде «капитана над вожатыми» должны были состоять «*два колонновожатых и конная команда при унтер-офицере, как для отыскания и взятия проводников, так и для присмотра за ними*». В проводники или вожатые для указания дороги предписывалось «*употреблять*» обывателей окрестностей, особенно тех из них, «*которые знают дороги и местоположения, как-то*» охотников, лесничих и «*ездящих по селениям скучать запасы*». «*Людей проворных и имеющих сведения о большом пространстве земли*» капитан над вожатыми обязан был «*соглашать на службу при армии с жалованьем по договору*».

Капитан над вожатыми не был руководителем разведки. Он им стал спустя 65 лет в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Название должности к этому времени претерпело небольшие изменения — «штаб офицер над вожатыми».

В дополнение к «Учреждению для Управления Большой действующей армии» предусмотрено образование «Высшей воинской полиции» (Приложение № 4). 27 января 1812 г. были «Высочайше утверждены» «две секретные инструкции»: уже упоминаемая «Инструкция Директору вышней воинской полиции» и «Инструкция Начальнику Главного Штаба по управлению вышней воинской полиции», а также «Образование вышней воинской полиции при армии» (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1992. Вып. Второй — третий. С. 49—63).

Одним из авторов проекта по созданию полиции в армии был полковник А.А. Восиков.

Задачи, ставившиеся перед Высшей воинской полицией, были сформулированы весьма расплывчато только в «Инструкции Начальнику Главного Штаба по управлению вышней воинской полиции». В этой Инструкции, в частности, говорилось следующее: *«Добрая система вышней полиции равно необходима как в наступательной, так и оборонительной войне. В первой для верного расположения предприятий к операциям нужных; во второй к благовременному познанию всех предприятий неприятеля и положения земель, в тылу армий находящихся».* «Система вышней полиции тогда полезна и хороша, — отмечалось в Инструкции, — когда она так скрыта, что неприятель думает, что ее нет и что противная ему армия не может получать никаких благоустроенных известий». И далее подчеркивалось, что все получаемые о неприятельской армии известия должны оставаться «в величайшей тайне».

Подобная не конкретность формулировок потребовала дополнительных разъяснений, и они последовали за подписью военного министра только в апреле 1812 г., когда были подготовлены «некоторые дополнения». Согласно этим дополнениям задачи Высшей воинской полиции заключались «1) в надзоре за полицией тех мест внутри государства, где армия расположена; 2) за тем, что происходит в самой армии и 3) в собирании сведений о неприятельской армии и занимаемой Ею Земли (подчеркнуто мной. — Примеч. авт.)». Под собиранием сведений о неприятельской армии предлагалось понимать «точные сведения о движениях, расположении, духе и проче неприятельских войск и земли оными

занимаемой, нужны для открытия их слабой и сильной стороны и для принятия потому потребных мер».

«Для собирания точнейших сведений по каждой из трех вышеозначенных частей» директору Высшей полиции предписывалось отправлять «благонадежных и сведущих агентов в пограничные губернии, в армию и за границу». В данном контексте под агентом понимался тайный сотрудник высшей полиции, обязанность которого состояла *«в поспешном и верном доставлении всех сведений по данным им поручениям, при исполнении коих должны они строжайше наблюдать скрытность и скромность»*. Агенты должны были допускаться *«к исправлению поручений»* только после приведения к присяге по прилагаемой к документу форме.

Высшая воинская полиция была подчинена начальнику Главного штаба. Руководил Высшей воинской полицией директор, у которого в подчинении было два помощника, сотрудники, начальники полиции при отдельных корпусах, а также окружные начальники. *«Вся окружность армии занята агентами»* делилась на три округа — два фланга и центр — каждый из которых вверялся *«самому надежному и испытанному чиновнику вышней полиции»*.

Отдельный раздел «Образования вышней воинской полиции при армии» назывался «Об агентах». В этом разделе говорилось, что агенты могут быть «суть трех родов»: *«1-е в земле союзной; 2-е в земле неутральной; 3-е в земле неприятельской»*. При этом пояснялось следующее:

- *«Агенты в земле союзной могут быть чиновники гражданские и военные той земли или от армии посланные»;*
- *«Агенты в земле неутральной могут быть неутральные подданные, имеющие знакомства и связи, и по оным, или за деньги, снабжаемые аттестатами, паспортами и маршрутами, для переездов нужными. Они могут быть равным образом бургомистры, инспекторы таможен и проч.»;*

— Агенты в земле неприятельской могут быть лазутчики, в оную отправляемые и постоянно там остающиеся, или монахи, продавцы, публичные девки, лекари и писцы, или мелкие чиновники, в неприятельской службе находящиеся».

Из поставленных задач следовало, что на Высшую воинскую полицию возлагались не только контрразведывательные, но и разведывательные задачи. Классификация же агентов, перечень агентов и лазутчиков говорили о том, что в первую очередь Высшая воинская полиция должна была решать задачи по организации и ведению разведки в интересах действующей армии. В действительности так и

произошло, хотя и в весьма ограниченных масштабах. Стратегическая разведка в функции Высшей воинской полиции не вошла. Не исключено, что демонтаж заграничной военной разведки Барклаем-де-Толли в какой-то степени был связан с созданием Высшей воинской полиции. По крайней мере, эти оба события были связаны по времени.

«Образование вышней воинской полиции при армии» интересно тем, что в документе приводятся практические указания — «распоряжения» — по организации работы с лазутчиками и агентами. Эти распоряжения, безусловно, учитывали накопившийся опыт как отечественной, так и зарубежной разведки. Опыт, который будет учитываться и в последующие годы.

В частности, указывалось, что при оплате услуг лазутчиков должно было быть «принято правилом, не давать им слишком мало, ни слишком много; ибо в первом случае могут они сделаться двусторонними или неприятельскими шпионами; а во втором, обогатясь слишком скоро, отстать неожиданно в самое лучшее время». И далее на этот счет: «Нужно платить им достаточно, но держать в ожидании большого» и «За важные известия должно платить щедро». Тем же агентам и лазутчикам, «кои, находясь в иностранной службе или в таком положении, которое препятствует принимать деньги или жалованье, доставляют известия по какому либо духу партий, по личной преданности или дружбе, должно давать подарки и доставлять выгоды под разными предлогами, дабы не могли подумать, что почитают их шпионами, служащими из корысти».

Говоря «о способах переписки и сообщений» «должно» было предпочесть следующие. Письмо могло быть спрятано в восковой свече, выточенной изнутри трости, зашито «в платье». Письмо могло быть разрезано на полосы, им также могло быть заряжено охотничье ружье. С лазутчиками, «которые не довольно смелы» можно было договариваться «о приносе письменных известий в кору выгнившего дерева или под какой-либо камень». Посланный за этими письменными сообщениями «может брать их и приносить ответы, не зная вообще лазутчика». В данном случае речь шла об использовании тайников.

Каждый округ высшей полиции должен был иметь «разные ключи цифрей, из главной квартиры получаемых». «Вместо цифри, для большейспешности» предлагалось употреблять «самые надежные симпатические чернила», которые должны были быть доставлены из Главной квартиры. В случае же сообщений словесных, особенно при посылке лазутчиков «к лицам, коим они не знакомы»,

предлагалось давать лазутчику «шароль», на который следовало отвечать известным лазутчику «отзывом». *«Известные масонские знаки и взаимные на них ответы могут удобно в сих случаях быть употребляемы».*

«Лучшим знаком доверенности» к отправляемому за известием лазутчику могли служить «вырезанные карточки», вернее половинки карточек. *«Известное число их под номерами»* предварительно передавалось тому, с кем «курреждалась» связь. К тайному агенту посыпался лазутчик с половинкой одной из занумерованных карточек. Тайный агент складывал свою половинку карточки с таким же номером, чем подтверждалась надежность лазутчика. Несколько половинок карточек с разными номерами, переданных ранее агенту, предполагали, что на связи с ним могут состоять несколько лазутчиков.

В «Образовании вышшей воинской полиции при армии» говорилось также и о «принужденном шпионстве» и о «вооруженном шпионстве». В случае *«совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах»* допускалось *«иметь прибежище к принужденному шпионству»*. Оно состояло *«в склонении обещанием наград, и даже угрозами местных жителей к проходу через места неприятелем занимаемые»*. «Вооруженное шпионство» заключалось в том, что командующий передовыми войсками отряжал в расположение неприятеля *«разные партии казаков»*, командование над которыми поручалось *«самым отважным офицерам»*. Таким партиям выделялся *«расторопный лазутчик»*, который бы знал местность. Эти партии под покровом темноты и используя леса, должны были прорываться в расположение неприятеля для сбора разведывательных сведений. Причем лазутчик должен был узнавать *«все обстоятельства и подробности»*. В данном случае речь шла о войсковой разведке.

«Инструкция Директору вышней воинской полиции» и «Инструкция Начальнику Главного Штаба по управлению вышней воинской полиции», а также «Образование вышней воинской полиции при армии» представляли собой первые специальные инструкции по руководству агентами и лазутчиками,

Высшая воинская полиция как структурная часть Полевого управления войск в военное время была сформирована в апреле 1812 г., еще до образования Главного полевого штаба действующей армии и, соответственно, до назначения его Начальника (главнокомандующий Большой действующей армией и, соответственно, Начальник Главного полевого штаба были назначены только в августе месяце). В этой связи Высшая воинская полиция сформировалась при военном министре

Барклае-дс-Толли. А так как последний одновременно являлся и главнокомандующим 1-й Западной армией, то Высшая воинская полиция при военном министре совмещала в себе и функции таковой в 1-й Западной армии.

На пост директора Высшей воинской полиции при военном министре (Высшей воинской полиции 1-й армии) 17 апреля 1812 г. был назначен Я.И. де Санглен³⁵. Возглавлявший до этого Особенную канцелярию Министерства полиции, занимавшуюся производством политического сыска на всей территории Российской империи, Санглен являлся ее фактическим создателем и руководителем. Именно существование Особенной канцелярии дало основание министру внутренних дел В.П. Кочубю назвать впоследствии Министерство полиции этого периода «Министерством шпионства». «Город закипел шпионами всякого рода: тут были и иностранные, и русские шпионы, состоявшие на жалованье, шпионы добровольные; практиковались постоянные переодевания полицейских офицеров; уверяют даже, что сам министр прибегал к переодеванию», — писал В.П. Кочубей в Записке на высочайшее имя (Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина СПб., 1902. Т. 109. С. 487—488). Широко образованный и владевший несколькими иностранными языками, Санглен не был далек и от военных проблем: в 1804—1807 гг. он читал лекции в Московском университете, в том числе и по военным наукам, а с 1807 по 1809 г. сопровождал генерал-майора П.М. Волконского во Францию с целью сбора сведений о французской армии и французском Генштабе.

Сразу же после назначения Санглен смог себе «вытребовать» из Министерства полиции коллежского асессора барона П.Ф. Розена³⁶, надворного советника П.А. Шлыкова³⁷, отставного поручика И.А. Лешковского³⁸. Это далось нелегко — министр полиции А.Д. Балашов ни за что не хотел их отдавать. Лешковского Санглен тут же отоспал в Гродно, так как последний был более самостоятелен, а Розена и Шлыкова оставил пока при себе, в Вильне.

«Совсем не безуспешно» стало налаживаться сотрудничество с полицмейстерами городов Вильно и Ковно — А. Вейсом³⁹ и майором Э.Л. Бистром⁴⁰.

Первоначально вся канцелярия состояла из одного сотрудника — губернского секретаря Протопопова⁴¹, человека «дельного» и, главное, такого, которому можно было безраздельно доверять, так как через его руки должны были проходить бумаги государственной важности. По мере расширения скретного делопроизводства в помощь Протопопову поступили коллежский секретарь К.И. Валуа⁴², студент Василий Петруевич⁴³ и коллежский регистратор Иван Головачевский.

Решение контрразведывательных задач в канун войны было неразрывно связано со сбором разведывательной информации.

В связи с тем, что агентурный аппарат Высшей воинской полиции — Высшей воинской полиции 1-й армии — на местах начинал только формироваться, к непосредственному сбору разведывательных сведений привлекались в первую очередь его сотрудники.

18 мая Розен получил следующее предписание от директора Высшей воинской полиции: «*Вследствие Высочайшего повеления имеете вы отправиться в Ковно и оттуда далее по границе герцогства Варшавского, через Гродно, Белосток, Дрогичин и Брест-Литовский. Разъезжая по сей дистанции, вы должны собирать везде сколь возможно достоверные сведения о происходящем на границах наших и за оными относительно к политическим обстоятельствам, особенно о том, какие там делаются распоряжения к войне и тому подобное...*» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XII. С. 127).

Среди агентуры, предлагавшей свои услуги разведке, были и представители еврейского населения, как проживавшего на территории Российской империи. С приходом Великой армии евреи Литвы и Белоруссии опасались много большего ущемления в своих правах при польском правительстве, чем это было ранее при российском. Франция в глазах правоверного еврейства являлась очагом вольнодумства и безбожия, а Наполеон — исчадием революции.

Услуги в части сбора разведывательных сведений оказывали не только отдельные евреи, но и органы еврейского самоуправления в России — кагалы. В своих воспоминаниях Санглен отмечал, что «*свел связи с кагалом вилейских евреев и за их ручательством*» отправил еврейского посланца в Варшаву. И этот случай был не единичен. Санглену приходилось прибегать и к услугам такого своеобразного учреждения, как «еврейская почта». Крайне слабое развитие в это время государственных почтовых учреждений вызвало у еврейских торговцев, проживавших в западном крае империи, необходимость содержания своей, особой, частной почты, которая обеспечивала возможность более быстрого и регулярного письменного сообщения между разными городами. Эта специфическая почта имела свои особые тракты, часто для выигрыша расстояния пролегавшие по глухим местностям. Роль почтовых станций играли преимущественно находившиеся на путях следования почты еврейские корчмы, содержатели которых немедленно по получении писем передавали их далее через особых нарочных, к услугам которых всегда были

«свежие» лошади (*Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 г. и русские евреи. СПб., 1912. С. 72—80*).

Организация разведки и контрразведки накануне и в ходе войны сложилась и функционировала лишь в 1-й Западной армии. Ей же передвойной была подчинена местная полиция от австрийской границы до Балтики.

Накануне войны М.-Л. де Лейзер (Лезер) был произведен в подполковники, а затем назначен директором Высшей воинской полиции 2-й Западной армии. Однако развернуть деятельность на новом посту ему не удалось. После неудачи русских войск под Смоленском Лейзер, как французский эмигрант, в числе многих иностранцев был заподозрен *«в сношениях с неприятелем»* и выслан в Пермь. Накануне войны директором Высшей воинской полиции 3-й Западной армии был назначен действительный статский советник И.С. Бароцци. Прибыв к месту службы, он заявил, что имеет от командования Молдавской армии особое поручение к царю и отбыл в Петербург. Больше в 3-й армии Бароцци не появлялся.

С созданием Высшей воинской полиции впервые в русской армии произошло совмещение разведывательных и контрразведывательных функций в одном органе, который, однако, получил свое организационное оформление лишь в одной из трех армий — 1-й, так как Высшая воинская полиция всей действующей армии подменяла собой таковую в 1-й Западной армии.

15 февраля 1811 г. Наполеон подписал декрет о начале формирования Великой армии, костяк которой составили французские войска, усиленные воинскими контингентами, выставленными союзниками Франции — Королевствами Италии и Обеих Сицилий, государствами Рейнского союза, Герцогством Варшавским, Швейцарией, Данией, Португалией и др. Всего было сформировано 35 пехотных дивизий, 11 дивизий кавалерийского резерва и 27 кавалерийских бригад при 1066 орудиях.

24 февраля 1812 г. Наполеон заключил договор о наступательном и оборонительном союзе с Пруссией. В случае войны с Россией Берлин должен был выставить 20-тысячный вспомогательный корпус. Остальные части прусской армии должны были быть переведены в крепости без права передвижения. 14 марта 1812 г. аналогичный договор был заключен с Австрией. Вена, как и Пруссия, в случае русско-французской войны обязывались выставить вспомогательный корпус численностью 30 тыс. человек.

Пруссия и Австрия не были надежными союзниками Франции, но Наполеон прежде всего стремился к абсолютной внешнеполитической изоляции России,

сорванной Кутузовым на турецком направлении (16 мая 1812 г. завершилась Русско-турецкая война, длившаяся с 1806 г.).

В течение первой половины 1812 г. Наполеон беспрепятственно сконцентрировал на русской границе основные силы Великой армии. В ее первый эшелон вошло 450 тыс. человек, во второй — более 200 тыс. человек.

Численность всех вооруженных сил России, включая нерегулярные части, равнялась 622 тыс. человек. Из них на западной границе удалось собрать 210—220 тыс. человек (*Айрапетов Олег. Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М., 2006. С. 56—57.*)

Чтобы скрыть истинные размеры и цели передислокации Великой армии от русского командования, во французских корпусах осуществлялся целый комплекс мероприятий по дезинформации: распускались ложные слухи, производилась демонстрация войск с целью убедить русских в том, что основные силы концентрируются в районе Варшавы, т.е. в центре стратегического развертывания Великой армии. Для большей убедительности под Варшаву был направлен двойник Наполеона. Было объявлено об инспекции V корпуса, развернутого в этом районе.

К мероприятиям по дезинформации накануне войны прибегала и Высшая воинская полиция. В мае 1812 г. на связь с графом Нарбонном, находившимся в Вильне в качестве личного посланца Наполеона к Александру I, вышел агент Санглаена — отставной ротмистр русской армии Д. Саван⁴⁴. Последний, явившись помощником французского резидента в Варшаве барона Биньона, в ходе встреч передал подготовленную по распоряжению Барклая дезинформацию о дислокации русских войск и о планах первых оборонительных операций. Из этих планов следовало, что русские войска дадут сражение Великой армии в пограничной полосе, а не отступят в глубь территории страны, как это оказалось в действительности (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 100.*)

Еще в сентябре 1811 г. полковник Ф.В. Тейль фон Сераскерсон советовал «вести длительную и упорную войну», так как Наполеон рассчитывал на быстрый успех. Он предлагал отступать, «избегать генерального сражения», действовать отрядами легкой конницы в тылу противника, стараться затянуть войну до зимы.

Аналогичные мысли высказывал и А.И. Чернышев. Он исходил из тезиса: «в политике, так же как и военном искусстве, главное правило заключается в том, чтобы делать противное тому, чего желает противник».

Полковник Чернышев выдвинул идею отступления: «Затягивать на продолжительное время войну, умножать затруднения, иметь всегда достаточные армии в резерве... Этими можно совершенно спутать ту систему войны, которой держится Наполеон, заставить отказаться от первоначальных своих планов и привести к разрушению его войска вследствие недостатка продовольствия или невозможности получать подкрепления, или вынудить к ложным операциям, которые будут для него гибельны» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. VII. С. 110). В заключение русский офицер был категоричен: «Это единственный образ действия, которому должно следовать наше правительство в таких затруднительных и важных обстоятельствах». Оценивая политическую ситуацию, Чернышев предсказывал, что если война продлится две-три кампании, то победа будет на стороне России и Европа освободится от своего угнетателя.

Идеи Тейля и Чернышева были развиты и получили законченное выражение в написанной в г. Вильно 2 апреля 1812 г. записки Чуйкевича «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией...». В ней подводился итог анализа разведывательных данных и давались рекомендации русскому командованию. Чуйкевич высказался за необходимость вести оборонительную войну, придерживаясь при этом правила «предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает» (подчеркнуто в оригинале — Примеч. авт.). По его мнению, гибель наших армий могла иметь пагубные для всего отечества последствия. «Потеря нескольких областей не должна нас устрашать, — писал автор, — ибо целость государства состоит в целости его армий». Он выдвинул следующую стратегическую концепцию войны: «Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фурражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нетерпимые». «Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык...», «...соображать свои действия с осторожностью и останавливаться на верном», заманивать противника вглубь и дать сражение «со свежими и превосходящими силами» и «тогда можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое» (Безотосный Виктор. Секретная экспедиция // Родина. 1992. № 6—7. С. 22—25).

Записка была написана специально для Барклая-де-Толли. Вместе с тем идси, изложенные в Записке и поддержанные Барклаем-де-Толи, не были учтены в разработке плана военных действий. Александр I не принял во внимание предложения разведки, построенные на достоверных данных, а вверил судьбу страны в руки генерал-лейтенанта К.Л. Фуля, вюртембергского подданного, принятого на русскую военную службу в декабре 1806 г. Фуль играл роль советника императора по вопросам военной теории.

Русские войска были распределены по трем армиям: 1-я Западная армия (около 120 тыс. человек) под командованием генерала от инfanterии М.Б. Барклая-де-Толли располагалась в районе Вильно; 2-я Западная армия (45—48 тыс. человек) во главе с генералом от инfanterии П.И. Багратионом — у Волковыска; 3-я Обсервационная армия (около 45 тыс. человек) генерала от кавалерии А.П. Тормасова прикрывала юго-западное направление. Это была кордонная стратегия: русские войска вытягивались в линию, за которой не было значительных резервов. Такое расположение соответствовало плану, составленному генералом К.Ф. Фулем, который совершенно не учел данные военной разведки.

Предполагалось, что 1-я армия с началом войны отступит от границы в укрепленный лагерь у местечка Дрисса (совр. Верхнедвинск Витебской обл., Белоруссия) и, опираясь на него, остановит французов, в то время как 2-я армия ударит с фланга и в тыл. Предусматривалась и возможность подхода 3-й армии и переход в наступление. «*Если бы Наполеон сам направлял наши движения, — вспоминал начальник штаба 1-й армии генерал А.П. Ермолов, — конечно, не мог бы изобрести для себя выгоднейших*» (Записки А.П. Ермолова 1789—1826. М., 1991. С. 125). Таким образом, Наполеон обеспечил себе значительное преимущество на первом этапе войны — его Великая армия по всем направлениям превосходила русские войска.

Французский план предполагал не допустить объединения разрозненных русских армий и разгромить их «по отдельности» в Белоруссии. 10 июня Франция объявила войну России, а 12 июня французские войска начали переправу через Неман.

Уже в ходе войны, в июле 1812 г., Александру I была представлена «Записка флигель-адъютанта Чернышева о средствах к предупреждению неприятеля в 1812 г.». «Записка» указывала на необходимость соединения двух армий и на крайнюю опасность обладания неприятелем дорогой из Минска через Смоленск

в Москву, не имея возможности противостоять на этом пути вплоть до столицы. Чернышев писал о затягивании военных действий для создания и подготовки подкреплений внутри страны, полагая, «что спасение армий, а следовательно, государства, лежит, прежде всего, в силе резервов». Затем он указал, что призыва государя к народу будет достаточно, чтобы пополнить кадры резервной армии до 100 тысяч человек. Для этой резервной армии флигель-адъютант предлагал создать пять укрепленных лагерей в Смоленской губернии. И вновь Чернышев повторял, что «затягивание войны, задержание Бонапарта возможно далее вдали от его отечества представляет единственный способ» ведения вооруженной борьбы с французским императором.

1.3. Отечественная война 1812 г. и военная разведка

1-я Западная армия начала отступление к Дриссе. Попытка разбить ее в пограничном сражении была сорвана сразу, а вскоре Барклай-де-Толли при поддержке высшего генералитета уговорил Александра I отказаться от плана Фуля и 2 июля оставил Дрисский лагерь и продолжил отступление. Ценность «Записки» Чуйковича заключалась в убедительной аргументации необходимости отступления, главным сторонником которого являлся Барклай, с хладнокровием и мужеством применивший предложенную концепцию на практике в ходе боевых действий. В начале июля император оставил армию и уехал в Москву, не назначив Барклая-де-Толли официально главнокомандующим всей действующей армией, что создавало благоприятные условия для генеральской фронды.

Для прикрытия петербургского направления был выделен первый отдельный пехотный корпус (23 тыс. человек при 108 орудиях) под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Попытка французского наступления на столицу империи была сорвана в сражении под Клястицами. 18—19 июля Витгенштейн нанес поражение корпусу маршала Н.Ш. Удино (28 тыс. человек при 114 орудиях). Французы были отброшены и более не пытались активно действовать в направлении на Ригу и Петербург.

П.И. Багратион, уклоняясь от сражения с превосходящими силами французов, отступил на соединение с 1-й армией через Могилев и Оршу. В русской армии и в обществе нарастало недовольство командованием М.Д. Барклая-де-Толли. Багратион возглавил оппозицию высшего генералитета и энергично настаивал на переходе

в контрнаступление. Противостояние между двумя главнокомандующими армиями усугублялось взаимной неприязнью и отсутствием единого главнокомандующего. И Барклай, и Багратион имели одно воинское звание — полного генерала, но Багратион был старше в чине (т.е. получил его ранее), а Барклай, оставаясь военным министром, был старше по должности.

В результате 25 июля на военном совете в Смоленске было принято решение о начале наступления, против чего категорически возражал Барклай, ссылаясь на распоряжение императора «как можно дольше» не подвергать армии опасности сражения. Возглавляя армии лишь номинально, по должности, он так и не решился отменить решение военного совета, но поставил условие, чтобы армии не отдалялись от Смоленска далее, чем на три перехода.

29 июля 1812 г. русские армии вышли из Смоленска и нанесли ряд поражений разбросанному авангарду противника. На расстоянии двух переходов от Смоленска Барклай остановил движение, для того чтобы выяснить обстановку. Русская разведка к этому времени располагала лишь относительно верными данными о расположении сил Наполеона, оценивая их в 145—150 тыс. человек против 120 тыс. русских. На самом деле в операциях под Смоленском Наполеон мог использовать до 180 тыс. человек.

Опрос пленных давал лишь сведения о передовых частях Великой армии. Обеспечить своевременное поступление информации можно было лишь за счет насаждения еще в мирное время сети лазутчиков — агентов как на неприятельской территории, так и в приграничных областях России. Заблаговременно этого сделать не смогли, хотя времени было достаточно, а те немногие оставленные лазутчики потеряли связь с войсковыми штабами в силу быстрого отступления русских войск вглубь территории страны. Недостаток информации можно было восполнить лишь путем засылки лазутчиков в тыл противника. Попытки в этом направлении делались, однако ожидаемых результатов не дали, да и не могли дать. В качестве лазутчиков попытались использовать евреев, привлечение которых к сотрудничеству с разведкой в мирное время дало положительные результаты. «...Сегодня еще сверх тех партий, которые я приказал послать Быхалову, еще нарядил я евреев, привезенных из России, для разведывания во все те места по Мстиславской дороге...» — докладывал генерал-майор Оленин князю Багратиону 27 июля 1812 г. (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIV. С. 255). Как себе «видели» организаторы разведки использование «партий»

людей, вывезенных из других областей России и совершенно незнакомых с обстановкой, представить трудно.

Поступали разведывательные сведения от дезертиров и перебежчиков, которые были случайны, не систематичны и не могли «заполнить» информационный вакуум. *«Вчерашнего числа два гишинских офицера с некоторым числом рядовых перешли к нам добровольно... Из рядовых же выбрали сие сами офицеры одного гишинца и другого португальца порасторопнее, коих отправляют назад к неприятелю со словесным наставлением, что все, кои перейдут к нам, будут хорошо содержимы и немедленно отправлены в свое отечество, что они берутся выполнить и уверяют, что коль скоро о сем узнают, то все, конечно, перейдут к нам, ибо им там объявлено, что мы с ними обходимся жестоко и казаки их всех мучают и убивают, сие их много останавливает»* (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIV. С. 161).

По данным разведки, Наполеон начал глубокий обход левого фланга наших армий с целью захватить лежавший у них в тылу Смоленск и отрезать их от Москвы. 2 (14) августа Барклай форсированным маршем начал отступление. На сей раз он категорически отверг предложение Багратиона дать решительное сражение и вывел войска за Днепр. Эти действия вызвали еще большую критику в адрес Барклая. Россия уже почти сто лет не испытывала иностранного нашествия, и военного министра обвиняли в том, что отступление стало следствием его нерешительности, трусости и даже предательства. Многих раздражало и его «немецкое», т.е. лифляндское, происхождение, которым его недоброжелатели объяняли «равнодушие», с каким Барклай-де-Толли уступает русскую землю противнику. На самом деле это были выдержка и самообладание, опиравшиеся на глубокий анализ противника, проведенный военной разведкой накануне войны. Но об этом армия и народ поняли много позже.

Разногласия в высшем командном составе во время нашествия, грозившего самому существованию государства, были чрезвычайно опасны. Требовался главнокомандующий с именем, которое не просто успокоило бы войска и общество, но и объединило бы их. 8 августа 1812 г. император назначил главнокомандующим армиями М.И. Кутузова, подчинив ему не только армии, но и ополчения, резервы, гражданские власти во всех губерниях, затронутых войной. Таким образом, единовластие в управлении войсками было установлено, а авторитет ученика Суворова и старшинство в звании генерала от инфантерии с 1798 г. если не устранили

разногласия среди генералитета, то в любом случае лишали привлекательности доводы враждующих группировок (*Лярапетов Олег. Указ. соч. С. 56—64*).

17 августа Кутузов прибыл к армии и приказал продолжить отступление, рассчитывая найти удобную позицию для генерального сражения и получить подкрепления. Фактически это было продолжение стратегии Барклай-де-Толли, который 24 августа оставил пост военного министра, но сохранил за собой пост главнокомандующего 1-й армией (21 сентября по личной просьбе уволен из армии по болезни). Считая невозможным оставлять Москву без боя и получив требование императора дать сражение, Кутузов выбрал для боя позицию у деревни Бородино, в 124 км от столицы.

Понимая, что превосходство в силах по-прежнему остается за французами, русский главнокомандующий считал необходимым выбрать оборонительную тактику и, опираясь на спешно построенные укрепления, нанести максимально возможный урон неприятелю. В распоряжении Кутузова имелось около 114 тыс. регулярных войск (из них 14,6 тыс. новобранцев), 8 тыс. казаков при 624 орудиях. Кроме того, к Бородино было направлено 28 тыс. ратников ополчения, но они были плохо вооружены и обучены, а потому использовались в качестве вспомогательной силы, прежде всего на земляных и саперных работах.

Наполеон надеялся навязать русской армии решающее сражение, уничтожить ее, взять Москву и продиктовать там условия мира. Часть сил Великой армии было оттянуто для прикрытия растянувшихся коммуникаций, тем не менее у Бородино она превосходила русскую по численности войск — 135 тыс. человек при 587 орудиях.

По данным разведки, представленным Г.Ф. Орловым, численность Великой армии на тот момент оценивалась в 165 тыс. человек. Хотя Кутузов полагал «*дополнение Орлова несколько увеличенным*», он считал, что перевес сил все еще остается на стороне противника. К.Ф. Толь тогда оценивал силы Наполеона в 185 тыс., П.И. Багратион — в 130—140 тыс. (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 124—125*).

24 августа французы атаковали незавершенный и выдвинутый вперед Шевардинский редут и после упорного боя, продолжавшегося до темноты, вытеснили оттуда русские войска. 26 августа состоялось Бородинское сражение. Выбранная Кутузовым позиция исключала для противника возможность обхода или флангового удара и навязала Наполеону тактику лобовой атаки. С 6 часов утра до 6 часов вечера французы массами штурмовали русский центр — Багратионовы флеши и

батарею Раевского, — многократно переходивший из рук в руки. К вечеру противник овладел русскими позициями в центре и на левом фланге, но это привело лишь к тому, что русская армия отступила на расстояние от 1 до 1,5 км, ее оборона не была прорвана на одном участке, а сама армия не была разбита.

Сражение носило исключительно ожесточенный характер, каждая из сторон взяла только около 1 тыс. пленных. Потери наполеоновской армии убитыми и ранеными по разным источникам составили от 28 тыс. до 58 тыс. человек. Потери русских войск достигли цифры от 45 тыс. до 50 тыс. человек.

По поводу оценки результата сражения отсутствует единое мнение, обе стороны немедленно после его окончания объявили о своей победе. Представляется, что ни один из главнокомандующих не решил в полном объеме задачи, поставленной перед битвой. Кутузов не смог остановить наступление неприятеля на Москву и вынужден был продолжить отступление. Наполеон не смог разгромить русскую армию и навязать русским условия мирного договора.

1 сентября русские войска находились на ближайших подступах к Москве — деревне Фили, где предполагалось дать второе сражение. Однако на состоявшемся здесь совете высших воначальников Кутузов принял решение оставить Москву и продолжить отступление. Необходимость сдачи столицы диктовалась обстановкой, и Кутузов фактически продолжил тактику, проводимую Барклаем, основанную на идеи сохранения армии во имя спасения страны.

Следует отметить, что аргументация Барклая и Кутузова была схожа с мыслями, высказанными в записке П.А. Чуйковича, а также с мнением А.И. Чернышева о резервах. Кутузову приписывают слова: «...с потерянем Москвы не потеряна еще Россия и что первою обязанностью поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю...» (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 126).

2 сентября русская армия покинула город, и в тот же день в него вошли французы.

Кутузов вначале отводил войска по Рязанской дороге, но уже 4 сентября повернул армию на Калужскую дорогу к селу Тарутино (в 84 км к югу от Москвы), где остановился 21 сентября 1812 г. Здесь был разбит лагерь, в котором армия смогла пополнить свои запасы и принять пополнения. Находясь в Тарутинском лагере, русская армия угрожала коммуникациям французов и прочно прикрывала направления на Калугу с ее значительными складами продовольствия и амуни-

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ции, на Брянск и Тулу с их оружейными заводами и сохраняла связь с южными губерниями, откуда шло пополнение и снабжение армии.

С началом войны в Высшую воинскую полицию (Высшей воинской полиции 1-й Западной армии) попали уже упоминавшиеся полицмейстеры городов Вильно и Ковно — А. Вейс и майор Э.А. Бистром соответственно, до этого активно сотрудничавшие с Сангленом, таможенный чиновник А. Бартц⁴⁵, в сентябре 1812 г. житель Виленской губернии — Я. Закс⁴⁶. Были приняты несколько отставных офицеров, имевших опыт боевых действий: подполковник Е.Г. Кемпен⁴⁷, капитан К.Ф. Ланг⁴⁸, а также бывший ротмистр австрийской службы В. Ривофиннalli⁴⁹.

Если до войны сотрудники Санглена занимались как выявлением французской агентуры, так и ведением разведки сопредельных территорий, то с началом военных действий их важнейшей задачей стало получение разведывательных сведений о передвижениях войск противника. С этой целью все чиновники Высшей воинской полиции отправлялись в командировки на фланги и в тыл противника. Розен и Бистром посылались в район Динабург — Рига, Бартц — в Белосток, Ривофиннalli — в район Подмосковья, Шлыков — под Полоцк и Смоленск, затем в 3-ю армию. Лешковского прикомандировали к корпусу П.Х. Витгенштейна, а Кемпена направили в Мозырь для развертывания агентурной работы в Белоруссии. К Лангу были прикомандированы два казака для захвата «языков» и в течение военных действий к нему было доставлено 10 пленных. При выполнении заданий чиновники Высшей воинской полиции часто рисковали жизнью: от полученных ран после Бородина умер Бистром, пропал без вести Вейс, был ранен в ногу Ланг, захвачен в плен Бартц, непродолжительное время находился в плену и Валуа. С полным основанием можно сказать, что сотрудники Высшей воинской полиции, решая разведывательные задачи, вносили свой вклад в дело победы над врагом (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 223, 228—229).

В связи с оставлением Барклаем-де-Толли поста военного министра Я.И. де Санглен сдал все свои должности и 2 сентября выехал в Петербург, где продолжил службу при военном министре кн. А.И. Горчакове.

Директором Высшей воинской полиции действующей армии — Высшей воинской полиции 1-й армии — стал барон П.Ф. Розен, а его помощником — капитан К.Ф. Ланг.

Оценивая деятельность Высшей воинской полиции в 1812 г., необходимо заметить, что из-за ограниченного времени и недостатка квалифицированных

кадров в полной мере, как предусматривалось, организационная структура не была создана во всех армиях. То обстоятельство, что, будучи военным министром, Барклай не являлся главнокомандующим всей действующей армии, поэтому его новации в контрразведывательно-разведывательной сфере не могли дать желаемых результатов. Сотрудникам Высшей воинской полиции не удалось организовать постоянно действовавшей сети в тылу противника, что, по-видимому, было нереально, исходя из необычайной подвижности линии фронта.

Практиковалась преимущественно посылка разовых лазутчиков, что создавало трудности в сборе необходимых сведений, так как не всегда агенты были знакомы с местностью. Помимо прочего возникали сложности с обратным возвращением, что задерживало оперативное поступление разведывательных данных. Во время кампании 1812 г. Высшая воинская полиция испытывала нехватку в подготовленной агентуре. Ее сотрудники вынуждены были заниматься импровизациями и направлять в разведку случайных лиц, что сказывалось на качестве получаемой информации.

Как на негативный момент можно указать, что основной состав сотрудников Высшей воинской полиции был рекрутирован из гражданских элементов, бывших сотрудниками Министерства полиции, разбавленный бывшими отставными офицерами, проштрафившимися в прошлом или не имевшими возможности находиться в строю в связи с ранее полученными ранениями. В подавляющем большинстве все они были по своему происхождению иностранцы. Высшей воинской полиции, отмечает В.М. Безотосный, как органу, выполнявшему важную разведывательную функцию, не доставало в первую очередь «военного духа», который должны были внести кадровые военнослужащие русской армии, имевшие опыт разведывательной работы.

При оставлении территории делались попытки создавать из местных патриотов агентурные группы, которые должны были поддерживать связь с русским командованием. Такие группы были созданы в период французской оккупации в Велиже, Полоцке, Могилеве.

Высшая воинская полиция не смогла обеспечить армию в ходе войны необходимыми разведывательными сведениями в силу недостаточных сил и средств.

Независимо от деятельности Высшей воинской полиции, начальники штабов частей и соединений самостоятельно организовывали разведку противника. В этой связи постоянно проводилась засылка лазутчиков в тыл противника.

Как правило, эти функции выполняли командиры авангардных (арьергардных) частей.

Из сохранившейся отчетной ведомости выплат агентам в Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова за октябрь — декабрь 1812 г. видно, что за три месяца в тыл противника было направлено 19 человек (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 65). Командование русских частей в Риге вело активную агентурную разведку, захватывавшую территорию Пруссии. Значительный контингент лазутчиков был направлен в Москву во время оккупации города французами. Практиковалось также использование дезертиров, согласившихся сотрудничать с русской разведкой. Важные сведения доставляли командованию офицеры, направляемые к противнику в качестве парламентеров.

Большое значение придавалось во время войны опросу беженцев, дезертиров и пленных. В 1812 г. все пленные допрашивались «порознь». Кроме того, неоднократно отдавались приказы сразу же обыскивать пленных, «невзирая на особу», а все найденные бумаги немедленно присыпать в главное дежурство армии.

В ходе боевых действий разведывательные сведения добывались войсковой разведкой, в том числе и проведения разведки боем. «...*Для открытия числа неприятеля, — докладывал комендант Динабурга генерал-майор Уланов «государю Императору» 1 июля 1812 г., — откомандировал я Изюмского гусарского полка майора Бедрягу с 3-мя эскадронами, который в течение целого полудня означенными эскадронами снял из числа расставленных на высотах неприятельских пикетов 12 человек рядовых, в числе коих 7 французов и 5 итальянцев и сверх того на тех же пикетах одного убил, а другого заколол. Со стороны же нашей убитых и раненых не имеется... По сделанным же допросам взятые в плен объявили...*» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIV. С. 161). Неизвестно только, счел ли генерал Уланов возможным информировать о результатах разведки босм командиров частей, находившихся в районе Динабурга.

В начале кампании русская кавалерия как главный инструмент проведения войсковой разведки была поставлена в неблагоприятные условия ввиду громадного преимущества французской конницы. У русских было примерно 40 тысяч сабель, у Наполеона — 95 тысяч.

Впоследствии это соотношение изменилось в пользу русских. В ряды русской кавалерии постоянно вливались пополнения и новые конные подразделения за счет ополчения, казаков и вновь сформированных частей. Особенностью русской

кавалерии являлось наличие казаков или иррегулярной конницы. В целом казачьи части представляли универсальный вид легких войск, который был эффективно использован командованием для несения дозорной службы, разведывательных целей и преследования противника (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 64—65.*)

Одной из загадок кампании 1812 г. стал массовый падеж скота (главный интендант Великой армии Дарю гнал на прокорм такой армады более 600 тысяч голов) и лошадей. Уже в июле начался падеж скота и кавалерийских лошадей (сдохло не менее 10 тысяч). Это первое в истории нового времени «коровье бешенство» (*vaches folles*) резко изменило стратегические планы Наполеона: его армия вынуждена была кормиться «на ходу» — по существу, занимаясь реквизициями и мародерством.

Командиры частей наполеоновской армии уже в июле 1812 г. отряжали в деревни и поместья фуражирские команды, которые вначале «покупали» продовольствие и фураж на фальшивые русские рубли, а затем просто обирали местное население. Этот грабеж, наряду с «анафемой» Синода, вызвал сопротивление крестьян и участие их в партизанской войне.

Именно солдаты и офицеры фуражирских команд стали и первыми жертвами, и первыми пленными. К концу июля было захвачено в плен 2 тысячи человек, а к сентябрю, до Бородинского сражения, их число достигло 10 тысяч человек. Не всех пленных крестьяне, взявшиеся за оружие, отправляли в штабы русской армии — у них не было для этого ни вооруженного конвоя, ни средств передвижения. Пленные нередко распределялись по крестьянским дворам как работники-рабы (*Сироткин Владлен. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 180.*)

Во второй период войны войсковая разведка была усиlena действиями разных по величине конных отрядов, посылаемых на фланги и тыл Великой армии. Назначенный дежурным генералом П.П. Коновницын требовал от командиров отрядов чаще доставлять разведывательные сведения. «*Сие необходимо, нужно, — писал он, — для соображения предполагаемых действий.*» У русского командования в этот период не было недостатка данных о противнике, которые черпались из различных источников.

Войдя в Москву, французы подвергли город грабежу, а оставшееся население — насилию. Невиданных размеров мародерство в первый же день пребывания в Москве армии противника закончилось огромным пожаром, уничтожившим три четверти построек города.

Попытки Наполеона вступить в переговоры с Александром I или Кутузовым закончились провалом. Грабежи и мародерство привели к деморализации французской армии, она начала разлагаться.

Оценивая невыгодное положение Наполеона в Москве, Кутузов старался любыми средствами затянуть его пребывание там, распуская слухи о бедственном положении русской армии и о всеобщем желании заключить мир с французами. Русская разведка даже составила подложное письмо Кутузова к царю, где главнокомандующий ратовал за мир, так как войска не способны долго продолжать войну и занимают уязвимую позицию. Наполеону «удалось» перехватить это послание, после чего он решил подождать и продлить свое пребывание в Москве. Русская армия сознательно не вступала в решительное сражение с противником, стремясь создать для французов невыносимые условия пребывания в городе организацией тесной блокады и действиями партизанских отрядов.

1.4. Партизаны — источник разведывательной информации

В период Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813—1814 гг. партизанская война получила широкий размах, какого до сих пор не знала. И тому были свои причины. И в первую очередь вследствие удаления Великой армии от своей базы ее тыл сделался весьма чувствительным.

Партизанские действия впервые применил главнокомандующий 3-й Обсервационной армией А.П. Тормасов, который в июле 1812 г. выслал отряд полковника К.Б. Тормасова к Брест-Литовску и Белостоку. «Возложенные на него экспедиции к г. Белостоку выполнил как искус[ный] и предприимчив[ый] партизан, разбив у Городечны десантный (detachement, фр. — отряд.) французского генерала Фернера», за что был произведен в генерал-майоры (Колпакиди А., Север А. Спецназ ГРУ. М., 2008. С. 26). 2 августа по распоряжению М.Б. Барклая-де-Толли был сформирован «летучий корпус» генерала Ф.Ф. Винцингероде⁵⁰.

В августе 1812 г. штабс-ротмистр М.Ф. Орлов⁵¹, возвратившийся из Смоленска, куда он был послан для выяснения судьбы попавшего в плен командира 2-й бригады 17 пехотной дивизии генерала П.А. Тучкова, доложил о беспорядках и беспечности, царивших в тылу французской армии. Однако переход от единичных случаев к масштабным партизанским действиям справедливо связывают с

именем ставшего знаменитым впоследствии Дениса Давыдова⁵². Подполковник Ахтырского гусарского полка Д.В. Давыдов, находясь со своим полком в авангарде и участвуя в небольших стычках с французами, обратил внимание на непрочность коммуникаций Великой армии. 21 августа он обратился к командующему 2-й Западной армией генералу П.И. Багратиону с просьбой разрешить ему предпринять ряд партизанских набегов для уничтожения продовольственных транспортов, беспокойства тыла и флангов и организации народной войны. Давыдов просил «для опыта» всего лишь 50 гусар и 80 казаков (Военная энциклопедия. Петроград. 1914. Т. XVII С. 303—308). Идея Давыдова была поддержана главнокомандующим всей русской армией М.И. Кутузовым

Недостатка в желающих принять участие в партизанской войне не было. В своих воспоминаниях начальник Главного штаба 1-й армии генерал А.П. Ермолов писал: «*Вскоре по оставлении Москвы докладывал я князю Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер⁵³ предлагал доставить сведения о состоянии французской армии в Москве и буде есть какие чрезвычайные приготовления в войсках; князь дал полное соизволение...*

Князь Кутузов был весьма доволен первыми успехами партизанских его действий, нашел полезным умножить число партизан, и вторым после Фигнера назначен гвардейской конной артиллерии капитан Сеславин⁵⁴, и после него вскоре гвардии полковник князь Кудашев⁵⁵» (Записки А.П. Ермолова 1789—1826. М., 1991. С. 212).

26 сентября главнокомандующим были назначены три партии в тыл противника, с указанием участков действия для каждой из них с целью вседения разведки и партизанской войны.

1-я партия — под командой генерал-майора Дорохова⁵⁶ (район действия — между Гжатью и Можайском). 2-я партия — под командой артиллерии капитана Фигнера (район действия — между Можайском и Москвой). 3-я партия — под командой адъютанта Его Высочества полковника князя Кудашева (район действия — Серпуховская дорога).

Помимо крупных подразделений, в тылу противника действовали небольшие отряды подполковника Давыдова (от Смоленска до Гжатска), гвардейской артиллерии капитана Сеславина (в районе Богородска, Осликова и Боровского), полковников И.Ф. Чернозубова⁵⁷, И.Е. Ефремова и кн. И.М. Вадбольского⁵⁸, майоров С.И. Лесовского и уже упоминаемого разведчика В.А. Пренделя, поручика М.А. Фонвизина⁵⁹.

Информация о противнике поступала в адрес Барклая-де-Толли от вышеуказанных командиров ежедневно. В основном она получалась от пленных, из захваченных документов и из личных наблюдений партизан.

Как следовало из «Журнала военных действий», с 1 сентября по 31 декабря 1812 г. только в первых половине сентября хроника партизанских действий выглядела следующим образом:

«09 сентября. Ахтырского гусарского полка подполковник Давыдов рапортирует, что 06 сентября, следуя с отрядом своим, состоящим из 50 гусар и 80 казаков, к большей дороге, лежащей между Вязьмою и Гжатью, открыл близ села Царево-Займище неприятельский транспорт с хлебом, состоящий в 30 подводах и сопровождаемый 215 человек пехоты, на коих он, ударив, взял в плен 98 человек, а прочих переколол, равномерно захвачен ими следовавший в небольшом расстоянии другой транспорт, состоящий в 3-х офицерах и 2-х артиллерийских ящиках со снарядами...»

«11 сентября. Генерал-майор Дорохов доставил перехваченную почту в 2-х запечатанных мешках и 3-й мешок с ограбленными церковными вещами...».

«12 сентября. Генерал-майором Дороховым пойманы по Можайской дороге 2 курьера с депешами, сожжены 20 ящиков со снарядами и взято 200 человек пленных, в числе коих 5 офицеров...» (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XV. С. 26).

Участник Отечественной войны 1812 г. Федор Глинка называл партизан «наездниками»: «Сии наездники (партизаны), начальствуя летучими отрядами, из разных войск составленными, имеют все способы переноситься с места на место, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь, вдруг с разных сторон или пересекая черту сообщений. Они же могут доставлять армии подробнейшие сведения о всех скрытых и явных передвижениях неприятеля» (Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 189).

Из штаба армии начальникам партий указывалось только общее направление действий, приблизительный район каждого отряда, кто будет соседом, а также общая цель — нанесение максимального ущерба противнику. Выбор предоставился начальникам партий. Густая цепь партизан окружила Наполеона. Скрываясь в лесах, постоянно переходя с места на место, они пользовались местностью и быстрой движения для внезапных нападений. Они высматривали неприятельские команды и обозы. Партизаны стали грозой для противника и неуязвимы. Фран-

цузские запасы, артиллерийские парки, почта, курьеры, пленные — все попадало в руки партизан.

Добравшись до назначенного им участка, партизаны выбирали какое-нибудь населенное место, лежавшее в стороне от тылового пути противника, которое называлось «пристанью». При выборе «пристани» исходили из требования безопасности, местность должна была исключать внезапность нападения. «Пристань» служила убежищем для больных и раненых, для отдыха, складом для продовольствия, «станцией» для сношения с армией и с соседями. В остальное время партизаны располагались в центре выделенного им участка, по соседству с тыловыми коммуникациями неприятеля — в «притоне», откуда устремлялись то в одном, то в другом направлении. Иногда пристань и притон совмещались. В 1812 г. пристанью для Давыдова служил все время г. Юхнов, а притонами села Скугарево, Знаменское и др. Партия не должна была оставаться подолгу в «притоне», даже при полном сочувствии жителей, так как иначе враг легко устанавливал ее местопребывание. Сначала, пока люди были «не нахватаны», довольствовались перехватом курьеров и ординарцев, порчей телеграфа, что требовало больше хитрости, чем отваги. Чтобы не обременять ссыбя добычей, пленными и ранеными, все это отправлялось к «пристани» при содействии жителей, на взятых у них подводах, под небольшим конвоем (Военная энциклопедия. Т. VIII. Петербург. 1912. С. 570—572).

К числу известных партизан относился Александр Самойлович Фигнер.

«Везде неизнанный лазутчик»

А.С. Фигнер

*O, Фигнер был великий воин
И не простой... он был колдун!
При нем француз был вечно беспокоен...
Как невидимка, как летун,
Везде неизнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них: как немец, как поляк
Он едет вечером к французам на бивак*

*И в карты козыряет с ними,
Поет и пьет... и рас простился он,*

*Как будто с братьями родными...
Но усталых в пиру еще обдергит сон,
А он слишком с своей командой зоркой,
Прокравшись из леса под горкой,
Как тут!... «Пардон!» Им нет пардона;
И, не истратив ни патрона,
Берет две трети эскадрона...*

(Ф.Н. Глинка. Смерть Фигнера)

А.С. Фигнер, из семьи обрусевших немецких дворян, родился в 1787 г. Имел необыкновенную способность к изучению иностранных языков, свободно объяснялся на французском, немецком и итальянском. Окончил Второй кадетский корпус. С 1805 г. — на военной службе, участвовал в экспедиции русского флота на Средиземном море. Во время Русско-турецкой войны (1806—1812 гг.) служил в артиллерии и отличился в штурме Рущука (1811 г.). Перед сражением вызвался для измерения глубины и ширины крепостного рва и, «ежесли можно», высоты вала. «Так немедленно в темноте ночи отправился к крепости; ползши долго на руках и на животе до рва, выполнил по возможности эту порученность, взялся охотником на штурм крепости, и оказалась верность в его измерении», — вспоминал участник Отечественной войны 1812 г. Г.П. Мешетич в своей книге «Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 гг.». За отличие Фигнер получил орден Св. Георгия 4-й степени.

Начало Отечественной войны застало Фигнера в чине штабс-капитана 3-й легкой роты 11-й артиллерийской бригады. Он отличился под Смоленском, участвовал в Бородинском сражении. После вступления Великой армии в Москву Фигнер с разрешения главнокомандующего отправился в Москву. Вооружив несколько жителей, по ночам он устраивал засады на улицах столицы, истреблял солдат и офицеров, а днем, «переодетый то купцом, то иностранцем, свободно и спокойно ходил по городу, вмешиваясь в толпу французов, выведываял, что можно и сообщал в нашу армию» (Энциклопедия военных и морских наук. Составлена под главной редакцией генерала от инфантерии Лсера. Т. VIII. СПб., 1897. С. 91). К Наполеону Фигнер питал особую ненависть.

Одно из посещений занятой французами русской столицы Г.П. Мешетич описывает следующим образом. С оставлением Москвы в облике Фигнера стало

замечаться что-то особенное: небритая борода и всклокоченные, запускаемые волосы на голове. После прибытия русских войск в Тарутино Фигнер попросил у М.И. Кутузова разрешения отлучиться в Москву, «*узнать совершино, в каком состоянии неприятель, и получил приказание отправиться*». Облачившись в лохмотья «самого бедного последнего сословия нищего старца», добрался до Москвы, где начал «*пантомимами испрашиват подаяние хлеба, но скудно очень оный доставал*». Как вдруг был взят прислугой в дом французского штабного генерала. Поручено ему было таскать дрова, топить печи и «*исправно смотреть за оными*». Одно «*помышление*» не оставляло Фигнера ни днем ни ночью — это убить Наполеона. Однажды утром он направился в Кремль, но в воротах был остановлен часовым — солдатом старой гвардии ударом приклада ружья в грудь. Так Фигнер лишился своей надежды убить французского императора и вернулся опять к своему хозяину. Вскоре вечером он услышал разговор, что на следующий день крайне важно отправить офицера с депешами от Наполеона в авангард армии и в этой связи необходимо подыскать надежного проводника. Рано утром Фигнер, протопив печи, остался в передней. Генерал, увидев своего истопника «исправным», приказал позвать переводчика-поляка и велел спросить у Фигнера, не знает ли тот дороги до деревни, где располагался авангард французских войск. Фигнер ответил утвердительно. Французский генерал приказал объявить ему награду — несколько червонцев, если он выполнит поручение и возвратится назад. Вскоре появились конные офицер и два рядовых улан, Фигнеру дали лошадь и отправились «*прямейшим трактом на ближайшие аванпосты казачьи*». Не доехав нескольких верст до русских передовых постов, Фигнер предложил остановиться в ближайшей деревне на отдых с тем, чтобы он отправился вперед посмотреть, не ожидает ли их какая опасность. Через некоторое время Фигнер вернулся в деревню с казаками, которые взяли в плен исприятельского офицера с солдатами. Когда Кутузову доложили, что капитан Фигнер прибыл с пленными, то главнокомандующий не узнал его и поинтересовался, где бесстрашный разведчик. И это была не единственная вылазка Фигнера в Москву.

В конце сентября 1812 г. из охотников и отставших солдат Фигнер сформировал небольшой партизанский отряд, который совершал смелые нападения на врага и добывал ценные сведения для командования русской армии. Первый его рейд состоялся в ближайших окрестностях Москвы: настыев на французский транспорт, он заклепал шесть орудий, взорвал фургоны с порохом и захватил 200 пленных.

В состав отряда Фигнера вошли и вооруженные крестьяне, что являлось скорее исключением, чем правилом. Обычно вооруженные крестьяне действовали отдельно. Фигнер одной награды попросил у главнокомандующего — иметь свою партию «наездников», на что вскоре последовало согласие. Сначала под его начало было выделено 300 человек кавалеристов из разных частей, с которыми он, скрываясь ночью в лесу в тылу неприятеля, внезапно нападал на разные отряды фуражиров по деревням, по дороге на обозы и подвоз провианта или фуража, останавливал и предавал огню. Переодевшись во французскую форму, он неоднократно отправлялся в стан неприятельской армии, на биваках у огней дружески разговаривал с офицерами и солдатами, представляясь фуражиром одной из частей. Фигнер выпытывал, куда направляются сидевшие у огня, велик ли их отряд, просил послать совместно с ними своих подчиненных и удалялся. А потом его партизаны внезапно нападали, истребляя солдат и беря их в плен. Однажды он подъехал к французскому лагерю в сопровождении трубача, одетого в плащ и шапку польского улана. Подъехав к французскому аванпосту, он соскочил с лошади и передал поводья трубачу, у которого в этот момент плащ распахнулся, и часовой заметил странную экипировку рядового. Француз взял было на прицел трубача, но громкий смех Фигнера и строгий приказ: «Не стреляй в своего» заставил часового опустить ружье. А Фигнер, поблагодарив часового за бдительную службу, проследовал дальше.

В одном из своих донесений дежурному генералу штаба главнокомандующего П.П. Коновницыну А.С. Фигнер сообщал: «*Вчера я узнал, что Вы беспокоитесь узнать о силе и движениях неприятеля. Чего ради вчера же был у французов один, а сегодня посещал их вооруженною рукою, после чего опять имел с ними переговоры. О всем случившемся посланный мною к Вам ротмистр Алексеев лучше расскажет, ибо я боюсь расхвастаться*» (Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 248).

Однажды его отряд был окружен с трех сторон французами, с четвертой стороны возвышался лес, добраться до которого французы бы не дали. Казалось — ситуация безвыходная. Но Фигнер придумал блестящую хитрость: он переодел половину отряда во французскую форму и инсценировал бой с другой частью. Настоящие французы остановились, ожидая завершения схватки. Между тем «французы» оттеснили русских к лесу, где и те и другие благополучно скрылись.

Своей деятельностью Фигнер наводил ужас на французов. По неприятельским войскам распространился слух, что у русских есть штаб-офицер, чрезвычайно

смелый, который приезжает иногда на их бивак, «и узнает, что нужно, и нападает удачно». Была известна фамилия этого партизана и даже назначена награда тому, «кто его живого приведет, или истребит».

Он ездил на лошади омундштученной и оседланной французской сбруей, «через что легко ему было только что накинуть на себя французский плащ и надеть французскую шляпу, чтобы проезжать между французским войсками и все видеть своими глазами».

По словам Дениса Давыдова, не жаловавшего Фигнера, последний «обладал духом непоколебимым в опасностях и, что всего важнее для военного человека, отважностью и предпримчивостью беспредельными, средствами всегда готовыми, глазом точным, сметливостью сверхъестественной; личная храбрость его была замечательна, но не равнялась с сими качествами... в них он был единственен!» Однако Давыдов не принимал другую черту этого офицера, а именно — излишнюю жестокость. В отличие от Давыдова, проявлявшего великодушие по отношению к пленным, подчиненные Фигнера, следуя указаниям командира, далеко не всегда щадили взятых в плен. Ссылаясь на людей, Фигнеру «доныне приверженных», Давыдов говорит «о неоднократном истреблении его партией, вследствие повеления его, по триста и по четыреста человек пленных». «Быв сам партизаном, — комментирует сказанное выше Денис Давыдов, — я знаю, что можно находиться в обстоятельствах, не позволяющих забирать в плен; но тогда горестный сей подвиг совершается во время битвы, а не хладнокровно и после уже того опасного обстоятельства, которое миновалось — что делал Фигнер» (Грозное оружие: Малая война и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. Российский военный сборник. Вып. 22. М., С. 183).

Густая цепь партизан окружила Наполеона и пресекла пути к Москве. Скрываясь в лесах, постоянно переходя с места на место, они пользовались местностью и быстротой движения для внезапных нападений. Они высаживали неприятельские команды и обозы. Партизаны стали грозой для противника и были неуязвимы. Французские запасы, артиллерийские парки, почта, курьеры, пленные — все попадало в руки партизан. Партизаны ежедневно захватывали пленных, установили непрерывное наблюдение за передвижением французских войск на всех дорогах. Отбитое оружие раздавалось крестьянам, которых партизаны воодушевляли, поддерживали в народной войне.

«Жители, — по свидетельству А.П. Ермолова, — ободренные беспрерывно являвшимися партиями, служили им вернейшими провожатыми, доставляли

обстоятельные известия, наконец, сами взяли оружие и большими толпами присоединились к партизанам. Во второй период войны войсковая разведка была усиlena действиями разных по величине конных отрядов, посылаемых на фланги и тыл Великой армии. Это обстоятельство во многих случаях обеспечило командованию своевременное получение необходимых данных о противнике» (Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 207).

Народная война против интервентов, которая приняла особо крупный размах после московского пожара, поставила снабжение и связь французов под постоянную угрозу и являлась также источником разведывательных сведений. Проявления народной войны отмечались еще в первые месяцы войны. «...Накануне сего происшествия купец Миншинков того же города (г. Поречье. — Примеч. авт.) привел ко мне адъютанта генерала Пино со всеми его депешами. Миншинков, быв вспомоществуем несколькими мужиками, взял его в плен...» — докладывал «Государю Императору из м. Белаго» генерал-адъютант барон Винциппероде 19 августа 1812 г. (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XVI. С. 85).

Однако далеко не всегда крестьяне шли легко на контакт с партизанами. Когда Денис Давыдов впервые появился со своим отрядом в тылу французской армии в селе Скугореве, местные жители, видевшие у себя только французов, сочли и гусар Давыдова за неприятеля и встретили их очень враждебно. Тогда Давыдов переодел свой отряд в крестьянскую одежду, отпустил бороду и навесил на грудь образ св. Николая, и это помогло ему заручиться доверием крестьян. Тактика его заключалась в том, чтобы, избегая открытых нападений, налетать врасплох, отбивать обозы, уничтожать провиант и боевые запасы. Отнятым у французов оружием. Давыдов вооружал крестьян и давал им наставление, как действовать. Мало-помалу успех стал сопровождать Давыдова. В его распоряжение были даны два казачьих полка, а кроме того, его отряд все время пополнялся отбитыми им из плена русскими солдатами и добровольцами.

За 36 дней пребывания в Москве французская армия ослабла, а русская — значительно укрепилась вместе с приходом пополнений. В предписании Бертье Наполеон писал о необходимости энергичных мер для прикрытия фуражировок и добавлял, что Ней ежедневно при фуражировках теряет больше людей, чем на поле битвы. В общем, в период своего пребывания в Москве Наполеон потерял от партизанских действий до 30 тыс. человек.

Мало того что партизаны все знали о неприятеле, они препятствовали французской разведке, и Наполеон со времени занятия Москвы и до боя при Тарутине почти ничего не знал о русских. Партизаны поддерживали связь между нашими армиями, разделенными противником.

6 октября авангард Великой армии под командованием маршала И. Мюрата потерпел поражение в Тарутинском сражении. Узнав об этом, 7 (19) октября Наполеон приступил к выводу войск из Москвы в направлении Калуги по не затронутойвойной старой Калужской дороге. А.Н. Сеславин первый доложил о движении французов к Калужской дороге. В результате — быстрый марш корпуса генерала Дохтурова, а за ним и всей армии к Малоярославцу. Сам Сеславин, находившийся в это время в селении Фоминское писал: «*Я стоял на деревне, когда открылось движение французской армии, которая тянулась у ног моих, где находился сам Наполеон в карете. Несколько человек отделилось от опушки леса и дороги, были захвачены и доставлены светлейшему (М.И. Кутузову. — Примеч. авт.) в удостоверение в таком важном для России открытии, решающем судьбу отечества, Европы и самого Наполеона.. Я нашел ген. Дохтурова в Аристове случайно, вовсе не зная о пребывании его там; я личился к Кутузову в Тарутино»* (Энциклопедия военных и морских наук. Составлена под главной редакцией генерала от инфантерии Леера. Т. VII. СПб., 1895. С. 189). 12 октября русская армия преградила путь французам у Малоярославца. После ожесточенного сражения Наполеон был вынужден повернуть на старую Смоленскую дорогу, по которой французская армия наступала на Москву, и возвращаться по опустошенной и разоренной местности.

Параллельно им следовала русская армия, закрывая от противника центральные губернии, впереди и позади действовали партизаны, уничтожая отставших и отделившиеся небольшие отряды французов. Русская войсковая разведка в этот период в избытке добывала сведения о противнике, но стремительно разворачивающиеся события быстро обесценивали их. Партизанские отряды Сеславина и Фигнера отбили у французов целый транспорт с драгоценностями, награбленными в столице.

Под Вязьмой 22 октября, «*проехав насквозь французские войска*», подполковник Сеславин обнаружил начало их отступления и «*дал знак русским для преследования*», а затем, встав во главе Перновского полка, ворвался в город. О партизане Сеславине Ф.Н. Глинка писал: «*Он храбр и прям, как меч! Ни трусости, ни лести!*...

О нем вещал бы нам и предок-славянин: “Се — славен!”» (Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 279—280).

Армия Наполеона слабела от голода, недостатка фуражи и, войдя 27 октября в Смоленск, разграбила собственные продовольственные склады. Порядок сохранила лишь старая гвардия.

Получив еще один казачий полк, Денис Давыдов после ряда удачных стычек решился на отважное дело: соединившись с отрядами партизан Фигнера, Сеславина и Орлова-Денисова, он под Ляховым 28 октября атаковал отряд генерала Ожера и заставил его сложить оружие (две тысячи нижних чинов и 60 офицеров). От партизан постоянно поступали достоверные сведения о расположении неприятельских войск. Сеславин *«в самых горячих выражениях... побуждал Кутузова (через Ермолова) идти на Красный и отрезать французскую армию»*, что свидетельствовало о глубоком понимании произведенным в полковники командиром партизан.

4 ноября под Красным Денис Давыдов взял в плен генералов Альмерона и Бюрга, большой обоз и много пленных. 9 ноября под Копысом разбил неприятельское кавалерийское депо, охранявшиеся тремя тысячами человек. 14 ноября под Белыничами отбил запасы провианта и оружия, 9 декабря занял Гродну, сданную ему австрийским генералом Фрелихом.

Окончательная катастрофа армии Наполеона произошла на Березине. После Днепра ближайшим препятствием для отступавших стала именно эта не успевшая еще замерзнуть река, к которой подходили армии Чичагова и Витгенштейна.

По плану Кутузова создавался весьма прочный «мешок» для нанесения, как говорил фельдмаршал, последнего удара. Противник не имел путей отступления: они все были отрезаны. Участь Великой армии во многом зависела от согласованности совместных действий войск Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, с разных сторон загонявших Наполеона. Чичагов занял Минск — важнейшую тыловую базу наполеоновской армии. Последствия могли быть катастрофическими, так как русские не только перерезали операционную линию в тылу у французов, но и угрожали Борисову — главному узлу коммуникаций наполеоновской армии на р. Березине. Войска Витгенштейна угрожали коммуникациям Великой армии с севера, по пятам которого следовала армия Кутузова.

Впереди, на правом берегу Березины, находилась армия Чичагова, справа — войска Витгенштейна, слева — главная армия, в тылу — авангард Милорадовича, отряд Ермолова и казачьи полки Платова.

В 10-х числах ноября Великая армия оказалась в полном окружении. По оценкам Кутузова, численность всех войск Наполеона в треугольнике Борисов — Черня — Толочин достигала до 60 тысяч. Всего же для форсирования Березины подошло более 40 тыс. человек французских войск, не считая множества невооруженных, ослабленных и больных. Перед Наполеоном стояла одна-единственная задача — вырваться из кольца. Он отказался от ранее принятого плана пробиваться на Минск и приказал подготовить продовольствие в Вильно, а часть запасов направить в Вилейку.

Наполеон с гвардией пришел в Борисов 13 ноября. Отыскание и обеспечение переправы через Березину было возложено на начальника штаба маршала Удино.

С целью обмануть Чичагова южнее Борисова была устроена подготовка ложной переправы у д. Ухолоды: производилась вырубка леса, разбирались крестьянские избы, свозились бревна, измерялась глубина реки. Сюда же стали направляться толпы безоружных оборванцев, прикрытых небольшими отрядами вооруженных французских солдат. Это мероприятие было подкреплено успешной операцией по дезинформации русских. Маршал Удино собрал несколько уважаемых и влиятельных свидетелей и обстоятельно их допрашивал о глубине реки близ д. Ухолод, тем самым дав им понять, что именно здесь намечена переправа. Задержав нескольких из них как будущих проводников, он отпустил остальных, обязав их хранить в тайне содержание разговора. Сразу же нашлись добровольцы, решившие предупредить русское командование. Троиц местных жителей ночью переправились через Березину и сообщили об этом Чичагову, который их щедро наградил и оставил при себе (*Гинзбург С.М. Указ. соч. С. 93—95*).

Для высшего командного состава русских войск, действовавших в это время в районе Березины, не было важнее вопроса, чем о предполагаемом направлении движения Великой армии и вероятного места ее переправы. В создавшейся обстановке у Наполеона оставалось три возможных варианта: движение на Игумен (переход Березины южнее Борисова у д. Ухолод); прорыв у Борисова (лобовое наступление на Чичагова и восстановление разрушенного моста); путь в направлении Вилейки (переправа севернее Борисова у д. Студенки). Хотя Наполеон остановился на последнем варианте, все трое русских главнокомандующих считали наиболее вероятным южное направление. В какой-то степени Наполеон делал ставку на здравомыслие противника, и этот расчет оправдал себя.

Многие в русских штабах, хотя и предполагали большую вероятность переправы Наполеона в Ухолодах, считали, что предварительно необходимо собрать точные данные. С этой целью в «авангард» был направлен Ермолов, чтобы на основе разведывательных сведений выбрать для движения верное направление. Для координации действий всех трех групп русских войск на Березине были отправлены специальные команды для установления связи и передачи информации, в частности отряды под командованием М.Ф. Орлова и А.И. Чернышева. Но осведомленность Чичагова о мнении Кутузова и Витгенштейна, склонявшихся к тому, что Наполеон будет переправляться южнее Борисова, сыграла роковую роль. Адмирал, обманутый французами, сосредоточил как раз главные силы на юге и оставил неприкрытым север. Хотя к этому времени войсковая разведка уже располагала сведениями о готовящейся переправе у Студенки.

Для Великой армии сложилась благоприятная ситуация. Наполеон с 14 по 17 ноября, построив два моста, переправил остатки своих частей через Березину. Непроходимые весной и осенью Зембинские болота, через которые лежал дальнейший путь отступления, были скованы морозом, что позволило французам пройти через них. Этому же способствовало оставление в целости Чичаговым мостов и гатей на Зембинской дороге. Войска Чичагова и Витгенштейна, каждого в отдельности, не уступали силам Великой армии. Если бы оба начальника даже после переправы проявили больше упорства, инициативы и смелости в решениях, исход событий на Березине был бы однозначно гибельным для французов. Действия всех трех командующих — Кутузова, Чичагова, Витгенштейна, — представляли собой цепь грубых оплошностей. Наполеону удалось вывести из окружения остатки своих разбитых войск, избежать плена и бежать из России.

Ночью и утром 17 ноября остатки арьергарда перешли на правый берег, оставив раненых и ослабевших. Обоз, большая часть артиллерии были потеряны. Человеческие потери Великой армии при Березине оцениваются от 25 до 45 тыс. человек, считая убитых, раненых, попавших в плен и пропавших без вести, в большинстве своем утонувших и замерзших. За Березину успели уйти гвардия, а также два корпуса — Удино и Виктора — вместе с остатками кавалерии Нея — всего не менее 50—57 тысяч человек (*Сироткин Владлен. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 177.*).

Русский стратегический план окружения и уничтожения противника в заранее заданном районе не был полностью реализован. И одна из главных при-

чин неуспеха заключалась в том, что разведка в решающий момент оказалась не на высоте и не смогла быстро добыть необходимые сведения (трое местных жителей, невольных участников французской операции по дезинформации, были повешены). Это сказалось на принятии решений командным составом. Но все же основная цель была достигнута: Великая армия была разгромлена и понесла невосполнимые потери (*Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г.* М., 2005. С. 142—143).

К разведывательной деятельности в интересах действующей армии продолжали привлекаться дипломаты, состоявшие на русской службе. Так, Г.А. Струве⁶⁰, в конце 1812 г. был направлен в Гамбург, где находился в качестве тайного агента. Л.Ф. Трефурт⁶¹, генеральный консул в Данциге, затем резидент в Кенигсберге, в 1811—1812 гг. доставлял сведения военно-политического характера и осуществлял связь с агентурой. 4 сентября 1812 г. награжден «за резидентскую работу» орденом Св. Анны 2-й ст. с алмазами. И.П. Покассовский⁶², дипломатический чиновник, переводчик русской миссии в Вене. В 1812 г. помогал Тейлю фон Сераскеркену в разведывательной работе и был им рекомендован возглавить русскую разведку в Австрии в начале военных действий в 1812 г. (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 223, 228—229*).

Одним из источников информации являлись перехваченные русскими зашифрованные депеши Наполеона и его генералов, адресованные в Париж. Александр I в своих воспоминаниях об Отечественной войне цитировал переписку генералов Наполеона, дешифрованную российской криптографической службой при МИДе. В разговоре, состоявшемся после войны 1812 г. между российским императором и командующим 10-м корпусом Великой армии маршалом Франции Макдональдом, Александр I заметил: «*Конечно, нам очень сильно помогло то, что мы всегда знали намерения вашего императора из его собственных депеш. Во время последних операций в стране были большие недовольства, и нам удалось захватить много депеш*» (*Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 164*). В ответ на предположение французского маршала, что подобное могло произойти только потому, что кто-то выдал ключ, Александр I воскликнул: «*Отнюдь нет! Я даю Вам честное слово, что ничего подобного не имело места. Мы просто дешифровали их.*

К 31 декабря 1812 г. вооруженного противника на русской земле не осталось. Не считая фланговых корпусов, не принимавших участия в походе на Москву, На-

полеон вывел из России около 20 тыс. человек, сохранив 9 из 1400 орудий. Свыше 440 тыс. его солдат и офицеров было убито, около 110 тыс. попало в плен.

Потери русской армии оцениваются в 250—300 тыс. человек. Отечественная война 1812 г. завершилась (*Айрапетов Олег. Указ. соч. С. 65—68*).

Известный партизан Денис Васильевич Давыдов полемизировал с записками Наполеона и, в частности, с тремя тезисами — «статьями» бывшего французского императора. Тезис первый Бонапарта: *«во время движения на Москву, он (Наполеон) никогда не имел в своем тылу неприятеля»*. Ложность этого утверждения Давыдов доказывал, опираясь на имевшиеся у него на руках документы. Так, он цитировал «повеление» Наполеона к Бертие от 22 августа: *«Напишите генералам, командующим корпусами, что мы ежедневно теряем много людей от беспорядка, господствующего в образе, принятого войском для отыскания пищи; что без отлагательства нужно, чтобы они условились между собой насчет мер, кои должны быть соблюдаены для прекращения случаев, угрожающих армии разрушением, что число людей, забираемое неприятелем, простирается ежедневно до нескольких сотен...»*

Полемизирует Денисов и со второй «статьей» Наполеона — «ни одна эстафета не была перехвачена».

«*Поэт и партизан*» приводит уже упоминавшиеся факты перехвата генералом Дороховым неприятельской почты и курьеров 11 и 12 сентября. Далее в качестве иллюстрации ложности заявлений Наполеона Давыдов приводит следующие примеры.

О взятии 24 сентября курьера близ Верей подполковником князем Вандольским.

В рапорте генерала Винцингероде к государю императору от 8 октября из села Чашникова о взятии курьера....

Денис Давыдов приводит слова француза Шамбре, который в «Истории нашествия на Россию» свидетельствует: *«Во время отступления Наполеона от Смоленска до Молодечно он получил только две депеши из Франции, и то через Маркса (герцога Бассано). На доставление первой из сих депеш отважился польский дворянин, об имени коего я умолчу, дабы не подвергать его подозрению; вторую доставил ему еврей за деньги, — он встретил Наполеона в Камене после перехода через Березину»*. И далее: *«Неведение его (Наполеона) о движениях сего генерала (Кутузова), умножаясь от русских партий, рыскавших вокруг Москвы,*

ввергло его в совершенное недоумение насчет намерения неприятеля. Партии сии, беспокоя фуражиров с неутомимой деятельностью, пресекли все прямые сообщения между Мюратом, Бессьером и Понятовским».

И третий ложный тезис — «статья» Бонапарта, который развенчал Давыдов: *«будто армия Наполеона погибла единственно от стужи, настигшей неожиданно и в необыкновенное время года, а не от других обстоятельств; будто она погибла:*

Во-первых, не от искусного занятия нашей армией тарутинской позиции...

Во-вторых, не от заслонения Калужского пути при Малоярославце...

В-седьмых, наконец, будто армия эта погибла не от неусыпного надзора над нею тех же партий, отчего каждое движение каждой ее части было тотчас известно нашему главнокомандующему и встречало противодействие» (Давыдов Д.В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. СПб., 1895. С. 38—77).

Во время Заграничного похода 1813—1814 гг. партизанская война продолжала оставаться одним из основных источников разведывательных сведений. Большинство партизанских отрядов состояло из целых строевых частей. Партизаны уходили вперед от армии до 300 верст. В феврале 1813 г. ими был захвачен в тылу противника Берлин, они заставили французов бросить оборонительную линию Одерса, 7 марта заняли Гамбург, под Магдебургом уничтожили отряд Морана. Занятие партизанами Нижней Эльбы оттянуло 30 тыс. неприятельских войск. В мае Чернышев произвел нападение на Кассель, результатом которого было разрушение Вестфальского королевства, восстание насеянне против французов и «возбуждение» против Наполеона государств Рейнского союза.

В 1813 г., когда союзные войска осадили Данциг, А.С. Фигнер под видом итальянского купца проник в крепость. Он попытался поднять местных жителей против французов, но был схвачен и посажен в тюрьму. Однако за недостатком улик был выпущен, мало того, вошел в доверие к французскому коменданту Ж. Рапу. Последний послал Фигнера с депешами к самому Наполеону, которые, конечно, попали в русскую Главную квартиру. За этот подвиг Фигнер был пожалован императором в полковники и причислен к свите. В этом же 1813 г. Фигнер организовал отряд добровольцев из немцев, испанцев, итальянцев и русских казаков под названием «легион мести». Этот отряд успешно действовал в тылу французских войск на территории Саксонии. Однако 1 октября его отряд был окружён превос-

ходящими силами французов близ Дессау и был разбит. В этом бою при попытке переправиться через реку Эльбу погиб и сам Фигнер.

Пятнадцать лет спустя Давыдов, вспоминая о Фигнере, писал: «*Он мне говоривал... что намерение его, когда можно будет от успехов союзных армий пробраться через Швейцарию в Италию, — явиться туда со своим итальянским легионом, взбунтовать Италию и объявить себя вице-королем Италии на место Евгения; я уверен, что точно эта мысль бродила в его голове так, как подобная бродила в головах Фердинанда Кортеса, Пизарра и Ермака; но одни удалось, а другим воспрепятствовала смерть и, может быть, воспрепятствовали и другие обстоятельства, — вот разница. Все-таки я той мысли, что Фигнер вылит в одной форме с сими знаменитыми искателями приключений: та же бесчувственность, лицемерие, коварство, отважность, предпринимчивость, уверенность в звезде своего счастья!*» (Грозное оружие. Указ. соч. С. 92).

В 1814 г. война опять продолжалась с участием партизанских отрядов, но не достигла того размаха, который был в предшествовавшие годы, хотя обстановка этому благоприятствовала. Действиями во Франции А.Н. Сеславина, командовавшего Сумским гусарским полком, были отрезаны пути сообщения Парижа и прекращен подвоз продовольствия населению и армии. Он же своими донесениями содействовал выбору направления движения союзных армий к французской столице.

2. ФОРМИРОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СИЛ ВОЕННОЙ И ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ

2.1. «Сбор статистических и военных сведений об иностранных государствах»

12 декабря 1815 г., после победоносного окончания Отечественной войны (1 января 1816 г. Александр I издал Манифест «О благополучном окончании войны с Французами ...») и в связи с переходом армии к штатам мирного времени, система центрального военного управления еще раз подверглась преобразованиям, что выразилось в учреждении нового высшего органа военного управления — Главного штаба Его Императорского Величества, в состав которого вошло и Военное министерство. «*Сбор статистических и военных сведений об иностранных*

государствах» по новой организации вменялся в обязанность 1-го отделения квартирмейстерской части Главного штаба Е.И.В. (Приложение № 5).

Содержание «Сбора статистических и военных сведений об иностранных государствах» (в дальнейшем — с 1846—1847 гг. — закрепится понятие «военно-статистические сведения») требует отдельных комментариев потому, что этот термин будет далее часто встречаться.

Сбор военно-статистических сведений об иностранных государствах являлся целью военной статистики, которая, по взглядам профессора Императорской Военной академии, будущего военного министра Д.А. Милютина, является «исследованием в данный момент сил и средств государств в военном отношении» (Военная энциклопедия. Т. VII. СПб., 1912. С. 248—250). Подобное определение военной статистики существовало и до Милютина, но в более узком смысле, подразумевая под «силами и средствами государства в военном отношении» только вооруженные силы и поэтому ограничиваясь лишь перечислением войск и «описанием их устройства». Как следовало из работы Милютина «Первые опыты военной статистики», изданной в России в 1847 г., чтобы оценить военную силу государства, должно решить следующий вопрос: имеет ли оно все средства для успешного ведения войны с той или другой державой (наступательной или оборонительной войны, с союзниками или без них). Для этого, подчеркивал Милютин, необходимо рассмотреть вооруженные силы и все, что имеет влияние на их устройство, снабжение, содержание и на образ их действий против неприятеля и исследовать те местные данные, которые на самом театре войны должны иметь влияние на план военных действий, а, следовательно, и на исход кампании. Ввиду вышесказанного военная статистика, по утверждению Милютина, должна была подразделяться на следующие «отделы»: общее обозрение государства в основном отношении (территория, население, государственное устройство, финансы); исследование вооруженных сил и исследование отдельных театров войны «при наиболее вероятной обстановке».

Понимаемая таким образом, по-милютински, военная статистика «обнимала» собой почти весь состав государства, исследуя в нем все элементы с военной точки зрения, и существовавшая до этого времени военная география является лишь частью военной статистики.

Такое утверждение достаточно спорно, так как было признано, что лекции по «Военной статистике» Императорской Военной академии (в 1847 г. курс «Во-

енной географии» был заменен курсом «Военной статистики») и лекции «Военной географии» в военных училищах *преследуют одинаковые цели, следя за одной программой, но лишь в различных объемах*. Но, как бы то ни было, название «военная статистика» прижилось.

Предмет изучения (как военной географии, так и военной статистики) делился на общую и прикладные части. В общей части рассматривались географическое положение страны, размеры территории, границы, «устройство» поверхности, орошение, почва, климат, население и все виды его деятельности, имеющие военное значение, политическое, административное устройство и военное устройство, средства, пути сообщения и вооруженные силы. В связи с общей частью военной географии должна была быть исследована и история постепенного расширения территории.

В прикладной части исследовались отдельные театры, а именно: границы театра (их свойства и значение в зависимости от географических данных, стратегическое значение), устройство поверхности, орошение, леса, климат, почва, население театра (численность, размещение населения, племенной и религиозный состав, образ жизни и деятельности, характер населенных пунктов и построек и отношение к враждебным армиям), статистические данные о средствах района, пути сообщения в отношении вероятных операционных направлений и подготовка театра в инженерном отношении. Все эти отделы исследуются с точки зрения данного политического момента, основанной на общей оценке взаимоотношений соседних стран и народов.

Впоследствии из общего предмета военной статистики начали выделять в особый «отдел» изучение вооруженных сил, в связи с постоянным организационным, качественным и количественным изменением вооруженных сил, необходимостью отслеживать перевод вооруженных сил на военное положение и проведение мобилизации, состояние резервов, ход оснащения войск вооружением и боеприпасами, их состояние и соответствие современным требованиям, создание резервов и т.д.

Как бы то ни было, независимо от названия области знаний — «военная география» или «военная статистика», определялся круг задач по добыванию разведывательных сведений. Но, как уже отмечалось, был принят термин «военно-статистические сведения», ставший синонимом разведывательных сведений, добываемых в интересах военного ведомства. С 1903 по 1905 г. разведывательный

орган Главного штаба назывался 1-й (военно-статистический) отдел, так как само слово «разведка» отсутствовало в названиях разведывательных органов.

Совершенно очевидно, что решать поставленную квартирмейстерской части Главного штаба Е.И.В. задачу «сбора статистических и военных сведений об иностранных государствах» было совершенно не по силам. Был создан центральный орган, но не был обеспечен постоянно действующими в «мирное» время (без ведения «больших» войск) заграничными силами.

Начиная с 1815 г. разведывательные (стратегические) задачи решались собственными силами квартирмейстерской части Главного штаба Е.И.В., время от времени эпизодически направляемыми за рубеж офицерами. Отсутствовала организация стратегической разведки на постоянной основе, а носила единичный и частный характер. Постоянные силы за рубежом были только у Министерства иностранных дел, которое через сотрудников российских миссий решало разведывательные задачи политического, военно-политического и военного характера, привлекая в том числе к сотрудничеству иностранцев стран проживания. И такое положение по-прежнему удовлетворяло военное руководство Российской империи.

6 марта 1818 г. последовало предписание начальника Главного штаба П.М. Волконского генерал-квартирмейстеру Главного штаба К.Ф. Толю⁶³ организовать составление первого в России табельного отчетно-информационного разведывательного документа «Общего свода всех сведений о военных силах европейских государств» (прообраза более поздних «Разведывательных сводок». — Примеч. авт.). «Свод...» этот должен был «заключать в себе две главные рубрики: крепости и войска» (Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. I. СПб., 1883. С. 358—359).

С целью сбора необходимой для составления указанного документа информации несколько офицеров в этом же году были посланы за границу. Так, к русскому посольству в Баварии был прикомандирован поручик Вильбоа, а к посольству в Париже — полковник Бутурлин⁶⁴. Ряд офицеров направился под прикрытием различных дипломатических поручений, а также в составе различных дипломатических миссий на Восток, в том числе — в Хиву и Бухару. Тем самым было положено начало привлечения квартирмейстерских чинов к «дипломатическим занятиям», что предопределило впоследствии назначение офицеров Генерального штаба в состав зарубежных дипломатических миссий в качестве официальных представителей — агентов — военного ведомства. Однако подобные команда-

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ровки не носили регулярного характера и явились на деле не правилом, а лишь исключением. В силу этого работа по составлению «Общего свода всех сведений о военных силах европейских государств» так и не была завершена.

Таким образом, начали формироваться еще два компонента стратегической (зарубежной) военной разведки: за счет прикомандирования на различные сроки к российским дипломатическим представительствам отдельных офицеров квартирмейстерской части (в последующем Генерального штаба), а также направление за границу «для военно-ученых изысканий и открытий» офицеров под разными предлогами, в том числе и в составе дипломатических миссий.

Период после окончания Русско-персидской (1804—1813 гг.) и Русско-турецкой войн (1806—1812 гг.) и до начала новых войн с Персией (1826—1828 гг.) и Османской империей (1828—1829 гг.) был знаменательным в истории изучения азиатских стран и народов — организация сбора разведывательных сведений. За это время в области знаний о Востоке военным ведомством был достигнут прогресс, пожалуй, даже больший, чем за все предыдущее столетие. Этому способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, был накоплен опыт военных действий на Азиатском театре. Во-вторых, значительно активизировалась внешняя политика России на Востоке, нередко завершавшаяся развязыванием боевых действий, следовательно, возросла потребность в точной информации о соседних восточных государствах. В-третьих, усовершенствовалась сама система военного ведомства, упорядочилось управление квартирмейстерской частью, на которую и была возложена функция изучения сопредельных, и не только с Россией, государств. Следует также отметить возросший образовательный уровень русского офицерства после Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг.

В результате обработки сведений, полученных в ходе военных действий против Персии и Османской империи, начиная с 1816 г. в Топографическое депо Военного министерства начинают поступать новые материалы. В апреле 1817 г. в Персию к Фетх-Али-шаху было направлено посольство во главе с А.П. Ермоловым⁶⁵ с целью определения новой пограничной черты, выработки мер к усилению политического и торгового влияния России в Персии и противодействию английской политике в этом регионе. В задачи посольства входило также учреждение постоянно действующей миссии в Тегеране. Маршрут посольства пролегал из Тифлиса в Эривань и далее через Тавриз к Тегерану. При миссии находились офицеры квартирмей-

стерской части, которые сделали топографические съемки местности, крепостей и маршрутов движения посольства. Так появились «Топографические маршруты от крепости Эривана до Новой Султании» (летнего местопребывания шаха), снятые глазомерно капитаном Ренненкампфом в 1817 г. (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 175). Примерно к тому же времени относится «Военно-топографическое описание дороги от реки Аракса, за Кавказом, до города Тегерана в Персии», составленное капитаном Цикыревым.

То же можно сказать и в части сбора сведений об Османской империи. К их числу следует отнести два анонимных описания: «Военное обозрение дороги, пробегающей берегом Черного моря, от Босфорского пролива до крепостей Тульчи и Исакчи на Дунае (ноябрь 1819 г.)» (на франц. яз.) и «Военно-статистические сведения о Турецкой империи». Собранные топографические и военно-статистические материалы были напечатаны в типографии Главного штаба: «Описание пути от Константинополя до Очакова» (СПб., 1821); «Маршруты по главным направлениям в Бессарабии, Молдавии и Валахии» (СПб., 1822). У последнего издания в подзаголовке прямо указывалось: «Из сведений, собранных офицерами квартирмейстерской части в последнюю турецкую войну с 1806 по 1812 год».

Помимо чисто топографических сведений, в некоторых из указанных выше описаниях кратко приводился этнографический материал, пояснялись особенности восточной топонимики.

Разумеется, не только топография была объектом изучения офицеров квартирмейстерской части. Так, после миссии Ермолова появился ряд очерков, посвященных вооруженным силам Персии. Если в очерке «Нравы и войска персиян» неизвестного автора о нравах говорится в основном применительно к шахскому двору и персидской знати, то вооруженные силы рассматриваются более серьезно и подробно (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Д. 168. Л. 12).

Еще более детально состояние персидской армии анализируется в работе «Краткое начертание Персии в военном ее отношении», написанной в 1817 г. погорничим квартирмейстерской части Г. Энгельмом. В предисловии, обращенном к генерал-адъютанту П.М. Волконскому, автор писал: «*В полной мере, чувствуя пользу военных описаний, кои, вспомочество генералам к скорейшему познанию неприятеля своего, сохраняют драгоценное время, я во время пребывания моего в Персии между прочими занятиями старался исследовать и военные силы сего государства, дабы тем самым исполнить, хотя в мале, неограниченные обязанности*

ности чиновника, имеющего счастье служить в столь знаменитом корпусе, как часть квартирмейстерская (там же. Д.169. Л. 2).

Обзор был разделен Г. Энегольмом на три части. В первой делался краткий экскурс в историю страны с древнейших времен. Во второй содержалось собственно статистическое и военное описание, причем давался анализ политического устройства государства. В третьей части разбирались стратегия и тактика персидских войск, предлагались наиболее эффективные меры противодействия.

Одновременно с этим очерком были написаны еще два: «О персидском иррегулярном войске» штабс-капитана лейб-гвардии Семеновского полка В. Бебутова⁶⁶ и «О заведении регулярных войск в Персии. О регулярной пехоте, кавалерии и артиллерии, называемой зембураки» капитана того же полка П. Ермолова (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 176). Здесь анализировалась военная политика шахского правительства и затрагивался вопрос о деятельности в Персии французской и английской военных миссий. Авторы стремились не только дать описания, но и пытались вскрыть причины тех или иных явлений в политической жизни восточного государства. Ни в XVIII в., ни в первые годы XIX в. подобных попыток не предпринималось.

Ценным источником для изучения военной и политической истории Кавказа и международных отношений на Среднем Востоке в первой половине XIX в. явились «Записки генерала Алексея Петровича Ермолова» (командир Отдельного Кавказского корпуса (1816—1827 гг.). Большой знаток жизни и быта кавказских народов в ноябре 1816 г. Ермолов совершил поездку по бывшим персидским территориям, вошедшим в состав Российской империи по условиям Гюлистанского договора. В апреле 1817 г. он возглавил посольство в Персию к Фетх-Али-шаху с целью определения новой пограничной черты, выработки мер к усилению политического и торгового влияния России в Персии и противодействию английской политике в этом регионе. В задачи посольства входило также учреждение постоянно действующей российской миссии в Тегеране. Маршрут посольства пролегал из Тифлиса в Эривань и далее через Тавриз к Тегерану. При миссии Ермолова находились офицеры Генерального штаба, которые сделали топографические съемки местностей, крепостей, маршрутов движения посольства.

Большую роль в изучении территорий, прилегавших к России в Средней Азии, сыграл генерал Николай Николаевич Муравьев⁶⁷, назначенный в 1816 г. обер-квартирмейстером Кавказского Отдельного корпуса (командующий А.П. Ермолов).

Муравьев первым осуществил инструментальную топографическую съемку пути от Моздока до Тифлиса, которая получила высокую оценку А.П. Ермолова: «*Словно другими глазами край увидел*». Зимой 1816—1817 гг. Муравьев провел тайные рекогносцировки стыка российско-турецко-персидской границы, совершил короткие обьезды персидской и турецкой территорий. Во время службы на Кавказе изучал восточные языки. Посетил Персию в составе посольства А.П. Ермолова. В 1819 г. Муравьев руководил экспедицией на восточный берег Каспийского моря, в туркменские степи, в Хиву и Бухару. Получил ценные сведения о восточном побережье Каспия и Хивинском ханстве, его армии, политическом и экономическом состоянии, торговле, положении русских пленных. Это путешествие явилось первой попыткой России после трагической поездки в Хиву Бековича-Черкасского в 1715—1716 гг. проникнуть в глубь Средней Азии. По результатам поездки Н.Н. Муравьева была издана работа «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг.», к которой был приложен «Атлас к путешествию», содержащий карты, таблицы и планы. В работе были приведены сведения о вооруженных силах, административному устройству, этнотERRиториальному делению, этнографии о туркменских и узбекских племенах, а также сведения по географии, гидрографии, климату исследованных территорий. Появление всех перечисленных выше трудов свидетельствует, безусловно, о значительно возросшем уровне знаний об окраинных территориях Российской империи и прилегавших к стране земель.

В 1821 г. Муравьев совершил повторную экспедицию на восточный берег Каспийского моря, к Балханским горам (Туркмении), результатом которой стало описание и карта о. Челекен, географическое описание Балханских гор, топографическая съемка отдельных участков побережья, что позволило исправить и дополнить прежние карты Каспийского бассейна (Русские военные востоковеды. Библиографический словарь. Автор-составитель М.К. Басханов. М., 2005. С. 166—167).

Весной 1826 г., готовясь к войне с Турцией и получив известие о возможном выступлении Персии, Николай I отправил в Тегеран генерал-майора А.С. Менищкова с чрезвычайной миссией — он должен был убедить персидского шаха Фетх-Али воздержаться от нападения и выяснить состояние персидских вооруженных сил. Но члены миссии были сразу же арестованы местными властями и находились в заключении до осени 1827 г. А персы в июле 1826 г. начали войну против России, которая продолжалась до 1828 г.

Для сбора военно-статистических сведений об Османской империи в Стамбул в 1824 г. была направлена русская военная миссия в составе четырех офицеров. В 1826 г. с той же целью был командирован полковник квартирмейстерской части Ф.Ф. Берг⁶⁸, руководивший в 1823 и 1825 гг. экспедициями для изучения киргиз-кайсацких степей (Казахстана). Согласно инструкции, ему поручалось «исполнение столь важного по нынешним обстоятельствам дела, обозрения Турецкой империи, во всех отношениях могущего принести пользу и иметь влияние на военные действия в случае не желаемого, но возможного, однако же, разрыва». Кроме материалов чисто военного характера, инструкция имела конкретное предписание — собрать «сведения о влиянии, какое имело в провинциях Турции истребление янычарского войска... стараться узнать, до какой степени можно ожидать противного нам усердия и действия турецкого народа в случае войны с Россиею равно и о расположении и способах (экономическом состоянии. — Примеч. авт.) рассеянных по северной части Турции жителей веры христианской» (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 175—176). Донесения Берга из Турции и другие собранные им материалы были сосредоточены в «Военно-топографическом депо» Главного штаба, что имело немаловажное значение накануне Русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Большой вклад в изучение сопредельных восточных государств в 20-х гг. XIX столетия внесли офицеры Корпуса военных топографов, созданного в 1822 г. К корпусу топографов перешли все работы по части картографии. Примером того, что топографы, помимо съемок маршрутов и прочих специальных исследований, занимались и более многограновым изучением страны, в которой им приходилось работать, являются «Записка о политическом и военном положении Персии», составленная поручиком Корпуса военных топографов И.Ф. Носковым⁶⁹, и его рапорт и отчет генерал-лейтенанту П.П. Сухтелену. Носков 22 февраля 1826 г. был прикомандирован к миссии А.С. Меншикова, направлявшейся в Тегеран для переговоров. Он выехал из Персии в тот момент, когда войска Аббаса Мирзы уже начали военные действия в Закавказье, положив начало Русско-персидской войне 1826—1828 гг. За свою работу Носков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и переведен в гвардейский генеральный штаб (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 177).

В 1825 г. под руководством полковника Берга было сделано обозрение Малой орды Киргизской степи. Карта обозрения была составлена офицерами квартирмей-

стерской части: капитаном Тимофеевым и прапорщиком Балкашиным, инженер-поручиками Артюховым, Тарасовым и артиллерии прапорщиком Карелиным. Осмотренное пространство исчислялось 220 000 кв. верст.

В 1825 г., по «Высочайшему повелению», были командированы к Аральскому морю под командованием Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части полковника Берга следующие офицеры: капитан Вальховский, подпоручик Дюгамель⁷⁰, прапорщик барон Ливен, поручик граф Толстой, инженер путей сообщения капитан Загоскин, инженер-поручик Тафаев, подпоручик Ячменев, флота капитан-лейтенант Анжу, лейтенант Подчерков и 12 класса астроном Лемм.

Доставленное полковником Бергом военно-топографическое обозрение степи между Каспийским и Аральским морями и пространством от Гурьева до Астрахани составлено было глазомерно «с помощью компаса и одометра». Протяженность маршрута составила около 1600 верст (Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1822—1872. СПб., 1872. С. 183—184).

В середине 1820-х гг. вопрос изучения восточных языков с целью более всестороннего и углубленного изучения стран, граничивших с Российской империей, а также территорий, вошедших в ее состав, был переведен в практическую плоскость. 9 февраля 1824 г. последовал указ Александра I об учреждении в Оренбурге Неплюевского военного училища. В преамбуле указа говорилось о том, что впервые вопрос об учреждении в Оренбурге военного училища был поднят в Сенате военным министром А.И. Татищевым еще в 1817 г., затем, после долгих обсуждений, было выработано «Постановление о Неплюевском военном училище» и определен его штат, что получило, наконец, «высочайшее» утверждение.

«Постановление» (§ 4) гласило, что «Неплюевское училище учреждается: 1-е, для детей, коих отцы служат или служили в иррегулярных войсках отдельного Оренбургского корпуса; 2-е, для детей азиатцев, не состоящих в прочном подданстве; 3-е, для детей всякого свободного состояния людей». Общее количество учащихся не должно было превышать 80 человек, половину из них предполагалось содержать за счет казны, а остальные были «своекоштными». Главная особенность Неплюевского военного училища состояла в том, что это было одно из первых в России военно-учебных заведений, программа которого предусматривала изучение восточных языков — арабского, татарского и фарси. Кроме того, поскольку учащиеся набирались как из христиан, так и из мусульман, для последних в качестве учебного предмета было введено изучение .

Корана и правил мусульманского вероисповедания. Что же касается остальных дисциплин, включая восточные языки, то обучение христиан и мусульман было единым. Перед новым военно-учебным заведением были поставлены две главные задачи: подготовка квалифицированных переводчиков восточных языков для русской армии и привлечение на русскую службу возможно большего количества представителей азиатских народов, населявших восточные окраины империи. Учащиеся разделялись на три класса: нижний, средний и верхний, а пребывание в каждом из них продолжалось два года. Таким образом, полный курс составлял шесть лет.

В сентябре 1831 г. оренбургским военным губернатором П.П. Сухтеленом был возбужден вопрос об изменении положения и штата училища. Проект нового положения после бесконечного обсуждения в различных инстанциях, длившегося девять лет, был «высочайше» утвержден 6 декабря 1849 г. Согласно новому положению, Неплюевский кадетский корпус, присообразованный из Неплюевского военного училища в 1844 г., был разделен на два отделения — восточных и европейских языков. На первом преподавались те же восточные языки, что и раньше, но количество учебного времени, отпущенного на их изучение, увеличилось. На отделении европейских языков преподавались только французский и немецкий. По новому положению 1854 г. срок пребывания в училище увеличивался до восьми лет, а во втором отделении вместо французского и немецкого языков вводилось преподавание татарского, арабского и фарси (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 176—180).

Уже через несколько лет после открытия в Оренбурге Неплюевского военного училища была предпринята попытка активизировать изучение восточных языков в Сибири. В 1836 г. в Училище Сибирского линейного казачьего войска был создан особый класс восточных языков. Учащиеся этого класса в течение девяти лет наряду с другими предметами изучали татарский язык, а во время каникул их посыпали за счет училища в степные аулы для приобретения разговорной практики. В 1845 г. Училище Сибирского линейного казачьего войска было присообразовано в Сибирский кадетский корпус. Следует отметить, что изучение татарского языка давало выпускникам корпуса ключ к пониманию многих тюркских языков, распространенных как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Не случайно среди выпускников Сибирского кадетского корпуса, обучавшихся в 40-х — начале 50-х гг., встречаются имена таких выдающихся ученых-востоковедов, как Григо-

рий Николаевич Потанин, Чокан Чингисович Валиханов, Николай Михайлович Ядринцев.

Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге и Сибирский кадетский корпус в Омске были только средними военно-учебными заведениями.

Высшее военное образование в России в 20—30-х гг. находилось в зачаточном состоянии. В 1826 г. генерал-адъютант барон А.Г. Жомини представил Николаю I записку «об учреждении центральной стратегической школы», «целью которой было бы приведение к единству начал и методов преподавания тактики и стратегии». В 1829 г. была образована комиссия под председательством Жомини для составления положения о военной академии. Открытие первого высшего военно-учебного заведения, получившего название Императорская Военная академия, состоялось 28 ноября 1832 г. Курс обучения был определен двухгодичный: младшее (теоретическое) и старшее (практическое) отделения (классы). Правом поступления пользовались все обер-офицеры до чина штабс-капитана гвардии и артиллерии и до капитана армии. При поступлении «производилось испытание в науках и строевых учениях». Первоначально было принято 28 офицеров из 37 человек, «явившихся на испытания». На младшем отделении преподавались «русская словесность, понятия об артиллерии, малая (низшая) тактика (для частей до дивизии), начальные основания топографии и геодезии с черчением и съемками, глазомер и изучение местности, каскадетация — наука о лагерях и позициях, логистика — наука о движении войск, фортификация, высшая тактика (разбор различных систем сражений), военная география Европы и России, военная статистика, стратегия, военная история, военная литература, обязанности офицера генерального штаба в военное и мирное время». На старшем отделении те же предметы усваивались на практике. Офицеры обучались также французскому и немецкому языкам. Все окончившие курс получали свидетельства и возвращались в свои части для продолжения службы, именуясь причисленными к Генеральному штабу (за исключением офицеров, закончивших артиллерийские и инженерные училища), в который переводили «отличнейших по службе и занятиям науками» (Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 598—599).

Восточные языки не входили в программу Императорской Военной академии (с 1855 г. — Николаевской академии Генерального штаба), но тот факт, что ее слушатели проявляли живой интерес к восточному языкознанию, явствует из воспоминаний Д.А. Милутина, военного министра в 60—80-х гг.,

обучавшегося в Военной академии в 1835—1836 гг.: «*Мы были так обременены занятиями по главным предметам курса, что занятиям по иностранным языкам вовсе не придавали значения. Однако же некоторые из моих товарищей находили время брать на дому еще уроки восточных языков*» (Милютин Д.А. Воспоминания. Т.1. Томск. 1919. С.119—120). В 1849 г. профессор арабской кафедры Петербургского университета О.И. Сенковский предложил проект о введении преподавания восточных языков в Военной академии, но этот проект не был осуществлен.

Значительный импульс изучению восточных языков дали события Русско-персидской (1826—1828 гг.) и Русско-турецкой (1828—1829 гг.) войн. С самого начала Русско-персидской войны, согласно приказу начальника Главного штаба Е.И.В., в штабах частей и отрядов велись журналы военных действий. Приказ обязывал вносить в них все сведения о передвижениях войск, как своих, так и неприятельских, давать обзор местности, занятой войсками, обращая внимание на характер населения и его основные занятия. Естественно, что для выполнения этих и других работ в армии сразу возникла потребность в людях, владеющих фарси. О необходимости иметь при каждом крупном отряде переводчиков писал 5 января 1827 г. главнокомандующий в Грузии А.П. Ермолов начальнику Главного штаба Е.И.В. И.И. Дибичу. Из-за отсутствия постоянного штата военных переводчиков (первый выпуск из Неплюевского военного училища был только в 1831 г.) Дибич был вынужден обращаться к К.В. Нессельроде с просьбой о командировании на Кавказ переводчиков Азиатского департамента МИД.

Большую помощь русским офицерам в деле сбора сведений о противнике оказывало население Восточной Армении, занятой персидскими войсками. С начала 1827 г. в Главном штабе Е.И.В. составлялись специальные подборки документов, которые назывались «Сведения, армянами доставляемые». Так возникали подробные обзоры всех сколько-нибудь значительных политических и военных событий, происходивших в Персии и Азиатской Турции. Это позволяло русскому командованию правильно ориентироваться как в период военных, так и во время мирных переговоров с шахским правительством. Собранные материалы имели не только сиюминутное значение — они позволяли существенно расширить круг знаний о театрах военных действий. Военно-статистические описания различных районов Персии, составленные во время войны и сразу после ее окончания, в отличие от предыдущих работ подобного характера, содержали больше подробностей и имели

более высокий научный уровень. Самым тщательным образом были изучены те провинции, которые во время войны оказались занятами русскими войсками.

В Топографическое депо Военного министерства поступили: «Записка о народах и способах провинции Ардебильской», составленная при штабе ардебильского отряда в 1828 г. неизвестным автором; «Военно-статистическое описание Мишкунской области 1828 г.» полковника Генерального штаба Г. Энегольма (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 183).

Как следует из аннотированной описи дел секретного Архива Генерального штаба, там находилось еще несколько подобных сочинений, в том числе проекты П.П. Сухтелсна, содержащие сведения об Астрabadской провинции и туркменских племенах, населявших юго-восточное побережье Каспийского моря. Большой и разнообразный материал дали проводившееся офицерами Генерального штаба русско-турецкое разграничение в Закавказье после Адрианопольского мира и участие русских офицеров Генерального штаба в турецко-персидском разграничении.

Сбор военно-статистических сведений являлся необходимым требованием в целях подготовки вооруженных сил страны к грядущим войнам, но отнюдь далеко не достаточным. Необходимо было иметь заговоренсию, еще в мирное время, негласную агентуру, которая бы с началом военных действий могла передавать упреждающие сведения о намерениях противника. Именно об этом факте свидетельствовали итоги Польской кампании 1831 г. Хотя соответствовавшая структура для ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности здесь была создана.

21 апреля 1815 г. в Вене был подписан дружественный трактат между Россией, Австрией и Польшей, определявший новое положение польских земель. Часть территории с городом Познань получила Пруссия. Галиция с Тернопольской областью возвращались Австрии, Krakow объявлялся вольным городом. Оставшаяся часть Великого герцогства Варшавского передавалась России под названием Царства Польского. 15 ноября 1815 г. Александр I даровал полякам конституцию. Корона становилась наследственной для российских императоров. Это был весьма либеральный документ. Конституция гарантировала свободу печати и неприкосновенность личности. Польский язык объявлялся государственным и обязательным в администрации, суде и армии. Законодательный аппарат состоял из двухпалатного сейма и монарха. Права законодательной инициативы сейм не имел, а все законопроекты предварительно рассматривались в Государственном

совете. Император остался глух к предложениям своих советников ограничиться в польских владениях лишь дарованием местного самоуправления. В результате для побежденного противника были созданы более благоприятные условия, чем для губерний собственно Российской империи.

Высшая воинская полиция в усеченном виде после 1815 г. (завершение войны с «французами») просуществовала до 1831 г. как структурное подразделение Главного штаба цесаревича Константина Павловича (Польской армии).

Обязанности Высшей воинской полиции (в документах она называлась «высшая военная полиция») были чрезвычайно широки: борьба с националистическим движением в Польше, ведение разведки в Австрии и Пруссии, сбор военной и политической информации об этих странах, выявление агентуры противника на своей территории, также борьба с контрабандистами, фальшивомонетчиками и религиозными sectами (На боевом посту. М., 1994. № 4. С. 42—45).

Великий князь Константин Павлович, курировавший деятельность Высшей воинской полиции, в письме начальнику Главного штаба Его Императорского Величества генерал-лейтенанту И.И. Дибичу от 22 января 1826 г. отмечал увеличивавшиеся расходы на деятельность подведомственного ему тайного учреждения: «...а именно, на содержание агентов во многих городах за границею и в царстве Польском, умножение разных лиц, требующих самодбительнейшего надзора, отправление эстафетов, а также нарочных агентов полиции для отыскания разного звания подозрительных людей, разведывания их действий...» (там же. С. 42—45). Некоторые агенты служили в высшей воинской полиции долгие годы. В мае 1821 г. генерал-лейтенант Курута писал полковнику Кемпсну, управляющему отделения Высшей воинской полиции в Варшаве (одному из организаторов агентурной работы): «*Его Императорское Высочество Цесаревич повелеть соизволил: агентам высшей военной полиции, здесь находящимся, Самуэлю Шейнфельду, состоявшему в Варшаве в сем звании от бытности г. генерал-фельдмаршала Барклай-де-Толли, и Яну Зглинскому, служащему уже седьмой год ... в награду усердной и верной службы выдать каждому по 15, а всего 30 червонных*». Свою агентуру для выполнения задач Высшей воинской полиции имели и командиры отдельных воинских частей. В краткой выписке о приходе и расходе секретных средств за январь—февраль 1823 г. говорится о выделении денежных средств «подполковнику Зассу для его агентов, полковнику Кемпену и его агентам, дивизионному генералу Рожнецкому для заграничных агентов» и начальнику 25-й пехотной дивизии генерал-майору

Рейбницу для ведения разведки в австрийской Галиции в округе Лемберга (Львова). Командир донского казачьего полка подполковник Катасонов 2-й, прося возместить ему издержки на содержание агентуры, писал в Варшаву: «*В течение минувшего 1824 г. употребляя я собственных моих денег по особым поручениям высшей военной полиции, относящимся на уплату одному агенту, в городе Калише всегда употребляемому для разведываний... всего 24 червонца*» (там же).

И, невзирая на созданную разведывательно-контрразведывательную структуру и приданые ей силы, события 1830 г. явились полной неожиданностью для русских военных и гражданских властей.

В ночь с 17 на 18 ноября 1830 г. в Варшаве началось восстание польских революционеров, мечтавших о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г. Русский гарнизон (7 тыс. человек при 18 орудиях) после непродолжительных уличных схваток был выведен Константином Павловичем за город вместе с 4-мя тысячами польских солдат и офицеров, сохранивших верность присяге. Власть в Царстве Польском перешла к диктатуре генералу И. Хлопицкому. Мятежники выдвинули следующие требования: 1) точное соблюдение конституции 1815 г.; 2) общая амнистия; 3) присоединение к Царству Польскому Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы; 4) в качестве пожелания высказывалось предложение согласиться с польской оккупацией австрийской Галиции. Безусловно, 3-й и 4-й пункты этих требований были невыполнимы. Мятежники собирались вести переговоры с позиции силы, которую они переоценивали.

Николай I предложил мятежной польской армии собраться в Плоцке и добровольно подчиниться законной власти. Предложение амнистии с польской стороны вызвали бурю негодования.

Для подавления мятежа была назначена армия в составе 5 пехотных и 2 кавалерийских корпусов — 183 тыс. человек при 664 орудиях — во главе с генерал-фельдмаршалом графом И.И. Дибичем-Забалканским. Не желая ожидать подхода всех сил, Дибич во второй половине января 1830 г. поторопился выступить к Бугу — границе Царства Польского — с 80-тысячной армией. Общая численность польских войск к тому времени насчитывала от 130 до 140 тыс. человек. Главнокомандующий планировал разгромить наиболее боеспособные части противника в восточной части Царства Польского, вне укреплений Варшавы, и закончить войну одним решительным ударом. Первоначально план Дибича выполнялся достаточно удачно, несмотря на ожесточенное сопротивление поляков. Польские войска стали

отступать на Прагу, преследуемые русской кавалерией. Полякам удалось удержать укрепления Праги и, прикрываясь ими, вывести за Вислу основную часть своей армии. Только за один день сражения 13 февраля 1831 г. потери с польской стороны достигли 12 тыс. человек убитыми, а с русской — 8 тысяч.

Дибичу пришлось отступить, для того чтобы соединиться со своими отставшими транспортами, очистить тыл от партизанских отрядов и ликвидировать угрозу с фланга. Восные действия затягивались — в русских тылах свирепствовала холера, эпидемия которой началась после возвращения русской армии с Балканского полуострова. По стране прокатился ряд холерных бунтов.

4 июня новым главнокомандующим был назначен генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, вызванный из Тифлиса. К этому времени Виленская, Гродненская и Минская губернии были полностью очищены от мятежников. Основная часть польской армии была собрана в окрестностях Варшавы, откуда поляки постоянно наносили удары по отдельным частям русских войск, возвращаясь в случае опасности под защиту укреплений.

Паскевич после подхода подкреплений решил завершить затянувшуюся кампанию движением на Варшаву. 6 августа столица Польши с ее 30-тысячным гарнизоном при 224 орудиях была обложена 85-тысячной русской армией, имевшей 339 орудий. Остальные русские войска — 92 тыс. человек — были распределены вдоль границы мятежного царства и обеспечивали спокойствие в западных губерниях. Восставшие были обречены, и по распоряжению императора Паскевич отправил к осажденным воззвание Николая I, предложившего в последний раз амнистию при условии добровольной сдачи оружия и подчинения. Это предложение было отвергнуто. Утром 25 августа начался штурм Варшавы и вечером 26 августа мятежники капитулировали. Поляки потеряли до 8 тыс. человек убитыми и ранеными. Штурм польской столицы обошелся русской армии в 10 тыс. человек убитыми и ранеными. Последние очаги организованного сопротивления в Польше были подавлены 9 октября 1831 г.

В связи с окончанием боевых действий генерал-квартирмейстер Главного штаба Е.И.В. Нейдгарт 2-й отмечал 21 октября 1831 г. в своем докладе на имя начальника Главного штаба пагубность отсутствия агентуры в ходе ведения боевых действий:

«Оконченные ныне военные действия против польских мятежников показывают не только сколь невмогущо затруднительно вести войну, не имея никогда

положительных сведений о намерениях и предприятиях неприятеля, но и сколь невозможно даже с самыми большими издержками в продолжении самого похода приобрести хороших и верных лазутчиков, указывается необходимость весьма заблаговременно иметь повсюду ввиду людей, могущих в случае разрыва держав, быть на сей конец употребленными.

Испытав в продолжение войны против польских мятежников во всей силе упомянутую не возможность приобрести лазутчиков, я почел обязанностью обстоятельств сие представить на уважение Ваше с мнением моим, заключающимся в том, чтобы полезнее поручить миссиям нашим в Берлине, Лондоне, Вене, Дрездене, Франкфурте, Касселе, Брюсселе, Париже, Лондоне, Стокгольме стараться иметь людей, в которых бы можно было быть уверенными, что они в случае надобности не откажутся предложить России свои услуги. Нет необходимости, чтобы люди сии находились в самых названных здесь городах, лишь бы быть известным, где оных отыскать можно.

По мнению моему, удобнее всего можно найти таковых агентов в числе евреев, в особенности в Лейпциге и Франкфурте торгующих» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 97. Л. 1).

В докладной Нейдгарта 2-го обращает на себя внимание, что генерал-квартирмейстер считает, что привлекать к сотрудничеству агентуру должны сотрудники дипломатических миссий, а не офицеры Генерального штаба.

После подавления Польского восстания в 1831 г. Высшая воинская полиция была упразднена.

14 февраля 1832 г. был введен в действие «Органический статус», сохранивший название Царства Польского, которое объявлялось нераздельной частью Российской империи. Полностью отменялась государственная автономия Польши, существовавшая в 1815—1830 гг.

2.2. Командировки офицеров Генерального штаба «для военно-ученых изысканий и открытий»

В 1822 г. полковник квартирмейстерской части Ф.Ф. Берг по указанию начальника Главного штаба П.М. Волконского составил Инструкцию для сбора статистических сведений Министерством иностранных дел в интересах военного ведомства. Данная Инструкции должна была служить «руководством диплома-

тическим чиновникам». Этот документ был весьма объемен (23 стр.) и написан на французском языке. Волконский остался весьма удовлетворен проделанной работой, написав на ней: «Проект очень хорошо сделан» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1. Л. 6). Хочется подчеркнуть, что Инструкция по сбору военно-статистических данных (статистических данных в интересах военного министерства) была едина, независимо от того, кому она предназначалась: офицеру квартирмейстерской части или дипломатическому чиновнику за границей.

В 1825 г. Инструкцией по сбору военно-статистических данных решили снабдить отправляемого в Милан гвардейского Генерального штаба полковника князя Голицына 2-го. Однако Инструкции Берга разыскать в Главном штабе не удалось, как выяснилось, эта инструкция «осела» у канцлера Нессельроде и затребовать ее обратно не решились. Пришлось писать новую Инструкцию. На сей раз за перо взялся генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-майор А.А. Адеркаса, так как Берг уже находился в заграничной командировке и на «свет» появилась новая Инструкция (там же. Л. 33).

От полковника Голицына 2-го, отправляющегося в Милан, во время проезда через иностранные государства требовалось приложить усилия по добыванию следующих сведений:

— «военно-статистические и исторические записки о тех державах, через которые» он будет проезжать; «доставая сии сведения» предлагалось «с должностю осторожностью, по сношении с Российскими посланниками, при иностранных дворах состоящими»;

— «о числе войск в каждой державе состоящих, как-то: пехоты, кавалерии и артиллерии, и сколько на случай войны может выставить земского войска»;

— «о разделении войск, то есть, на армии, корпуса, дивизии и бригады, также по числу людей, состоящих в полках, батальонах, эскадронах, ротах, пионерных и саперных батальонах и понтонах ротах, о числе орудий в пеших и конных артиллерийских ротах и калибре орудий, оные составляющих, и, вообще, о всех командах к воинскому составу принадлежащих»;

— «о квартирном расположении войск, то есть: в коих провинциях, городах, крепостях»;

— «о продовольствии войск; каким образом войска продовольствуются, из провиантских магазинов или от обывателей, в каких местах устроены магазины, какое количество провианта или фуражса в оные вмещается».

Далее, согласно предлагаемого Инструкцией перечня, предлагалось выяснить, «каким образом войска обмундируются, довольствуются жалованием, снабжаются разным оружием»; каким образом происходит комплектование войск; «какие есть главнейшие крепости, укрепленные города, местечки, как расположена оборона оных, сколько в оных артиллерии, снарядов, пороховых погребов, арсеналов, госпиталей и провиантских магазинов...»; «стараться узнать, где находятся пороховые, литейные и оружейные заводы и арсеналы и достать подробные о них сведения»; «составить статистические таблицы о населении, скотоводстве и о способах продовольствия армии на случай войны»; «собрать сведения о военных и коммуникационных дорогах, так же не делаются ли где новые дороги через горы». Требовалось сведения и о реках: «с которого места оные судоходные и с каким грузом по ним ходить можно; в особенности же собирать сведения о тех реках, которые через самые крепости или близ оных протекают». Кроме того, следовало выведывать о личных и деловых качествах старшего командного состава: «о комендантите оной крепости, личные его заслуги, имеет ли по званию своему нужные познания, имеет ли дар распределительности, присутствие духа и чему более склонен, к честолюбию или корыстолюбию, не худо постараться узнать достоинство и личные качества и прочих гг. генералов и штаб-офицеров, кои наиболее имеют влияния на войска».

Более того, на усмотрение Голицына 2-го представлялось также собирать сведения «о всем том», что он «почтет» за нужное и полезное (там же. Л. 34—35 об.).

И все это по дороге в Милан. А почему требуемые данные не собирались на месте — в Милане? Совершенно невыполнимое, опасное, да и ненужное задание, так как Голицыну 2-му предлагалось обращаться за помощью к российским посланникам, которые уже имели «высочайшее повеление» освещать вопросы, сформулированные в этой Инструкции.

Тем временем офицеры Генерального штаба и других ведомств командировались за границу в составе различных экспедиций и порознь «для военно-ученых изысканий и открытий». Согласно «Отчету о занятиях Генерального штаба по военно-ученой части с января месяца 1828 г. по 1 июля 1837 г.», в период с 1830 г. по 1838 г. Генеральным штабом за границу было командировано всего 19 человек, за одним-единственным исключением все офицеры.

В 1830 г.

- в Париж — Гвардейского Генерального штаба полковник Ческин⁷¹, флигель-адъютант. «Он доставил много сведений о французской военной силе и других военных предметах»;
- в Грецию — Генерального штаба полковник Скалон в Грецию. «Главный предмет командировки состоял в определении сухой границы Греции и Турции. По возвращении в 1836 г. представлена им карта Греции»;
- в Алжир — полковник Филосов⁷². «Доставлены сведения об экспедиции французов в Северную Африку и, вообще, о состоянии Алжира»;
- в Сербию — Гвардейского Генерального штаба полковник Коцебу⁷³ и штабс-капитан Эссен и Генерального штаба подполковник Розельон-Сашальский. «Целью сей поездки, было определение черты возвращенных Сербии турецким правительством отторгнутых округов. По возвращении представлена карта, астрономические наблюдения и описание Сербии в военно-статистическом отношении, которое по заключающимся в нем сведениям печатать не разрешено»;
- в Китай — Генерального штаба подполковник Ладыженский⁷⁴. «Офицер сей сделал обозрения в окрестностях Пекина и некоторой части границ наших с Китайским государством. Замечания его по сему последнему предмету сообщены были Министерству иностранных дел и г. вице-канцлер отмечал, что при тогдашних обстоятельствах все проекты к перемене границ наших с Китаем должны быть отложены. Сверх сего, Генерального штаба подполковник Ладыженский представил по возвращении (в 1832 г.) весьма занимательную записку о Забайкальском крае, о политическом состоянии Китайской империи, с приложением исторического обзора произшествий относительно падения двух царствовавших до того времени династий»;
- к восточным берегам Каспийского моря — Министерства иностранных дел коллежский асессор Карелин, начальником экспедиции. «Обозрена часть сих берегов от залива Мертвого Култуна с севера; заложено Ново-Александровское укрепление и составлен атлас осмотренному пространству».

В 1831 г.

- в Берлин — Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Мансуров, где находился до 1847 г. «Во все время своего пребывания в Пруссии генерал-майор Мансуров собирал постоянно сведения о ежегодных маневрах и передвижениях прусских войск».

В 1832 г.

— в Константинополь — Генерального штаба полковник Дюгамель. «*Офицер сей, командированный в столицу Турецкой империи во время десанта войск наших в Босфор, доставил многие сведения сначала о турецком войске, а по назначению Генеральным консулом в Египет в 1834 г. доставлял сведения о военных действиях Мухаммед Али».*

В 1833 г.

— в Париж — Свиты Его Императорского Величества генерал-майор князь Голицын. «*Доставлял сведения как о военных силах Франции, так и по части политических известий»;*

— в Париж — Генерального штаба полковник Сливицкий. «*Сообщал из Парижа все новые открытия, до военного искусства относящиеся»;*

— в Западную Анатолию — Генерального штаба полковник Вронченко⁷⁵;

— в Восточную Анатолию и Сирию полковник Львов. «*Оба возвратились с 1835 г. на 1836 год. Первый из них представил вычерченную сеть осмотренных дорог, из коих в последствии составил карту Западной Анатолии, которая уже и гравируется. Сверх сего, определено им астрономически 100 пунктов и составлено описание Малой Азии в военном, статистическом, этнографическом и коммерческом отношениях. Разрешено напечатать 2 последние части, не заключающие никаких военных сведений и рассуждений. Полковник Львов по возвращении в С.Петербург, составил из сети обозренных им дорог карту Восточной Анатолии и представил топографическое обозрение сей части Малой Азии. Ныне занимается составлением остальной части описания и карты Сирии».*

В своем докладе автор рассматривал географические и природные условия страны, сообщал сведения об основных этнических группах с их бытовыми и религиозными особенностями, характеризовал важнейшие населенные пункты Сирии и Палестины как в экономическом, так и военно-политическом аспектах.

В 1834 г.

— в Молдавию и Валахию — Генерального штаба полковник фон Руге. «*Составил на французском языке описание обоих княжеств в военном отношении с картами и рисунками. Печатать не разрешено».*

В 1835 г.

— к восточным берегам Каспийского моря — Генерального штаба капитан Бларамберг⁷⁶ назначен в состав новой экспедиции под началом того коллежского

асессора Карелина. «*По возвращении в С. Петербург (в 1837 г.) представил брульены (черновые наброски. — Примеч. авт.) сделанной им съемки берегов, журнал экспедиции, топографическое описание обозренных берегов от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагаского и этнографическую записку о туркменских племенах*»;

— в Париж — Гвардейского Генерального штаба штабс-капитан Глинка⁷⁷ назначен адъютантом посла нашего генерал-адъютанта графа Палена. «*Им постоянно до 1844 г. доставлялись (новейшие — зачеркнуто в тексте — Примеч. авт.) сведения 1-е — о состоянии военной французской силы; 2-е об открытиях по военной части и 3-е — о военных сочинениях*»;

В 1837 г.

— в Сирию — разрешено адъютанта генерал-квартирмейстера Действующей армии капитана Дайнези⁷⁸ послать в Алеппо «*для усовершенствования в арабском и персидском языках; при чем имеет поручение собрать сведения о том крае*»;

— в Персию — капитан Бларамберг назначен адъютантом к посланнику нашему генерал-майору графу Симоничу⁷⁹, «*с целью собрания сведений о сем государстве и, вообще, о Средней Азии, что и представил в 1841 г.*» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. Л. 26—30).

Находясь в 1837—1840 гг. в Тегеране в распоряжении посла России И.О. Симонича в должности адъютанта (фактически военного советника), капитан Бларамберг интенсивно занимался сбором сведений как об Иране, так и о соседнем с ним Афганистане. Эти сведения в виде пристранных донесений и докладных записок поступали в Департамент Генерального штаба. В феврале 1839 г. Бларамберг написал доклад «*Взгляд на современные события в Афганистане*» (на франц. яз.). Автор анализировал англо-афганские отношения накануне первой Англо-афганской войны (1838—1842 гг.), а также представил краткое военно-статистическое описание Сеистана, Белуджистана и Афганистана. Он представил сведения о народах, населявших Афганистан, а также о крупнейших городах страны.

«*Отчет о занятиях Генерального штаба по военно-ученой части*» упоминает не всех офицеров, командируемых «*для военно-ученых изысканий и открытий*». Так, в 1834 г. в Восточную Анатолию и Сирию для изучения местных условий в различных аспектах был командирован подполковник Генерального штаба П.П. Льзов⁸⁰. После возвращения из командировки в 1835 г. он представил в Департамент генерального штаба описание Сирии с приложением подробных карт Анатолии и

Сирии. В своем очерке автор рассматривал географические и природные условия страны, сообщал сведения об основных этнических группах с их бытовыми и религиозными особенностями, характеризовал важнейшие населенные пункты Сирии и Палестины как в экономическом, так и военно-политическом аспектах (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 185).

Согласно вышецитируемому отчету, из 18 офицеров двое были прикомандированы адъютантами к руководителям российских миссий: штабс-капитан Глинка — к послу в Париже генерал-адъютанту графу Палену; капитан Бларамберг — к посланнику в Тегеране генерал-майору графу Симоничу. А полковник Дюгамель после выполнения поставленной задачи был назначен на дипломатическую должность в Египет (генеральным консулом). Хорошо забытое старое.

К известиям, полученным «от сих агентов, присоединямы были сведения, доставляемые корреспондентами Генерального штаба при посольствах». Последними являлись сотрудники российских представительств за рубежом. «Деятельнейшиими корреспондентами, по оценке генерал-квартирмейстера Главного штаба, в течение сего времени (1930—1937 гг. — Примеч. авт.) были: действительный статский советник барон Мейендорф⁸¹, сначала в Вене, а потом в Штутгарте; после него в Вене статский советник Кудрявский; в Берлине — статский советник барон Унгерн-Штернберг; в Париже статский советник Шпис и в Гамбурге, генеральный консул наши статский советник Бахерахт» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. Л. 30).

Много полезных для военного департамента сведений об Османской империи, особенно о находившихся под ее владычеством арабских областях, собрал К.М. Базили. Сотрудник Азиатского департамента МИД с 1833 г., он в 1839—1844 гг. был консулом, а в 1844—1853 гг. — Генеральным консулом в Сирии и Палестине.

«Он мог бы принести нашему правительству еще много пользы»

Важнейшие сведения об Афганистане, с которым Россия не имела непосредственных отношений, во второй половине 1830-х гг. поступали от Витковича Ивана (Яна) Викторовича, из дворян Гродненской губернии, родившегося в 1808 г. За участие в революционной деятельности в пятнадцатилетнем возрасте Виткович был отчислен из Варшавского кадетского корпуса и направлен рядовым на Оренбургскую линию в город Орск. Комендант крепости полковник Дмитрий

Николаевич Исаев проявил большую заботу об одаренном юноше. Он ввел его в свой дом, где юный Виткевич занимался с детьми коменданта французским языком, географией и другими предметами. В свободное время изучал татарский язык, знакомился со старшинами (аксакалами) кочевавших в окрестностях Орска киргизских племен. Привыкал к их обычаям, нравам и языку, которым овладел настолько, что мог свободно читать и писать.

В 1830 г. знаменитый ученый-энциклопедист из Германии Александр Гумбольдт, совершая вместе с профессором Розе путешествие на Алтай, проезжал через Орск. Остановившись в доме коменданта, Гумбольдт увидел описание своего путешествия по Центральной Америке во французском переводе. Каково же было его удивленис, когда выяснилось, что эта книга принадлежит молодому солдату Орского гарнизона. По возвращении из путешествия Гумбольдт рассказал о Виткевиче Оренбургскому генерал-губернатору Павлу Петровичу Сухтелену. Судьба солдата заинтересовала и боевого генерала, который вызвал Виткевича в Оренбург, присвоил ему унтер-офицерское звание и назначил своим ординарцем. Теперь служба Виткевича проходила в канцелярии киргизского управления. Сменивший умершего Сухтелена на посту Оренбургского генерал-губернатора Василий Алексеевич Перовский, узнав Виткевича поближе, добился присвоения ему звания прапорщика и сделал своим адъютантом. Однако Виткевичу было давно «тесно» в его прежнем и новом качестве.

Зимой 1835—1836 гг. Виткевич совершил поездку в Киргизскую степь, в аулы казахов чумекеевского рода, кочевавших близ Сыр-Дарьи. Одновременно по личной инициативе совершил поездку в Бухару (2 января — 13 февраля 1836 г.). Опубликовал важные сведения о политическом, экономическом и военном состоянии Бухарского ханства, о торговле Бухары с Россией, а также ценный географический и этнографический материал по Приаральской степи и Бухарским владениям. В Бухаре встретился с посланником афганского эмира Дост Мухаммед-хана в России Хусейном Али, следовавшим в Петербург, сопровождал его в поездке в столицу.

В.А. Перовский в рекомендательном письме от 14 июня 1836 г. к директору Азиатского департамента МИД К.К. Родофинкину следующим образом характеризовал своего адъютанта: «*Виткевич более десяти лет прослужил солдатом, и, имея начальниками пьяных и развратных офицеров, он сумел не только сохранить чистоту и благородство души, но сам развил и образовал умственные способности свои; изучился восточным языкам и так ознакомился со Степью,*

что можно решительно сказать, что с тех пор, как существует Оренбургский край, здесь не было еще человека, которому бы так хорошо была известна вся подноготная ордынцев; он уважаем всеми киргизами как по правилам своим, так и по твердости, которую имел случай неоднократно доказывать при поездках в Степь; одним словом, Виткевич при ведении пограничных сношений может оказать самые важные услуги» (Басханов М.К. Указ. соч. С. 51).

По заданию российского правительства Виткевич командировался в Афганистан с важной военно-политической миссией — способствовать установлению политических и торговых отношений. В Кабул отправился через Тегеран, где получил секретные инструкции российского полномочного министра графа И.О. Симонича. В декабре 1837 г. в Кабуле И.В. Виткевич вручил Дост Мухаммед-хану письмо Симонича и Высочайшую грамоту (неподписанное письмо от Императора Николая I). Существование документов стало известно англичанам, последовал дипломатический демарш со стороны британского правительства. Стремясь уладить скандал, правительство России с апреля 1838 г. отзвало из Тегерана И.О. Симонича. Вновь назначенный полномочный министр А.О. Диогамель, «чтобы улучшить наши отношения с Великобританией», отозвал И.В. Виткевича из Кабула. В мае 1838 г. он вернулся в Тегеран. В марте 1839 г. из Тавриза капитан Виткевич отправился в Россию. С собой он вез путевые дневники, отчеты, топографические съемки и планы городов и крепостей Восточной Персии и Афганистана — бесценный материал, которому не суждено было стать достоянием Военного ведомства.

30 марта 1839 г., почти после двухлетнего пребывания на Востоке, Виткевич возвратился в Петербург. На обеде у директора Азиатского департамента МИД Л.Г. Синявина он был уведомлен о скорой встрече с Императором. Утром 9 мая 1839 г. Виткевич был найден мертвым в гостинице «Париж». В посмертной записке говорилось, что он сжег все документы и дневники и решил покончить с собой. Причины и мотивы этого поступка не были указаны. Смерть Виткевича до сих пор остается загадкой. Хорошо знавший Виткевича известный востоковед Н.В. Ханыков недоумевал, почему в описи вещей «застрелившегося» не значился пистолет. Сведения, собранные Виткевичем в Афганистане и Персии, были частично использованы И.Ф. Бларамбергом в его работе «Статистическое обозрение Персии». Бларамберг писал о Виткевиче, что он «мог бы принести нашему правительству еще много пользы. Потому что обладал энергией, предприимчивостью и всеми качествами, необходимыми, чтобы сыграть в Азии роль Александра Бернса (ан-

глийский разведчик, который в 1839—1841 гг. выполнял функции политического советника при штабе английской армии в Кабуле. — Примеч. авт.)».

В 1832 г. была начата реформа высшего управления на началах централизации власти в руках военного министра — 1 мая был «высочайше» утвержден проект образования Военного министерства. Главный штаб Е.И.В. и военное министерство «соединялись» в один состав «под наименованием Военного министерства». Согласно этому проекту, звание начальника Главного штаба Е.И.В. в мирное время упразднялось. В Военном министерстве создавался департамент Генерального штаба в составе квартирмейстерской части, Военно-топографического депо, и Корпуса топографов. Формируемому по новой организации Военного министерства Военному совету было поручено определить «*подробно состав Министерства, предметы его занятий, обязанности, права, отношения и ответственность оного*». «Труд сей» был завершен только весной 1836 г., когда 29 марта было издано новое «Учреждение Военного министерства». Именно в 1836 г. (а никак не в 1832 г.) была завершена очередная и отнюдь далеко не последняя реорганизация центрального управления военного ведомства. А до этого момента продолжала действовать организация все еще не расформированного Главного штаба Е.И.В., который продолжал существовать и в новой организации Военного министерства, но уже не представляя собой административной инстанции, а являясь собранием целого ряда должностных лиц, включая в том числе военного министра, генерал-квартирмейстера и капитана над вожатыми, который назначался «*в случае присутствия Государя Императора при Действующей армии*».

Военное министерство «*для всякой твердости и основательности действий по части Генерального штаба*» было обязано: «1) Иметь всегда верные, полные и подробные сведения о всех военных силах и способах России и о состоянии оной вообще, собственно в военном отношении. 2) Собирать верные и подробные сведения о военных силах и способах иностранных государств. 3) Содержать подробные сведения о направлении и удобствах сухопутных и водных сообщений, как внутри Российской империи, так и вне оной, и рассматривать все предположения об учреждении вновь таковых сообщений. Соображая направления оных, в отношении к видам военным. 4) Составлять, собирать и хранить военно-исторические сведения и описания военных действий и рассматривать статьи об оных, предназначаемые для напечатания. 5) Рассматривать проекты и предположения, относящиеся собственно до усовершенствования военной науки. Рассмотрение

сих проектов и предположений относится к совокупной обязанности, как Департамента Генерального штаба, так и Военно-ученого Комитета». Задача сбора разведывательной информации о вооруженных силах иностранных государств впервые была «Высочайше» отнесена к «предметам особенной попечительности» воинного министра.

Согласно «Учреждению Военного министерства» 1836 г., Департамент Генерального штаба был образован в составе трех отделений и Канцелярии (что не было прописано в проекте образования Военного министерства 1832 г.) (Приложение № 6).

В качестве предмета деятельности Второго (Военно-ученого) отделения Департамента Генерального штаба было определено «1) Собрание и рассмотрение военно-исторических, топографических и статистических сведений о России и иностранных Государствах. 2) Военные обозрения и рекогносцировки... 5) Собрание сведений о крепостях, укрепленных местах и военных силах иностранных Государств. 6) Собрание военно-топографических известий. 7) Военные соображения и предположения относительно иностранных Государств и отечественного края, в особенности же пограничных губерний и областей. 8) Соображения по предмету различных экспедиций, предпринимаемых для военно-ученых открытий и изысканий. 9) Проекты изобретений и открытий по военной части. 10) Сочинения, переводы, рассмотрение и издание книг по военной части. 11) Сношения с Военно-ученым комитетом по отделению Генерального штаба...» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 11. СПб, 1837. № 9038. СПб., 1836).

Создание Второго отделения Департамента Генерального штаба способствовало активизации военно-научной деятельности в 30—40-х гг. На основании накопленных в период войн в Азии материалов были написаны обобщающие работы.

Полковнику Н.И. Ушакову принадлежала двухтомная «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.». Книга выдержала два издания. Уделяя главное внимание боевым операциям, автор, тем не менее, указывал: «С другой стороны, описание кампаний противу азиатских наших соседей требует хотя краткого начертания тех стран, где происходили военные действия; ибо без этого изображения нельзя в точности постигнуть и оценить как самые усилия и труды войск, так равно и важность распоряжений главнокомандующего. Здесь опять недостаток не только исторических и статистических, но даже и

географических материалов может надолго остановить трудящегося потому, что большая часть нынешних читателей в справедливом любопытстве о землях малознакомых ожидает в подобных военных записках изображения не одних походов и сражений, но общей картины местности со всеми ее оттенками, сколько в описании природы, столько же и в начертании политического и правственного быта народа населения».

За сочинением Ушакова последовал выход в свет книги гвардии капитана Лукьяновича «Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг.» (тоже в двух томах). В предисловии автор прямо указывал на использованные им источники, хранящиеся в Военно-топографическом депо Генерального штаба: «Журнал занятий и похода войск Гвардейского корпуса в 1828 г.»; «Журнал военных действий отряда, находившегося под начальством генерал-адъютанта Головина на южной стороне Варны»; «Описание осады Варны» полковника Менда; «Журнал осады Варны в 1828 г.»; «Журнал действий Праводского отряда» генерал-лейтенанта Куприянова и др.

Одновременно с появлением указанных работ возрос интерес к истории предшествовавших войн России и Османской империи. В 1843 г. был завершен труд известного военного историка, участника Наполеоновских войн А.И. Михайловского-Данилевского, посвященный событиям Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Книга явилась результатом тщательного изучения архивных материалов, хранившихся в Военно-топографическом депо и Департаменте Генерального штаба. Отдельно вышедшим приложением к исследованию Михайловского-Данилевского служило уже упоминавшееся сочинение бывшего полковника Генерального штаба И.П. Липранди (История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 183—184).

Канцелярия Департамента Генерального штаба состояла из двух столов и части казначайской. На второй стол Канцелярии возлагалась в том числе *«переписка с иностранными корреспондентами»*. Последующее развитие событий покажет, что *«иностранные корреспонденты»* было не понятие, а лишь указание на местонахождение лиц, состоявших в переписке с Департаментом Генерального штаба.

Однако *«собрание статистических сведений об иностранных Государствах»* понималось только как обработка информации, поступавшей большей частью из МИДа, и значительно в меньшей степени полученной от собственных офицеров, направляемых бессистемно и нерегулярно за границу. По-прежнему вопрос не

ставился о добывании разведывательной информации самим военным ведомством. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что для Второго (Военно-ученого) отделения не было предусмотрено собственных постоянных сил за границей, которыми оно могло бы самостоятельно управлять и которые позволили бы ему обеспечить непрерывное, а не эпизодическое отслеживание состояния армий иностранных государств. Подобное положение можно объяснить тем, что качество и объем разведывательных сведений по иностранным государствам военного и военно-политического характера, добывавшихся в основном через Министерство иностранных дел, все еще удовлетворяли потребности как высшего руководства страны, так и самого военного ведомства.

В единичных случаях эта задача с 40-х гг. XIX века стала возлагаться на так называемых военных представителей Императора, которые на основании двусторонних договоренностей со страной пребывания прикомандировывались к монархам иностранных государств и входили в состав дипломатических представительств России в странах Запада. В переписке они назывались «военными корреспондентами», а число их было крайне ограничено — всего не более пяти-шести человек. Существовавшее в этот период понятие «корреспондент Военного министерства» не являлось синонимом термина «военный корреспондент» и относилось к сотрудникам российских представительств за рубежом, последних в ряде документов называли еще «корреспонденты Генерального штаба при посольствах».

В условиях войны ответственность за сбор сведений о противнике возлагалась на генерал-квартирмейстера Главного штаба армии. Разведка неприятеля должна была организовываться Управлением генерал-квартирмейстера Главного штаба армии, состоящим, согласно «Уставу для управления армиями в мирное и военное время» 1846 г., из трех отделений: 1 — по размещению и движению войск; 2 — по части топографической, статистической и военно-исторической; 3 — по части инспекторской и хозяйственной Генерального штаба.

В военное время «к кругу действий» Управления были отнесены: «...3) Рекогносцирование неприятеля. 4) Общий свод сведений, доходящих о неприятеле из рекогносцировок, из рапортов начальников передовых войск, расспросов пленных и донесений лазутчиков. 5) Собрание статистических, топографических и военно-исторических сведений о крае, армии занимаемом, и о землях, на которые театр войны может быть перенесен. 6) Съемка и военные обозрения». Эти обязанности

возлагались частично на первое отделение (*«Собрание сведений о неприятеле и составление из них ясных и подробных отчетов»*) и в полном объеме на второе отделение *«по части топографической, статистической и военно-исторической»* (ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 21. Отделение второе. 1846. № 20670. СПб., 1847).

В мирное время Управление генерал-квартирмейстера армии разведывательную деятельность не вело, а ограничивалось тем, что среди прочего собирало *«статистические и топографические сведения о крае, армией занимаемом»*.

В части организации разведки Уставом 1846 г. был учтен опыт существования в Действующей армии с 1812 по 1814 г. Высшей воинской полиции. Так, учреждалась должность генерал-полицеймейстера Армии, которому вменялось в обязанность в мирное время наблюдать *«за благоустройством в армии по всем отношениям»*, предупреждать, *«по возможности, всякое зло»*. Генерал-полицеймейстер должен был иметь *«верных тайных агентов в разных сословиях»*. *«Агентам сим»* должно было выдаваться *«жалование или вознаграждение из экстраординарной суммы, с утверждения Главнокомандующего»*. Но кроме этого в военное время генерал-полицеймейстер обязан был *«употреблять все зависящие от него способы и средства для доставления, посредством лазутчиков, вернейших о неприятеле сведений»*. Согласно Уставу, *«собрание сведений о неприятеле в военное время составляет предмет особенной важности»*. Поэтому при начале боевых действий главнокомандующий обязан был снабдить генерал-полицеймейстера *«особой инструкцией, определяющей основания, на коих должны быть устроены часть лазутчиков и общий свод сведений о неприятеле»*.

Последняя фраза свидетельствовала о том, что генерал-полицеймейстеру предстояло действовать *«в потемках»* и совершенно неподготовленным для решения поставленной задачи с началом военной кампании. Все известия, получаемые *«относительно положения, намерений и способов неприятеля»*, генерал-полицеймейстер обязан был немедленно доносить начальнику Главного штаба для доклада главнокомандующему. Какого-либо аппарата для решения задач, поставленных перед генерал-полицеймейстером армии в канун и с началом боевых действий, так и не было создано.

Согласно Уставу, в военное время генерал-квартирмейстером из офицеров Генерального штаба «избирался» *«капитан над вожатыми»*, круг обязанностей которого не изменился по сравнению с *«Учреждением для управления Большой действующей армией»* 1812 г. По-прежнему капитану над вожатыми, съе не

предполагалось поручать организовывать разведку через подобранных им проводников.

Во второй половине 40-х гг. XIX в., по словам будущего военного министра, а в описываемый период профессора Императорской Военной академии Д.А. Миллютина, при некоторых наших посольствах состояли военные лица со званием «военных корреспондентов» (в Париже — полковник Глинка, в Берлине — генерал-майор свиты Бенкендорф⁸², в Вене — полковник граф Стакельберг⁸³, в Стокгольме — генерал-майор Бодиско⁸⁴, в Константинополе — полковник граф Остен-Сакен) (Миллютин Д.А. Воспоминания 1843—1856. М., 2000. С. 143). В самом же Военном министерстве «часть военно-статистическая вовсе не была организована». «Доставляемые по временам означенными лицами кое-какие записки о переменах в иностранных армиях считались секретными и оставлялись без всякого употребления», — вспоминал Д.А. Миллютин. Любопытно, что в силу неустоявшейся терминологии в официальном документе, коим являлся Список генералам по старшинству от 1856 г., генерал-майор Э.Г. Стакельберг именовался как «Член-корреспондент Военного министерства при Российской миссии в Вене».

Далеко не всегда поступавшая с мест от «военных корреспондентов» информация оставалась без внимания, так же, как и сами «военные корреспонденты» далеко не всегда проходили мимо технического совершенствования оружия и боеприпасов в армиях стран их пребывания.

Так, назначение Гвардейского Генерального штаба штабс-капитана Б.Г. Глинки (Глинка—Маврин) в 1835 г. адъютантом посла во Франции графа Палена имело далеко идущие последствия. Глинка-Маврин активно занимался добыванием разведывательной информации о французских вооруженных силах и об оборудовании ТВД. В 1843 г. ему удалось получить «47 карт с подробным описанием оборонительной системы французских берегов». Исполняя во Франции в течение девяти лет обязанности представителя военного ведомства, Глинка-Маврин обратил особое внимание на ружейное дело ввиду происходившей тогда смены кремниевых ружей ударными.

По возвращении в Россию в 1844 г. Глинка-Маврин был назначен членом «Комитета об улучшении штуцеров и ружей» (назывался также Оружейным комитетом) (04.10.1830 г. — 14.03.1860 г.). Комитет был образован при Военном министерстве для ведения теоретических и опытных исследований по усовершенствованию огнестрельного оружия. На комитет было возложено рассмотрение

проектов и изобретений по части ручного огнестрельного и холодного оружия; ведение теоретических и практических исследований по всем вопросам, относящимся к теории, практике и технике ручного оружия; обсуждение этих вопросов; распространение правил меткой стрельбы из ручного огнестрельного оружия в войсках. В 1844 г. последовал приказ о переделке всех кремнево-ударных ружей на капсюльные по французскому образцу. Этому решению предшествовала огромная работа Оружейного комитета, который рассмотрел системы Г.Л. Бонтана, директора Туринского арсенала Бордино, подполковника Житинского, барона Гертелу, Реклю, Жоли, Минье и целого ряда других изобретателей.

На Глинку-Маврина была возложена задача организации разработки на Сестрорецком оружейном заводе опытных образцов ударного ружья для нашей армии. Речь шла о переделке всех кремнево-ударных ружей на капсюльные по французскому образцу. По исполнении этого поручения и Высочайшего утверждения в 1845 г. образца пехотного ударного ружья, Глинка-Маврин был направлен на Ижевский оружейный завод для производства там новых ружей и улучшения оружейного производства вообще. Назначенный в 1849 г. флигель-адъютантом к Е.И.В., Глинка-Маврин был в том же году командирован в распоряжение главнокомандующего армией, действовавшей против вснгров, и по возвращении произведен в генерал-майоры, с зачислением в свиту Е.И.В., и командирован в Бельгию для заказа штуцеров. В 1852 г. «Комитетом об улучшении штуцеров и ружей» был одобрен и утвержден императором Николаем I последний образец гладкоствольного ружья. Через два года принимается образец переделочного ружья с нарезами в канале ствола — штуцер.

К ружью образца 1852 г. в 1855 г. введены новые пули — цилиндраполушарные пули Нейслера, благодаря которым дальность стрельбы из гладкоствольных ружей увеличивалась почти в два раза. История их появления сама по себе довольно любопытна. Во время одной из вылазок, которые делали защитники Севастополя для порчи и разрушения подвигавшихся к Севастополю неприятельских траншей, у пленного француза была найдена пачка патронов с пулями особого устройства. Пленный объяснил, что это скретные пули для гладкоствольных ружей, которые летят на 400 и более метров. Патроны были отправлены в Санкт-Петербург, где их исследовал Технический комитет, а в самом Севастополе была создана комиссия под председательством генерала Хрулева для выяснения возможности приспособления к русским ружьям.

Еще до официального утверждения пули, изобретенные французским капитаном Нейслером, стали изготавливаться в осажденном Севастополе (Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. (К 150-летию начала войны). Научно-практическая конференция. СПб. 2004. С. 37—40).

Начало 50-х гг. характеризовалось, как известно, назреванием так называемого восточного кризиса, главным стержнем которого были русско-английские и русско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке.

В июле 1849 г. к российскому посольству в Стамбуле был прикомандирован Генерального штаба Е.Ф. Тизенгаузен⁸⁵. В его функции входил сбор сведений военно-политического характера, которые он должен был передавать в Военное министерство. Ему предписывалось обратить особое внимание на порядок комплектования турецкой армии и флота рядовым и офицерским составом (с учетом национального и религиозного соотношения рекрутского контингента), на дислокацию войсковых соединений, на систему резервов и материально-технического снабжения армии, на деятельность военно-учебных заведений и степень участия в их работе иностранных офицеров и т.д. (РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 34. Л. 124—188).

Служба Тизенгаузена в столице Османской империи была весьма плодотворной. В течение полугода, кроме регулярных донесений, им были написаны и переданы в Департамент Генерального штаба два относительно подробных очерка, посвященных турецкой армии и флоту. При этом в первом очерке автор касался вопроса истории создания регулярной турецкой армии, а во втором, говоря о военно-морских силах, Тизенгаузен анализировал состояние и возможности турецкого кораблестроения.

После смерти Тизенгаузена (30 марта 1850 г.) на его место был назначен полковник К.И. Остен-Сакен, опытный и образованный офицер, служивший в Генеральном штабе с 1829 г. На протяжении более чем двух лет вплоть до разрыва дипломатических отношений, он регулярно информировал военного министра и Департамент Генерального штаба обо всех сколько-нибудь значительных событиях военно-политического характера, происходивших в Османской империи. В первую очередь прикомандированный к посольству офицер, разумеется, обращал внимание на организацию и вооружение турецкой армии, дислокацию войск в европейской Турции и Анатолии, состояние турецкого флота (РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 35. Л. 39). А в донесении от 24 ноября 1852 г. он описывает восстание друзов (арабы — приверженцы одной из мусульманских шиитских сект) в Ливане и Сирии, вызванное

попыткой султанского правительства ввести здесь «рекрутские конскрипции». В неудачной карательной экспедиции против друзов Остен-Сакен усмотрел одно из проявлений слабости всей турецкой военной системы.

В 1853 г. полковник А.М. Дондуков-Корсаков⁸⁶ был направлен в Алжир для ознакомления с французской военной организацией и методами ведения колониальной войны. Участвовал и отличился в боевых действиях на Кавказском направлении во время Крымской войны. По Высочайшему повелению Дондуков-Корсаков был командирован военным агентом в прусскую армию на время Австро-прусской войны (16 июня — 18 августа 1866 г.).

По утверждению Д.А. Милютина (по утверждению, потому что, отдельные фрагменты воспоминаний бывшего военного министра не всегда соответствовали архивным источникам), назначенного для особых поручений при военном министре А.И. Чернышеве, в августе 1850 г. он передал на имя министра Записку. С целью обеспечения «систематического собирания подсобных и точных сведений о военных силах иностранных государств» в Записке предлагалось реализовать следующие мероприятия:

«1) иметь в столицах всех больших государств специальных военных агентов, на которых возложить обязанность постоянно собирать и пополнять сведения о военных силах тех государств, и

2) в самом Министерстве учредить военно-статистический комитет, в котором получаемые от заграничных военных агентов сведения приводились бы в систематический порядок» (Милютин Д.А. Указ. соч. Воспоминания 1843—1856. М., 2000. С. 172—173). Записка Милютина в части организации центрального разведывательного органа и придания ему зарубежных сил не имела дальнейших последствий. Должно было пройти еще 13 лет, когда в качестве военного министра Д.А. Милютин смог бы сам приступить и к решению этого безотлагательного вопроса. В части же получения конкретных военно-статистических материалов, как уже отмечалось, Чернышев запросил Нессельроде в январе 1851 г. Судя по всему, Д.А. Милютину принадлежит первенство в использовании термина «военный агент».

Окончательное выделение военной агентурной разведки как особого вида деятельности вооруженных сил, образование в каждом из двух их видов собственной структуры разведки с приданием на постоянной основе специальным центральным, а затем и периферийным органам зарубежных сил и средств началось лишь во второй половине XIX века, после Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг.

2.3. Деятельность заграничных представительств МИД в интересах военного ведомства

Основной расчет в военном ведомстве в мирное время по-прежнему делался на разведывательные сведения военного и военно-политического характера, добываемые зарубежными представительствами МИД России.

В годы царствования Екатерины II русских «министерских постов» за границей было 21; в последний год царствования Александра I их было 24: чрезвычайные и полномочные послы в Лондоне и Париже; чрезвычайные и полномочные посланники в Вене (до 1822 г. здесь был посол), Берлине, Стокгольме, Копенгагене, Дрездене, Мюнхене, Карлсруэ, Франкфурте-на-Майне (с 1815 г.), Риме (с 1803 г.), Неаполе, Турине, Мадриде, Филадельфии (с 1809 г.), Константинополе; министры-резиденты в Гамбурге и Кракове (с 1815 г.); поверенные в делах в Гааге, Штутгарте, Флоренции, Берне (с 1814 г.), Лиссабоне, Тегеране.

Присвоение лицу, аккредитованному при дворе той или иной державы, ранга посла или посланника в то время не было тесно связано с международным положением страны. В царствование Александра I при дворах великих государств послы иногда сменялись посланниками и, наоборот, в зависимости от служебного положения вновь назначавшегося представителя. Аахенский конгресс 1818 г. установил деление дипломатических агентов на четыре разряда. К первому разряду были отнесены послы, папские легаты и нунции; ко второму — интернуции, посланники и уполномоченные министры; к третьему — резиденты (министры-резиденты) и к четвертому — поверенные в делах (*Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. I. СПб., 1890. С. 139—140*).

Число консульств к концу царствования Александра I значительно увеличилось по сравнению с последними годами XVIII столетия. В 1825 г. было 24 генеральных консульства: в Англии, Бразилии, Молдавии и Валахии, Венеции, Генуе (Сардинском королевстве), Данциге, Египте, Копенгагене, Ливорно, Могузе и Долмации, Сардинии, Сицилии, Смирне, Требизонте, Триесте, Филадельфии, Швеции, Штеттине; кроме того, генеральными консулами были комиссар в Неаполитанском королевстве и комиссар по торговым делам в Мсмеле. Консульств числилось 21, вице-консульств — 11, консульских агентов — три.

Дипломатические представительства, находившиеся на Востоке, находились в ведении Азиатского департамента (создан 26 февраля 1797 г.) Коллегии иностран-

ных дел страны (Министерства иностранных дел). В первой половине XIX века их было немного: миссии в Стамбуле («при оттоманском дворе») и Гегеране («при шахском дворе»), находившиеся там еще с XVIII века. В 1843 г. к ним прибавилось генеральное консульство в Бейруте (его полномочия распространялись на Сирию и Палестину); в 1847 г. — Адрианополе (Эдирне), ведавшее консульскими делами в европейской части Османской империи. В ведении Азиатского департамента была и знаменитая Пекинская духовная миссия. Впервые учрежденная Императором Петром I и окончательно признанная китайским правительством в ст. 5 Кяхтинского договора 21 октября 1727 г., миссия, во главе которой находил архимандрит, состояла из десяти человек. Светские члены миссии (четыре-пять человек) обязаны были изучать китайский, маньчжурский, а также монгольский и тибетский языки. Миссию, сменявшуюся периодически и остававшуюся в Пекине сроком не менее десяти лет, сопровождал пристав, назначавшийся обыкновенно из чиновников министерства. Этим приставам поручалось входить в доверительные переговоры с китайцами по делам пограничным и торговым. Естественно, что при этом активно велась шифрованная переписка с центром.

Что касается развития заграничных учреждений министерства, то в царствование Николая I были учреждены миссии в Рио-де-Жанейро (1828 г.), Афинах (1830 г.), Брюсселе (1853 г.), при дворах вновь образовавшихся государств: Бразильской империи (1822 г.), королевств Греческого (1830 г.) и Бельгийского (1831 г.). Были учреждены также генеральные консульства в Сербии в 1839 г., на острове Корфу в 1842-м, в Бейруте (Сирия и Палестина) в 1843-м и в Адрианополе в 1847 г. Всего в последний год царствования Николая I насчитывалось 18 генеральных консульств, 20 штатных консульств и пять вице-консульств. Число нештатных консульских учреждений увеличилось значительно: в 1854 г. было 86 нештатных консулов, вице-консулов и консульских агентов.

В своей деятельности по сбору военно-статистических данных сотрудники российских представительств за рубежом руководствовались уже упоминаемой Инструкцией, подготовленной в 1822 г. полковником квартирмейстерской части Ф.Ф. Бергом.

27 июня 1827 г. Свита Е.И.В. по квартирмейстерской части была переименована в Генеральный штаб. Вся новация заключалась только в названии и собственно функции Генерального штаба были представлены весьма ограниченно. Так, на новый орган возлагалась задача направления за границу офицеров Генерального

штаба и других ведомств для военно-статистического изучения иностранных государств, а также составления очередных вариантов Инструкций персоналу российских миссий по добыванию сведений в интересах Военного министерства. Существовал еще и Гвардейский Генеральный штаб в составе все той же Свиты Е.И.В., функции которого были совсем не оговорены.

Переименование квартирмейстерской части Свиты Е.И.В. в Генеральный штаб сопровождалось констатацией того очевидного факта, что «*собрание военных и статистических сведений об иностранных государствах имелись в виду с давнего времени, когда одно из главнейших занятий Генерального штаба*». «*Но с 1828 г. на предмет сей, — указывалось далее в одном из документов, подготовленном в Генеральном штабе, — по существу своему столь важный, обращено особенное внимание и начало постоянному собираанию сведений положено в том же году разосланном при циркулярном предписании Министерства иностранных дел во все посольства составленной в Генеральном штабе Инструкции* (подчеркнуто мной. — Примеч. авт.). Ею определены в точности, какого рода и в какой подробности нужны военные сведения для Военного Министерства» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. Л. 25). Судя по всему, речь шла об Инструкции для сбора статистических сведений Министерством иностранных дел в интересах военного ведомства, составленной полковником Бергом.

Итак, «*по высочайшему повелению*», сообщенному в 1828 г. начальнику Главного штаба Е.И.В., «*предписано было миссиям нашим, в чужих краях пребывающим, собирать и по времени доставлять сюда верные и обстоятельные сведения о состоянии и военных силах разных европейских государств, равно как о всех отраслях управления по сей части*» (там же. Д. 1. Л. 34—35 об.).

«*Вследствие Высочайшейволи*» в Военное министерство поступило «*полное сведение о сухопутной и морской силе Королевства Неаполитанского, собранное состоящим при оной миссии титуллярным советником Зерво*». «*Рассмотрев со вниманием сии сведения, — писал 13 февраля 1829 г. А.И. Чернышев графу К.В. Нессельроде, — я нашел оные совершенно удовлетворительными и соответствующими пред назначенной цели, о чем явлении я в обязанность свидетельствовать пред Вашим сиятельством*» (там же. Л. 87—87об.).

Подобные сведения поступали в Военное министерство из Вены, Мадрида и Пруссии.

Так, от посланника в Вене действительного тайного советника Татищева⁸⁷ 2.04.1829 г. были направлены «*сведения о нынешнем состоянии военных сил*

Австрийской Империи, со всеми касающимися до сего подробностями (судя по карандашным наметкам, была приложена дислокационная карта. — Примеч. авт.). Подобные донесения военного характера поступали из Вены в большом количестве.

Татищевым были направлены в Санкт-Петербург полученные им 13 декабря 1829 г. «замечания о прусской армии, подготовленные надворным советником бароном Унгерн-Штернбергом, который находился в Берлинской миссии». В своем письме к Нессельроде Чернышев писал, что при докладе им «сведений Штернберга государю, тот удостоил Штернберга за эти сведения монаршей благодарности» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1. Л. 101).

Поступали и курьезные сведения. Военный министр в очередном письме канцлеру, сообщал, что «возвращает подлинную депешу Посланника нашего в Турине гр. Воронцова-Дашковского (1827—1830 гг. — Примеч. авт.), содержащую описание устройства военных сил в Сардинии». При этом А.И. Чернышев приносил «благодарность за сообщение сего любопытного сведения» (там же. Л. 102).

Однако «последствия, которых ожидали от сей меры, столь важной по цели, не вполне соответствовали ожиданию, ибо не из всех посольств были доставлены нужные сведения (которые не имели при том последовательности, не смогли служить составлению чего-либо целого). С окончанием похода 1829 г. приняты были деятельные меры к распространению сведений наших о военных способах иностранных государств».

Одной из интересных личностей в истории российско-американских отношений был А.Г. Евстафьев, исполнявший должность консула в Бостоне с 1808 по 1826 г. Он был автором работы «Ресурсы России в случае войны с Францией» (Бостон, 1813), а также драмы «Казаки на пути в Париж» и трагедии «Царевич Алексей», поставленных в 1814 г. на бостонской сцене. В 1826 г. он сообщил в Петербург о намерении направить в Морское министерство чертежи и описание «нескоторых устройств в области морского дела». Евстафьев просил о вознаграждении для американских изобретателей, предоставивших эти материалы. Через некоторое время в Петербурге получили чертежи и описания, а награда (3000 рублей) досталась самому консулу. К морскому делу, и в особенности к судостроению, Евстафьев был неравнодушен, полагая себя сведущим человеком в этой области. В 1830—1840-х гг. он неоднократно пытался добиться руководства постройкой в Америке военных судов для русского флота, но всякий раз был отстранен от участия

в этих работах. В 1847 г., находясь в составе российской миссии в Вашингтоне, Евстафьев даже написал письмо Николаю I, в котором просил поручить ему постройку парохода, который будет готов через 12 месяцев и обойдется казне вдвое дешевле, чем обычно. Но его просьба не имела последствий (Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 44—43).

Таким образом, сотрудники российских дипломатических миссий за рубежом с той или иной степенью полноты освещали вопросы, сформулированные в Инструкции, и в первой половине XIX века Военное министерство было вполне удовлетворено складывавшимся положением вещей и не считало целесообразным выходить на императора с предложением открыть постоянные должности для представителей военного ведомства, учитывая при этом и финансовую сторону вопроса.

Сбор дипломатическими представителями России военно-статистических сведений на Востоке был далеко не так безоблачен и безопасен, как на Западе.

Первую треть XIX века Россия провела в кровопролитных войнах с Персией. Русско-персидская война, начатая в 1804 г., завершилась 24 октября 1813 г. подписанием в местечке Гюлистан в Карабахе мирного договора. Персия признавала переход к России Северного Азербайджана, Восточной Грузии, Имеретии, Гурии, Менгrelии и Абхазии. Россия получала исключительное право держать флот на Каспийском море, купцам обеих стран предоставлялось право свободной торговли. Договор юридически оформил проникновение России в Закавказье, вызванное по преимуществу соображениями защиты единоверцев. В 1826 г. Персия начала новую войну против России.

Начальником дипломатической канцелярии наместника Кавказа Паскевича являлся Александр Сергеевич Грибоедов⁸⁸. К этому времени у него уже был четырехлетний опыт работы в Персии в составе российской дипломатической миссии (1818—1821 гг.). Грибоедов еще до начала войны установил тесные связи с наследником персидского трона Аббасом-Мирзой, который в дальнейшем стал союзником России. Превосходно знавший персидский быт и сам дух народа, даже саму местность, он являлся правой рукой Паскевича. Как свидетельствуют очевидцы, «все движения к городам Эчмиадзину и даже к самой Эривани были подвинуты решимостью Грибоедова, который беспрестанно толкал вперед Паскевича, не знаявшего ни персиян, ни местности». Паскевич, зная личные отношения Грибоедова с персидским наследником, послал его в лагерь Аббаса-Мирзы,

командующего персидской армией, с такого рода мирными предложениями, на которые последний не согласился. Грибоедов заодно изучил состояние армии, выявил ее низкий моральный дух, «прощупал» адъютанта Аббаса-Мирзы Гаджи-Махмуда-Агу на предмет его возможного использования в дальнейшем как агента и сумел получить от него практически согласие на это («Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 1. М., 1996. С. 122—125»). Вернувшись в лагерь, А.С. Грибоедов настоял на том, чтобы выступить на штурм Эривани, обещая верный успех. Крепость была взята, и Паскевич получил титул князя Эриванского.

В конце концов персы были разбиты и в 1828 г. запросили мира. 23 февраля 1828 г. в селении Туркманчай близ Тебриза командующим войсками Отдельного Кавказского корпуса генералом И.Ф. Паскевичем и персидским наследным принцем Аббасом-Мирзой был подписан мирный договор, по которому подтверждались все условия Гюлистанского договора 1813 г. Кроме того, Персия признавала переход к России части Каспийского побережья до реки Астара, Восточной Армении (Эриванского и Нахичеванского ханств), границей между государствами стал Аракс. Устанавливались консульские отношения, статьей 8 договора Аббас-Мирза признавался наследником престола. Персия обязывалась выплатить 10 куруров туманов (20 млн рублей серебром) контрибуции.

На последнем условии особенно настаивал принимавший участие в переговорах А.С. Грибоедов, который считал, что, «*требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам долгое время*» («История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.)». М., 1995. С. 224).

Для выплаты контрибуции шахское правительство ввело экстраординарные налоги, вызвавшие рост антирусских настроений. По договору армянам, проживавшим в Персии, разрешался выезд в пределы Российской империи (с 1828 г. по 1831 г. выехало около 100 тыс. человек, а до 1851 г. — еще около 200 тыс. человек).

Активность Грибоедова при заключении мира решила его дальнейшую дипломатическую карьеру: он был назначен полномочным министром в Тегеран. В инструкции для Грибоедова, составленной К.В. Нессельроде и утвержденной 25 апреля 1828 г. Николаем I, помимо детальных указаний в отношении политических целей в его работе в Персии (таких, как упрочение мирных отношений между двумя странами, выполнение шахом условий Туркманчайского договора, в особенности выплаты контрибуций, нейтралитет Персии в русско-турецких делах,

нейтрализация антирусского влияния английской агентуры, развитие взаимовыгодной торговли и др.), большое место было отведено таким вопросам, как:

— покровительство подданным Персии, которые оказывали услуги российскому войску во время Русско-персидской войны и которых стали бы преследовать после окончания этой войны (об этом специально было сказано в Туркманчайском договоре);

— сбор статистических и политических сведений о Персии, ее истории, географии, о состоянии ее экономики, торговли;

— сбор сведений о соседях Персии и ее с ними взаимоотношениях, о быте и нравах их населения, об их торговле, об их «дружественных и неприязненных» отношениях с другими странами.

Особо выделялась задача по сбору «в подлинном свете изложенных» сведений о Бухаре, ее торговле и внешних сношениях с Хивой, Персией, Афганистаном и Оттоманской империей.

Не менее важной задачей был сбор сведений о древних и современных караванных путях, идущих от Каспийского моря в Индию и сопредельные с нею страны.

«Но более всего, — говорилось в инструкции, — МИД встречает надобности в сведениях, почерпнутых из верных источников, об отношениях Персии к туркоманам [туркменам] и хивинцам, о степени ее приязни с оными и влиянии могущества ее на сии кочевые племена, а с другой стороны о случаях к опасению, к взаимным враждебным действиям их и о способах Персии к отражению их набегов».

Большой раздел инструкции был посвящен так называемым чрезвычайным расходам. *«Для успешного исполнения всего, что Вам предначертано, необходимы связи в том крае, где Вы будете иметь постоянное пребывание, и содействие людей усердных. Самые вельможи и даже сыновья шахские нуждаются иногда в незначащем вспоможении наличными деньгами, от которых внезапно восстает их вес и зависит нередко их спасение. Такая услуга с Вашей стороны, вовремя оказанная, может приобрести Вам благодарность лиц полезных и сделать их искренними, следовательно, решения по сему предмету предоставляются Вашему благороданию».*

*«Впрочем, многие местные обстоятельства в Персии нам в совершенной полно-
ти неизвестны, а потому я ограничиваюсь выше изложенными наставлениями,
по Высочайшему повелению предначертанными Вам в руководство. Но при се-*

долгом поставляю сообщить Вам, что Его Императорское Величество пребывает в том приятном удостоверении, что Вы при всяких случаях и во всех действиях постоянно будете иметь в виду честь, пользу и славу России» (Очерки истории российской внешней разведки. Указ. соч. С. 122—125).

9 декабря 1828 г. Грибоедов прибыл в Тегеран. Он был встречен с большим почетом, но вслед за тем, в ходе переговоров о выполнении условий Туркманчайского договора, у русского посла возникли споры и недоразумения с персидскими сановниками. Грибоедов занял жесткую позицию, требуя выплат контрибуции и освобождения пленных. Вскоре он оказался в атмосфере всеобщей враждебности. Грибоедов дал убежище в здании миссии двум армянкам и евнуху армянского происхождения, из шахского гарема, Мирзе Якубу. Это послужило поводом для возбуждения религиозного фанатизма и начала антирусского выступления в Тегеране. Многие склонны считать, что это произошло не без помощи англичан. Сам шах на всякий случай выехал из Тегерана в одну из ближайших деревень, оставив столицу на управление Аллаяр-хана и разбушевавшейся толпы.

30 января 1829 г. огромная толпа разъяренных персов ворвалась на территорию российского посольства, убила всех, кто там находился, и разграбила все имущество. Были убиты Грибоедов, 37 членов миссии, казаков, прислуги и 15 персов.

Представитель Николая I генерал-майор Долгоруков, приехавший в Тегеран для улаживания инцидента с разгромом российской миссии и пробывший в персидской столице довольно длительное время, высказал свои замечания главе Азиатского департамента МИД К.К. Родофинкину относительно дальнейшей организации разведывательной работы в Персии. Он отмечал: «*В Азии не так, как в Европе. Здесь каждый день является перемена в мыслях и весьма часто в действиях. Чтобы не дать дурного хода делам и чтобы иногда успеть предупредить какие-либо действия, нужно быть скоро и верно извещену. Успех в деле от сего происходит. Чтобы дойти же до намечаемой цели, надобно иметь людей, а людей без денег и подарков невозможно приобрести... Я совершенно того мнения, что не должно дозволять больших экстраординарных расходов, но необходимо также назначить сумму, чтобы отыскать одного или двух чиновников персидских, которые бы доставляли верные известия... по приезде же моем я не нашел ни одного человека, который бы хоть немного придерживался к нашей миссии, тогда когда всё валит к англичанам»* (там же. С. 122—125).

Инструкцию К.В. Нессельроде пришлось выполнять уже преемникам А.С. Грибоедова, в частности генерал-майору Ивану Осиповичу Симоничу, занимавшему с 1832 г. по 1838 г. пост российского императорского полномочного министра в Персии. Симонич оставил после себя объемистую рукопись мемуаров о положении в Персии в годы своего там пребывания.

По-прежнему сохраняется практика направления крупных воначальников руководителями российских представительств за границей. Генерал-лейтенант А.Ф. Орлов⁸⁹ с сентября 1829 г. до мая 1830 г. являлся чрезвычайным посланником в Турции.

В ноябре 1832 г., когда египетские войска, заняв Сирию, вторглись в Анатолию, Николай I вмешался в конфликт в качестве посредника между султаном и Мухаммедом Али. В Египет был направлен генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Карсский) в качестве полномочного представителя русского правительства. В начале 1833 г. Муравьев переезжает в Турцию, где становится начальником русского экспедиционного корпуса, высадившегося на азиатском берегу Босфора. Пребывание в Турции и Египте позволило Муравьеву дать характеристику турецких и египетских вооруженных сил. Свои наблюдения он также обобщил в таких открытых работах, как «Русские на Босфоре в 1833 г.» и «Турция и Египет в 1832 и 1833 гг.» (оба труда были опубликованы после смерти автора, в 1869 г.).

Следует отметить, что Муравьев в 30-х гг. был уже не новичок в деле сбора разведывательных сведений. Еще в 1819 г., будучи капитаном Гвардейского Генерального штаба, он посетил с дипломатическим поручением Хивинское ханство, причем ему впервые после экспедиции А.А. Бековича-Черкасского (1716 г.) удалось достигнуть Хивы с восточного побережья Каспийского моря. Описание и карта Хивинского ханства, составленные в результате этой поездки, были изданы в Москве в 1822 г. Много позже Муравьев занимался обобщением опыта боевых действий в Закавказье в период Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг.

В начале 30-х гг. XIX века развитие техники в целом и военной техники в частности должно было привести к появлению на поле боя и на море качественно нового оружия, способного решить не только исход боя, но и исход войны. Около 250 лет (с конца XVI в. до середины XIX в.) армии были вооружены гладкоствольными, заряжаемыми с дула ружьями, пришедшими на смену мушкетам. В начале XVIII в. ружья были оснащены штыками. Таким образом, в них объединились

возможности огнестрельного и холодного оружия. Введение железного шомпона (в русской армии с 1711 г.) позволило увеличить скорострельность ружей с 1 до 2 выстрелов в минуту. В конце XVIII в. на вооружение были приняты ружья с изогнутым прикладом, что позволило вести из них прицельный огонь.

Артиллерия долгое время оставалась гладкоствольной, орудия заряжались с дула и имели калибр от 75 до 150 мм. Основными видами боеприпасов являлись ядра и картечь. Стрельба ядрами велась на дальность до 2 км, а картечью — до 200 м. Скорострельность артиллерии не превышала 1 выстрела в минуту. Усовершенствование артиллерии в этот период шло в направлении снижения веса орудий, установления единства систем и калибров, совершенствования лафетов и прицельных приспособлений, а также некоторого увеличения скорострельности и дальности огня (в 2 раза). Но и с 50-х гг. XIX в. началось перевооружение артиллерии нарезными орудиями. Впервые на поле боя нарезные орудия применили французы в итalo-франко-австрийской войне 1859 г. Нарезные орудия были еще весьма несовершенны, но и они изумили австрийцев своей дальностью, стреляя с дистанций, недосягаемых для австрийских гладкоствольных орудий. В последующие годы нарезные, заряжающиеся с дула орудия были приняты на вооружение в Пруссии, Австрии, Англии и России, явившейся родиной нарезного оружия (первая известная пушка с нарезами и клиновым затвором была создана в конце XVI в. русскими мастерами).

Боевые возможности огнестрельного оружия резко возросли в середине XIX в., когда машинная индустрия позволила осуществить массовое производство нарезных, заряжаемых с казенной части, артиллерийских орудий и винтовок. Стал применяться бездымный порох (80-е годы XIX в.). В артиллерии ядро заменили снарядом, что резко повысило эффективность ее огня. В целом боевые возможности ручного огнестрельного оружия возросли в 10 раз. Дальность стрельбы артиллерии увеличивалась в 2—2,5 раза, а точность более чем в 5 раз.

К этому времени Россия остро ощущала отставание в промышленном развитии, в том числе в техническом оснащении армии по сравнению с армиями государств Западной Европы.

Подобная ситуация в конечном итоге не только привела к ускорению создания института военных агентов, но и положила начало новому направлению в деятельности российской дипломатии за рубежом — добыванию технической и военно-технической информации.

В ноябре 1831 г. по представлению товарища начальника Главного штаба А.И. Чернышева российское посольство в Лондоне получило директиву «собрать самые точные и верные сведения о только что изобретенном в Англии новом ружье, заметно превзошедшем, по имевшимся в России сведениям, уже существовавшие в европейских армиях, и добыть, если представится возможность, его образцы» (Очерки истории Российской внешней разведки. Указ. соч. С. 146).

Одновременно всем российским представительствам за границей было предписано обращать особое внимание на все появляющиеся в странах их пребывания изобретения, открытия и совершенствования «как по части военной, так и вообще по части мануфактур и промышленности» и немедленно «доставлять об оных подробные сведения». Хотя речь и шла обо всех зарубежных представительствах, однако прежде всего имелись в виду российские посольства во Франции и Англии. Причем последние должны были следить не только за последними образцами боевой техники, оружия и боеприпасов, прошедшими испытания хотя бы в лабораторных условиях, но и за развитием промышленного производства (и принимаемыми правительством мерами по его поощрению), технической мысли, появлением новых по тем временам технологий, которые могли бы привести в конечном итоге к прорывам в военном деле. Задача, прямо скажем, непосильная для дипломатических сотрудников за рубежом.

В феврале 1832 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде, пожалуй, впервые за многие годы сослался на загруженность сотрудников дипломатических представительств политическими делами и вполне справедливо обратил внимание на полное отсутствие у них подготовки в научно-технической области. В этой связи Нессельроде предложил подключить к разведывательной работе по добыванию сведений «по части мануфактур и промышленности» заграничных представителей Министерства финансов, в состав которого входили отдельные экономические департаменты, в том числе департамент внешней торговли. Министр иностранных дел даже выдвинул две конкретные кандидатуры: находившегося во Франции коллежского советника Мейendorфа, который занимался вопросами коммерческой деятельности и мануфактурной промышленности, и работавшего в Германии действительного статского советника Фабера. Министр финансов Е.Ф. Канкрин поддержал предложение К.В. Нессельроде. Был выработан целый перечень вопросов и после утверждения у Николая I направлен Фаберу.

Но разгрузить сотрудников российских представительств за рубежом от выполнения разведывательных задач по линии военного ведомства так и не удалось, не только в 30-е годы, но и десятилетия спустя.

В августе 1832 г. потребности Военного министерства в разведывательной информации были подкреплены указаниями во все дипломатические представительства лично генерал-инспектора по инженерной части российской армии Великого князя Михаила Павловича: закупать открытую и добывать секретную литературу по инженерному искусству, относящуюся «*к долговременной и полевой фортификации, атаке и обороне крепостей, военно-строительному и понтоonnому искусству*».

Указания великого князя были приняты к исполнению. Так, посол в Париже генерал-адъютант граф Пален лично купил в 1832 г. за 600 франков описание с рисунками новых лафетов для французской полевой артиллерии. В 1835 г. за 6500 франков им же были приобретены «*чертежи и описание нового рода зажигательных ракет, ударное ружье и чертежи крепостной, осадной, береговой и горной артиллерии*» — последние достижения французов в военной области.

В 1834 г. были получены закрытое учебное пособие для военного инженерно-артиллерийского училища в Меце, посвященное новой французской полевой артиллерии, а также программа обучения в этом училище, а в следующем году — документация по производству французских пушек на заводах в Тулусе.

В 1835 г. один из сотрудников посольства в Париже приобрел образцы «свитых ружейных стволов», которые выпускались на одном из заводов в Вогезах.

Посол в Вене сообщил в 1834 г. об изобретении австрийским оружейником Цейлером нового ударного механизма для огнестрельного оружия, а также сменного магазина для патронов и выслал их краткое описание и чертеж. Он даже негласно договорился с Цейлером о поездке в Россию для налаживания там производства новых ружей.

Генеральный консул в Гамбурге Роман Иванович Бахерахт приобрел в 1835 г. через свои связи в Бельгии копию донесения полковника Плюдта бельгийскому королю о военных дорогах в Вандее; модели орудия с лафетом, принятом на вооружении в Бельгии; модели двух ружей новейшего образца, модель телографа Ван дер Гехта нового типа.

Николай I наградил Бахерахта по представлению А.И. Чернышева «за усердную службу его и особенные труды» орденом Св. Анны 2-й степени, украшенным императорской короной (там же. С. 147).

Подобных фактов можно привести немало. И за всеми ими стояла напряженная, кропотливая работа. Вот как добывалась информация об изготовлении ударных колпачков для ружей в Англии, где это дело было доведено до совершенства.

Российский посол в Лондоне генерал от инfanterии Х.А. Ливен (тот самый Ливен, тогда еще генерал-лейтенант, блестяще выполнивший поставленные ему в 1810—1812 гг. задачи Барклаем) получил задание в части чертежей и образцов зарубежных технических новинок непосредственно от А.И. Чернышева. Ливен поручил это дело генеральному консулу в Англии Бенкгаузену. Тот обратился к своему источнику — главному инспектору английского арсенала Чарли Мантону. Последний пояснил, что одно только описание ничего не даст, если не будет под рукой самой машины для производства этих колпачков. Тогда Бенкгаузен заказал Мантону, помимо описания, саму машину, дополнительный экземпляр которой еще надо было изготовить, несколько бывших в употреблении ружей, переделанных под эти колпачки, и серию самих колпачков.

Ружья новой марки, приспособленные для указанных колпачков, Мантон передать не мог, так как они только что стали поступать в арсенал и были все на строгом учете. Тогда Бенкгаузен обратился к другому своему источнику — Лэси Дэвису, имевшему оружейную мастерскую в Лондоне. Тот состоял в приятельских отношениях с директором государственного оружейного завода в Энфилде, под Лондоном, где изготавливались эти новые ружья, и сумел добыть один экземпляр. Через полгода задание А.И. Чернышева было выполнено (там же. С. 147—148).

Сложившийся к этому времени механизм получения разведывательной информации в интересах военного ведомства от Министерства иностранных дел выглядел следующим образом. Изначально испрашивалось «Высочайшее соизволение» на привлечение представительства (представительств) России за рубежом к сбору разведывательной информации в военной области. Следующий шаг — выделение руководством Министерства иностранных дел из числа дипломатических сотрудников за границей конкретного человека для решения поставленной задачи. Нередко такую кандидатуру предлагало само военное ведомство. Им же формулировались и адресовались с указанием срока исполнения либо посольству в целом, либо отдельным его сотрудникам разведывательные задачи, как в общей форме, так и конкретно.

В ряде случаев военный министр обращался к министру иностранных дел напрямую, минуя высшую инстанцию — императора, с просьбой обеспечить

добытие соответствующей информации. При этом предполагалось, что при необходимости соответствующие указания будут незамедлительно даны или подтверждены монархом. Такое было возможно, учитывая многолетнее плодотворное сотрудничество военного министра А.И. Чернышева и министра иностранных дел К.В. Нессельроде, восходившее к их совместному пребыванию в Париже накануне Отечественной войны. Иногда такие просьбы ставились военным министром, а во время боевых действий — командующим армией непосредственно перед начальником Департамента внутренних сношений МИД, который передавал их в подразделения МИД, отвечавшим за «все политические дела, касающиеся Западной Европы и Западного полушария».

Характерное в этом отношении письмо военного министра А.И. Чернышева на имя министра иностранных дел К.В. Нессельроде от 20 декабря 1843 г. (1 января 1844 г.):

«Одна из обязанностей вверенного мне министерства состоит в собирации по возможности верных сведений о военных силах и способах иностранных государств, — писал Чернышев. — Сведения эти доставляются, как Вашему сиятельству из прежней моей переписки известно, корреспондентами военного министерства в чужих краях. О некоторых государствах оные весьма удовлетворительны. Но об Австрийской империи нет вовсе полных и верных сведений» (там же. С. 148).

«Заботясь об успешном исполнении всех обязанностей, на вверенном мне министерстве лежащих, и зная, сколь важно в военном отношении иметь верные сведения о силах и способах иностранных государств, я обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением Вашим, пельзя ли будет поручить доставление сведений об Австрии старшему секретарю посольства нашего в Вене камергеру Озерову, по примеру того, как исполнял это предместьник его г. Кудрявский, к сему имею честь присовокупить, что Ваше сиятельство крайне меня бы одолжили, если бы изволили также поручить одному из чиновников миссий наших в Лондоне и Константинополе доставление подобных сведений об Англии и Турции», — ходатайствовал военный министр.

В январе 1851 г. А.И. Чернышев (следствие Записки полковника Д.А. Милютина, поданной на имя военного министра) писал К.В. Нессельроде, «что для успешного преподавания военной статистики в Императорской Военной академии оказалось необходимым иметь верные сведения о тех изменениях, которые

с 1848 г. произошли в устройстве военных сил Австрии. После такой преамбулы Чернышев, ссылаясь на одобрение Николая I, просил поручить сотруднику российского представительства в Вене, действительному статскому советнику Фонтону «следить за преобразованием Австрии по военной части» и доставлять «сведения о настоящей организации и состоянии военных сил в Австрийской империи».

Обеспокоенность А.И. Чернышева недостатком разведывательной информации накануне Крымской войны сквозит в каждой строчке письма военного министра в МИД от 8 (20) мая 1852 г.:

«Государь Император, желая, чтобы Военное министерство имело всегда сколь возможно полные и верные сведения о военных силах иностранных государств, своевременное получение коих необходимо для соображений министерства, высочайше повелеть соизволил возобновить с Министерством иностранных дел сношение о поручении посольствам нашим в тех государствах, где нет особых военных корреспондентов, доставлять повременные, в определенные сроки, сведения о состоянии военных сил государств по краткой и удобоисполнимой программе».

«Во исполнение таковой монаршей воли и основываясь на прежней переписке моей по сему предмету с г. государственным канцлером иностранных дел» Чернышев просил руководителя Департамента внутренних сношений МИДа Л.Г. Сенявина поручить «нижеозначенным посольствам нашим доставлять военному министерству два раза в год: к 1-му января и к 1-му июля, по прилагаемым у сего краткой инструкции и формам, сведения о военных силах:

а) Посольству в Штутгарте и при Германском союзе — о силах Бюргем-бергского королевства и о состоянии 8-го германского корпуса.

б) Посольству в Мюнхене — о силах Баварии.

в) Посольству в Неаполе — о силах Королевства Неаполитанского.

г) Посольству в Риме — о папских и тосканских войсках.

д) Посольству в Дрездене — о силах Саксонии.

е) Посольству в Лиссабоне — о войсках Португалии.

ж) Посольству в Тегеране — о войсках Персии». «Корреспондентам же Военного министерства, — считал нужным пояснить Чернышев, — предписано доставлять нижеследующие сведения:

Корреспонденту в Берлине — кроме Пруссии, о войсках и военном положении Северной Германии, а именно: о Ганновере, Ольденбурге, Мекленбурге, Гамбурге, Бремене, Любеке и Брауншвейге.

Корреспонденту в Стокгольме — кроме Швеции, о Дании.

Корреспонденту в Константинополе — кроме Турции, о Египте.

Корреспонденту в Париже — кроме Франции, об Испании, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах и Англии».

«Что же касается до военных сил Австрии, то желательно, чтобы впредь до назначения в Вену военного корреспондента посольство наше продолжало доставлять полные и удовлетворительные сведения, какие оно доселе доставляло, назначив оному тот же срок — 1 января и 1 июля», — писал Чернышев.

«Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. фиксирует новое слово в разведывательном лексиконе — разведка — *«действие разведывающего и разведавшего»*. В Словаре В. Даля 1862 г. закреплено появление еще одного производного от разведать: разведчик — *«разведывающий что-либо, посланный на разведку; лазутчик, соглядатай, сыщик»* (там же. С. 147—148).

Таким образом, добывание сведений по военным, военно-политическим и теперь уже военно-техническим вопросам по-прежнему возлагалось на Министерство иностранных дел. Хотя первые шаги по линии военного ведомства в этом направлении уже делались. Очень многое зависело от личных качеств офицеров, направляемых в командировку за границу.

2.4. Первые компоненты зарубежных сил военно-морской разведки

Зарождение и становление русской военно-морской разведки как особого вида деятельности и специализированной организационной структуры военно-морского флота проходило вместе с развитием военно-морского дела, военно-морского искусства и его составляющих — стратегии, оперативного искусства и тактики, ростом масштабов и усложнением задач русского флота, эволюцией его материальной базы, содержания, форм и способов ведения боевых действий. Как и в сухопутных силах, в военно-морском флоте развитие военно-морской разведки как вида деятельности и организационной структуры флота было неразрывно связано с развитием органов государственного и военно-морского управления в России.

В числе первых восьми министерств, учрежденных в России манифестом от 8 августа 1802 г., было и Министерство военных морских сил, создававшееся с оставлением в его составе Адмиралтейств-коллегии.

Организацией министерства и разработкой его структуры ведал созданный по указанию императора Александра I «Комитет образования флота» под председательством графа А.Р. Воронцова.

4 апреля 1805 г. было утверждено одобренное этим комитетом Положение преобразования всего главного адмиралтейского управления. В соответствии с ним все управление флотом делилось на «военную» (войинскую) и «художественную» части. «Военная» часть ведала содержанием, укомплектованием, снабжением флота, строительством судов, распоряжениями о передвижении флота. Таким образом, в 1802 г. в России был создан первый центральный орган оперативного управления военным флотом.

«Художественная» часть заведовала гидрографической службой, строительной частью (здания, заводы и фабрики) и прочим, не входившим в состав «военной» части, т.е. вся научная и инженерно-строительная часть морского ведомства. Первая часть находилась в ведении Адмиралтейств-коллегии, вторая — в ведении вновь создаваемого Адмиралтейского департамента, во главе которых стоял (председательствовал) министр военно-морских дел.

В Отечественной войне 1812 г. участие российского флота было весьма ограниченным, вследствие чего эта война существенного влияния на структуру управления флотом и постановку в нем разведывательного дела не оказала.

В 1815 г. Министерство военных морских сил было переименовано в Морское министерство.

В 1821 г. была временно учреждена должность начальника Штаба Его Императорского Величества (Е.И.В.) по морской части (Морского штаба Е.И.В.), которому, как фактически управляющему Морским министерством, было подчинены и Адмиралтейств-коллегия, и Адмиралтейский департамент.

После вступления на престол Николая I были сделаны новые шаги по пути централизации управления морским ведомством. 31 декабря 1825 г. для разработки проекта улучшений морского управления и флота был учрежден «Комитет образования флота», возглавляемый вице-адмиралом А.В. Моллером. Преобразование управления морской частью должно было согласовываться как с общим учреждением министерств, так и с порядком управления, установленным в военном ведомстве. В течение двух лет Комитетом были разработаны «Предварительное образование Морского министерства» и «Предварительное образование Морского дежурства». Были ликвидированы остатки прежнего кол-

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

легиального устройства: упразднена Адмиралтейств-коллегия и ликвидирован Адмиралтейский департамент.

В ходе реорганизации 1827—1828 гг. высшее военно-морское управление было разделено на две части:

— Морской штаб Е.И.В. во главе с его начальником генерал-адъютантом А.С. Меншиковым, получившим право личного доклада императору и через которого передавались «высочайшие указания»;

— Морское министерство, подчиненное министру (вице-адмирал А.В. Моллер). Министру была сохранена власть, соответствовавшая общим положениям о министерствах, но у него не было права доклада императору, и он подчинялся начальнику Морского штаба. В ведении министра находились Канцелярия морского министра, Адмиралтейств-совет (с Канцелярией), Управление флота генерал-интенданта (Канцелярия, Кораблестроительный департамент с Кораблестроительным ученым комитетом, Комиссариатский и Артиллерийский департаменты, Управление генерал-штаб-доктора и Департамент корабельных лесов). Управление дежурного генерала, или Дежурство морского министерства, которое надзирало за морскими командами, кораблями, портами, верфями, госпиталями, фабриками и т.д., периодически устраивало инспекторские проверки. В состав этого управления, кроме его канцелярии, входили Инспекторский и Аудиториатский департаменты.

В 1831 г. Морской штаб Е.И.В. преобразуется в Главный Морской штаб (ГМШ) Е.И.В. Главному морскому штабу были непосредственно подведомственны Канцелярия начальника Главного морского штаба, Управление генерал-гидографа (Канцелярия, Гидрографическое депо, Морская типография), Управление дежурного генерала, Ученый комитет (с 1827 г.), Строительный департамент.

В 1836 г. централизация морского управления была завершена. Главный морской штаб и Морское министерство были объединены под общим наименованием «Морское министерство» с подчинением начальнику ГМШ. Все центральные органы морского ведомства с этого года вошли в состав Главного морского штаба, во главе которого было поставлено одно лицо с правами министра — начальник ГМШ.

В непосредственном ведении начальника Главного морского штаба находилась Военно-походная Е.И.В. канцелярия по морской части, Гидрографическое управление (с 1837 г. — Гидрографический департамент), Инспекторский департамент; Комитет

образования флота, Управление генерал-штаб-доктора (Медицинский департамент), Ученый комитет, Строительный департамент, Морской кадетский корпус.

Разведывательные сведения и материалы к этому времени накапливалась в трех подразделениях Главного морского штаба:

— в Ученом комитете Морского министерства;

— во втором отделении Канцелярии управления генерал-гидрографа, которое было занято в частности: «*движением флотов и эскадр и направлением экспедиций; соображениями к военным действиям и к обороне берегов и гаваней; делами тайне подлежащими по военным предметам*» (Предварительное образование Морского министерства. СПб., 1827. § 54);

— в Гидрографическом архиве, который в свою очередь занимался «... хранением карт, планов, описаний берегов и морей, журналов кампаний, экспедиций и военных действий... рассмотрением Морских журналов и составлением выписок из них...» (там же. § 56).

Ученый комитет Морского министерства (существовал под одноименным названием с 24.08.1827 г. — 24.03.1928 г.; Ученый комитет Морского штаба Е.И.В. — 24.03.1828 г. — 28.01.1831 г.); Ученый комитет Главного морского штаба Е.И.В. — 28.01.1831 г. — 27.01.1836 г.) был учрежден для изучения и обобщения новых достижений в различных областях военно-морского дела в России и за рубежом и внедрения этих достижений на флоте.

Комитет занимался сбором и разработкой новых сведений в области навигации, морской астрономии, гидрографии, метеорологии, кораблевождения, военно-морской тактики, морской сигнальной части, спасательных средств и обеспечения безопасности плавания; распространением «правильных и полезных» сведений по этим частям; рассмотрением проектов новых изобретений и предложений по различным отраслям военно-морского дела; составлением инструкций по ученой части командиров судов, отправлявшихся в дальние плавания, и изучением результатов наблюдений, проводившихся в плаваниях (1827—1891 гг.); принимал участие в надзоре за морскими учебными заведениями; издавал ученые записки (1827—1847 гг.), руководил деятельностью журнала «Морской сборник» (с 1848 г.) (Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 197—198; 226).

С 25.11.1847 г. по 19.12.1866 г. Комитет носил название — Морской ученый комитет.

Зарубежную агентурную разведку в интересах военно-морского ведомства, как и в интересах Военного министерства, по-прежнему вело Министерство иностранных дел. Разведывательные сведения и материалы, имевшие отношение к иностранным флотам, чаще всего в необработанном виде поступали из МИД в Ученый комитет Морского министерства. Однако специального органа в российском флоте, который бы организовывал зарубежную разведку военно-морских сил иностранных государств, еще не существовало.

Вместе с тем закрепляется формирование первых компонентов зарубежных сил и средств военно-морской разведки (первые их зачатки появились в XVIII в.). К их числу следует отнести офицеров, командируемых за границу для изучения опыта иностранных флотов, волонтеров, поступавших на морскую службу в иностранных государствах, или проходивших стажировку на судах иностранных флотов, морских офицеров, проводивших гидрографические работы на вероятных театрах морских действий и, наконец, морских офицеров и инженерно-технических специалистов, направляемых за границу для размещения заказов Морского министерства по строительству военных судов и наблюдения за его ходом, а также закупок в интересах российского флота различных судовых механизмов. Считалось, что перед русскими морскими офицерами, направляемыми за границу для наблюдения за постройкой военных кораблей, не ставилось препятствий в ознакомлении с новейшими достижениями в судостроении и сопутствовавших ему областях.

Так, М.Н. Станюкович (адмирал с 1856 г.) с 1803 по 1810 г. волонтером стажировался в английском флоте. В эти же годы (с 1803 по 1808 г.) стажировку на английских военных судах проходил мичман А.П. Авинов⁹⁰. В 1819—1822 гг. на шлюпе «Открытие» под командой капитан-лейтенанта Васильева совершил кругосветное плавание, в ходе которого, командуя мореходным ботом, произвел опись североамериканского побережья. В 1848 г. стажировку во Франции на корабле «Ингерманланд» проходил В.А. Римский-Корсаков, что позволило ему получить чин лейтенанта французского флота — редкос по тем временам явление. С 1852 по 1855 г., командуя паровой шхуной «Восток», капитан-лейтенант Римский-Корсаков перешел из Портсмута в Тихий океан, где проводил гидрографические работы.

Мичман М.Д. Тебеньков — с 1829 по 1831 г. провел опись залива Нортон-Саунд и архипелага Александра. С 1845 по 1850 г. — главный правитель Русской Америки, организовал ряд экспедиций по описи побережья Аляски, в некоторых

участвовал лично. В 1852 г. Тебеньков составил «Атлас северо-западных берегов Америки...» и «Гидрографические примечания к атласу».

Основу флота любой страны в этот период составляли линейные корабли и фрегаты, решавшие исход морских сражений. Корветы, бриги и т.д., обладавшие высокой скоростью, предназначались для ведения разведки, нападения на торговые суда противника. К середине XIX в. в составе военных флотов всех стран продолжали сохраняться парусные суда. В то же время появились и паровые корабли, число которых непрерывно росло. Первыми были спущены со стапелей паровые корветы, а потом паровые фрегаты, решавшие иные задачи и имевшие большее водоизмещение, большее количество пушек на борту, больший экипаж по сравнению с корветами и были более дорогими в постройке. Паровые фрегаты стали называться пароходофрегатами и имели наряду с парусным вооружением паровой двигатель (равно как и паровые корветы). Техническая мысль и столетиями укоренившаяся привычка к парусам не позволяли окончательно отказаться от них. Для такого шага должны были пройти десятилетия. Сначала появились колесные, а затем винтовые паровые двигатели. Сначала это были колесные (паровые корветы), затем винтовые пароходофрегаты. Замена парусных судов паровыми коренным образом изменила условия ведения боевых действий на море. Россия из-за своей технико-экономической отсталости к строительству паровых судов приступила позже развитых стран Западной Европы и Соединенных Штатов Северной Америки. К этому следует добавить ограниченные ассигнования, выделяемые на подобное строительство. Ни у российского правительства, ни у частных лиц не было средств для сколько-нибудь значительных заказов немногочисленным отечественным предприятиям. Удешевления стоимости судов можно было достичь лишь при серийном, во всяком случае постоянном, производстве. Оставался единственный выход — размещение заказов за границей в весьма ограниченном объеме, который никак не мог удовлетворить нужды российского флота.

В то время как в Англии и во Франции интенсивно строились паровые корабли, основными силами русского военно-морского флота по-прежнему оставались парусные суда. Первый колесный пароходофрегат русского флота «Богатырь» был спущен на воду в 1836 г. в Санкт-Петербурге на Ижорском заводе. Он имел водоизмещение 1340 т, машину в 240 л. с. и 28 пушек.

В середине 40-х гг. XIX века в России было принято решение в виде опыта применить впервые на военных судах в качестве движителя гребной винт, устроенный

так, что его можно было поднимать в специальное отверстие в кормовой части. Это нововведение явилось новой ступенью в развитии парового судостроения.

В 1846 г. на Охтенской верфи был заложен первый русский винтовой пароходофрегат «Архимед» (52-пушечный корабль). Через два года — в 1948 г. — «Архимед» был передан Балтийскому флоту, а еще через два года потерпел кораблекрушение при плавании в Балтийском море (*Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. М., 1954. С. 25—37*).

Наряду с развитием паровых кораблей совершенствовалось и оружие флота. В 1830-х гг. на вооружении военных флотов появились бомбические пушки, изобретенные французским артиллеристом Пексаном. Они имели калибр от 68 до 80 фунтов (200—220 мм) и стреляли разрывными бомбами на дистанцию 14 кб. Крупнокалиберные бомбические пушки значительно повысили артиллерийскую мощь кораблей. Наибольшую опасность они представляли для кораблей с деревянным корпусом, так как помимо разрушений вызывали и сильные пожары. Впервые примененная русскими кораблями в Синопском сражении (1853 г.) бомбическая артиллерия сыграла решающую роль в уничтожении турецкой эскадры.

В сентябре 1829 г. за океан для ознакомления с новейшими достижениями в судостроении в Северо-Американских Соединенных Штатах был направлен уже упоминавшийся капитан 1-го ранга А.П. Авинов. Кроме того, ему поручалось приобрести паровой колесный корвет американской постройки «со всеми новейшими усовершенствованиями». Командировка Авинова продолжалась больше года. Летом 1830 г. на построенном корабле («Кенсингтон», переименованный затем в «Князь Варшавский» и ставший флагманским кораблем Балтийского флота) он отправился на родину, но после выхода в море начался сильный штурм с ураганным ветром. Корабль получил повреждения и вынужден был возвратиться в Нью-Йорк. После проведенного ремонта «Кенсингтон» повторно вышел в Атлантический океан и достиг Кронштадта в октябре 1830 г. В Петербурге Авинов представил отчет, в котором содержались собранные им в Америке сведения, дополненные чертежами и специальной литературой (*Смирнов В.Г. От карт ветров и течений до подводных мин. МПБ., 2005. С. 45*).

Морские офицеры, пришедшие из парусного флота и не имевшие специальной инженерной подготовки (сопровождавшие их немногочисленные технические специалисты не меняли положения дела) в лучшем случае могли выступить в

качестве экспертов в области парусного кораблестроения, но никак не парового. Это же в полной мере относилось и к современным образцам вооружения. Более того, предлагалось далеко не все, доступ к последним разработкам в этой области воинского судостроения был ограничен.

Уже во второй половине 1837 г. в Северо-Американские Соединенные Штаты *«для осмотра всего примечательного по морской части и в особенностях вооружения судов, устройства и управления пароходов»* был направлен капитан 2-го ранга И.И. Шанц⁹¹. Целью этой поездки был сбор данных об американском военном судостроении. Шанц сделал намного больше порученного ему. Он ознакомился с казенными и частными судостроительными верфями в различных американских портах. В Чарльстоне Шанц присутствовал на испытании одного из «морских пароходов тамошних». В Нью-Йорке он ознакомился «с новыми важными усовершенствованиями по части паровых машин и котлов». Шанц собрал целую коллекцию чертежей и моделей различных судов и машин, сделал обширную подборку сведений об американских новинках — начиная с оборудования портов и кончая данными о мельницах и машинках для изготовления кирпича. В середине 1838 г. Шанц возвратился в Европу, где некоторое время спустя в Тетлице (Австрия) удостоился аудиенции у Николая I, во время которой доложил царю о результатах своей поездки. Император заразился энтузиазмом Шанца и поручил моряку построить в Северной Америке «сильный» пароход и привести его в Россию. Однако лишь через полгода Шанцу удалось выполнить «высочайшее повеление». Пароходофрегат «Камчатка» был построен на частной верфи в Нью-Йорке к сентябрю 1841 г. На пароходофрегате «Камчатка» были установлены мощные паровые машины (по 600 л. с.), медные котлы, гребные колеса и парусное вооружение. 20 сентября 1841 г. «Камчатка» покинула Нью-Йорк и спустя полтора месяца (1 ноября) прибыла в Кронштадт. Новый и самый большой пароходофрегат на Балтике считался «чудом техники». Его уникальную паросильную установку быстро освоили русские механики. «Первый красавец на флоте» проплавал без постановки в док и серьезного ремонта 15 лет, шесть из которых им командовал сам И.И. Шанц (там же. С. 46—47). С 1848 по 1853 г. он посещал зарубежные верфи, продолжая изучать опыт «железного судостроения».

Однако восторг перед новым кораблем был не совсем оправдан. Военно-судостроение САСШ ушло вперед по сравнению с таковым в России, однако существенно отставало от строительства судов такого же класса, сходивших со

стапелей в Великобритании. Более того, частные фирмы не имели еще к этому времени опыта постройки военных судов. Поэтому размещение российских заказов в Северо-Американских Соединенных Штатах было во многом связано с состоянием двусторонних англо-русских, франко-русских отношений и в целом с политической обстановкой в мире. 19 сентября 1853 г. в Бостон прибыл капитан-лейтенант А.С. Горковенко⁹². Согласно полученной в Петербурге инструкции, Горковенко должен был обратить внимание на древесину (сорта леса, его доставка и хранение), используемую при постройке военных судов (парусных, паровых, преимущественно с винтовыми движителями); на организацию такой постройки; на плавучие доки, верфи и «вообще на различные механические приспособления». При изучении вопросов оснащения судов Горковенко следовало обратить внимание на такелаж и парусину «из хлопчатой бумаги». Особое внимание российский офицер должен был обратить на достижения в области морской артиллерии: выяснить, не употребляются ли орудия «с внутренними винтовыми нарезками» и орудийные станки без платформ; изучить устройство крюйт-камер и пороховых ящиков; узнать, какие используются пыжи (шарообразные или кольцеобразные), ударные замки, сроки службы чугунных орудий, меры, применяемые для предотвращения разрывов пушек, и т.д.; капитан-лейтенант должен был обратить внимание на якоря, как они принимаются с заводов, на их формы и способы изготовления. Горковенко предлагалось осмотреть «новейшие пароходы», в том числе и речные, «главные пароходные заведения», ознакомиться с машинами инженера-судостроителя Д. Эриксона, который с 1837 г. начал строить суда с винтовой тягой. Наконец, он должен был обратить внимание на «морские узаконения» и на морские учебные заведения САСШ. Русский моряк был представлен американскому президенту Ф. Пирсу и секретарю флота (морскому министру) Дж. Доббину, которые были к нему «весьма любезны и внимательны» (там же. С. 47—48). Власти Северо-Американских Соединенных Штатов продемонстрировали добрую волю в связи с намерением Горковенко ознакомиться с организацией и деятельностью американского флота. Правительством были сделаны необходимые распоряжения о «допущении его к осмотру всего, что относится к возложенному на него поручению». 3 ноября 1853 г. он отправил из Нью-Йорка письмо члену Морского ученого комитета контр-адмиралу Б.А. Глазенапу⁹³ в котором докладывал: «...Для того, чтобы в моих отчетах следовать какой-нибудь системе, я счел за лучшее начать с состава администрации и силы американского флота, выпустить не-

которые морские законы и постановления, а потом перейти к подробностям, т.е. к отдельному описанию портов, постоянных и плавучих доков, пароходства и заводов. В этой последовательности я могу доставлять в Комитет (Морской ученый комитет. — Примеч. авт.) отчеты по мере их изготовления с тем, чтобы впоследствии составлять из них одно целое...». 1 декабря 1853 г. Горковенко направил в Петербург рапорт, к которому приложил несколько чертежей — машины Эриксона, котлов, прибора для испытания металла и др.

В одном из своих отчетов русский офицер писал: «*Американцы не могут похвастать постройкою своих военных судов. Двадцать пять лет тому назад Конгресс вдруг положил заложить несколько военных кораблей в разных адмиралтействах, чтобы в случае войны иметь готовый флот. С тех пор эти корабли, почти совершенно готовые стоят на стапелях; легко понять, что при тех успехах и усовершенствованиях, которые кораблестроение сделало в последнее время, они остались позади во всех отношениях...*» (там же. С. 48). Современные суда строились на американских частных верфях. Военный паровой флот, построенный на казенных верфях, по числу и качеству судов значительно уступал торговому флоту. Горковенко сообщал, что из трех винтовых корветов два оказались «никуда не годными» и только новый 10-пушечный корвет «Принстон» способен ходить со скоростью до 9 узлов. Далее приводилось подробное описание этого судна.

Вернувшись из командировки в Северо-Американские Соединенные Штаты в мае 1854 г. капитан-лейтенант А.С. Горковенко привез в Петербург научные труды профессора А.Д. Бэча (начальник Береговой службы САСШ с 1843 г.) и лейтенанта М.Ф. Мори (суперинтендант Военно-морской обсерватории САСШ с 1844 г.), которые позднее были переданы в Гидрографический департамент Морского министерства. Имя Мори было широко известно морякам, судовладельцам и ученым разных стран в первую очередь благодаря составленному под его руководством комплекту «Карт ветров и течений» Мирового океана, а также «Наставлений для плавания», выдержавшего к описываемым событиям шесть изданий. В начале октября 1854 г. российский посланник Э.А. Стекль прибыл в Военно-морскую (Национальную) обсерваторию с «официальным визитом» и передал Мори, которого знал 15 лет, личное послание генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича с высокой оценкой его работы. Мори был буквально ошеломлен происшедшим, и вскоре предложил российскому правительству проект строительства железной дороги от Каспийского моря к Персидскому заливу, в результате которого образовался

бы новый трансевразийский торговый путь. Проект «вашингтонского мечтателя», который, казалось бы, сулил значительные экономические выгоды Российскому правительству, был отвергнут по целому ряду причин. Однако Мори, спустя годы, вновь обратится с очередным предложением к российскому представителю за границей. Об этом еще пойдет речь далее.

В конце 40-х — начале 50-х гг. в западноевропейских странах, особенно в Англии и Франции, было развернуто строительство паровых кораблей с винтовым движителем, которые по своим тактико-техническим данным существенно пре-восходили паровые колесные пароходы.

В 1846 г. по предложению Главного командира Черноморского флота и портов адмирала М.П. Лазарева в Лондон для наблюдения за постройкой пароходофрегата «Владимир» был направлен капитана 1-го ранга В.А. Корнилов⁹⁴, как наиболее подготовленный в этом вопросе офицер. Адмирал Лазарев был противником строительства паровых кораблей за границей, так как считал более целесообразным развивать отечественную судостроительную базу, чтобы не быть зависимыми от Запада. Но крайняя необходимость как можно скорее получить для Черноморского флота современные паровые корабли заставила его согласиться с решением Морского министерства разместить заказы на постройку паровых судов за границей. Однако, дав согласие на постройку пароходофрегата «Владимир» в Англии, М.П. Лазарев поставил в качестве обязательного условия, чтобы этот корабль строился с учетом последних достижений в конструкции паровой машины, корпуса судна и его вооружения. Перед отправлением В.А. Корнилова в Англию М.П. Лазарев вручил ему предписание, дававшее право самостоятельно на месте выбирать чертеж парохода и после его утверждения следить за постройкой корабля. *«От Вас зависит будущее, — указывалось в предписании, — при заказе парохода избирание строителей и заводчиков из известных там по своему искусству и заслугам людей»* (Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX — начало XX века. М., 2004. С. 287—290).

Помимо наблюдения за постройкой «Владимира», В.А. Корнилову вменялось также в обязанность изучение всех нововведений на английских верфях и кораблях, в особенности способов постройки и крепления железных кораблей. Получив от М.П. Лазарева предписание, капитан 1-го ранга В.А. Корнилов в сентябре 1846 г. отправился из Кронштадта в Англию, куда прибыл в октябре. В Лондоне он сразу же, не теряя ни одного дня, приступил к выполнению задания.

Свою работу Корнилов начал с ознакомления с английскими верфями в целях выявления их потенциальных возможностей и качества постройки паровых судов. После этого он вместе со своим помощником инженером-механиком Александровым приступил к разработке тактико-технического задания на постройку «Владимира». Несмотря на довольно обширные познания в области пароходного дела, В.А. Корнилов лично убедился, насколько трудно для офицера, воспитанного на опыте и традициях парусного флота, заниматься пароходным делом. В письме адмиралу Лазареву он писал: «Находясь при строении и потом, командовав в продолжение службы моей почти всякого рода судами, начиная от тендера и до 120-пушечного корабля, я должен сознаться, что приступил к строению парохода «Владимир» как делу, совершенно для меня новому» (там же). В.А. Корнилов считал, что для Черноморского флота нужен пароход, который бы «кроме морских и буксировальных качеств мог бы поместить значительный десант». В соответствии с этим требованием он определил в задании размеры парохода и расположение на нем помещений, предназначенных для десантных войск.

Составленное капитаном 1-го ранга Корниловым тактико-техническое задание было разослано руководителям государственных и частных верфей, и после того, как от них были получены отзывы и предложения, он выбрал наиболее выгодное предложение и подписал с этой фирмой контракт на постройку «Владимира». Однако заказ был сделан на постройку колесного, а не винтового пароходофрегата. Вероятнее всего, таковым было изначальное решение Морского министерства. По завершении первого этапа своей командировки капитан 1-го ранга Корнилов направил адмиралу Лазареву подробный отчет о проделанной им работе. Главный командир Черноморского флота и портов одобрил отчет, присланный из Лондона, и в своем ответе написал: «По мере построения парохода и отделки его дозволяется по усмотрению капитана 1 ранга Корнилова делать изменения». Последний не ограничивался лишь наблюдением за постройкой «Владимира»; он продолжал основательно изучать состояние английской судостроительной промышленности, новшества в кораблестроении и артиллерийском деле. Особенно детально В.А. Корнилов изучил систему подготовки кадров для парового флота, и прежде всего командиров и инженеров-механиков. По возвращении на родину он, творчески осмыслив английский опыт, первым в России поставил вопрос о подготовке командных кадров для отечественного парового флота. «Нельзя не сознаться, — писал он, — что при

размножении пароходов в России русские механики столько же необходимы, сколько и самые пароходы. Стоит только подумать о возможности разрыва с Англией, и тогда придется нам пароходный флот за недостатком механиков ввести в гавань и разоружить».

Адмирал Лазарев, регулярно получая от капитана 1-го ранга Корнилова информацию о ходе строительства пароходофрегата «Владимир», давал ему дополнительные указания на размещение в Англии заказов на постройку других паровых судов с железным корпусом для Черноморского флота. В 1848 г. на английских верфях еще были заложены колесные паровые суда «Эльбрус», «Тамань», «Сулин» и несколько портовых буксиров.

В марте 1848 г. постройка «Владимира» была закончена. В сентябре этого же года «Владимир» покинул Лондон и под командованием Корнилова направился вокруг Европы в Черное море. Плавание по Атлантическому океану и Средиземному морю продолжалось около месяца и прошло благополучно. 17 сентября пароходофрегат «Владимир» прибыл в Одессу. После возвращения на родину Владимир Алексеевич Корнилов за образцовое выполнение задания в Англии и безупречную службу на различных должностях в составе Черноморского флота по представлению адмирала Лазарева в декабре 1848 г. был произведен в контр-адмиралы, а вскоре после этого назначен начальником штаба Черноморского флота.

Из Англии В.А. Корнилов вернулся поборником парового флота, и не просто парового, а парового винтового флота. 18 сентября 1852 г. он в должности начальника штаба Черноморского флота представил через управляющего Морским министерством адмирала А.С. Меншикова докладную записку царю о необходимости полного переоборудования кораблей русского флота в винтовые в связи с тем, что Англия, Франция и другие страны ускоренными темпами строят винтовые корабли. «...При таком стремлении морских держав к введению винта, — писал Корнилов, — невозможно Черноморскому флоту, составляющему передовой строй империи на востоке, избежать этого расходного нововведения». Предложение Корнилова было принято. Для реализации его правительство предложило вице-адмиралу Е.В. Путятину⁹⁵ составить проект переоборудования кораблей, а до утверждения проекта было решено приступить к постройке на отечественных верфях двух винтовых кораблей и переоборудованию трех парусных кораблей в винтовые, заказав для них машины в Англии,

так как русские заводы не были подготовлены к выполнению подобных заказов. 26 октября 1852 г. в Николаеве был заложен 120-пушечный корабль «Босфор» с машиной мощностью в 800 л. с., а в мае следующего года — корабль такого же типа «Цесаревич». Однако все эти мероприятия были проведены слишком поздно. Международная обстановка усложнялась, и надеяться на успешное окончание строительства заложенных кораблей было трудно (*Лурье А., Маринин А.* Адмирал Г.И. Бутаков. М., 1954. С. 37).

В 1850 г. за винтовой шхуной в Англию был направлен капитан-лейтенант И.А. Шестаков⁹⁶, на которой в 1851 г. он прибыл в Николаев. В 1852—1853 гг. он повторно находился в командировке в Англии, «в этот раз для заказа корветов (паровых винтовых. — Примеч. авт.) для Черноморского флота и машин для кораблей, которые предполагалось удлинить в выстроенных уже севастопольских доках» (*Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838—1881 гг.). СПб., 2006. С. 149). «В это время прибыл в Англию Е.В. Путятин с поручением государя составить проект преобразования флота, — вспоминал И.А. Шестаков. — Николай Павлович уже решил обратить весь Балтийский флот в паровой и соглашался отпускать на то ежегодно до миллиона рублей. Путятин говорил против постройки судов в Англии и в этом был совершенно прав, но увлекись, как мне показалось, успехами новых английских винтовых фрегатов, хотел, чтобы мы снимали с них копии и решительно браковал заказываемые мной большие корветы». Тем не менее, по настоянию Шестакова была начата постройка паровых винтовых корветов. Опасения Путятина оправдались. С началом Крымской (Восточной) войны (1853—1856 гг.) строившиеся суда оказались в руках английского правительства и позднее, после достройки, участвовали в осаде Севастополя. Газеты же потребовали высылки «русских шпионов», и капитан-лейтенант И.А. Шестаков, а также находившиеся в Англии инженерно-технических специалисты вернулись на родину.

Одновременно разведка вероятного и действующего противника осуществлялась «разведочной» (посылка отдельных военных судов в интересовавшие военно-морское командование отдаленные районы моря. — Примеч. авт.) и дозорной (тактические дозоры. — Примеч. авт.) службой кораблей из состава русских эскадр, развернутых на морских театрах.

В 1853 г. в ходе подготовки к Крымской войне, командуя пароходом «Метеор», лейтенант А.А. Попов⁹⁷ провел разведку Босфора и болгарского побережья.

2.5. Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. и разведывательное обеспечение боевых действий

Поводом к очередному витку восточного кризиса стал спор о святых местах, возбужденный еще в 1850 г. Францией, которая, основываясь на положениях франко-турецкого договора от 1740 г., требовала допущения католиков в некоторые из них, уже предоставленные православной церкви.

В январе 1852 г. был издан фирманс (указ) султана, в котором католики наряду с греками и армянами в виде уступки Франции получали ключ от пещеры Рождества Христова в Вифлеемском храме и некоторые другие права в Святой земле. Францию не устроили частичные уступки, ее посол в Османской империи в знак протеста покинул Константинополь и вернулся туда в августе 1852 г. на 90-пушечном винтовом корабле. Париж недвусмысленно угрожал блокадой проливов.

Конфликт перестал быть спором конфессий — речь уже шла об авторитете покровительствующих им держав. 28 декабря 1852 г. Николай I в разговоре с британским послом в России Дж. Сеймуром предложил Лондону раздел Турции. Дунайские княжества, Сербия и Болгария превращались в самостоятельные государства под русским протекторатом, Великобритании предлагались Египет и Кандия (Крит), судьба Константинополя точно не была определена, но император заявил, что не планирует захвата этого города и не допустит его перехода ни к англичанам, ни к французам, ни к грекам. На это предложение последовал отказ вежливой формы.

Иллюзии в отношении возможности найти общий язык с Лондоном в восточном вопросе были самым значительным просчетом Николая I. Турция действительно была «больным человеком», вокруг которого собирались врачи и наследники. Впрочем, первые иногда были заинтересованы в наследии больше, чем в лечении, а вторые подчас отнюдь не торопили кончину больного. Великобритания торговала с Турцией и вообще не была заинтересована в разделе «турецкого наследства».

Николай I явно переоценил прочность своего влияния в Европе. Политическое противостояние между Францией и Великобританией во многом завершилось. Россия теряла то выигрышное положение, при котором ранее она находилась на периферии конфликтов между державами, боровшимися за господство на море и на суше. Теперь она претендовала на первенство и поэтому объединяла основные европейские державы против себя. Николай I рассчитывал на то, что англо-

французские противоречия на Ближнем Востоке, и прежде всего в Сирии и Египте, исключат возможность политического объединения Лондона и Парижа. Это был колоссальный просчет, не меньший, чем надежда на поддержку Австрии.

В начале 1853 г. Николай I отправил в Константинополь в качестве чрезвычайного посла генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова, который должен был добиться обнародования фирмана о привилегиях православной церкви, особом покровительстве России православному населению Турции, а также предложить султану заключить оборонительный договор против Франции. 23 марта 1853 г. французский флот отплыл из Тулона по направлению к греческому архипелагу, англичане, со своей стороны, привели свою Средиземноморскую эскадру, базировавшуюся на Мальте, в состояние повышенной готовности. Турки, почувствовав дипломатическую и военную поддержку Франции и Великобритании, не приняли ни одно из предложений Меншикова. 9 мая 1853 г. генерал-адъютант отплыл из Константинополя в Одессу со всем составом русского посольства, а 31 мая английская эскадра подошла к входу в Дарданельльский пролив, ее командующий получил приказ в случае необходимости ввести ее в проливы. Вскоре за англичанами последовали и французы.

Лондон и Париж явно опасались русского десанта на Босфор и не напрасно. В июне 1853 г. в Севастополе готовился десантный отряд в составе около 18 тыс. солдат и офицеров при 16 тяжелых и легких орудиях. Приход англо-французского флота исключал возможность осуществления десантной операции в районе турецкой столицы. 14 июня Николай I подписал манифест «О движении российских войск в Придунайские княжества». Спустя неделю — 22 июня — 87-тысячная армия М.Д. Горчакова перешла через Прут и быстро заняла Молдавию и Валахию. Турецкая армия на Балканах насчитывала около 145 тыс. человек. 14 сентября Турция выдвинула ультиматум, требуя очистить Дунайские княжества, а после того как Горчаков отказался выполнить это требование, Турция объявила войну России. 20 октября 1853 г. Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманской Портой». Началась Крымская (Восточная) война.

В первый период боевых действий, когда Россия воевала с одним противником, она добилась больших успехов. Открылись два театра военных действий — кавказский и дунайский. На Кавказе победы не заставили себя долго ждать. 19 ноября русские войска под командованием генерала В.О. Бебутова разбили турок у Башкадыклара, недалеко от Карса.

Обстановка на Черноморском театре осложнилась еще весной 1853 г., когда крупные силы англо-французского флота прибыли к Дарданеллам и стали готовиться к вторжению в Черное море. В целях предотвращения внезапного нападения неприятельского флота на корабли и Черноморское побережье России по инициативе вице-адмирала В.А. Корнилова были установлены систематическое крейсерство у Анатолийского побережья Турции и постоянное наблюдение за Босфором, а Черноморский флот приведен в повышенную боевую готовность. Находясь в назначенному районе крейсерства (Анатолийское побережье Турции, район Амасра — Керсемпе) вице-адмирал П.С. Нахимов вел разведку и наблюдение за передвижением не только турецких судов, но и судов нейтральных стран. По личной инициативе он задерживал купеческие суда и путем опроса их команды собирал информацию о противнике. Одновременно разведывательная информация поступала к нему от вице-адмирала В.А. Корнилова, который в октябре с отрядом пароходофрегатов провел успешную разведку у западного побережья Черного моря и Босфора. В.А. Корнилову удалось добыть ценную информацию о сосредоточении в Босфоре турецкой эскадры, готовившейся к переходу к берегам Кавказа.

Получив от В.А. Корнилова разведданные о турецкой эскадре и сопоставив их со сведениями, полученными от команд купеческих судов нейтральных стран и захваченного турецкого парохода «Меджари-Теджорет», П.С. Нахимов установил, что турецкая эскадра с десантом, направлявшаяся в Батум, находится в Синопе. В этой связи он оставляет район крейсерства и следует к Синопской бухте, подойдя к которой 8 ноября, он обнаруживает на рейде турецкую эскадру, стоявшую на якоре под защитой береговых батарей. Эскадра состояла из 16 кораблей, два из которых были паровые. Имея в своем распоряжении всего три линейных корабля, П.С. Нахимов принял решение вначале ограничиться блокадой Синопа с моря, а после прибытия подкрепления из Севастополя — атаковать неприятельский флот в базе, если турки не решатся выйти в море.

16 ноября из Севастополя прибыло подкрепление в составе трех линейных кораблей и двух фрегатов под командованием контр-адмирала Ф.М. Новосильского. Теперь в эскадре П.С. Нахимова стало шесть линейных кораблей и два фрегата с общим артиллерийским вооружением в 720 орудий, из них 76 орудий были бомбическими пушками. Атака турецкого флота на Синопском рейде была предпринята П.С. Нахимовым в полдень 18 ноября. И когда бой был уже в полном разгаре и подожженные огнем русской бомбической артиллерией турецкие корабли

один за другим стали выбрасываться на берег, к Синопу подошел вице-адмирал В.А. Корнилов с отрядом в составе трех пароходофрегатов.

Синопское сражение закончилось небывалой победой Черноморского флота: турки потеряли 15 из 16 кораблей и около 3000 убитыми и ранеными. В плен были взяты командующий турецкой эскадрой вице-адмирал Осман-паша, три команда-ри корабля и около 200 матросов. Черноморская эскадра не потеряла ни одного корабля. Правда, многие корабли получили значительные повреждения, главным образом в рангоуте и снастях.

Победа в Синопском сражении в значительной степени была обеспечена системой боевого крейсерства Черноморского флота у берегов Турции перед Крымской войной и в начальный ее период, позволившей командованию своевременно обнаружить турецкий флот в Синопе и быстро сосредоточить в нужном месте и вовремя превосходящие силы флота для уничтожения неприятеля.

Синопское сражение явилось последним крупным сражением парусного флота и высшим достижением его военно-морского искусства на последнем этапе развития парусных кораблей. В сражении наряду с парусными кораблями участвовали и первые паровые суда. И хотя они не оказали существенного влияния на ход сражения, но все же показали свое бесспорное преимущество перед парусными кораблями. В этом сражении впервые в широких масштабах была применена бомбическая артиллерия, сыгравшая решающую роль в уничтожении турецких деревянных кораблей, что подтолкнуло флоты мира к скорейшему переходу к постройке военных кораблей с железным корпусом (Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX — начало XX века. М., 2004. С. 362—375).

План русской кампании на Балканах при взаимодействии армии и флота делился на пять этапов: переправа через Дунай и осада крепости Силистрия; утверждение в северной части Болгарии; осада и взятие Варны; переход через Балканы; движение к Адрианополю и Константинополю; овладение частью Анатолии по Босфору и Дарданеллам. Предусматривалась и возможность высадки десанта на Босфоре.

Русский император, вступая в войну против Турции, полагал, что обстоятельства складываются для него благоприятно. Руководители российских миссий в европейских странах отправляли в Петербург не вполне адекватную информацию, из которой явствовало, что до военных столкновений с Англией и Францией дело

не дойдет, а в Австрии правительство все еще хранит признательность Николаю I за помочь в разгроме венгерской революции 1849 г.

Однако события развертывались совсем по иному сценарию. Англия и Франция расценили русские победы на Черном море и в Закавказье как удобный предлог для войны с Россией под видом «защиты Турции». В ночь с 3 на 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море. 9 февраля 1854 г. в ответ на враждебные действия Англии и Франции последовал манифест Николая I о разрыве дипломатических отношений с этими странами. 15 февраля союзники предъявили России ультиматум об очищении Дунайских княжеств, оставленный без ответа. 12 марта в Константинополе был подписан договор о военном союзе между Турцией, Англией и Францией. 27 и 28 марта 1854 г. Англия и Франция объявили России войну.

В марте 1854 г. русские (И.Ф. Паскевич) перешли Дунай и осадили Силистрию — главную крепость турок на Балканах. Осада затянулась.

Надежды на поддержку Австрии не подтвердились. Австрия отказалась обеспечить дружественный нейтралитет в Русско-турецкой войне и выдвинула на австрийскую границу с Дунайскими княжествами 50 тыс. своих войск. Это была безусловная угроза флангу русской армии. Отныне она не могла предпринять наступления в глубь Балканского полуострова без риска быть отсеченной австрийцами от России. Впоследствии 90 тыс. человек сосредоточилось на австрийско-русской границе — в Галиции и Буковине. В июне 1854 г. Австрия заключила две конвенции с Турцией. Первая предоставляла ей право на временное занятие Албании, Боснии и Черногории. Вторая приглашала ее оккупировать Дунайские княжества. Вслед за этим Австрия потребовала от России очистить Дунайские княжества, где основные силы русской армии были скованы осадой Силистрии. 12 июля 1854 г. русские войска сняли осаду Силистрии и были выведены из Валахии и Молдавии. Россия оказалась в международной изоляции (Айрапетов Олег. Внешняя политика Российской империи (1821—1914). М., 2006. С. 183—196).

Англо-французская дипломатия попыталась организовать против России широкую коалицию, но сумела вовлечь в нее только зависимое от Франции Сардинское королевство. Вступив в войну, англичане и французы предприняли грандиозную демонстрацию у берегов России, атаковав летом 1854 г. почти одновременно Кронштадт, Одессу, Соловецкий монастырь на Белом море и Петропавловск-Камчатский. Союзники рассчитывали дезориентировать русское командование и

заодно прощупать, не уязвимы ли границы России. Расчет не удался. Все атаки противника были отбиты. Тем же летом новые поражения потерпели на Кавказе турецкие войска. Поэтому с осени 1854 г. союзники перешли от демонстрации к решительным действиям.

Русская армия была готова к войне с Турцией, но не со всеми великими державами одновременно. Основными проблемами, перед которыми оказалась русская армия, были нехватка обученных кадров и нарезного оружия (хотя это оружие в том виде, в котором оно было принято на вооружение, имело свои существенные недостатки). К 1 января 1853 г. общая численность армии составляла 27 716 генералов и офицеров и 968 382 нижних чина (Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие благополучного царствования Государя императора Александра Николаевича (1855—1880). СПб., 1879. Т. I. С. 37). За год удалось увеличить численность резерва, однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы прикрыть границы России. Только в районе Финского залива пришлось сосредоточить свыше 270 тыс. человек. Кроме нехватки офицерских кадров уже в 1854 г. обнаружилась недостача пороха и свинца, что отрицательно сказалось на стрелковой подготовке солдат.

Армий, перевооруженных полностью на современные нарезные ружья — штуцеры, в Европе не было ни в Крымскую войну, ни даже в первые годы ее окончания.

Вооружение русской пехоты составляли гладкоствольные, заряжавшиеся с дула кремниевые и ударные 7-лин. ружья (дальность стрельбы до 300 шагов). В незначительном количестве на вооружении имелись нарезные 7-лин. ружья — штуцера, также заряжавшиеся с дула (дальность стрельбы 1120 шагов).

Французская пехота была вооружена гладкоствольным ружьем с ударным замком и штыком и частично нарезными ружьями. Дальность стрельбы из гладкоствольных ружей до 500 шагов, а нарезных ружей — до 1200 шагов. В английских войсках благодаря высокому состоянию промышленного развития нарезного оружия было больше, чем в любой другой стране — винтовки Минье, усовершенствованные Притчетом. В Крыму значительная часть английской пехоты имела на вооружении нарезные ружья.

Турецкая пехота была вооружена гладкоствольными ружьями со штыком и тесаком, и лишь немногие части имели на вооружении штуцера (Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. VII. С. 50—52).

Штуцера, имея существенные преимущества в дальности стрельбы, при этом существенно уступали гладкоствольным ружьям в скорострельности. Используемая войсками тактика колонн и рассыпного строя как форма боя в ходе Крымской (Восточной) войны, предполагавшая атаку значительных масс, делала незаменимыми гладкоствольные скорострельные ружья.

Вместе с тем в XIX веке нарезные ружья позволили пехотинцу вступить в огневой поединок с артиллеристами, ибо сравнялась дальность стрельбы. Энгельс с издевкой писал, что артиллерия перестала быть тем родом вооруженных сил, куда шли люди, желавшие долго прожить. Потери русской артиллерийской прислуги были так огромны, что это побудило артиллерийского поручика Льва Николаевича Толстого предложить проект реорганизации артиллерии (Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. (К 150-летию начала войны). Научно-практическая конференция. СПб. 2004. С. 18). Как бы то ни было, будущее было за штуцерами, которые требовали еще своей существенной модернизации.

К началу Крымской войны российский флот насчитывал 40 парусных линейных кораблей и 15 парусных фрегатов и только 16 паровых судов. Из них в состав Черноморского флота входили 14 парусных линейных кораблей, 6 парусных фрегатов, 4 парусных корвета, 12 бригов и 7 пароходофрегатов (*Горев В. Война 1853—1856 и оборона Севастополя. М., С. 21*). Англо-французский флот, действовавший у побережья Крыма, имел в своем составе 360 вымпелов, в том числе 89 судов, из них 50 колесных и винтовых. Таким образом, основное боевое ядро флота России составляли парусные корабли, тогда как у англичан и французов — паровые суда. У русских не было ни одного парового корабля с винтовым движителем. И хотя российские парусные корабли, особенно Черноморского флота, имели высокий уровень боевой готовности, но они не могли вести борьбу на равных с современными паровыми винтовыми кораблями противника, обладавшими лучшими маневренными качествами по сравнению с колесными пароходофрегатами. Противник получил превосходство на море, что и предопределило во многом исход войны.

В ходе Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. появились первые паровые броненосные корабли — деревянные паровые корабли начинают обшивать железной броней толщиной свыше 100 мм. Это были французские плавучие батареи, представлявшие собой винтовые деревянные корабли водоизмещением 1400 т, обшищие железной броней толщиной 111 мм. Французы использовали свои паровые

броненосные суда для атаки крепости Кинбури, небольшого и старого укрепления, расположенного на косе у входа в Днепровский лиман. Ничем не оправданная весенняя операция (Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX — начало XX века. М., 2004. С. 362—375).

Стратегическое значение Крыма определялось центральным и глубоко вдающимся в Черное море положением его, обеспечивающим России при наличии у нее соответствующего флота господство на море.

Севастополь, служивший благодаря превосходным качествам своей бухты главной базой всего Черноморского флота, имел достаточно надежную оборону со стороны моря. Основу ее составляли восемь береговых батарей (519 орудий). Однако из 519 орудий не было ни одного нарезного и всего лишь 5,4 % из них являлись бомбическими пушками, для которых к началу обороны города не было ни одного снаряда.

Оборонительные укрепления для защиты Севастополя с суши построены не были. К моменту высадки союзных войск в Крыму для обороны базы с суши были построены лишь два небольших укрепления: одно — на северной стороне, другое — на южной, с общим количеством 60 орудий. Неподготовленность Крыма к обороне явилась следствием главным образом беспечности и крайней инертности главнокомандующего морскими и сухопутными силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова. Несмотря на то, что военный министр князь В.А. Долгоруков еще в феврале 1854 г. предупреждал его, что «англичане собираются высаживаться в Крыму, в 45 верстах от Севастополя, чтобы затем атаковать его с тыла», главнокомандующий не принял никаких мер к усилению обороны Севастополя с суши (там же. С. 267—268). К моменту высадки союзников в Крыму вход в Севастополь был надежно защищен береговыми батареями. Что касается сухопутной обороны, то город с суши был почти беззащитен.

К началу 1854 г. в Крыму, помимо местных войск, не имевших боевого значения, находились лишь 1-я бригада 14-й и резервная бригада 13-й пехотных дивизий. Необходимость усиления этих войск выяснилась по получении известия о решении французского военного совета в Париже. Тогда была направлена в Крым бригада 17-й пехотной дивизии с двумя батареями.

К сентябрю союзники закончили подготовку к высадке десанта в Евпаторию. Посадка войск на транспорты в Варне, переход судов морем и высадка десанта на берег проходили крайне неорганизованно. Силы высадки на переход морем

не обеспечивались разведкой, а иногда и охранением. Связи между отдельными отрядами транспортов, растянувшимися на много миль, не было.

Николай I, будучи уверенным в неприступности Севастополя с моря и считая, что адмирал А.С. Меншиков имеет достаточно сухопутных сил для отражения наступления союзного десанта на побережье Крыма, был против активного использования Черноморского флота в борьбе с англо-французским флотом на Черном море. Поэтому князь Меншиков, слепо выполнивший любые распоряжения царя, запретил использовать Черноморскую эскадру для атаки союзного десантного отряда на переходе его морем. Главнокомандующий Меншиков не воспользовался также и благоприятным случаем для атаки неприятельских транспортов с десантными войсками — десантный отряд первого эшелона в составе 54 французских парусных судов в течение трех суток находился в море без охранения и хода, ожидая прибытия из Варны английских судов с главными силами. Вице-адмирал П.С. Нахимов по собственной инициативе и с одобрения В.А. Корнилова пытался выйти в море и атаковать англо-французско-турецкий десант в момент его подхода к Евпатории. К несчастью, из-за «противного ветра» русские парусные корабли не могли немедленно двинуться навстречу врагу, а к вечеру ветер и вовсе стих. 1 сентября 1854 г. союзный флот бросил якорь у Евпатории, которая и была занята в этот же день. Угроза вражеского нападения на крымское побережье нарастала с каждым днем. Со 2 по 6 сентября союзники беспрепятственно проводили высадку, по завершении которой сосредоточили здесь 62 тыс. человек при 134 полковых орудиях. Для отражения высадки неприятельского десанта не была использована также полевая армия, которую А.С. Меншиков развернул на рубеже реки Альма в ожидании подхода противника.

Таким образом, военно-техническая отсталость России, выразившаяся в отсутствии достаточно сильного современного парового флота, и серьезные ошибки адмирала А.С. Меншикова — главнокомандующего вооруженными силами России в Крыму — позволили англо-французскому командованию высадить экспедиционные войска без боя.

Англичане и французы имели в своих рядах 15 тыс. солдат, вооруженных штуцерами (о преимуществах и недостатках этого вида ружей уже говорилось).

Кроме того, в Крыму высадились и семь тыс. турок. Боеспособность союзников была ослаблена холерой и отсутствием обоза. Солдаты экспедиционного корпуса после отправки из Варны снабжались исключительно солониной и галетами, армия испытывала постоянную нужду в воде.

Битва при Альме. Фронт длиной чуть более 10 км защищали 34 тыс. человек, из них 2 тыс. «штуцерников», при 88 орудиях. Русские войска уступали противнику в численности, уровне обучения, количестве дальнобойного стрелкового оружия. Потерпев поражение, Меньшиков на следующий день отвел войска на южную сторону Севастополя. Поражение крымской армии при Альме повлекло за собой два последствия: брожение среди татар, населявших полуостров, и затопление 11 сентября части судов Черноморского флота у входа в Северную бухту с целью преградить вход в нее кораблям противника. Личный состав флота (10 тыс. человек) был переведен на сухопутную линию обороны.

Меншиков после сражения отступил на Севастополь, где принял единственное правильное решение и 22 сентября 1854 г. вывел свою армию к Бахчисараю, обеспечив, таким образом, защиту связи и снабжения полуострова от угрозы со стороны противника.

Севастополь вступил в боевые действия, будучи неподготовленным к обороне с суши, имея лишь старые и несколько строившихся укреплений на Южной стороне со 145 орудиями. Прикрытие со стороны моря обеспечивалось 13 береговыми батареями, а также кораблями Черноморского флота, уступавшими союзникам по численности и качеству.

Воспользовавшись тем, что англо-французское командование не решилось атаковать город сходу, начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов и командующий эскадрой вице-адмирал П.С. Нахимов, возглавившие оборону города, приняли срочные меры по ее усилению. 23 сентября 1854 г. у входа в Северную бухту были затоплены пять старых парусных кораблей. С кораблей на суšу была снята часть орудий, а из экипажей сформировано 22 батальона.

За первые три недели Севастопольской обороны под руководством инженер-подполковника Э.И. Тотлебена было построено 20 укреплений, а численность артиллерии только на южной стороне города была доведена до 341 орудия против 144 у противника. В результате этих мер в короткий срок была создана глубоко-эшелонированная оборона, позволившая эффективно использовать силы и средства, в том числе морскую и береговую артиллерию.

Соотношение сил позволяло противнику рассчитывать на взятие города штурмом после мощной бомбардировки с суши и с моря. К этому времени у противника под Севастополем было 67 тысяч войск, а в гарнизоне города 36,6 тысячи солдат и матросов.

Первый штурм Севастополя планировался на 5 октября 1854 г., но ограничился бомбардировкой города. 13 октября 1854 г., ровно через неделю после начала бомбардировки Севастополя, русская армия атаковала Балаклаву — основную базу снабжения англичан. Русские войска взяли 11 орудий и множество мелких трофеев, но Балаклава осталась в руках противника.

Воодушевившись этим успехом, 24 октября 1854 г. Меншиков провел наступление на Инкерман с целью снять блокаду Севастополя. Добиться успеха не удалось. Русские войска действовали разрозненно, и в результате наступление было отбито союзниками со значительными потерями для атакующих — до 11 тыс. ранеными и убитыми.

В конце января 1855 г. к антирусской коалиции присоединился Пьмонт. 15-тысячный сардинский корпус позволил несколько компенсировать союзникам потери.

18 февраля 1855 г. скончался император Николай I, на престол вступил его сын Александр II.

С конца марта по начало апреля 1855 г. союзники произвели вторую бомбардировку Севастополя, выпустив 160 тыс. снарядов. Русские войска ответили 89 тысячами снарядов, главным образом из-за недостатка пороха. Имея уже 120-тысячную армию против 48,5 тыс. русских войск, противник, тем не менее, на штурм не решился.

Третья бомбардировка англо-французскими войсками была проведена с 25 по 30 мая 1855 г. из 588 орудий. Сорокатысячная армия атаковала передовые укрепления русских, захватив Селенгинский, Волынский редуты и Камчатский люнет. Только потеряв большую часть защитников этих укреплений, русские войска отошли.

5 июня началась четвертая бомбардировка Севастополя. Враг выпустил 62 тысячи снарядов. Полагая, что позиции русских войск разрушены, союзники решились 6 июня на штурм Корабельной стороны. Но благодаря умелому взаимодействию защитников города на суше и с пароходами на море французские войска были остановлены. Союзники потеряли свыше семи тысяч человек, русские войска — свыше пяти тысяч.

Александр II требовал от русского главнокомандующего в Крыму генерала М.Д. Горчакова (в феврале 1855 г. назначен главнокомандующим военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, в декабре 1855 г. отстранен от долж-

ности) перейти в решающее наступление на позиции союзников с целью деблокады осажденного города. 4 августа 1855 г. на Черной речке англичане и французы, используя присущество обороны на хорошо подготовленных позициях, отбили русскую атаку со значительными потерями для наших войск, доходившими до 10 тыс. человек. Общая потеря союзников не превысила 1800 человек.

Пятая бомбардировка Севастополя началась 5 августа 1855 г. и продолжалась пять дней. Из строя ежедневно выходило по 600—700 человек. Русская артиллерия не уступала неприятелю по числу орудий (1200 орудий против 1100), но отсутствие боеприпасов сводило это равенство к отрицательному соотношению.

Впоследствии союзники провели еще пять бомбардировок Севастополя, используя тяжелую артиллерию, численность которой возрастила. Отражая атаки противника, севастопольцы успешно вели контрбатарейную и минную войну, предпринимали небольшие вылазки. Однако соотношение сил постоянно сохранялось в пользу неприятеля. К маю 1855 г. союзные войска насчитывали 175 тысяч человек против 85 тысяч человек, оборонявших Крым (из них 43 тысячи в Севастополе). Это позволило англо-французским войскам перейти к более активным действиям.

Самая мощная — шестая бомбардировка Севастополя — началась 24 августа. Из 307 орудий было выпущено 150 тысяч снарядов. Оборонительные укрепления в Севастополе были разрушены, ежедневные потери защитников составляли 2—3 тысячи человек. 27 августа штурм города одновременно с разных направлений начали 13 дивизий союзников (около 60 тысяч человек) против 40-тысячного гарнизона.

После упорных боев англо-французские войска 27 августа овладели Малаховым курганом — основным звеном города. К исходу дня русские войска оставили Южную сторону, переправившись в ночь на 28 августа на Северную сторону, соединившись впоследствии с основными силами армии Меншикова.

Планомерный отход русской армии с артиллерией и тылами в течение одной ночи являлся одним из беспримерных случаев в военной истории России.

349-дневная оборона Севастополя — пример умелой организации активной обороны, основанной на совместных действиях сухопутных войск и флота в защите города. Несмотря на превосходство противника в численности войск, вооружении и в их качестве, глубоко эшелонированная оборона и подготовленная система артиллерийского огня в совокупности с инженерными сооружениями позволили оборонявшимся отстаивать город в течение длительного периода.

Лишь 27 августа 1855 г. французам удалось, наконец, взять господствующий над городом Малахов курган, после чего Севастополь стал беззащитен.

За время обороны Севастополя потери противника составили около 73 тысяч человек убитыми и ранеными, не считая больных и умерших от болезней. Потери русских войск составили около 102 тысяч человек (Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. (К 150-летию начала войны). Научно-практическая конференция. СПб. 2004. С. 33). Цифры далеко не абсолютны и во многом разнятся от данных приведенных в других источниках. Даются следующие потери: у русских выбыло из строя 128 669 человек (под Севастополем — 102 669 человек), у союзников — 63 500 человек (под Севастополем — 54 тыс. человек) (Военная энциклопедия. Т. VII. СПб., 1912. С. 56—57). По другим данным, потери только французов с 19 сентября 1854 г. по 28 сентября 1855 г. от холеры и тифа составили 63 тыс. человек, а общее количество потерь достигло 100 тыс. человек (*Айрапетов Олег. Указ. соч. С. 207*). Пик потерь выпал на зиму 1855 г. — прекрасно подготовленная кадровая британская армия, невзирая на улучшение к этому времени состояние санитарного обеспечения, уже была уничтожена болезнями, слабо обученные подкрепления не смогли компенсировать эти потери. И еще одни цифры: Россия понесла огромные потери — больше 522 тыс. человек (Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 379). Явно завышенные цифры. Но борьба за Севастополь истощила и силы союзников. Они потеряли в Крымской войне до 350 тыс. человек. По другим данным, турки — до 400 тыс., англичане и французы — около 120 тыс. После годичной осады Севастополя союзники уже не надеялись разгромить Российскую империю (Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. (К 150-летию начала войны). Научно-практическая конференция. СПб., 2004. С. 71—72). Силы противников были истощены, но нельзя было забывать и о моральном духе русского солдата, который очередной раз воевал на своей земле. К январю 1856 г. в действующих войсках вместе с ополчением числилось 2,3 млн человек, армия мирного времени была увеличена более чем в 2,5 раза, которая готова была сражаться.

Стратегический замысел Крымской (Восточной) войны строился на обладании Англией и Францией сильными флотами, вооруженными современными кораблями, которые должны были отрезать Россию от побережья и загнать в глубь материка. Военный натиск союзников на береговые зоны России (на Черном, Азовском, Балтийском, Белом морях и Тихом океане), однако, оказался совсем не грандиозным, на что рассчитывали его авторы, а носил всего лишь демонстрационный

характер, закончившийся в большинстве случаев провалами.. Для заявленных целей нужны были иные силы и средства, многократно превосходившие используемые. Авторы забыли о многотысячной Великой армии Наполеона, сгинувшей на бескрайних просторах России. А сколько потребовалось бы сил, чтобы оккупировать и удерживать морское и океанское побережье России? И все это при растянутых по морю коммуникациях. География нападений свидетельствовала об амбициях воинственных лидеров союзников, рассчитывавших в случае успеха отторгнуть от России устье Дуная, Крым, Кавказ, Прибалтику, Финляндию (в частности, это предполагал план английского премьер-министра г. Пальмерстона). Единственно, что удалось добиться противнику, это удержать большую и наиболее сильную часть русской армии в западных и северо-западных регионах для охраны Польши, Прибалтики и Петербурга. Кроме того, не исключалась возможность вступления в войну на стороне противника дружественной нам Австрии. Всё это был блеф, построенный на пустом месте.

Как бы то ни было, гора родила мышь. Главным театром военных действий становился Крым, вернее не Крым, так как противник не решался отрываться от побережья, где занимал несколько городов, а все свои усилия направил на осаду Севастополя, города, превращенного в крепость. Крым, за исключением черноморского побережья, находился в руках русских войск.

Если Наполеон, определял Ф. Энгельс, наносил удар в сердце тех государств, против которых он воевал, то нынешняя Франция напала на *cul de sac* (тупик, захолустье) России, сконцентрировав военные силы на второстепенном театре войны, где и величайшие успехи не имеют решающего значения (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 11. С. 136). В то же время, имея под Севастополем превосходство в силах и технике, союзное командование не пыталось достигнуть полной изоляции города, который за все время борьбы сохранял сообщение со страной, получая пополнения и боеприпасы.

Военные последствия оставления Севастополя в общем плане были настолько несущественны, что ни в коем случае нельзя было рассматривать этот трагический эпизод, но все-таки эпизод, как конечный результат Крымской (Восточной) войны. Союзные войска заняли Севастополь уже после того, как он сыграл свою роль и был оставлен русскими.

Это было безумие (или предательство российских интересов) признавать свое весеннее поражение и садиться за стол переговоров. Тем не менее Россия пошла на

это, признав себя побежденной. В чем причина такого шага, лишавшего Россию многих ее завоеваний, за которые было заплачено кровью русских солдат? Новый самодержец, новое окружение, новая политическая элита, пришедшая к власти, новые альянсы?

Почему же все-таки самая большая в мире армия, которая отнюдь не по всем статьям была технически отсталой, являла собой поистине грозную силу, потерпела поражение в войне? Помимо дипломатических и политических грубейших просчетов, поставивших страну против целой коалиции, а потом навязавших ей позорный мир, были и другие причины происшедшего. И отнюдь не катастрофы. Война завершилась катастрофой по результатам Парижского договора. Безусловно, трагической оказалась недооценка нашим морским ведомством роли паровых судов, хотя заказы на них активно размещались на верфях Англии и Франции. В этой ситуации инициатива Морского министерства должна была подкрепляться финансовыми ассигнованиями. И еще. Паровых судов было не так много у англичан и французов, и это были не те монстры — бронированные паровые суда, которые появились у союзников только к концу Крымской (Восточной) войны, и то в единичном количестве.

Вот весьма красноречивый факт: ставка французского главнокомандующего в Крыму соединялась с Парижем проведенным союзниками телеграфом, а русские вести из Крыма в Петербург шли исключительно конной тягой по разбитой, осенью и весной почти непроезжей дороге. Спешные донесения из Крыма шли от двух недель до месяца. Перебрасывать подкрепления, вовремя усиливать артиллерию было почти немыслимо.

Но красноречив этот факт вовсе не потому, что вести из Крыма шли неделями, а по причине российского головотяпства. В архивах Генерального штаба оказались материалы, из которых следовало, что первым предложил телеграф для практических целей участник Отечественной войны 1812 г. академик П.Л. Шиллинг. 23 сентября 1835 г. русский ученый-офицер демонстрировал свой телеграфный аппарат на съезде естествоиспытателей в Бонне. Эта дата и является исходной для появления нового прибора. После чего идеи русского ученого быстро распространились как в Европе, так и в Северо-Американских Соединенных Штатах (так назывались в России Соединенные Штаты Америки в XIX и первой трети XX века). С 1837 г. началось практическое применение электромагнитного телеграфа в Англии, где Кук и Уинстон получили патент на видоизмененный ими телеграфный аппарат

Шиллинга. Испытывая материальные затруднения, Шиллинг в 1836 г. обратился с письмом в Государственный совет, в котором просил выделить для работ по дальнейшему развитию телеграфа средства или образовать специальную комиссию. Только в мае 1837 г. русское правительство решило, наконец, устроить для опыта подводную телеграфную линию через Финский залив из Кронштадта в Петергоф и поручило Шиллингу приступить к этой работе. Но внезапная смерть выдающегося ученого прервала начатое им строительство. После Шиллинга совершенствование телеграфной аппаратуры в России продолжил академик Б.С. Якоби. Он был автором многих оригинальных конструкций телеграфных аппаратов. В 1850 г. им был создан аппарат, явившийся прообразом для телеграфного аппарата конструктора Юза, получившего первое применение в Америке, затем во Франции и Великобритании, и только лишь в 1856 г. в России.

Однако, как выяснилось, еще до внедрения телеграфа в войсках этот вид связи отлично зарекомендовал себя на железной дороге. Первой частью связи в России была «телеграфная рота», сформированная при Управлении Петербургско-Московской железной дороги приказом главного управляющего «путями сообщения и публичными зданиями» от 23 сентября 1851 г. Так почему электрическая связь служила железной дороге, а не в армии? В Крыму телеграф прошел в русской армии свое первое испытание, но не сыграл какой-либо заметной роли в деле управления войсками. И еще один красноречивый факт: когда в 1855 г. встал вопрос о постройке телеграфной линии Николаев — Перекоп — Севастополь, то в России не нашлось такой организации, которая могла бы за это взяться (Дашкуев М.Д. Побеждает тот, кто умеет лучше думать (Н.Н. Обручев). М., 2007. С. 140—143). Не нужно было ставить задачи по добыванию чертежей и образцов телеграфа перед сотрудниками российских дипломатических миссий, гражданских и военных, чтобы, получив их, впоследствии доводить в отечественных лабораториях. Следовало только правильно распорядиться собственным достоянием.

Зарубежную агентурную разведку в интересах Морского ведомства, как и в интересах Военного министерства, по-прежнему вело Министерство иностранных дел. Разведывательные сведения и материалы, чаще в необработанном виде, поступали в Морское ведомство и в Главный Морской штаб из Министерства иностранных дел.

Так, 16 января 1854 г., за месяц до объявления Российской войны Англии и Франции в ответ на ввод последними кораблей своих флотов в Черное море, генерал-

адмирал и управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич писал начальнику Департамента внутренних сношений МИД, где была сосредоточена переписка по секретным, в том числе и по разведывательным, вопросам: «*Вашему превосходительству известно, как важно и необходимо при нынешних обстоятельствах для Морского министерства иметь постоянно новейшие сведения о движении английских и французских судов и эскадр, с тем, чтобы сведения сии доставлялись и в случае разрыва, когда оные будут особенно нужны. Посему я прошу Вас принять на себя труд сообразить, каким способом ныне же устроить своевременное доставление оных*» (Очерки истории российской внешней разведки. Указ. соч. С. 150). Через два дня начальник департамента, тайный советник и сенатор Лев Григорьевич Сенявин доложил великому князю, что российским представителям в Лондоне и Париже поручено на случай их отъезда задействовать для получения необходимой информации «доверенных лиц». Такая же задача была возложена на российские миссии в Стокгольмс, Копенгагене, Гааге, Брюсселе, Лиссабоне, Неаполе и Афинах.

Эти указания были приняты к исполнению, и российские дипломаты стали сообщать о передвижениях английской и французской эскадр. Так, они смогли узнать и предупредить МИД о планах Великобритании развернуть боевые действия на Балтике, в частности о намерении англичан овладеть Свеаборгом, о принятом решении Англией увеличить свою армию в Крыму (Архив внешней политики Российской Империи (далее: АВПРИ). Ф. 155. Оп. 306. Д. 17 (1855).

В феврале 1854 г. к Л.Г. Сенявину с просьбой организации сбора разведывательных сведений обратился Главнокомандующий войсками на западных границах генерал-фельдмаршал И.В. Паскевич. Он выразил пожелание, чтобы консулы в приграничных с Россией областях Пруссии и Австрии доносили ему в Варшаву с нарочными все сведения, касающиеся возможных распоряжений прусского или австрийского правительства о формировании новых воинских частей, их численности, сроках такого формирования, мест сосредоточения, о заготовках для этих войск продовольствия (там жс. Оп. 305. Д.16 (1854). Сенявин проинформировал Паскевича, что необходимые указания им даны в Кенигсберг, Мемель и Броды.

С декабря 1854 г. интересовавшая флот информация стала поступать и через Брюссель, где к российскому послу графу Хрептовичу явился грек Спиридон Атаназ, приехавший из Парижа, и предложил свои услуги по добыванию сведений о военно-морском флоте Франции, в первую очередь военно-технического

характера. Посетитель сообщил, что, будучи инженером-кораблестроителем, он послан правительством Греческим во Францию для совершенствования своих профессиональных знаний и получил доступ в военно-морские учреждения и на верфи. В подтверждение своих слов грек передал Хрептовичу чертежи нескольких босовых кораблей, строившихся на французских верфях, а также новой корабельной артиллерии французского и английского производства. В качестве вознаграждения Атаназ попросил Хрептовича выплачивать ему ежемесячно «350 франков, из которых 200 франков он будет расходовать на свое содержание, а 150 — на оплату нужных ему людей» (Очерки истории российской внешней разведки. Указ. соч. С. 150). Предложение было принято, и в Россию стала поступать разведывательная информация по указанным вопросам. Чрез него были получены также сведения о кораблях, которые французы предполагали направить в Балтийское море.

Оценивая ее, великий князь Константин Николаевич писал в МИД: «...я нахожу: 1) что полученные ныне от г. Атаназа сведения в высшей степени важны и полезны и доказывают в нем совершенное знание морского дела и умение извлекать те именно данные, которые могут быть нам нужны; 2) что Морское министерство никогда еще не получало сведений столь полезных кроме случаев, когда сами морские офицеры наши имели случай собирать оные на местах, и что сообщения г. Атаназа нельзя даже сравнить с теми сведениями, которые граф Хрептович получал через других агентов своих; 3) что предложением г. Атаназа необходимо воспользоваться и не щадить издержек и что плата, требуемая им, весьма умеренна и 4) что дело это необходимо вести в совершенной тайне, дабы не потерять агента столь полезного» (там же. С. 151).

Атаназ плодотворно сотрудничал с русской разведкой вплоть до июля 1856 г. Всего он получил 11 тыс. франков за свои труды, из которых шесть тысяч, по его словам, составляли его собственные расходы.

Великий князь Константин Николаевич в марте 1856 г. писал в МИД о необходимости щедро вознаградить грека: «Я полагаю, что в заключении мира нам уже не будет предстоять надобность в услугах грека Атаназа, но что я полагал бы справедливым щедро вознаградить его за доставленные нам сведения, которые были действительно весьма полезны».

Граф Хрептович, как и многие другие дипломаты, привлекался и к закупкам оружия. Ему удалось приобрести у бельгийцев в 1855 г. три тысячи нарезных ружей.

С целью хоть как-то минимизировать ущерб от высылки российских морских офицеров и инженерных специалистов из Англии и Франции в октябре 1855 г. для получения доступа к новинкам морской и военной техники к Российской миссии в Стокгольме (представляла Российскую империю в нейтральных Швеции, Норвегии и Дании) был прикомандирован контр-адмирал Б.А. Глазенап. В ходе выполнения возложенных на него задач Глазенап сумел в том числе получить необходимые сведения «...об орудиях, заряжающихся с казенной части, изобретенных Варендорфом» (Пряхин И.Д. Его имя на картах... // Новый часовой. СПб., № 13—14. 2002. С. 317). В 1857 г., после возвращения на родину, контр-адмирал был удостоен ордена Св. Анны 1-й степени.

Изгой и преданный слуга своему Отечеству

Важная разведывательная информация о планах союзников поступала из Парижа от военного секретаря самого французского императора.

У истоков получения этой информации стоял русский офицер Яков Николаевич Толстой. В 1802 г. он был зачислен в Пажеский корпус, из которого вышел спустя шесть лет. 20 ноября 1808 г. он уже был зачислен прапорщиком л.-гв. гренадерского полка. В декабре 1810 г. Яков Толстой подает в отставку. Уже через год он сдал экзамены за курс наук в педагогическом институте, получив право на гражданский чин коллежского асессора. Возможно, Я.Н. Толстой собирался продолжить образование, но приближавшаяся война с Наполеоном изменила его планы. В апреле 1812 г. он подает прошение о восстановлении в армии и получает назначение в один из пехотных полков, перебрасываемых к границе. Первый бой Яков Толстой принял в составе полка в Белоруссии под Кобрином 15 июня 1812 г. Яков участвовал в сражениях Отечественной войны 1812 г. и кампаниях 1813—1814 гг., за которые был награжден босовыми орденами.

По окончании войны Яков вернулся в Петербург, получив назначение адъютантом к генерал-лейтенанту Л.О. Роту в гвардейский Павловский полк. В январе 1817 г. Толстой назначается старшим адъютантом дежурного генерала Главного штаба Е.И.В. А.А. Закревского.

В 1817 г. Толстой входит в кружок молодых литераторов, получивший название «Зеленая лампа». Там Толстой знакомится с Пушкиным, Глинкой, Дельвигом, Чаадаевым, Шаховским и многими другими известными личностями. В 1821 г. вышла первая книга Якова Толстого «Мое праздное время», в которую вошло

28 стихотворений. Вместо распавшейся «Зеленой лампы» в Петербурге стали появляться тайные общества, куда входили офицеры и молодые чиновники — предшественники декабристских организаций. В одно из них — «Союз Благоденствия» — вступил и Яков Толстой.

Толстой продолжал служить и посещать собрания общества до апреля 1823 г., когда по состоянию здоровья испросил у начальства годичный отпуск для лечения больной ноги и уехал в Париж. Толстой стал вести с 1824 г. в академическом издании «Ревю энциклопедии» постоянную колонку, посвященную русской литературе и искусству. По меткому выражению П. Вяземского, *«Толстой в 20-е гг. был генеральным консулом по русской литературе во Франции»*. Он одним из первых перевел на французский Пушкина, открыл для европейцев талант Крылова, познакомил их с творчеством А.С. Грибоедова и А.А. Бестужева-Марлинского.

Декабристские события 1825 г. не могли не коснуться Якова Толстого. Его имя попало в следственные бумаги в списках членов тайных обществ. И весной 1826 г. он получил предписание вернуться в Россию. Толстой отказался и был уволен со службы в конце 1826 г., потеряв все права на армейскую пенсию и дворянские привилегии. Для него начался самый тяжелый период его жизни. Лишенный средств к существованию, перестав получать деньги из России, он жил литераторным трудом.

С середины 1820-х гг. в Париже стали публиковаться антирусские памфлты, принижавшие не только существовавшее в России правление, но и ее историю, и национальные черты. Толстой неоднократно выступал на страницах французской печати в защиту престижа своего Отечества, благородства русского воина.

Уже в 1827 г. он вновь получил возможность печатать свои статьи в либеральном «Московском телеграфе». Но только в 1833 г. полуголодная жизнь Толстого изменилась к лучшему. Толчком к переменам послужило появление в Париже 25-летнего князя Элима Петровича Мещерского, который был направлен на должность корреспондента Министерства народного просвещения. Круг его служебных обязанностей, помимо изучения системы образования и общего состояния наук в Европе, включал в себя также анализ местной политической жизни и оценку состояния прессы. Его донесения направлялись не только министру народного просвещения С.С. Уварову, но и главному начальнику III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии А.Х. Бенкendorфу. Для своей работы Мещерский

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

привлек Толстого, который был тогда, вероятно, лучшим российским экспертом по Франции.

В 1836 г. Бенкendorф подал доклад царю «о желательности использования Якова Толстого в сношениях с французскими журналистами». Царь утвердил это решение, приказав послу России во Франции графу Петру Петровичу Палену выплатить Толстому 10 тысяч рублей из посольских средств для того, чтобы тот смог расплатиться с многочисленными кредиторами.

Сам Толстой прекрасно понимал подлинный смысл своей предстоящей работы и сформулировал свои задачи в Записке, отправленной в Петербург. В частности, Толстой предложил план подкупа наиболее влиятельных французских изданий того времени — «Газетт де Франс», «Котидьен», «Пресс», «Франс», «Кроник де Пари» — для обеспечения в них русофильского направления. Кроме этого, он предлагал учредить в Париже на подставное лицо издание, которое было бы негласным рупором русской политики. По его подсчетам, расходы на его создание в начальный период не превышали бы 50 тысяч франков, а затем оно могло бы стать самоокупаемым, располагая эксклюзивными материалами из русской жизни. Кроме этого Толстой предлагал послать корреспондента этого издания в Варшаву для проведения операций содействия политике Российской империи в Польше. По-видимому, идеи Толстого встретили одобрение в Петербурге, куда он прибыл после долгих лет отсутствия в январе 1837 г.

После продолжительной беседы с А.Х. Бенкendorфом шеф III отделения решил вопрос с Уваровым о принятии на службу в Министерство народного просвещения парижским корреспондентом Толстого вместо Мещерского. Было определено, что жалование Толстого в Париже составит 3800 рублей в год, которые будут переводиться из III отделения через Министерство просвещения.

В октябре 1837 г. Толстой вернулся в Париж и приступил к исполнению своих обязанностей.

Корреспонденция Толстого из Парижа была обнаружена в архиве III отделения уже после 1917 г. Помимо регулярных обзоров европейской прессы и годовых отчетов она включает также рапорты и памятные записки, освещающие его разведывательную деятельность во Франции.

В частности, Толстой разработал план размещения в авторитетных французских изданиях, чьих редакторов он мог бы подкупить, специально подготовливших в России официальных позитивных материалов о ее политическом и социальном положении.

В 1838 г. Яков Толстой начал негласно выплачивать постоянную денежную дотацию целому ряду редакций французских печатных органов. Кроме этого ему удалось привлечь к сотрудничеству отдельных известных журналистов, которым он выплачивал разовые вознаграждения за конкретные публикации. К концу года Толстой приобрел такого авторитетного агента, как редактор газеты «Пресс» Эмиль де Жирарден. В обмен на разрешение распространять эту газету в России, которое Толстой получил в Петербурге, это издание начало активную кампанию против деятельности в Париже революционеров-эмигрантов из Польши, ведущих направленную агитацию против Российской империи.

В феврале 1848 г., когда во Франции началась революция, о приближении которой Толстой писал с 1844 г., ему пришлось срочно покинуть Париж и перебраться в Брюссель. Однако, когда склынула первая волна революционной активности, оказалось, что в министерства и парламент Франции пришли многие прежние друзья и помощники Толстого, прежде всего из просветительских и газетных кругов. Поэтому в марте 1848 г. Толстой вернулся в Париж и снова развил активную деятельность. Он почти ежедневно направлял в Россию информацию — краткие шифрованные послания с посольской почтой через посла Киселева и пространные отчеты через Брюссель, где он успел наладить запасной канал связи, поскольку его собственная корреспонденция из Парижа перлюстрировалась.

Уже в марте 1848 г. Толстой отправил в Россию подробный список членов нового республиканского правительства, приложив пространные описания их личных качеств и политических амбиций. Такие же материалы он выслал по расстановке политических сил в парламенте. В сентябре 1848 г., когда Россия планировала военные действия в Венгрии по подавлению разгоравшейся там революции, Толстой через своих агентов в Военном министерстве сумел достать и переслать в Россию полный обзор по французской армии, включавший ее численный состав и размещение — до батальона включительно, а также вооружение, материальную часть, политические настроения и бюджетные затраты на ее финансирование. Полученная от него информация помогла военному министру графу Чернышеву четко спланировать предстоящие военно-политические акции в Венгрии.

В декабре 1848 г. во Франции состоялись президентские выборы, на которых победил внучатый племянник Наполеона Луи-Наполеон Бонапарт. Еще за два месяца до выборов Толстой, оперируя имеющейся у него парламентской информацией,

спрогнозировал победу Наполеона, выслав в Петербург подробное описание его политической программы и предвыборной стратегии.

Начиная с марта 1850 г. Толстой стал посыпать тревожные сообщения о росте русофобии в Великобритании, озабоченной усилением русских позиций в Азии. В письме от 27 марта 1850 г. он впервые упомянул о намерениях англичан «уничтожить русский флот и сжечь Севастополь». Однако сменивший А.Х. Бенкендорфа новый шеф тайной полиции граф А.Ф. Орлов мало интересовался анализом международного положения, идущим от Толстого.

Власти проявили интерес к сообщениям Я.Н. Толстого только в декабре 1851 г., накануне государственного переворота Луи-Наполеона. За день до разгона парламента, 2 декабря 1851 г., «верный человек» сообщил Толстому о предстоящих событиях и о выдвижении войск к Парижу. Толстой незамедлительно отправил шифровку в Петербург и слал ежедневные реляции до 10 декабря, когда, по выражению Гюго, «Наполеон Малый» утвердился на престоле.

Толстой продолжал поставлять российским властям секретную информацию, поступавшую к нему из министерств, сената и парламента Франции и после коронации Наполеона III. С мая 1853 г. он постоянно упоминал в сообщениях о готовящейся войне против России, инициатором которой выступала Великобритания, сумевшая привлечь на свою сторону Турцию и Францию. В конце 1854 г. Толстой поспешил покинуть Францию, будучи убежденным в неизбежности войны и разрыве дипломатических отношений. Он пересхал в Бельгию, где имел к этому времени очень ценного информатора — правительенного чиновника Вальферса, который работал на Россию, против Франции, стремясь за счет ее ослабления добиться большей самостоятельности для Бельгии.

Вершиной профессиональной карьеры Толстого стала его разведывательная деятельность в Севастопольскую кампанию. Еще в конце 1840-х гг. ему удалось завербовать некоего Паскаля, секретаря известного военного теоретика генерала Жомини, долгое время состоявшего на русской службе. После этого Паскаль был военным обозревателем журнала «Спектатер милитер». Имея обширные связи в военных кругах, Паскаль сообщал Я.Н. Толстому важные сведения о военной доктрине и вооруженных силах Франции. С приходом к власти Наполеона III ярый бонапартист Паскаль стал его военным секретарем... и наиболее осведомленным агентом России в окружении императора Франции. В Севастопольскую кампанию через Паскаля шла вся военная информация, за которую Толстой платил часто и

щедро. По отлаженным каналам связи копии бумаг из Парижа попадали в Брюссель, откуда шли в Военное министерство (Очерки истории российской внешней разведки. Указ. Соч. С. 140—145; Борисов Александр. Особый отдел Империи. История Заграничной агентуры российских спецслужб. М., 2001. С. 46—51).

Во время Крымской (Восточной) войны «военный корреспондент» в Берлине генерал-майор граф К.К. Бенкендорф (родной племянник А.Х. Бенкендорфа, получивший графский титул от своего дяди, не имевшего сыновей) создал сеть тайной агентуры, охватившую Германию, Бельгию и Англию. Руководство агентурой К.К. Бенкендорф осуществляло через некоего Клиндфорта, в прошлом домашнего учителя и писателя. Один из руководителей прусской государственной полиции писал по этому поводу следующее: *«Россия имеет за границей большое число агентов, которые закупают оружие и готовят его, после чего переправляют к себе на родину. В немецких таможнях русские имеют многочисленных торговых посредников, которые направляют транспорты с оружием под прикрытием надписей на ящиках: «товары из железа» и используют их для собственных надобностей. Русский генерал Бенкендорф сопровождал все эти транспорты из Берлина»* (Хейнц Хёне. Война во тьме. История германо-русского шпионажа. С. 6).

К.К. Бенкендорф имел своих источников на самой вершине власти. Так, князь Филипп фон Кроль, генерал при прусском королевском дворе, своевременно информировал своего русского тестя о планах мобилизации прусской армии, чтобы вместе с австро-прусскими войсками вторгнуться в Россию. Когда факт передачи информации русским получил огласку, начальник Кроля, генерал от инфантерии Леопольд фон Герлах, адъютант короля и сторонник союза с Россией, не дал хода этому делу, невзирая на требование суворого наказания со стороны будущего кайзера Германии Вильгельма. И более того, Герлах со своими сторонниками воспрепятствовал втягиванию Пруссии в войну с Российской империей. И таких сторонников было более чем достаточно.

Оба государства были настолько близки друг к другу, что некоторые русские и немцы не могли себе представить, как можно управлять Россией без немцев. Во времена Фридриха в Россию призывали царей и цариц из Германии, а совместный поход обоих государств против Наполеона «породил» появление прибалтийских немцев. Одни и те же чины и звания, единая система управления в армиях обеих стран. Аристократы в России, в Пруссии и немецких княжествах испытывали страх перед демократическими и социалистическими революциями. Русские

и немцы на равных правах служили в армии, немцев можно было найти среди чиновников и ученых.

Помимо сбора разведывательных сведений и материалов, немногочисленные корреспонденты военного министерства во время Крымской войны осуществляли за границей закупки сырья, необходимого для производства боспропасов. Так, уже упоминавшийся генерал-майор граф Бенкендорф закупал для отечественной промышленности чилийскую селитру, серу, свинец, порох (АВПРИ. Ф.155. Оп. 306. Д.4 (1855).

Крымская (Восточная) война, в которой участвовали крупнейшие мировые державы, была первой большой войной после наполеоновских войн. Она сразу потребовала пересмотра многих положений военного искусства, которые соответствовали требованиям военных действий начала XIX в., но к середине столетия уже устарели. Однако в большинстве случаев с обеих сторон это не привело к отказу от использования тактики — тактики колонн и рассыпного строя. Рост скорострельности, дальности и точности огня стрелкового оружия и артиллерии послужил причиной кризиса тактики колонн и рассыпного строя. В ходе Крымской (Восточной) войны под воздействием сильного огня англо-французской пехоты, вооруженной нарезными ружьями, русские колонны стихийно расчленялись и солдаты укрывались от пуль противника за складками местности (сражение на реке Альма 20 сентября 1854 г.). 5 ноября 1854 г. в сражении при Инкермане некоторые части, ведя наступление в условиях подавляющего превосходства противника, преднамеренно рассыпались из колонн в цепь, чтобы с минимальными потерями преодолеть зону ружейно-артиллерийского огня и сблизиться с противником до штыкового удара. Следовательно, в ходе Крымской (Восточной) войны в русской армии зародилась стрелковая цепь, как новая форма боевого порядка, наиболее соответствовавшая характеру боевых действий. Она позволяла лучше сочетать движение и огонь, использовать защитные свойства местности и значительно снизить потери от огня нарезного оружия.

Однако передовой опыт русской армии не был своевременно обобщен и не стал достоянием войск ни в русской, ни в западной армиях. Только в Русско-турецкую войну (1877—1878 гг.) стрелковая цепь получила официальное признание.

Под воздействием нового оружия произошли значительные изменения и в тактике оборонительного боя. Если раньше войска для ведения оборонительного боя чаще всего располагались в тесно сомкнутых построениях на не под-

готовленных в инженерном отношении позициях, то теперь в целях увеличения устойчивости полевой обороны и снижения потерь от огня противника наряду с сооружением насыпных земляных укреплений (редуты, люнеты, флеши) все шире стало внедряться в практику устройство ложементов (групповых окопов). Резко повысилось значение инженерного оборудования местности. В Севастопольской обороне 1855 г. впервые была создана укрепленная полоса глубиной 1—1,5 км, оборудовались защищенные позиции для артиллерии и укрытия для пехотных резервов. Так зарождалась позиционная оборона.

Парижский мирный договор был подписан 18 марта 1856 г. Это был унизительный для России договор. Карс возвращался Турции в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму. Черное море объявлялось нейтральным с запрещением России и Турции иметь арсеналы и военные корабли, за исключением необходимых для сторожевой службы (по шесть пароходов водоизмещением по 800 тонн и четырех — по 200 тонн). Судоходство по Дунаю переходило под контроль международных комиссий. Россия обязывалась не возводить укреплений на Аландских островах в Балтийском море, передавала княжеству Молдавия часть Южной Бессарабии, теряла монопольное право покровительства над Дунайскими княжествами, автономия которых, а также и Сербии гарантировалась договором. Для охраны нового политического порядка в Европе в апреле 1856 г. между Англией, Францией и Австрией был подписан договор, гарантировавший соблюдение Россией условий Парижского мира («Крымская система»).

3. СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ И ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ

3.1. Учреждение института военных агентов

Поражение в Крымской (Восточной) войне 1853—1856 гг. раскрыло экономическую и военную отсталость феодальной империи. Затратив на войну 800 млн рублей золотом и потеряв свыше сотни тысяч человек и Черноморский флот, Россия проиграла войну и вынуждена была пойти в марте 1856 г. на заключение тяжелого для нее Парижского мира. Всё это подорвало ее международный престиж, ускорило назревание политического кризиса 1859—1861 гг. и

социально-экономические преобразования в стране, в первую очередь отмену крепостного права в 1861 г.

Крымская (Восточная) война выявила необходимость и военных преобразований. Восная система России с ее крепостнической основой не выдержала испытания в войне из-за своей отсталости. Рекрутский способ комплектования войск, когда-то передовой, не соответствовал новым потребностям ведения войны. Крымская (Восточная) война со всей остротой поставила вопрос о введении всеобщей воинской повинности, сокращении сроков службы, создании обученных резервов. Восная техника, находившаяся в прямой зависимости от уровня промышленного производства страны, выявила в войне свою отсталость, выражавшуюся в недостатке нового оружия и боеприпасов. Крымская (Восточная) указала на возросшее значение экономики и техники в достижении победы.

Превосходство в сети железных дорог, в численности и качестве пароходов, нарезного оружия, мин, в использовании электрического телеграфа являлось одним из условий успешного ведения войны. Отсутствие железных дорог, связывавших центральные области России с южными регионами, также явилось отрицательным фактором.

Крымская война выявила существенные недостатки в управлении, подготовке и обеспечении русской армии и флота, дала толчок развитию вооруженных сил, военного и военно-морского искусства европейских государств, включая Россию.

Поражение России выявило также несостоенность в целом системы сбора военной, военно-политической и военно-технической информации за рубежом, опиравшейся в основном на Министерство иностранных дел. Последнее привело к тому, что не были своевременно вскрыты как подготовка Великобритании, Франции, Турции и Сардинского королевства к войне против России, так и состояние, а также планы использования их вооруженных сил. Хотя накануне войны в военное ведомство поступали донесения из МИД о происходящем перевооружении иностранных армий, а также добывались образцы современного оружия и даже заказывались за границей единичные средства для ведения вооруженной борьбы, но этого было явно недостаточно для осознания высшим командованием реальной угрозы и принятия адекватных мер. В результате русские армия и флот оказались неготовыми к войне и столкнулись на поле боя и в море с новыми для них и чрезвычайно эффективными по тем временам нарезным оружием и паровыми броненосцами.

Ход исторического развития военного дела в мире во второй половине XIX века характеризовался введением всеобщей воинской повинности, появлением массовых армий и крупных флотов, развитием коммуникаций и средств транспорта, что уже позволяло в короткие сроки сосредоточивать и развертывать мощные группировки войск и сил флота на выбранных направлениях. Технические прорывы в области разработки и производства вооружений привели к появлению на поле боя качественно нового оружия, способного решить исход сражения.

Победа капитализма привела к быстрому росту промышленности и к созданию более совершенного оружия и других материально-технических средств (паровой флот, железные дороги, электрический телеграф), применявшимся в военных целях. Рост капиталистической промышленности, создание и дальнейшее развитие новых технических средств и нового оружия расширяли и укрепляли материально-техническую базу вооруженных сил, обеспечивали возможность их дальнейшего численного роста. В то же время новый принцип комплектования, применение новых средств борьбы и численный рост армий увеличивали их зависимость от экономики и политico-морального состояния населения страны.

Военные реформы 60—70-х гг. XIX века явились частью экономических, социальных и политических реформ в Российской империи и проводились в армии под руководством военного министра Д.А. Миллютина. Они имели целью создать массовую армию, ликвидировать отсталость, выявленную в Крымской войне 1853—1856 гг. Основным их содержанием стали замена прежних рекрутских наборов, распространявшихся лишь на «податные сословия» (крестьян, ремесленников и мещан), всесословной воинской повинностью (1874 г.), создание обученного резерва запаса, реорганизация военного управления с образованием военно-окружной системы (15 военных округов. — Примеч. авт.). Было введено новое «Положение о полевом управлении войсками в военное время», осуществлено перевооружение армии нарезным стрелковым оружием и артиллерией, разработаны и введены новые воинские уставы, усовершенствована система подготовки офицерских кадров, проведена военно-судебная реформа.

В военно-морском деле реформы вылились в создание парового броненосного флота, оснащение кораблей нарезной артиллерией и минным оружием, совершенствование тактики действий и боевой подготовки, а также структуры управления и системы комплектования.

После Крымской кампании России пришлось срочно провести полную перестройку флота на новой технической основе. Поскольку по условиям Парижского трактата 1856 г. Россия была лишена права иметь боевой флот на Черном море, то постройка новых кораблей с металлическими корпусами и паровыми машинами по необходимости была сосредоточена на Балтийском море. Несмотря на отсталость отечественного машиностроения и тяжелой промышленности, невзирая на послевоенные финансовые затруднения, Россия смогла ввести в строй за период 1857—1863 гг. на Балтийском море 2 паровых линейных корабля, 7 фрегатов и 6 корветов, 7 клиперов и 3 мореходные канонерские лодки, которые и сменили в переходное время устаревший состав флота. Однако в случае большой войны этот флот еще не мог надежно прикрывать побережье России и тем более не был в состоянии вести борьбу в открытом море с новыми броненосными кораблями вероятных противников. Поэтому усилия были сосредоточены на подготовке новых программ и быстрым создании производственной базы для начала отечественного парового броненосного судостроения. К 1863 г. были переоборудованы для обработки металла верфи Нового Адмиралтейства и Галерного острова. Одновременно оказывалось содействие созданию частных судостроительных предприятий, в том числе с участием иностранного капитала: англичан Митчелля, Карра и Макферсона, бельгийского общества Кокериль и Невского завода Семянникова и Полетники. В Петербурге заложили по чертежам батареи «Первенец», строившейся в Англии, два однотипных корабля «Не тронь меня» и «Кремль». Так было начато броненосное судостроение в России.

В новых условиях в России на повестку дня встал вопрос о качественных преобразованиях в деле разведки. Нарастала объективная потребность в создании собственно военной зарубежной разведки, которая могла бы как в мирное, так и в военное время непрерывно отслеживать все, включая тайные, стороны военно-политической, военной, военно-экономической и военно-технической деятельности вероятных противников. Министерство иностранных дел, которое до сего момента являлось основным институтом русского государства в деле зарубежной разведки, уже не могло удовлетворять в достаточной мере растущие потребности военно-политического и военного руководства в полной и достоверной разведывательной информации по вопросам, затрагивавшим национальную безопасность и военные интересы России. Для такой разведки государство и вооруженные силы нуждались в профессиональных военных разведчиках, специальных разведыва-

тельных центральных и периферийных органах, постоянных зарубежных силах. Преобразования в военной разведке стали осуществляться раньше, чем в армии и флоте в целом, и были начаты с возобновления ее зарубежных сил. 10 июня 1856 г., то есть непосредственно после окончания Крымской войны, был «Высочайше утвержден» «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу» (РГВИА. Ф.38. Оп. 5. Д. 695. Л. 26—26б).

Развитию зарубежных сил военной разведки способствовало то, что с 60-х гг. XIX века офицеры — военные и военно-морские агенты, состоявшие при дипломатических миссиях, были признаны официально международным сообществом. Они были включены в состав дипломатического корпуса и на них распространились все иммунитеты и привилегии, предоставляемые лицам, имевшим дипломатический статус.

В середине XIX века продолжала отсутствовать единообразная терминология в наименовании офицеров, прикомандированных к посольствам в иностранных государствах. В русских официальных документах они назывались по-разному: и «военными корреспондентами», и «корреспондентами Военного министерства», и «член-корреспондентами Военного министерства», и просто «агентами».

В июне 1856 г. (после подписания Парижского мирного договора — 30 марта 1856 г., который подвел итоги Крымской войны) император Александр II лично назначил своих военных представителей (пока еще агентов) с поручением им разведывательных функций и обязанностями, предусмотренными «Инструкцией...» в четыре европейские столицы: в Париж — флигель-адъютанта полковника Альбединского⁹⁸, в Лондон — флигель-адъютанта полковника графа Игнатьева, в Вену — полковника барона фон-Торнау⁹⁹, в Константинополь — гвардейской артиллерии штабс-капитана Франкини¹⁰⁰. Одновременно генерал-майору графу Стакельбергу,енному полномочным представителем России в Турин (с 1720 по 1861 г. столица Сардинского королевства), было поручено «продолжать добывать и направлять в Военное министерство сведения, аналогичные тем, которые он добывал, находясь в Вене, но уже о пьемонтской армии и, по возможности, о французской, независимо от доносений Альбединского» (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 305. Д. 25 (1856). До своего назначения в Турин генерал-майор граф Стакельберг состоял «член-корреспондентом Военного министерства при Российской миссии в Вене».

Позже, в этом же году, генерал-адъютант граф Адлерберг З-й¹⁰¹ был направлен состоять при Императорской русской миссии в Берлине.

В своей деятельности они должны были руководствоваться «высочайше утвержденным (10 июня 1856 г. — Примеч. авт.) Проектом общих статей Инструкции агентам, посыпаемым за границу» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 695. Л. 19—26). Инструкция адресуется пока еще *агентам*, хотя подразумевается, что эти лица имеют воинское звание и направляются за рубеж военным ведомством.

Фактически данный «Проект» явился первой в России Инструкцией военным агентам. В ней достаточно подробно излагался круг вопросов, подлежащих освещению русскими военными (от русской армии и военно-морского флота) представителями России за рубежом, а также принципы их разведывательной деятельности. Согласно «Проекту общих статей инструкции агентам, посыпаемым за границу», каждому агенту вменялось в обязанность *«приобретать наивозможно точные и положительные сведения о ниже следующих предметах:*

1. О числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил.
2. О способах правительства к пополнению и умножению вооруженных сил своих и к снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями.
3. О различных передвижениях войск как приведенных уже в исполнение, так и предполагаемых, стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений.
4. О нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов.
5. Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство.
6. О лагерных сборах войск и о маневрах.
7. О духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов.
8. О состоянии различных частей военного управления, как-то: артиллерийского, инженерного... провиантского со всеми их отраслями.
9. О всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании.
10. О новейших сочинениях, касающихся до военных наук, а также о картах, планах, вновь издаваемых, в особенности тех местностей, о которых сведения могут быть нам полезны.

11. О состоянии военно-учебных заведений в отношении устройства их, методы преподавания наук и господствующий дух в этих заведениях.

12. Об устройстве генерального штаба и о степени познаний офицеров, оный составляющих.

13. О способах к передвижению войск по железным дорогам, с возможными подробностями о числе войск и времени окончания ими передвижения между данными пунктами.

14. Об улучшениях военной администрации вообще для скорейшего исполнения письменных дел и сокращения времени в передачи приказаний».

Военным агентам предписывалось соблюдать строгие требования конспирации или, как указывалось в документе, «все означенные сведения собираять с самою строгою осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что бы могло навлечь на агента малейшее подозрение местного правительства».

Для обеспечения оперативного взаимодействия военных агентов с русскими дипломатическими представителями на местах «Проект» требовал, чтобы «...Собранные сведения, в особенности кои могут быть в связи с политическими отношениями, прежде отправления их к военному министру предварительно докладывать начальнику миссии и, в случае экстренно необходимых расходов, испрашивать от него пособия». Агентам Военного министерства предписывалось собирать сведения (хотя и не в полном объеме) и в интересах Морского ведомства.

Назначение профессиональных военных на официальные должности при российских зарубежных представительствах дало свои результаты уже в первые месяцы. Первым заданием, которое получил «корреспондент военного министерства при русском посольстве» в Париже полковник Петр Павлович Альбединский, было добить сведения об опытах над ружьями и пулями, а также по возможности «осторожно получить эти предметы секретным образом». Содействие ему в этом, как инструктировали в Военном министерстве, мог оказать военный агент Пруссии в Париже майор Трескау, уже предоставлявший услуги русской разведке.

С помощью прусского военного агента и одного из французских офицеров, имевшего доступ к секретным сведениям, Альбединскому удалось вскоре достать очень ценные сведения. В начале декабря 1856 г. он направил военному министру совершенно секретные данные о численности, составе, устройстве и расположении сухопутных сил Франции, с приложением карты их дислокации.

Кроме того, он сообщил подробные сведения об опытах над новыми ружьями и пулями в Венсенне.

Донесения Альбединского были настолько неординарны, что военный министр тут же доложил императору.

Информация об испытании новых ружей и пуль к ним была рассмотрена в Оружейном комитете. Комитет, исходя из сведений Альбединского, наметил важнейшие направления развития стрелкового оружия: замену гладкоствольных ружей нарезными и облегчение патронов и пуль для ружей.

Согласно материалам французской тайной полиции, «*сношения Альбединского со светским обществом привели его в контакт с высшими офицерами, которых он сумел ловко расспрашивать об организации армии и о проходивших изменениях в огнестрельном оружии*». В марте 1857 г. Альбединский привлек к сотрудничеству с разведкой офицера, ординарца императора и получил от него многочисленные ценные документы. Указанный ординарец передал Альбединскому «*чертеж и описание нарезного орудия калибра 12, недавно прошедшего испытания, а также описания устройств, производившихся тогда в Мезе ударных трубок для гаубицы*» (Numa de Chilly. L'espionage. Paris. 1888. P. 105).

В 1857 г. был отзван из Парижа после конфиденциальной просьбы Наполеона III, подозревавшего красавца Петра Альбединского в связи с императрицей Евгенией (Военная энциклопедия. Т. 2. Петербург. 1911. С.347).

Военный агент, чрезвычайный посланник, полномочный министр

7 июня 1856 г. в Лондон назначается агентом — военным представителем Николай Павлович Игнатьев, родившийся 17 января 1832 г. Его крестным отцом стал будущий император Александр II. Игнатьев блестяще оканчивает Пажеский корпус (1849 г.), его имя было занесено на почетную мраморную доску. В 17 лет он произведен в офицеры (корнетом лейб-гвардии Гусарского полка). Игнатьев сразу поступил в Николаевскую военную академию Генштаба (1851 г.) и так же одним из первых окончил академию с серебряной медалью, что во все времена было большой редкостью. Н.П. Игнатьев стал вторым человеком, получившим такую награду за весь период после первого — 1834 г. — выпуска академии. Некоторые сочинения Игнатьева еще тогда были опубликованы в «Военном журнале». Но «он понимал, что военное образование, полученное им, носит ограниченный характер».

Всю жизнь Николай Павлович «стремился пополнять знания и расширять свой кругозор, много читал и в особенности интересовался философией, историей, социологией, политическими науками». В круг его чтения входили сочинения таких авторов, как Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Штраус, Гумбольдт и множество других. Он читал на французском, английском, немецком языках и даже по-латыни. Еще в академии он начал готовиться к работе на Востоке и изучал турецкий язык.

После окончания академии его причислили к Генеральному штабу и назначали в образцовое подразделение, охранявшее и возводившее укрепления на побережье Балтийского моря. Там он заведовал административной и инженерной частью, а вскоре был назначен квартирмейстером дивизии, находившейся в Лифляндии, а позже и обер-квартирмейстером всего Балтийского корпуса. Игнатьев должен был изучать местность, обследовать маршруты, организовывать почту, перевозку и все, связанное с армейским бытом.

Однажды на маневрах при прыжке его лошадь упала, и у него порвалась большая мышца на левой ноге. Врачи запрещали ездить верхом, нога стала сохнуть. Мужественно превозмогая ужасную боль, он не переставал вскакивать в седло и выполнять свои должностные обязанности. Есть сведения, правда неподтвержденные, что он принимал участие в испытаниях (к сожалению, безуспешных) первой подводной лодки.

«С 1854 г., в Крымскую войну, он находится в войсках, охраняющих берега Балтики, где и попал под прицельное бомбардирование крепости Дюнамюнде английским флотом. К счастью, ни от многочисленных осколков, ни от рушившихся перекрытий крепостных бастионов он не пострадал, но на всю жизнь сохранил неприязнь к тем англичанам, что рыскали вдоль берегов России, норовя заплыть подальше, да прихватить побольшее» (Канева Калина. Рыцарь Балкан граф Н.П. Игнатьев. М., 2006. С. 16—25).

Игнатьев начал свою военно-дипломатическую карьеру в Лондоне, где с 7 июня 1856 г. — 16 октября 1857 г. являлся агентом Военного министерства. «Такое ответственное назначение 24-летнего офицера было связано с рядом факторов — его блестящими способностями, отличной учебой в академии, энергией и находчивостью, проявленными во время службы в Прибалтике, наконец, семейными связями и благосклонностью нового императора к своему крестнику. Игнатьев обладал и другими качествами, необходимыми для работы за границей: он был находчив, ловок, хитер, обладал способностью быстро сходиться

с людьми, знал языки, наконец, он был неплохим аналитиком, что показывают его рапорты военному министру из Лондона. Выступая в то же время военным экспертом на Парижской конференции (май—август 1856 г.), он сыграл «заметную роль исправлением недосмотра наших дипломатов при назначении границ с Турцией» (Военная энциклопедия. Т. 10. СПб., 1912. С. 565). За столь успешное выполнение своего первого дипломатического поручения Н.П. Игнатьев был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и представлен французскому императору Наполеону III. За деятельность в Лондоне его награждают и орденом Св. Владимира 4-й степени.

В донесениях своих из Лондона военному министру Н.О. Сухозанету военный агент в Лондоне, предусматривая восстание сипаев в Индии, указывал на необходимость поддержать Персию, воспользовавшись затруднительной для Англии минутой. 26 июля 1857 г. полковник Н.П. Игнатьев представил подробный рапорт в связи с народным восстанием в Индии. Им были проанализированы самые разнообразные источники — начиная от официальных данных, газетных сообщений до порой весьма противоречивых слухов. Это позволило Игнатьеву правильно разобраться в причинах восстания и предугадать его размах. Игнатьев писал: речь идет не о случайном возмущении в сипайских полках, а о непримиримом противоречии между колонизаторами-англичанами и народом Индии, «*туземные властители, даже те, кои пребывали верными [Ост-Индской] Компании и во времена испытаний, убедились, что всем владениям в Индии не избежнуть участия королевства Удского (Ауда — Примеч. авт.) и что рано или поздно всякий удобный клочок земли, досягаемый для английских торговцев, будет ими захвачен*» (РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 21. Л. 551об—552). В то же время составитель рапорта предвидел поражение восставших и в качестве главных его причин указывал на их религиозную и политическую разобщенность. В целом рапорт военного агента содержал довольно верный взгляд на начальный этап восстания сипаев.

В Лондоне Николай Павлович изучал образцы новой техники, поступавшей на вооружение английских войск.

С легкой руки племянника Н.П. Игнатьева — Алексея Алексеевича Игнатьева — по страницам изданий, в том числе и энциклопедических, пошел гулять анекдот, совершенно документально ис подтвержденный — Николай Павлович был отозван из Англии из-за того, что при осмотре военной выставки «по рассеянности»

положил в карман ружейный патрон новейшего образца (Дипломатический словарь. Т. I. А-К. М., 1948. С. 668—669). Это и по логике сомнительное утверждение.

Помимо ознакомления с сугубо военными вопросами, Игнатьев с жадностью изучает мировую политику, анализирует ситуацию в России и, не увлекаясь подражанием Западу, формирует свои славянофильские взгляды будущего государственного деятеля и дипломата.

Для жизни Игнатьева характерно то, что он воспринял от Европы все то, что может уберечь русского человека от пороков европейского образа жизни, европейской политики и вообще европейского менталитета. Он до предела использовал щедрые дары провидения, не оставляя в тени и не портил подражанием ни один умственный и нравственный постулат, черпаемый в широкой русской душе и бурной и героической русской истории. Для своей эпохи Игнатьев являлся примером решительного патриотичного и высокообразованного славянина. «*Запад опасен для России*, — часто повторял он своим друзьям. — *Запад может только открыть нам глаза на необходимость остерегаться его*. «*Каждый контакт России с Европой — это шаг вперед к бессилию*» (Канева Калина. Указ. соч. С. 18).

Анализ происходивших мировых событий укрепляет в Н.П. Игнатьеве недоверие к Франции, Австрии и Пруссии и убеждают в неизбежности предстоящей дуэли России и Англии, причем именно в Азии. Начинавший военный дипломат выстраивает свою концепцию, будучи уверенным в том, что «*Россия будет играть миротворческую и культурную миссию на Востоке и в Азии*».

Игнатьеву предложили пост посла в Персии. Он отклонил лестное предложение, объяснив свой отказ молодостью (ему исполнилось всего 25 лет). С целью ознакомиться со странами Европы и Ближнего Востока в октябре 1857 г. он отправляется в поездку по странам Европы и Ближнего Востока. В Праге и Вене он знакомится со славянскими деятелями Ф. Палацким, Ф. Ригером, Браунером, Добрянским и др. «*До последнего путешествия я не постигал значения православия и славянизма в политическом положении Турции и Австрии, ни того магического влияния, которое имеет Россия на совершающие ей племена на Востоке*», — делился он в письме с отцом, и эти убеждения входят в его дальнейшую идеологическую концепцию.

Из Рима его вызывает император Александр II и 16 декабря 1857 г. назначает начальником миссии в Хиву и Бухару. Н.П. Игнатьев должен был произвести топографическую съемку реки Амударья и заключить торговые договоры с Хивинским и Бухарским ханствами.

Близкие провожали Игнатьева с тревогой, как на верную гибель. Когда же он вернулся живым и невредимым, отец стал креститься, как будто увидел призрак. Действительно, поход был полон перипетий.

Его экспедиции (1858 г.) по малоисследованной и вовсе неизвестной местности Азии дают ему возможность проявить свои незаурядные качества. Тут в большой степени оказался полезен воинский опыт по организации передвижения войск и их снабжения, полученный им в Прибалтике во время Крымской войны. В состав экспедиции вошли состоявший на службе в отдельном Оренбургском корпусе подполковник Н.Г. Залесов¹⁰², офицеры-топографы, фотограф, астроном Струве, востоковед П.И. Лерхе (для сбора этнографических, лингвистических и археологических сведений), землемер (собиратель естественно-научных данных), лейтенант флота А.Ф. Можайский (будущий изобретатель первого самолета), отряд певчих казаков, чье исполнение производило огромное впечатление на местное население.

Хивинский хан Сайд Мухаммад Рахим II был одним из самых жестоких туркменских правителей. После долгих отсрочек он вызвал полковника Игнатьева среди ночи, потребовав явиться одному и невооруженным. Отправляясь на аудиенцию, Игнатьев оставил завещание и письмо, которое адъютант должен вскрыть через час после его отъезда, и на всякий случай положил в карманы два револьвера.

Около ханского дворца на колах корчились в муках несчастные жертвы. Хан встретил его в окружении вооруженных до зубов людей и сообщил, что в его власти не отпускать Игнатьева до тех пор, пока он не подпишет договор на условиях хана.

«Я ответил, что у государя много полковников, — писал в воспоминаниях Игнатьев, — и что пропажа одного не произведет беды. Задержать же меня нельзя. Я вынул пистолет и пригрозил убить всякого, кто ко мне подойдет» (Игнатьев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева. СПб., 1897).

Сайд Мухаммад отскочил назад. В зал ворвались прискакавшие за Игнатьевым казаки с саблями наголо. Напрасно великий vizирь на следующий день мучительно пытался загладить положение. Игнатьев отказался вести переговоры и отбыл в Бухару, где был любезно встречен, а его предложения были приняты с готовностью. Он заключил выгодные торговые соглашения с эмиром Наср-Уллой

и освободил русских пленников. Эмир послал множество подарков, в том числе слона императору Александру II.

Возвращаясь экспедиция обратно больше месяца, преодолевая немало трудностей в песках пустыни. Игнатьев всегда, на всех своих поприщах — в войсках, на дипломатической работе — относился с душевной теплотой к своим подчиненным: солдатам, прислуге, конвою, даже к животным. Он сильно «сдружился» со слоном — привязанность была взаимной. Игнатьев был очень заботлив, справедлив и вместе с тем требователен, что всегда вело к исключительной дисциплине. *«Какждый подчиненный твердо знал свои обязанности и четко их выполнял. Неразбериха и разгильдяйство были исключены»*. Толерантное отношение было проявлено и к местному населению. Достигнутые результаты превзошли ожидания. На тексте доклада о результатах миссии Александр II написал: «Читал с большим любопытством и удовольствием. Надобно отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достиг, чем мы могли ожидать» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 730. Оп. 1. Д. 310. Л. 1—4).

26-летний полковник становится, может быть, самым молодым генералом Российской империи (25 декабря 1858 г.) и получает орден Св. Анны 2-й степени с короной. Его авторитет и слава бесстрашного офицера и тонкого дипломата возросли и определили его будущую карьеру.

Еще находясь в Лондоне, Игнатьев получил сведения о намерениях Англии и Франции заставить китайское правительство открыть границы для торговли опиумом и разрешить свободное плавание по китайским рекам. И это намерение стало претворяться в жизнь. Англо-французские войска высадились на китайскую территорию. Последовавшие далее события получили названия второй «опиумной» войны и растянулись на четыре года (1856—1860 гг.).

В то время между Китаем и Россией возникли разногласия по поводу установления границ. Пекинское правительство отказалось признать Айгунский договор, заключенный 16 мая 1858 г. восточносибирским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским. По условиям этого договора граница до соединения Амура с Уссури должна была проходить по течению Амура, при этом земли по левому берегу реки должны были принадлежать России, а по правому — Китаю. Территории к востоку от Уссури, вплоть до морского побережья, были оставлены в совместном владении до решения этого вопроса в будущем. В марте 1859 г., чтобы

уладить это положение, в качестве чрезвычайного уполномоченного отправили в Китай генерала Игнатьева. Он также должен был добиться от китайской стороны предоставления России прав на сухопутную торговлю во внутренних районах Китая, чего не предусматривал Тяньцзинский русско-китайский договор 1858 г. Игнатьев ехал на санях, тарантасах, повозках из Петербурга через всю Сибирь. Обь и Енисей переходил пешком по льдинам. Когда среди заснеженных сибирских равнин Игнатьева сопровождавшими его спутниками застала турга, он приказал казакам поставить коней в круг, и люди, собравшись в его центре, согревались дыханием животных. Дальше через горы, монгольские пустыни и непредвиденные препятствия он добрался до столицы Китая. В то время граф Н.Н. Муравьев-Амурский писал о нем в Петербург: «*Лучшего выбора нельзя было сделать: образование, способности, молодость и смелость Игнатьева служат ручательством за успех возложенного на него поручения, лишь бы китайцы пустили его в Пекин*» (Канева Калина. Указ. соч. С. 21).

В июне 1859 г. должен был состояться обмен ратификационными грамотами Тяньцзинских договоров 1858 г. Франция и главным образом Англия решили использовать этот предлог для развязывания новой войны против Китая. Война должна была предотвратить самую возможность сопротивления Китая кабальным условиям Тяньцзинских договоров, предоставить союзникам новые торговые привилегии. Посланники Англии и Франции в сопровождении эскадры из 18 кораблей попытались прорваться к столице, но их попытка была успешно отражена китайцами. Понеся большие потери, союзники вынуждены были вернуться в Шанхай, где начали готовить новую военную экспедицию.

За несколько дней до этих событий в Пекин прибыл Н.П. Игнатьев. Вначале китайцы решительно отклонили требования русского посланника. Их упорство обуславливалось одержанной победой и надеждой на возможность дальнейшего вооруженного сопротивления иностранным державам. Около года велись мучительные переговоры с Пекином. 16 мая 1860 г. Игнатьев прекратил бесплодные переговоры с китайцами и выехал из Пекина и направился в Шанхай в сопровождении русской эскадры, где предложил союзникам свое посредничество в переговорах с Китаем. В августе 1860 г. союзники возобновили военные действия против Китая. Игнатьеву было предложено присоединиться к иностранным державам для совместного с ними ведения войны против Китая. Игнатьев отклонил это предложение.

В начале октября, несмотря на упорное сопротивление китайцев, войска иностранных держав приблизились к Пекину. Англичане с французами предъявили ультиматум китайцам, в котором угрожали свержением маньчжурской династии и разрушением столицы, требовали ратификации Тяньцзинского договора, сдачи Пекина и т.д. Игнатьев, ознакомившись с проектом ультиматума и заручившись неофициальным согласием английского и французского посланников, отправился в Пекин.

Китайская делегация в свою очередь обратилась к Игнатьеву с просьбой о помощи и посредничестве. Н.П. Игнатьев согласился взять на себя эту миссию при условии полного удовлетворения китайцами всех русских требований и согласованных с ним решений в предстоящих переговорах с союзниками. «*Примите наши требования, — говорил русский посланник, — обещайте следовать нашим советам в своих действиях и отношениях с союзниками, и я ручаюсь, что Пекин будет спасен, что маньчжурская династия останется на престоле и что все ваши дела устроятся наилучшим образом.*

Принц Гунн (младший брат императора, бежавшего из Пекина) принял условия русского представителя. Отправившись после этого в лагерь союзников, Игнатьев убедил их отсрочить штурм столицы и не настаивать на немедленном учреждении посольств в Пекине. Несмотря на то, что китайцы приняли основные требования ультиматума, союзники все же разграбили, а потом разрушили и сожгли дворец Юаньминьюань, представлявший собой огромную историческую и культурную ценность. Зато, как говорил английский посланник Элгин, в головах китайцев осталось «необходимое впечатление». А маньчжурская династия сохранила престол.

Русско-китайский Пекинский договор значительно улучшил условия не ратифицированного Айгунского договора. Восточная русско-китайская граница была установлена по рекам Амур, Уссури и Сунгаче, через оз. Ханка до р. Бэлэнхэ и от ее устья по горному хребту до р. Тумыньдзян, впадающей в море. Таким образом, Россия окончательно закрепила за собой Уссурийский край.

Россия получила право беспошлинной сухопутной торговли вдоль всей восточной границы и в Кашгаре. Особо оговаривалось, что русские купцы могут ездить из Кяхты в Китай (в частности, в Пекин) «во всякое время», но при условии, что «*в одном месте их не должно быть более 200 чел.*». В Урге и Кашгаре русскому правительству разрешалось учреждать свои консульства, строить необходимые здания, склады и т.п. Устанавливалось, что «*русские купцы в Китае, а китайские*

в России состоят под особым покровительством обоих правительств» (Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950 С. 343—346).

Без каких бы то ни было военных действий Россия получила территорию с естественными и стратегическими границами площадью целых 800 тыс. кв. км (больше, чем Великобритания и Франция вместе), признание прав сухопутной торговли, привилегии в дипломатических связях, плавании по рекам и проч.

«Именно в Китае проявились полностью незаурядные дипломатические таланты Игнатьева и в особенности его умение с помощью своего обаяния, открытости и энергии убеждать людей соглашаться с его доводами... По сути, Игнатьев ходил на острие ножа... ему присущ был безусловно некоторый авантюризм, что нередко спасало его в сложных ситуациях. Игнатьев, впрочем, верил в свою счастливую звезду и не боялся рисковать» (Канева Калина. Указ. соч. С. 21).

На обратном пути Игнатьев снова остановился в Иркутске. Показывая Пекинский трактат генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву-Амурскому, он произнес знаменитые слова: *«А теперь, батюшка, стройте город, порт и крепость. И владейте Востоком!»* Николай Павлович Игнатьев вошел в историю как «крестный отец» Владивостока. Случайно ли совпадение это, или, может быть, он инстинктивно следовал примеру гордости семьи — святителю Алексию, предрекшему создание города Самары. Или же здесь просто проявление того же гена творчества и созидания? Сравнение напрашивается само — один создал объединенное Московское государство, другой — Болгарское государство, один строил монастыри и каменные стены Кремля, другой оставил потомкам храм-памятник в городе Шипке, больницу в Константинополе, обновленную Нижегородскую ярмарку, церковь и мельницу в своем имении и оба — огромное письменное наследие.

Тут же в Иркутске, по распоряжению генерал-губернатора, одна из улиц города была названа именем Игнатьева. Его имя по сей день отмечено на карте Дальнего Востока — мыс Игнатьева на острове Русский в заливе Петра Великого. А один из чиновников, политический ссыльный, известный революционер-анархист М.А. Бакунин написал 8 декабря 1860 г. А.И. Герцену в Европу, что познакомился с молодым офицером: *«...Это молодой [человек], лет тридцати, вполне симпатичный и по высказываниям, мыслям и чувствам, и по всему существу своему, смелый, решительный, энергичный и в высшей степени способный. Он в меру честолюбив, но благородно горячий патриот, требующий в России реформ демократических и во вне — политики славянской... Вот с такими-то людьми не худо бы Вам войти*

в постоянные отношения: они не резонерствуют, мало пишут, но — редкая вещь в России — много делают».

Н.Н. Муравьев-Амурский, довольный осуществлением своих намерений, писал министру иностранных дел А.М. Горчакову: «*Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждение консульств в Урге и Кашире. Все это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но окрепла более прежнего»* (там же. С. 22).

Проехав через всю Азию за шесть недель, покрытый с ног до головы и неем, вшивый и уставший до смерти, Игнатьев прибыл в Петербург 1 января 1861 г. На следующий день император наградил его орденом Св. Владимира 2-й степени и произвел в генерал-адъютанты. Петербург встретил Игнатьева как героя.

Английское и французское правительства, также получившие право торговли с Поднебесной империей, благодарили русского императора. Наполеон III даже послал миротворцу орден Почетного легиона 2-й степени со звездой. Когда англичане узнали о столь престижном для России договоре, на Игнатьева начали сыпаться обвинения в британской прессе, и возникло подозрение, что в его лице Англия получила опасного противника в ее претензиях на власть на Востоке.

В июле 1861 г. Н.П. Игнатьев впервые прибыл в Царыград, чтобы передать приветствия по случаю восхождения на престол султана Абдул-Азиза.

Россия стремилась установить дружеские отношения с Турцией — победительницей в Крымской войне, усилить свои позиции с целью противостоять экспансии западных держав и облегчить положение порабощенных христиан.

В 1861—1864 гг. Н.П. Игнатьев находился на посту директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Деятельность Азиатского департамента распространялась на территории Османской империи, страны Центральной Азии и Дальнего Востока и объединяла политические, консульские, административные, правовые и кадровые вопросы. Одной из задач департамента являлась помочь культурному развитию христианского населения Турецкой империи. С этой целью в Николаеве открылись Южнославянский пансион и мужская гимназия, где учатся болгарские юноши. Двери русских учебных заведений широко открыты для них. В архивах Азиатского департамента накапливались документы, раскрывавшие заботу и заслуги графа Н.П. Игнатьева в создании болгарских

школ и образовании болгар. Так, он содействовал изданию и распространению переведенной Георгием Йошевым, переводчиком русского консульства в Видине, «Краткой всеобщей истории». Только за 1860—1863 гг. для болгарских церквей было отправлено 152 ящика вещей и книг. Через русское консульство в Видине с 1863 по 1868 г. болгары получили 1031 экземпляр богослужебных книг».

Игнатьев всячески выступал за новый взгляд на российскую политику на Балканах: отойти от вопроса о различии религий и опираться на единство национальностей, то есть поддерживать не столько православие, сколько национально-освободительное движение христианских народов на Балканах. Поэтому скрепя сердце Игнатьев следовал указаниям правительства всячески сдерживать преждевременные восстания славян. Приходилось сдерживать горячего сербского князя Михаила Обреновича, болгарского идеолога вооруженной борьбы Г. Раковского, который вел переговоры с сербами и греками об общем выступлении против турок.

Игнатьев был сторонником переселения христиан в Россию, доказывая, что они возродят свободные земли и что они «отличаются повиновением законам, самою чистотою нравственностью, неподражаемым трудолюбием и несомненною преданностью России».

Здесь, в Азиатском департаменте, Н.П. Игнатьев столкнулся с проблемами, которые он будет пытаться разрешать в течение последующих четырнадцати лет на посту посла России в Царыграде. Правда, «министерская работа» не приносила ему удовлетворения, так как Игнатьев был человеском действия и ненавидел бюрократическую рутину. Кроме того, по ряду вопросов он расходился с канцлером (министром иностранных дел) А.М. Горчаковым, выступая за проведение активной политики в Средней Азии и на Балканах. В основе балканской политики России, по мнению Игнатьева, должна была стоять задача создания на Балканах национальных государств, которые будут являться сильной опорой России и средством давления на Турцию. Федерация этих государств под эгидой России, считал он, должна была помочь решить в интересах последней проблему проливов и преградить путь экспансии западных стран на Восток. Поэтому Игнатьев выступал за всенародную поддержку Россией освободительных стремлений христиан и объединение их сил в борьбе с османами.

Н.П. Игнатьев видел главную задачу азиатской политики России в наступлении в глубь Средней Азии и вытеснении там влияния англичан, эмиссары которых уже

действовали в среднеазиатских ханствах. Он придавал большое значение завоеванию Средней Азии, считая, что «*в Азии — вся будущность России — политическая, торговая и промышленная*». По мысли директора Азиатского департамента МИДа, присутствие России в Средней Азии будет «*несравненно большими ручательствами сохранения мира, нежели содержание самой многочисленной армии в Европейской России и союз с европейскими государствами*». В случае же войны «*только в Азии мы можем вступить в борьбу с Англией с некоторою вероятностью успеха и повредить существованию Турции*», — утверждал бывший военный агент в Лондоне (Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории. М., 2006. С. 99—119).

Не находя понимания у Горчакова, опасавшегося, что слишком активная политика России вызовет создание против нее европейской коалиции, как это было во время Крымской войны, Игнатьев рсшил покинуть свой пост в МИДе и перейти на военно-административную службу. Военный министр Д.А. Милютин предлагал ему престижную должность во вновь создаваемом Степном округе (Зауральская степь) — место генерал-губернатора. Но Горчаков, подыскивавший кандидатуру на пост посланника в Константинополе, уговорил Александра II назначить туда Игнатьева, в противном случае грозил своей отставкой. Особенно задело министра то, что военное ведомство переманивало его кадры.

А.М. Горчаков описывал все преимущества нового назначения: Константинополь — важный центр международной политики, где посланник может принести огромную пользу России, повысить свой политический престиж и материальное положение, наконец, климат на берегах Босфора существенно отличается в лучшую сторону от условий Степного края, что имело значение для семьи посланника: в 1862 г. Игнатьев женился на одной из первых петербургских красавиц княжне Екатерине Леонидовне Голицыной, и у него уже был годовалый сын.

Итак, 14 июля 1864 г. Николай Павлович Игнатьев назначается чрезвычайным посланником и полномочным министром в Турции.

Это был не единичный случай подобной метаморфозы. Граф П.А. Шувалов¹⁰³ (генерал от инфантерии с 1887 г.) состоял «*военным агентом при Императоре французов*» с 17 апреля 1859 г. по 15 июля 1861 г. Спустя пятнадцать лет, отданых военной службе он — чрезвычайный и полномочный посол в Берлине и чрезвычайный посланник и полномочный министр при великолецких дворах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком (1 апреля 1885—13 декабря

1894 г.). Барон Н.В. Каульбарс 1-й¹⁰⁴ (генерал-лейтенант с 1894 г.) являлся военным агентом в Австрии (18 октября 1881 г. — 17 декабря 1886 г.), а со 2 сентября по 17 декабря 1886 г. одновременно исполнял должность дипломатического агента в Болгарии.

Не были исключением случаи, когда боевые офицеры назначались руководителями миссий в иностранные державы. Так, князь Н.С. Долгорукий (Долгоруков)¹⁰⁵ (генерал-лейтенант с 1896 г.) с должности командира полка был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Персидском дворе (25 октября 1886 г. — 18 ноября 1889 г.). Подобные назначения не могли не предопределить основную направленность деятельности миссии — сбор военной и военно-политической информации, что предполагало использование и не только гласных, но и негласных (с привлечением агентуры) методов работы.

Появление института военных агентов не отменило, однако, практику направления офицеров в зарубежные командировки для изучения иностранных армий. В первую очередь в зарубежные командировки с разведывательными целями направлялись лучшие выпускники Николаевской академии Генерального штаба и офицеры, причисляемые к Генеральному штабу, которые являлись выпускниками этой Академии. Так, в 1858 г. штабс-капитан М.И. Драгомиров¹⁰⁶ (выпускник Академии 1856 г.) был командирован за границу для изучения состояния военного дела. Во время итalo-французской войны Драгомиров состоял при штабе Сардинской армии. По возвращении на родину издал труд об этой войне, в котором подчеркивал решающее значение нравственного фактора, выдвинул требование учить и воспитывать, а не муштровать солдат. В 1866 г. полковник Драгомиров был командирован в качестве военного агента в прусскую армию, во время австро-пруссской войны состоял при Главной квартире прусской армии.

7 мая 1860 г. в такую командировку был направлен профессор кафедры военной статистики Николаевской академии Генерального штаба полковник Н.Н. Обручев¹⁰⁷, будущий руководитель военной разведки и начальник Главного штаба. Цель командировки состояла «в непосредственном ознакомлении с разнообразными явлениями территориальными, этнографическими и военными, что может считаться почти единственным и самым надежным средством к приобретению Вами более верного практического взгляда, как на самые эти явления, так и на отношение их к предмету Ваших академических занятий — военной статистики России».

Большую часть командировки Обручев провел во Франции. Здесь он ознакомился с системой обучения французских войск в связи с внедрением новой тактики ведения боевых действий.

В конце ноября 1860 г. Обручев получил разрешение посетить Англию в целях ознакомления с ее армией. Одним из итогов зарубежной поездки Обручева явились «Заметки о снаряжении пехоты 5 первостепенных европейских армий: русской, французской, английской, австрийской и прусской». Констатировав тот факт, что обмундирование русского пехотинца не отличалось особым удобством, Обручев предложил улучшить экипировку русского воина: уменьшить вес переносимого солдатом груза; уменьшить нагрузку на голову и на грудь (заменить каски и ранцы на широких ремнях, сдавливавших грудь и легкие); ввести легкое, удобное обмундирование (*Дашкуев М.Д. Указ. соч. С. 187—188*). 26 сентября 1862 г. Н.Н. Обручев вернулся в Петербург.

Летом 1864 г. Обручев «испросил» очередной отпуск с выездом для лечения на Киссингенские минеральные воды и морские купания для поправки здоровья. Ему было предложено совместить этот отпуск со служебной командировкой. Обручеву, в частности, было предложено собрать сведения «1) об аппликационной школе французского Генерального штаба; 2) об устройстве геодезических работ во Франции и, вообще, полезные данные для военной статистики; 3) встретиться с бароном Жамини и поговорить с ним о проекте нового устава Академии...; 4) собрать для библиотеки академии некоторые новые книги». Полковник Обручев выполнил возложенное на него поручение.

Аппликационные школы — высшие учебные заведения во Франции, куда принимались офицеры для приобретения специальных военно-технических знаний. Одной из старейших аппликационных школ являлась артиллерийская и инженерная аппликационная школа.

В 1873 г. Н.Н. Обручев был командирован в Турцию, Германию и Австро-Венгрию с целью сбора сведений о составе и организации вооруженных сил этих государств.

Через год будущий военный министр штабс-капитан А.Н. Куропаткин¹⁰³ (выпускник Академии Генерального штаба этого же года) в качестве поощрения был командирован в Алжир, где находился около года и принял участие в военной экспедиции французской армии в Большую Сахару. Итогом пребывания в

Северной Африке стала первая большая научная работа Куропаткина «Алжирия», опубликованная в 1877 г.

3.2. «Утвердить в виде опыта на два года» — 27 сентября (9 октября) 1863 г.

В ходе военных реформ 1860-х — 1870-х гг. в армии была воссоздана и развита единая централизованная структура разведки. Генеральный штаб русской армии к началу 1860-х гг. представлял собой орган военного управления и командования, включавший в себя центральное управление в составе Военного министерства, и войсковое управление — от штабов отдельных бригад, дивизий и корпусов до, впоследствии, штабов военных округов. Что же касается предназначения Генерального штаба, то в «Своде военных постановлений 1859 г.» было указано, что он служит, во-первых, вспомогательным органом, начиная от начальника дивизии и выше «*по всем отраслям управления войсками*», во-вторых, «*для занятий военно-научными работами, нужными для подготовки к войне и для самой войны*», и, в-третьих, для заведования в Военном министерстве такими отраслями делопроизводства, которые по своему характеру требовали «*особой подготовки или вообще высшего военного образования*» (*Кавтарадзе А. Из истории русского генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75—80*).

Для выполнения этих задач в Военном министерстве, в войсках и за рубежом предусматривались специальные штатные должности, подлежащие замещению офицерами Генерального штаба.

27 сентября (9 октября) 1863 г. император Александр II *«высочайше соизволил утвердить в виде опыта на два года Положение и Штаты Главного Управления Генерального Штаба»* (ГУГШ) как центрального органа управления в составе Военного министерства (Приказ Военного министра № 349 от 16 октября 1863 г. // Сборник приказов Военного министра за 1863 г. СПб., 1864). Департамент Генерального штаба и Военно-топографическое депо были объединены в единое учреждение, получившее название Главного управления Генерального штаба. Странное объединение, если учесть, что Военно-топографическое депо с 1836 г. уже входило в состав департамента Генерального штаба. Как бы то ни было, с этого момента — 27 сентября (9 октября) 1863 г. — в России, несмотря на все последующие организационные преобразования и даже смены общественно-

политического строя, существуют на постоянной основе специальные центральные органы военной разведки. Согласно «Положению» были образованы два органа, на которые возлагались разведывательные функции. Это 3-е (Военно-ученое) и 2-е (Азиатское) отделения ГУГШ (Приложение № 7).

В функции Военно-ученого отделения (ведавшего главным образом разведкой европейских государств. — Примеч. авт.) входило в числе прочих «собирание верных и подробных сведений о военных силах и способах России и иностранных государств», «переписка с нашими заграничными военными агентами», «составление соображений по военно-статистическим работам и военно-ученым экспедициям, а также смет и инструкций для экспедиций и вся вообще по сим последним переписка».

На Азиатское отделение в этом плане возлагались «сообщение и составление военно-статистических сведений о наших пограничных с Азией областях и о прилежащих к ним Азиатских владениях», «военно-дипломатические сношения с соседними с Россиею Азиатскими владениями», «переписка по снаряжению военно-ученых и других экспедиций в вышеупомянутые страны» (там же).

Создание Азиатского отделения, т.е. подразделения не по отраслевому, а географическому признаку, явилось показателем резко возросшего количества дел, связанных с «восточным» направлением внешней политики Российской империи и усилением роли Военного министерства в решении внешнеполитических вопросов. С целью решения военных вопросов в Азии еще за четыре года до описываемых событий в Департаменте Генерального штаба в 1859 г. было создано временное отделение по делам Кавказской армии, отдельных корпусов Оренбургского и Сибирского и войск, расположенных в Восточной Сибири.

Напомним, что собирание военно-статистических сведений об иностранных государствах, как следовало из уже упоминавшейся работы «Первые опыты военной статистики» Д.А. Милютина, включало в себя освещение следующих вопросов:

«1) Обозрение целого государства в военном отношении, то есть рассмотрение общих основных сил его или так называемых элементов (территория, народ, государственное устройство) с военной точки зрения и в той степени, сколько может она влиять на военную силу целого государства.

2) Исследование вооруженных сил сухопутных и морских, равно как и всех способов к устроению их, снабжению, содержанию и приготовлению к военному

времени. Главные вопросы — сколько, и каких именно войск в мирное время, мобилизация войск и средств и сосредоточение.

3) Частное исследование стратегического положения государства по театрам войны против той или иной державы с различными более вероятными целями и обстоятельствами. Театры определяются на основании существующих политических комбинаций в связи с естественными рубежами» (Медведев А. Всеподданнейшая отчетность о военной статистике России. СПб., 1913. Т. I. С. 9—10).

Помимо изучения иностранных вооруженных сил и вероятных театров войны, на военную разведку возлагались задачи сбора политической и экономической информации в той части, в какой эта информация была связана с угрозой национальной безопасности и интересам России, а также с военным потенциалом иностранного государства.

По штату, введенному «Положением» исключительно «в виде опыта на два года», Военно-ученое отделение ГУГШ имело всего четырнадцать, а Азиатское — восемь должностей. Добывающие и обрабатывающие функции специальных центральных органов военной разведки в документе не были ни выделены, ни организационно закреплены.

Специальные центральные органы военной разведки в армии были первоначально сформированы в качестве эксперимента на короткий срок, однако принятая структура оказалась достаточно эффективной и жизнестойкой, что предопределило ее сохранение в дальнейшем уже на постоянной основе без коренных изменений.

К зарубежным силам обоих отделений Главного управления Генерального штаба относились военные агенты при российских представительствах за границей, а также лица из состава военно-ученых экспедиций, направлявшихся для сбора военно-статистических сведений в приграничные районы России и прилегающие к ним территории иностранных государств. Вне поля зрения авторов «Положения» остался сице один, уже существующий компонент военной зарубежной разведки — отдельные офицеры (чаще всего Генерального штаба), командируемые под разными предлогами за границу с разведывательными целями.

Создание на постоянной основе центральных органов военной агентурной разведки в русской армии с подчиненными им зарубежными силами и средствами впервые позволило военному ведомству самостоятельно организовывать и непрерывно вести разведку иностранных государств как в мирное, так и в военное время.

Завершилось выделение военной разведки, включая зарубежную агентурную разведку, как особого вида деятельности вооруженных сил.

С этого момента МИД, преемник Коллегии иностранных дел и Посольского приказа, перестал быть основным в России организатором сбора разведывательной информации военного характера за границей, но отнюдь не перестал участвовать в добывании разведывательной информации, в том числе и в интересах военного ведомства. Правда, в последнем случае добывание организовывалось не централизованно, как это осуществлялось ранее, а зависело во многом от частной инициативы дипломатических сотрудников на местах. В 1870-х гг., когда заметно активизировалась российская политика в Средней Азии и шла борьба с поисками англичан в этом регионе, российский посол в Тегеране получал детальные сведения о тайных замыслах и действиях англичан не только от своих консулов, имевших многочисленную агентуру в туркменских племенах, которые англичане постоянно пытались натравить на Россию, но и непосредственно от персидского министра иностранных дел. И это был далеко не единичный случай.

К 1865 г. зарубежные силы воинной агентурной разведки русской армии были представлены главным образом военными агентами, которые состояли при миссиях России «в следующих столицах: в Париже — флигель-адъютант полковник князь Витгенштейн¹⁰⁹, в Вене — генерал-майор барон Торнау, в Берлине — генерал-адъютант граф Адлерберг З-й, во Флоренции Генерального штаба генерал-майор Гасфорд¹¹⁰, в Лондоне — кавалергардского полка полковник Новицкий¹¹¹, в Константинополе — гвардейской артиллерии полковник Франкини» (Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 37967. Оп. 9. Д. 1. Л. 2).

Первое появление термина «военный агент» следует отнести к концу 50-х гг. XIX века — в «Списках полковникам по старшинству» за 1859 г. применительно к полковнику Гасфорту Всеволоду Густавовичу встречается: «испр[авляет] должность военного агента в Париже» (спустя два года после отзыва Альбединского все еще не могли найти ему замену). В 60-х гг. XIX века происходит международно-правовое оформление института постоянных военно-дипломатических представителей, аккредитованных при иностранных правительствах. Они причисляются к дипломатическому корпусу и пользуются всеми его правами: экстерриториальность, дипломатическая неприкосновенность и т.д. Однако к этому времени в международном праве отсутствует единообразная терминология в наименовании таких представителей (так, во Франции офицеры, «прикрепленные к посольству и

используемые для дипломатических поручений», называются атташе — буквально с французского «прикрепленный»).

По-прежнему с задачами изучения сопредельных государств отправлялись офицеры в секретные командировки. 29 мая 1858 г. из Семипалатинска в Восточный Туркестан отправился инкогнито («под видом восточного купца») поручик русской службы, сын казахского султана Чокан Чингисович Валиханов¹¹², находившийся в распоряжении генерал-губернатора Западной Сибири (1835—1865 гг.). Посездка в Кульджу позволила ему собрать сведения по географии и этнографии одной из западных окраин цинского Китая, чему способствовало знание им нескольких восточных языков.

В 1858—1859 гг. Валиханов побывал в Кашгаре, где над ним висела смертельная угроза разоблачения. Истинная цель его поездки сводилась к «изучению наиболее удобных путей сообщения с Кашгаром, а также сбору на месте сведений о стране, имеющей для... [России] важное политическое значение» (АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1858 г., л. 217об.—218). В ходе миссии, к которой он заранее тщательнейшим образом готовился, изучая материалы, связанные с поездками своих предшественников, Валиханов собрал очень интересные и важные сведения о Кашгаре и прилегавших к нему городах — их политическом и экономическом положении, состоянии местных военных сил, возможностях установления прямых связей с Россией.

В связи с тем что «*Положение и Штаты Главного Управления Генерального Штаба*» 1863 г. были введены «в виде опыта на два года», то очередная реорганизация высшего военного управления, которая вновь вызвала переименование и соответствующее переподчинение центральных разведывательных органов, прилась на 1865 г.

31 декабря 1865 г. было «высочайше» утверждено «временное Положение о Главном штабе». «Опыты» над высшим военным управлением продолжались. Главное управление Генерального штаба было объединено с Инспекторским департаментом Военного министерства в «одно управление» — Главный штаб. Военно-топографическая часть ГУГШ «выделялась» в «особое учреждение» — Военно-топографический отдел Главного штаба. Не выполнивший ранее никаких административных функций, Главный штаб Е.И.В. упразднялся. «К кругу действий» Инспекторского департамента принадлежали по организации 1836 г. «укомплектование войск, определение, увольнение и производство генералов, штаб

и обер-офицеров, надзор за благосостоянием войск в строевом отношении, и учет людей, военную силу составляющих».

Согласно приказу военного министра от 31 декабря 1865 г., в Главный штаб вошли семь отделений (Приложение № 8). После реорганизации 1865 г. упомянувшееся выше 3-е (Военно-ученое) отделение ГУГШ стало 7-м (Военно-ученым) отделением Главного штаба, на которое была возложена, среди прочих, задача «сборания сведений об иностранных армиях» (Приказы по военному ведомству (далее: ПВВ). СПб., 1865. № 471).

«Для сборников сведений об иностранных армиях, — пояснялось в Положении о 7-м отделении Главного штаба, — ...материалами служат:

а) ...Сочинения, обнимающие организацию и хозяйство сих армий, а также лучшие заграничные периодические издания;

в) Донесения посланников, сообщаемые Генеральному штабу Министерством иностранных дел;

с) Военные агенты....» (РГВА.Ф. 37967. Оп. 9. Д. 1. Л. 1—8).

Приказом начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена от 12 января 1867 г. учреждалась должность Управляющего делами Совещательного комитета и особая канцелярия в составе пяти делопроизводителей. Этим же приказом 7-е (Военно-ученое) отделение было передано в состав Совещательного комитета и сформировало канцелярию Совещательного комитета (Приложение № 9), сформированного для того, чтобы направлять «ученую деятельность Генерального штаба и корпуса военных топографов по всем отраслям их специальности» (ПВВ. СПб., 1868. № 103). Совещательный комитет 30 марта того же года был переименован в Военно-ученый комитет (ВУК) Главного штаба (Приложение № 10).

Впервые комитет с таким названием был образован при военном министерстве в качестве особого учреждения — «Особенные установления», — непосредственно подчиненного военному министру в 1812 г. Цель учреждения комитета заключалась в «усовершенствовании ученой части военного искусства и в распространении военно-научных сведений в войсках». В 1836 г. ВУК подразделяется на три отделения: генерального штаба, артиллерийское и инженерное. В 1862 г. ВУК упраздняется, взамен его в 1863 г. при Главном управлении Генерального штаба был учрежден Совещательный комитет.

Азиатская часть, переименованная в 1867 г. из Азиатского отделения, стала подразделением Главного штаба. Функции Азиатской части определялись сле-

дующим образом: «*В Азиатской части сосредоточиваются дела, касающиеся военных округов: Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанского, а именно: 1) по составлению предположений о занятиях и действиях войск в означенных краях империи и составление из военных журналов известий для обнародования; 2) по устройству там военно-народных управлений, а также укреплений и путей сообщения; 3) по снаряжению туда военно-ученых и других экспедиций»* (Приказ военного министра № 103 от 30 марта 1867 г. // Сборник приказов по военному ведомству за 1867 год. СПб., 1868). Ее штат был сокращен до двух сотрудников — «заведующего азиатскими делами» и его помощника, за счет перераспределения части прежних обязанностей Азиатского отделения между другими подразделениями Главного штаба. Подобная «новация», безусловно, не могла не оказать отрицательного влияния на качество отслеживания состояния «восточных» дел военным министерством. Прежде всего это относилось к проблеме присоединения Средней Азии к России. Именно военные круги в этот период претендовали на важную роль в планировании среднеазиатской политики российского правительства. При этом на фоне умаления места азиатской части наиболее дальновидные военные, а именно к таким принадлежал военный министр Д.А. Милютин (1681—1881 г.), отдавали себе отчет в том, что для борьбы за присоединение Средней Азии необходимо всестороннее научное изучение этого края. Без точного представления о географии и природных ресурсах Туркестана, о быте и обычаях среднеазиатского населения, наконец, об истории этих народов невозможно успешное решенис политических задач. В письме к туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману от 5 июня 1870 г. Д.А. Милютин писал: «*Малая известность этого края, разнообразие богатств природы, начинающееся развитие промышленности, быт среднеазиатского населения, в среду которого мы впервые проникли так далеко и т.д., — все это представляет богатый и интересный материал для исследований.*».

Разведывательные функции Азиатской части были ограничены статистическим изучением вновь присоединенных территорий в Средней Азии и на Кавказе. Задачи же «*составления военно-статистических сведений*» об азиатских странах должны были решаться, насколько это было возможно, в Канцелярии ВУКа.

Образование Туркестанского генерал-губернаторства благодаря К.П. Кауфману вызвало в крае оживленную деятельность по исследованию края. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественно-историческом и

статистическом отношении, но были также приняты меры для изучения и его прошлого. Наделенный правом осуществления самостоятельных внешних сношений со странами, граничившими с Туркестанским генерал-губернаторством, генерал-лейтенант Кауфман организовывал военно-научные экспедиции для изучения сопредельных территорий.

Как и в некоторых районах Кавказа, в Туркестанском генерал-губернаторстве было введено так называемое военно-народное управление. Согласно этой системе, вся полнота власти была сосредоточена в руках генерал-губернатора, одновременно командующего войсками военного округа, подчинявшегося непосредственно военному министру. На все основные административные посты также назначались офицеры, а «народность» состояла лишь в том, что на низшие административные должности допускались избираемые местным населением лица с последующим утверждением кандидатур военными властями. Таким образом, вся жизнь Туркестанского края, в том числе и научная деятельность, направлялась военным ведомством. Примером могут служить экспедиции известного путешественника А.П. Федченко в 1868—1871 гг.

В результате был собран обширный материал по физической географии и геологии, флоре и фауне, антропологии и этнографии восточной части Туркестанского края, осуществление которых стало возможным благодаря организационной и материальной помощи штаба Туркестанского военного округа и Азиатской части Главного штаба.

1 января 1869 г. Александром II утверждается «Положение о Военном министерстве», закрепившее итоги длительного процесса реформирования центрального аппарата военного ведомства (Приложение № 10) (Приказ по военному ведомству № 1 от 2 января 1869 г. // Сборник приказов по военному ведомству за 1869 год. СПб., 1870; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. Отделение 1. СПб., 1873. № 46611). Впервые было заявлено, что «*верховное начальствование над всеми военно-сухопутными силами Империи сосредотачивается в Особе Государя Императора*». Предметом деятельности Главного штаба в том числе являлось заведование геодезическими работами военного ведомства, составление карт, планов и военно-статистических описаний местности «*как внутри Империи, так и на границах ее в отношении к видам военным*». Главный штаб должен был содержать «*все карты и планы, как России, так и иностранных государств, а также подробные сведения о средствах сих последних в военном отношении*».

Согласно «Положению», одним из направлений деятельности Военно-ученого комитета являлось *«а) составление соображений и рассмотрение инструкций по частям: военно-ученой, статистической и геодезической; б) рассмотрение предположений, изобретений и сочинений, относящихся до усовершенствования частей Генерального штаба и Корпуса топографов, а также рассмотрение сочинений, предназначаемых для войск; в) наблюдение за собранием подробных сведений о способах России и иностранных государств в военном отношении»*. К обязанностям же личного состава Канцелярии ВУК (бывшее 7-е Военно-ученое отделение Главного штаба) было отнесено *«собирание военно-статистических сведений о России и об иностранных государствах; переписка по делам, возбужденным в Комитете, а также по делам, касающимся военных агентов и редакций повременных изданий»* (Свод военных постановлений 1869 г. Изд. второе. СПб., 1893. С. 34—35).

3.3. Изучение стран Азии и Дальнего Востока

С утверждением в 1869 г. нового Положения о Военном министерстве Азиатская часть сохраняет свои функции, равно как и штатный состав (Приложение № 11). В Азиатской части по-прежнему *«сосредотачиваются дела, касающиеся военных округов: Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанского»*, включая *«составление из военных журналов известий для обнародования»* и *«спаривание военно-ученых и других экспедиций»* (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 646. Л. 153). По-прежнему разведывательные функции Азиатской части состоят в созиании статистических сведений в Средней Азии, на Кавказе и в Сибири. Разведывательные функции в части сопредельных с Россией в этом регионе государств возлагаются в основном на Канцелярию Военно-ученого комитета. На местах же — в штабах военных округов — соответствующих структур пока создано не было.

Силами Канцелярии ВУКа издавались сборники материалов по азиатским государствам, в том числе и по вооруженным силам этих стран. При составлении этих сборников использовались данные, поступавшие из Азиатской части. Реально же участие части в разведывательной деятельности сводилось к решению общих организационных вопросов и оказанию в отдельных случаях помощи руководству военных округов в согласовании работ по *«исследованию»* сопредельных с Россией территорий с Министерством иностранных дел. Отсутствие общего

руководителя, если таковым не считать начальника Главного штаба, отнюдь не облегчало взаимодействие двух структурных подразделений разведки, если таковое, вообще, существовало.

Создание в ходе реформы нового управленческого звена — военных округов явилось организационной предпосылкой для постепенного развития и нового звена в структуре военной разведки — разведывательных органов приграничных военных округов. Однако в 60—70-е годы военное руководство еще не испытывало потребности в постановке перед командованием и штабами округов задач по ведению самостоятельной разведывательной деятельности. Окружные штабы силами офицеров Генерального штаба занимались «внутренними» работами — «военно-статистическими» исследованиями территорий округов как вероятных театров военных действий. К тому же отсутствие в структуре окружного штаба специального органа службы Генерального штаба объективно бы препятствовало организации разведывательной деятельности. По штатам военно-окружных управлений при начальнике штаба округа было положено иметь одного помощника, на которого бы возлагались функции существовавших ранее в штабах армий генерал-квартирмейстера и дежурного генерала.

Под влиянием начавшейся Крымской (Восточной) войны в конце 1853 г. была сделана вторая попытка ввести преподавание восточных языков в высшем военно-учебном заведении России — Императорской военной академии, с 30 августа 1855 г. — Николаевская Академия Генерального штаба (первая попытка была предпринята в 1849 г., но окончилась безрезультатно). Профессор Петербургского университета, известный востоковед А.К. Казем-Бек, обратился через попечителя учебного округа к военному министру с предложением открыть для слушателей Академии и офицеров Генерального штаба временный курс турецкого языка. Занятия турецким языком должны были проводиться три раза в неделю в течение четырех месяцев с группой офицеров числом не более 50. Кроме лекций самого профессора предполагались практические занятия под руководством помощников Казем-Бека — Гуссейна Фейз-хана и Ибн-и Ямина. Преподаватели изъявили готовность трудиться совершенно безвозмездно. Одновременно Казем-Бек предлагал издать написанное им пособие для офицеров, изучающих турецкий язык. Им были составлены план учебного пособия и программа занятий офицерского курса. Пособие включало грамматику турецкого языка с указанием диалектных особенностей европейской и азиатской Турции, хрестоматию разговорного и ли-

тературного языка и русско-турецкий словарь. Ввиду того что издание пособия требовало времени и средств, было решено, чтобы не откладывать начало занятий, применять для самостоятельной подготовки слушателей литографированные рукописи лекций Казем-Бека. Всего за время существования кафедры турецкого языка в Академии с декабря 1853 г. по июль 1854 г. для офицеров было прочитано более 60 лекций, которые в литографских списках (около 150 экз.) сохраняли значение учебного пособия и после окончания курса. Тогда же Казем-Бек завершил работу над учебником. В качестве учебного пособия использовался вышедший вторым изданием русско-турецкий разговорник О.И. Сенковского, составленный еще в период Русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Крымская война стимулировала в военном ведомстве изучение не только Османской империи и турецкого языка. То обстоятельство, что Англия играла роль главного организатора, вдохновителя и прямого участника антирусской коалиции, породило большое количество различных проектов «похода на Индию». В докладной записке от 28 февраля 1856 г. по Департаменту Генерального штаба, где анализировались подобные проекты Н.Е. Торнау, И.Ф. Бларамберга, С.А. Хрулева и М.И. Погодина, прямо указывалось: *«Нельзя отвергать, что в рассмотренных записках заключается много мыслей дальних и полезных, но если изложенные в них предложения разобрать с точки зрения практической, то можно опровергнуть оные в самых основаниях»* (РГВИА.Ф. 846. Оп. 16. Д. 18297. Л. 15). Помимо политической несостоятельности подобной экспедиции, она была невыполнима и чисто практически: ее организация потребовала бы таких сил и средств, которыми царское правительство не располагало (оно не сумело обеспечить всем необходимым даже свою армию в Крыму). Н.П. Игнатьев разделял идею если не похода на Индию, то создания угрозы Индии. В этой связи он предложил план укрепления России сначала в Восточном Туркестане, а затем организовать поход в сторону Индии с тем, чтобы держать Англию «на поводке». Этому плану сочувствовал и военный министр Д.А. Милютин, который предложил министру иностранных дел А.М. Горчакову хотя бы распустить слухи о походе.

Для изучения стран Среднего Востока «индийские проекты», несмотря на всю их несуществимость, сыграли тем не менее важную роль. Они привлекли внимание департамента Генерального штаба к этому региону, побудили российских офицеров к более серьезному изучению среднеазиатских государств, Персии, Афганистана и Индии. Ярким примером серьезного исследования явилась работа

генерал-лейтенанта А.О. Дюгамеля «Докладная записка о путях, ведущих из России в Индию», составленная на французском языке в 1854 г. С 1820 г. Дюгамель служил в Генеральном штабе, участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг., а затем неоднократно выполнял различные военно-политические поручения на Востоке. В 1833—1838 гг. он был русским консулом в Египте, в 1838 г. сменил И.О. Симонича на посту посланника в Персии, где оставался до 1841 г. В 40—50-х гг., накануне Восточной войны, Дюгамель неоднократно бывал в Молдавии и Валахии, в Европейской Турции. Он был достаточно хорошо осведомлен о тех сложных политических механизмах, которые лежали в основе «восточного кризиса».

Не разделяя авантюристических настроений иных проектеров, он подчеркивал в своей докладной записке, что для успешного противодействия английской политике на Среднем Востоке необходимо тщательно изучить этот регион в географическом, этнографическом и политическом отношении. Первую часть работы Дюгамель посвятил истории завоевательных походов в Индию (начиная с Александра Македонского и до Надир-шаха Афшара), а также анализу современного положения Персии, Афганистана и Северо-Западной Индии. Во второй части давалось подробное описание важнейших путей, соединяющих Среднюю Азию и Закавказье с Индией. При этом автор использовал материалы многих военных востоковедов, в том числе И.Ф. Бларамберга, Г.И. Данилевского, Е.К. Мейендорфа, английских путешественников, а также материалы об англо-афганской войне 1838—1842 гг. Таким образом, работа была выполнена на довольно высоком научном уровне и свидетельствовала о стремлении автора обобщить опыт, накопленный отечественным и зарубежным практическим востоковедением.

Пристальное внимание к колониальной политике европейских держав, особенно к военным акциям Англии и Франции в Азии и Африке, побудило военное ведомство России уже вскоре после заключения Парижского мирного договора 1856 г. направить во Францию двух преподавателей Николаевской Академии Генерального штаба, подполковников В.М. Аничкова и А.И. Берсона (последний, кстати, был в числе слушателей курса турецкого языка Казем-Бека). В программу их командировки, кроме ознакомления с французскими военными учреждениями, входила поездка в Алжир. Отчет офицеров об этой поездке включал очерк о военной и гражданской администрации Алжира, характеристику местных племен и описание военных действий в 1857 г. в Кабилии. (История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 137—139).

Во второй половине XIX в. объектом изучения Военного министерства становится российский Дальний Восток, а также Китай и Япония.

Весьма важным вопросом российское правительство считало укрепление своих позиций в Приамурье. Особую остроту эта проблема приобретала после того, как в результате «огнумных войн» началось колониальное закабаление Китая западными капиталистическими державами. Возникла угроза проникновения на Амур кораблей Англии, Франции и США. В 1849 г. экспедиция Г.И. Невельского обследовала устье Амура и о-в Сахалин, в 1850 г. на Амуре был основан пост Николаевск, а в 1853 г. — военный пост на Сахалине. По Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам с цинским Китаем Приамурье и Уссурийский край вошли в состав России. Присоединение этих областей было достигнуто дипломатическим путем (благодаря переговорам с китайской стороной офицеров армии и флота Н.Н. Муравьева, Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева). Военные же сыграли главную роль в изучении и освоении этих земель, особенно на первом этапе. Успеху исследовательских работ в значительной мере способствовало то, что среди русских офицеров, оказавшихся на Дальнем Востоке, были люди, целиком посвятившие свою жизнь беззаветному служению науке и чей вклад в отечественное востоковедение трудно переоценить. Прежде всего здесь следует назвать имена М.И. Венюкова и Н.М. Пржевальского.

В 1856 г. поручик М.И. Венюков¹¹³ окончил Николаевскую Академию Генерального штаба и был направлен в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Летом 1857 г. он участвовал в поездке Муравьева на Амур, а в следующем году ему было поручено возглавить экспедицию с целью обследования р. Уссури. Это была первая самостоятельная экспедиция Венюкова, положившая начало его многочисленным путешествиям по Азии. Уже подготовка к ней выявила в этом 25-летнем офицере качества серьезного исследователя. Получив задание, он «счел долгом немедленно заняться собиранием и изучением источников, какие только существуют для географии этой далекой и малоизвестной страны и озабочиться доставлением тех из них в Иркутск, которые можно было доставить только в богатой учеными средствами столице». Начинающий исследователь изучал материалы экспедиций Ж.-Ф. Лаперуз и Броутона, Г.И. Невельского и других русских моряков. Большую помощь ему оказал выдающийся русский китаист В.П. Васильев.

Результатом экспедиции Венюкова явилось «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря», опубликованное в «Записках Восточно-Сибирского отдела РГО (Русского географического общества. — Примеч. авт.)», затем в «Вестнике» того же РГО, а десять лет спустя (в 1868 г.) включенное автором в книгу своих «Путешествий по окраинам русской Азии». В «Обозрении» содержался материал по физической географии края, быту нанайского населения, характеризовались отношения нанайцев с маньчжурскими властями. В связи с этой работой вице-президент Русского географического общества П.П. Семенов-Тян-Шанский назвал М.И. Венюкова «первым пионером» обстоятельного географического исследования почти всего течения реки Уссури. Венюкову принадлежит также очерк об освоении Приамурья в 1857—1858 гг., опубликованный в 1879 г. в журнале «Русская старина».

В 1867—1869 гг. изучение Уссурийского края было продолжено штабс-капитаном Н.М. Пржевальским¹¹⁴, для которого, как и для Венюкова, это было началом деятельности в качестве путешественника-востоковеда. Ко времени перевода по службе из Варшавы на Дальний Восток Пржевальский уже закончил Николаевскую академию Генерального штаба, написал учебник географии для военных училищ, составил Военно-статистическое обозрение Приамурского края и был избран действительным членом Русского географического общества. Служба в Восточной Сибири позволяла ему сочетать служебные дела с научными интересами. Он писал: «Счастье улынулось мне здесь на первых же порах. Едва в апреле 1867 г. я приехал в Иркутск, как благодаря радушному содействию со стороны сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества и просвещенному соживанию ко всякому научному стремлению бывшего начальника штаба здешних войск, ныне покойного генерал-майора [Болеслава] Кукеля через месяц по приезде я уже получил командировку в Уссурийский край, который составляет лучшую и наиболее интересную часть наших амурских владений. Служебная цель этой командировки заключалась в различных статистических изысканиях, рядом с которыми могли идти и мои личные занятия, имевшие предметом посильное изучение природы и людей нового, малоисследованного края». Результатом двухлетней исследовательской работы Н.М. Пржевальского стала его книга «Путешествие в Уссурийском крае», где нашли отражение топография, климат, животный и растительный мир, состав и быт населения Приморья. Любопытные сведения

автор привел и о пришельцах-корейцах, оставивших из-за голода свою родину, и о китайцах-отходниках.

Среди актуальных задач военного востоковедения на Дальнем Востоке было изучение сопредельных с Россией Китая и Японии. Что касается последней, то информация об этой стране, только с 50-х годов открытой для европейцев, была совершенно ничтожной. Инициатива военно-статистического исследования Японии принадлежала М.И. Венюкову, у которого к этому времени уже накопился немалый опыт путешествий по различным районам Азии. В 1868 г. он сделал попытку во время предоставленного ему на службе длительного отпуска побывать в Японии, но по ряду причин эта попытка не увенчалась успехом. Тем не менее на основе изученных источников и материалов Венюков написал «Очерки Японии». В 1869 г. они были изданы в Петербурге.

Один экземпляр книги был представлен автором военному министру Д.А. Милютину. В сопроводительном письме Венюков, в частности, писал: «*Вместе с тем я позволю себе принести вашему высокопревосходительству просьбу, исполнение которой, составляя цель моих занятий в течение пятнадцати лет, дало бы мне возможность представить, наконец, результаты их на общую пользу. При естественной необходимости иметь всегда в военном ведомстве статистические сведения о соседних нам странах Востока, не будет ли признано возможным дать мне какое-либо назначение при наших миссиях в Китае и Японии, где я мог бы с полным вниманием посвятить себя изучению этих государств, как делу, отчасти уже знакомому и, быть может, не бесполезному для правительства и всего русского общества?*» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. 1869 г. Д. 11. Л. 1об.—2). Военный министр прореагировал следующим образом: «*Действительно могло бы быть полезным пребывание полковника Венюкова в Китае и Японии в продолжение нескольких лет. Можно спросить об этом мнение госуд. канцлера. За доставление книги прошу благодарить.*». Запрос в МИД не дал, однако, положительных результатов. Не возражая в принципе против командировки, А.М. Горчаков отказался участвовать в ее финансировании, а директор Азиатского департамента указывал, «*что дом миссии нашей в Пекине так мало поместителен, что вряд ли окажется возможным предоставить г-ну Венюкову помещение в нем.*»

Дипломаты давали понять, что не одобряют вторжение военных в сферу их деятельности. Но это не остановило Милютина. Был составлен доклад по Главному штабу на «высочайшее имя», в котором говорилось: «*Во всех первостепенных и*

пограничных с Россией европейских государствах Военное министерство имеет агентов, на которых возложено собирание сведений о сухопутных и морских силах. По отношению же к смежным азиатским странам, где недостаток карт и предварительных исследований делает в особенности важным собирание сведений не только о вооруженных силах, но и о географии, топографии и статистике государств, Военное министерство лишено ныне средств к удовлетворению своих потребностей». Подобные аргументы подействовали: Военному министерству было разрешено выделить средства на двухгодичную командировку Венюкова в Китай и Японию.

12 июня 1869 г. от него было получено первое донесение из Гонконга, а уже 17 июля — из Японии. В дальнейшем донесения Венюкова регулярно поступали в Военно-ученый комитет, ведавший в тот период перепиской с военно-дипломатическими представителями России за границей. В донесениях среди прочих вопросов освещались состояние вооруженных сил Японии и роль европейских инструкторов в создании регулярной японской армии и флота. После возвращения Венюкова из командировки им было издано «Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии». В основу новой книги легли вышедшие ранее «Очерки Японии», дополненные автором личными наблюдениями. Особое значение имела вновь написанная гл. 8 «Государственное устройство и управление». М.И. Венюков посетил Японию в переломный для страны момент, когда после революции Мэйдзи (1867—1868) складывался новый государственный аппарат и началось развитие капиталистических отношений, проходившее в острой борьбе с феодализмом. «Обозрение Японского архипелага» было первой в русской научной литературе работой, отразившей эти процессы.

В 70—80-х гг. XIX века Военное министерство еще несколько раз обращало внимание на состояние вооруженных сил и характер внешней политики Японии, что было вызвано обострением японо-корейских и японо-китайских отношений. Однако это внимание ограничивалось запросами в МИД о присылке копий консультских донесений. Серьезных же попыток к научному изучению Японии в военном отношении не предпринималось вплоть до японо-китайской войны 1894—1895 гг., показавшей, что в лице Японии Россия получила достаточно сильного соперника на Дальнем Востоке.

В 60—70-х гг. учреждения военного ведомства, имевшие отношение к Азии, занимались вопросами, связанными с событиями, происходившими в Северо-

Западном Китае. Речь идет об охватившем этот регион восстании дунган (хуэй). Огромный размах восстания и его близость к границам России определяли тот интерес, с которым в Азиатской части Главного штаба и Военно-ученом комитете относились к получаемой с мест информации. В основном сведения поступали из штабов Западно-Сибирского и Туркестанского военных округов. Предпринимались также попытки более подробного изучения причин, хода и перспектив восстания.

В мае 1870 г. президент Петербургской Академии наук и вице-президент Русского географического общества Ф.П. Литке обратился с письмом к Д.А. Милютину с просьбой о содействии в организации экспедиции штабс-капитана Генерального штаба Н.М. Пржевальского в Северный Китай. Среди прочих соображений о пользе этой экспедиции Литке указывал: «*Если, как предполагается, ему удастся достичнуть до северо-восточной окраины той области, которую в настоящее время охватило мусульманское восстание в Китае, то есть полное основание надеяться, что он сумеет собрать более или менее положительные данные об этом восстании. Императорское Русское Географическое Общество, которое успело обнародовать первые сведения об этом восстании (статья А.К. Гейнса в Известиях общества за 1867 г.), считало бы вполне согласным со своей задачей воспользоваться настоящим случаем, чтобы хотя сколько-нибудь пролить свет на происходящие в центре Китая события, о которых в последнее время до нас доходят только самые неопределенные слухи.*

Интересы РГО и Военного министерства в данном случае совпадали. Резолюция Миллютина гласила: «Надобно оказать всё возможное содействие этому предприятию». В ответ на доклад Военно-ученого комитета было получено «высочайшее» разрешение финансировать трехлетнюю командировку штабс-капитана Пржевальского и подпоручика Пыльцова. Так началось второе (или первое по Центральной Азии) путешествие Н.М. Пржевальского (1870—1873) — феноменальное по длительности и протяженности маршрута (около 12 тыс. км караванного пути). Затем последовали его Лобнорская и Джунгарская экспедиции (1876—1877), а также два путешествия в Тибет (1879—1880; 1883—1885). Последнее, шестое, путешествие Пржевальскому осуществить не удалось: в ходе его подготовки в 1888 г. Николай Михайлович скончался.

Результаты путешествий, обобщенные в его научных трудах, составили целую эпоху в развитии мировой географической науки. В очерке, посвящен-

ном 50-летнему юбилею РГО, В.А. Обручев указывал: особенность экспедиций Н.М. Пржевальского «состояла в том, что, организуя их по-военному, он не допускал в их состав исследователей, не облеченные в военный мундир, опасаясь с их стороны неповиновения, которое могло бы расшатать дисциплину всего отряда» (*Обручев, 1897, с. 30*). Автор очерка к подобному подходу относился отрицательно, поскольку среди военных не всегда можно было найти специалистов в некоторых областях знаний, например в геологии. Представляется, однако, резонность в стремлении такого опытного путешественника, как Пржевальский, поддерживать в своих экспедициях строгую военную дисциплину. Кому, как не ему, было знать, в каких порой экстремальных условиях мог оказаться его немногочисленный отряд, продвигавшийся по таким районам Азии, где не ступала нога европеца.

Роль Военного министерства и русских офицеров в изучении Центральной Азии столь велика, что эта тема заслуживает специального исследования. Нельзя здесь не упомянуть имена М.В. Певцова, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, чьи путешествия и научные работы вместе с трудами Н.М. Пржевальского значительно обогатили не только мировую науку, но и обеспечили Военное министерство бесценными военно-статистическими сведениями.

Когда в Восточном Туркестане в конце 60-х гг. возникло мусульманское государство Иеттишаар во главе с Якуб-беком, то для урегулирования взаимоотношений туда неоднократно направлялись российские военно-дипломатические миссии. После ликвидации в 1876 г. Кокандского ханства с особой остротой встал пограничный вопрос в Семиречье. К Якуб-беку была направлена миссия во главе с Генерального штаба капитаном А.Н. Куропаткиным, будущим военным министром. В ходе переговоров был заключен договор, который не был проведен в жизнь, так как после смерти в 1877 г. Якуб-бека его государство охватила междуусобная борьба, а в 1878 г. Цинская империя восстановила свою власть в Синьцзяне. В результате своей поездки Куропаткин в «Военном сборнике» опубликовал «Очерки Кашгарии», вышедшие затем, в 1878 г., отдельным изданием. В книге дан историко-географический очерк и приведены сведения о современном состоянии вооруженных сил, промышленности и торговли Иеттишаара.

Важные материалы были собраны также о Кульджинском районе в период временного пребывания там русских войск в 1871 — 1881 гг. По предложению Пржевальского начальниками Южного и Северного участков Кульджинского района майором И.С. Герасимовым и подполковником Трапаловым был организован

сбор статистических сведений о численности и составе местного населения, его основных занятиях, о степени развития промышленности, сельского хозяйства и торговли в этом крае (История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 143—148).

Новый «восточный кризис», приведший к Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., как и в 50-е гг., вновь сосредоточил внимание учреждений военного ведомства на проблемах ближневосточной политики. Впрочем, и во времена, когда главным объектом внешней политики России была Средняя Азия, в Военном министерстве не упускали из виду Ближний Восток.

Важное значение в связи с этим придавалось деятельности российского военного агента в Стамбуле, обязанного постоянно информировать непосредственно Главный штаб о состоянии турецких вооруженных сил и о военной политике султанского правительства. В 1856—1870 гг. этот пост занимал В.А. Франкини, впервые попавший в Турцию штабс-капитаном, а завершивший свое пребывание в Стамбуле генерал-майором. (Уже после Русско-турецкой 1877—1878 гг. войны Франкини был первым губернатором присоединенной к России Карской области.) В 1870 г. его сменил полковник Генерального штаба А.С. Зеленый¹¹⁵, остававшийся военным агентом в Стамбуле вплоть до начала войны. В своих донесениях, составивших затем не один десяток дел в Военно-ученом архиве, военные агенты отражали не только состояние турецких вооруженных сил, но и политику турецкого правительства на Балканах, в Закавказье, на Ближнем Востоке, влияние в Османской империи иностранных европейских государств, и, прежде всего, Англии, состояние турецкой экономики, развивающееся железнодорожное строительство и многие другие вопросы.

В связи с началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. появились печатные издания, призванные помочь русским офицерам и солдатам обрести некоторые навыки в турецком разговорном языке. Вот некоторые из них: Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский. СПб., 1877 (изд. Военно-ученым комитетом Главного штаба); Краткий переводчик для русских в Турции. СПб., 1877; Путеводитель для разговора на турецком языке с изображением турецких слов русскими буквами. М., 1877 (сост. К.П. Зубковым, изд. в типографии Московского университета специально для действующей армии за Дунаем и в Малой Азии); Турецкий проводник для русского солдата. Слова и разговоры. Тифлис, 1877 (сост. майором В. Андреевичем). Предназначенные для широкого

распространения в российских войсках, находившихся на турецкой территории, эти пособия оказались более полезными, чем аналогичные разговорники периода Крымской войны, почти не нашедшие практического применения.

3.4. Первый центральный орган разведки Морского министерства

Поражение в Крымской войне выявило недостатки в организации управления флотом, как в центре, так и в портах. Поэтому со второй половины 1850-х гг. со всей остротой стал вопрос о реорганизации морского ведомства, его центрального аппарата. Однако проводимая реорганизация, затянувшаяся на много лет, снимая одни проблемы, порождала другие, которые являлись препятствием в обеспечении эффективной деятельности морского министерства. Она началась с упразднения должностей и отдельных структурных частей, таких как должности генерал-интенданта и дежурного генерала, Военно-походной по флоту канцелярии и др. Департамент корабельных лесов был еще в 1853 г. передан в Министерство государственных имуществ.

С 1855 г. во главе морского управления был поставлен генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич в качестве главного начальника флота и морского ведомства на правах министра. При генерал-адмирале в помощь ему была сохранена должность «управляющего Морским министерством». Подобная искусственная структура — генерал-адмирал из членов Императорской фамилии — являлась серьезной помехой для централизованного управления флотом и не имела аналогов среди министерств России (просуществовала до 2 июня 1905 г.).

Под руководством великого князя Константина Николаевича и была подготовлена и проведена реформа управления флотом и морским ведомством. 27 января 1860 г. было утверждено и введено в действие на пять лет (действовало до 1867 г.) «Общее образование управления морским ведомством», предусматривавшее некоторую децентрализацию управления, самостоятельность и соответствующее расширение прав и ответственности местных властей, упрощение делопроизводства, сокращение центрального аппарата.

С 1 марта 1860 г. главным начальником флота и Морского министерства, управляющим последним на правах министра, стал генерал-адмирал, он же председатель Адмиралтейств-совета. Генерал-адмирал управлял непосредственно

личным составом флота, строевой и распорядительной частью и передвижениями флота. Ему был подчинен и действовал под его руководством управляющий Морским министерством, непосредственно заведовавший хозяйственной частью морского ведомства.

Главный морской штаб был упразднен. В состав центральных органов управления флотом вошли Канцелярия Морского министерства, Морской генерал-аудиториат (высшее судебное учреждение морского ведомства), Инспекторский, Комиссионный, Кораблестроительный и Гидрографический департаменты, Кораблестроительный технический и Морской ученый комитеты, Артиллерийское, Медицинское и Строительное управление, Казначейство, Архив и Типография.

В соответствии с Положением об «Общем образовании управления Морским ведомством» Морской ученый комитет теперь не просто *«собирает... рассматривает... издает...»*, а *«следит за развитием мореходных и вспомогательных наук, необходимых для усовершенствования морских сил»*, а так же делит часть своих обязанностей с Кораблестроительным техническим комитетом, который отныне занимается тем, что: *«...следит в России и за границей за всеми улучшениями по технической части кораблестроения и механики и заботиться о введении их в наших адмиралтействах и заводах»* (ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 35. № 35386, 27.01.1860. СПб., 1862). И работа комитета приносила определенные плоды.

Вот некоторые выдержки из докладов Корабельному техническому комитету офицеров морского ведомства России, посетивших Лондонскую всемирную выставку 1862 г. *«Большие броненосные фрегаты с хорошими качествами начинают теперь составлять ядро флотов Англии, Франции и других государств, и постройка боевых судов без брони начинает вообще прекращаться»*, — докладывал некий «-ский» (Приложение № 1 к Морскому сборнику. Отчет о лондонской выставке 1862 г. по предметам кораблестроения, мореплавания и артиллерии. СПб., 1863. С. 4). *«Нашему Морскому ведомству через своих постоянных агентов, живущих в Лондоне, весьма полезно приобрести подробные чертежи всего того, что относится, как до отливки снарядов, так и до их контроля при приеме заводов, в особенности снарядов цилиндро-конических»*, — писал все тот же корреспондент. *«В мастерскую эту, считаемую секретною, мне позволили только заглянуть, не посвящая ни в какие подробности»*, — доносил штабс-капитан корпуса морской артиллерии Максимов, — *«через агентов наших, живущих в Лондоне, и об этом полезно бы приобрести положительные сведения»* (речь шла о специальном по-

крытии наружной поверхности стволов стрелкового оружия. — *Примеч. авт.*) (там же. С. 6). Также к докладам прилагались подробные описания и чертежи, если представлялась возможность сделать таковые. Органы военно-морского управления на морских театрах включали штабы соединений — отдельных дивизий кораблей, эскадр, флотилий и впоследствии штабы объединений — штабы морских сил (флотов) на отдельных театрах.

В 1867 г. было произведено новое преобразование центральных учреждений морского ведомства (Приложение № 12). Положение об управлении морским ведомством, утвержденное 18 июня 1867 г. сроком на пять лет, фактически просуществовало до 1885 г. (с учетом уточнений и дополнений 1869 г.)

В соответствии с этим положением Генерал-адмирал «есть главный начальник флота и морского ведомства и Председатель Адмиралтейств-Совета». Управляющий Морским министерством, «получая от Генерал-адмирала указания насчет состава флота, плавания судов и состава морских команд»,правлял Морским министерством на правах министра и являлся вице-председателем Адмиралтейств-Совета.

Взамен Кораблестроительного и Комиссионного департаментов, Артиллерийского и Строительного управлений, Кораблестроительного технического и Морского ученого комитетов было создано высшее техническое учреждение флота — Морской технический комитет (МТК) с соответствующими специальными отделениями. Функции Морского ученого комитета были возложены на Ученое отделение Морского технического комитета. МТК ведал всеми военно-техническими вопросами по военно-морскому флоту. Морскому техническому комитету предоставлялись права, «дарованные Императорской Академией наук» «относительно приобретения за границей и ввоза в Россию географических и морских карт, планов, моделей, инструментов, книг, повременных изданий и т.п. ученых пособий» (ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 42. № 44714, 18.06.1867. СПб., 1868). При Морском техническом комитете состояли Комиссия артиллерийских опытов, библиотека и журнал «Морской сборник».

Однако только спустя два года — 26 мая 1869 г. — был «высочайше утвержден Наказ по управлению морским ведомством», в котором содержались «подробнейшие правила о распределении дел и обязанностей между управлениями и должностными лицами морского ведомства, о порядке делопроизводства и, вообще, о внутреннем устройстве сих управлений», были также внесены некоторые

корректировки в структуру Морского министерства (Приложение № 13) (ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 43. № 47127, 26.05.1869. СПб., 1870). Согласно Наказу, в Кораблестроительном отделении Морского технического комитета надлежало иметь: «*чертежи строимых в иностранных флотах судов всех типов и сведения о всех усовершенствованиях и нововведениях, предпринимаемых за границею по части кораблестроения.*

Основным распорядительным органом морского ведомства стала Канцелярия Морского министерства, полномочия которой были существенно расширены. Так, в составе Канцелярии наряду с целым рядом отделений было создано Распорядительное отделение, в котором сосредоточивались:

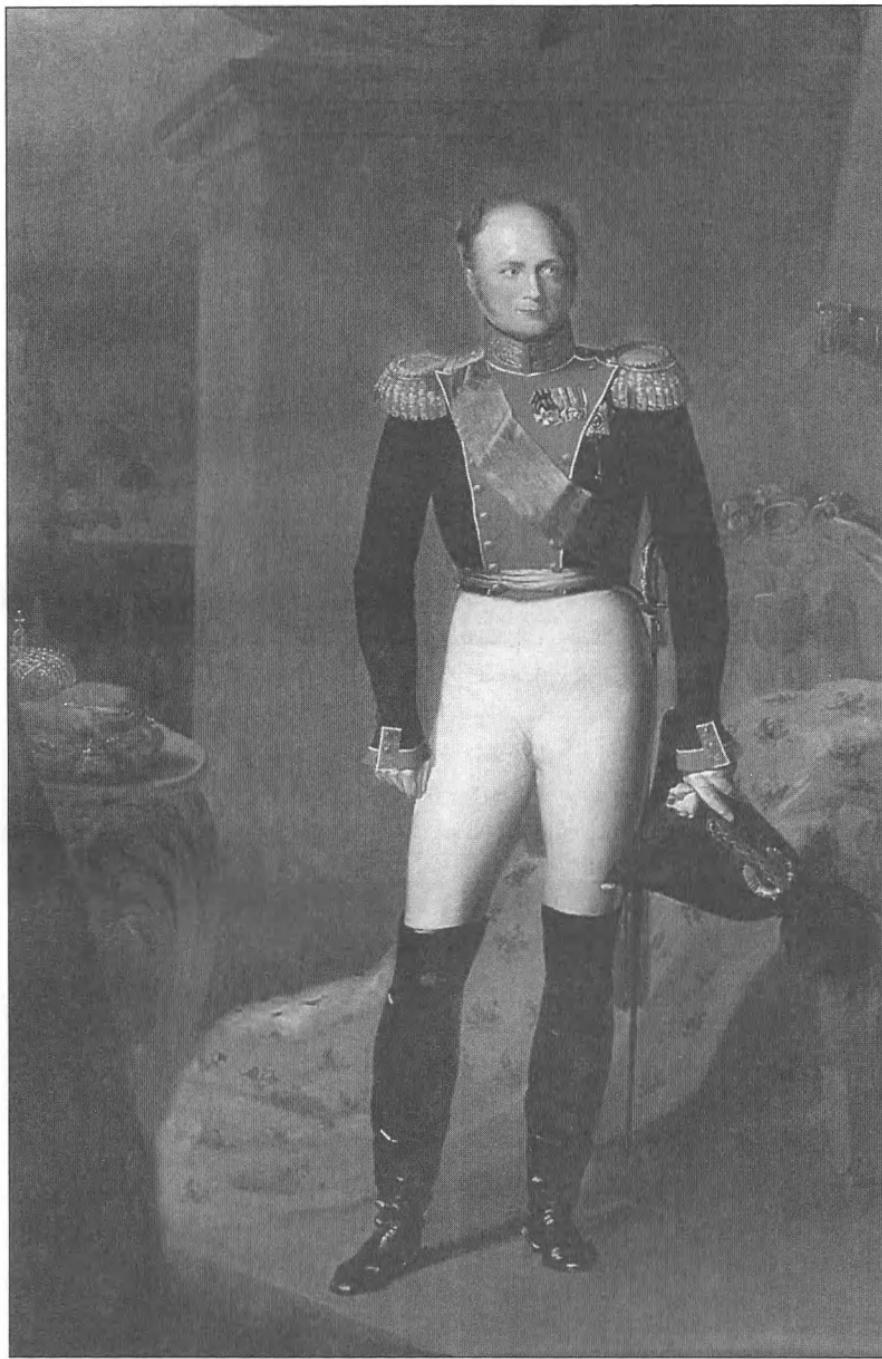
- «1). Дела политические, в отношении к морскому ведомству.
- 2). Дела по представительству морского ведомства.
- 3). Дела по преобразованию учебных заведений морского ведомства, или изменению существующих о них постановлений.
- 4). Составление общего годового отчета по морскому ведомству.
- 5). Собрание и разработка сведений, касающихся (выделено мной. — Примеч. авт.):
 - а) военно-морского значения судов нашего флота и
 - б) состояния морских сил других держав.
- 6). Составление предварительных соображений по программе плавания судов.
- 7). Дела по плаванию за границею эскадр и отдельных судов, не относящихся до строевой части.
- 8). Командирование лиц морского ведомства за границу по делам, не касающимся строевой части, и распоряжения о назначении командируемым денежного довольствия по заграничному положению.
- 9). Дела о наградах...
- 10). Доклады Адмиралтейств-совету о назначении пособий...
- 11). Иностранный корреспонденция по всем частям Канцелярии.
- 12). Все прочие дела, по роду своему, не принадлежащие к ведению других Отделений Канцелярии...»

Только один перечень вопросов, подлежащих компетенции Распорядительного отделения Канцелярии Морского министерства, ставит под сомнение возможность их эффективного и оперативного решения исключительно сотрудниками отде-

ления. Тем не менее Распорядительное отделение Канцелярии Морского ведомства (каким оно окончательно сформировалось к 1869 г.) следует рассматривать как первый центрального орган Морского министерства по организации и руководству сбором разведывательной информации по иностранным флотам.

К этому моменту зарубежные силы в военно-морской разведке уже существовали. К таким силам со второй половины 1850-х гг. относились агенты Морского министерства (впоследствии военно-морские агенты) при русских посольствах за рубежом, офицеры флота, направлявшиеся за границу для наблюдения за постройкой заказанных Россией кораблей и изучения опыта иностранных флотов, экипажи кораблей в составе оперативных соединений (эскадр) на зарубежных морских театрах, кораблей в отдельном плавании в научных экспедициях и на переходах на удаленные морские театры, а также кораблей-стационаров, то есть военных судов, постоянно находившихся на стоянке в каком-либо иностранном порту.

Институт военно-морских (морских) агентов был создан одновременно с созданием института военных агентов. Первоначально, как и в случае с военными агентами, сам термин «военно-морской агент» появляется не сразу, устойчивое применение этого слова начинается с 1888 г. А пока в официальных документах употребляется — «агент Морского министерства», позже — «морской агент». Что же касается задач, стоявших перед военно-морскими агентами, то к их окончательной формулировке в рамках единой Инструкции приступили только с 1888 г. взяв за образец «Инструкцию военным агентам (или лицам их заменяющим)» 1880 г. Первоначально инструкции агентам Морского министерства были стандартны и индивидуальны, в том смысле, что были обращены к конкретному лицу с указанием страны предназначения. Эти инструкции были краткими и определяли ограниченный круг задач лишь в общих чертах — сбор сведений об усовершенствованиях по морской части. Складывалось такое впечатление, что в Морском министерстве не знали об «Инструкции агентам, направляемым за границу» 1856 г., разработанной в Военном министерстве, или не хотели знать. Согласно Военной энциклопедии, 1911 г. издания, военно-морским агентом назывался «прикомандированный к посольству в иностранном государстве морской офицер, назначаемый для доставления как морскому ведомству своей страны, так и посольству, сведений о вооруженных морских силах и средствах иностранных государств» (Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 128).

Император Александр I. Художник В.А. Голике

М.И. Барклай-де-Толли

П.М. Волконский

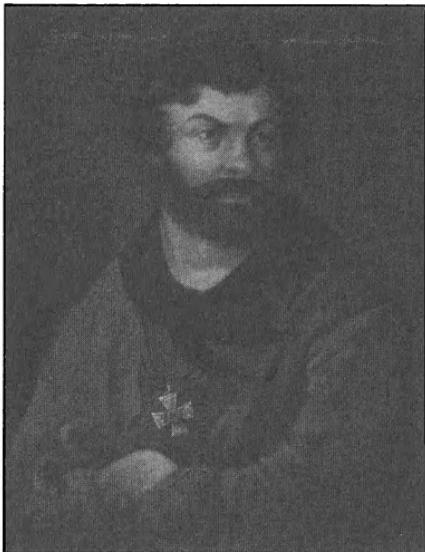
А.П. Тормасов

П.П. Сухтелен

М.И. Платов

Д.И. Даевыдов

А.А. Аракчеев

А.П. Ермолов

Ч.Ч. Валиханов

Г.И. Невельской

Н.М. Пржевальский

П.П. Семенов-Тян-Шанский

Император Николай I. Художник В.А. Голике

И.И. Дибич

К.В. Нессельроде

И.Ф. Паскевич

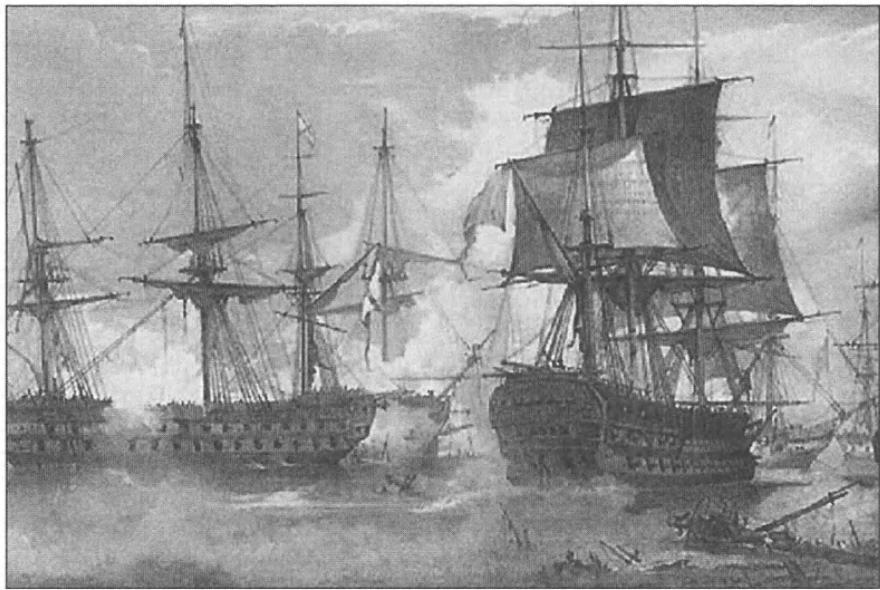
А.С. Меншиков

Первая встреча графа Паскевича-Эриванского с наследным персидским принцем Аббас-Мирзой (пятый справа — Грибоедов). Гравюра XIX в.

Граф И.Ф. Паскевич и персидский принц Аббас-Мирза за подписанием Туркманчайского мирного договора 10 февраля 1828 г. Гравюра XIX в.

Наваринское сражение 1827 г.: «Азов» атакует турецкий корабль.
Гравюра XIX в.

Штурм крепости Карс войсками генерала И.Ф. Паскевича 23 июня 1828 г.
Художник Я.И. Суходольский

A.М. Горчаков

М.И. Драгомиров (1870-е гг.)

К.П. Кауфман

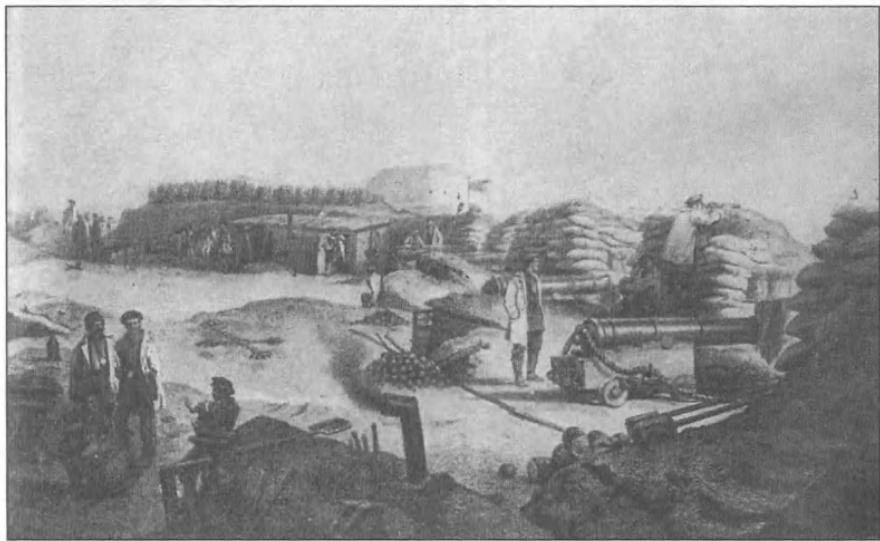
Н.Н. Обручев

М.П. Лазарев

П.С. Нахимов

Малахов курган. Внутренний вид одной из батарей. Художник В. Тимм

Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Художник К.Е. Маковский

Взятие редута под Плевной. Гравюра XIX в.

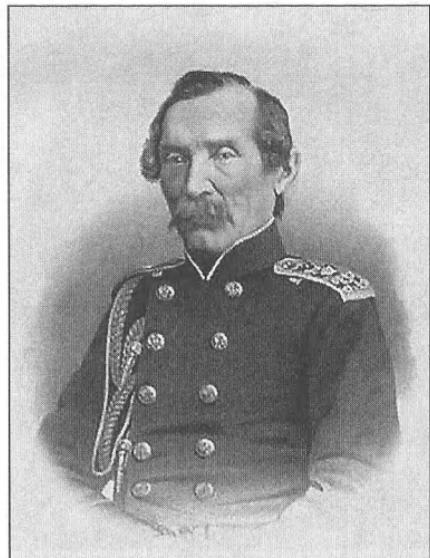
М.Д. Скобелев под Шайновым. Гравюра XIX в.

Великий князь Николай
Николаевич (Старший)

И.В. Гурко

Б.Е. Путятин

Н.П. Игнатьев

Император Александр II. Художник К.Е. Маковский

Вступление русских войск в Софию. Гравюра XIX в.

Подписание условий перемирия в Адрианополе. 1878 г.

Подписание Сан-Степанского мирного договора. Гравюра XIX в.

Берлинский конгресс 1878 г. Художник А. фон Вернер

Первым агентом Морского министерства при российских посольствах в Лондоне и Париже был назначен вице-адмирал В.Е. Путятин. 20 марта 1856 г., спустя два дня после подписания Парижского договора, генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич написал министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде следующее: «...я признаю совершенно необходимым иметь при посольстве нашем в Лондоне способного, весьма образованного и весьма опытного морского офицера для доставления Морскому министерству подробных сведений о всех новых улучшениях по морской части, подобно тому, как находится в Стокгольме контр-адмирал Глазенап. Желая назначить в эту должность в Лондоне вице-адмирала Путятина, я прошу ваше сиятельство, предварительно доклада мною об этом государю императору, уведомить меня, не изволите ли вы предвидеть к тому какого-либо препятствия» (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 306. Д. 12. Л. 1 (1856). «...To же поручение, которое я желал бы дать ему (Путятину. — Примеч. авт.) в Лондоне, он мог бы с пользой для Морского министерства исполнять одновременно и во Франции и для сего жить в Париже, откуда посещать Лондон и порты французские и английские», — добавил Константин Николаевич в письме, отправленном в тот же день тому же адресату. 26 марта министр иностранных дел сообщил генерал-адмиралу, что, признавая кандидатуру Е.В. Путятина подходящей, он полагает нужным приостановить его назначение «до того времени, когда наши посольства возвратятся в Париж и Лондон» (там же. Л. 3 об.). 17 апреля Константин Николаевич, проинформировав К.В. Нессельроде о полученном «высочайшем соизволении», просил ministra, когда он сочтет своевременным, войти по данному вопросу в сношения с правительствами Англии и Франции. В этом же письме генерал-адмирал, еще раз остановился на задачах, которые предстоит решать Путятину в командировке: «... следить... за всеми усовершенствованиями по морской части и неотлагательно сообщать Морскому министерству по сему предмету сведения, которые могут быть нам полезны, нисколько не касаясь собственно политических» (там же. Л. 4 об.). В письме от 8 июня 1856 г. директор Инспекторского департамента Морского министерства контр-адмирал Н.К. Краббе¹¹⁶ сообщил Е.В. Путятину, что жалованье ему определено в 4 фунта стерлингов в сутки (1460 ф. ст. в год), а также предусмотрена выплата подъемных в размере 2000 червонцев. Наряду с этим было предоставлено право дважды в год представлять счета на приобретение «карт, планов, книг, рукописей, моделей, на платеж разным агентам и т.п.» (Емелин А.Ю. Военно-морские агенты России: эволюция

института, его задач и методов. 1856—1918. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2007. С. 33). Назначение Путятину было утверждено высочайшим повелением от 4 июля 1856 г., в том же документе было зафиксировано его жалованье и подъемные. Правда, в повелении не было указано, из каких средств надлежит выплачивать «издержки».

Итак, первым агентом Морского министерства в Великобритании и Франции был назначен вице-адмирал Путятин. Однако его деятельность на этом посту была прервана войной с Китаем, развязанной Англией и Францией, и создавшейся в связи с этим угрозой установления английского господства в Китае. Уже 21 января 1857 г. по срочному вызову он выехал в Петербург. 2 февраля 1857 г. последовало новое назначение — чрезвычайным посланником и полномочным министром в Китае. Ему предстояло добиться юридического закрепления за Россией левого берега Амура и получить от Китая те же льготы и привилегии, которые рассчитывали получить Англия и Франция, в случае своей победы на поле боя. К исполнению должности агента Морского министерства в Великобритании и Франции, которая все это время оставалась не занятой, Путятин вернулся лишь в 1858 г., проведя на ней после пребывания в Китае два года, вплоть до назначения 28 июня 1861 г. министром народного просвещения.

В июне 1856 г. лейтенанту А.А. Пещурову¹¹⁷ было приказано состоять при Е.В. Путятине в его заграничной командировке в качестве адъютанта. Вся предыдущая служба лейтенанта прошла под непосредственным начальством Путятина — плавания на фрегатах «Паллада» и «Диана», шхуне «Хеда», нахождение в должности его адъютанта в бытность последнего начальником штаба Кронштадтского военного губернатора. А 26 февраля 1857 г. вышел приказ о назначении лейтенанта Пещурова агентом по заказам Морского министерства в Великобританию и Францию. В 1858 г. Пещуров вместе с Путятином находился на Дальнем Востоке, затем лейтенант вернулся в Европу. Проживая в Лондоне, Пещуров до апреля 1860 г. всл. дела, касавшиеся заказов морского министерства в Англии. Кроме Пещурова, в Англию распоряжением генерал-адмирала был временно — до весны 1857 г. — командирован поручик корпуса корабельных инженеров Зарубин 2-й (Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 35—36).

Вслед за назначением вице-адмирала Е.В. Путятина агентом Морского министерства в Великобританию и Францию в 1858 г. в Швецию, Данию и Голландию был назначен капитан 1-го ранга Н.А. Лобанов-Ростовский. Выбор, сделанный в

Петербурге, был логичным: перечисленные державы располагали высокоразвитой индустрией и крупнейшими в мире флотами, а Великобритания, Франция и Швейцария представляли интерес и как возможные противники России в случае войны на Балтике. Главной обязанностью агентов, наряду с получением информации о технических новинках, была деятельность по исполнению заказов для русского флота. Лобанов-Ростовский находился в должности только до 1861 г., после чего преемник так и не был назначен.

В 1863—1867 гг. агентом Морского министерства при российских посольствах в Лондоне и Париже был контр-адмирал Г.И. Бутаков.

Герой Крымской войны — контр-адмирал Г.И. Бутаков

Григорий Иванович Бутаков родился 27 сентября 1820 г. в Риге. Сын вице-адмирала И.Н. Бутакова, из дворянского рода, известного с XVII в. Образование получил в Морском кадетском корпусе и в январе 1835 г. благодаря блестящим успехам в учебе произведен в гардемарины. После плавания в Балтийском море в 1836—1837 гг. в декабре 1837 г. получил чин мичмана и назначен на Черноморский флот. Здесь его зачислили в 3-й флотский экипаж и назначили на линейный корабль «Силистрия» флаг-офицером к адмиралу М.П. Лазареву. За участие в высадке десанта 12—14 мая 1838 г. в районе Туапсе мичман Бутаков был награжден орденом Св. Анны 4-й степени, а за находчивость и храбрость, проявленные в бою с горцами 31 мая этого же года, — орденом Св. Станислава 4-й степени с мечами. Осенью, после окончания боевых действий в районе Туапсе — 21 сентября 1838 г., — Бутаков получил назначение на шхуну «Ласточка». На этом судне Бутаков плавал до августа 1840 г. Затем около двух лет он служил на фрегате «Флора» под командованием В.И. Истомина. Осенью 1842 г. его назначили старшим офицером на шхуну «Вестник», которая готовилась к походу в Средиземное море. За четыре с половиной месяца плавания Бутаков побывал в Неаполе, Ливорно, на Мальте, в Риме. В апреле 1843 г. получил чин лейтенанта, продолжал плавать в Черном и Средиземном морях. Осенью 1846 г. Бутаков был назначен командиром тендера «Поспешный» (парусное судно водоизмещением до 200 т). Командование тендером было делом нелегким. «Такой куттер, а по нашему тендер, — писал в своей первой статье, напечатанной в «Морском сборнике», Г.И. Бутаков, — должен быть боек, ловок и легок, как мысль: вечно готовый пуститься к указанной цели, обреченный на всегдашнюю деятельность, даже в минуты отдыха в море он обязан быть

настороже и по первому знаку вспорхнуть, как птица! Разделавшись с портом, тендер выходит на рейд, но не для того, чтобы красоваться, как яхта, или ожидать посетителей, не стоять ради эффекта (его могут даже и не заметить), — а для того, чтобы быть готовым сжеминутно сорваться с цепи и лететь, куда толкнет его воля начальника». В 1847—1850 гг., командуя тендером «Поспешный», занимался гидрографическими работами и описанием русского побережья Черного моря. Это был очень тяжелый труд, требовавший огромного напряжения сил, так как тендеры — маленькие суда — не имели необходимого для выполнения описных работ оборудования. В течение трех лет, которые ушли на производство описи русского побережья Черного моря, Бутаков в совершенстве изучил все особенности своего судна. В сентябрьском номере «Морского сборника» за 1849 год в статье «Несколько слов о тендерах и управлении ими» Бутаков решает ряд весьма важных практических вопросов, касающихся устройства корабля и его маневренных качеств, организации службы и быта личного состава. Он подробно рассказывает о том, как можно добиться постановки парусов в 3—3½ минуты, т.е. в рекордно минимальный срок, как делать на тендере повороты в любую погоду, и о других своих наблюдениях. В начале лета 1850 г. было получено долгожданное разрешение на обследование берегов Малой Азии и Румелии. В конце августа 1850 г. тендеры «Поспешный» и «Скорый» (командир лейтенант И.А. Шестаков) и сопутствующие им турецкие бриги «Неир Зефер» и «Ахтер» направились из устья Дуная в Босфор. Опись берегов Черного моря была завершена. 10 сентября 1850 г. тендеры благополучно возвратились в Севастополь. За отличное выполнение описных работ их командиры были произведены в капитан-лейтенанты и награждены орденами Св. Анны 3-й степени, а по завершении составления лоции — бриллиантовыми перстнями. Составленная Бутаковым и Шестаковым «Лоция Черного моря с 36-ю литографированными планами портов» вышла в свет в 1851 г. и стала единственным пособием для плавания по Черному морю.

Впервые Бутаков появился в Англии в 1851 г., когда был командирован для перевода в Николаев закупленного буксирного парохода «Дунай», командиром которого он был назначен. Только к 17 сентября ему удалось провести на Темзе первое испытание «Дуная». Средний ход парохода был удовлетворительным — 10,5 узла, но Бутакова весьма беспокоило то обстоятельство, что судно имело большую осадку. Однако, несмотря на обнаруженные недостатки, ему было приказано немедленно принять «Дунай» и возвращаться на родину. 22 ноября 1851 г.

Бутаков привел пароход в Николаев. К этому времени относится изобретение Григорием Ивановичем компаса с наклонной стрелкой. Особенность устройства компаса Бутакова состояла в том, что в нем картушка в любых условиях сохраняла горизонтальное положение, а магнитная стрелка, связанная с ней, могла под воздействием сил земного магнетизма наклоняться. У такого компаса магнитная стрелка «рыскала» значительно меньше, а, следовательно, пользоваться им было гораздо удобнее. Спустя год — 3 декабря 1852 г. — он был назначен командиром пароходофрегата «Владимир», лучшего парового корабля Черноморского флота. В феврале — мае 1853 г. в составе чрезвычайного посольства находился в Константинополе.

Участник Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. 5 ноября 1853 г., командуя «Владимиром», захватил турецкий пароход «Перваз-Бахри». В этом, первом в истории, бою между двумя паровыми кораблями Бутаков показал, как надо сочетать маневр с артиллерийским огнем. То был превосходный образец умелого использования тактических свойств парового корабля (и прежде всего его высокой маневренности) в целях достижения наибольшей эффективности огня корабельной артиллерии. Установив, что у неприятельского парохода на корме нет орудий, Бутаков, используя превосходство в скорости хода, намеренно избегал бортового огня противника. Идя почти в кильватер турецкому пароходу, Бутаков вел по нему огонь из носовых орудий. За эту блестящую победу Бутаков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и 38 тысячами рублей призовых денег. «Перваз-Бахри» был поставлен на ремонт и переименован в «Корнилов». Впоследствии участвовал в крейсерских операциях. 18 ноября 1853 г. он находился на борту флагманского пароходофрегата «Одесса» (находился под флагом вице-адмирала Корнилова), который вместе с пароходами «Крым» и «Херсонес» вышел на помощь эскадре Нахимова, принявшего Синопское сражение. Пароходы пришли, когда жестокий бой, продолжавшийся три часа, подходил уже к концу. В декабре 1853 г. произведен в капитаны 2-го ранга. В 1854—1855 гг. — участник обороны Севастополя. Паровые суда широко использовались командованием во время обороны города: они обстреливали неприятельские позиции и батареи, перевозили войска и раненых, буксировали баржи, доставляли в город и на Корабельную сторону фашины и туры, необходимые для возведения новых укреплений и для исправления старых, и т.д. Приказом Корнилова от 21 сентября 1854 г. охрана с моря 1-го и 2-го бастионов и Малахова кургана, находящихся на левом фланге

оборонительной линии Южной стороны на берегу Севастопольского рейда, была возложена на пароходофрегаты «Владимир» и «Крым», действовавшие под общим командованием Г.И. Бутакова. Артиллерия этих судов, стоявших в Кильбенбалочной бухте, должна была обстреливать находившиеся в пределах ее досягаемости высоты, занятые противником. Меткий огонь «Владимира» мешал неприятелю сооружать на горе против Кильбенбалочной бухты так называемую пятиглавую (состоявшую из пяти амбразур) батарею для действий против Малахова кургана. Матросы пароходофрегата шутили: «пятиглазка» окривела и превратилась в одноглазого «цикlopsа». В тяжелых условиях осады команды русских пароходофрегатов доказали возможность исправления судов в ходе боевых действий. Так, во время бомбардировки Севастополя противником 5 октября 1854 г. пароходофрегат «Владимир» получил подводную пробоину, через которую в корабль стала поступать вода. Эта критическая ситуация не повлекла за собой прекращение обстрела неприятельских позиций кораблем, которым командовал капитан 2-го ранга Бутаков. За борт были опущены водолазы, которые заделали пробоину. В июне 1855 г. Бутаков обратился с просьбой к Нахимову послать его на какую-нибудь батарею, заявив сму, что в такой критический для обороны города момент он не может оставаться на пароходе, «менее опасном и менее трудном физически». Этую просьбу адмирал Нахимов категорически отказался удовлетворить, указав, что его — Бутакова — следует сохранить для будущего флота. За активную помощь корабельной артиллерией защитникам Малахова кургана Григорий Иванович Бутаков 27 июля 1855 г. был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Несмотря на героизм защитников, удержать Малахов курган не удалось. Вечером 27 августа начался общий отход русских войск. Пароходы и все имевшиеся в наличии шлюпки беспрерывно перевозили на Северную сторону войска и различные грузы. «Владимир» в эту ночь перевез в два рейса 2490 человек. В ночь на 28 августа были затоплены последние парусные суда Черноморского флота. В ночь на 31 августа капитан 1-го ранга Бутаков получил приказ затопить все пароходы. В час ночи все команды кораблей свезли на берег, а в 3 часа по условному сигналу все пароходы подожгли, открыв предварительно кингстоны. За участие в обороне Севастополя награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени с бантом.

26 августа 1856 г. Григорий Иванович Бутаков был назначен главным командиром Черноморского флота и военным губернатором Николаева и Севастополя.

В это же время он был произведен в контр-адмиралы с зачислением в Свиту Е.И.В. В феврале 1860 г. переведен на Балтийский флот с назначением начальником практической эскадры винтовых кораблей — винтовых канонерских лодок в количестве 41 единицы. В сентябре 1862 г. участвует в производстве опытов по использованию миноносного тарана канонерской лодки «Опыт», построенной в 1861 г. в С.-Петербурге и явившейся первым бронированным кораблем в России, положившим начало развитию отечественного броненосного флота. Небольшая канонерская лодка «Опыт» была целиком построена из металла. Единственное орудие размещалось на носу за бронированным укрытием — бруствером, сделанным из 114-мм железной брони, изготовленной на кронштадтских заводах.

9 октября 1862 г. контр-адмирал Бутаков был послан в командировку в Англию. Здесь он познакомился со строительством военных кораблей с башенными орудийными установками, позволяющими вести артиллерийский огонь независимо от курса стреляющего корабля и его положения по отношению к кораблю противника. Познакомился Бутаков и с новыми системами артиллерийских орудий, изготавливавшихся на заводах Армстронга.

В начале 1863 г. Григорий Иванович возвратился из заграничной командировки и вскоре (16 апреля) был назначен агентом Морского министерства при российских посольствах в Лондоне и Париже (с основным местом пребывания во французской столице). Несмотря на то, что правительством России было принято принципиальноное решение о возрождении флота на русских заводах силами отечественных специалистов, для ускорения освоения зарубежного опыта первый броненосный корабль был заказан в Англии. В 1862 г. Темзенский завод в Лондоне получил заказ на строительство броненосной батареи «Первенец», имевшей водоизмещение около 3300 т. Корпус «Первенца» был оббит броней толщиной 112 мм, на нем было установлено 26 гладкоствольных орудий (152 и 200 мм), расположенных по бортам. Кроме того, в носовой части был устроен таран. В Англию были направлены инженеры, техники, мастера для наблюдения за строительством и приобретением необходимого опыта в области железного судостроения. Координация всей этой работы легла на плечи русского военно-морского агента. Энергичная деятельность контр-адмирала Бутакова, связанная с броненосным судостроением, довольно быстро стала вызывать недовольство русского чрезвычайного и полномочного посланника в Лондоне Ф.И. Бруниова, который считал производимые военно-морским агентом технические заказы слишком расточительными. Бруниов

несколько раз докладывал об этом министру иностранных дел А.М. Горчакову, который в свою очередь адресовал жалобы посла в Морское министерство. 8 июля 1863 г. управляющий Морским министерством адмирал Н.К. Краббе в своем письме посланнику в Лондоне постарался разъяснить позицию руководителей флота в области заграничных заказов, в частности связанных со строительством броненосцев. «...Со времени вступления моего в управление Морским министерством (с апреля 1860 г. — Примеч. авт.), — писал адмирал Краббе, — я неуклонно стремлюсь к прекращению выписки из заграницы предметов, нужных в морском деле, чтобы избегнуть зависимости от заграничной промышленности; но, к сожалению, новость броненосного судостроения и младенческое состояние наших заводов в России по железному производству и изготовлению машин на этот только раз вынудили сделать несколько значительных и совершиенно необходимых заказов в Англии, которые в настоящее время, когда на поспешном сооружении броненосного флота основана возможность защиты Кронштадта и самой столицы, приобрели важность и значение» (Смирнов В.Г. Указ. соч. 131—132). Далее Н.К. Краббе отмечал, что представителям Морского министерства в Англии, имея в виду первую очередь Г.И. Бутакова, «даны обширные полномочия относительно принятия мер, чтобы сделанные заказы были выполнены как можно скорее». Адмирал указывал, что «из полученных от них сведений видно, что исполнение по многим заказам замедлилось и от хода политических событий будет зависеть, возможно ли дальнейшее в сем отношении ожидание». Повторялась ситуация с постройкой на английских верфях кораблей по заказам России накануне Крымской войны. По сути, в 1863 г. Г.И. Бутаков, как и все сотрудники русского посольства в Лондоне, оказались «во вражеском окружении». Это было связано с ухудшением российско-английских отношений в связи с «польским вопросом».

В полночь с 10 на 11 января 1863 г. в Польше началось восстание, с подавлением которого российское правительство испытывало затруднения. Общественное мнение Англии и Франции, а вслед за ним и правительства этих государств заняли откровенно антирусскую позицию. В условиях, когда весьма вероятным представлялось вооруженное столкновение с Англией и Францией, Россия нашла союзника за океаном в лице Северо-Американских Соединенных Штатов. Петербург, в отличие от своих потенциальных противников, оказывал дипломатическую поддержку Северу в борьбе против Юга в Гражданской войне 1861—1865 гг. На этом фоне правительство России по рекомендации управляющего Морским министерством

адмирала Н.К. Краббе направило в Северную Америку две крейсерские эскадры. 13 сентября 1863 г. в Нью-Йорк прибыли два фрегата под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского¹¹⁸. До конца месяца русская эскадра была усиlena еще двумя корветами и одним клипером. 1 октября 1863 г. четыре корвета и один клипер под командованием контр-адмирала А.А. Попова пришли в Сан-Франциско. С этих позиций, опираясь на поддержку Северных Штатов, русские паровые корабли могли угрожать морским коммуникациям Англии и Франции в Атлантическом и Тихом океанах в случае нападения этих государств на Россию. Военное значение этих возможных операций не стоило преувеличивать, речь шла только об угрозе торговым перевозкам, но и эта угроза воспринималась достаточно серьезно. Анти-русская коалиция не была сформирована ни в 1863, ни в 1864 г. Ни Франция, ни Англия, ни Австрия оказались не готовы заходить в своей поддержке Польше за пределы дипломатических демаршей. Спустя год крейсерские эскадры благополучно вернулись в Россию.

Поскольку в 1863 г. война России с Великобританией казалась неизбежной, Морское министерство, опасаясь ареста, если не конфискации, строившихся на английских верфях русских судов, решило ускорить отправку броненосной батареи «Первснец» в Кронштадт. Несмотря на препятствия,чинимые английской стороной, контр-адмиралу Бутакову удалось добиться отправки броненосного корабля в Россию. Однако в самом начале своего пути «Первенец», сильно рыская при свежем ветре, ударила английское госпитальное судно. Военно-морскому агенту стоило больших усилий уладить этот инцидент (*Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 133*).

Осенью 1864 г. Григорий Иванович переехал в Ниццу и, живя здесь, побывал в южных французских портах. Он ознакомился с новым типом французских военных судов. Это были «блиндированные разборные лодки малого углубления и большой боевой силы», состоявшие каждая из семнадцати отдельных отсеков, легко перевозимых на транспортах и по железным дорогам. «Эти лодки можно построить, — доносил Бутаков управляющему Морским министерством, — бесчисленное множество в самый короткий срок, ибо самые ничтожные котельные заведения могут предпринять их постройку. Французы могут послать их в Кельн для действий по Рейну или перевезти на любую реку в Европе, где будет театр войны. В Китас и Кохинхине у французов много разборных канонерских лодок, доставленных на транспортах и собранных на месте... Мы можем строить их по Волге или Каме и в данный момент перевезти на Дон и в Керчь... или же доста-

вить на Ладожское озеро или в Неву по каналам, на барках, и в Ригу по железной дороге...» (*Лурье А., Маринин А.* Указ. соч. С. 101—114).

Познакомился Бутаков и с французской подводной лодкой-тараном «Ле Плонжер», проходившей в то время испытания. Это было стальное судно сигарообразной формы, длиною 44 метра, водоизмещением в 460 тонн, способное двигаться в подводном положении со скоростью 4 узла. В носовой части лодка имела шпирон, к концу которого была прикреплена коробка с пороховым зарядом. Предполагалось, что «Ле Плонжер» ударит корабль противника тараном и оставит шпирон в его днище, после чего отойдет задним ходом, выпуская проволоку, которая соединяет пороховой заряд с гальванической батареей, находившейся внутри лодки. Подрыв заряда (и корабля) должен был производиться после отхода подводной лодки на безопасное расстояние. Эффективность «Ле Плонжер» была весьма невелика, особенно против кораблей со стальным корпусом. Выяснив обстоятельства применения французской подводной лодки-тарана, Бутаков высказал мнение, что противодействовать ей можно с помощью применения больших неводов (в сущности, противолодочных сетей) (там же).

В середине февраля 1865 г. в Лондоне состоялась встреча Г.И. Бутакова с американским ученым и моряком М.Ф. Мори, находившимся в Англии в качестве агента Конфедерации с целью приобретения кораблей и вооружения для Южных штатов. Личность Мори была давно известна и в Морском министерстве России, включая генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Безусловно, ранее слышал о нем и Г.И. Бутаков. Мори рассказал контр-адмиралу, что более года занимается весьма важным вопросом: разработкой подводных и подземных мин и их «воспламенением» — подрывом. Американец сообщил, что в этой области «достиг значительных усовершенствований» и перед возвращением «на театр войны» (в Америку), где сконструированные им мины употребляются «в первоначальном своем виде», хотел бы отблагодарить генерал-адмирала российского флота, который в начале Гражданской войны предлагал ему переехать в Россию. Благодарность Мори заключалась в том, что он готов был передать все результаты своих исследований в минном деле, если великий князь Константин Николаевич пришлет в Лондон специалиста по «гальванерной части». Мори предложил русскому правительству купить у него «секрет», суть которого состояла в том, что он позволял минам воспламеняться лишь тогда, когда неприятельское судно будет находиться в районе их действия. В дальнейшем этот «секрет» на продажу

конкретизировался и стал звучать, как изобретение «посредством которого подводная мина не может лопнуть иначе как, когда судно находится в пределах ее действия, днем или ночью, лишь бы судно было видимо (*visible*), и посредством которого можно узнать, не случилось ли чего с миной или проволокой, когда они положены в свое место, и также удостовериться, в чем именно состоит повреждение». Сумма вознаграждения за «секрет» не была озвучена (Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 134—135). При этом американский ученый выдвинул несколько условий: сведения, передаваемые им, не должны стать известны врагам «его родины», т.е. «северянам», более того, сведения эти не должны быть опубликованы или стать предметом «публичных ученых рассуждений». Изобретатель был уверен в том, что ему удалось достигнуть «многих усовершенствований в способах применения электричества наудобнейшим для военных целей образом». В присутствии русского агента Морского министерства Мори провел ряд опытов, убедивших Бутакова, «не совсем незнакомого с этим делом», в целесообразности направления в Англию специалиста по минному оружию, который в случае приезда смог бы не только перенять все наработки американского ученого, но и заказать через него необходимый инструментарий. В письме от 19 февраля 1865 г., адресованном управляющему Морским министерством адмиралу Н.К. Краббе, Г.И. Бутаков отметил, что считает весьма важным делом безотлагательный приезд в Лондон специалиста-минера, знающего английский язык. Срочность была связана с тем, что Мори собирался на время покинуть Англию и отправиться в Америку. Бутаков предупреждал, что приезд специалиста-минера в Лондон должен быть «негласным», поскольку за Мори следили «шпионы северян». К своему письму военно-морской агент приложил описание четырех опытов, которые в его присутствии провел Мори.

Предложение американца повлекло за собой длительную переписку, продолжавшуюся больше года, втягивание в процесс изучения этого предложения многих людей из разных ведомств как в Российской империи, так и в Великобритании. Через неделю письмо Бутакова было получено в Морском министерстве. Ознакомившись с донесением агента Морского министерства, адмирал Н.К. Краббе считал необходимым переправить его военному министру Д.А. Милютину. В Главном инженерном управлении Военного министерства описание опытов Мори было тщательно изучено. 3 марта 1865 г. военный министр направил управляющему Морским министерством ответное письмо, в котором, в частности, указал на то, что «некоторые из указываемых... усовершенствований... оказались уже известными

у нас, по некоторым же другим и, в особенности по опыту, упомянутому под № 4, нельзя сделать никакого положительного суждения, не имея от том более определительных суждений». Далее Д.А. Милютин отметил, что хотя и имеется подходящий офицер, но он не сможет выехать в Лондон до отъезда Мори в Америку. В этой связи Милютин предложил Краббе ограничиться «телеграфным сношением» с Бутаковым, в котором, пользуясь нахождением изобретателя в Англии, следовало предписать контр-адмиралу заказать мастерам, которые работали с Мори, «все его инструменты с усовершенствованиями», а также просить Мори составить краткую инструкцию по использованию его приборов. Но в марте 1865 г. Бутаков находился во Франции и к выполнению указаний из Петербурга приступил находившийся в его распоряжении капитан 2-го ранга А.Е. Кроун¹¹⁹. В ходе встреч с американским ученым Кроун получил от него два немаловажных документа. Один из них являлся печатным отчетом комиссии Военного министерства Великобритании, изучившей в 1860 г. вопрос применения электричества в военных целях. Другой документ оказался рукописным. Это был рапорт австрийского инженера Эбнера свом правительству о подводных минах. Оба этих документа были отправлены в Морское министерство. 20 апреля Мори покинул Англию, распорядившись в его отсутствие все дела вести с его представителем — профессором Холмсом. В конце мая Милютин сообщил в Морское министерство о готовности послать в Англию офицера-сапера, специалиста минного дела, который может ознакомиться с сущностью секретного предложения Мори. В случае если оно окажется заслуживающим внимания, то русское правительство готово было войти с изобретателем «в соглашение о вознаграждении» за информацию о «секрете», который будет держаться «в совершенной тайне». Таким офицером явился штабс-капитан И.С. Черниловский-Сокол, прибывший в Лондон в августе месяце. События, происходившие в Лондоне с середины августа до середины сентября 1865 г. с участием Кроуна, Холмса и Черниловского-Сокола, остаются под покровом тайны. Известно лишь одно, что Черниловский-Сокол был «послан на короткое время с приказанием принять секрет без всяких условий и быть как можно осторожнее», по-английски он, как выяснилось вскоре, не говорил и 30 сентября 1865 г. вернулся в Петербург, где узнал о том, что месяц назад был произведен в капитаны. Впоследствии профессор Холмс передал капитану 2-го ранга Кроуну тетрадь, содержащую «целый трактат о подводных минах». Посчитав, что трактат служит «незбежным дополнением» к тем сведениям, которые были сообщены Черниловскому, Бутаков счел необходи-

мым отправить полученную тетрадь в Петербург. В конце января 1866 г. адмирал Н.К. Краббе переслал тетрадь Холмса военному министру Д.А. Милотину. Для рассмотрения предложений М.Ф. Мори, относящихся к подводным минам, был учрежден Особый комитет, в который вошли представители Морского министерства и Главного инженерного управления военного ведомства, в числе которых были и капитан И.С. Черниловский-Сокол. Особый комитет в начале апреля 1866 г. подготовил свое заключение. В части разработок Мори отмечалось следующее: «Ввиду всего, что выработано у нас не только относительно подводных мин, но и вообще, относительно воспламенения пороховых зарядов, ни одно из сделанных предложений не может быть применимо к практике и всякое дальнейшее исследование этих предложений будет совершенно бесполезно». Отдельный «приговор» был вынесен и «трактату Холмса». Было отмечено, что профессор только систематизировал предложения Мори и разработал их в научном отношении, но все его изменения и улучшения «не составляют ничего особенно существенного», сохраняя в то же время недостатки изобретений Мори и делая систему обороны подводными минами крайне сложной и едва ли практически применимой в военное время. 11 июня 1866 г. адмирал Н.К. Краббе отправил в Лондон Г.И. Бутакову замечания Особого комитета. Управляющий Морским министерством просил военно-морского агента поблагодарить М.Ф. Мори, уже вернувшегося в Англию, «за постоянную его преданность, которую Правительство наше вполне ценит, и выражить сожаление, что мы не можем воспользоваться дружественными и бескорыстными предложениями» (там же. С. 134—154).

В октябре 1866 г. Г.И. Бутаков получил чин вице-адмирала. 6 февраля 1867 г. он был избран президентом международной комиссии экспертов морского отдела Всемирной выставки в Париже.

17 июня 1867 г. Бутаков назначен начальником практической броненосной эскадры Балтийского флота, которой командовал в течение 11 лет. С 1878 г. состоял начальником береговой и морской обороны крепости Свеаборг, произведен в адмиралы. В сентябре 1878 г. был отстранен от дела, которому отдал все свои знания, всю жизнь. Высокопоставленные чиновники из Морского министерства постарались избавиться от «беспокойного адмирала». Г.И. Бутаков тем не менее, продолжал разрабатывать вопросы совершенствования боевой техники и тактического мастерства русских моряков. В 1879—1880 гг. он разработал и организовал новый вид тактической подготовки офицеров флота — военно-морскую игру. Такие

игры способствовали не только уяснению тактических приемов морского боя, но и теоретическому разрешению многих вопросов морского дела. Они проводились обычно еженедельно зимой в Петербурге под руководством Бутакова в собрании Технического общества.

Более двух лет адмирал Бутаков оставался не у дел. Но вот в начале 1881 г. ему предложили ответственный пост — главного командира С.-Петербургского порта, который он занимал до 1882 г.

В марте адмирал Г.И. Бутаков назначен членом Государственного совета. Участвовал в работе нескольких комиссий по преобразованию флота. Автор ряда работ по военно-морскому искусству, положивших начало теории броненосной тактики. За выдающийся научный труд «Новые основания пароходной тактики» (СПб., 1863) удостоен полной Демидовской премии Петербургской академии наук. Кавалер ряда высших российских орденов: Св. Святослава 1-й степени (1861), Св. Анны 1-й степени (1863), Св. Владимира 2-й степени (1871), Белого Орла (1874), Св. Александра Невского (1877). Скоропостижно скончался (31.05.1882) на 62-м году жизни, персезжая Неву на ялике. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Его именем названы несколько географических пунктов.

По отзывам современников, с виду угрюмый и молчаливый, Григорий Иванович Бутаков умел одобрить в критическую минуту, сказать несколько теплых слов, которые запоминались навсегда. Характера он был невозмутимого, спокойного и серьезного. Отлично образованный, он обладал замечательной способностью к изучению иностранных языков (знал многие европейские языки), а также к техническим знаниям и исследованиям. В должности подчиненного он являл собою пример образцового исполнения долга. В качестве начальника он был учителем и воспитателем целого поколения русских морских офицеров (*Лурье А., Маринин А.*. Указ. соч. С. 15—175; *Федорченко В.И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. М., 2000. С. 172; *Смирнов В.Г.* Указ. соч. 131—155).

В 1867 г. на замену Г.И. Бугакова прибыл контр-адмирал И.Ф. Лихачев¹²⁰, который находился в должности агента Морского министерства в Великобритании и Франции до 1883 г. Вопрос о ненормальности положения, когда агент Морского министерства решал задачи, относившиеся к своей компетенции, из Парижа при крайне ограниченной свободе для маневра подчиненного ему агента по заказам морского ведомства в Лондоне, поднимался неоднократно. Так, в 1875 г. с заграниц-

ной инспекционной поездкой в Европе находился директор канцелярии Морского министерства тайный советник К.А. Манн (с 10.1866 по 31.12.1874). Он отметил вредившую делу излишнюю зависимость представителя Морского министерства в Лондоне от своего непосредственного начальника, находившегося в Париже, фактическим помощником которого он являлся. Все заказы в Англии проводились через Париж, что подрывало авторитет в глазах официальных и деловых кругов Великобритании агента по заказам Морского министерства капитана 1-го ранга Н.В. Копытова¹²¹, постоянно находившегося в Лондоне, и существенно снижало эффективность его деятельности. Более того, тайный советник Манн подчеркивал, что имеющиеся позиции Морского министерства в Англии используются далеко не в полной мере. В этой связи директор канцелярии отмечал следующее: «*Наши морские интересы преимущественно сосредотачиваются в Англии, а капитан I ранга Копытов принадлежит к числу тех офицеров флота, которые не только умеют наблюдать, но которые умеют при нужде дать хороший совет. При теперешнем положении вещей агентство в Лондоне не вполне пользуется заказами морского ведомства, чтобы отворять себе двери заводов и отворять их для тех молодых людей, которых Морское министерство посылает учиться в Англию или изучать тот или другой вопрос в частности, а подобное изучение или ознакомление с той или другой частью производства на английских заводах — одна из главных целей министерства при заказах предметов за границей*» (Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 36—37).

Однако при этом К.А. Манн полагал, что разделять должность агента во Франции и Великобритании не следует, надо лишь предоставить представителю Морского министерства в Лондоне большую самостоятельность. Управляющий Морским министерством адмирал Н.К. Краббе не признал нужным что-либо менять. Очевидно, что и К.А. Манн, и Н.К. Краббс, каждый по-своему, думали и действовали с оглядкой на непростой характер вице-адмирала И.Ф. Лихачева. Лишь когда в 1883 г. последний вышел в отставку, наряду с должностью агента Морского министерства во Франции ввели должность агента Морского министерства в Великобритании.

Существенный импульс для активизации сотрудничества между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Россией в военно-морской сфере дала Крымская война. 50-е гг. XIX в. были временем серьезного интереса российских властей к бассейну реки Амур. Для освоения этого региона требовались суда особо-

го типа (с низкой осадкой, приспособленных к плаванию по морю и мелководному Амурскому лиману), которые и пополнили впоследствии Сибирскую флотилию. «Морское министерство, не имея более возможности отправлять суда отсюда к устьям Амура, послало двух офицеров в Америку, чтобы купить там два винтовых корвета и под американским флагом провести их к Амуру. Удачное исполнение этого важного поручения значительно усилит наши способы в том краю, которому предстоит огромная будущность», — докладывал генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич Александру II и заявлял о «необходимости, немедленно по заключении мира, отправить... несколько офицеров в Америку, чтобы, не щадя издержек, купить там несколько пароходов» (Краткий отчет по морскому министерству за 1853—1854 гг. СПб., 1855. С. 17—18/ В 1855 г. в Америку были командированы капитан 1-го ранга П.В. Казакевич и капитан-лейтенант Г.А. Кроун с целью заказа пароходов и технического оборудования для Дальнего Востока. Оба выехали не под своими фамилиями с закрытием принадлежности к российскому флоту. Так, Кроун был направлен в Северную Америку по документам «купца Локотникова» (Чертопруд С.В. Российские адмиралы. Биографический словарь. М., 2004. С. 158). Всего из 12 судов, плававших по Амуру в 1860 г., четыре были построены в Северной Америке.

В 1856 г. в Америку для постройки 90-пушечного корабля «Императрица Мария» была направлена группа офицеров под руководством капитана 1-го ранга И.А. Шестакова. Правда, весной 1857 г., после доклада великого князя Константина Николаевича, Александр II принял решение вместо 90-пушечного корабля заказать 70-пушечный фрегат и назвать его «Генерал-адмирал» (Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 59).

В донесении посланнику России в США Э.А. Стеклю от 21 марта 1857 г. Шестаков сформулировал задачи, которые должны были решать командируемые за океан моряки: «*Предмет посылки офицеров за границу не ограничивается только той частью, которую они занимаются в России; все вообще полезное для нашего края подлежит их вниманию и должно быть представлено на усмотрение правительства с возможными подробностями*» (Носков В.В. Внешняя политика США на рубеже XIX—XX вв. в донесениях военно-морских агентов России в Вашингтон // Россия и Америка в XIX веке. Электронный журнал. № 1. 2007). Такое широкое понимание своих задач было характерно для большинства офицеров русского флота, направлявшихся впоследствии в Америку.

Интерес морского ведомства России к американскому опыту усилился в годы Гражданской войны. С 1862 по 1864 г. в САСШ находился капитан 2-го ранга А.Е. Кроун, на которого возлагалась задача «*собирания сведений о новейших технических усовершенствованиях*». Данное назначение не было связано с учреждением должности агента Морского министерства, хотя спустя 13 лет в переписке он и был назван «агентом». В этот период в ходе боевых действий впервые были использованы новые конструкции кораблей, наибольшую известность из которых получил корабль северян «Монитор» — бронированный, низкобортный корабль с малой осадкой, предназначавшийся для нанесения артиллерийских ударов по береговым объектам и войскам противника. Кроме Кроуна, в САСШ с короткими командировками побывали капитан Кронштадтского порта уже упомянутый капитан 1-го ранга С.С. Лесовский, корабельные инженеры Н.А. Арцеулов и Х.В. Прохоров, инженер-механик А.Д. Приббе. Их усилиями была тщательно изучена конструкция серийных американских «мониторов». В России в течение 1863—1865 гг. для защиты портов в Финском заливе было построено 10 судов этого класса (*Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 38.*).

В 1863 г. в порты Северо-Американских Соединенных Штатов вошли две русские эскадры, предназначенные для крейсерских операций в случае войны с Англией и Францией. Для обеспечения снабжения русских кораблей был послан за океан капитан 2-го ранга А.Е. Кроун, «*который, по соглашению с начальниками обеих эскадр и с нашим послаником в Вашингтоне, должен был организовать быстрое и непрерывное доставление на эскадры всех нужных припасов*».

Следующая волна интереса Морского министерства России к Америке была связана с новым Восточным кризисом и Русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Первоначально командование российского флота предполагало направить в порты САСШ свои крейсеры, как это уже было в 1863—1864 и 1870—1871 гг. 7 октября 1876 г. генерал-адмирал сообщал императору: «*Для снабжения эскадры во время крейсерства необходимо иметь в Америке агента. Полагаю употребить для сего Кроуна, который исполнял эту должность при Лесовском (в 1863—1864 гг.)*» (*Носков В.В. Указ. соч.*). В начале 1877 г. контр-адмирал А.Е. Кроун прибыл в Северо-Американские Соединенные Штаты. Однако на этот раз американское правительство не позволило использовать свои порты для базирования русских крейсеров, поэтому планы изменились. Было решено приобрести в САСШ быстрые пароходы и переоборудовать их для ведения крейсерских операций. Весной

1878 г. с этой целью в Америку прибыла группа офицеров корпуса корабельных инженеров под руководством капитан-лейтенанта Л.П. Семочкина. Что же касается А.Е. Кроуна, должность военно-морского агента так и не была учреждена в САСШ. Первый официальный российский военно-морской агент был назначен только в конце декабря 1892 г.

В 1873 г. в дополнение к имевшемуся агенту Морского министерства в Лондоне и Париже (впоследствии — в начале XX в. — эти должности стали называться военно-морской агент в Великобритании и во Франции) был назначен агент Морского министерства в Австро-Венгрию и Италию. Им стал будущий управляющий Морским министерством Иван Алексеевич Шестаков, который считал, что это место было создано специально для него (*Шестаков И.А. Указ. соч. С. 547*). 16 марта 1873 г. управляющий Морским министерством Н.К. Крабе писал контр-адмирал И.А. Шестакову: «*Обязанности Ваши... будут заключаться в доставлении министерству возможно точных и подробных сведений о современном состоянии морских сил Австрии и Италии как в отношении их численности, так и боевых элементов единичных судов, о средствах военных портов этих государств и организации их морских управлений, так чтобы мы могли иметь все необходимые данные для верного суждения о силе их флотов. ...Ваша опытность, лучшие всех инструкций за глаза укажет Вам, что... может иметь интерес и применение у нас*» (*Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 74*). Единственное конкретное указание было связано в успехами, достигнутыми в Австро-Венгрии в части разработки торпед: «*Обратите особое внимание на положение минного вопроса; по имеемым в министерстве сведениям, этим делом много занимается в Австрии, и в Польше производились серьезные опыты над движущимися торпедами*».

С 1874 г. агенты Морского министерства (впоследствии — военно-морские агенты) назначаются в Германию. Первым агентом Морского министерства в этой стране стал капитан-лейтенант Н.А. Невахович¹²². Любопытно, что создание нового морского агентства инициировалось не руководством Морского министерства, а владевшим ситуацией офицером. Так, 4 марта 1873 г. Невахович представил директору канцелярии Морского министерства тайному советнику К.Л. Манну записку об усилении морских сил Германии, в которой указал на необходимость иметь российского морского агента в Германии, Голландии и Дании. 7 января 1874 г. последовало «высочайшее разрешение» на командирование капитан-лейтенанта Неваховича в Берлин. Официально же Невахович был признан агентом Морского

министерства в Германии (он же и для Голландии) «с высочайшего разрешения» от 6 июля 1876 г., после чего занимал этот пост в течение семи лет. В распоряжении капитана 2-го ранга Неваховича некоторое время находился мичман Г.А. Сакс, замененный в начале 1880 г. лейтенантом Е.Д. Рончевским. Именно в этот период в Морском министерстве пришли к пониманию о необходимости иметь за границей квалифицированного минного офицера для сбора сведений о новейших усовершенствованиях в данной области. В этой связи и был избран лейтенант К.Д. Рончевский, имевший хорошие знания, большой опыт и владевший немецким языком, для направления в командировку в Германию, где минное дело на тот момент получило значительное развитие (Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 40—41, 52).

Совершенно отличная ситуация с агентами Морского министерства складывалась на Дальнем Востоке. Заключение Путятиным в 1855 г. Симодского договора, открывало, в том числе для русских судов три японских порта, причем в два из них — Хакодатэ и Нагасаки — Россия получала право назначать своих консулов. Во время своего визита Путятин вынес убеждение о большом интересе японцев к морскому делу: *«Они желают перенимать все полезные знания и искусства от образованных народов и часто обращаются с просьбой научить их предметам, относящимся до мореплавания и военного искусства»* (Петров В. Военно-морские агенты в Японии (1858—1917) // Знакомьтесь — Япония. 1998. № 19. С. 52).

На основании рапорта Путятина генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу правительство решило включить морского офицера в первый состав российского консульства, отправившегося в Японию, в Хакодатэ — морской порт, куда по Симодскому договору могли заходить русские торговые корабли. Выбор пал на лейтенанта П.Н. Назимова. Официально по сравнению со своими коллегами в Европе он не назывался агентом Морского министерства. Согласно Инструкции директора Инспекторского департамента Морского министерства контр-адмирала Н.К. Краббе, датированной февралем 1858 г., *«состоящему при российском консульстве в Хакодатэ»* лейтенанту Н.П. Назимову предписывалось:

«1. Находиться в совершенной подчиненности нашего консула и исполнять его предписания.

2. Стремиться изучить японский язык и, с одной стороны, сообщать японцам полезные сведения в астрономии, мореходстве и по искусству кораблестроения и корабельной механике, а, с другой, — собирать и доставлять нашему Морскому

министерству сведения о Японии...» (Российский государственный архив Восточно-морского флота. Ф. 283. Оп. 3. Д. 316. Л. 39). Первые же донесения Назимова показали, насколько в Петербурге были далеки от понимания ситуации в Японии. «Хакодатэ... есть ничто иное, как большая деревня, где никаких сведений собрать нельзя». Возможностей же совершать поездки в другие города и местности Японии почти не представлялось.

Что касается жителей Хакодатэ, то они опровергли наблюдения Путятина, не проявив никакого желания обучаться морскому делу. Остается загадкой, как Назимов завлекал японцев на обучение морскому делу. Очевидно, подобное начинание должно было предусматривать формирование соответствовавших японских структур, которым была бы поручена организация обучения военно-морскому делу, выделение соответствовавшего контингента обучаемых и, наконец, финансирование этого начинания. Чего, как выяснилось, сделано не было. А может быть, и не предусматривалось изначально? Одним словом, Назимов должен был действовать по своему разумению. В итоге наиболее значительным из всех дел, совершенных Назимовым, стала постройка дома для консульства. В 1860 г., получив новое назначение, Назимов вернулся в Россию. Несколько его сообщений (очень кратких), помещенных в «Морском сборнике», служили в морской среде одним из немногих источников знакомства с Японией.

В 1861 г. на место Назимова приехал лейтенант П.М. Костерев, пробывший в Японии более длительный срок. Но и его усилия не увенчались особым успехом. Подобно своему предшественнику, лейтенант овладел основами разговорного японского языка, но иероглифы оказались для него непреодолимым препятствием. Правда, несколько японцев все же стали его учениками, но, как вскоре выяснилось, это были младшие сыновья чиновников, не имевшие шансов унаследовать должности своих отцов. В обучении морским наукам они видели всего лишь способ продвижения по социальной лестнице. Как следствие, отмечал лейтенант Костерев, при переходе к относительно сложным предметам *«крайне их начинает охлаждаться, они начинают манировать уроками и, наконец, совсем сокращаются...»*. Поэтому Костерев предложил перенести свое местопребывание в Нагасаки — крупный порт, где японцы связывали с русскими значительные торговые интересы. Ему принадлежат, кроме того, курьезные заметки о пользе развития русско-японских контактов: *«...в нравственном и ученом отношении трудно чем-нибудь позаимствовать у японцев, разве только в столярном мастерстве...»*.

В будущем, полагал Костерев, Япония могла бы принести России некоторую пользу как поставщик съестных припасов, а также сырья для изготовления взрывчатых веществ» (там же. С. 52—53).

По мнению руководства Морского ведомства, а также отзывам командующих русской эскадрой на Дальнем Востоке, деятельность лейтенантов П.Н. Назимова и П.М. Костерева в Японии не принесла ожидаемой пользы, а потому 17 мая 1866 г. Александр II утвердил предложение управляющего Морским министерством об упразднении данной должности.

31 июля 1867 г. лейтенант Н.А. Быков, служивший с 1860 г. на русской эскадре в Тихом океане, представил управляющему Морским министерством записку, в которой попытался обосновать целесообразность повторного учреждения должности агента Морского министерства в Японии с пребыванием в Нагасаки или в Йокосуке. Однако главной целью провозглашалось получение при посредничестве агента заказов на строительство паровых судов для торгового флота Японии. По мнению лейтенанта Быкова, при честном ведении дела и при существовавшем тогда доверии к русским это не только принесло бы коммерческую выгоду, но и способствовало бы развитию русского гражданского судостроения. Подобная постановка вопроса свидетельствовала о полнейшем непонимании Быковым задач, которые должны решать представитель Морского министерства за границей. Тем не менее его аргументация не нашла понимания, и на протяжении трех десятилетий Морское министерство снабжалось отрывочными сведениями о дальневосточном соседе России. Основным источником информации о Японии и ее флоте были рапорты командующих эскадрами и командиров отдельных кораблей, достаточно часто заходивших в порты этой страны, и в первую очередь в Нагасаки (*Емелин А.Ю. Указ. соч. С. 46—47*).

В русском военно-морском флоте функции периферийных органов разведки выполняли штабы морских сил на Балтийском и Черном морях, а также штаб эскадры Тихого океана, которые организовывали и вели разведку, используя, в частности, корабли-стационары. В соответствии с Тяньцзинским договором 1858 г. для российских кораблей открывается целый ряд китайских портов. Одновременно Россия получает также право назначать своих консулов в открытые для нее китайские порты, а для поддержания их власти и порядка «посыпать военные суда» (ст. 5) (Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950. С. 838). Таким образом, перед экипажами стационаров открывалась возможность собирать разведывательные

сведения. И эта возможность в ряде случаев использовалась довольно успешно. «Гонконгские газеты начали наполняться статьями о предстоящем разрыве России с Китаем. Это обстоятельство заставило меня посетить торговый центр Китая — Кантон, изучить фарватер и ознакомиться с вооружением батарей... — писал в своем отчете один из командиров стационара. — Батарея эта двухярусная в 16 чугунных орудий 24 фунтового калибра, обстреливает вход во внутренний рейд: другая батарея около сухопутных казарм в 20 чугунных орудий 30-ти фунтового калибра. У этой батареи есть приданок в 2 орудия Армстронга рядом с сухопутными казармами, вмещающими один батальон, расположенный военный госпиталь на 70—110 человек...» (Татаринов В. Наши стационары в китайских портах // Морской сборник. СПб., 1881. № 6. С. 36). Однако сбор разведывательных сведений экипажами стационаров в большинстве случаев являлся исключением и зависел от частной инициативы.

4. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. И ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

4.1. Деятельность Н.П. Игнатьева в Османской империи в 60—70-е годы. Канун Русско-турецкой войны

30 августа 1865 г. Н.П. Игнатьева производят в генерал-лейтенанты, а с 25 марта 1867 г. он чрезвычайный и полномочный посол в Османской империи. «Русский посол в Царьграде, — писал в своих воспоминаниях один из современников графа, — оказался столь влиятельным, что сами турки то ли в шутку, то ли в серьез называли его первым после султана лицом в Османской империи — всесильным “московским пашой”». Русский генерал-посол, словно магнит, притягивал к себе жителей города (Канева Калина. Рыцарь Балкан граф Н.П. Игнатьев. М., 2006. С. 25).

К Игнатьеву благоволил султан Абдул-Азиз, он сблизился с его сыном Изеддином, встречался и обменивался корреспонденцией с престолонаследником, будущим султаном Мурадом V. Игнатьеву удалось установить доверительные отношения со многими министрами Порты. Он прекрасно знал положение в империи,

интриги в серале, а также обладал обширным компроматом на турецких министров и чиновников. Но особое влияние Игнатьев оказывал на самого великого визиря Махмуда Недима-пашу, от которого он получал информацию. По отдельным свидетельствам, великий визирь настолько переориентировал внешнюю политику страны с Англии и Франции на Россию и до такой степени зависел от российского посла, что турки прозвали его Недимов. Об этом, в частности, вспоминал глава судебной комиссии Джевдест-паша, описывая события 1875 г.: «*Я выехал в Одрип и Пловдив и доехал до Софии. Мои наблюдения показывают, что в Болгарии все идет к большой революции. Поскольку я знал, что мой письменный доклад великий визирь Махмуд Недим-паша тотчас же покажет Игнатьеву, я решил докладывать устно»* (Канева Калина. Указ. соч. С. 45—46).

Информация к Игнатьеву поступала и от сотрудников посольства в Константинополе, и российских консульств во многих городах Османской империи, которые в своей деятельности опирались в том числе и на негласные источники, сотрудничавшие чаще всего на платной основе. Проблема во многих случаях состояла не в том, чтобы приобрести секретный документ, а в том, чтобы доставить его по назначению в Россию, минуя контроль со стороны местной спецслужбы. Поскольку направлять информацию, полученную в документальной или устной форме, в специальных пакетах с сургучной гербовой печатью посольства было опасно — такие пакеты вскрывались турками в первую очередь и запечатывались после перлюстрации без малейших следов вскрытия, Игнатьев прибег к рискованной затее. Он стал отправлять всю свою корреспонденцию в самых обычных письмах, запечатанных в грошевые конверты, которые пролежали до этого некоторое время рядом с селедкой и мылом. Н.П. Игнатьев заставлял своего лакея подписывать конверты на имя дворника или истопника российского Министерства иностранных дел по частному адресу их проживания. И этот способ оказался действенным. Николай Павлович стал прибегать к такой уловке после курьезного случая, имевшего место еще во время его службы военным агентом в Великобритании. Однажды Игнатьев получил дипломатической почтой письмо из Военного министерства в Петербурге с явными следами вскрытия. Он немедленно попросил аудиенции с английским министром иностранных дел, в ходе которой сообщил, что британские спецслужбы тайно читают личную и служебную корреспонденцию членов русской дипломатической миссии. Министр всячески отрицал подобную практику спецслужб, но будучи уличенным демонстрацией злополучного конверта,

не нашел ничего лучшего, как заявить настырному военному агенту: «А что же я, по-вашему, должен был вам сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?» (*Майский С. «Черный кабинет*. М., 1922).

Огромную популярность Игнатьев снискал у населения своим внимательным и справедливым отношением к тяжбам и конфликтам, которые ему приходилось разбирать, благотворительностью, а также рядом смелых поступков. Так, например, он спас 17-летнюю черкесскую девочку, проданную в гарем султану укравшим ее мусульманином, которой удалось бежать и укрыться в российском посольстве. Игнатьев не только вырвал девушку из рук свихов, но и добился освобождения из тюрьмы нескольких христиан, способствовавших ее побегу (*Канева Калина. Указ. соч. С. 39*).

Особые отношения российского посла с султаном и великим визирем позволяли ему решать многие вопросы, в том числе и улаживать конфликты христиан с османскими властями на местах и в столице. Игнатьеву неоднократно удавалось вырвать из тюрем или помочь в бегстве участникам и лидерам славянского освободительного движения.

Посольство непрерывно оказывало финансовую помощь частным лицам, школам и монастырям — только в 1868 г. было роздано 87 тыс. рублей.

В Константинополе он оказался на волосок от смерти: польскими эмигрантами на него было совершено покушение.

У молодых болгар, созревших для борьбы, не было ни опыта, ни военных знаний. Россия, постоянно находившаяся под пристальным вниманием западных сил, не могла создать на своей территории военного училища. На графа Игнатьева была возложена трудная и деликатная миссия найти другой способ обучать молодежь военному делу. Прибывший в 1866 г. в Константинополь сербский князь Михаил Обренович после переговоров с российским послом дал согласие открыть «Болгарское военное училище в Белграде», позднее «Болгарская легия».

Игнатьев сыграл огромную роль в отделении болгарской церкви от Константинопольской патриархии, что явилось значительным шагом к созданию болгарской национальной государственности. Он контролировал деятельность Русской православной церкви в Палестине. Он укрепил русское влияние на Афоне, по его инициативе иноками с Афона был основан Новоафонский монастырь в Абхазии (*Хевролина В.М. Указ. соч. С. 99—119*).

Игнатьеву удалось создать благоприятный психологический климат в посольстве, организовать коллектив единомышленников из способных и эрудированных сотрудников. Среди них было немало болгар, а также представителей других национальностей. Особое внимание Игнатьев обращал на подбор сотрудников в генконсульства и консульства, разбросанные по всей Османской империи. Именно через них вербовалась агентура на местах, дававшая ценные сведения.

Не переставая тщательно изучать реальное положение христиан в Османской империи, анализируя менявшуюся международную обстановку, Игнатьев неоднократно составлял планы, программы, записки в МИД, императору, проекты о реформах, которые следовало предъявить Турции в пользу христиан.

По настоянию Игнатьева Петербург выделил в 1866 г. 25 тыс. рублей на поддержку болгарских отрядов, но деньги пришли уже после их разгрома. Игнатьев предложил отдать отпущенную сумму сербскому правительству, которое должно было передать ее болгарам, когда они будут действовать вместе с сербами. Вообще, он считал, что для достижения успеха все нити христианских политических предприятий должны быть сосредоточены в руках сербского правительства.

Игнатьев был сторонником освобождения турецких христиан силами самих народов, но при активной поддержке России, которая должна была, по его мысли, содействовать их объединению и сплочению, оказывать им финансовую и материальную помощь, в том числе вооружением и военными инструкторами. Такая помощь, правда в небольших размерах, оказывалась, особенно в период Восточного кризиса 70-х гг., когда для сербов и болгар закупалось в Европе оружие, русские офицеры направлялись в сербскую армию. Делалось это под прикрытием славянских комитетов, общественных организаций помощи славянам, созданных в России в 50—60-х гг.

Так, зимой 1867—1868 гг. подготовку восстания в Болгарии вел Одесский комитет. Об этом было известно русской дипломатии, в частности послу России в Константинополе. Адъютант Н.П. Игнатьева поручик В. Скалон лично участвовал в разработке Одесским комитетом плана доставки оружия в Болгарию, а затем в апреле 1868 г. вместе с И. Кишельским подготовил к отправке большую партию вооружения (40 тыс. ружей) из Николаевского арсенала. Однако Военное министерство по политическим соображениям приостановило эти приготовления.

Действия Игнатьева в 1867 г. не привели к существенным результатам — локальные вспышки были подавлены, объединения с сербами не произошло. Новое

сербское правительство Й. Ристича взяло курс на сближение с Западом и на примирение с Турцией, особенно после отвода турецких гарнизонов из Сербии. Оно не только приостановило военные приготовления Порты, но и в апреле 1868 г. закрыло Болгарскую легию (*Канева Калина. Указ. соч. С. 35*).

В 1866 г. к Игнатьеву тайно обратился один из предводителей албанцев с просьбой к России помочь его стране в свержении турецкого ига. Игнатьев сумел привлечь его к сотрудничеству и даже добиться от него письменного обязательства действовать тайно и ничего не предпринимать без его ведома. В доказательство своей искренности конфидент Игнатьева, по совету российского посланника, направил тайно в Россию на временное жительство свою семью.

Далее русский посол сумел убедить Петербург в необходимости присылки крупной суммы денег (200 тыс. рублей в разной валюте) для подкупа других лидеров албанцев, чтобы воспрепятствовать использованию турками албанцев-мусульман для подавления разного рода вспышек или восстаний сербов, а также для распространения среди них идеи борьбы за независимость страны от Османской империи. Петербург пошел на выделение требуемой суммы, большая часть из которой была доставлена в Константинополь курьерами.

В марте 1868 г. Н.П. Игнатьев обратился с письмом к министру иностранных дел А.М. Горчакову, в котором выдвинул идею формирования общественного мнения в Западной Европе о политике России в Османской империи. «*Тщательное наблюдение и четырехлетний опыт убедили меня, — докладывал министру Игнатьев, — что лживые корреспонденции с Востока и телеграфические известия, распространяющиеся мгновенно по свету, преимущественно основываются на сообщениях нескольких корреспондентов, проживающих или временно пребывающих в Константинополе, из коих каждый снабжает сведениями целую группу европейских газет. Некоторые из этих корреспондентов мне лично известны*». Игнатьев предложил «*хотя отчасти парализовать корреспонденции, направленные против России, помещая одновременно через тех же людей, сведения, представляющие события в свете нам более благоприятном*». Не забыл Игнатьев и необходимость воздействия на местную прессу. Для достижения этой цели, по словам Игнатьева, необходимо было предоставить в распоряжение посольства в Константинополе «*известную сумму денег, разрешив войти в соглашение с людьми, доставляющими статьи и известия в газеты европейские разных оттенков*». «*В виде опыта*» российский посланник предложил выделить в течение 1868 и 1869 гг. от 25 тыс.

до 30 тыс. франков ежегодно «для действия на прессу местную, на телеграфные агентства и на корреспондентов европейских газет, проживавших в Константинополе (АВПРИ. Оп. 233. Д.1 (1968 г.).

Вскоре Игнатьеву были отпущены средства в сумме 30 тыс. франков ежегодно на 1868, 1869 и 1870 гг. На 1871 г. по обоюдному согласию посольства и Министерства финансов, сумма была снижена до 20 тысяч. Впоследствии эти суммы регулярно закладывались в ежегодные сметы.

Таким образом, Игнатьев не только решил задачу формирования в нужном направлении общественного мнения как в Османской империи, так и за ее пределами, но и стал получать сведения обо всех сферах деятельности турецкого правительства и в первую очередь политической и военной, от информированных журналистов, как местных, так и иностранных.

Игнатьев совершенно безосновательно надеялся на урегулирование в интересах России проблемы проливов, как и на улучшение положения славян, путем непосредственных русско-турецких переговоров без участия Европы. Между тем Европа была коренным образом заинтересована в том, чтобы обе эти проблемы решались не в пользу славян и России. Зависевшая от них Турция не могла, даже если бы и захотела, самостоятельно действовать в этих вопросах.

Слабой стороной позиции Игнатьева являлось неадекватное представление о силах России. Ее военные возможности оказались слабее, чем он рассчитывал, а сопротивление Европы стремлению России усилить свое влияние на Балканах — гораздо сильнее.

В июле 1875 г. началось восстание христианского населения в турецких провинциях Герцеговине и Боснии. Причиной тому были злоупотребления турецких властей. Восставшие надеялись на помощь со стороны Австро-Венгрии и России. Война приняла характер партизанских действий. Жертвой военных действий неизбежно стали крестьяне, которые массами стали покидать мятежный край. Около 200 тыс. беженцев нашло спасение на территории Австро-Венгрии, значительное количество их укрылось в Сербии и Черногории и около 150 тыс. погибло в этом конфликте. Следующий этап кровавых балканских событий начался в конце апреля 1876 г. Революционеры, действовавшие с соседних территорий — Сербии и Румынии, — попытались вовлечь сельское население в борьбу против Турции. Успеха удалось достичь лишь в нескольких горных городках, где началось массовое истребление турок. Попытки придать выступлению организованный и массовый

характер провалились. В результате турецкие власти получили возможность организовать карательную акцию большого масштаба. Изолированные очаги восстания были разгромлены один за другим, было сожжено 80 и разгромлено более 200 населенных пунктов. Действовал принцип коллективной ответственности. От рук турок и местных мусульман погибло от 30 до 60 тыс. человек. Международная реакция на зверства в Болгарии была крайне острой. Разумеется, в России произшедшее вызвало бурю возмущения.

1 мая 1876 г. в Берлине представителями России, Австро-Венгрии и Германии был подписан меморандум, к которому позже присоединились Италия и Франция, но отказалась это сделать Великобритания. Меморандум требовал от турецкого правительства заключить на два месяца перемирие с повстанцами, оказать помощь в восстановлении разоренных жилищ и хозяйств, признать за повстанцами право сохранения оружия. Турецкие войска должны были быть сосредоточены в нескольких пунктах. 30 мая текст меморандума должен был быть вручен правительству Турции, где в эту ночь произошел переворот — был свергнут султан Абдул-Азис. Игнатьев не раз предупреждал султана о сложной ситуации в столице, но тот не предпринимал никаких мер. Абдул-Азис был человеком ленивым, не желал заниматься государственными делами, к тому же он возбудил против себя недовольство населения непомерными тратами на постройку дворцов и мечетей. 4 июня заключенный во дворец правитель был убит. После переворота влияние Игнатьева было существенно подорвано и восстановить его российскому послу уже не удалось.

Новый султан Мурад V занял жесткую позицию по отношению к восставшим. Вручение Берлинского меморандума было отсрочено, а вскоре он потерял всякий смысл.

30 июня 1876 г. Сербия начала войну с Турцией, 2 июля к ней присоединилась Черногория. В России славянское движение вспыхнуло с новой силой, продолжился сбор денег; на Балканы отправилось несколько тысяч добровольцев. Страна испытывала общенациональный подъем, с которым императорское правительство не могло не считаться.

Действия сербских войск были неудачными. Провалились расчеты Белграда на восстановление балканского союза 60-х гг. — Румыния и Греция отказались вступить в коалицию с Сербией и Черногорией. Тем временем значительный подъем наблюдался в Турции. В Константинополе прошли демонстрации сторонников

войны за сохранение целостности Османской империи. Недовольство правительством привело к новому государственному перевороту. 31 августа Мурад V был низложен и заключен под домашний арест. Его брат Абдул-Гамид II был настроен еще более непримиримо. Война и резня христиан продолжились.

18 октября 1876 г., после получения известия о том, что сербская армия разбита и турки в течение 10 дней могут взять Белград, Александр II вынужден был вмешаться. Турции был предъявлен ультиматум — в течение двух дней заключить перемирие на срок не менее шести недель и приступить к переговорам. Константинополь вынужден был согласиться — перемирие было заключено на два месяца на условиях статус-кво. Войну продолжала одна Черногория. 1 ноября 1876 г. была объявлена частичная мобилизация русской армии. После этого Россия уже не могла отступать. Единственным условием мирного завершения кризиса становился успех Константинопольской конференции послов России, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Франции и Англии, созванной по инициативе Петербурга. Она проходила с 23 декабря 1876 г. по 20 января 1877 г. Н.П. Игнатьеву удалось добиться единогласной позиции по поводу проведения реформ в Турции. Три провинции должны были получить статус автономных: Восточная Болгария со столицей в Тырново; Западная Болгария со столицей в Софии; Босния и Герцеговина, объединенные в одну провинцию.

Ко дню официального открытия Константинопольской конференции Османской империей была принята конституция, которая провозглашала империю «нераздельным целым», ни одна часть которого не могла быть отторгнута ни по какой причине. Одновременно провозглашалось равенство всех подданных Блистательной Порты. Уравнение в правах христиан с мусульманами, хотя бы только на бумаге, делало бессмыслицем предложения великих держав по выделению специальных автономий с особым режимом управления христианской и мусульманской общинами. Граф Игнатьев определил объявленную конституцию как блеф и потребовал от великих держав подтвердить свое решение о придании истинной автономии Болгарии. В истории осталась его фраза-ультиматум, брошенная в лицо Порте: «Или автономия — или анатомия» (*Канева Калина. Указ. соч. С. 60*).

20 января 1877 г. конференция была закрыта, а 27 января Игнатьев покинул Константинополь, за ним последовали и другие послы. Вслед за срывом Константинопольской конференции последовало резкое ухудшение русско-турецких отношений.

3 января в Будапеште была заключена секретная русско-австрийская конвенция. Для войны на Балканах России было жизненно важно соглашение с Веной, так как австрийцы, действуя из Трансильвании, как в 1856 г., могли угрожать коммуникациям русской армии на Нижнем Дунае. За дружественный нейтралитет Австро-Венгрия получала право выбора момента оккупации Боснии и Герцеговины. В случае победы над Турцией Болгария (т.е. Дунайская Болгария), Румелия (т.е. Забалканская Болгария) и Албания должны были получить статус независимых государств, предусматривалась также возможность преобразования Константинополя в вольный город. О территориальных компенсациях Сербии и Черногории на сей раз не упоминалось.

28 февраля 1877 г. Турция все же пошла на уступку — был заключен мир с Сербией на основе статус-кво и начаты переговоры о мире с Черногорией.

Финансовые потери для России с момента объявления частичной мобилизации были велики — четыре месяца содержания частично отмобилизованной армии к февралю 1877 г. обошлись в 30 937 000 рублей (*Айрапетов Олег. Указ. соч. С. 303—321*). Вместе с тем Россия не могла пойти на демобилизацию армии, не достигнув никаких результатов. Перед посланным в феврале в Европу Н.П. Игнатьевым была поставлена задача организовать выступление держав в поддержку Константинопольской конференции. Принятый в конце марта 1878 г. Лондонский протокол подтверждал решения Константинопольской конференции. К протоколу прилагались две декларации. В первой декларации говорилось о том, что если Турция переведет свои войска на мирное положение и приступит к реформам, то Россия проведет «разоружение» — демобилизацию своих войск. Во второй декларации державы заявляли, что если соглашение о взаимном «разоружении» — демобилизации не будет достигнуто, Лондонский протокол «будет считаться лишенным силы».

Султан отверг текст протокола, не оставляя России выбора.

18 марта 1877 г. была подписана дополнительная к Будапештской конвенции, по которой подтверждалось право России на возвращение Южной Бессарабии, а Австро-Венгрии — на занятие Боснии и Герцеговины.

4 апреля 1877 г. советником посольства в Константинополе А.И. Нелидовым, тайно прибывшим в Бухарест, была заключена конвенция об условиях пребывания русских войск на румынской территории. Румыния, как вассал Турции, еще считалась турецкой территорией. Согласно конвенции, правитель-

ство Румынии обязывалось обеспечить русскую армию свободным проходом через свою территорию, оказать содействие в снабжении продовольствием и фуражом и предоставить возможность использования железных дорог, почт и телеграфа. Россия, со своей стороны, обязывалась «защищать нынешнюю целостность Румынии». Для укрепления вооружавшейся румынской армии ей было передано 32 тяжелых орудия, 4 вагона пороха и 25 тыс. винтовок. Через три дня после подписания этого документа, который признавал де-факто Румынию независимым государством, русские войска получили приказ вступить на территорию этой страны.

С ноября 1861 г. Военное министерство возглавлял генерал Д.А. Милютин, который провел ряд реформ, полностью изменивших систему укомплектования и управления армией. Финальным и самым известным эпизодом этой колоссальной работы было введение 1 января 1874 г. всесословной воинской повинности. Ее результаты, конечно, еще не могли проявиться, однако широкие преобразования в армии начались еще в 1862 г. Их естественной проверкой стала война.

Каковы же итоги 15-летнего пребывания Д.А. Милютина на посту военного министра? В своем всеподданнейшем докладе от 15 января 1862 г. он указывал в том числе как на «главнейшее затруднение» — на колоссальную цифру военной сметы, составлявшую тяжелейшее бремя для наших финансов, иставил Военному министерству в непременную обязанность изыскивать все средства к облегчению этого бремени. И далее шли мероприятия, направленные на сокращение «бремени» (Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 294). Министр не озабочился о том, чтобы добиться экономии за счет проведения целого ряда предлагаемых им мероприятий, а высвобожденные деньги направить на «кузкие» места, которых в армии было более чем предостаточно.

Постоянная экономия на нуждах армии привела к тому, что в 1877 г. она была вооружена винтовками нескольких образцов, не преобладая преимуществом вооружения. Из 48 пехотных дивизий русской армии только 16 имели на вооружении современные для того периода винтовки системы Бердана с прицельной дальностью стрельбы до 1200 шагов. В ходе перевооружения в течение 1877 г. новым оружием могли быть снабжены лишь войска, находившиеся в пределах империи и не участвовавшие в военных действиях, а также вновь формируемые войска. 5 дивизий на Кавказе имели игольчатые винтовки Карле с бумажным патроном, 27 дивизий — винтовки системы Крнка. Обе винтовки имели прицельную даль-

ность стрельбы до 600 шагов в линейных ротах, до 1200 шагов у унтер-офицеров и у всех в стрелковых ротах.

Кавалерия к началу 1877 г. была перевооружена полностью. Перевооружение армии винтовками системы Бердан закончилось лишь в 1884 г.

В 1876 г., несмотря на тяжелейшее финансовое положение, Турция закупила для своей пехоты в США около 600 тыс. винтовок Пибоди-Мартини, превосходящих по дальности стрельбы винтовки Крнка и Карле, которыми были в основном вооружены воевавшие на Балканах и на Кавказе пехотинцы. Прицельная дальность стрельбы этого оружия доходила до 1800 шагов, скорострельность также существенно превосходила винтовки Крнка и Карле. Что касается турецкой кавалерии, то она была вооружена 11- или 15-зарядными карабинами Винчестера, гораздо более скорострельными, чем оружие русской кавалерии. В ходе боевых действий обнаружилось значительное превосходство и новых стальных турецких орудий (немецкого и английского производства) над русскими бронзовыми пушками образца 1867 г. Таким образом, русская армия вступала в войну, имея устаревшее и явно уступавшее противнику по качеству оружие.

Несколько лучше обстояло дело с обученными резервами. Их было больше, чем у Турции, но все же явно недостаточно, чтобы принять вызов войны с коалицией.

Весной 1877 г. турецкая регулярная армия насчитывала 276 тыс. человек, из которых 186 тыс. были направлены на Балканы фронтом к линии Дуная и 90 тыс. расположены на русско-турецкой границе в Закавказье. Турецкие сухопутные войска были разделены на 7 армий: 1-я гвардейская занимала позиции у столицы; 2-я находилась на Дунае; 3-я — на границе с Сербией и в Македонии; 4-я в Закавказье и Малой Азии; 5-я — в Сирии; 6-я — в Месопотамии, 7-я — на Аравийском полуострове и в Йемене. Лучшие силы были собраны в 1-й и 2-й армиях (*Айрапетов Олег. Указ. соч. С. 322—324*).

12 апреля 1877 г. в Кишиневе Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. Война вызвала огромный патриотический подъем и полную поддержку со стороны практически всех слоев общества. Из великих держав наиболее негативно на начало Русско-турецкой войны отреагировала Великобритания. К этому времени военным агентом в Лондоне являлся генерал-майор А.П. Горлов¹²³, сменивший на этом посту в 1873 г. полковника гр. П.И. Кутайсова¹²⁴. Горлов был назначен на эту должность переводом из Северо-Американских

Соединенных Штатов, где с 1868 по 1873 г. «состоял военным агентом» (он был первым военным агентом в САСШ и после его отъезда должность военного агента долгое время оставалась вакантной).

Об умонастроениях в Великобритании после объявления Россией войны Турции А.П. Горлов докладывал в Санкт-Петербург следующее: *«Ненависть к России и недоверие к ее правительству развиты до крайности во всей стране. Несмотря на протестации против поступков Турции, протестации чисто гуманной, не имеющей политического значения. Ненависть к России остается прежней. Хотя поведение турок делает для Англии более затруднительной поддержку этого государства — тем не менее, они будут его поддерживать, объявляя, что они имеют в виду не турецкие, а чисто английские интересы. В армии желание войны с Россией всеобще»* (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 7622. Л. 178об.). Английский премьер-министр Б. Дизраэли опасался, что русские войска смогут достигнуть Константиноналия через 9 недель, а за это время Лондон сумеет перебросить к проливам силы, способные лишь закрепиться на Дарданеллах. Поэтому он предложил немедленно направить флот и морскую пехоту для занятия Галлиполийского полуострова. Это предложение было отвергнуто — большинство членов правительства не захотело связывать себя союзом с Турцией и снова участвовать в войне против России.

В это же время Горлов доносил, что, будучи на вечере у Ротшильда, беседовал с одним штабным офицером-аристократом, не англичанином. На вопрос, как Англия, изъявляя о своем горячем желании помочь Турции в поражении России, собирается действовать, штабной офицер пояснил, что собственно из Англии можно будет направить от 50 до 60 тыс. человек, «но с трудом». *«Начать полную отправку войск едва ли возможно ранее двух недель со дня отдаления приказа; перевозка главной массы займет 5 или 6 недель, но и по истечении этого срока армия не будет еще готова выступить в бой. Армия имеет надобность в громадном обозе, которого сбор, перевозка, выгрузка и организация в Турции есть дело длинное и трудное, так что можно сказать, что по высадке всех войск пройдет еще не менее 5 или 6 недель, прежде чем армия в полном своем составе будет в состоянии выступить в поле»*. И далее: *«Англия едва ли будет иметь право отдать приказ к отправке своего десантного отряда, ранее того времени, когда русские, заняв Адрианополь, двинутся к Царьграду. Но, вероятно, что русские пойдут на Константинополь только, если будет достаточная надежда на скорое его взятие. В таком случае, английский десант, требующий 2+6+6=14 недель или 3½ месяцев прежде высту-*

пления в бой, может появиться на театре действий слишком поздно» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 7622. Л. 194—195).

Так что отказ кабинета Дизраэли поддержать своего премьер-министра был продиктован не миролюбием, а отсутствием возможностей. Была, правда, и англо-индийская армия, но ее мобилизационные возможности были невелики. В 1877 г. англичане смогли перебросить на Мальту из Индии только 5 тыс. пехотинцев. Следует оговориться, что в части информирования Военного министерства о позиции страны пребывания в отношении событий на Балканах военный агент в Лондоне генерал-майор А.П. Горлов в лучшую сторону отличался от своих коллег в Париже (полковник Л.А. Фредерикса)¹²⁵, Берлине (полковник А.А. Даллера)¹²⁶, Риме (генерал-майор Н.А. Новицкий) и Вене (полковник Ф.А. Фельдман)¹²⁷.

В ходе Русско-турецкой войны должна была пройти «обкатку» существовавшая с 1863 г. (и менявшая свои названия) система центральных органов военной разведки. Суть проверки недавно созданной системы военной разведки, действовавшей на постоянной основе (в мирное и в военное время) и включавшей в себя центральные и зарубежные органы (военные агенты, личный состав военно-ученых экспедиций, направляемые в командировки с разведывательными целями отдельные офицеры) состояла в том, чтобы ответить на вопрос, способна ли молодая военная разведка обойтись без помощи, поддержки и подсказки российских дипломатических представителей за рубежом? Способна ли военная разведка самостоятельно решать, стоявшие перед ней в мирное и военное время задачи? А если не способна, то почему? И в зависимости от этого сделать соответствовавшие выводы (некватка опыта, зарубежных сил, особенно негласных военных агентов).

К 1876 г. военные агенты находились при российских миссиях в Константинополе, Лондоне, Берлине (Пруссия), Вене, Париже и Флоренции (Королевство Италия). Материалы, поступавшие от них, обрабатывались в Канцелярии Военно-Ученого комитета Главного штаба. Сюда же Министерством иностранных дел передавалась информация сотрудников зарубежных российских представительств, содержащая разведывательные сведения. Эти сведения докладывались военному министру, начальнику Главного штаба, а также передавались в заинтересованные управления Военного министерства.

Ситуация в части организации разведывательной деятельности в Турции имела свою специфику. Чрезвычайным и полномочным послом в Османской империи с

1864 г. был генерал-лейтенант, генерал-адъютант Н.П. Игнатьев, бывший военный агент в Лондоне. Правда, подобная ситуация в те времена была ис единственной в своем роде. Так, например, генерал от инфanterии граф Шувалов Павел Андреевич состоял восенным агентом «при Императоре французов» (17 апреля 1859 г. — 15 июля 1861 г.). А спустя четверть века Шувалов назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом в Берлине и чрезвычайным посланником и полномочным министром при великолегтогских дворах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком. (1 апреля 1885 г. — 13 декабря 1894 г.).

Являясь выдающимся дипломатом, восенным и государственным деятелем, Н.П. Игнатьев понимал как никто другой необходимость добывания разведывательных сведений сотрудниками посольства в Константинополе и консулами в городах Османской империи. Более того, он не препятствовал, а даже поощрял привлечение к сотрудничеству сотрудниками российских миссий тайных агентов — граждан страны пребывания. Донесения тайной агентуры поступали сотрудникам посольства в Константинополе и консульств в Варне, Салониках, Измаиле, Рущуке, Галаце, Эрзеруме, Адрианополе, Сараево, Скутари, Трапезунде, Рагузы, Тульче и в целом ряде других городов Турции (часть из этих сотрудников были болгарами, принятыми на русскую службу Н.П. Игнатьевым). Из Рущука, Галаца, Тульчи и Измаила разведывательная информация поступала с завидным постоянством.

Генерал Игнатьев не нарушал сложившуюся агентурную сеть, а, наоборот, поощрял ее расширение, а значит, выделял средства на ее финансирование. Кроме того, он всячески способствовал решению задач, стоявших перед военным агентом в Константинополе полковником А.С. Зеленым и перед командированными с разведывательными целями в Турцию офицерами, опять-таки с привлечением уже существовавшей сети агентов у сотрудников дипломатических миссий в стране. В ВУКе не отложились данные о результатах негласной работы самого полковника Зеленого, хотя за семь лет пребывания на должности восенного агента в Константинополе можно было бы добиться положительных результатов и в этой сфере деятельности. Подобная ситуация объяснялась опять-таки наличием агентурной сети у российских миссий, которая пока отвечала в целом на поставленные вопросы.

Сложная оперативная обстановка в Турции, проявлявшаяся в специфике местных условий, национально-религиозном фанатизме, подозрительности турок

к славянскому населению и иностранцам, серьезно затрудняла сбор сведений и приобретение агентурных источников нашими официальными лицами. Российский консул в Рущуке Кожевников в декабре 1876 г. доносил в Петербург: «Турки зорко следят за нами, и собирание сведений по военной части делается день ото дня труднее».

И в этой очень непростой обстановке Военное министерство направляет осенью делопроизводителя канцелярии Комитета для подготовки данных для мобилизации войск Генерального штаба полковника В.Г. Золотарева *«с особым поручением в Придунайскую область Румынии и Турции»* (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 7662. Л. 22). Константинопольский посол любезно согласился дать Золотареву рекомендательные письма российским Генеральному консулу в Бухаресте и консулам в Галаце и Измаиле. Более того, граф Игнатьев дал указания своим подчиненным выдать Золотареву взаимообразно деньги за счет чрезвычайных издержек консульств, если вдруг потребность у Золотарева в таковых возникнет. На редкость неподготовленная командировка со стороны Главного штаба.

12 ноября 1876 г. Н.П. Игнатьев телеграммой военному министру Д.А. Милютину сообщил следующее: «*Поручение данное Золотареву ... исполнено успешно. Сведения нужные собраны. Продолжаю следить через консультов за числом войск и передвижением. Полковнику Зеленому поручено мной собрать самые свежие сведения о главных силах турок, расположенных на Сербской границе и доставить их лично в Петербург по окончании демаркации*» (там же. Л. 113).

Сбор сведений об Османской империи осуществлялся также направлением на вероятный театр войны военно-ученых экспедиций. Проведение подобных экспедиций было весьма затруднительно, особенно для русских. Труды западно-европейских исследователей, основанные в значительной мере на сомнительных по своему достоинству турецких источниках, не пользовались особым доверием. Более или менее серьезное изучение Турции, как театра военных действий, началось в России во время Русско-турецкой войны, придвижущей границу России с Турцией к Дунаю. На основе собранных данных была составлена первая карта Европейской Турции, которой пользовались русские войска во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., когда была впервые произведена полуинструментальная съемка занятых областей. На основании этой съемки была составлена и издана в 1835 г. десятиверстная карта Европейской Турции,

отличавшаяся большей полнотой в частях, прилегавших к Черному морю. После Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. было признано необходимым особое внимание обратить на изучение внутренних областей Турции.

4.2. Н.Д. Артамонов — штаб-офицер над вожатыми

Это и было сделано. Осенью 1867 г. на будущий театр военных действий прибыла группа топографов во главе с Генерального штаба капитаном Г.И. Бобриковым. В состав военно-ученой экспедиции входил и причисленный к Военно-топографическому Отделу Главного штаба капитан Николай Дмитриевич Артамонов¹²⁸. Официальной целью командировки было продолжение «русского измерения градусной дуги от г. Измаила до о-ва Кандии». *«Нам были разрешены работы, но были приставлены несколько турецких офицеров Генерального штаба, — писал позднее Бобриков. — Это вызвало затруднение, потому что турки — малограмотные и неподготовленные офицеры. Их собирали по всей империи...»* Экспедиция продолжалась до начала 1868 г.

28 июня 1869 г. капитан Артамонов *«по высочайшему повелению»* был командирован в Турцию для преподнесения Порте «кataloga астрономических пунктов Балканского полуострова, подробных к ним вычислений и печатного экземпляра трудов по произведенному уже градусному измерению до Измаила и, сверх того, для проверки географического положения некоторых пунктов».

«Благодаря содействию нашего посла в Константинополе» — генерал-лейтенанта Н.П. Игнатьева — Артамонов «провел две недели на Шипкинском Балкане и имел возможность выполнить весьма ценные работы» (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Составил генерал-майор П. Гейсман. Выпуск 1. СПб., 1906. С. 30).

В 1868 г. Военно-ученым комитетом Главного штаба был издан «Военно-статистический сборник», в котором впервые появился в печати сравнительно полный очерк тогдашнего состояния Турецкой империи. Накануне войны Военно-ученым комитетом были изданы военно-топографическая десятиверстная карта Балканского полуострова, составленная полковником Н.Д. Артамоновым, и се-миверстная карта Балканского полуострова, составленная венгерским ученым Ф.Ф. Каницей (была приобретена у составителя и издана на русском языке). Обе эти карты были составлены из отдельных маршрутов и отрывочных глазомерных

съемок, а в некоторых частях — на основании сведений, добытых путем расспросов. Неудивительно, что они впоследствии оказались неполными, особенно в части Болгарии. Сверх того Действующая армия получила издания Военно-ученого комитета: «Маршруты по Европейской Турции» и «Балканы», «заключавшие в себе подробное описание важнейших путей в придунайской Болгарии и почти всех известных перевалов через Балканский хребет».

«В общем, к началу войны, собрано было не мало сведений о театре предстоявших военных действий, но обработка этих сведений была далеко не безупречна, что до известной степени объясняется предвзятостью в их оценке, — отмечал генерал-майор И. Гейсман в своем исследовании “Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции”. — Так или иначе, были собраны сведения о территории и населении, а равно и о вооруженных силах Турции, какими мы в прежние войны не располагали... Многого недоставало, многое было не верно, многое было оценено более или менее не верно» (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Указ. соч. С. 30—31). К ложным выводам Гейсман отнес следующие: преувеличение значения Балкан, как оборонительной линии, которое «едва не привело к приостановке действий в начале зимы 1877 г.», и «убеждение в скучности средств Болгарии», «особенно относительно перевозочных средств и фуражса».

Категорически не разделял мнение, высказанное Гейсманом, генерал-адъютант Н.Н. Обручев, явившийся накануне войны Управляющим делами Военно-ученого комитета. В своей «Записке о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.», составленной в 1880 г., бывший руководитель разведки на основании опубликованных турецких документов, а также материалов процессов над целым рядом турецких военачальников утверждал следующее: *«Никогда данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как пред минувшей войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи... Оставались неопределенности относительно мюстахфиза (милиции) и новых рекрут. Но штабу Главнокомандующего были представлены все средства следить за новыми формированиями, и эта работа в течение всей зимы исполнялась столь успешно, что при открытии войны расположение турок было известно почти батальон в батальон»* (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск X. СПб., 1898. С. 74).

В марте 1876 г. полковник Н.Д. Артамонов по указанию великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, прочел три лекции «*в собрании начальников отдельных частей войск гвардии и Петербургского округа*», «*предметом которых был статистический, топографический и стратегический обзоры театра войны в Европейской Турции*» (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 4 об.). В мае 1876 г. Артамонов оформил свои лекции Запиской, в которой были рассмотрены разные способы ведения военных действий на Балканском полуострове. По словам самого Артамонова, Записка эта была составлена «для себя» и «совершенно случайно попала к Управляющему делами ВУКа генерал-лейтенанту Н.Н. Обручеву», при разработке Артамоновым «разных маршрутов от нашей границы через Румынию и Болгарию в Константинополь».

Сущность идей, изложенных Артамоновым в своих лекциях, сводилась к следующему: «*а) русские в открытом бою в числе часто меньшем всегда разбивали турок; б) неудачи русских происходили преимущественно под стенами больших городов и крепостей; в) самыми главными врагами русских были болезненность и смертность от болезней, достигавшая поражающих размеров, не только от санитарной непредусмотрительности, но, главным образом, от полного невнимания к элементу времени*» (выделено Артамоновым. — Примеч. авт.), т.е. к тому, чтобы не был потерян даже один день на действия второстепенные, не ведущие прямо к самой главной цели войны (выделено Артамоновым. — Примеч. авт.) — к овладению, например, Константинополем.

Единственный и вполне соответственный способ действий для войны с турками есть быстрый наступательный (выделено Артамоновым. — Примеч. авт.), например, быстрое и решительное движение к самому важному стратегическому пункту — Константинополю...»

Для возможности решительного и быстрого движения к Константинополю, по мнению Артамонова, было необходимо: «*а) изучить те препятствия, которые предстоит преодолеть нашей армии на путях от нашей границы к Константинополю; б) выбрать те пути, на которых и самих препятствий меньше и они слабее и в) позаботиться заблаговременно о средствах для преодоления этих препятствий*» (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Указ. соч. С. 106).

Причину «*странныго факта не появления наших отрядов за Балканами*» во время прежних войн с Турцией, по утверждению Артамонова, «*следовало видеть,*

главным образом, в недостатке верных сведений о стране и свойствах Балканского хребта (и преувеличенном мнении о его непроходимости)» (там же. С. 107). Артамонов не был так категоричен в оценке имевшихся сведений о противнике, как П. Гейсман. Вместе с тем, он отмечал, что «наши “настоящие” сведения о Турции полнее и лучше прежних, но и они далеки от соответствия с современными требованиями. Во время войны имеющиеся сведения должны быть дополнены зорко обдуманными и толково выполненными рекогносцировками». Следует заметить, что на момент написания этих строк их автор о полноте сведений о Турции мог судить лишь по имевшимся в его распоряжении геодезическим и топографическим данным. «Толково выполненные рекогносцировки» — это было, как вскоре выяснилось, далеко не все из арсенала будущего руководителя разведки. С агентурой и руководством ею Артамонову еще предстояло познакомиться.

Н.Д. Артамонов поднял вопрос принятия заблаговременных мер по предупреждению вредного влияния местных климатических условий, которые ведут к «быстрой убыли и рассстройству армии». Снижение потерь от вышеуказанных факторов, по его мнению, в том числе напрямую зависело от соответственной численности армии. Эта численность не должна была быть «излишней», как это было в Крымскую (Восточную) войну 1853—1854 гг., а также не являться «недостаточной», как это было во все предыдущие русско-турецкие войны XIX века, за исключением Крымской. Артамонов воздержался определить цифру численности русских войск, требуемую для решения поставленных задач. Зато эту цифру в период сербско-турецкой войны 1876 г. назвал константинопольский посол генерал Игнатьев — 150 тыс. Впоследствии он подвергся критике за подобный расчет. Но критики забывали, что названных сил вполне хватило бы, учитывая обстановку 1876 г., что никак, конечно, нельзя было соотнести с 1877 г. (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Указ. соч. С. 115). Н.П. Игнатьеву поставили в упрек, что он «недостаточно строго оценил военные силы Турции и, вследствие его донесений в СПб., смотрели на предстоящую войну как на военную прогулку, что повлекло слабый первоначально состав нашей действующей армии и отразилось на первоначальных военных операциях» (Военная энциклопедия. Т. Х. СПб., 1912. С. 565). Выше уже давался комментарий на подобные заявления, к этому следует отнести бездарное и нерешительное высшее руководство Действующей армии, составленное в том числе и из членов царствующей фамилии.

В мае 1876 г. Артамонов оформил свои лекции Запиской, в которой были рассмотрены разные способы ведения военных действий на Балканском полуострове.

В процессе милютинских реформ были преобразованы и органы разведки военного времени. К весне 1868 г. в Военном министерстве был разработан проект «Положения о полевом управлении войск в военное время». Он прошел обсуждение в военном совете и 17 апреля 1868 г. был утвержден Александром II.

Согласно Положению, ответственность за организацию разведывательной деятельности возлагалась на начальника Полевого штаба. В ряду «главнейших предметов», по которым он должен иметь «подробные сведения», находились и сведения «о театре войны», «о силе, способах, движениях и намерениях неприятеля и о состоянии его крепостей и военных учреждений» (Приказ Военного министра № 109 от 17 апреля 1868 г. // Сборник приказов Военного министра за 1868 год. СПб., 1869).

Существовавшие ранее должности генерал-квартирмейстера и дежурного генерала армии упразднялись и взамен была введена должность помощника начальника Полевого штаба, на котором «лежала по существу вся оперативная деятельность». Он должен был осуществлять общее руководство службой Генерального штаба в военных условиях. Непосредственная же ответственность за сбор сведений о противнике на театре войны возлагалась на «штаб-офицера над вожатыми», подчинявшегося начальнику Полевого штаба. Должность «капитан над вожатыми» была впервые введена в «Устав для управлениями армиями в мирное и военное время» в 1846 г., однако тогда в обязанности капитана над вожатыми не входил сбор сведений о неприятеле. В «Положении о полевом управлении войск в мирное и военное время» 1868 г. отмечалось, что штаб-офицер над вожатыми «заведует собиранием сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля и распоряжается доставлением Армии проводников». К обязанностям штаб-офицера относились «опрос пленных и лазутчиков и составление из показаний их общих сводов». Штаб-офицер над вожатыми должен был проверять сведения, полученные от лазутчиков и пленных «следя за сведениями о неприятеле, сообщаемыми периодическими изданиями и собирая таковые сведения всеми возможными путями». Штаб-офицер над вожатыми должен был заботиться «об отыскании для Армии надлежащих проводников из местных жителей, заведовать со-

держанием этих проводников и распределять их к частям войск по указанию начальника штаба».

Денежные средства на содержание проводников и «на другие расходы» штаб-офицеру над вожатыми назначались начальником штаба (Приказ Военного министра № 109 от 17 апреля 1868 г. // Сборник приказов Военного министра за 1868 г. Ст. 112—115. СПб., 1869).

Таким образом, на штаб-офицера над вожатыми возлагалась часть обязанностей прежнего генерал-полицеймейстера, касавшихся организации «тайной разведки».

С объявлением 1 ноября 1876 г. частичной мобилизации русской армии стал формироваться Полевой штаб Действующей армии. На следующий день после объявления частичной мобилизации полковник Н.Д. Артамонов (исполнял должность штаб-офицера, заведовавшего обучавшимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами) был назначен штаб-офицером над вожатыми. Это, как и многие другие назначения (не назначения), состоялось только благодаря личному решению назначенного главнокомандующим Дунайской армии великого князя Николая Николаевича. Полковника Артамонова великий князь знал как специалиста по Европейской Турции, неоднократно бывавшего на предполагаемом театре военных действий. К организации разведки полковник Артамонов до сих пор не имел никакого отношения, и даже Николаевскую академию Генерального штаба Артамонов закончил по отделению геодезии. Тем не менее Николай Дмитриевич проявил недюжинные стратегические способности, что не могло быть не замечено великим князем. Накануне назначения на должность Н.Д. Артамонов и Г.И. Бобриков¹²⁹ были приглашены к Николаю Николаевичу, который очень внимательно выслушал их об обстановке на Балканском полуострове, о тамошнем климате и состоянии дорог.

Вот что о своем новом и неожиданном назначении писал сам Артамонов много лет спустя: *«освещать и разъяснять ту темную, всегда загадочную обстановку, в которой находится обыкновенно действующая армия по отношению к неприятелю и облегчать деятельность самой армии, особенно в стране неприятельской, таковы по требованию закона (приказа Военного министра. — Примеч. авт.) действительно трудные, ответственные задачи, которые штаб-офицер над вожатыми должен разрешить своею деятельностью»* (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 1).

«Всеми возможными путями». Первое, что сделал в первый же день своего назначения штаб-офицер над вожатыми полковник Артамонов — рапортом начальнику Полевого штаба А.А. Непокойчицкому *«испросил разрешение добыть из Константинополя немедленно, пока еще война не объявлена, описание и рисунки формы одежды офицеров и солдат разных корпусов и частей турецкой регулярной армии, чтобы познакомить с этими формами части русской Действующей армии»*. Оказывается, эта мысль посетила и другого разведчика, полковника П.Д. Паренсова¹³⁰, о котором еще пойдет речь. И он отправил еще «давным-давно» в Кишинев рисунки солдат и офицеров румынской и турецкой армий с предложением *«напечатать их красками и раздать нашим войскам»*. Впоследствии Паренсов выяснил, что рисунки были получены в Кишиневе *«еще зимой»*, но помощник начальника Полевого штаба генерал Левицкий не нашел нужным распространить их войсках, полагая, что война с турками не начнется (Паренсов П.Д. Из прошлого. Ч.1. СПб., 1901. С. 236—237).

Накануне отъезда в Действующую армию Артамонов получил дислокацию регулярных турецких войск по состоянию на октябрь месяца 1876 г., составленную военным агентом в Константинополе Генерального штаба полковником А.С. Зеленым. Артамонову удалось ознакомиться и с донесением вице-консула Васильевского в г. Тульча. Этого было достаточно, чтобы блестящий офицер составил перечень вопросов — о числе, передвижении турецких войск, которые должны были освещать находившиеся на территории Турции до разрыва дипломатических отношений многочисленные российские консулы и вице-консулы. Артамонова не посчитали нужным проинформировать, что такие вопросы существуют и на них с мест даются добросовестные ответы под всем видящим оком посла в Константинополе генерала Николая Павловича Игнатьева. Тем не менее *«только с большим трудом и при содействии»* начальника дипломатической канцелярии при Главнокомандующем Действующей армией М.А. Хитрово полковнику Артамонову «удалось выхлопотать о посылке каждому консулу по 500 рублей кредитных на расходы по сбору сведений о неприятеле». Первые донесения о вероятном противнике были направлены из Галаца и Константина ополя уже 21 ноября 1876 г.

Информация из Турции поступала во многие адресаты: в Канцелярию императора, дипломатическому агенту при штабе Полевой армии, в Азиатский департамент МИДа, в Военно-ученый комитет Главного штаба. И далеко не факт, что

такие донесения доходили и до Артамонова, что, собственно, он сам вынужден был неоднократно констатировать.

Не так просто обстояло дело и с выпиской газет. Еще в начале ноября 1876 г. Артамонов составил список английских, французских, немецких и русских газет, которые желательно было получать, так как они также являлись «источником сведений о неприятеле». Однако каково же было удивление штаб-офицера над вожатыми, когда в выписке газет было отказано по тем соображениям, что в упомянутый список попали газеты, запрещенные цензурою для публики. На препирательства и объяснения, что именно во враждебных России газетах могли содержаться интересовавшие разведку сведения, ушло больше месяца.

До начала объявления войны Артамонов мог использовать сведения о турецких вооруженных силах, поступавшие в Полевой штаб (развернутый в Кишиневе) из следующих источников:

- из донесений константинопольского посла генерала Игнатьева;
- из донесений консульских работников с турецкой территории;
- из Канцелярии ВУКА;
- из Комитета по подготовке данных для мобилизации войск;
- из телеграмм начальника Главного штаба;
- из донесений Генерального штаба полковников Паренсова, Бобрикова и капитана 1-го ранга Новосильского.

Причем далеко не со всеми донесениями знакомили Артамонова. Так, из 18 донесений полковника Г.И. Бобрикова он был ознакомлен только с десятью из них, остальные «осели» в вышестоящих инстанциях (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 8).

4 декабря 1876 г. военному министру поступило секретное отношение константинопольского посла из Азиатского департамента. Н.П. Игнатьев доносил следующее: «*По сведениям, доставленным агентом нашим в Варне, в дунайском вилайете до сих пор не имеется никаких турецких войск, не считая местных крепостных гарнизонов Варны, Шумлы и Силистрии. С 15.11. турецкое правительство начало втягивать в эту провинцию свои войска для образования Дунайской армии, имеющей действовать против нас в случае перехода нами Дуная. Правительство, с видимой поспешностью, стало сосредотачивать отдельные части разных корпусов. Так, в продолжение последней недели на б транспортных пароходах были привезены в Варну до 12 тыс. редифов (резервные войска. —*

Примеч. авт.) большей частью из армии Дервиша-паши. Солдаты эти до того изнурены походами против Черногории, что не в состоянии вступить в новый бой ранее полуторамесячного отдыха. Из прибывших в течение прошлой недели 18 батальонов редифов, 10 батальонов выехали уже по железной дороге в Шумлу, где военные власти распорядились разместить их на зимних квартирах. ... Таким образом, в настоящее время в Варне и Шумле с окрестностями состоит на лицо всего пехоты 13.500 редифов, 600 артиллеристов и 2 эскадрона регулярной кавалерии (в Шумле). Укрепления в Варне и Шумле снабжены старинными чугунными орудиями, к которым в последнее время прибавлено по 10 нарезных орудий, заряжаемых с казенной части. Каждое поставлено на лафет с зарядным ящиком и удобно перемещается тремя парами волов или буйволов.

В самое последнее время появились слухи о намерении турецкого правительства заняться исправлением и перевооружением крепостей и снабжением их орудиями новейшей системы» (ВУА. Д. 7622. С. 158—158 об.).

Наиболее достоверные разведывательные сведения, по убеждению штаб-офицера над вожатыми Н.Д. Артамонова, поступали от российских консулов на территории Османской империи.

Из Канцелярии ВУКа Артамонова поступала и телеграфная информация военных агентов при российских миссиях за рубежом. Безусловный интерес в стратегическом плане представляла информация военного агента в Лондоне генерал-майора Горлова о подготовке Англии к возможному вступлению в войну на стороне Турции. Так, им были сообщены реальные сроки стратегического развертывания и переброски английского экспедиционного корпуса в Турцию, которые оказались ниже тех, о которых «кричала» британская пресса. При разработке в Главном штабе плана войны на основе этих данных обосновывалась возможность занятия русскими войсками Константинополя еще до подхода английских войск. Кроме этого, в течение зимы—весны 1877 г. Горлов сообщил руководству о закупке турками у знаменитого английского «изобретателя Мак-Интоша» боевого зажигательного состава; о посылке Англией военных инженеров в Турцию, для возведения укреплений под Константинополем и ряд других сведений. Сбор информации Горловым осуществлялся, в силу своего официального положения, преимущественно не агентурными методами. На доверительной основе, из светских и дипломатических кругов, от либеральных журналистов и симпатизирующих России военных Горлов приобретал немало сведений, интересовавших Военное

министерство России. Как выглядело на деле получение военным агентом разведывательных сведений, лучшим образом свидетельствуют его телеграммы, адресованные военному министру.

«*Донесение генерал-майора Горлова из Англии от 3.01.1877 г.*

Различные газеты постоянно сообщают, что английские офицеры постоянно отправляются в довольно большом числе в Турцию для поступления на службу или для временного содействия турецкому правительству.

Все это скрывается от меня как от официального русского лица, не только военными, но также и частными здесь лицами.

Тем не менее, в одном дружеском мне доме было передано на время, от одного высокого здешнего сановника, относящиеся к вопросу об английских волонтерах и сообщены другие сведения, на достоверность которых я имею право рассчитывать».

Горлов передал копию письма и перевод, «выпустив все, что не относится до военно-политических дел».

«*В дополнение к этому пишу, что мне сообщил, что английское правительство действительно послало в Турцию б инженеров-офицеров под начальством майора Robert Home для изучения местности вокруг Константинополя и составления проекта ее укрепления. Денежное содержание за эти работы выдается инженерам от частного лица*», — сообщал военный агент (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. Д. 4. Л. 1).

И еще одна телеграмма из Лондона:

«*Секретное донесение Начальнику Главного Штаба от 10/22 мая 1877 г.*

Считаюшийся по артиллерии английский генерал Сэр Диксон отправился на днях в Константинополь. Цель его миссии держится правительством в строгом секрете. Из особого источника, имеющегося в моем распоряжении. Совершенно секретного и вполне надежного. Я получил положительное уведомление. Что генерал этот послан для составления нового соображения на счет теперешних комиссариатских средств Турции и для принятия мер для сосредоточения там всех запасов, нужных для английской армии при предстоящей экспедиции» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. Д. 4. Л. 94).

К 1 января 1877 г. Артамонов представил письменный отчет с таблицей и картой, на которых была отражена дислокация турецких войск в Европейской и Азиатской Турции. На основании изложенных фактов полковник Артамонов

сформулировал два вывода: 1) «Турция к 1 января 1877 г. выставила такое большое число регулярных войск, какое она не выставляла ни в одну из своих предыдущих войн с Россией»; 2) «Если целью войны ставится не просто успешный ее ход, а, напротив, заранее намечается особая цель и требуется во что бы то ни стало ее достижения в возможно короткий срок, как например, по совершению перевары, безостановочное наступление к Константинополю, то назначенных для войны в Турцию 4-х корпусов недостаточно и в этом случае необходимо значительно усилить число войск Действующей русской армии» (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 10 об.).

К началу 1877 г. Н.Д. Артамоновым были собраны из различных источников «сведения о состоянии разных крепостей и укрепленных пунктов по Дунаю и придунайской Болгарии», в том числе «1) план Тырново; 2) описание гор. Систово с 2 чертежами; 3) описание крепости Шумлы с чертежами; 4) 2 плана крепости Шумлы; 5) описание крепости Силистрии с планом; 6) два плана крепости Силистрии; 7) описание крепости Рущук с планом; 8) 3 плана крепости Рущук; 9) описание укреплений Туртукая; 10) краткие сведения о городах Систово, Никополь, Рахове, Лом-Паланке, Видине, Сулине, Тульче, Исакия, Силистрии, Туртукае и Рущуке» (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 11—12).

Позднее Артамоновым были представлены «Сведения о турецкой Дунайской флотилии», «Ведомость числа судов и количество строевого леса на румынских пристанях Дуная в начале марта 1877 г.» (27 марта), «План Рущука с описанием» (6 апреля), «Сведения о вооружении Рущука и Силистрии» (16 апреля).

К 1 января 1877 г. полковником Артамоновым «представлен был подробный письменный отчет с таблицей и картой, в которой показано число и расположение турецких войск в Европейской и Азиатской Турции к тому же времени» (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 10).

Ознакомившись с отчетом Артамонова, начальник Полевого штаба потребовал от него доказательства справедливости вывода о неуклонном росте числа регулярных турецких войск в войнах с Россией с начала столетия. Подготовить ответ не составило труда, опираясь на труд генерал-лейтенанта Обручева о Турции, изданный Канцелярией ВУК. Вслед за этим Полевой штаб возбудил перед Петербургом требование об усилении Действующей армии, сначала письменно, а потом в ходе поездки помощника начальника Полевого штаба. В результате к концу апреля требование Полевого штаба Действующей армии было удовлетворено — в

Румынию, по словам Артамонова, были направлены еще 3 корпуса и несколько отдельных частей. Отчеты о расположении, численности, передвижениях турецких войск составлялись штаб-офицером над вожатыми к 1 и 15 числу каждого месяца, начиная с декабря 1876 г. по апрель 1877 г. включительно.

К 12 апреля 1877 г. (день объявления войны Турции) полковником Артамоновым была составлена таблица, в которой были «показаны расположение и численность турецких войск в Болгарии, Румынии и Константинополе». Таблица эта была отлитографирована и разослана в части Действующей армии.

Назначение полковника Артамонова штаб-офицером над вожатыми до начала боевых действий (12 апреля 1877 г.) не сделало из него подлинного руководителя разведки Действующей армии, а свела его функции к сбору и анализу поступавшей из разных источников разведывательной информации, причем не всегда эта информация доходила до своего потребителя. Агентурной работой до переправы через Дунай Артамонов не занимался.

Деятельность военной разведки в ходе Русско-турецкой войны следует разделить на два этапа, каждый из которых имел свою специфику, и именно своей спецификой определял последующие результаты.

Первый этап — с сентября 1876 г. (ноябрь — объявление первичной мобилизации армии) по апрель 1877 г. — объявление Россией войны Турции.

Второй этап — собственно Русско-турецкая война 1877—1878 гг. до заключения Сан-Степанского мирного договора (3 марта 1878 г.).

В ходе первого этапа эффективно функционировала разведка, базировавшаяся на российские посольства в Константинополе и консульства во многих городах Болгарии — европейской части Турции. Имевшаяся агентура отслеживала состояние турецких вооруженных сил, их состав, дислокацию, перемещение, вооружение, проводившиеся работы по укреплению крепостей и т.д. Ими руководили сотрудники русских миссий, имевшие не один год стажа агентурной работы. К этому следует добавить позицию самого посла в Константинополе, направленную на организацию сотрудниками миссий агентурной разведки. Ценная информация поступала из разговоров с высокопоставленными турецкими государственными чиновниками. Наличие агентуры среди этой категории людей подтвердить не удалось. Агентура в массе своей представляла собой агентов-наблюдателей в пунктах размещения турецких войск. И еще одна особенность — простота связи: информация отправлялась

посольской и консульской почтой в Петербург и Кишинев, где находился Полевой штаб Действующей армии.

Более того, сама агентура могла практически беспрепятственно персправляться через Дунай в Румынию, формально вассальное от Турции княжество, на территории которой находились русские части, и доставлять донесения по месту назначения. Трудности, конечно, существовали, и представители турецких властей зорко следили за переправлявшимися на правый берег Дуная и возвращавшимися обратно. Но эти препятствия все еще не были непреодолимыми. И, наконец, ни с той, ни с другой стороны не было окончательной уверенности, что война все-таки начнется, так как интенсивно шли международные переговоры, имевшие своей целью предотвратить войну, добившись от Турции целого ряда уступок. А это сказывалось и на финансировании разведки, и на ее организации.

Одновременно создавались параллельные разведывательные структуры, на время давались приватные разведывательные поручения. А деятельность созданных разведывательных структур волюнтаристски ограничивалась.

Именно в сентябре—декабре 1876 г. был произведен ряд назначений офицеров (в основном Генерального штаба) в Действующую армию, которым было поручено организовать сбор разведывательных сведений о турецких войсках и крепостях, в первую очередь на территории Болгарии. Среди этих офицеров были уже упоминаемые полковники П.Д. Паренсов, Г.И. Бобриков, капитан 1-го ранга М.П. Новосильский, а также генерал-майор в отставке И.К. Кишельский¹³¹. Назначенные офицеры, за исключением болгарина Ивана Кишельского, не имели соответствовавшего опыта разведывательной деятельности. Однако далеко не все назначения были случайны. Причем отдельные персонажи были назначены (так же, как, впрочем, и сам Н.Д. Артамонов) самим главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем.

В первую очередь речь идет о полковнике П.Д. Паренсове. Беседовал с Николаем Николаевичем об организации разведывательной деятельности и Г.И. Бобриков. Именно этим людям выдавались деньги или обещания выдать таковые через российские консульства. Сам же полковник Н.Д. Артамонов первую сумму денег «на расходы по добыванию сведений о неприятеле» — 200 полуимпериалов — получил в Кишиневе только 29 апреля 1877 г., когда война с турками шла уже третью неделю (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 13).

Каждому из выделенных для ведения разведки офицеров (за исключением Артамонова) был определен свой участок для добывания разведывательных сведений о неприятеле на болгарской стороне: полковнику Паренсову — с границами от Рахово до Ольтенице; капитану 1-го ранга Новосильскому — восточнее Ольтеницы, а также выявить возможность обеспечения средствами переправы русских войск через Дунай, вскоре эта задача стала основной. Перед полковником Бобриковым стояла задача определить состояние вооруженных сил Сербии, их готовность продолжить войну с Турцией, в дальнейшем Бобриков выступал уже в качестве военноуполномоченного при румынском князе Карле.

26 сентября 1876 г. полковник Бобриков представил начальнику Главного штаба «Записку о состоянии вооруженных сил Сербии», в которой, в частности, отметил следующее: *«При отсутствии серьезной подготовки к войне и нравственном состоянии духа народа населения, Сербию может постигнуть катастрофа погрома и занятия Белграда, если она опрометчиво поспешит с объявлением войны. В то же время, даже при незначительных денежных средствах и в короткий срок, она может пополнить свои запасы и изготовиться к борьбе с шансами на успех»* (Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 127). 23 ноября 1877 г. полковник Бобриков представил на имя главнокомандующего Действующей армией «Записку об условиях плана военных действий сербских войск», которая явилась результатом его *«щательного изучения личным осмотром пограничного пространства юго-восточной границы и состояния сербских милиционных войск на самых местах военных сборов»* (там же. С. 143).

Переговоры с Румынией о предоставлении русской армии свободного прохода через территорию Румынского княжества и об участии Румынии в войне с Турцией велись с осени 1876 г. В декабре полковник Бобриков прибыл в Бухарест. В его обязанности входило: сбор сведений о возможности обеспечения войск продовольствием, фуражом, постоем; выбор пути прохождения отрядов, а также ведение переговоров с князем Карлом и премьер-министром Румынии Братиану о подписании конвенции, разрешавшей русской армии проход через Румынию, и о вступлении княжества в войну с Турцией на стороне России.

Именно от первых лиц государства Бобриков получал официальную информацию о вооруженных силах Турции. Была у него и своя агентура. Но наибольший след оставил в памяти Бобрикова некий Юлиус как несостоявшийся агент. В начале 1877 г. в Бухаресте к Бобрикову обратился христианин, инженер на турецкой

железной дороге, незадолго до этого уволенный со службы. Но ценность его заключалась не в том, что он был инженером, а в том, что он являлся известным картографом. Он располагал богатым топографическим материалом по Турции и готов был его передать России, более того, он был согласен и на проведение дополнительных работ по заполнению существовавших топографических проблов. За это он просил перевести семью в Россию и обеспечить себя достойным вознаграждением. Денег, конечно, сразу не оказалось, началась долгая переписка. А Юлиус все ходил по кругу. Добрался он и до Паренсона. Тот тоже ходатайствовал о привлечении его к сотрудничеству. Однако ценный картографический материал так и не приобрели и от услуг известного картографа отказались. Как выяснилось, из-за опасений в шпионаже и предательстве. А вот что писал по этому поводу с большим сожалением Г.И. Бобриков, участник военно-ученой экспедиции по Европейской Турции: «Чтобы оценить, какую непоправимую ошибку мы сделали, отказавшись от улучшения карт страны, достаточно сказать, что, несмотря на всевозможные усилия, мы имели их весьма мало удовлетворительными. Составлены они были по отрывочным сведениям, поверхностным рекогносцировкам прежнего времени и даинам австрийского источника. Чтобы воспользоваться скучными сведениями, мною был составлен и отпечатан сборник маршрутов и перевалов Балканской зоны» (Записки Г.И. Бобрикова. Часть 1. Эпоха войны. 1877—1878 гг. СПб., 1913. С. 10).

В это же время — в конце декабря 1876 г. — болгарин Иван Кишельский, генерал-майор в отставке русской службы, по возвращении из Валахии представил в Полевой штаб русской армии свою программу организации разведывательной деятельности с участием болгар. «Я послал, — говорилось в этом документе, — одних в селения по левому берегу Дуная, в район Зимница, Турну-Мэгурели, Бекета, Калафата, Горгево (Джурджу), Олтеницы, Браилы и Галаца, а других — в Болгарию» (Генов Цонко. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей. София. 1979. С. 15). Следовало подобрать в упомянутых пунктах людей (по двое в каждом), из которых один жил бы на правом берегу, а другой — на левом и которые по голубиной почте и с помощью других условных знаков сообщали бы необходимые сведения, в частности в каком состоянии находятся крепости, батареи и редуты; где воздвигаются укрепления, где находятся пороховые погреба, где расположены войска и в каком количестве, каким провиантром они располагают. Каково состояние дорог и есть ли у болгар оружие, сколько и какого; подыскать болгар, которые при

штурме крепости могли бы оказать помощь, взрывая пороховые погреба и т.п. Руководить выполнением задуманного плана И. Кишельский назначил болгарина Тодора Велкова, воеводу четы в сербско-турецкую войну 1876 г.

К сожалению, и с этим пришлось столкнуться всем организаторам разведки, болгары искренне обещали помочь и, видимо, искренне верили в то, что обещали, и искренне пытались эту помочь оказать. Но пожелания расходились с возможностями. Пример тому доклады Кишельского, Новосильского и Паренсова (будут приведены позже), из которых следовало, что вся Болгария была окутана разведывательной сетью. На самом деле оказалось далеко не так. Свидетельство тому и заявленная Кишельским голубиная почта. Она не функционировала в тех масштабах, как это задумывалось изначально. Но в частных случаях использование голубей давало свои результаты. Так, в начале марта 1877 г. под руководством Артамонова из Зимницы в Систов через Дунай перевезли два голубя к ранес высленному болгарину. С болгарской стороны организатором воздушной почты был Иван Хаджидимитров (*Генов Цонко. Указ. соч. С. 18*). С одним из голубей, прилетевшим обратно, было получено подробное сообщение о турецких войсках в Систово, а вскоре вернулся и второй голубь. Болгарин, доставлявший голубей через Дунай, на обратном пути был принят русским постом за турецкого шпиона и едва не поплатился жизнью (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 13 об.).

Хотя парадокс ситуации до объявления войны Турции состоял в том, что поступавшие сведения о турецкой армии от болгарских информаторов более чем удовлетворяли русское командование. Этому способствовала в немалой степени вышеупомянутая специфика.

По указанию главнокомандующего Действующей армией осенью 1876 г. в Румынию был направлен капитан 1-го ранга М.П. Новосильский, который должен был организовать в возможно короткий срок доставку необходимых данных о турецкой флотилии на Дунае, сообщить о дислокации воинских частей в городах Западной Болгарии, осмотреть берега реки, определить глубину и скорость течения Дуная и других рек. В своем донесении о проделанной работе Новосильский также упоминает имя Федора Велкова, который обеспечивал его новыми агентами и способствовал успешному сбору сведений, интересовавших русское командование. Сфера действий агентов, — докладывал Новосильский, со слов Велкова, — была разделена на районы. В каждом районе был главный агент, который получал жалованье, а также его помощники. В своем докладе Новосильский приводил длинный перечень городов

и находившихся там агентов, которые доставляли полученные сведения главному агенту, который в свою очередь передавал их Новосильскому (Улуян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971. С. 27—28). Просто идеальная схема организации разведывательной деятельности, которая существовала в основном на бумаге и на словах. Вскоре задача выяснения возможностей приобретения и доставки плавсредств для переправы русских войск через Дунай стала основной для капитана 1-го ранга. От Новосильского требовалось «*купить в низовьях или верховьях Дуная потребное число судов и доставить их под благовидным предлогом в определенный пункт и к означенному времени*». Судя по всему, капитан 1-го ранга развернул бурную и не безрезультатную деятельность. 18 марта 1877 г. от российского посла в Вене Новикова поступила на имя начальника Полевого штаба Действующей армии телеграмма следующего содержания: «Новосильский доносит Вам: «*Условие на покупку и доставление к назначенному пункту двух колесных и одного винтового парохода за пятнадцать тысяч фунтов стерлингов сделано с задатком шесть тысяч рублей. Если до 18 июня ст. стиля пароходы не будут нами приняты, то контракт прекращается, лишь пропадет задаток*» (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 278). На закупку пароходов Новосильскому было выделено 17 тысяч фунтов стерлингов. Не представилось возможным установить, были ли закуплены пароходы и использовались ли они для обеспречения переправы русских войск через Дунай.

Попытался внести свою лепту в обеспечение переправы русских войск через Дунай и военный агент в Лондоне генерал-майор Горлов. Так, он направил в Санкт-Петербург «краткий очерк системы», представляющей собой «*большие паромы-плоты со значительной подъемною силой*». Автором изобретения являлся английский гражданский инженер. Проведенная генерал-инспектором по инженерной части экспертиза предложения вынесла заключение о непригодности подобного изобретения для нужд Действующей армии (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. Д. 4. Л. 28).

4.3. «Только случайно и притом временно пристегнут к этому делу» — полковник П.Д. Паренсов

В отличие от Н.Д. Артамонова полковник П.Д. Паренсов не только никогда до своего назначения не занимался разведкой, он даже никогда до этого не был на Балканах. По мнению самого Петра Дмитриевича, он был «*только случайно*

и притом временно пристегнут к этому делу» (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 206). Но великий князь усмотрел в Паренсове те качества, которые позволили ему со временем стать опытным организатором разведки. До объявления войны с Турцией полковник Паренсов был центральной фигурой по добыванию разведывательных сведений с привлечением агентуры.

А начиналось все довольно курьезно, хотя главному герою было не до смеха. В первых числах декабря Паренсов был приглашен на обед к великому князю Николаю Николаевичу. Во время разговора, последовавшего после обеда, Паренсов почувствовал, что головы что-то коснулось. Обернувшись, он увидел великого князя, который, как оказалось, бросил в него кусочек хлеба, и глядя на Паренсова, смеялся *«самым добродушным, ласковым смехом»*. Великий князь подозвал Паренсова к себе и без каких-либо предисловий объявил ему следующее: *«Я посылаю тебя в Болгарию, собери мне там сведения о турках и, пожалуйста, съезди в Рущук, посмотри его укрепления. Я знаю, что эта командировка опасная, может быть, ты и не вернешься, но мы все пришли к заключению о необходимости этого, и я надеюсь, что ты постараешься»* (там же. С. 29—30). Вот так, взял и командировал!

От этих слов у Паренсова *«учащенно забилось сердце, задрожали коленки и голова пошла кругом»*. Рущук был турецкой крепостью на территории Болгарии, хотя там все еще находилось российское консульство.

Любопытен последующий ход получения инструкций и рекомендаций будущим разведчиком и сама суть этих рекомендаций, которые в ряде случаев взаимно исключали друг друга, но в конечном итоге послужили для Паренсова отправной точкой в доселе неведомой для него деятельности. Вернее, ход получения инструкций к дальнейшим действиям не любопытен — а закономерен. Все пути шли к представителям российских миссий как на территориях, занимаемых русской армией, так и неприятелем.

Первой инстанцией, к которой по рекомендации великого князя обратился Паренсов, был начальник Полевого штаба Действующей армии генерал А.А. Непокойчицкий. Последний выразил сомнение, что Паренсову удастся попасть в Рущук — турки *«не пустят»*. Однако Непокойчицкий рекомендовал ехать (как будто был иной выбор) и следить за турками и их приготовлениями, да *«почаще»* писать обо всем увиденном, а то *«мы ничего не знаем»*. Слишком сильное и неверное утверждение со стороны начальника Полевого штаба. Или он не владел

ситуацией, либо хотел подбодрить новоявленного разведчика. «Чем чаще будете писать, тем лучше; пишите даже о пустяках, лишь бы они касались нашего дела. Я думаю, что к Рождеству вы вернетесь. Вы получите три тысячи рублей для собирания сведений, да тысячу рублей на ваши расходы. Условьтесь с Левицким как вам ему писать, да поговорите с Хитрово о вашей поездке, он может быть вам полезен», — такими словами напутствовал генерал Непокойчицкий полковника Паренсова. Генерал-лейтенант Левицкий являлся помощником начальника Полевого штаба, а М.А. Хитрово дипломатическим агентом при Полевом штабе. Еще Непокойчицкий считал нужным обсудить фамилию, под которой собирался ехать Паренсов, конечно, не в Рущук, к туркам, а в Бухарест, дружественную Румынию, которая в скором времени выступила на стороне русских в войне с турками. И генерал, и полковник сошлись в одном, что негоже путешествовать под настоящим именем. И тут Непокойчицкий поинтересовался метками на белье Паренсова. Узнав, что метки французские — Р.Р. — генерал предложил Паренсову стать Paul Paulson. «Это прекрасная фамилия, интернациональная; есть Paulsons немцы, англичане, французы, русские и даже жиды», — прокомментировал свою находку генерал. Следует оговориться, что Паренсов владел французским и немецким языками. На прощание Непокойчицкий пообещал дать рекомендательные письма к дипломатическому агенту в Бухаресте барону Д.Ф. Стюарту (Стуарту) и генеральному консулу в Рущуке В.Ф. Кожевникову.

Следующим, к кому направился Паренсов, несмотря на позднее время, был М.А. Хитрово. Начальник дипломатической канцелярии при главнокомандующем Действующей армией «дал массу полезных указаний». Он начал с того, что охарактеризовал российские консульства на Востоке (в том числе и на территории, оккупированной турками), с сотрудниками которых придется столкнуться. В бароне Стюарте Паренсов, по словам Хитрова, должен был найти «прекрасного, умного, деятельного и милого человека». Вместе с тем барон совсем недавно находился в Бухаресте, и «весьма сомнительно, чтобы он мог изучить всю Болгию». Ко всему прочему это был первый дипломатический пост Стюарта. Как на знатока Румынии, М.А. Хитрово указал на российского консула в Галаце Александра Степановича Романенко. Затем Хитрово упомянул Паренсову о наших скопцах, которыми наводнена Румыния и преимущественно большие города. Скопцы, по мнению Хитрова, могли оказаться весьма полезными помощниками.

Что же касается Болгарии, находившейся под турком, то там дело обстояло не настолько блестяще. В Рущуке генеральным консулом был Василий Федорович Кожевников, в высшей степени порядочный человек, но больной и неподвижный. Зато, по словам Хитрово, в его консульстве «был золотой человек, кажется драгоцен, Карвонидес, грек, знаток Болгарии и турок, ловкий, пронырливый, умный, решительный, находчивый, одним словом, такой, какого» Паренсову «именно было нужно» (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 32—33). «Очень рекомендовал» Паренсову Хитрово российского консула в Тульче — Романенко, брата галацкого консула. Но Тульча была в стороне от предполагаемых действий армии. Хитрово говорил Паренсову, что в Бухаресте он найдет болгарских выходцев, и что они смогут оказать ему услуги. Порекомендовал Хитрово и некоего Княжевского (болгарина, проживавшего в Рущуке), старика, бывшего еще лазутчиком русской армии на Дунай в 1853—1854 гг.

В том, что касается паспорта на имя Паульсона, Хитрово порекомендовал отказаться от этой затеи и выписать паспорт на собственное имя, избегая называться полковником. Удивительный инструктаж владевшего материалом человека.

Когда же Паренсов, наконец, встретился с Артамоновым и Бобриковым, побывшим уже в Болгарии и Турции, то последние разошлись лишь в деталях по поводу последствий посещения Рущука Паренсовым. Артамонов не сомневался, что Паренсова повесят или зарежут, а потом извинятся перед русским правительством. Бобриков допускал, что, может, и не зарежут, и не повесят, но утверждал, что поездка будет совершенно бесцельна, так как турки будут следить за каждым его шагом, а к укрепленным пунктам даже не подпустят. При этом Бобриков прибавлял, что во всяком случае Паренсов может быть арестован и посажен в конак (тюрьму).

Сразу же после приезда в Бухарест Паренсов направился к барону Стюарту и представил ему рекомендательное письмо начальника Полевого штаба. Обсудив с Паренсовым несколько вариантов его представления окружающим, барон остановился на следующем: полковник — вологодский помещик для русских, а Пауль Паульсон — кузен барона — для остальных. Инкогнито Паренсова было тут же раскрыто румынскими властями. Барон очень скептически отнесся к идее посещения Рущука и, по сути, повторил рекомендации Хитрово, на кого можно рассчитывать в разведывательной работе. Высказался Стюарт и по поводу выделенной на нужды разведки суммы — 3000 рублей. По его мнению, «это положительно

мало и что не в том дело, чтобы истратить деньги, а в том, чтобы иметь их в данную минуту под рукой».

Помощь дипломатического агента России в Бухаресте барона Стюарта и 2-го секретаря консульства Золотарева оказалась основополагающей в деле создания агентурной сети Паренсовым.

Вскоре при посредничестве Стюарта Паренсов «познакомился с двумя интересными субъектами: первый был скопческий староста Матюшев, а второй — богатый болгарин — банкир Евлогий Георгиев». Проживавшие в Румынии скопцы, хотя и считались румынскими подданными, но находились в то же время под протекторатом русского консульства, которое почиталось ими чуть ли не больше румынского правительства. Объяснялось это тем, что ни один скопец не мог въехать в Россию без особого в каждом случае отдельного разрешения российского консула. Скопцы в Турции преследовались полицией и изгонялись из пределов Оттоманской империи. Таким образом, их можно было привлекать к разведывательной деятельности в пределах Румынии, и в первую очередь на нижнем Дунае — о движении турецких судов, о запасах продовольствия, заготавливаемого турецкими агентами в Галаце и Браилове.

Евлогий Георгиев, холостой миллионер, ревностный патриот, безвозмездно финансировал болгарское освободительное движение. Источником его богатства, кроме банковских операций, являлась значительная хлебная торговля. Склады зерна имелись во многих придунайских городах: Ольтинице, Галаце, Журжеве и далее вплоть до Калафата, а также имелись его представители в Шумле, Рущуке, Систове, Габрове и др. населенных пунктах. Георгиев охотно вызвался содействовать сбору сведений о турках. Евлогий Георгиев, по словам Паренсова, «взял на себя роль 1-го агента, а для поручений особой смылености и в то же время требующих смелых и рискованных путешествий, выписал из Вены своего коммерческого агента, Начовича, говорящего по-французски».

Происходивший из богатой болгарской семьи, занимавшейся торговлей, Георгий Начович имел большие связи и знакомства по обе стороны Дуная, «был неисчерпаем в изобретении способов и уловок добывать сведения», сделался ближайшим помощником Паренсова, «правой его рукой и продолжал свою деятельность работу до перехода нашей армии через Дунай». Деятельность Начовича была бескорыстна и безвозмездна — за все время сотрудничества с разведкой он ни разу не взял денег за свои труды.

Вскоре с помощью Начовича было подобрано несколько агентов, которые были отправлены за Дунай на турецкую территорию: один был послан в Рущук, другой — в Шумлу и третий — в Турн-Магурели и Никополь. Инструкции агентам давались устные, «причем, конечно, приходилось читать целые лекции разных военных наук и прорепетировать уроки». Все это было далеко не просто, так как приходилось обращаться к услугам переводчика, если таковым не выступал Начович. Давать письменные инструкции, как вскоре понял Паренсов, было весьма опасно, во-первых, для самого направляемого, во-вторых, перед противником раскрывались детали проявляемого к нему интереса.

Вместе с тем переправа через Дунай, перемещение по заранее обговоренному маршруту и возвращение назад, вновь через широкую реку, далеко не всегда были под силу одному разведчику — «агенту-ходоку». Поэтому вся задача добывания разведывательных сведений нередко дробилась Паренсовым с его помощниками на несколько частных, не менее ответственных, сложных и опасных задач, выполняемых различными людьми.

«Для ускорения дела» приходилось иногда посыпать Начовича со словесными инструкциями к другому агенту в одном из прибрежных мест Дуная (на румынском берегу), а последний, в свою очередь перебравшись через Дунай, передавал поручение третьему агенту. По сути, это был «совокупный» «агент-ходок», который должен был посетить интересовавшие Паренсова районы и выяснить наличие в них турецких войск и их состав. Сам Начович, будучи скомпрометирован в глазах турецкого правительства, не мог переправляться на турецкую территорию. Подобный способ постановки задания приводил к большой затяжке по времени, искажению самих инструкций, а ведь следовало еще дождаться ответа. Провал в одном звене срывал всю операцию. Паренсов вскоре убедился в неэффективности системы использования агента («агентов-ходоков», «агентов-маршрутников»). Более того, далеко не все посылаемые агенты на незнакомой местности могли правильно оценить увиденное, разъезды агентов требовали много времени, вследствие чего доставляемые ими данные теряли свою оперативность. Как вспоминал разведчик: «приходилось... вести дело хотя и добросовестно, но, строго говоря, — неудовлетворительно» (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 114).

Посылка «агентов-ходоков» пригодна была в исключительных случаях, «когда нужно было осмотреть на месте что-нибудь существенное, неизменяемое и не

переменявшееся», или «когда нужно было, не полагаясь на почту, передать что-либо доверенному лицу». Часто приходилось направлять агента-ходока, чтобы дать ответ на конкретный запрос Главной квартиры, например, сколько войска в Силистрии. Для решения поставленной задачи приходилось подобрать лицо, которое согласилось бы взяться за выполнение поставленного поручения, причем этот человек по своему развитию должен был быть способен направиться в заданный пункт и выведать то, что требуется. Затем нужно было еще добраться к заданному месту и благополучно вернуться назад, что было весьма проблематично, так как турецкие кордоны всячески затрудняли переправу через Дунай и вообще перемещение по Болгарии.

Полученные сведения Паренсов пытался проверять данными, полученными из других источников, в том числе из публикаций местных газет. Полковник всегда очень осторожно относился к румынским источникам, «так как по опыту знал о наклонности румын к преувеличению всяких страхов, в том числе, и сил неприятеля».

Паренсов, организуя разведывательную деятельность и двигаясь вперед на основе проб и ошибок, пришел к пониманию необходимости создания «постоянного наблюдения» за противником через систематическую постоянную агентуру, которая бы действовала непрерывно. Однако такая система требовала значительных денежных затрат, а сумма, выделенная Паренсову на разведку начальником штаба армии, была для этого явно мала. В конце концов он получил разрешение брать взаймы в российском Генконсульстве в Бухаресте по мере надобности деньги, но кредит был ограничен 5000 франков.

7 января 1877 г. к Паренсову явился известный ему до этого времени только по переписке болгарин Церковский (Черковский), уполномоченный собирать сведения о северо-западной части придунайской Болгарии. По словам самого Паренсова, доставленные сведения были «црагоценными». Подобные сведения уже поступали к русскому разведчику, но он не воспринимал их как достоверные. Церковский на основании собранных данных утверждал, что часть турецкой армии, численностью от 30 до 40 тыс. человек, действовавшая против Сербии у Зайчара и Белградчика и находившаяся под командой Ахмеда Эюб-паша, после перемирия, заключенного между Портой и Сербией, стягивается к Видину и Никополю. Причем в самом Видине насчитывалось 7500 человек гарнизона, остальные же части располагались в окрестностях города и в Никополе.

Деятельные и энергичные Церковский и Начович стали основными помощниками Паренсова в организации сети информаторов.

В первых числах января 1787 г. Начович обрадовал Паренсова приятным известием — в Журжске (на румынской стороне) он встретил своего прежнего приятеля, болгарина, служившего в то время на товарной станции Рущукско-Варненской железной дороги. Сейчас же был обговорен способ передачи получаемых сведений на железной дороге через другого болгарина, жившего постоянно в Рущуке.

Так Паренсовым был сделан первый шаг по пути к созданию связи с агентурой на турецкой стороне Болгарии. Всего лишь первый. В своих воспоминаниях Паренсов писал: «Я... сделал опыты, давшие прекрасные результаты. Так в Рущуке Карвонидес доставлял мне еженедельно, а иногда и по нескольку раз в неделю, донесения... о прибытии и уходе войск, орудий, разного военного материала, о постройке и вооружении фортов и о флоте... В том же Рущуке помощник начальника товарной станции рущукско—варненской железной дороги, болгарин... самым аккуратным образом сообщал мне через Начовича, о прибытии и отправке по железной дороге войск, артиллерии и грузов... точность была замечательная...» (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 132).

Следует оговориться, что Карвонидес был русским дипломатом и с началом боевых действий в лучшем случае был бы выслан в составе консульства за пределы Турции, а в худшем... Поэтому его никак нельзя было включать в состав постоянной агентуры ни в мирное, ни в военное время. Не говоря уже о консule Кожевникове, который регулярно передавал разведывательные сведения, в том числе и Паренсову, правда, не всегда до него доходившие. Зачем было создавать в Рущуке разведывательную сеть, по сути, на базе ужс имевшейся?!

Паренсов пришел к пониманию необходимости создать с помощью известных болгар сети постоянных агентов из числа местных жителей в местах, представлявших интерес для Полевого штаба. Оставалось только подыскать лиц, бравших на себя обязанности доставления сведений, «так сказать курьеров и почтальонов». «Причем как для безопасности, так и для скорейшего получения известий, таковые нешли бы прямо изнутри края» к Паренсову, а передавались постепенно из города в город по пути к полковнику, сосредоточиваясь в Тульче, Валькове, Силистрии, Рущуке, Систове, Никополе и Видине. Проблема «курьеров» и «почтальонов» была совсем не проще проблем, с которыми сталкивались «агенты-ходоки» при пересечении Дуная в обе стороны.

Как бы то ни было, проект организации разведки театра военных действий посредством четко организованной сети постоянной агентуры, с указанием желательных мест их проживания, был составлен и подан по команде. Все пространство между Балканами и Дунаем от Видина до Силистрии предлагалось Паренсовым поделить на четыре округа: Видинский, Систовский, Рущукский и Силистрийский.

В каждом из этих округов должен был быть поставлен агент, на которого возлагалась бы задача «собирать самые полные и точные сведения относительно всего, касающегося турецких войск». «Их движений и, буде возможно, то и о настроении мусульманского и христианского населения во вверенном ему округе».

Собранные сведения должны были быть, по мнению автора, «доставлены, по возможности, из Видинского округа в Калафат, из Рущукского в Журжево, из Силистрийского в Калараш (или вблизи этих пунктов) и передаваться в Главный штаб ближайшего к названным пунктам корпуса наших войск». Следует оговориться, что Калафат, Журжево и Калараш находились на румынской территории.

Агенты, по мнению Паренсова, должны были «быть выбраны из людей наименее выдающихся и способных возбудить подозрение турок, по преимуществу из мелких торговцев или торговых комиссионеров» (РГВИА. ВУА. Ф. 7425. Ч. 1. Л. 17—18). Достаточно странное и необъяснимое требование к агентам, заведомо принижавшее его разведывательные возможности. Или других просто не было, вернее сказать, труднее было подыскать. Агент в свою очередь или сам, или через доверенное лицо, на которое он вполне мог бы положиться, прискивал «охотников переправиться через Дунай». Причем один и тот же охотник не должен был быть «употреблен» для этой цели больше одного раза.

Сам «охотник» не должен был знать содержание исполняемого им поручения. Ему передавалась заклеенная или запечатанная бумага, в которой содержались требуемые сведения с поручением доставить в штаб ближайшего корпуса. Устная передача сведений, считал Паренсов, не допустима.

Кроме того, агент должен был снабдить каждого из охотников условным значком, который служил бы «удостоверением, что сведения посланы действительно им».

Значок оставлялся в штабе, и по их числу можно было судить о количестве доставленных агентом сведений, исходя из чего и определялось вознаграждение.

Безусловно, слабым звеном этого плана была организация связи и заведомое «сужение» возможностей агентов — только агенты-наблюдатели.

Тем не менее проект был одобрен штабным руководством. Все уперлось в финансирование проекта. Исполнение задуманного Паренсовым должно было обойтись казне 10 000 рублей золотом, т.е. около 15 000 кредитных рублей в месяц. Данный не совсем продуманный и любительский план, полностью построенный на связях одного-двух болгар-патриотов, так и остался на бумаге. Продлившись «стояние» Действующей армии на румынском берегу Дуная еще два-три месяца, быть может, Паренсов и получил бы искомую сумму, или «на свет» появился бы еще один план.

Помимо Проекта организации разведки Паренсовым была составлена и «Инструкция агентам» (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 257—259).

В ней, в частности, подчеркивалось, на что должен обращать свое внимание агент. Речь в Инструкции шла о войсках и крепостях. От агента требовалось выяснить число войск в данном пункте, их состав («пехота, артиллерия, кавалерия, регулярная, черкесы и башибузуки»), какого корпуса, дивизии, сколько людей, сколько полков, батальонов или рот и эскадронов. «Откуда прибыли, куда идут, хорошо ли одеты, хорошо ли кормлены, каков дух войск, каково состояние здоровья в войсках, кто команďует». «Какие пушки, старые или новые, заряжаются с дула или сзади, медные или стальные, большие или малые» и т.д. В части укреплений агент должен был обращать внимание на следующие вещи: «строят ли новые, или исправляют старые, кто работает: солдаты или жители, мусульмане или болгары, сколько выходит на работу ежедневно» и т.д.

Писать предлагалось лучше шифром, т.е. условными знаками, причем агенты должны были направлять в Бухарест сообщения «по прилагаемому шифру». В части национальности агентов Паренсов в своей Инструкции был категоричен: «Агентами могут быть только болгары, так как Россия будет воевать для улучшения их участия. При вступлении русских войск в Турцию агенты должны были, по возможности, оставаться на своих местах и продолжать наблюдать». Совершенно ошибочный посыл.

«Проект был одобрен, но денег было не дано», — сделал пометку Паренсов на проекте Инструкции (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 257—259).

Как следовало из донесения болгарского агента Н. на имя полковника Паренсова от 13 апреля, Инструкция агентам, независимо от отказа в ее финансировании, стала передаваться от агента к агенту (Улунян А.А. Указ. соч. С. 32—33).

Но как бы то ни было, именно с учетом существовавшей специфики оперативной обстановки, опираясь на связи, полученные через болгар, полковник Паренсов стал получать интересовавшую командование информацию, а именно отслеживание менявшейся дислокации турецких войск и состояние турецких крепостей. Донесения Паренсова высоко оценивались в Кишиневе. Так, Левицкий в письме от 12 января 1877 г. информировал разведчика: «*Донесения Ваши крайне интересны...*» и что главнокомандующий армией великий князь Николай Николаевич (Старший) «очень доволен Вашими донесениями и приказал передать Вам свою новую благодарность» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 8269. Л. 9).

Паренсов «из предосторожности, получив новое сведение» проверял «его через кого-нибудь их разъезжающих» (Особое прибавление к «Описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 201). Своих первых помощников Паренсов тоже иногда проверял. Для этих целей у него был болгарин Пантслеймон Наботкин, воспитанник русского технологического института, «очень порядочный и образованный человек». Именно Наботкина использовал Паренсов в том случае, если сведения, доставляемые Начовичем, возбуждали в нем почему-то недоверие. Об отношениях Паренсова с Наботковым не знал ни Начович, ни Церковский (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 9).

Однако за Паренсовым оставалось еще «дело чести» — невыполненное задание великого князя — поездка в Рущук для проведения рекогносировки. Поездка не только бессмысленная, так как в городе находилось российское консульство, имевшее своих тайных агентов, и планы крепости Рущук давно имелись у русского командования (может быть, не такие свежие?), но где-то смехотворная, если бы она не была столь опасной. Но полковника Паренсова никто и ничто не могло остановить. Он даже не стал дожидаться восстановления пароходного сообщения с Рущуком, прерванного вследствие сильной бури. С трудом наняв лодку, полковник переправился через разбушевавшуюся реку. На турецком берегу он был встречен жандармом и отконвоирован в русское консульство. Посоветовавшись с Кожевниковым, решили, что он будет жить у него на правах родственника жены. И здесь Паренсов оказался в роли племянника жены консула. Кожевников пытался отговорить Паренсова от проведения рекогносировки крепости. Одновременно он

сообщил, что Княжеский, о котором Паренсову рассказывал Хитрово, и который действительно мог бы оказаться полезным, недавно умер. Зато в этот день Паренсов познакомился с сотрудником консульства Я. Карвонидесом, письменную информацию от которого он получал и «который благодаря ненависти к туркам и нужде в деньгах, при отличных способностях, решительности и предприимчивости, оказался для него действительно драгоценным человеком» (там же. С. 9).

Кожевников предложил использовать печальное событие — смерть Княжевского — для решения поставленной задачи. Княжеский был похоронен на болгарском кладбище, недалеко от главного укрепления крепости (Левент-Табия), где усиленным темпом шли работы. С радостью ухватившись за высказанную мысль, Паренсов признал себя не только родственником жены Кожевникова, но и родственником умершего Княжеского, приехавшим посетить его могилу. Как бы то ни было, невзирая на издевательства со стороны рабочих, с которыми ему пришлось столкнуться, Паренсову удалось «составить описание этого укрепления в том виде, в каком оно тогда было, и вывести заключение о будущей его силе». Однако долготерпению турков пришел конец. Кожевникова пригласил к себе турецкий генерал-губернатор и интересовался, долго ли его родственник собирается пробыть в городе. На следующий день Паренсов покинул Рущук.

В сложной предвоенной обстановке, стремясь показать свою силу, запугать правящие круги Румынии и ввести в заблуждение русское командование, турецкие военачальники распространяли слухи о возможном форсировании Дуная. Особенно остро стал вопрос о планах турецкого командования после объявления войны. Однако болгарские агенты сообщили, что турецкое командование не думает переходить в наступление и форсировать Дунай. Агенты-ходоки не отметили изменений в стратегическом развертывании войск, что свидетельствовало бы о подготовке к переправе.

Турецкий офицер, участник войны, отмечал впоследствии, что «*русские при помощи болгар, переправлявшихся на лодках через реку, имели о нас постоянные сведения*». «*Благодаря этому они отлично знали, что сердарь (турецкий главно-командующий Абдул Керим-паша. — Примеч. авт.) не имеет желания покинуть свое орлиное гнездо, и деятельно готовились к тому, чтобы перебросить генерала Гурко за Балканы*».

Несмотря на жалобы турецкого офицера о содействии болгар русской военной разведке, в городах и населенных пунктах Румынии были арестованы многие

турецкие разведчики иностранного происхождения. Турки как раз прибегали к тому, от чего отказалась русская разведка, — от использования агентов из числа граждан иностранного происхождения.

Военный агент в Лондоне генерал-майор Горлов доносил, что «английский корреспондент сообщал в сербскую кампанию все о сербских войсках, даже планах. Турки через английского корреспондента имели весьма полные сведения о сербской армии» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. Д. 4. Л. 65 об.). Между тем ни один из этих друзей Турции не был допущен в турецкую армию. Шпионажем в пользу турецкой армии занимались и некоторые иностранные корреспонденты и военные атташе, находившиеся при Полевом штабе Действующей армии. Так, корреспондент английской газеты «Стандарт» Ф. Бойль писал в своих корреспонденциях о расположении русских войск и укреплений под Плевной. Его лишили корреспондентского звания и выслали из Действующей армии. Корреспондент английской газеты «Таймс», полковник Брэ肯бери стремился с помощью своего секретаря болгарина Минчева (Минкова) узнать место будущей переправы, интересовался номерами и командирами воинских частей, их маршрутами. Однако Минчев, до этого работавший у полковника Паренсона, докладывал ему обо всем и получал рекомендации, какие следует давать ответы. В дальнейшем Брэ肯бери, поняв, что Минчев снабжает его дезинформацией, отказался от услуг своего секретаря, а Минчев был устроен Паренсовым переводчиком в Действующую армию. Наряду с этим допускалась и преступная халатность со стороны командования. Так, товарищству по снабжению Грегор и К° «должны были заблаговременно, не позже как за неделю до начала движения, сообщаемы пункты поставки и приблизительное количество потребностей для каждого пункта» (Улунян А.А. Указ. соч. С. 36, 38).

В рядах турецкой армии находилось немало европейцев, которые занимали довольно ответственные посты. Так, после удачного форсирования Дуная русскими войсками по приказу султана 19 июля был смешен главнокомандующий Абдул Керим-паша и на его место назначен Мехмет Али-паша, онемеченный француз Карл Детруа, сменивший свою религию. Штаб Сулейман-паши состоял в основном из западноевропейских офицеров, активно способствовавших стремлению своего начальника взять Шипкинский перевал. В военно-морском флоте командующим броненосной эскадрой был англичанин Гобарт-паша, его соотечественник Монторн-бей — заместитель командующего и начальник штаба и т.д.(там же. С. 45).

В последних числах февраля 1877 г. Паренсов, получив разрешение, выехал в Кишинев, где «сдал свои работы» помощнику начальника Полевого штаба генералу Левицкому, «а оттуда, в Одессу для представления Великому князю Главнокомандующему». Как «представленные работы», так и проект их развития «удостоились» одобрения, «но денежная сторона дела встретила затруднения». Возвращаясь 25 марта в Бухарест, П.Д. Паренсов получил указание продолжить прежнюю работу, «исключительно только, поддерживая завязанные и установленные сношения, но, отнюдь, не расширяя круга действий». «О постоянной агентуре с аккуратным периодическим получением сведений нечего было думать, — вынужден был констатировать полковник Паренсов, — приходилось ограничиваться посылкой в разные места отдельных лиц и вести дело хотя и добросовестно, но, строго говоря, неудовлетворительно» (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 114).

8 апреля Паренсов представил в штаб «Сведения о турецких вооруженных силах, полученных из румынских источников». Эти сведения были переданы барону Стюарту «г. Братиано от его источников».

20 апреля 1877 г., спустя восемь дней после объявления войны Турции, полковник Паренсов докладывал начальнику штаба: «Последние известия. Усиленное движение турецких войск из Видина и отчасти даже Рущука в Добруджу и Силистрию продолжается.

16 апреля из Рущука отправлено в Шумлу — 3 батальона; из Варны отправлено несколько батальонов в Малую Азию. Батальонов VII корпуса (Йеменского) в Европейской Турции нет вовсе. В Туртугае осталось не более 200 человек гарнизона; остальные направлены внутрь страны...» (РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 1162. Л. 16).

В своих донесениях штабу Действующей армии Паренсов отмечал скучность выделявшихся для работы средств и просил увеличить субсидии. «Наблюдение требует денег, которых у нас нет, — писал полковник Паренсов. — Т.е. те 5.000 франков, что я рискнул занять в Консульстве, составляют каплю в море. В депеше ответной на мою, было сказано только: «Сбор сведений и рекогносировки возлагаются на Паренсова. Непокойчики» (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 248).

Русский консул в Рущуке В.Ф. Кожевников жаловался Паренсову, что пакеты (донесения) целыми неделями лежат в консульстве в Бухаресте — не было ни

курьеров, ни денег для их найма, и вся корреспонденция ожидала оказий (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 217).

21 апреля 1878 г. по распоряжению румынского правительства было совершенно прекращено сообщение Журжево с Рущуком, которое уже за некоторое время до этого работало в следующем режиме: турки пускали к себе на берег только того, кого считали нужным; румыны же не препятствовали никому вступать на свою территорию. Результатом стало наводнение Румынии турецкими шпионами и появились серьезные затруднения при направлении наших агентов за Дунай, вследствие чего число сведений о передвижениях турецких войск начало уменьшаться.

Паренсов доказывал помощнику начальника Полевого штаба, что происходившее в порядке вещей и являлось результатом той неудачной системы собирания сведений, по которой до сих пор действовали, а именно направляя на правый берег людей по каждому конкретному случаю. Дунай стал преградой, через которую пробираться стало почти невозможно. Будь у разведки в разных местах постоянные агенты с определенной инструкцией, уже наметанные, опытные в деле и притом снабженные деньгами, и с обговоренной системой связи, утверждал Паренсов, они бы могли постоянно сообщать, «хотя бы по телеграфу через Сербию, сведения о турецких войсках».

После объявления войны потребность в новых сведениях резко возросла, но было упущенное время, которое нельзя было восместить ни за какие деньги. Сообщение с Румынией из Болгарии через Дунай стало чрезвычайно сложным и опасным, а ничего другого Паренсов и его помощники, на плечи которых была возложена агентурная работа, предложить не могли, не считая голубиной почты. Помощник начальника Полевого штаба Действующей армии К.В. Левицкий, вызвав к себе полковника Паренсова, выразил недовольство, что за последнее время стало поступать меньше новых сведений. «Левицкий до того расходился, — вспоминал полковник Паренсов, — что сказал мне: “Тратьте, какие хотите деньги, 20, 30 тысяч, но чтобы были сведения!” А когда я старался доказать, что теперь и деньгами ничего не сделать, Левицкий начинал кричать: “Как нельзя! Постройте по всему берегу Дуная на высоких местах вышки для наблюдения за правым берегом, и чтобы Вам оттуда подавали сигналы!” Я с испугом и грустью посмотрел на эту бедную, совсем уже отуманенную голову. Отвечать не стоило» (Паренсов П.Д. Указ. соч. С. 114).

После переправы Действующей армии через Дунай Паренсов, «лишь временно участвовавший», по его собственным словам, в деле организации разведки, принял штаб Кавказской казачьей дивизии. Однако к этому времени организацию агентурной разведки после объявления войны Турции (12 апреля 1877 г.) взял на себя штаб-офицер над вожатыми Н.П. Артамонов. Ему же и была передана агентура Паренсова.

Успехи полковника Паренсова как разведчика выглядят более осязаемо, если учитывать, что в этой роли он выступал впервые в жизни. На этом фоне самостоятельное, успешное постижение им специфики агентурно-разведывательной деятельности, несомненно, является одной из его заслуг.

4.4. Осведомленность русского командования о противнике

Первый вариант плана войны против Турции был составлен в октябре 1876 г. управляющим Военно-ученого комитета Главного штаба генералом Н.Н. Обручевым. Он был основан на предложенной Артамоновым идее молниеносной войны, для чего армия должна была избежать ошибок прошлых русско-турецких войн: медленной переправы через Дунай и осады крепостей, под стенами которых русская армия всегда несла большие потери. Генерал предлагал не штурмовать, а блокировать турецкие крепости в низовьях Дуная.

В течение зимы 1877 г. турки успели значительно укрепить свои силы, стянули все, что можно было, на Дунайский театр. Увеличили число судов на Дунае, усилили крепости, снабдив их дополнительной артиллерией, «*а между тем пыл в славянах ослабел*». «*Сербы совершенно сошли с поля, а румыны, рвавшиеся осенью идти в авангарде нашей армии, теперь чуть ли не отказываются от участия в войне. Со стороны Австрии мы чувствуем себя более обеспеченными, но со стороны Англии следует ожидать самых коварных действий. Поэтому и план действий, намеченный при осенней обстановке требовал значительных дополнений и изменений*», — указывал генерал Н.Н. Обручев в «Соображениях на случай войны с Турцией весной 1877 г.».

Вместе с тем Управляющим Военно-ученым комитетом был оставлен ряд вещей как незыблемых. В первую очередь это касалось цели войны, «*которая не может быть иная, как полное бесповоротное решение восточного вопроса, дабы*

раз навсегда разделаться с этим призраком, который периодически истощает Россию и служит одной из главных помех к развитию ее благосостояния». «Целью наших стратегических действий, более чем когда-нибудь, должен быть самый Константинополь, ибо только на берегах Босфора можно сломить владычество турок и получить прочный мир, раз навсегда решавший наш спор с ними из-за балканских христиан. Запятие только Болгарии никак не даст этих результатов», — утверждал Н.Н. Обручев (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Указ. соч. С. 119). «Овладение Константинополем трудно, но при решительности и быстроте действий, возможно и даже весьма вероятно, и потому отказываться от этой единственной, решительной цели, было бы величайшей стратегической и политической глупостью», — настаивал Обручев.

Однако к весне, отмечал Управляющий ВУК, обстановка коренным образом изменилась. Осенью, когда турецкая армия была отвлечена на запад, можно было даже с небольшими регулярными силами достигнуть самых решительных результатов. «Имея под рукой 4 дивизии и румынскую армию, можно было, — считал Обручев, — почти сразу же перебросить 4 пехотные дивизии с массой кавалерии прямо за Балканы». К весне 1877 г. требовалось существенно большие силы. И далее шла полностью аргументация, высказанная штаб-офицером над вожатыми еще в начале этого года. Теперь уже 4 русские корпуса должны были встретить на Дунае и в Придунайской Болгарии такой отпор, что если в состоянии будут сразу выделить за Балканы какие-нибудь силы, «то только весьма незначительные, с которыми далеко не уйдешь».

Для обеспечения удара на Константинополь, по мнению Обручева, следовало «сразу от Дуная выделить армию не менее 100.000—120.000 человек, со всеми средствами». Состав Действующей армии, которой предстояло действовать в Придунайской Болгарии и обеспечивать тыл первой армии, был определен управляющим делами ВУК в следующем составе: 133 000 человек и 39 000 лошадей, а на довольствии 163 000 человек и 51 000 лошадей. Общая цифра достигала 303 000 человек и 90 000 лошадей (там же. С. 122—123).

Теоретически союзники России готовы были выставить: Черногория — 25 000—30 000 человек; Румыния — 35 000—40 000 человек и Сербия — 56 000 человек. Теоретически, потому что далеко не все страны готовы были к боевым действиям. В первую очередь это касалось вооруженных сил Сербии, «расстроенных войной 1876 г.».

Впоследствии особой критике подверглась как существенно заниженная цифра турецких войск по состоянию на 15 марта 1877 г. — 158 115 человек — приведенная Н.Н. Обручевым. «Увеличить эти силы еще какими-нибудь регулярными войсками Турция не может, но ей остается еще формирование новых пеших и конных милиций, помочь Египта, а под конец, быть может, англичан, в численности от 50 до 60 тысяч», — утверждал вместе с тем управляющий делами Военно-ученого комитета. Цифра эта, по свидетельству Артамонова, была взята из Ведомости о расположении и численности всех вооруженных сил Османской империи по состоянию между 10 и 15 марта, подготовленной Генерального штаба полковниками Зеленым и Боголюбовым. Эти сведения были пересланы в Полевой штаб «немедленно» и «были весьма полезны штаб офицеру над возможными», отмечал Артамонов. Как бы там ни было, а «реальная» цифра турецких войск на 15 марта 1877 г. так и не была озвучена и аргументирована.

Цифра 150 000 человек турецких войск была упомянута и в агентурном сообщении, поступившем Паренсову в конце марта — начале апреля 1877 г. от Генерального консула в Болгарии статского советника Кожевникова. Последний со ссылкой на Юлиуса (о нем уже шла речь) докладывал, что «в Дунайском вилайете (административная единица в Османской империи. — Примеч. авт.) находится не более 150.000 человек, но турки могут сосредоточить до 200.000 чел., и так как они будут вести войну под прикрытием своих укреплений, то будут иметь значительный перевес над неприятелем» (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 244—245).

По мнению Юлиуса, было «необходимо» «иметь, по крайней мере, 300 000 чел., чтобы одержать верх над турецкой армией».

Впоследствии критики писали, что составитель «нашего плана войны пре-
восходства в силах за нами не обеспечивал» и предполагал «недостаточными
силами» вести наступательную войну. План войны был принят за основу, по-
сле чего переработан. В его существенной корректировке приняли участие сам
император, военный министр Д.А. Милютин, главнокомандующий Дунайской
армией великий князь Николай Николаевич-старший, его начальник штаба гене-
рал А.А. Непокойчицкий, помощник начальника штаба генерал К.В. Левицкий.
В результате от первоначальных предложений не осталось практически камня на
камне. Прежде всего численность Дунайской армии из соображений экономии была
сокращена с 303 000 до 258 573 человек, что явно не обеспечивало поставленные

цели войны. Не об этом ли был тревогу полковник Н.П. Артамонов еще в начале января 1877 г.? Основные силы армии после переправы через Дунай должны были быть направлены против турецких крепостей в низовьях реки. За Балканы вместо 114-тысячной армии направлялся всего 12-тысячный отряд, правый фланг оказался совершенно оголенным, создание резервов не предусматривалось. Этот план оставляя без наблюдения корпус Осман-паши в Видине, что сделало неизбежным для русской армии трагическое дальнейшее развитие событий (*Айрапетов Олег. Указ. соч. С. 327.*)

В таблице полковника Артамонова (к 15 июня 1877 г.) показано турецких войск 306 260 человек в Европейской Турции с Критом, а исключая 9500 человек, находившихся на этом острове, около 300 000 человек. Данные эти были довольно близки к действительности (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Указ. соч. С. 61). Столь существенная разница по сравнению с данными на 15 марта 1877 г. объяснялась просто: в канун войны происходило увеличение численности турецких войск за счет всех возможных ресурсов.

К 1 января 1878 г. численный состав русской армии пришлось увеличить до 410 882 человек, и это несмотря на понесенные потери в течение боевых действий.

21 июля 1877 г. императору Александру II была представлена «Записка Военного министра об изменении плана кампании». Записка была составлена уже после двух неудавшихся кровопролитных штурмов Плевны. В ней Военный министр, в частности, остановился на том, что, начав войну, «мы имели не совсем верное представление о нашем противнике». К числу заблуждений в этой части военный министр отнес следующие:

— Турция, казавшаяся столь близкой к распаду, сохранила еще много жизнеспособности, обладает большими военными средствами при могущественной иностранной поддержке;

— турецкие войска, хотя и остаются многие годы без жалованья, имеют свои неоспоримые достоинства — отлично вооружены, достаточно снабжены и дерутся упорно, «особенно же умеют скоро и искусно оканчиваться» (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Составил генерал-майор П. Гейман. Выпуск 2. СПб., 1906. С. 295—296).

Военный министр предлагал и в чем-то разумную вещь. Он указывал, что армия в 300—350 тыс. человек не может «базироваться на одну точку». «Пока

не взят Рущук», отмечал Милютин, желательно было бы иметь на правом берегу Дуная хотя бы три обеспеченные пункта переправ: а именно, кроме Систова, еще в Никополе и ближе к Рущуку, осада которого была необходима.

Далее в Записке предлагалось ограничиваться занятием проходов через Балканы и озабочиться сохранением занятых позиций, попеременно усиливая те или иные свои силы. О развитии наступления на Константинополь даже не упоминалось. Предложения военного министра были одобрены императором и главнокомандующим Действующей армией (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в Европейской Турции. Указ. соч. С. 294—300).

С началом войны генерал Н.П. Игнатьев был прикреплен к Главной квартире в Болгарии с минимальным кругом обязанностей. Один эпизод, описанный в воспоминаниях генерала П.Д. Паренсова, особенно ярко раскрывает сущность Н.П. Игнатьева. Во время войны в одной компании зашел разговор об окружении главнокомандующего. Игнатьев предложил устраниТЬ неспособных и привлечь одного надежного полковника. Ужас охватил слушателей от подобной ереси: «*Да что Вы, как это возможно! Ведь он еще молод; всего лишь полковник!*» Николай Павлович неудержимо рассмеялся: «*Ну, последнее может быть легко исправлено: произведите его в генералы и он уже не будет больше молод*» (Паренсов П.Д. Памяти графа Н.П. Игнатьева. СПб., 1909. С. 27—28). Собеседники разошлись, очевидно, оставшись недовольными таким нетрадиционным развязыванием гордиева узла.

Занимаясь организацией разведки, П.Д. Паренсов, Н.Д. Артамонов и Г.И. Бобриков уделяли большое внимание подбору будущих проводников и переводчиков для частей Действующей армии. Руководители разведки понимали, что для успешного продвижения войск по территории Болгарии большую помощь могут оказать болгары, хорошо знавшие эти края. Существенное значение имело также знание языка и обычая местного населения. О существе вопроса полковники Бобриков и Паренсов доложили рапортами, которые не остались без внимания. 27 апреля по указанию главнокомандующего Действующей армии начальник Полевого штаба издал приказ о «*необходимости иметь при войсках людей, знающих местные языки, во время нахождения армии в Румынии и Болгарии, а также для обеспечения собирания сведений о неприятеле*» (Улуян А.А. Указ. соч. С. 38—39). Тот, кто желал получить место проводника или переводчика, должен был иметь рекомендацию от Паренсова, Бобрикова или Артамонова.

Кишиневский уездный исправник И.С. Иванов рекомендовал Н.Д. Артамонову Ивана Дьяковича, которого знал с 1852 г. Дьякович участвовал добровольцем в Крымской и сербско-турецкой войнах, имел чин поручика сербской армии, владел русским, турецким и английским языками. Безусловно, возможности использования Дьяковича были много шире, чем выполнение обычных обязанностей переводчика или проводника.

Для обеспечения частей Действующей армии проводниками и переводчиками, особенно к моменту переправы через Дунай, полковники Паренсов и Артамонов, подбирали верных людей через своих агентов. Бывали случаи, когда сами агенты назначались переводчиками в штабы и в то же время руководили, имевшимися в частях лазутчиками (*Улуянн А.А. Указ. соч. С. 39*).

Одной из задач, стоявших перед Паренсовым и другими руководителями разведки, была разведка наиболее удобного участка форсирования Дуная. Эта задача, в совокупности с другими силами разведки Действующей армии, была выполнена.

Главные силы русской армии должны были перейти Дунай не в его низовьях, а на среднем течении реки, между турецкими крепостями Никополь и Рущук, у Зимницы-Систово, «там, где нас менее всего ждут», в районе, преимущественно населенном дружественно настроенными к России болгарами. Турки имели на Дунае речную флотилию в составе трех мониторов, пять броненосных и шесть неброненосных канонерских лодок. В низовьях реки стояла эскадра из пяти небольших броненосцев. Для обеспечения переправы через Дунай по железной дороге из Кронштадта в Румынию были переброшены паровые катера. Одновременно на Дунай было доставлено 550 гальванических и ударных мин заграждения. Для борьбы с турецкими кораблями русские катера наряду с минами заграждения успешно использовали шестовые и буксируемые мины. Корабли противника неоднократно предпринимали попытки противодействовать минным постановкам, но береговые батареи и паровые катера решительно пресекали их. Так, 29 апреля 1877 г. при попытке противника атаковать катера в районе Браилова береговая батарея потопила турецкий броненосец «Лютфи-Джелиль». Русские моряки не ограничились лишь постановкой оборонительных минных заграждений. Они впервые в истории использовали минное оружие для ведения активных действий против турецких баз и кораблей на Дунае. Чтобы затруднить развертывание кораблей противника и сузить их операционную зону,

катера произвели несколько активных минных постановок в непосредственной близости от крепостей неприятеля на Дунае, использовавшихся в качестве баз его флотилии. В начале мая переброшенными из России паровыми катерами был потоплен турецкий однобашенный монитор «Сейфи». В результате турецкие моряки были деморализованы и не смогли помешать переправе русской армии через Дунай.

Во второй половине мая Н.Д. Артамонов направил болгарина Велико в Систово и Никополь с заданием выяснить дислокацию войск противника в этих районах. Собрав данные о неприятельских силах в окрестностях Систово с помощью агента мелкого торговца Хр. Брычкова, Велико с почтовыми голубями передавил Н.Д. Артамонову собранную информацию. По сведениям Хр. Брычкова, противник имел «400 чел. Редифа, одну батарею (б орудий), 60—70 кавалеристов и 1000—1500 башибузуков». Спустя несколько дней Велико послал следующего почтового голубя со сведениями о Никополе и его окрестностях. Впоследствии переданные сведения подтвердились. За два-три дня до форсирования Дуная из Систово пришло сообщение, что там находится один табор (батальон) пехоты и шесть орудий (Улунян А.А. Указ. соч. С. 41).

Российские войска 15 июня 1877 г. успешно форсировали Дунай у Зимницы-Систово. По плану намечалось сначала форсирование Дуная на понтонах частями усиленной 14-й пехотной дивизии с последующим захватом плацдарма; далее на баржах переправлялись главные силы VIII корпуса, а затем под прикрытием этого корпуса предусматривалось строительство моста для перехода на правый берег Дуная главных сил армии. По отдельным свидетельствам, части 2-й бригады 14 пехотной дивизии перевозились «прибывшим пароходом» (Улунян А.А. Указ. соч. С. 286). Возможно, это было судно, специально закупленное для этих целей капитаном 1-го ранга Новосильским.

Через две недели основные силы перешли на правый берег. Тщательно подготовленная переправа войск завершилась успешно. Русская армия потеряла всего 800 человек. Тысячи сбереженных солдатских жизней стали одним из результатов деятельности русских разведчиков, действовавших в этот период.

В ходе войны ведущая роль в разведке отводилась войсковым рекогносцировкам, которые выполнялись офицерами Генерального штаба, войсковыми кавалерийскими и казачьими разъездами. Продолжала действовать и агентурная разведка.

С открытием боевых действий было проведено перераспределение агентуры. Многие агенты, по рекомендации Н.Д. Артамонова и П.Д. Паренсова, были прикреплены к войсковым штабам как проводники и переводчики и для выполнения заданий по разведке. Некоторые опытные агенты полковника Паренсова, находясь при штабах корпусов, руководили болгарскими разведчиками, прикрепленными к штабам частей. В Полевом штабе Действующей армии продолжал вести работу через свою агентуру штаб-офицер над вожатыми полковник Артамонов. Усилия разведки направлялись на выявление наличия и перемещений сил противника в районах, интересовавших главное и войсковое командование. В целом такая организация разведки на фронте сохранялась до окончания войны.

По инициативе М.А. Хитрова от 11 июня 1877 г. бывшие служащие русских консульств в Турции (бывшие секретарь генерального консульства в Константинополе Сорокин, вице-консул в Варне Даскалов, консул в Янине Троянский, секретарь генерального консульства в Константинополе Лиссевич, консул в Черновицах Кир Динжан и драгоман генерального консульства в Рущуке Кир Михалов) были командированы в распоряжение командиров армейских корпусов, чтобы выступать в качестве переводчиков при общении с местным болгарским населением.

С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. проявилась специфика — болгарские четы, существенным образом оказавшаяся на организации разведывательной деятельности. Одной из форм вооруженной борьбы болгарского народа против турецкого ига были народные добровольческие четы (отряды). Они возникали стихийно по мере продвижения русских войск в глубь Болгарии.

О возможностях использования болгарских чет в военных операциях в штаб Действующей армии поступило несколько рапортов. Однако еще до них полковник Паренсов 4 июня 1877 г. в рапорте на имя генерала Непокойчицкого отмечал необходимость вооружения болгарского населения освобождаемых районов и образования из местных жителей городской и сельской стражи, которая под руководством русских инструкторов имела бы возможность защищать жителей от нападения бацилузов и охраняла бы запасы продовольствия и фуража для армии. Паренсов предлагал, чтобы русское командование снабдило передовые отряды воинских частей, продвигавшихся в глубь страны, оружием для раздачи его местному населению. Однако это предложение Паренсова было отклонено.

15 июля 1877 г. к этой теме вернулся Г.И. Бобриков. Обстоятельно проанализировав прошедшие месяцы войны, он пришел к выводу о необходимости «с

точки зрения интересов армии формирования чет, другими словами, развитие партизанской народной войны на всем пространстве Балканской горной зоны весьма полезно». Далее, по мнению Бобрикова, действия чет должны были способствовать, «во-первых, более полным сведениям о состоянии, расположении и движении противника, и, быть может, раскроют перед нами его намерения, во-вторых, заставить его тщательно оберегать свои сообщения, конвоировать каждый транспорт, словом — изводить свои войска на собственную охрану, наконец, ограничить район пользования местными средствами, принуждая в прикрытие для каждой фуражировки высыпать значительные отряды» (Улунян А.А. Указ. соч. С. 51).

В это же самое время штаб-офицер над вожатыми получил от П. Хитова несколько писем, в которых выражалось желание болгар организовать четы. 11 августа 1877 г. уже полковник Артамонов подал рапорт Непокойчицкому о формировании чет. Судя по рапорту Артамонова, главнокомандующий к этому времени уже разрешил П. Хитову формировать четы. И более того, несколько чет уже было организовано.

Кроме рапортов полковников Бобрикова и Артамонова, в Полевой штаб Действующей армии была представлена и третья докладная, принадлежавшая М.А. Хитрово, который являлся Генеральным консулом в Константинополе (1871—1877 гг.). В ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — начальник дипломатической канцелярии при главнокомандующем Действующей армией.

Видимо, идея придания организованного характера стихийно возниквшим четам витала в воздухе. Перед добровольными четами в составе 8—10 человек ставились «задачи защищать болгарское население от башибузуков, вести гверильясскую (герильясскую — партизансскую. — Примеч. авт.) войну против турок и доставлять нашим войскам сведения о неприятеле». Всем таким добровольным четам предусматривалось выдавать «особые охранные листы, по которым они становятся под защиту военных законов и обязуются содействовать в своих местах русским войскам доставкой сведений о неприятеле и ведением против последнего горной партизанской войны» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2.(Документы в 3-х томах). С. 273).

Руководством болгарскими четами на левом фланге русской армии и наблюдением за ними занимался Н.Д. Артамонов, помощником у которого был П. Хитов. Последний осуществлял связь с четами и был главным организатором.

С середины июля и в последующие месяцы под наблюдением штаб-офицера над вожатыми были созданы четы П. Хитова, Ф. Тотю, Иордана Ненчова, братьев Койсевых, Христо Николы Саандито и Христо Джулоя. Все эти четы действовали в районе Елены.

На правом фланге, в районе Ловеча, успешно действовал М.А. Хитрово, под наблюдением которого были сформированы болгарские четы воевод Ильи Маркова, Цеко Петкова, Григория Огнянова, Георгия Пулевского, Иванчо Роби, Димитрия Трифонова и Христо Иванова. Помощником у М.А. Хитрово в формировании чет был болгарский воевода Стоян Вязенков» (Улунян А.А. Указ. соч. С. 57).

Впоследствии, вспоминая свою деятельность в период войны, М.А. Хитрово писал, что она «была самого фантастического свойства. Я исполнял некоторые отдельные поручения, собирая болгарские четы» (там же. С. 57).

С началом боевых действий турецкое командование вело себя пассивно. Инициатива полностью принадлежала русской армии.

Для обеспечения правого фланга русской армии Главное командование выделило IX корпус генерал-лейтенанта Н.П. фон Криденера. Русская разведка располагала более или менее точными данными о неприятельской армии в северо-западной части Болгарии. По сведениям Н.Д. Артамонова, в Видине в распоряжении Осман-паши находились 33 батальона, 12 эскадронов и 6—7 батарей, у Гасан-паши, командовавшего гарнизоном Никополя, — 17—18 батальонов, 6 эскадронов и 3—4 полевые батареи. Кроме того, лазутчики из числа болгар 26—27 июня 1877 г. сообщили в штаб русской армии новые сведения о численности и дислокации войск у Никополя и его окрестностей (там же. С. 76—77).

4 июля войска IX корпуса взяли штурмом крепость Никополь. Освободив Никополь, Н.П. Криденер 5 июля получил приказ двигаться к Плевне. Там же в телеграмме было сказано, чтобы трофейное «оружие сложили в Никополе для того, чтобы вооружить болгар».

Главное командование до падения Никополя получило известие о выступлении значительных сил противника из Видина, но не придало этому значения, а Н.П. Криденер сообщил, что не готов к маршруту на Плевну и с разрешения А.А. Непокойчицкого остался на месте, упустив, таким образом, блестящую возможность. Ему нужно было преодолеть всего 40 км.

Главнокомандующий Николай Николаевич, имея 33 тыс. сабель, предпочел не формировать единой стратегической кавалерии и распылил эту силу, не выделив

на правый фланг для дальней разведки ничего. Только 4 июля из венской газеты в штабе Главнокомандующего узнали о движении Осман-паши к Плевне, но великий князь не воспринял это всерьез. После взятия Никополя он считал, что на западном направлении с турецкой угрозой окончательно покончено.

Осман-паша прекрасно понимал значение Плевны для дальнейшего хода войны, и турецкие войска численностью 17 тыс. человек с 30 орудиями, преодолев за шесть дней 200 км, 7 июля утром вступили в Плевну. Будучи важнейшим, узловым центром Северо-Западной Болгарии, Плевна, занятая противником, создавала опасность флангового удара по русским войскам, а в случае захвата Систова неприятель прервал бы связь с тылом России. На следующий день — 8 июля — 5-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Шильдера-Шульднера, подошедшая из Никополя, атаковала Плевну без организации разведки, не имея данных о численности противника, и была отброшена с большими потерями.

Осман-паша, заняв Плевну, срочно начал строить оборонительные сооружения и превратил со временем город в сильно укрепленный рубеж.

Местное болгарское население и болгарские разведчики регулярно снабжали штаб русских войск информацией о положении в Плевне и его окрестностях. Командование имело данные, которые в основном соответствовали действительному состоянию неприятельских сил. Так, 10 июля, перед вторым штурмом Плевны, начавшимся 18 июля, ему было известно о приблизительной численности неприятельских войск, оборонявших Плевну: 40 тaborов (15—20 тыс. человек) и 60 орудий. Разведчик Симеон Киров указал на особо укрепляемые районы, а именно: на северную и восточную часть Плевны. В действительности у Осман-паши перед штурмом было 22 тыс. солдат при 58 орудиях. Однако генерал Криднер не поверил разведывательным данным и считал, что численность турецких войск в Плевне доходит до 60 тысяч. «Вторая Плевна» закончилась разгромом атаковавших, которые потеряли свыше 7 тыс. человек ранеными и убитыми. Войска в беспорядке отступили к Систову, к счастью, и турки, потерявшие около 5 тыс. человек, не смогли организовать преследования. После «второй Плевны» Александр II обратился к Великобритании с просьбой о посредничестве, на которую последовал отказ.

18 июля был сформирован передовой отряд под командованием генерала И.В. Гурко (12 тыс. пехоты и кавалерии при 24 орудиях) для продвижения на главном направлении — к Константинополю. Отряд занял древнюю болгарскую

столицу Тырново и достиг перевалов, которые оборонялись турецким отрядом Реуф-паши. Основные силы турок (7 тысяч человек) обороняли Шипкинский перевал, через который проходила самая удобная и короткая дорога на Константинополь.

Русский Генеральный штаб еще накануне объявления войны занимался изучением дорог, ведущих через Балканский хребет (Стара-Планину) в Южную Болгарию. Три основных перевала через Балканские горы — Шипкинский, Тревненский и Твардицкий — были под контролем турок, но существовал еще один — Хайн-кийский, который был оставлен ими без внимания. Турки считали его непройходимым и называли Хайн-богаз, то есть Предательский путь. Считалось, что только отчаянный смельчак мог пробраться через этот перевал, но никак не войско, так как преодолевать горные хребты пришлось бы по узким тропкам. 23 апреля 1877 г. полковник Г.И. Бобриков доложил начальнику Полевого штаба генералу А.А. Непокойчицкому о разговоре, состоявшемся с болгарским восводом Панайотом Хитовым, «которому Балканы были известны до мельчайших подробностей». Последний утверждал, что после Шипкинского перевала на центральном участке Балканского хребта наиболее удобен перевал у Хайн-богаза. Путь через этот перевал, по словам Хитова, был доступен для телег на всем его протяжении. И все эти дороги Хитов готов был показать сам или выделить для этой цели проводников. О проходимости войсками этого перевала говорил еще отторгнутый разведкой топограф Юлиус. Перевал этот был дважды обследован Н.Д. Артамоновым в 1867 г. и 1869 г., который пришел к идентичным выводам.

С целью подтверждения полученных данных на разведку были отправлены казачий урядник князь Церетелев, знавший турецкий язык, и болгарин П. Славейков. Они побывали в Хайн-Киос, где сумели даже поговорить с турецкими солдатами. Турки даже не подозревали о близости противника.

Шипкинская позиция турок атаковалась одновременно сформированным Габровским отрядом и частями Передового отряда И.В. Гурко, преодолевшими Хайнкийский перевал и вышедшиими в тыл туркам с юга.

К Передовому отряду был определен Панайот Хитов. Он лично организовал местное население, привлек даже женщин, чтобы расширить дорогу, по которой должна была пройти полевая артиллерия. Особенно трудно было поднять на перевал 9-фунтовые орудия. Но болгары привели буйволов. К каждому орудию и зарядному ящику были приданы по 20—30 болгар из местного населения, ко-

торые помогали провезти орудия по дороге, вьющейся мимо пропастей и скал, поднимать их на подъемах и спускать на крутых спусках. Более легкие орудия несли на руках. Противник был застигнут врасплох и обратился в бегство (*Генов Цонко. Указ. соч. С. 31.*)

Вслед за взятием 7 июля Шипкинского перевала солдаты Гурко перешли через Балканы. В это время турки начали отводить к Константинополю армию Сулейман-паши, которая действовала в Черногории. 10 июля она стала сосредотачиваться у столицы и вскоре выступила в Болгарию.

16-тысячный отряд Гурко столкнулся в Забалканской Болгарии с 50-тысячной турецкой армией и после ряда тяжелых боев 19 июля вынужден был отступить на Шипку.

В этот же день последовал приказ о переброске ряда корпусов и дивизий из России, которые должны были усилить Дунайскую армию к сентябрю—октябрю 1877 г. на 110 тыс. человек и 440 орудий.

Особое беспокойство русское командование проявляло о силах противника в Рущуке, опасаясь их возможного наступления в тыл русской армии. По данным разведки, было установлено, что в конце июля 1877 г. в Рущуке находилось 13 150 турецких солдат, то есть 33 батальона, 6 эскадронов и 11 батарей.

Ссылаясь на сообщения иностранного корреспондента из Рущука, «Одесский вестник» писал, что турецкие власти обнаружили в доме одного болгарина «тайное телеграфное сообщение с городом Журжевом».

Результативным лазутчиком оказался подобранный Н.А. Артамоновым болгарин Трифон Елиев. Об оборонительных сооружениях и укреплениях в окрестностях Рущука — Левант-Табии и Куле-Табии — 18 августа 1878 г. он информировал штаб-офицера над вожатыми. В том числе им были указаны места продовольственных складов турецкой армии и арсеналы боеприпасов (*Улуян А.А. Указ. соч. С. 70.*)

План молниеносной войны в одну кампанию был сорван под Плевной. Последствия этого успеха турок не поддаются переоценке. Если в июле во всей Европе ожидали скорого падения Константинополя и вместе с ним краха Османской империи, то теперь ситуация изменилась. Исход войны теперь зависел от того, насколько быстро русской армии удастся справиться с проблемой Плевны, возникшей в результате неумелого использования русским командованием преимуществ, полученных после переправы через Дунай. Русским войскам была навязана война с крепостью, в которую был превращен город, находившийся в

двух переходах от Систово — единственной переправы, связывавшей Дунайскую армию с Россией.

За несколько недель местные жители и солдаты Осман-паши окружили Плевну редутами, которые стали опорными пунктами турецкой обороны. Здесь как никогда оказались преимущества скорострельной и дальнобойной винтовки Пибоди-Мартини, которой была вооружена турецкая пехота, и благоразумно созданный запас патронов, доходивший до 1000 на ствол. Русская пехота, как, впрочем, и пехота всех стран, наступала в сомкнутом строю, издали представлявшим собой удобную цель. А запас патронов, который нес с собой русский солдат, составлял 60 единиц.

Запас патронов к винтовкам Крнка, снимавшимся с вооружения, был достаточно велик, их поставили в Дунайскую армию в количестве, превысившим 43 млн штук, но поначалу их все же требовали экономить. В результате в 1877 г. в ходе основных столкновений с турками на Балканах было израсходовано только около 5,5 млн патронов к винтовкам Крнка. Русская артиллерия была в изобилии снабжена снарядами, однако существенно уступала турецкой по качеству. В результате при атаках укреплений она оказалась не в состоянии разрушить их или заставить оборонявшуюся пехоту прекратить огонь.

Турецкие оборонительные позиции, как правило, были щедро снабжены боеприпасами. Военные неудачи мгновенно изменили международную обстановку. Как позже отмечал полковник Г.И. Бобриков, находившийся в это время в Сербии: «*Сломить сопротивление Турции несколькими корпусами или большую частью всех сил государства, — две вещи, влекущие за собой не только совершенно разные, но даже совершенно противоположные политические последствия. В первом случае получается высокое представление о могуществе, ставящее победителя на пьедестал обаятельного нравственного влияния и способное внушить противникам серьезную остроту. Во втором случае, наоборот, наступает минута разочарования для союзников, ободряются враждебные силы*» (Бобриков Г.И. В Сербии. Указ. соч. С. 10).

Действительно, Балканские государства, буквально рвавшиеся в бой в июне 1877 г., больше не стремились встать в строй русских солдат, гораздо более требовательными стали Лондон и Вена. Русское командование обратилось к Белграду с просьбой вступить в войну и оттянуть на себя часть сил. В счет обещанной субсидии в 1 млн рублей на военные нужды Сербии было передано 500 тыс. рублей. Однако князь Милан не торопился.

В августе 1877 г. в Сербию был направлен Г.И. Бобриков. Он должен был ознакомиться с готовностью сербской армии к войне и попытаться склонить Милана к вступлению в войну с Турцией. После долгих колебаний 1 декабря 1877 г. Сербия объявила войну Турции. Бобрикову принадлежала ведущая роль в планировании операций сербской армии. Успешные действия сербских войск «сковали» действия софийской группировки турок и тем самым оказали существенную помощь отряду генерала И.В. Гурко при переходе через Балканы, а с взятием Ниша была достигнута главная цель сербского наступления — снята угроза флангу и тылу российской армии на константинопольском направлении. Занимался Бобриков и организацией агентурной работы, вернее, констатировал отсутствие таковой. «Вы недовольны сведениями наших сербских агентов, — писал он 19 октября 1877 г. Артамонову, — от Хорватовича и вверенных его надзору людей ни слова. Между тем, на основании вашей инструкции консульство было обязано выдать Хорватовичу сто полуимпериалов, а Кретичу — сорок и другим. Мое мнение — установленная организация служит лишь дырой нашего кармана...» (РГВИА. ВУА. Д. 7425 (ч. 2). Л. 89).

Готовясь к обороне Балканских перевалов, которая была поручена VIII армейскому корпусу генерала Ф.Ф. Радецкого, русское командование должно было знать, в каком направлении турки намерены нанести главный удар. 3 августа Г. Начович сообщил полковнику Артамонову полученные им сведения о рекогносировке неприятелем Твардицкого перевала и нахождении в районе реки Тунджа (близлежащей к указанному перевалу) 35 тыс. турецких солдат. Эти сведения в дальнейшем не подтвердились. Со своей стороны, генералы Столетов и Дерожинский также провели разведку и доложили командиру 8-го армейского корпуса Ф.Ф. Радецкому о вероятном наступлении Сулейман-паши на Шипкинский перевал. Однако Ф.Ф. Радецкий считал, что главные силы турецкой армии находятся в Осман-Пазаре, т.е. на значительном удалении от Шипкинского перевала. Ошибка Радецкого в переброске резервов на второстепенный участок фронта едва не обошлась дорого русской армии. Утром 7 августа генерал Столетов донес генералу Радецкому о приближении к Шипке армии Сулейман-паши. Положение становилось критическим: у русских вместе с болгарскими ополченцами насчитывалось 4 тысячи бойцов при 27 орудиях. Противник располагал 27 тыс. солдат при 48 орудиями (Улуния А.А. Указ. соч. 1971. С. 76—77).

9 августа начался штурм Шипки, шесть дней продолжались кровопролитные бои, враг рвался к перевалу, не считаясь с потерями. Подобного ожесточенного штурма не было во всю войну. Защитники Шипки вместе с подоспевшими на помощь солдатами 4-й стрелковой бригады отбили 14 атак. Планы турецкого командования прорваться в Северную Болгарию, выручить армию Осман-паши и тем самым расколоть фронт русских войск потерпели поражение.

Началось знаменитое «шипкинское сидение». Турецкое командование попыталось воспользоваться этим для экспедиции в Черногорию, но вторгнувшийся туда Сулеман-паша был отбит с большими потерями. В Черногорию в мае 1877 г. военным советником к князю Николаю был командирован Генерального штаба полковник А.А. Боголюбов. Он фактически являлся разработчиком планов наступления черногорских войск, а также руководил деятельностью российских солдат и офицеров в черногорской армии. Бывший среди добровольцев доктор А.В. Щербак писал: *«Боголюбов... своим знанием дела, хладнокровием и настойчивостью производил передко охлаждающее действие на пылкую натуру его светлости (князя Николая. — Примеч. авт.). Несмотря на громадное самолюбие, князь только наружно не соглашался с мнением русского военного агента, в действительности же почти всегда следовал его указаниям»* (Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1977. С. 193—194). К сентябрю черногорцы сами перешли в наступление.

12 августа 1877 г. Н.Д. Артамонов направил в тыл противника болгарского воеводу Симо Соколова, участника сербско-турецкой войны 1876 г., который окончил офицерские курсы в Белграде и имел чин поручика сербской армии. Он должен был разведать расположение, численность неприятельских войск и их продвижение в сторону Видина, Враца, Софии, Орхании, Татар-Пазарджика и Филиппополя. Для подготовки к очередному штурму Плевны русскому командованию нужны были подробные сведения о намерениях противника и подкреплениях, направляемых в Плевну. Потеря Ловеча осложняла действия русских войск не только в предстоящем наступлении на Плевну, но и создавала опасность для обороны Тырнова и Шипки. Перед командованием стояла задача обеспечить тыл войск Западного отряда. Для этого необходимо было выбить турок из Ловеча, а для успешной операции нужны были новые данные о районе Ловеча.

Направляя Симо Соколова на разведку в глубокий тыл неприятеля, полковник Артамонов 10 августа издал инструкцию для руководителей болгарских частей в части задач, стоявших перед ними при организации разведывательной деятель-

ности. По своему содержанию инструкция в основном напоминала положения свидетельства, которое выдавали руководителям болгарских чет. Здесь, только в более развернутом виде, отмечались цели и задачи чет в сборе информации и указывалось лицо, через которое необходимо было передавать для штаб-офицера над вожатыми разведывательные сведения.

Восвода должны были в «письменном рапорте» изложить собранные сведения и немедленно доставить их по назначению с посыльным. За точную информацию руководители чет получали вознаграждение из штаба армии.

О шести таборах и 400 башибузуках, находившихся в Ловече и направлявшихся в сторону Плевны, доносил Георги Стойков. 26 августа Г.Д. Начович писал из Тырнова одному из организаторов болгарских разведывательных чет, Н.Г. Ка-бакчиеву, о необходимости получения сведений об отступлении турецких войск в районе Ловеча и Плевны. В этом же письме он спрашивал о новостях из Габрова относительно войск Сулейман-паши (*Улуян А.А. Указ. соч. С. 81.*).

Русское командование приняло решение покончить с Плевной, не дожидаясь подхода подкреплений. Положение под городом осложнялось еще и тем, что он не был полностью блокирован. По софийскому шоссе, вдоль которого турками был создан ряд сильно укрепленных опорных пунктов, к Осман-паше постоянно прорывались подкрепления и обозы с продовольствием и боеприпасами. 22 августа Ловеч — сильный редут в 15 км от Плевны, окруженный окопами и с гарнизоном в 4 тыс. человек при 6 орудиях, — был взят штурмом 32-тысячным отрядом генерал-майора князя А.К. Имеретинского при 98 орудиях.

24 августа к русской армии, стоявшей под Плевной, присоединились 32 тыс. румын при 108 орудиях во главе Карлом Гогенцоллерном. Русско-румынские силы благодаря этому возросли до 84 тыс. человек при 424 орудиях. В Плевне у Осман-паши находилось 36 тыс. человек при 72 орудиях. 25 августа на военном совете было принято решение штурмовать город, чтобы избежать зимней кампании. На следующий день началась артиллерийская подготовка. Четыре дня обстрела не дали практически никаких результатов. Бастоны остались неразрушенными, город и поля перед укреплениями были завалеными сотнями неразорвавшихся русских снарядов. Штурм был организован из рук вон плохо, вновь проявилось отсутствие должной системы управления войсками. Фактически в атаке участвовали только 39 батальонов, остальные 68 были оставлены в резерве. Потери неподготовленного штурма составили

у русских 12 700 человек, у румын — свыше 3 тыс. человек. Потери турок не превышали 3 тыс. человек.

1 сентября Александр II собрал военный совет, на котором практически все военачальники во главе с главнокомандующим высказались за отступление за Дунай и прекращение кампании до следующего года. Однако император при поддержке Миллютина отказался принять это предложение, которое, во-первых, не соответствовало военно-стратегической обстановке, во-вторых, привело бы к существенному падению престижа России на международной арене, а императорского правительства — в стране, и, наконец, последствия вывода русских войск за Дунай грозили неисчислимыми бедствиями для болгарского народа.

8 сентября Н.Д. Артамонов направил своего лазутчика Константина Фаврикодорова в Плевну, который 24 сентября прислал подробные данные о численности армии Осман-паши, о проводившихся в крепости восстановительных работах и о ее продовольственных запасах.

Полковник Артамонов пристально отслеживал передислокацию неприятельских войск с тем, чтобы предотвратить внезапное нападение турок. Во второй половине сентября Н.Г. Кабакчиев в письме игумену Троянского монастыря архимандриту Макарию просил сообщить о численности неприятельских войск в районе Софии, Карлова и Калофера. 26 сентября архимандрит Макарий доносил Кабакчиеву, что несколько дней тому назад из Филиппополя через с. Дыбене в сторону Кырнаре было направлено не то четыре, не то пять орудий, а из Карлова ежедневно туда же отправлялось по четыре телеги хлеба. По его данным, в Кырнаре находилось не более 2—3 тыс. турецких солдат и башибузуков. 5—6 тыс. было сосредоточено на склонах Балкан до Златицы. Донесения Макария свидетельствовали об активной разведывательной деятельности служителей Троянского монастыря. Как в приведенном выше письме, так и в последующем от 30 сентября упоминались имена дьяконов Кирилла и Давида, занимавшихся подбором и засылкой людей в тылы турецкой армии (Улуян А.А. Указ. соч. С. 88—87).

Что же касается Плевны, необходимо было как можно быстрее перекрыть дорогу, по которой противник получал подкрепление. По планам русского командования операция по окружению Плевны должна была начаться с занятия Горного Дубняка.

Для получения точных сведений о противнике Н.Д. Артамонов направил 5 октября лазутчика Ф. Симицова «через Никополь и Западную Болгарию к Рахову,

Врачу и Берковице. В выданном им свидетельстве Н.Д. Артамонов просил «от кого это зависит» оказывать Ф. Симидову всяческое содействие.

В этой обстановке из Петербурга, несмотря на сопротивление великого князя Николая Николаевича, императором был вызван на Дунай генерал граф Э.И. Тотлебен. Под его руководством с первых чисел октября блокада Плевны была установлена по-настоящему. Военный инженер по образованию, Тотлебен говорил, что он предпочитает экономить кровь солдата и не щадить его рук и пота. Русская армия окружила город тремя концентрическими линиями полевых укреплений.

В первых числах октября болгарский разведчик Иван Додов доносил в штаб, что в Горном Дубняке противник имел до 3 тыс. пехоты, 1 тыс. кавалерии и два орудия. Такие же приблизительно силы, по его словам, находились и в Долнем Дубняке. Кроме того, он сообщил, что села, расположенные близ шоссе, забиты турецкими войсками, а в конце сентября в Плевну прибыло до 15 тыс. солдат. 14 октября Тодор Симеонов сообщил командованию, что в Телище расположено 9 тaborов турецких войск (там же. С. 83). Эти данные оказали помощь русским войскам в боях за Горный Дубняк, Телиш и Долний Дубняк, которые были освобождены в течение первых двух декад октября. Таким образом, кольцо блокады вокруг Плевны сомкнулось.

Понимая, что падение Плевны стало вопросом времени, турки активизировали свои действия против Рушукского отряда и Шипки. Самой серьезной угрозой войскам Радецкого, успокаивавшего Главную квартиру телеграммами «на Шипке все спокойно», были не турки, а морозы. Солдаты 24-й дивизии, отправленной на поддержку войск, оборонявших перевал, пришли на Балканы в летнем обмундировании, без теплых сапогов и полушибуков. В результате в течение двух недель дивизия потеряла 6213 человек обмороженными, почти $\frac{2}{3}$ своего состава. В середине декабря дивизию пришлось снять с позиций и вывести в тыл. Во всем отряде Радецкого во время «шипкинского сидения», с сентября по декабрь 1877 г., потери ранеными и убитыми составили 700 человек, а заболевшими и обмороженными 9500 человек.

Сулейман-паша, возглавлявший 80-тысячную главную Восточную турецкую армию, также провел несколько выступлений из Рушука, которые были окончательно остановлены 30 ноября у деревни Мечки. Турки были разбиты и вынуждены были отступить со значительными потерями.

Русское командование интересовалось положением осажденной крепости и планами военачальников турецкой армии.

Об уменьшении численности вражеского гарнизона, сокращении пайка и тяжелом продовольственном положении, а также о болезнях и начавшемся дезертирстве у турок писал 27 октября из Плевны лазутчик Константин Фаврикодоров. Он подробно доносил о количестве годных орудий, называл места расположения боеприпасов и обозначил наиболее слабые и уязвимые места в обороне для артиллерийского обстрела. Через несколько дней разведчик, минуя усиленные турецкие караулы, вернулся в расположение русских частей и 2 ноября был вновь послан Н.Д. Артамоновым в последний раз в Плевну, откуда «известил штаб 14-го ноября о том, что Осман-паша решился прорваться на Софийскую дорогу» (Улуния А.А. Указ. соч. С. 83).

19 ноября командование направило в Плевну разведчика болгарина Вылчо Сербаковского, который вернулся спустя пять дней и показал, что в армии осажденных примерно 40 тысяч солдат, способных к боевым действиям, и 67 орудий. Сербаковский отметил тяжелое положение осажденных с продовольствием: запаса хлеба у противника даже при самой мизерной дневной норме оставалось до первых чисел декабря.

26 ноября к русским аванпостам у д. Брестовец явился перебежчик из Плевны — болгарин-барабанщик в турецкой армии. Он информировал русское командование о готовящемся прорыве в направлении Видин—София через мост у р. Вит. По его заявлению, Осман-паша приказал 25 ноября башибузукам сосредоточиться у моста и к 28 ноября быть готовыми к атаке. Русское командование готовилось к решительному бою.

Ранним утром 28 ноября Осман-паша попытался пробиться из крепости. Турецкий бросок был остановлен на подготовленных Тотлебеном укрепленных позициях. При попытке прорыва уже турки шли плотными массами на русские редуты и несли огромные потери от огня оборонявшихся. За несколько часов боя турки потеряли около 6 тыс. человек, в плен сдались свыше 43 тыс. человек. Это был огромный успех, который резко изменил положение на Балканах.

10 августа 1877 г. полковник Н.Д. Артамонов подал рапорт генералу А.А. Непокойчицкому с ходатайством о награждении орденом Г.Д. Начовича за помощь в организации разведки в Болгарии:

«Со времени перехода наших войск за Дунай, — докладывал начальник разведки Полевого штаба Действующей армии, — Григорий Дмитриевич Начович, болгарин из г. Систова, состоял при мне в качестве усердного, честного и бескорыстного помощника.

Европейски образованный и глубоко сознающий, что в настоящее время каждый болгарин обязан всеми своими силами помогать нам, русским, в начатом нами святом деле, освобождении их родины и восстановлении ее нравственных сил, бесследно гибнущих под непосильным гнетом вековой ненависти мусульман к несчастной болгарской расе, он отказался от всякого предложенного ему мною денежного вознаграждения за свои услуги. Оставив семью в Вене, он посвятил всецело себя самого, свой труд, свое время на услуги русской армии. Благодаря его усилиям, его связям в Болгарии мне удалось устроить постоянные разведки о неприятеле на пространстве между Рущуком, Варной, Бургасом, Сливно, Адрианополем, Филиппополем, Софией, Нишем, сербской границей, Видином и Дунаем. При его помощи мне удалось удовлетворить потребности нашей армии в переводчиках, проводниках и лазутчиках. Он спокойно и безропотно, даже ночью, по первому моему требованию исполнял принятые на себя обязанности.

Он удостоился уже личной благодарности Его Императорского Высочества главнокомандующего за услуги, оказанные им нашим офицерам в Румынии с декабря 1876 по май 1877 г.

Таких людей, как Начович, со светлым, честным, бескорыстным взглядом на дело, готовых и душу свою положить за него, следует отличить; а потому, расчетывая, что и в будущем он будет полезен для нашей армии, прошу ходатайств Вашего Высокопревосходительства о награждении Григория Дмитриевича Начовича орденом св. Анны 3-й степени» (Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2 (Документы в 3-х томах). С. 229—230).

Григорий Начович был одним из многих, заслужившим высокой российской награды за свои подвиги. Имена некоторых из них широко известны, имена других — преданы забвению.

Однако представляется, что на фоне выдающихся разведчиков-болгар в годы Русско-турецкой войны все-таки выделяется один человек. Это — лазутчик Фаврикодоров.

«Рисковал жизнью... и оказал русской армии услуги»

«Воспоминания лазутчика» Фаврикодорова были впервые опубликованы в 1885 г. и многократно тиражировались уже в наше время. Эти воспоминания настолько красочны и порой неправдоподобны, что представляются скорее вымыслом, фантазией, чем правдивым рассказом. Может быть, к этим «Воспоминаниям» и следовало бы отнести как к литературному опусу, если бы не приложено к «Воспоминаниям» свидетельство Генерального штаба полковника Артамонова и отдельные опубликованные архивные документы с донесениями лазутчика, которые подтверждают изложенное автором. В свидетельстве бывшего штаб-офицера над вожатыми присутствуют лишь факты: когда, куда и с какой целью направлялся лазутчик в разведку, собранные им сведения. То же, только значительно подробнее, в опубликованных архивных документах. Артамонов не уделял особого внимания тому, как удавалось Фаврикодорову проникнуть на неприятельскую территорию и вернуться назад или отправить сообщение с курьером, а также использованным им легендам нахождения в стане врага. Именно об этом и идет рассказ лазутчика Константина Николаевича Фаврикодорова.

Ему как никому другому удалось проникнуть в существо деятельности лазутчика и подобрать нужные для описания этой деятельности слова. *«Что такое лазутчик, для чего он нужен и какими качествами он должен обладать, чтобы служба его приносila действительную пользу, — рассуждал К.Н. Фаврикодоров. — Лазутчиком называется человек, который под величайшим секретом посылается в неприятельскую армию, чтобы разведывать об оборонительных и наступательных средствах врага и заблаговременно сообщить эти сведения своим. Зная силы врага, движение отрядов войск, материальные их средства, противная сторона может действовать почти наверняка и маневрировать сообразно обстоятельствам, не рискуя потерпеть неудачу, если сведения доставляются лазутчиками верно и быстро. Все это сознавали лучшие полководцы, и те из них, которые на разведочную часть обращали особенное внимание и старались о возможно лучшей ее организации, почти не знали не успеха».*

«Выбор лазутчика дело нелегкое, — справедливо замечал Фаврикодоров. — Нужен человек, который мог бы играть не только одну известную роль, но в случае надобности, сумел бы найтись во всяком положении; необходимо не только знание языка неприятельской страны, и знание отличное, но и полное знакомство с обычаями и характером жителей, умение перенять все их племенные особен-

ности, так сказать, не казаться только, а в действительности быть тем, чем заставляют быть условия минуты. Лазутчик должен обладать смелостью, твердой волей и способностью настолько увлекаться своей ролью, чтобы и наедине с самим собой продолжать играть ее, потому, что опасность быть узнанным может прийти именно в то время, когда в уверенности, что никто на тебя не смотрит, сбросишь маску, чтобы отдохнуть от долгого напряжения» (Воспоминания лазутчика. Исторический вестник. Т. XXI. 1885. С. 67).

Константин Фаврикодоров, грек по происхождению, родился в Македонии, в городе Мирликии, в семье довольно зажиточных родителей, которые позабочились дать ему образование, насколько это возможно в маленьком провинциальном городке. До 20 лет Фаврикодоров жил вместе с родными, часто разъезжая по торговым делам по Турции, что дало ему возможность изучить не только турецкий язык, но и почти все наречия Балканского полуострова. Перед Крымской войной он поступил в Греческий легион императора Николая I, прибыл в Россию и участвовал в обороне Севастополя, был ранен в руку и удостоился получить орден св. Георгия 4-го класса и серебряную медаль за защиту Севастополя.

По окончании войны Фаврикодоров остался в России, поселился в Кишиневе, принял русское подданство, женился, обзавелся семьей и мирно прожил 22 года. Война с турками всколыхнула былое. Константин Николаевич долго колебался, удерживаемый женой и семьей, но любовь к России и желание быть полезным рассеяли его сомнения, и он решился пойти на войну. Ликвидировав свои дела, Фаврикодоров поехал в Плоешти, где ему посоветовали обратиться к полковнику Артамонову, которому он мог оказаться полезен в качестве переводчика.

Выслушав Фаврикодорова, полковник сделал ему неожиданное предложение: совершил «небольшую прогулку по Болгарии» и, выдавая себя за турка, добыть «драгоценные сведения о том, что они поделяют на той стороне». Фаврикодоров понапачалу был крайне удивлен тем фактом, что ему, попросту говоря, предлагается стать шпионом. «Ах, оставьте Вы это глупое слово! Всё не шпионом, а лазутчиком русской армии, сражающейся за освобождение ваших же братьев», — с напором возразил Артамонов. Слово за слово, и через полчаса Фаврикодоров уже не видел ничего странного в предложении штаб-офицера над вожатыми. Вместе с тем он был ошеломлен, так как абсолютно не имел никакой ясности, что ему придется делать. Новоиспеченный лазутчик смутно сознавал, что сам бросался в пропасть, не измерив ее глубины.

Договорились, что на следующий день, утром, Фаврикодоров явится за инструкциями. Свидание было недолгим, Артамонов вручил запечатанный пакет к начальнику штаба Журжевского отряда генерал-лейтенанту Скобелеву 2-му, от которого Фаврикодоров должен был получить дальнейшие инструкции. Хотелось бы сообщить о более подробных инструкциях, но их как таковых просто не было.

Прочитав содержимое пакета, в котором содержались, видимо, сведения о личности вновь обретенного лазутчика, Скобелев «в общих чертах» разъяснил будущие обязанности Фаврикодорова: «ему предстояло проникнуть в страну, занятую неприятелем, постараться пробраться во все придунайские города от Видина до Рущука, включительно, разузнать о силах и средствах неприятеля, а также о предполагаемых передвижениях отрядов». Все собранные сведения надлежало, возможно, чаще сообщать ему, Скобелеву, или полковнику Артамонову.

Далее Фаврикодорову предлагалось отдохнуть и подумать, как и где лучше переправиться на неприятельскую сторону. Был обещан пропуск через русские аванпосты, с оговоркой как можно реже к нему обращаться для соблюдения тайны.

Ни маршрута движения, ни документов, ни легенды пребывания на неприятельской стороне, ни организации связи, ничего обговорено не было! Об этом должен был озабочиться сам лазутчик, если хотел вернуться живым! Все было дано на откуп добровольному разведчику.

Но Фаврикодоров оказался прирожденным лазутчиком — бывший военный, актер, импровизатор, психолог, прекрасно разбирающийся в людях, блестяще знавший языки народов, населявших неприятельскую территорию, и хорошо знакомый с той местностью, куда он направлялся, и, наконец, проникший в менталитет неприятеля-мусульманина, с которым ему предстояло общаться, выдавая себя в том числе и за турка. Подобного сочетания не было ни в одном из лазутчиков ни до, ни после Константина Николаевича Фаврикодорова!

Место переправы лазутчиком уже было выбрано — «где-нибудь около Турно-Северина, румынского городка, лежавшего напротив сербской территории». Не теряя ни минуты, в этот же день Фаврикодоров выехал из Журжева по железной дороге в Бухарест, а оттуда 2 июня прибыл в Турно. По дороге он выдавал себя за торговца рыбой. Придерживался этой роли Фаврикодоров и в гостинице, где он остановился по приезде в Турново. Здесь ему указали на ближайшее место на побережье, где ловили и продавали рыбу. Хозяин рыбной артели Морар, здо-

ровенный детина лст сорока, понравился Фаврикодорову с первого взгляда. Это чувство стало обоюдным, когда наш лазутчик заявил, что готов стать постоянным покупателем. Оставшись наедине с Мораром, Фаврикодоров заявил о своем желании переправиться на другой берег, чем вызвал немалое удивление рыбака, считавшего, что рыбы достаточно и на этом берегу. Уклончивые ответы ни к чему не привели бы и только окончательно сбили бы с толку рассудительного рыбака. Поэтому Фаврикодоров вытащил пропуск, выданный ему Скоблевым, и, указывая на большую красную сургучную печать, пояснил, что это печать «нашего князя Карла», который посыпает его, Фаврикодорова, на разведку противника, и Морар должен послужить и князю, и Отечеству. Сказанное подействовало, но служить Отечеству бесплатно расчетливый патриот отказался. Сошлись на 15 наполеондорах (французская 20-франковая золотая монета).

В полночь Фаврикодоров уже сидел в «душегубке», ловко управляемой мощной рукой рыбака. Челнок, подбрасываемый волнами, быстро несся поперек течения. На противоположном берегу не было видно ни одного огонька, ни вообще какого-нибудь признака человеческого жилья. Наконец, лодка достигла берега, короткое рукопожатие и Морар немедленно отчаливает.

В кромешной тьме Фаврикодоров вскарабкался наверх, а потом также на ощупь двинулся от реки. Часа через два послышался лай собак. Ему стало и жутко, и радостно. Необходимость ориентироваться заставляла лазутчика искать встречи с людьми. Но кем они окажутся: друзьями или недругами, готовыми его схватить при первом подозрении? И если встреча произойдет все-таки с врагами, то в какой роли перед ними следует выступить?

Желая разрешить мучительную неизвестность, Фаврикодоров бодро пошел на звук лая и через полчаса добрался до большой овчарни. Несколько пастухов, в которых без труда можно было признать сербов, ужинали около пылающего костра. Фаврикодоров поздоровался на чистом сербском языке и его пригласили разделить трапезу. Завязался разговор. Физиономии пастухов внушили ему полнейшее доверие. Как только разговор коснулся войны, по нескольким вырвавшимся из их уст фразам наш лазутчик мог уже не сомневаться в ненависти своих новых знакомых к туркам. Тогда он без колебаний открыл им. По-видимому, подобное признание не очень удивило пастухов, так как присутствие ночью в пустынном месте оправдывалось лишь исключительными обстоятельствами.

По словам пастухов, в Видине находилась «многочисленная турецкая армия», конные разъезды которой рыщут в окрестностях, так что на попытку Фаврикодорова проникнуть в этот город его новые знакомые посмотрели как на безумие.

Отдохнув от приключений последней ночи, Фаврикодоров стал готовиться к дальнейшему путешествию. Он решил переодеться пастухом и в новом обличье проникнуть в крепость. Облачение со всеми принадлежностями: «карлигую» (крючок на длинной палке для ловли овец), свирелью и 15 откормленными баранами он приобрел у добрых сербов, конечно, за плату, впрочем, весьма небольшую. Полному сходству с пастухом препятствовал сравнительно белый цвет кожи Фаврикодорова. Но пастухи нашли средство помочь и этому — они уложили его на солнце и натерли березовым дегтем. Часа через два, благодаря этой нехитрой операции, грудь, а также шея и руки лазутчика имели тот же красновато-бурый оттенок загара, как у природного чабана.

В постолах (название обуви), заплатанных штанах и куртке, в рваной бараньей шапке, из-под которой выбивались всклокоченные волосы, как будто не знавшие гребня годами, Фаврикодоров мог смело отправляться в дорогу.

Спустя сутки Фаврикодоров вошел в Видин. Правоверных здесь собралось большое множество. Более 80 тaborов низами, т.е. регулярной пехоты, считая в каждом таборе от 660 до 800 человек. На каждом шагу попадались офицеры. В нескольких местах играла военная музыка и обучались новобранцы.

На баранов лазутчика скоро нашелся покупатель, тем более что он не затребовал больших денег. Из разговоров с болгарами Фаврикодоров узнал, что видинским отрядом командуют Осман-паша, Джирити-паша и Ялдызли-паша. Первый был чрезвычайно уважаем войсками. Крепость оказалась снабженной большим количеством боеприпасов, подвоз которых не прекращался. При армии находилось много англичан в качестве инженеров и медиков. Прогулка по городу и укреплениям, расположенным позади него на высотах, также оказалась не бесполезной. В некоторых местах турецкие часовые гнали русского разведчика, в других же, принимая его за чудака (действительно, с карлигой за плечами и в рваной одежде он был жалок и смешон), пропускали его,сыпая насмешками.

Таким образом, удалось высмотреть, что на крепостных валах находится 84 орудия новой системы и затем на четырех отдельных батареях — по восьми орудий на каждой.

Собрав необходимые сведения, Фаврикодоров решил отправиться дальше. Путешествовать пастухом больше не хотелось: роль была слишком невзрачна, трудно было рассчитывать на возможность получать сведения так же легко, как в Видине, благодаря наивности часовых. Наконец, само путешествие с баранами, было слишком утомительно и медленно.

Исходя из этих соображений, наш лазутчик купил себе лошадь, полный турецкий костюм зажиточного жителя и вооружение, состоявшее из ятагана и двух пистолетов. Все эти предметы Фаврикодоров приобретал по частям в разных местах города, чтобы не привлечь к себе внимания.

В Никополь Фаврикодоров прибыл уже турком. К этому времени гарнизон города состоял всего лишь из одного табора низами под начальством Адыр-бея, но каждую минуту ожидали прибытия подкреплений из Систова. На Дунае, напротив города, стояли на якорях два монитора, вооруженные каждый четырьмя пушками большого калибра.

В турецком костюме Фаврикодоров чувствовал себя гораздо спокойнее. Встречавшиеся болгары с подобострастием давали дорогу, а солдаты и даже офицеры охотно вступали в разговор, во время которого ему легко удавалось выпытывать разные сведения, выдавая себя за патриота и ярого приверженца войны.

Следующий пункт, который подлежал осмотру, был город Систово, расположенный как раз напротив румынского местечка Зимницы. Фаврикодоров отметил наличие в городе пяти тaborов низами под начальством Халиль-паши. Единственная батарея находилась на скале, на левом фланге, и была почти полуразрушена. Берега Дуная благоприятствовали высадке русских войск более, чем в других осмотренных Фаврикодоровым местах. Поэтому в первом же донесении генералу Скобелеву, посланным из Рущука, он указал на Систово как на удобнейший пункт для переправы русских войск.

Рущук находился на правом берегу Дуная, ниже впадения в него реки Лом. Во времена всех предыдущих кампаний эта крепость играла немаловажную роль. От Рущука шла железная дорога на Варну, и, кроме того, Рущук имел непосредственное соединение с Шумлой, оберегавшей балканские проходы. С падением Рущука терялось разом все значение дунайской оборонительной линии. Все это турки сознавали очень хорошо и поэтому позаботились принять все меры, чтобы сделать Рущук неприступным и непреодолимым.

Господствуя над течением Дуная, крепость эта обстреливала водный путь по реке, а также замыкала пути в Шумлу, Варну и Тырново. Как главный город дунайского вилайета, Рущук находился в гораздо лучших условиях, чем дунайские города Болгарии. В нем были расположены консульства почти всех иностранных государств.

Около Рущука было собрано до 150 тысяч. Со дня на день ожидали прибытия главнокомандующего Абдул-Керим-паши.

Настоятельная необходимость отправить полученные сведения возможно скорее не давала Фаврикодорову покоя. Однажды у входа в бакалейный магазин он обратил внимание на нескольких человек, в которых без труда признал греческих моряков. Как выяснилось впоследствии, это были владельцы или капитаны судов, задержанных у Рущука на случай войны. Один из этих молодцов своим бравым видом невольно обратил на себя внимание русского лазутчика. Он производил впечатление человека, способного переправиться вплавь через Дунай. В разговоре моряк жаловался на убытки, принесенные ему войной и бездействием. В конце концов Фаврикодорову удалось «оторвать» своего нового знакомого от компании моряков и остаться с ним наедине. В этот момент он обратился к моряку на его родном языке и заявил, что является лазутчиком русской армии. Отнесись грек к услышанному враждебно, его бы не спасли ни ловкость, ни большая сила — рука Фаврикодорова судорожно сжимала рукоятку ятагана. Но лицо моряка не выразило ничего, кроме крайнего изумления: за минуту до этого он говорил с настоящим турком, и вдруг чистейший греческий язык и вдобавок от русского лазутчика.

Предположения Фаврикодорова оправдались — для Димитраки, так звали моряка, переплыть не только Дунай, но и реку вдвое шире не составляло никакого труда. В водной стихии он чувствовал себя так же, как и на суше.

Взяв с моряка самую страшную клятву, которую только можно было придумать, он передал ему письмо для генерала Скоблева. В ту же ночь, как впоследствии убедился Фаврикодоров, храбрый моряк вплавь добрался до Журжево и доставил письмо по назначению, даже не замочив его.

Сознавая важность Рущука в стратегическом отношении, турки не пожалели средств сделать его неприступным. Крепость имела орудия новой системы — по 24 на каждой из четырех батарей. Каменные блиндированные погреба были переполнены снарядами. Кроме того, все окружавшие город возвышенности имели отдельные укрепления и таковых насчитывалось 18 больших и 24 малых.

10 июня прибыл давно ожидаемый главнокомандующий Абдул-Керим-паша. 17 июня Фаврикодоров выехал из Рущука. Путь его пролегал через город Ловчи в Плевну. В Плевне Фаврикодоров застал не более 300 солдат под командованием Узун-Неджиба. Из укреплений имелась только одна батарея на Упанце, но, зайдя в кофейню, он узнал, что турецкое военное начальство намерено укрепить Плевну и сосредоточить здесь сильную армию. Со дня на день ждали прибытия английских инженеров.

Обратную переправу наш лазутчик совершил вполне удачно с сербским лодочником, который высадил его на молдавской стороне ниже Турно-Северина. До этого города Фаврикодоров добрался пешком и, купив себе приличный европейский костюм, добрался до Систово, где находилась главная квартира русской армии. Фаврикодоров отдал отчет о своей поездке полковнику Артамонову и вручил ему полную выписку о вооружении крепостей Никополя и Рущука, с указанием количества орудий и расположения всех укреплений; передал все, что было им замечено особенного относительно состава турецкой армии, ее вооружения, продовольствия, военных запасов и санитарной части, причем обратил особое внимание полковника на присутствие в неприятельской армии большого количества английских офицеров, преимущественно артиллеристов и инженеров.

Как следовало из «Свидетельства» Артамонова, Константин Николаевич Фаврикодоров был послан «31-го мая 1877 г., через Сербию в Рущук для разведывания об укреплениях, позициях и числе войск; по возвращении им сообщены были сведения: 1) о количестве пороха, привезенного из Салоник в Рущук; 2) о количестве запасов и продовольствия, приготовленного для турецких войск; 3) о числе арабов, ожидаемых в Рущуке; 4) о составе армии отправленного в Черногорию Али-паши и числе лошадей, закупленных им для своей армии; 5) о прибытии турецкого главнокомандующего Абдул-Керима в Рущук и его свите, об отбытии его в Силистрию и, наконец, 6) подробная таблица батарей, траншей и сведений о количестве таборов низами, зейбеков, башибузуков и черкесов в крепостях и укреплениях: Видине, Лом-Паланке, Рахове, Никополе, Систово, Рущуке, Сумонле, Ловче, Плевне, Враще, Клиссуре, Берковцах, Белградчике» (Воспоминания лазутчика. Указ. соч. С. 319—320).

26 июня Фаврикодоров был вновь направлен в Видин и Плевну для выяснения обстановки. Затем ему следовало отправиться на юго-восток и собрать информацию о силах, сосредоточенных в Румелии и крепостях Шумле и Варне.

Успех первой переправы вынудил Фаврикодорова придерживаться первоначального пути и обращаться к содействию людей, уже однажды оказавших ему услугу. Он добрался по прежнему маршруту до города Турно-Северино, а оттуда направился разыскивать уже знакомого рыбака Морара, чтобы вновь переправиться на правый берег Дуная. Рыбак не узнал русского лазутчика с первого взгляда, так как считал его давно погившим. С первых же слов Морар охотно согласился переправить Фаврикодорова на другой берег, заранее заявив, что удовольствуется незначительной платой.

Не менее радужный прием наш лазутчик встретил и у старых знакомых сербских пастухов. И снова покупка 15 баранов и преображение в чабана. И снова знакомая дорога в Видин. В его отсутствие Осман-паша с 50-тысячной армией направился на Белградчик, а оттуда намерен был двинуться в Плевну и там укрепиться. Сведения эти были настолько важны, что Фаврикодоров изыскал возможность направить донесение Артамонову. В Видине Фаврикодоров снова купил себе турецкий костюм и хорошую лошадь, а из полиции, благодаря порядочному «бакшишу» (взятке), добыл турецкий паспорт на имя турка Хасана-Демержи-оглу. Хотя в первой поездке никто не спрашивал у него документов, Фаврикодоров решил, что приобретение хорошего паспорта было весьма желательно, особенно в тот момент, когда русские находились уже в Болгарии и турки сделались гораздо осторожнее.

Всю дорогу от Видина до Плевны Фаврикодорову приходилось обгонять сильные турецкие отряды. Когда русский лазутчик прибыл в город, он уже был занят авангардом армии Осман-паши. Тысячи болгар под руководством английских инженеров сооружали целую сеть траншей и редутов по окружающим город высотам. С целью как можно тщательнее осмотреть производившиеся работы Фаврикодоров «обратился» в продавца ракат-лукума и других сладостей, любимых турками. Купив себе необходимые припасы и уложив их на лоток, он с утра стал посещать работы. Вначале, как выяснилось, его не пропустили, но настырный лазутчик все-таки прорвался со своим товаром. Турки шутили с ним и раскупали его товар. А Фаврикодоров исподволь высматривал, расспрашивал и узнавал все нужное. Безде он пробирался беспрепятственно, никому не приходило в голову в скромном, простоватом торговце подозревать русского лазутчика. В одном только месте, называемом Долюм-сус, рыжебородый англичанин прогнал его, и только потому, что Фаврикодоров своими прибаутками развлекал работавших солдат.

Город Плевна лежит в долине реки Вида и почти со всех сторон, и в особенности с северной, окружен возвышенностями, которые представляют много удобств для защиты и делают этот городок весьма важным стратегическим пунктом. Если бы русские войска заняли Плевну тотчас по взятии Систова и Тырнова, то обеспечили бы себе тыл и свободно могли бы двигаться внутрь страны, так как вся дорога дальше до Балкан нигде не была укреплена.

Фаврикодоров застал в Плевне массу рабочих болгар, согнанных отовсюду из близлежащих селений; работа кипела, и укрепления росли не по дням, а по часам. Английские офицеры в европейском платье, а некоторые даже в своих английских мундирах были неутомимы. Пробыв в Плевне дней пять-шесть, русский лазутчик отправился дальше.

Проехав Телиш, он через час пути въехал в так называемый Туфарнов лес; дорога шла все в гору, и вдруг Фаврикодоров заметил, что лошадь его чего-то боится. Он удариł ее нагайкой, но этим заставил лошадь подняться на дыбы и сделать скачок в сторону. Недоумевая, что это значит, Фаврикодоров спешился, привязал лошадь к дереву, а сам пошел вперед по узкой тропинке. Выйдя на небольшую поляну, он был поражен открывшейся картиной. На небольшой дикой груше висело два болгарина. Они еще качались и конвульсивно вздрагивали ногами. Первой мыслью было спасти несчастных, обрезав веревки. Но благоразумие взяло верх. Играя роль турка, он легко мог выдать и погубить себя, так как никто не мог поручиться, что палачи не скрывались в кустах и зорко следили за проходившим. Приняв равнодушный вид, Фаврикодоров закурил папиросу, еще раз взглянул на повешенных, вернулся к своей лошади и продолжил свой путь. Проехав не более версты, он нагнал четырех черкесов, поздоровался с ними и поинтересовался, не они ли повесили двух «поганых гяуров». Черкесы ответили положительно. Как выяснилось, эти люди воровали скот, и на сельской сходке было решено их повесить.

Затем Фаврикодоров завел разговор о войне, расспросил об укреплениях Телиша и о расположенных в окрестностях отрядах. Объяснив черкесам, что он торговец и спешит по делам, русский лазутчик «ласково распростился со случайными знакомыми». Продолжая далее путь, Фаврикодоров постоянно встречал арбы болгар, наполненных инструментами для земляных работ и материалами для фашин. Массы людей двигались к Рушку, Видину, Плевне, Горнему Дубняку.

От Джумлы до Шумлы переход у Фаврикодорова занял четверо суток. Однажды пришлось провести ночь в лесу. Привязав лошадь к дереву, он влез на него и поместился на толстом суку. Чтобы обезопасить лошадь от нападения диких зверей, особенно шакалов, Фаврикодоров довольно часто делал выстрелы. Ночь показалась ему нескончаемо длинной.

По прибытии в Шумлу он нашел верного человека, грека, Николая Шикаржи, и послал с ним подробное донесение полковнику Артамонову в Горный Студень.

В Шумле Фаврикодоров играл роль цирюльника, но, будучи незнаком с этим ремеслом, страшно терзал своих пациентов, так что один из них вытерпел бритье головы, но, когда дело дошло до бороды, не выдержал и убежал с криками. Пробыв в Шумле два дня, Фаврикодоров отправился через большое селение Праводы в Варну, где не мог собрать много сведений, но узнал, что войсками командует Мухарем-паша. Из Варны путь Фаврикодорова лежал в Адрианополь. Две из промежуточных станций между малым Тырновом и Адрианополем, а именно Дгмир-Дечь и Карагач были укреплены и здесь располагались довольно сильные отряды войск. Разговорившись с попутчиками-офицерами, русский лазутчик узнал много интересных вещей, в том числе относительно доставки продовольственных запасов и военных снарядов.

В Адрианополе Фаврикодоров пробыл два дня, т.е. ровно столько, сколько потребовалось ему, чтобы подыскать послаца с донесением в русскую главную квартиру. Таким посланцем оказался болгарин Николо Буйджи.

29 июля Фаврикодоров выехал по железной дороге в Филиппополь, или, как называют его болгары, Пловдив. В Филиппополе Фаврикодорову пришлось купить лошадь и, преобразившись в башибузука, в таком наряде перебраться в Сербию. Отсюда, переправившись через Дунай по-прежнему против Турно-Северина, он проехал почти всю Южную Молдавию по железной дороге и, наконец, добрался до Систова. Артамонов к тому времени находился в верстах 40 от этого селения — в Горном Студне, куда перебралась Главная квартира (Воспоминания лазутчика. Указ. соч. С. 293—320).

«26 июня 1877 г. Фаврикодоров, посланный мной из города Систова для разведований о положении неприятеля, — свидетельствовал Артамонов, — сообщил о предполагаемом движении из Видина Осман-паша в место, находящееся ниже Белградчика, с 50-тысячной армией, о встрече с египетским Хасан-пашой, шедшим в город Никополь во главе 15 000 войска с 32 пушками маленького калибра,

о встречах в Этрополе 2 000 черкесов и среди поля, где он ночевал, с 10 000 башибузуков, шедших в Плевну; наконец, пробравшись в Плевну, для распознания состава неприятеля, слышал английские и иностранные, не турецкие слова; пытался проникнуть в лагерь под видом продавца ракам-лукума, но его туда не пустили; затем, сообщив о войсках, стоявших в местностях Сельви-Оглу и Жемаса, добрался до города Шумлы, осведомился об укреплениях, воздвигаемых англичанами, о запасах сухарей, заготавливаемых в Проводах, и о движениях войск, сосредоточенных в Варне; оттуда отправился в Адрианополь, сообщил об укреплениях близ Адрианополя двух селений, Карагаче и Демирдече, о маршруте, коим доставляется провизия морем и сухим путем, и движении транспортов» (там же. С. 319—320).

Путешествие крайне утомило лазутчика, и он страшился нового поручения. Фаврикодору казалось почему-то, что его служба не приносит особенной пользы общему делу. Ему казалось, что его сообщениям или мало верили, или не придавали той значимости, какой они в действительности заслуживали. Иначе чем объяснить те атаки плевенских позиций, о превосходящих силах исприятеля которых он своевременно доносил штабу. Сомнения свои Фаврикодор выразил Артамонову. Он утешил лазутчика, что начальство признательно ему за его важные услуги.

Более того, Артамонов добавил, что все предшествовавшие поездки были что называется пробным камнем. Следовало оценить, на что способен Фаврикодоров. Теперь же, когда выяснилось, как много может сделать лазутчик, на него возлагалась специальная обязанность — следить за войсками Осман-паши и доносить обо всем, что делается в Плевне.

Истратив на свои поездки довольно много личных средств, Фаврикодоров представил счет полковнику и попросил оплатить издержки. На что услышал в ответ, что теперь не до этого, следует подождать и что потраченное вознаградится сторицею.

Подобные уверения не успокоили Фаврикодорова. Он был человек небогатый и семейный и «пробные» поездки обошлись ему в порядочную сумму. Казалось, что настало время не только возместить понесенные расходы, но и поговорить о вознаграждении за опасную службу. Однако на следующий день, поделившись своими сомнениями с Артамоновым, Фаврикодоров опять услышал, что его сумеют вознаградить, а если, не дай бог, он попадет к туркам, то может «умирать с мыслью», что семья его будет «совершенно обеспечена». Не совсем удачное напутствие.

Как бы то ни было, Фаврикодоров уже 6 августа отправился в Плевну.

Прибыв в селение Рыбин, Фаврикодоров предъявил начальнику русского отряда пропуск, выданный Артамоновым, и оставшееся до вечера время употребил для знакомства с местностью. Крутые, почти отвесные берега реки Вида подали лазутчику мысль пробраться в район расположения турецких войск, следя по течению этой реки. Неприятельские секреты расположены были по хребту прибрежной возвышенности, и ночью под навесом скал он мог пройти незамеченным. Как только начало смеркаться, лазутчик направился к Виду. Вдали от него рисовался силуэт какого-то здания. Подойдя поближе, он понял, что это была мельница. На мельнице оказался старик хозяин, у которого он переоделся турком и оставил на сохранение свое платье. При нем был паспорт на имя Хасана-Демержи-оглу, приобретенный в Видине. Трудная ему выдалась дорога. В иных местах река касалась самих скал, и Фаврикодорову приходилось брести по грудь в воде. В других — турецкие пикеты находились так близко от берега, что ему приходилось ползком пробираться мимо часовых. Наконец, он оказался в центре расположения турецких войск. Вдали перед ним мелькали огни Плевны. Фаврикодоров поднялся на гору, вышел на дорогу и направился к городу. Без труда он разыскал «хан», где останавливался в первый раз в Плевне. Хозяевам своим он объяснил, что приехал с подводой из Софии и намерен снова заняться прежним ремеслом, т.е. продажей ракат-лукума.

Торговля шла, конечно, плохо. И турецкий солдат не мог похвастаться изобилием монеты, да, наконец, не до сладостей в окопах. Покупали товар русского лазутчика преимущественно офицеры, и скоро во всех лагерях знали Хасана и принимали его любезно. Не раз приходилось продавать ракат-лукум даже ординарцам Осман-паши, а с прислугой турецкого военачальника Фаврикодоров скоро сделался приятелем. Он прикидывался простаком, совершенным простофилю в военном деле, всему удивлялся, и часто офицеры рассказывали ему такие вещи, которые вообще принято считать военной тайной.

Трудность службы лазутчика состояла ко всему прочему в организации связи — в передаче собранных сведений. Однажды в начале августа Фаврикодоров решил добраться из Плевны в русский лагерь. Он счастливо прошел ночью известную ужс ему дорогу, как вдруг на рассвете перед ним выросла фигура черкеса. Он бросился к нему с вопросом, кто он такой и что делает здесь так рано? Необходимо было в ту же секунду найти ответ. К счастью, Фаврикодоров

предвидел такие неожиданности и всегда брал с собой уздечку. «Вас, мерзавцев, воров черкесов, я ищу, — ответил лазутчик, схватив незнакомца за грудь. — Вы меня ограбили, подлецы: в эту ночь у меня уввели жеребца, стоящего три тысячи пиастров». Черкес был так напуган криками Фаврикодорова, что обещал сам принять участие в поиске жеребца.

Выбраться из Плевны было так же трудно, как и пробраться туда. В армии поговаривали, будто бы Осман намеревался перейти в наступление. Назначили даже день, кажется, 22 августа. Такую важную весть, хоть она и дошла в виде слуха, следовало передать Артамонову. Поэтому числа 14—15 августа Фаврикодоров снова выбрался из Плевны, выбрав для этого прежнюю дорогу по течению Вида. Первый попавшийся русский солдатик провел Фаврикодорова к ротному командиру, который, убедившись по бывшей у лазутчика бумаге, что он посланный Главной квартирой разведчик, угостил его доброй чаркой водки и дал лошаденку добраться до Горного Студня к Артамонову.

Вновь в Плевну Фаврикодоров был послан 8 сентября. Здесь ходили упорные слухи о прибытии подкреплений со снарядами и зимней одеждой, которая особенно нужна была находившимся на позициях солдатам. Начальником отряда вспомогательных войск называли Шевлеть-пашу и ждали его прибытия по единственной дороге, оставшейся в распоряжении турок, — из Софии. Передать эти сведения начальнику вожатых Фаврикодоров поручил болгарину, который помогал ему готовить сладости и с которым он настолько сдружился, что решился доверить свой секрет. Он отправился той же дорогой, которую уже не раз использовал русский лазутчик.

Удачная поездка «братушки» в Главную квартиру, из которой он возвратился цел и невредим, внушила Фаврикодорову мысль отправить болгарина вторично к Артамонову, тем более что в положении турецкой армии произошли перемены, — блокада крепости возымела уже настоящее действие. Порции войскам были уменьшены, врачи жаловались на недостаток медикаментов, свирепствовал тиф.

Послав «братушку» в русский лагерь 27 октября, Фаврикодоров тщетно ожидал его целых три дня. А тот как в воду канул. Ничего не оставалось делать, как отправляться самому. На этот раз путешествие чуть не закончилось катастрофически. В сильном тумане наш лазутчик заблудился. Шел не то дождь, не то снег. Вдобавок ко всему Фаврикодоров сорвался с какого-то обрыва и так сильно стукнулся затылком о землю, что лишился сознания. Пролежав без чувств часа

два, он побрел наугад. В эти минуты ему было все равно, попадет ли он к русским или туркам, — лишь бы добраться до людей. Судьба, однако, была к нему благосклонна и вывела на территорию, занятую русскими. К вечеру он добрался до Главной квартиры. Как выяснилось, «братушка» передал и второе письмо, а потом бесследно пропал.

«По возвращении 3-го августа в Горный Студень, — писал Н.Д. Артамонов, — Фаврикодоров был вновь послан мной в Плевну 6-го августа, первый раз, и 16-го, второй раз, куда и пробрался с большими трудностями через три дня, в ночное время, через берег Вида; переодетый на мельнице в турецкий костюм и обойдя турецкие позиции, выходил на общую дорогу Сыр-Базар и оттуда вместе с турками входил в Плевну. Из Плевны сообщены в первое и второе его проникновение в укрепленную позицию сведения им лично, по возвращении подробно. Посланный вновь из селения Горный Студень в Плевну 8-го сентября, Фаврикодоров 24-го сентября приспал уведомление, сообщавшее о положении армии Осман-паши, о продовольственном состоянии его войск, подробное сведение о помощи, поданной им Шефет-паши, о количестве людей, лошадей, пушек и провианта, привезенного с ним в Плевну 14-го сентября, о количестве запаса хлеба и фуражса, заготовляемого ими и реквизированного из семи сел, указанных им».

Константин Фаврикодоров подробно сообщил обо всех батареях и точно обозначил их местонахождение: «№ 1 Упанецково баир, № 2 Балавлик, № 3 Гривица, № 4 Кованлик, № 5 Каиллик, № 6 Петем Могила, № 7 при реке Вита». Далее он сообщал, что 14 сентября в Плевну прибыло подкрепление под начальством Шевфет-паши: 15 таборов низами, 8 орудий, 1700 подвод с «разным сортом провизией», 700 подвод с боеприпасами, 50 подвод с медикаментами и еще 950 подвод с запасами галет, риса, фасоли, масла, муки. По мнению разведчика, в Плевне находилось не более 50 тыс. солдат. К. Фаврикодоров подробно информировал Н.Д. Артамонова о фортификационных работах и писал, что подходы к батареям минированы, противник вырыл глубокие траншеи и свободно доставляет к батареям боеприпасы, артиллеристы находятся в безопасности; что турецкие власти реквизировали в окрестных селах фураж и продовольствие. На полях письма Фаврикодорова стояла пометка Н.Д. Артамонова: “Принес Никола Стериу родом Кришово в Македонии”» (Улуялан А.А. Указ. соч. С. 83).

По свидетельству Артамонова, Фаврикодоров сообщил «21-го сентября об ожидании из Константинополя вспомогательного отряда и зимнего одеяния; за-

тем Фаврикодоров, оставаясь в Плевне, 27-го октября вновь уведомил... письменно о положении плевенской армии, о количестве уже уменьшившегося гарнизона, о нуждах, претерпеваемых им, потерях от перестрелок, о порционах, о дезертирах, о распоряжениях Осман-паши относительно жителей, о переменах в расположении лагерем турецких войск с подробным обозначением магал, о количестве годных к употреблению полевых и осадных орудий, о расположении пороховых складов, о числе батарей с указанием сильных и слабых позиций, наиболее удобных для бомбардирования; и, пробравшись с риском через усиленные турецкие форпосты, 30 октября, последний раз был отправлен 2-го ноября в Плевно и оттуда известил штаб 14-го ноября о том, что Осман-паша решил прорваться на Софийскую дорогу» (Воспоминания лазутчика. Указ. соч. С. 319—320).

Итак, 2 ноября Фаврикодоров очередной раз был отправлен в Плевну.

Его торговля шла понемногу. Правда, многие стали брать в долг. Солдатам выдача галет была сокращена до минимума. Причиной такой перемены стало не-прибытие транспортов с оружием и продовольствием — кольцо вокруг Плевны замкнулось. Но после 13 ноября был собран военный совет, на котором было решено готовиться к прорыву. И со следующего дня вновь начала выдаваться обыкновенная, даже несколько усиленная, порция продовольствия. 14 ноября Фаврикодоров сообщил, что Осман-паша решил прорваться на Софийскую дорогу.

23 ноября в городе прошел слух, что войска уже оставляют Плевну. Фаврикодоров сидел в кофейной, когда несколько турок в разговоре между собой упомянули, что орудия из Упанца и Бали-Байра вывезены и поставлены у моста через реку Вид на Софийской дороге. Русский лазутчик поспешил лично удостовериться и отправился к указанному месту. Там действительно стояло восемь орудий, но с поврежденными станками. Было уже темно, когда на обратном пути Фаврикодоров свалился в какую-то яму, довольно глубокую и обширную. Под ним оказались какие-то мягкие предметы, происхождение которых было непонятно. К счастью, у него с собой были спички, при свете которых перед ним предстала жуткая картина, — он оказался стоящим на человеческих трупах, которыми было завалено дно ямы. Как сумасшедший, он начал бросаться во все стороны, пытаясь выбраться из ямы. Но яма была настолько глубока, а ее края настолько отвесны, что выбраться не представлялось возможным. На крики о помощи никто не пришел. Приходилось надеяться, что кто-нибудь пройдет или проедет мимо и поможет выбраться из ямы. Целую ночь ему пришлось находиться среди трупов, ожидая помощи. Раз какой-то

всадник проезжал довольно близко, но, услышав крик, только пришпорил коня, принимая голос за дьявольское наваждение. Чтобы не задохнуться, Фаврикодоров набрал в платок земли со стен и заложил ее в нос и рот. Спасение пришло утром, когда приехала подвода с новыми трупами.

Наконец, настал памятный день, когда войска Осман-паши пошли на прорыв. Несколько часов продолжалась бойня, наконец, шум боя начал затихать. И вдруг, как гром, раскатилось и словно повисло над всей окрестностью русское «кура». Только тогда русский лазутчик понял, что Осман-паша и его армия сдались в плен. Восторгу не было конца, он и плакал и смеялся и обнимался с «братушками».

С падением Плевны кончились похождения русского лазутчика. Изматывающая и полная риска служба, постоянная тревога, наконец, последний ночлег в могиле подорвали силы Фаврикодорова и он заболел, пролежав в Плевне в одной из болгарских семей всю зиму.

К тому времени война уже кончилась, в его услугах больше не нуждались и о нем благополучно забыли. *«Во все время службы Константин Фаврикодоров, — характеризовал деятельность лазутчика Н.Д. Артамонов, — исполнял честно и добросовестно, по мере сил и возможности, возложенные на него важные поручения, рисковал жизнью, подвергался лишениям при исполнении своих обязанностей и оказал русской армии услуги, в особенности имевшие большое значение во время осады и взятия плевенских укреплений».* Вроде бы все правильно и честно, а чего-то существенного не хватает.

По решению Главного командования русская армия должна была перейти Балканы в трех направлениях: войска генерала И.В. Гурко — на западе в сторону Софии по Арабаконакскому перевалу, отряд генерала П.П. Карцова — через Троянский перевал и части генерала Ф.Ф. Радецкого в районе Шипки.

Перед командованием была поставлена задача — организовать быстрый переход через Балканы, чтобы не дать возможности противнику перегруппировать свои силы и использовать возможное подкрепление. По плану Гурко переход должен был начаться 12 декабря 1877 г. и закончиться через 48 часов. Однако ввиду чрезвычайно тяжелых природных условий на переход через перевалы ушло шесть суток. Задерживаясь с переходом Балкан, русское командование нуждалось в новых свидетельствах о передислокациях неприятельских войск. В своей записке Н.Г. Кабакчиеву полковник Артамонов писал: *«Надо постоянно и внимательно следить, что проходит через Филиппополь к Софии и к Шипке, и сколько именно тaborов*

и орудий по южную сторону Балкан, в Карлове, Калофере, Карнаре, Рахманлы, Лыжене, Златоусе, Миркове, Арабаконаке и Ихтимане». 15 декабря Кабакчиев получил от воеводы Хр. Иванова сведения относительно турецких войск в Софии, Арабаконаке и за Балканами (*Улуянн А.А. Указ. соч. С. 93*).

По сведениям, собранным полковником Артамоновым, расположение и численность турецкой армии к 14 декабря были следующие: в Видине — 3,5 тыс., в районе Лома — 17,6 тыс., в Рущуке — 5 тыс., в Силистрии — 8,2 тыс., в Шумле — 7,7 тыс., в Варне — 6,4 тыс., в Базарджике — 7,6 тыс., у Разграда — 4,7 тыс., у Эски-Джумаи — 3,5 тыс., у Осман-Базара — 3,3 тыс., в Казане — 8,2 тыс., в Ахметли — 3,9 тыс., в Ямболе — 3,7 тыс., у Шипки — 20 тыс., у Карлова — 7 тыс., в Арабаконаке — 27 тыс., в Златице — 7 тыс., в Софии — 8,7 тыс., в Татар-Базарджике — 6,5 тыс., в Филиппополе — 1,3 тыс., в Адрианополе — 9,5 тыс. и в Стамбуле — 19 тыс. (там же. С. 91).

В Полевой штаб были доставлены добытыми агентурным путем «планы только что возведенных турками Адрианопольских укреплений и Чаталджинской позиции» (Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Указ. соч. С. 74).

Начало боевых действий, невзирая на использование болгарских чет, в том числе и в разведывательных целях (так же войсковая разведка), по сути, не изменило подхода в организации разведывательной деятельности. Четы в разведывательной деятельности опирались на агентов-наблюдателей из числа жителей близлежащих окрестностей. Правда, направлялись и отдельные агенты-ходоки с теми же целями — высмотреть, выведать, подслушать. Но речь шла об отдельных агентах. Хотя Артамонов как никто другой понимал, что война вскоре «перебросится» через Балканы и остро потребуется информация о войсках в этой части Болгарии. Необходимы были постоянные агенты в таких крупных городах, как София, Адрианополь, Константинополь.

4.5. Попытки Артамонова «приобрести» агента в Константинополе

В августе 1877 г. полковник Артамонов обратился с рапортом к начальнику Полевого штаба Действующей армии с просьбой санкционировать ему «приобретение» в Константинополе агента, «который мог бы следить изо дня в день за

числом турецких войск, расположенных в Константинополе, а также по возможности и в других городах Турции, стараясь разными путями, между прочим, подкупом и в других центральных учреждениях Порты добывать эти сведения о различных и замышляемых передвижениях турецких войск, их продовольствии и т.д.» (РГВИА. ВУА. Ф. 7425 (ч. 2). Л. 32).

При этом Артамонов настаивал, чтобы непременно было соблюдено следующее условие — указан источник сообщения: «*добытые непосредственно из первых источников, от других лиц, заимствованных из константинопольских газет, узнанных по слухам или другим каким-нибудь путем».*

Рапорту Артамонова был дан ход, и главнокомандующий обязал военного агента в Вене Генерального штаба полковника Фельдмана Ф.А. подыскать кандидатов в подобные агенты. Военный агент приступил к поиску «нужных людей» через «*здесьнюю болгарскую колонию*». Уже в августе ему удалось познакомиться с неким «Райковым, который служил несколько лет контролером по линии Константинополь — Ямбол».

По отзыву Райкова, его друг, Никола Стойчев, «*служащий на той же дороге и проживающий в Адрианополе будет с величайшим удовольствием сообщать нам все доступные ему сведения*». Как железнодорожный служащий, проживавший в Адрианополе, через который проходили все подкрепления и запасы, посылаемые в Филиппополь и Ямбол, Стойчев располагал, по оценке Фельдмана, «*драгоценнейшими сведениями о силе и размещении турецких войск, о состоянии их складов и количестве раненых, увозимых с театра войны*». Кроме того, он мог давать сведения о возводимых в Адрианополе укреплениях и об их вооружении. При необходимости Стойчеву в его разведывательной деятельности, по мнению Фельдмана, мог бы оказывать помощь его кузен, также служащий на той же дороге.

Сам Райков бежал из Турции и не мог туда вернуться, но он вызвался поехать в Афины и вызвать туда Стойчева, чтобы расспросить его и условиться о передаче сведений. На путевые расходы для себя и Стойчева Райков запросил 2000 франков. Райков показался Фельдману образованным человеком и вселявшим к себе доверие (там же. Л. 27).

Артамонова предложенная кандидатура устроила, и он «*полагал бы немедленно воспользоваться предложением полковника Фельдмана*». «*Выслать ему на расходы 2000 франков и еще 1000 на поддержку начатых сношений*», а

затем в будущем при поступлении прямых известий из Адрианополя направлять полковнику Фельдману по его требованию необходимые ему на это суммы (там же. Л. 29).

Когда пришли оговоренные деньги — 3000 франков, Райкова в Вене уже не оказалось, он уехал в Болгарию. Однако Фельдман не дал ему фамилии Артамонова, так как сам пребывал в неведении, что он является организатором разведки.

В это же время от бывшего доктора российского посольства в Константино-поле надворного советника Каракановского Василия Константиновича — Васил Кочев (Костов) — поступило предложение уже напрямую к Артамонову: из Афин завязать прямые сношения с Адрианополем и Константинополем и доставлять оттуда постоянные сведения о турецких войсках по особой инструкции, которая будет подготовлена полковником. *«Расход на путевые издержки от Горного Студня через Бухарест, Вену на Афины — 50 полуимпериалов. Ежемесячно — по 50 полуимпериалов»*. На таких условиях соглашался сотрудничать Каракановский с русской разведкой.

Сверх того на посылку агентов в Адрианополь, Константинополь и Варну и поддержку сношений между Афинами и городами Европейской Турции Артамонов предложил передать в распоряжение Каракановского те три тысячи франков, которые высланы были военному агенту в Вене (там же. Л. 31).

Но и с Каракановским произошла та же история, он никак не мог добраться до Вены, чтобы оговорить с Фельдманом условия работы на военную разведку.

18 ноября 1877 г. Фельдман прислал шифротелеграмму главнокомандующему Действующей армии: *«На днях надеюсь отправить агента в Константинополь, и мне, вероятно, удастся дать ему рекомендательное письмо к начальнику телеграфа в Константинополе, который продает все проходящие через его руки телеграммы. Я знаю человека, который платит ему за эти услуги по 400 франков в месяц, я предложу ему 1000 франков и нахожу, что это дешево. Потому что источник прелестный. Приложу старание устроить это дело. Пока у меня Ваших денег 20 тыс. франков; с Вашей стороны по первому моему требованию вышлите мне опять деньги, без них ничего не сделаем»*.

«Мне предлагают купить планы и профили Константинопольских укреплений. Так как я один покупатель, то я даю только несколько сот франков. Если Вы приписываете этим планам значение, то пошлите мне телеграмму и определите цифру, до которой я могу дойти» (там же. Л. 395—95 об.).

Главнокомандующий после доклада Артамонова поддержал предложение военного агента в Вене. Однако чем завершилась эта история, неизвестно. Как бы то ни было, Артамонов в спешном порядке проводил мероприятия по созданию постоянной агентуры в столице Османской империи, хотя эти шаги должны были быть предприняты задолго до начала войны, еще в мирное время, военным агентом полковником Зеленым.

23 декабря 1877 г. Гурко овладел Софией. Радецкий, напротив которого находилась 40-тысячная армия Вессель-паши при 108 орудиях, принял решение обойти ее двумя колоннами. 24—28 декабря эта армия была окружена и разбита. 33 тыс. турок сдались в плен, русские потери составили около 1100 человек убитыми и 3900 ранеными.

Результатом был не только переход Балкан, были уничтожены основные силы турок между русскими частями и Константинополем.

Теперь уже Турция обращалась с просьбой о посредничестве к Лондону. Турки рассчитывали выиграть время любым способом. Используя преимущество на море, султан принял решение оставить в крепостях в низовье Дуная минимум солдат, а все остальные войска вывести в Константинополь, чтобы обеспечить прочную оборону у сильной Адрианопольской крепости. Для подобной переброски нужно было время. Александр II ответил отказом, заявив, что пойдет только на прямые русско-турецкие переговоры.

3—5 января 1878 г. 50-тысячная армия Сулейман-паши была разбита под Филиппополем. Потеряв около 20 тыс. человек, оставив 180 орудий и огромные склады боеприпасов, обмундирования, оружия и продовольствия, турки бежали. Началось победоносное движение русской армии к Константинополю. 8 января войска генерала М.Д. Скобелева взяли Адрианополь, на укреплениях которого было оставлено 70 орудий. Поражение Турции стало очевидным. 19 января в Адрианополе великим князем Николаем Николаевичем, Сервер-пашой и Намык-пашой было подписано перемирие. Николай Павлович Игнатьев опоздал на подписание перемирия. После преждевременного, по мнению Игнатьева, приостановления победоносного наступления русской армии установленная демаркационная линия оставляла в руках Турции Шумен и Варну с бастионами, юго-западную часть Болгарии (Салоники, Битоля, Охрид, Драма, Серес, Кавала, Неврокоп, Мелник и Велес). Наследник престола даже был вынужден вывести свое войско из Эски-Джумая, Разграда и Базарджика. Все это неминуемо, счи-

тал генерал Игнатьев, должно было отрицательно отразиться на подписании окончательного мира.

По мнению Игнатьева, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не исполнил высочайший приказ разрешить вопрос о мире под стенами Царыграда. «Если бы Вы были не братом царя и Великим князем, а обычным главнокомандующим, то Вы бы понесли страшную ответственность перед историей и перед его Величеством», — сказал ему в лицо Игнатьев. «В Главной квартире были русские офицеры, но у большинства из них не было ни русской крови, ни русской души...» — с горечью заключал бывший военный агент и бывший посол в своем дневнике (*Канева Калина. Указ. соч. С. 79*).

13 февраля в Мраморное море вошла эскадра из 7 английских броненосцев, что объяснялось якобы необходимостью защиты жизни и имущества подданных Великобритании.

Россия выиграла войну с Турцией, но, одержав победу, не обладала достаточной силой, чтобы удержать ее плоды. Русская армия практически полностью исчерпала свои ресурсы и оторвалась от баз снабжения, в результате чего в артиллерии Дунайской армии под Константинополем уже чувствовался недостаток снарядов. Кроме того, войска в ходе Забалканской кампании понесли значительные потери, которых невозможно было восстановить. К тому же турки быстро стягивали к городу все оставшиеся силы и энергично строили укрепления.

В феврале 1878 г. генерал-адъютант Тотлебен исследовал позиции под Буюкдере на предмет возможности закрытия Босфора и пришел к выводу, что при невозможности ограждения пролива минами эта операция будет бессмысленной. Технически занятие Константинополя было признано генералом возможным, но удержание — весьма сомнительным. Идти на подобный риск с небольшими силами, без тяжелой артиллерии, которая могла бы в случае необходимости состязаться с английскими броненосцами, в русской Главной квартире не хотели.

Тем не менее в ответ на действия англичан русская Главная квартира действующей армии была перенесена в Сан-Стефано — дачный пригород Константинополя, находившийся всего в 12 км от турецкой столицы. Там и начались переговоры об условиях будущего мирного договора.

Главным уполномоченным с русской стороны на переговорах в Сан-Стефано был бывший посол России в Константинополе граф Н.П. Игнатьев, сторонник решительной политики в регионе. Его ближайшим сотрудником был начальник

дипломатической канцелярии главнокомандующего армией Дунайской армии А.И. Нелидов, разработавший предварительные условия мира в ноябре 1877 г.

По условиям мирного договора Турция обязывалась выплатить 1410 млрд контрибуции, из которых 1,1 млрд погашались территориальными уступками — Ардагана, Карса, Батума, Баязета в Азии; Добруджи, островов дельты Дуная и Змеиного острова в Европе. В качестве вознаграждения за возвращаемую России южную часть Бессарабии территории, уступаемые турками в Европе, за исключением Змеиного острова, переходили к Румынии. Образовывалось автономное княжество Болгария от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера. Границы «Сан-Стефанской» Болгарии в целом соответствовали этнографическим знаниям того времени. Босния и Герцеговина должны были образовывать автономную область, признавалась независимость Румынии, Сербии и Черногории, их территории увличивались. Через много лет на мраморном саркофаге на могиле Н.П. Игнатьева (с. Крупнодерницы Киевской губ.) не случайно будут высечены две даты: «Пекин 14 ноября 1860 г.» и «Сан-Стефано 19 февраля 1878 г.».

Отто фон Бисмарк, говоря о русской политике на Балканах, заметил, что «*освобожденные народы не благодарны, а требовательны...*», и реакция в Сербии, Румынии, Греции и даже в самой Болгарии на Сан-Стефано была явным тому доказательством. С удовлетворением условия договора были восприняты только в Черногории.

Резкое противодействие русско-турецкому мирному договору последовало в первую очередь со стороны Англии и Австро-Венгрии. На поддержку Германии рассчитывать не приходилось.

Оказавшись в изоляции, Александр II вынужден был признать Сан-Стефанский договор прелиминарным (предварительным) и пойти на его пересмотр на Берлинском конгрессе (13 июня — 13 июля 1878 г.), в котором приняли участие Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Россия и Турция. Россию представляли князь А.М. Горчаков, граф П.А. Шувалов и граф П.П. Убри. По требованию западных держав Н.П. Игнатьев был исключен из числа русских представителей. Германский кайзер Вильгельм I советовал Бисмарку шепнуть, где необходимо, что ему лично было бы неприятно видеть там (на Берлинском конгрессе) Игнатьева, «*и это входит в интересы будущих решений конгресса*» (Канева Калина. Указ. соч. С. 84).

Результатом Берлинского конгресса стали значительные уступки со стороны России. Она отказывалась от Баязета и Алашкерской долины и приобретала лишь Ардаган, Карс и Батум, в котором обязалась ввести режим порто-франко (порт свободной торговли). Возвращение России Южной Бессарабии и переход к Румынии Добруджи не оспаривались. Устанавливалась свобода судоходства по Дунаю, от Черного моря до Железных Ворот. Признавалась независимость Румынии, Черногории и Сербии. ТERRиториальные приращения последних двух стран, предусмотренные Сан-Стефанским договором, были уменьшены. Исправление греко-турецкой границы было предоставлено переговорам этих двух стран. Наибольшие изменения имелись по болгарскому вопросу. «Сан-Стефанская» Болгария была урезана почти втрое. Австро-Венгрия получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины, а также право на ввод гарнизонов в Ново-Базарский санджак, между Сербией и Черногорией.

В своих записках Н.П. Игнатьев с горечью отмечал: *«На конгрессе в Берлине, а также на предварительных переговорах в Лондоне и Вене, при возвращении территорий, передаваемых России Турцией, согласно Сан-Стефанскому договору, было забыто, что территориальные уступки заменили признанное в принципе денежное вознаграждение и что справедливость требовала не только не уменьшать 300 миллионов денежной контрибуции, но и увеличить сумму в соответствии с уменьшением территориального вознаграждения. Вообще, не только основная идея Сан-Стефанского договора была исказжена, но и полностью нарушена его целостность: выгодные для России положения вычеркнуты или урезаны, а невыгодные оставлены, увеличены и сделаны новые дополнения открыто во вред русским интересам. Остались лишь обломки здания, выстроенного в Сан-Стефано... изменение границ Болгарии и наши уступки были нужны Австрии и Англии, прежде всего, чтобы уничтожить наше господствующее влияние на Балканском полуострове...»* (Игнатьев Н.П. Записки (1875—1878). С. 800). К решениям Берлинского конгресса Игнатьев отнесся крайне негативно, как и подавляющая часть русского общества. Он считал, что конгресс уничтожил преобладание России на Балканах, и основную вину за это возлагал на российский МИД и русских представителей в Берлине. Однако в России нашлись критики и позиции Н.П. Игнатьева. Они, в частности, упрекали графа Игнатьева в том, что он пренебрегал интересами России, создавая «Великую Болгарию». Следовало же разделить Болгарию между уже существовавшими Сербией, Румынией и Грецией и получить в их лице верных

союзников. Еще его упрекали в максимализме, который якобы напугал западные державы и заставил их пересмотреть договор. А в Болгарии его критиковали за то, что он уступил часть Добруджи Румынии. Осталось напомнить еще раз слова Бисмарка насчет неблагодарности освобожденных народов.

Русско-турецкая война явилась последней крупной войной XIX в. Она показала в сравнении с предшествовавшей Крымской войной дальнейшее изменение характера и масштаба вооруженной борьбы, произшедшее под влиянием возросшей численности войск, непосредственно действующих на театрах войны (к концу войны Россия имела на Европейском и Азиатском театрах более 600 тыс. человек), усовершенствования оружия и различных материальных средств борьбы. Усложнились стратегическое руководство, формы и способы стратегических действий. Выделение главного и вспомогательного ударов, распределение сил и средств между самостоятельно действовавшими на нескольких направлениях крупными войсковыми отрядами и координации их действий свидетельствовали об увеличении объема стратегии и усложнении стратегического руководства.

Усовершенствование и увеличение материальных средств борьбы усилили подвижность и маневренность войск. Для стратегического развертывания и получения подкреплений из внутренних районов России широко использовались железные дороги. Для управления войсками в ходе самого сражения применялся полевой телеграф. При преодолении войсками крупных естественных преград (Дунай) использовались новые инженерные средства.

Благодаря усовершенствованию оружия и вооружению армии нарезными ружьями и пушками значительно усилился огонь в бою. Роль огневого боя по сравнению с рукопашным значительно возросла. Борьба за огневое превосходство, за обеспечение атаки огнем все более расширялась. Исход сражения все в большей степени стал зависеть от взаимодействия огня и движения, согласованных действий пехоты и артиллерии.

Под влиянием возросшей скорострельности, дальности и меткости оружия способы ведения боя усложнились, изменилась напряженность боя, увеличилась его продолжительность и устойчивость. Внедряется практика веденияочных боев.

Русско-турецкая война обогатила военное искусство опытом преодоления водных и горных преград, опытом ведения позиционной борьбы, впервые появив-

шейся под Севастополем. Война показала возросшее значение полевых земляных укреплений, применения к местности, маскировки, самоокапывания.

Русско-турецкая война была первой войной, где Россия применяла нарезную артиллерию. Война выявила необходимость создать более мощную артиллерию гаубичного типа, которая могла бы разрушать прочные земляные укрепления.

В Русско-турецкой войне в результате появившихся массовых армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности, использования железных дорог, телеграфа, нарезного оружия и других технических средств борьбы происходят изменения в характере развертывания армии; наступление осуществляется самостоятельно действующими крупными войсковыми группами; увеличиваются трудности при прорыве фронта противника в связи с усилением огня; применяются охваты, обходы и окружение противника.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. явилась реальным испытанием действенности сложившейся к тому времени структуры разведывательных органов. Она выявила несовершенство устройства как центрального аппарата разведки военного ведомства, так и разведывательной структуры (штаб-офицера над вожатыми и его немногочисленных подчиненных) Полевого штаба Действующей армии.

Русско-турецкая война показала, что созданная система военной разведки (ее центральные и зарубежные органы) в целом неэффективна. По-прежнему упор делался на негласную агентуру сотрудников российских миссий за рубежом. Существовавшего ограниченного количества военных агентов было явно недостаточно, чтобы заменить собой отлаженными столстиями работавший аппарат Министерства иностранных дел. Но даже при специфике войны — она проходила «в идеальных условиях» — на территории угнетенного турками народа, который видел в России своего освободителя. Вряд ли война с другим противником могла вестись при условиях столь благоприятных, как война с Турцией за освобождение славян. Болгары рвались помочь русским всем, чем могли, и в то же время вполне бескорыстно. Можно было бы иметь гораздо больше сведений, чем было в наличии, можно было бы набрать целый полк проводников, переводчиков и других лиц, вполне благонадежных, разных специальностей, разных степеней развития и способностей, но надо было работать энергично, не скучиться и иметь широкие полномочия, чего у руководителей разведки не было.

Возникли трудности с подбором агентов в штабах и государственных структурах Турции. Таковых просто не было. Вообще даже мысли не допускалось о

привлечении к сотрудничеству мусульман, с том числе турок, черкесов. То же относилось и к благожелательным иностранцам в Турции — англичанам. Ни одной попытки привлечь к сотрудничеству граждан этой национальности не было осуществлено. Да и сотрудники МИДа не предусматривали возможность создания агентуры на военное время. Впервые была сделана попытка организации сбора разведывательной информации через третьи страны — через военного агента в Вене Фельдмана. Чтобы структура военной разведки была жизненна, не отказываясь от возможной помощи сотрудников российских зарубежных миссий, необходимо было ставить на повестку дня вопрос о создании «крышевых» должностей прикрытия для офицеров военной разведки. Что же касается должности штаб-офицера над вожатыми, то она была вызвана спецификой именно этой войны, именно на этом театре военных действий, и должна была стать последней в этом веке, так как надобность в подобной должности отпадала. Попытки создать на местах постоянную агентуру закончились безрезультатно по целому ряду причин, и основным агентом в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. был агент-ходок.

Русско-турецкая война вскрыла и недостатки в освещении с позиций военных агентов внешнеполитического курса иностранных государств, которые могли быть втянуты в боевые действия, а также их военных приготовлений и, как следствие, военного сухопутных и военно-морских сил этих стран. Спустя два года после окончания Русско-турецкой войны очередным документом, регламентировавшим деятельность военных агентов, явилась разработанная на основе многолетнего опыта деятельности агентурной разведки русской армии «Инструкция военным агентам (или лицам их заменяющим)», утвержденная военным министром 16 декабря 1880 г. (РГВИА. Ф. 401. Оп. 1. Д. 2. Л. 8—12 об.). Новая «Инструкция», в отличие от первой (1856 г.), более детально излагала обязанности военных представителей России за рубежом. В «Инструкции», в частности, говорилось:

«Военные агенты назначаются для доставления правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств. Согласно сему, военный агент, основательно ознакомившись с общими источниками силы государства (страной и населением) обязан в подробности изучать:

- состав и комплектование его вооруженных сил: сухопутных и морских;
- организацию и численность по мирным и военным штатам;
- расположение их и способы мобилизации и сосредоточения;

- устройство их материальной и хозяйственной части, обеспечение обмундированием, снаряжением, вооружением, ремонтами, обозом, провиантами и фурражом;
- устройство различных отраслей военного управления с их специальными заведениями и применением к потребностям военного времени;
- тактическое обучение войск (уставы, занятия во время сборов), развитие военного образования в армии, дух и быт солдат и офицеров, и характеристику главных начальников;
- бюджет государства и особенно военный;
- общую систему обороны государства, т.е. крепости и укрепления, в связи с путями сообщения и главнейшими географическими и топографическими условиями страны».

Военным агентам в «Инструкции» ставились также задачи «следить за проектированием и возведением новых фортификационных сооружений и важных в стратегическом отношении путей, за сборами и передвижением войск, за общим направлением военной деятельности, за настроением армии и печати».

В целом военные агенты должны были стремиться «дать себе и правительству ясный и верный отчет об оборонительной и наступательной готовности государства (иностранных. — Примеч. авт.)».

«Это последнее условие, — отмечалось в документе, — особенно важно относительно государств, соприкасающихся с Россией. Поэтому военные агенты, находящиеся в сих государствах, независимо от общих означенных выше предметов, обязываются тщательно собирать и обновлять все военно-статистические сведения о пограничных с Россией областях, изучать подготовку их как театров военных действий, с возможными подробностями о путях, военных запасах, расположении сил, вооружении и гарнизонах крепостей и прилагать все старания к получению точных данных относительно перевозочной способности железных дорог и планов сосредоточения войск». И здесь же подчеркивалось: «Обязанности, указываемые агентам в соседних государствах должны, в прочем, заботить одинаково всех наших военных агентов, где бы они не находились».

Несмотря на столь дстальнную постановку военным агентам разведывательных задач, в их число не было включено большинство вопросов, касавшихся военно-морской мощи вероятных противников, что отражало существовавшую в то время разобщенность двух основных видов вооруженных сил России и в целом

снижало эффективность деятельности зарубежных сил и средств агентурной разведки. В морском ведомстве все еще не считали необходимым разработать общую Инструкцию для военно-морских агентов и ограничивались разработкой отдельных наказов морским офицерам, отправляемым в командировку за границу в качестве представителей Морского министерства. Подобная ситуация была связана еще и с тем, что в рассматриваемый период ход и исход вооруженной войны между государствами определялся в основном на суше и военно-морскому флоту отводилась вспомогательная роль.

До этого времени большая часть интересовавших Военное и Морское министерства разведывательных сведений военные и морские агенты добывали с использованием легальных путей с официальных позиций: за счет изучения прессы, различных так называемых «открытых» изданий (официальных отчетов, статистических сборников, уставов, инструкций), а также путем личного наблюдения и осведомления в ходе официального посещения военных заводов и верфей. Однако для обеспечения надежной защиты национальных интересов России изучение иностранных государств, их военной политики, намерений и планов, а также вооруженных сил не могло быть сведено только к сбору открытых сведений. В подавляющем большинстве случаев информация, относящаяся к состоянию и перспективам развития вооруженных сил зарубежных стран, планам их развертывания и боевого применения с началом боевых действий, являлась секретом государства и охранялась им. К секретным относились и сведения по ряду важнейших аспектов деятельности вероятного противника в политической и военно-технической областях. Получить секретную информацию можно было только тайными пугающими — через третьих лиц (подобная практика в мирное время существовала всегда, но являлась исключением, а не правилом). В «Инструкции военным агентам (или лицам их заменяющим)» содержались указания по работе в целях создания сил и средств зарубежной военной агентурной разведки, в том числе и для деятельности в чрезвычайных условиях. Так, в документе прямо указывалось: «*Существенную обязанностью их (военных агентов. — Примеч. авт.) должно быть и заблаговременное приискание надежных лиц, через посредство коих можно было бы поддерживать связи со страной в случае разрыва и получать верные сведения даже тогда, когда официальное наше представительство ее оставит*». Подобное требование было сформулировано впервые и явилось результатом осмыслиения опыта привлечения военных агентов к сбору разведывательных

сведений в ходе Русско-турецкой войны. Лица, используя которых предстояло проникать в секреты государства тайными путями, будут называться негласными (тайными) агентами.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Барклай-де-Толли Михаил Богданович (Михаэль-Андреас) (13.12.1761, имение Памушисе, Литва — 14.05.1818, мыза Штиллитцен, близ Кенигсберга), князь, генерал-фельдмаршал (с 1814). Из дворянского рода шотландского происхождения, представители которого в XVII в. переселились в Ригу. Отец Барклая дослужился на российской военной службе до чина поручика и получил в связи с этим дворянское достоинство. Получил домашнее образование в СПб., в семье дяди — бригадира Е.-В. фон Вермелена. В 1767 записан гефрейт-капралом в Новотроицкий кирасирский полк, находившийся в то время под командованием дяди. Действительную военную службу начал в 1776 вахмистром в Псковском карабинерном полку. В 1778 произведен в корнеты. С 1786 состоял адъютантом генерал-поручика гр. Ф. Ангальта, а затем принца В.-А. Ангальт-Бернбург-Шаумбургского. Отличился при штурме Очакова во время Русско-турецкой войны 1787—1791, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и чином секунд-майора. С отличием участвовал в Русско-шведской войне 1788—1790 и Польской кампании 1792—1794, за успехи в которой награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в подполковники. С декабря 1794 командир 1-го батальона Эстляндского егерского корпуса. С мая 1797 командир 4-го (впоследствии 3-го) егерского полка. Благодаря отличной подготовке полк считался одним из лучших в русской армии. В 1798 произведен в полковники, в марте 1799 получил чин генерал-майора. Во время войны с Францией 1806—1807 отличился, командуя арьергардом армии. Сражался под Пултуском и Прейсиш-Эйлау, где был ранен «пулею в правую руку выше локтя с раздроблением кости» и вынесен с поля боя без сознания. В апреле 1807 произведен в генерал-лейтенанты и назначен командовать 6-й дивизией. Вновь отличился в Русско-шведской войне 1808—1809. За переход пролива Кваркен и занятие шведского г. Умео в марте 1809 награжден чином генерала от инfanterии. С мая 1809 главнокомандующий армией и генерал-губернатор в Финляндии. В январе 1810 — сентябре 1812 военный министр. Одновременно с января 1810 сенатор и

член Государственного совета. В начале марта 1810 представил императору Александру I «Записку о защите западных пределов России». Согласно одобренной Записке начались работы по подготовке театра военных действий в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Проводилось строительство инженерных сооружений, создание тыловых баз, усовершенствование дивизионной и въездной корпусной системы, упорядочение штабной службы и реформирование управления, организация стратегической агентурной разведки. В марте 1812 назначен главнокомандующим 1-й Западной армией (с оставлением в должности военного министра). В начале Отечественной войны 1812 успешно осуществил отход армии к Полоцку. В неблагоприятных условиях, когда противник обладал численным превосходством, сумел добиться соединения 1-й и 2-й армий под Смоленском. Его план военных действий состоял в том, чтобы, «завлекши неприятеля в недра самого Отечества, заставить его ценою крови приобретать каждый шаг, каждое средство к подкреплению и даже существованию своему и, наконец, истощив силы его с меньшим, сколько возможно, пролитием своей крови, нанести ему удар решительнейший». Однако он не был понят армией и обществом, появились обвинения в измене, в результате главнокомандующим был назначен светл. князь М.И. Голенищев-Кутузов (Барклай остался главнокомандующим 1-й армии), который фактически следовал плану своего предшественника. В Бородинском сражении ему подчинялись центр и правый фланг. Проявив мужество, хладнокровие и распорядительность в управлении войсками, он появлялся на самых опасных участках. На военном совете в Филях первым высказался за оставление Москвы, считая, что главная цель — не защита Москвы, а Отечества, для чего необходимо сохранить армию. В сентябре 1812 по личной просьбе из-за болезни был уволен от командования армией. С февраля 1813, во время Заграничного похода русской армии 1813—1814, главнокомандующий 3-й армией, которая осаждала крепость Торн. С мая 1813 главнокомандующий русско-прусскими войсками, которые одержали победу в Кульмском сражении и успешно действовали в «Битве народов» под Лейпцигом. В декабре 1813 произведен в графское Российской империи достоинство. После взятия Парижа пожалован чином генерал-фельдмаршала. После заключения Парижского мира 1814 — главнокомандующий 1-й армией, с которой в 1815 совершил новый поход во Францию. В августе 1815 возведен с нисходящим его потомством в княжеское Российской империи достоинство. Последние годы жизни занимался боевой подготовкой вверенной ему 1-й армии, включавшей^{2/}, всех полевых войск

России. За службу был удостоен всех высших российских орденов. «Поступь его и все приемы выражали важность и необыкновенное хладнокровие, и вся наружность его, с первого взгляда внушавшая к нему доверие и уважение, являла в нем человека, созданного предводить войсками... Бесстрашие его не знало пределов. В обращении с равными он был всегда вежлив и обходителен, но ни с кем близко не дружился; с подчиненными, от высших до низших чинов, был кроток и ласков; никогда, ни в каком случае, не употреблял оскорбительных и бранных выражений и всегда настоятельно требовал, чтобы до солдата доходило все ему следуемое... Обладая обширными познаниями в военном деле, он любил заниматься и обогащать себя новыми сведениями; вел жизнь весьма строгую и умеренную; не позволяя себе ни в чем излишества... Он не имел крепостных крестьян, отличался гуманным отношением к русским солдатам, которых считал лучшими в мире. Солдаты уважали Барклая-де-Толли за его необыкновенную храбрость, правоту и заботу об их нуждах. Но, при всех своих достоинствах (а, возможно, и вследствии их), он не был популярным военачальником» (Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. М., 2000. С. 98—101).

² Голенищев-Кутузов-Смоленский Михаил Илларионович (05.09.1745, СПб.—16.04.1813, Бунцлау, Силезия), светл. князь, генерал-фельдмаршал (с 1812). Из старинного дворянского рода. Сын сенатора, инженер-генерал-поручика Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова. Образование получил в Артиллерийском и Инженерном Шляхетском корпусе, по окончании которого с отличием в январе 1761 произведен в прaporщики и оставлен на 5 месяцев при той же школе преподавателем арифметики и геометрии. Затем состоял адъютантом С.-Петербургского и Эстляндского губернатора принца Голштейн-Бекского. В 1762 в чине капитана назначен в Астраханский пехотный полк, которым командовал А.В. Суворов. В 1764—1765 и в 1769 принял участие в военных действиях в Польше. Участник русско-турецкой войны 1768—1774. В 1770 за отличия в сражениях с турками при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле был удостоен чина премьер-майора, а в декабре 1771 — подполковника. Летом 1774, ведя свой батальон на штурм укрепленной крымской деревни Шумы, был тяжело ранен в левый висок пулей, вышедшей у правого глаза. За мужество награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и отправлен в годичный отпуск на лечение за границу. По возвращении в Россию ему поручили формирование легкой кавалерии. Произведенный в июне 1777 в полковники, назначен командиром Луганского пикинерного полка. В 1782 получил чин бригади-

ра. После недолгой службы в Азовской губ. в 1783 командовал Мариупольским легкоконным полком в Крыму. За успешные переговоры с крымским ханом, уступившим России свои владения от Буга до Кубани, в ноябре 1784 произведен в генерал-майоры и возглавил Бугский егерский корпус. Участник Русско-турецкой войны 1781—1791. В начале войны командовал частями, прикрывавшими русскую границу по Бугу, а затем переведен в армию светл. кн. Г.А. Потемкина. Во время осады Очакова в 1788, отражая вылазку турок, был вторично ранен в голову: пуля пробила щеку и вылетела в затылок. В 1789 сражался при Каушанах и участвовал в штурмах Аккермана и Бендера. В декабре 1790 отличился при осаде и штурме Измаила (командовал 6-й колонной и лично принимал участие в рукопашном бою), за что в марте 1791 награжден чином генерал-поручика и орденом Св. Георгия 3-й степени. В июне этого же года части под командованием Кутузова разгромили турок под Бабадагом. За сражение при Мачине в марте 1792 удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени. В 1792 участвовал в военных действиях в Польше, а в конце того же года назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом в Константинополе. Ему удалось значительно ослабить французское влияние в Турции. По возвращении в Россию в 1795 назначен командовать войсками в Финляндии и вместе с тем состоял директором Сухопутного Шляхетского корпуса в СПб. (читал в корпусе лекции по тактике и военной истории). С воцарением Павла I служебное положение Кутузова, пользовавшегося ранее расположением Екатерины II (и умевшего хорошо держаться «на скользких дворцовых паркетах»), в отличие от положения многих сановников и генералов, не изменилось к худшему. В конце 1797 императором Павлом I он был направлен со специальной миссией в Берлин, в результате которой Пруссия склонилась к союзу с Россией и Англией против Франции. В январе 1798 произведен в генералы от инфантерии; награжден также Большим крестом ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский орден). Некоторое время командовал Финляндской инспекцией, вел переговоры со Швецией по демаркации границ. С октября 1799 Виленский военный губернатор. После восшествия на престол Александра I с июня 1801 состоял С.-Петербургским военным губернатором. Однако в связи с нерасположением императора, недолюбливавшего Кутузова как ловкого придворного, в августе 1802 был уволен в годичный отпуск, а в 1803 вышел в отставку и поселился в своем поместье. В августе 1805 назначен главнокомандующим русскими войсками, направленными против французов. С приездом в войска Александра I был резко ограничен в правах главнокомандую-

щего, что явилось одной из причин поражения под Аустерлицем (ноябрь 1805) (в этом сражении его снова ранило в щеку). С 1806 по 1807 состоял Киевским военным губернатором. С марта 1808 командовал корпусом Молдавской армии, действовавшим против турок. Из-за конфликта с командующим армией генерал-фельдмаршалом кн. А.А. Прозоровским был отозван и снова назначен Виленским восиным губернатором. В марте 1811 назначен командующим Дунайской армией. В октябре этого же года возведен, с нисходящим его потомством, в графское Российской империи достоинство. Окружил турецкую армию под Слободзеей и принудил ее к капитуляции, что позволило в мае 1812 заключить выгодный для России Бухарестский мир. Возведен с нисходящим его потомством в княжеское Российской империи достоинство с титулом Светлости. С началом Отечественной войны последовательно занимал должности командующего Нарвским корпусом, Петербургским земским ополчением, всеми войсками в СПб., Кронштадте и Финляндии. С августа 1812 состоял членом Государственного совета. 8 августа назначен главнокомандующим армиями, действующими против Великой армии Наполеона. Прибыв к войскам 18 августа, Кутузов через 8 дней дал генеральное сражение при Бородине, по окончании которого отправил победную реляцию в СПб. 30 августа получил чин генерал-фельдмаршала. Разгром и изгнание остатков армии Наполеона за пределы России в декабре 1812 принесли ему последнюю награду — орден Св. Георгия 1-й степени. Указом императора Александра I в декабре 1812 ему было пожаловано наименование «Смоленский». Противился планам Заграничного похода, считая, что полный разгром Наполеона будет выгоден прежде всего Великобритании. С начала 1813 руководил успешными действиями против французов на территории Польши и Пруссии. Скончался 16 апреля в Бунцлау. Похоронен в Казанском соборе в СПб. Кавалер всех высших российских орденов. Кутузов, по словам Д.Н. Бантыш-Каменского, «ездил в покойном экипаже; редко садился на лошадь по причине тяжести тела; любил вкусные блюда, великолепные палаты, мягкое ложе, но на войне никогда по ночам не раздевался; имел нрав скрытый, недоверчивый и, вместе, веселый... В молодых летах простирая горячность до такой степени, что, когда оставался недоволен полковым учением, то, сойдя с лошади, бросался на землю. Царедворец ловкий, утонченный: лаская временщиков, одушевляя общество даром слова, занимательным рассказом, любезностию, особенно в кругу прекрасного пола, которого до последних минут своей жизни, был страстным обожателем... Во время битв сохранял важность и хладнокровие; не

терпел мнений посторонних; не терпел, чтобы ему давали советы, чтоб приказания его оставались без исполнения; взыскивал строго с виновных, несмотря на звания и заслуги... Он угадывал человека с первого взгляда. Военные и дипломаты всех держав удивлялись его обширным сведениям в теории и практике каждого рода службы, ибо он был офицером инженерным, квартирмейстерским, артиллерийским, министром при иностранных Дворах, градодержателем... Самые недоброжелатели отдавали полную справедливость уму его, проницательности, обширной памяти» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. М., 2000. С. 302—304).

³ Вязмитинов Сергей Кузьмич (07.10.1744 — 15.10.1819, СПб.), генерал от инfanterии (с 1798). Из дворянского рода, родился в семье небогатого помещика Рыльского уезда Курской губернии. Получил домашнее образование. В 1759 записан унтер-офицером в Обсервационный корпус. На действительную службу вступил в 1761 прапорщиком в Украинский ландмилиций корпус. Начав службу без всяких связей, своими способностями добился быстрого продвижения. С 1768 флигель-адъютант при вице-президенте Военной коллегии гр. З.Г. Чернышеве, заведовал его походной канцелярией. В 1777 произведен в полковники, в 1784 — в бригадиры, в 1786 — в генерал-майоры. В этом же году назначен командиром Астраханского grenadierского полка. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791, командовал отрядом из егерских и grenaderских батальонов, отличился при штурме крепостей Хотина, Аккермана, Бендер, за храбрость награжден орденом Св. Владимира 2-й степени. С 1790 правитель Могилевского наместничества, командр Белорусского егерского корпуса. С марта 1794 сенатор, и.д. Симбирского и Уфимского генерал-губернатора. В 1795 назначен командующим Оренбургским корпусом и Оренбургским военным губернатором. С 1796 Каменец-Подольский, затем Малороссийский военный губернатор. С 1797 комендант С.-Петербургской (Петропавловской) крепости, затем член Военной коллегии и управляющий Комиссариатским департаментом. В 1799 по прошению уволен в отставку. Александр I в 1801 вновь вызвал Вязмитинова на службу, поручив ему управление гражданской частью в двух малороссийских губерниях, назначив затем вице-президентом Военной коллегии. С образованием министерств в сентябре 1802 назначен первым министром военно-сухопутных сил. Проделал большую работу по устройству военного управления, ввел дивизионную организацию, создал земское ополчение. С 1807 член Комитета охраны общественной безопасности. В январе 1808 по прошению уволен в отставку с поста министра. В 1810 назначен членом Государствен-

нного совета. С марта 1812 управляющий Министерством полиции (в отсутствие министра А.Д. Балашева). С 1816 С.-Петербургский военный губернатор. В 1818 избран почетным членом Российской академии наук. В августе 1818 возведен в графское Российской империи достоинство. Кавалер всех высших российских орденов. Современники сдержанно оценивали административные способности Вязмитинова. Признавая его ум, честность, трудолюбие, Ф.Ф. Вигель в своих «Записках» отметил, что долгая служба Вязмитинова «в малых чинах при лицах не всегда вежливых начальников оставило в нем какое-то раболепство, не согласное с достоинством, которое необходимо для человека, поставленного на высокую ступень», породила «старинного, честного, верного и преданного русского холопа». Гр. Ф.В. Растопчин характеризовал его как любителя изящных искусств, сочинителя приятной музыки, человека, хорошо владевшего русским языком. В 1781 он сочинил комическую оперу «Новое семейство», которая несколько сезонов шла на московской и петербургской сценах. Большой театрал Вязмитинов и скончался, собираясь на бенефис известной петербургской танцовщицы Е.И. Колосовой (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. М., 2000. С. 249—250).

⁴ Сухтелен Петр Корнилиевич (Ян-Петер) (02.08.1751, г. Граве, Голландия — 06.01.1836, Стокгольм), граф, инженер-генерал (с 1799). Из голландских дворян. Окончил математическое отделение Groningenского университета (1767) и поступил на службу в голландские инженерные войска. Участвовал в англо-голландских войнах 1773—1774 и 1778—1779. В июле 1783 из подполковников голландских инженерных войск принят с тем же чином на службу в русскую армию и определен в Экспедицию водных коммуникаций для осмотра и строительства каналов и шлюзов Вышневолоцкой системы. По поручению императрицы Екатерины II составил проект соединения Каспийского моря с Белым посредством канала между Камой и Двиной. В январе 1787 получил чин полковника. С началом Русско-шведской войны 1788—1790 назначен начальником штаба инженеров Финляндской армии, а затем возглавил отдельный корпус. В 1794 находился в Варшаве, был ранен во время мятежа и взят в плен повстанцами. В 1795, после войны с поляками, назначен для осмотра и исправления крепостей в Виленской губернии. В декабре 1797 произведен в генерал-лейтенанты и определен начальником инженеров Финляндской инспекции. В июне 1799 получил чин полного инженер-генерала и стал инспектором инженерной части Эстляндской и Лифляндской инспекций. В 1801—1810 генерал-квартирмейстер Свиты Е.И.В.

В августе 1804 избран почетным членом Петербургской академии наук. Во время войны с Францией в 1805 состоял при императоре Александре I, участвовал в походе в Ганновер и руководил блокадой Гаммельна. Во время Русско-шведской войны 1808—1809 был назначен начальником инженерных войск Финляндской армии. Руководил осадой Свартгольма и Свеаборга. Сумел склонить командира крепостного гарнизона Свеаборга к капитуляции. Успех в переговорах создал ему репутацию искусного дипломата. Награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость». В 1810, после окончания войны со Швецией, назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом в Стокгольм. С 1811 член Государственного совета. В 1812 заключил союзный договор со шведским правительством против наполеоновской Франции и мирный договор с Англией. В сентябре этого же года возведен, с нисходящим потомством, в баронское Великого княжества Финляндского достоинство. В 1813, во время Заграничного похода, исполнял обязанности начальника русской военной миссии при штабе Северной армии шведского наследного принца (будущего короля) Карла-Юхана и участвовал в ряде сражений, в том числе в «Битве народов» под Лейпцигом. В январе—мае 1814 руководил инженерными работами при осаде Гамбурга. После окончания весенних действий вновь назначен послом в Стокгольм, где находился до конца своей жизни. Указом императора Александра I в январе 1822 возведен с нисходящим его потомством в графское Великого княжества Финляндского достоинство. В августе 1826, при коронации Николая I, ему был пожалован высший орден Российской империи Св. Апостола Андрея Первозванного.

Сухтелен оставил о себе память как о выдающемся деятеле, которому инженерное дело в России обязано многим: от известной в свое время «сухтеленовской системы» защиты крепостей до «столистной карты Российской империи». Как человек и ученый он являл собою редкий пример громадной эрудиции наряду с необыкновенной скромностью и терпимостью, отличающей истинного ученого. По свидетельству современника Ф.Ф. Вигеля, «этот человек ужасал своим знанием, но так был скромен, что не только пугать, но даже удивлять им никого не думал. Всеведущий человек, он в обществе невежд был ласков и учтив, не давал подозревать о своем знании. Все математические науки, все отрасли литературы, философии, богословие — равно были ему знакомы; в художестве же он был верный и искусный судья» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 423—424).

⁵ Головкин Юрий Александрович (04.12.1762, Лозанна, Швейцария — 21.01.1846, имение Константиново Роменского уезда Харьковской губ.), действительный тайный советник (с 1804). Из рода графов Головкиных (последний его мужской представитель), правнук государственного канцлера гр. Г.И. Головкина. Получил блестящее образование в Париже. После смерти отца, в начале 1780-х гг., возвратился в Россию. Произведя выгодное впечатление на Екатерину II, зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, где в августе 1782 произведен в прапорщики, а в 1784 пожалован в камер-юнкера. Выполнял ряд дипломатических поручений. В декабре 1796 Павел I назначил его сенатором и одновременно произвел в тайные советники. С ноября 1800 по август 1807 — президент Коммерц-коллегии. В царствование Александра I в январе 1803 уволен, согласно прошению, для путешествия за границу на два года. В феврале 1805 отправлен с особой миссией в Китай, целью которой являлось установление торговых сношений с Китаем. Состав посольства Головкина насчитывал свыше 300 человек. Еще в пределах России Головкин получил протест китайских властей против многочисленности свиты и должен был ее сократить. Посольство добралось только до Урги, где Головкину были предъявлены такие требования относительно церемониала его приема китайским императором, что он счел их неприемлемыми. Неудача миссии возбудила неудовольствие Александра I, и Головкин вынужден был находиться в Иркутске, пока ему не разрешили в декабре 1806 вернуться в СПб. В 1807—1813 находился в отпуске. В 1808 по поручению императрицы Марии Федоровны занимался делом сватовства ее дочери вел. княжны Екатерины Павловны. В 1813 возглавил комиссию для раздачи пособий пострадавшим от неприятеля в Отечественную войну. В декабре 1814 — ноябре 1818 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Штутгарте (Вюртемберг), а в ноябре 1818 — сентябре 1822 — в Вене. В 1822 — 1831 находился в заграничном отпуске. В январе 1832 назначен членом Государственного совета. В апреле 1832 назначен старшим членом Комитета признания заслуженных гражданских чиновников. Одновременно с марта 1834 состоял попечителем Харьковского учебного округа. В 1834 был избран почетным членом Петербургского университета. В 1842 ему было дозволено остаться за границей бессрочно, впредь до излечения болезни. Воспитанный за границей, он так и не выучился правильно говорить по-русски. По свидетельству кн. П.В. Долгорукова, «в царствование императора Павла он был сенатором и когда в том департаменте Сената, где он заседал, какой-то процесс был решен неправильно, все сенаторы

этого департамента получили выговоры, “за исключением, как было сказано в Высочайшем указе, тайного советника Головкина, по той причине, что он не знает русского языка,, причем указать ему на необходимость изучить этот язык как можно скорее”. Удостоен всех высших российских орденов (*Федорченко В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 329).

⁶ Липранди Иван Петрович (17.07.1790 — 09.05.1880). Отец Липранди был выходцем из старинного испанского рода, еще в XVII в. обосновавшегося в Италии и в 1785 переселившегося в Россию. 13 августа 1807 поступил на службу колонновожатым в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. В 1808—1809 участвовал в войне со Швецией и за взятие Торнебро произведен в поручики. Войну 1812 встретил в 6-м пехотном корпусе генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова, занимая в нем с 5 августа и до конца кампании должность обер-квартирмейстера. Отличившись в сражениях при Смоленске (получил тяжелейшую контузию; страшные боли, вплоть до обмороков, сопровождали его всю оставшуюся жизнь), Бородине, Тарутине, Малоярославце, в октябре 1812 получил штабс-капитанский чин. В Заграничном походе 1813—1814 состоял обер-квартирмейстером корпуса генерала от кавалерии Ф.Ф. Винцингероде и незадолго до падения Парижа был произведен в подполковники, а в 1815—1818 служил во Франции в русском оккупационном корпусе генерал-лейтенанта М.С. Воронцова. Судя по всему, в этот период выступал в качестве сотрудника (руководителя) Высшей воинской полиции. Помогал французским властям в борьбе с заговорщиками: совместно со службами французского сыска (префект парижской полиции Видок) Липранди удалось раскрыть и пресечь деятельность заговорщиков-бонапартистов. Результатом кропотливой работы явилась записка «О средствах учреждения высшей тайной заграничной полиции», получившая «высочайшее одобрение» императора. По возвращении в Россию блистательная карьера И.П. Липранди вдруг обрывается — за дуэль, окончившуюся гибелью противника, его переводят в рядовой армейский полк: Камчатский полк — 7.1.1820, в Якутский — 25.8.1821, в 33-й егерский полк — 10.4.1822 (в дивизии будущего декабриста генерала М.Ф. Орлова, расквартированной в Бессарабии). Прослыл своей близостью к «южным» дескабристам и ссыльному А.С. Пушкину. Поэт был настолько очарован И.П. Липранди, что писал Вяземскому: «Он мне добрый приятель, и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством, и, в свою очередь, не любит сего». Позднее Пушкин использовал рассказаленную Липранди историю в повести «Выстрел», а черты самого Ивана Петровича за-

печатался в образе Сильвио. 11 ноября 1822 вышел в отставку полковником. Вступил в службу чиновником особых поручений и состоял при генерал-губернаторе Новороссии и полномочном наместнике гр. М.С. Воронцове — 3.3.1823. Вновь определен в квартирмейстерскую часть подполковником — 6.10.1825. Приказ об аресте — 3.1.1826, арестован в Кишиневе — 17.1.1826, доставлен в Петербург на главную гауптвахту — 1.2.1826. По высочайшему повелению (19.2.1826), освобожден с оправдательным атtestатом и с выплатой прогонных денег. Все опрошенные члены Южного общества показали, что Липранди членом общества не был и не знал о его существовании. Полковник — 6.12.1826, участник Русско-турецкой войны 1828—1829, вышел в отставку генерал-майором — 27.1.1832, причислен к Министерству внутренних дел (чиновник особых поручений при министре внутренних дел Л. А. Перовском) — 1840, переименован в статские советники — 1841, действительный статский советник — 26.11.1843, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за выслугу 25 лет в офицерских чинах — 1848. Приобрел громкую известность своей деятельностью, признанной провокационной, по раскрытию кружка «петрашевцев» — организовал тайный сыск, заслав в кружок своего агента. Полицейское рвение И.П. Липранди, соперничавшего с III отделением, получило широкую огласку в обществе и вызвало недовольство влиятельных сфер, а его имя обрело скандальную репутацию — и не в последнюю очередь благодаря разоблачениям несколько лет спустя, изданным в Вольной русской типографии А.И. Герцена в Лондоне. История эта имела для Липранди роковые последствия и вынудила его на многолетние, но безуспешные оправдания. С 1856 по 1861 состоял причисленным к Департаменту уделов, затем вышел в отставку и в 1864 вновь переименован в генерал-майоры. Отрешенный от государственных дел, Липранди ищет применения своим силам как историк, публицист, военный писатель. Одновременно с фундаментальным изучением Восточного вопроса он сосредоточивается на истории войн начала века, и прежде всего войн эпохи 1812. С середины XIX века выступает живым воплощением мемуарно-исторической традиции 1812, ее хранителем и пропагандистом: внимательно следит за всем, что выходит на эту тему в России и за границей, публикует пространные историко-критические разборы трудов об Отечественной войне (главным образом А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича), с тончайшим знанием дела вскрывая их ошибки, умолчания, разнотечения, издает наиболее полную тогда библиографию литературы о войнах 1812—1814, составляет коллекцию всех на-

печатанных когда-либо статей об Отечественной войне, предполагая переиздать их в виде серии сборников. Всем этим И.П. Липранди, как верно заметил Е.В. Тарле, проявил себя замечательным знатоком эпохи 1812 г., с мнением которого «очень считались военные специалисты». Так, в начале 1870-х, когда в «Русской старине» готовились к печати письма М.И. Кутузова за 1810—1812, редакция отправила их на просмотр И.П. Липранди, и он сопроводил кутузовские письма содержательными, строго выверенными примечаниями. Высоко ценил военно-историческую осведомленность Липранди и Л.Н. Толстой, часто обращавшийся в пору писания «Войны и мира» к его историко-критическим сочинениям, — по выходе книги в свет он посыпал ее И.П. Липранди с дарственной надписью, хотя и не был знаком с ним лично. Похоронен в Петербурге на Волковом кладбище.

⁷ Аракчеев Алексей Андреевич (23.09.1769 — 21.04.1834, с. Грузино, Новгородской губ.), граф, генерал от артиллерии (с 1807 г.). Из семьи небогатого помещика, владевшего 20 душами крестьян, отставного поручика. Первоначальное образование получил под руководством сельского дьячка. С детства имел большую склонность к арифметике и усердно занимался ею. С большим трудом отцу удалось определить его в Артиллерийский и Инженерный Шляхетский кадетский корпус в СПб., по окончании которого в 1787 он получил первый офицерский чин. С 1787 по 1792 — преподаватель математики и артиллерийского дела, старший адъютант директора корпуса генерал-поручика П.И. Мелиссино. Одновременно давал уроки артиллерии и фортификации сыновьям генерал-аншефа гр. Н.И. Салтыкова. С 1792 на службе в «гатчинских войсках»: командир роты, инспектор гатчинской артиллерии. Точным исполнением возлагавшихся на него поручений, неутомимой деятельностью, знанием военной дисциплины, строгим подчинением себя установленному порядку расположил к себе наследника престола цесаревича Павла Петровича. С воцарением императора Павла I, быстро сделал блестящую карьеру: будучи полковником, назначен комендантом Петербурга (7 ноября 1796) с производством в следующий день в генерал-майоры. 1797—1798 — командир лейб-гвардии Преображенского полка. В марте 1798, подвергшись опале императора, уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты, через несколько месяцев вновь возвращен на службу. 1798—1799 — генерал-квартирмейстер Свиты Его Императорского Величества. С 1799 — командир гвардейского артиллерийского батальона и инспектор артиллерии, пожалован командором ордена Св. Иоанна Иерусалимского. В мае 1799 возведен в графское Российской империи достоинство

«за отличное усердие и труды, на пользу службы подъемлемые». С октября 1799 по май 1803 вновь находился в отставке, проживал в своем имении в с. Грузино. В мае 1803 возвращен на службу Александром I и восстановлен в должности инспектора артиллерии. В декабре 1807 назначен состоять при императоре с правом издавать указы от его имени по артиллерийской части. С января 1808 по январь 1810 военный министр и генерал-инспектор пехоты и артиллерии (последний пост занимал до 1819). В январе 1808 его командованию были поручены также Военно-походная канцелярия Е.И.В. и фельдъегерский корпус. Внес существенный вклад в подготовку вооруженных сил к войне с Наполеоном. Под руководством Аракчеева улучшились комплектование и обучение строевого состава, созданы рекрутские депо, введена дивизионная организация армии, стали проводиться экзамены в артиллерии, изданы положения по различным частям военного управления. При участии Аракчеева создан Артиллерийский комитет и начат выпуск «Артиллерийского журнала» (1808), произведены значительные изменения на военных заводах и арсеналах. Благодаря преобразованиям, проведенным Аракчеевым, русская артиллерия стала одной из лучших в Европе. С января 1810 член Государственного совета. В 1810—1812 и 1816—1826 председатель Департамента военных дел Государственного совета. Во время Отечественной войны 1812 находился в составе Императорской квартиры, ведал комплектованием войск и пополнением артиллерийских парков, организацией ополчения. В боевых действиях непосредственно не участвовал, в связи с чем отказался от предложенного ему императором Александром I звания генерал-фельдмаршала (1814), как ранее дважды отказался от пожалованных ему высших орденов Российской империи: Св. Владимира 1-й степени (1807) и Св. Апостола Андрея Первозванного (1808), считая, что не заслужил таких наград. С 1815 фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, Собственной Е.И.В. канцелярией, стал единственным до-кладчиком императора по большинству министерств и ведомств. С 1819 главный начальник над военными поселениями, созданными по инициативе императора. 1821—1826 — главный начальник Отдельного корпуса военных поселений, лично руководил подавлением выступлений поселенцев. После восшествия на престол Николая I подвергся опале, в 1826 уволен в отпуск по болезни и поселился в своем имении Грузино. Незадолго до смерти пожертвовал 300 тыс. рублей для воспитания из процентов от этого капитала детей бедных дворян в Новгородском кадетском корпусе. После смерти его имение и капитал в 1,5 млн рублей были переданы этому

же (впоследствии Нижегородскому) кадетскому корпусу, получившему название Аракчеевского. По свидетельству современников, он был роста среднего, сухощав, вид имел суровый. С детства угрюмый и необщительный, Аракчеев оставался таким и в продолжение всей жизни. При недюженном уме и бескорыстии, он умел помнить и добро, когда-либо кем ему сделанное. Кроме угодления воле монарха и неукоснительного исполнения требований службы, он ничем не стеснялся. Суровость его нередко выраждалась в жестокость. Большинство современников к личности Аракчеева относились резко отрицательно. (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 75.*)

⁸ Ливен Христофор Андреевич (Христофор-Генрих) (06.05.1744, Киев—29.12.1838, Рим), светл. князь (с 1826), генерал от инфантерии, генерал-адъютант (с 1798). Из древнего дворянского рода. Второй из четырех сыновей генерал-майора бар. Отто-Генриха-Андреаса фон Ливена. Получил домашнее образование. В возрасте 5 лет записан на службу в артиллерию. С 1779 на военной службе, капитенармус в артиллерию, штык-юнкер (1789), в 1790 участвовал в Русско-шведской войне, в 1791 произведен в прапорщики и переведен в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1795 назначен полковым адъютантом. В 1794 в составе австрийских войск принимал участие в боевых действиях против французов. В 1796 в звании подполковника Владимирского драгунского полка принял участие в походе генерал-аншефа гр. В.А. Зубова в Персию; в мае 1796 находился при взятии г. Дербента, затем участник экспедиции в Грузию. В 1798, минуя чины полковника и бригадира, произведен в генерал-майоры и назначен начальником Военно-походной канцелярии Е.И.В., состоял при императоре докладчиком по военным вопросам. В феврале 1799 возведен вместе с матерью и братьями в графское Российской империи достоинство. Облагодетельствованный императором Павлом I, пользовался доверием и его сына, Александра I. Сопровождал императора в Действующую армию во время войн с Францией 1805 и 1806—1807, участвовал в сражениях при Вишай и под Аустерлицем. В 1806 удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. В 1807 произведен в генерал-лейтенанты. В начале 1808 по требованию А.А. Аракчеева был зачислен в Министерство иностранных дел с оставлением в звании генерал-лейтенанта. В декабре 1809 назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Берлин, вел активную и успешную работу по организации антифранцузских сил в Пруссии. В 1812, во время Отечественной войны, назначен послом в Лондон, где представлял интересы России в течение 22 лет. Его политическая честность,

осторожность и в то же время настойчивость в поступках внушали к нему общее уважение. В 1834 был вызван в Россию, где назначен членом Государственного совета и попечителем при наследнике цесаревиче вел. князе Александре Николаевиче. Сопровождая в 1838 наследника престола в заграничном путешествии, скончался в Риме после кратковременной болезни. Удостоен всех высших российских орденов.

Большую известность, чем Х.А. Ливен, получила его жена — Дарья Христофоровна Ливен, в девичестве Бенкendorf (1785—1857). «Княгиня, — по словам Ф.Ф. Вигеля, — исполняла при муже должность посла и советника и сама сочиняла дипломатические депеши. Необычайно веселая и благовоспитанная, она не выносила скуки и посредственных людей, сумев создать в Лондоне, а затем в Париже блестящие салоны, где собирались дипломатические знаменитости и выдающиеся политические деятели. Имп. Александр I оказывал ей внимание, беседовал о европейской политике и снабжал устными инструкциями, а в 1818 и 1822 она была приглашена императором присутствовать на Аахенском и Веронском конгрессах Священного союза. Жизнь на виду у всех и постоянное общение с видными государственными деятелями, политиками и дипломатами стали для нее необходимой потребностью» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 642).

⁹ Шувалов Павел Андреевич (21.05.1777—01.12.1823, С.-Петербург), генерал-лейтенант (с 1809), генерал-адъютант (с 1808). Из дворянского рода, младший сын действительного тайного советника гр. Андрея Петровича Шувалова. Получил домашнее образование. В феврале 1786 записан корнетом в лейб-гвардии Конный полк. В январе 1793 получил чин подпоручика. В 1794 принял участие в боевых действиях в Польше и за храбрость, проявленную при штурме предместья Варшавы, награжден по представлению А.В. Суворова орденом Св. Георгия 4-й степени. В августе 1798 получил чин полковника. В 1799—1800 участвовал в Итальянском и Швейцарском походах, был ранен пулей в колено. В июле 1803 назначен шефом Глуховского кирасирского полка. Во главе полка в 1807 отличился в ряде сражений с французами. Участник Русско-шведской войны 1808—1809. В марте 1809, командуя отдельным корпусом (4 тыс. чел.), захватил г. Торнео, а затем принудил превосходящее по силе соединение шведских войск к капитуляции. За отличие в этой кампании произведен в генерал-лейтенанты. С декабря 1809 по май 1811 — посланник в Вене. В 1811 вступил в командование 4-м пехотным корпусом, вошедшим с началом Отечественной войны в состав 1-й Западной армии. Однако в

самом начале боевых действий из-за болезни был вынужден покинуть армию. Во время Заграничного похода русской армии находился в свите императора Александра I, отличился в битве под Лейпцигом. Дважды (в 1813 и 1814) направлялся для переговоров с французами для заключения перемирий. В 1814 сопровождал отрекшегося от престола императора Наполеона на остров Эльба в качестве комиссара русского правительства. После возвращения, пользуясь расположением Александра I, выполнял отдельные дипломатические поручения. Удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Св. Александра Невского включительно. Скоропостижно скончался на 46-м году жизни. По отзывам современников, Шувалов, обладавший весьма значительным состоянием, слыл человеком добрым, отличался человеколюбием, ни о ком дурно не отзывался и был враг злословия. Однако он, как и его отец, отличался большим пристрастием к горячительным напиткам (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 575.*)

¹⁰ Репнин-Волконский Николай Григорьевич (28.01.1778 — 06.01.1845), князь, генерал от кавалерии (с 1828), генерал-адъютант (с 1813). Из древнего рода Волконских. Сын генерала от кавалерии, члена Государственного совета кн. Григория Семеновича Волконского. Образование получил в Сухопутном Шляхетском корпусе, по окончании которого в октябре 1792 выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1795—1796 служил в Польше. В январе 1796 произведен в подпоручики, а в декабре этого же года — в поручики. В апреле 1797 переведен в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1799 в звании ротмистра принял участие волонтером в Голландской экспедиции. В сентябре 1800 получил чин полковника. В июле 1801 указом императора Александра I ему повелено принять герб деда и именоваться впредь потомственным князем Репниным. В сентябре 1802 переведен в Кавалергардский полк и назначен командиром эскадрона. В 1805 участвовал в войне с Францией, отличился в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805), был ранен пулей в голову, контужен в грудь и взят в плен вместе с остатками своего эскадрона. Находясь в Брюнне на излечении, был послан Наполеоном к Александру I с предложением вступить в переговоры. По возвращении в Россию в августе 1806 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и в сентябре того же года вышел в отставку. В ноябре 1808 вернулся на службу и в январе 1809 был произведен в генерал-майоры. В 1809—1810 — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вестфалии, а в 1810—1812 — в Испании (из-за военных действий в Испании находился в Париже). В марте 1812 назначен командовать

резервными эскадронами 1-й Западной армии, которые позже вошли в состав 1-го корпуса гр. П.Х. Витгенштейна. Участник Заграничного похода русской армии 1813—1814. В начале 1813 командовал отдельным «летучим» отрядом, в феврале занял Берлин и преследовал французов до Эльбы. В октябре 1813 — октябре 1814 генерал-губернатор Саксонского королевства. В сентябре 1816 назначен генерал-губернатором Малороссии. Проявил себя как гуманный и энергичный администратор, способствовавший развитию хозяйства и просвещения во вверенном ему крае. В декабре 1834, будучи назначенным членом Государственного совета, присутствующим в Департаменте гражданских и духовных дел, оставил Малороссию. Несправедливо обвиненный в неправильном расходовании казенных средств на посту генерал-губернатора, в июне 1836 г. вышел в отставку и уехал для отдыха за границу. В 1842 возвратился в Россию, где поселился в своем имении с. Яготино Прилукского уезда Полтавской губернии, где и скончался на 67-м году жизни. По свидетельству Д.Н. Бантыш-Каменского, князь Н.Г. Репнин «...не знал постыдной гордости, был боярин во всем пространстве слова, обходительный, ласковый, откровенный; чуждался интриг, шел всегда прямою дорогою, руководимый честию; с даром слова соединял особое искусство и силу выражать мысли на бумаге; храбрый на поле брани, опытный и исусыпный в гражданском управлении, он подвергался неоднократно военным опасностям и среди мира ограждал себя осторожностью...» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 306).

¹¹ Ханыков Василий Васильевич (1759 — 12.04.1829), генерал-лейтенант (с 1798), действительный тайный советник (с 1819). Из древнего дворянского рода. Учился в Сухопутном Шляхетском корпусе и в марте 1785 выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1786 и 1787 за отличное знание европейских языков направлялся в Берлин, Вену и Варшаву с дипломатическими поручениями. Участник Русско-шведской войны 1788—1790. Отличился во время морской кампании 1790, когда он командовал отрядом гвардии и заведовал флагманским дежурством при командовавшим галерной эскадрой контр-адмирале гр. Ю.П. Лита. В 1791 находился волонтером в корпусе генерал-аншефа Е.В. Репнина и сражался с турками под Бабадагом и Мачином. В 1792 был прикомандирован к дипломатической миссии, посланной в Константинополь. В мае 1794 из капитанов лейб-гвардии Измайловского полка переведен полковником в Ростовский карабинерный полк и сражался с поляками под Вильно, Гродно, Брестом и Слонимом, где был ранен пулей в ногу и награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В марте

1795 произведен в бригадиры и назначен командиром Ростовского карабинерного полка. В 1796 переведен на службу в Провиантский департамент. В марте 1797 произведен в генерал-майоры и прикомандирован к дипломатической миссии, посланной в Вену. В 1798 произведен в генерал-лейтенанты и в этом же году отправлен в Москву для учреждения провиантского депо. В 1799—1800 выполнял различные дипломатические поручения, связанные с пребыванием русских войск в Италии и Швейцарии. В 1801 занимался продовольственным обеспечением войск, собранных в Москве по случаю коронации императора Александра I. В 1802 перешел на дипломатическую службу с назначением чрезвычайным посланником и полномочным министром в Дрездене (Саксония). Благодаря его стараниям в 1808 был заключен трактат с Саксонией о возвращении из бывшего Герцогства Варшавского русских дезертиров. С началом Отечественной войны 1812 по требованию французского правительства около пяти месяцев находился под арестом в Дрездене, после чего переехал в Богемию, откуда вел дипломатическую переписку с российским МИД. В апреле 1813 прибыл в Главную квартиру русской армии и был назначен состоять в Свите императора Александра I с исполнением дипломатических обязанностей. В октябре 1813 был тайно послан к саксонскому королю Августу-Вильгельму и склонил его к переходу на сторону союзников. В 1814 участвовал в заключении Парижского мирного договора. С апреля 1815 вновь состоял чрезвычайным посланником и полномочным министром в Саксонии и одновременно посланником в Ганновере, Гессен-Касселе, Веймаре, Мекленбурге и Ольденбурге. За дипломатическую службу удостоен ряда высших российских орденов, в том числе Св. Александра Невского и Св. Владимира 1-й степени (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 496.*)

¹² Волконский Петр Михайлович (25.04.1776, СПб. — 27.08.1852, СПб.), светлейший князь, генерал-фельдмаршал (с 1850), генерал-адъютант (с 1801). Из древнего княжеского рода. При крещении записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. Получил домашнее образование. С 1793 — прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, в котором дослужился до звания полковника, полученного в 1800. Один из участников подготовки дворцового переворота 11 марта 1801, возведшего на престол Александра I. В 1801—1805 — помощник начальника Воссено-походной Е.И.В. канцелярии. С 1805 г. в ходе войны с Францией дежурный генерал и генерал-квартирмейстер вспомогательного корпуса графа Буксгевдена. Отличился в сражении под Аустерлицем (ноябрь 1805), где несколько раз водил

в атаки Фанагорийский и Ряжский пехотные полки. Сопровождал императора Александра I во время переговоров с Наполеоном с Тильзите (1807), после чего был направлен во Францию для изучения опыта французской армии и устройства французского генштаба. В 1810—1812 — генерал-квартирмейстер Свиты Е.И.В. Один из организаторов службы Генерального штаба. Явился инициатором создания карты Российской империи, «депо карт» иностранных государств, училища колонновожатых, положил начало библиотеке Генерального штаба, пожертвовав 500 книг из личной библиотеки. Участвовал в работе над «Учреждением для управления Большой действующей армии» (1812). В начале Отечественной войны находился при Александре I для выполнения особых поручений. В 1812—1814 — начальник Главного штаба при М.И. Кутузове, а затем при императоре. Сыграл важную роль в планировании операций в ходе Заграничного похода русской армии 1813—1814 и 1815. Настоял на вступлении союзных войск в Париж. В 1815—1823 — начальник Главного штаба Е.И.В. С 1821 член Государственного совета. В 1832 столкновение с А.А. Аракчеевым по поводу сметы Военного министерства заставило Волконского (презирал Аракчеева, называл его «змеем» и считал самым вредным человеком для России и императора) просить о заграничном отпуске. В 1824 направлен чрезвычайным послом на коронацию короля Франции Карла X. В конце 1825 находился при Александре I в Таганроге, присутствовал при его кончине. В августе 1826 назначен первым министром Императорского Двора и Уделов и управляющим Кабинетом Е.И.В. В августе 1834 пожалован с нисходящим потомством титулом Светлости. С 1837 г. генерал-инспектор всех запасных войск. С 1839 — шеф Белозерского пехотного полка. В 1842 назначен канцлером российских императорских и царских орденов. Удостоен всех высших российских орденов. На гробницу П.М. Волконского был положен щит с княжеским гербом, датой взятия Парижа — 19 марта 1814 и девизом «На Бога уповаю» (Федорченко В.И. Императорский Дом. Указ. соч. Т. 1. С. 225).

¹³ Барятинский Иван Иванович (1767 — 13.06.1825), тайный советник. В старинном «Гербовнике дворянских родов» и других описаниях истории рода Барятинских сказано: «Князья Барятинские ведут свой род от святого благоверного князя Михаила Черниговского, происходящего от Рюрика в одиннадцатом колене и от равноапостольного князя Владимира восьмом...» В тринацать лет был отправлен поручиком в Екатерининский гусарский полк и определен адъютантом к генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину. В 1794 участвовал в штурме предместья

Варшавы под командованием А.В. Суворова и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. По словам современников, И.И. Барятинский был одним из самых блестящих представителей «золотой молодежи». Соединял блестящее образование с «обворожительной наружностью». Это был любитель искусства и литературы, талантливый музыкант и ученый-агроном. Назначенный при Павле I церемониймейстером царского двора, он в дальнейшем «употреблен был по дипломатической части при посольстве в Лондоне, где, занявшись изучением сельского хозяйства и промышленности, пристрастился особенно к первому». Пребывание в Лондоне на дипломатической службе отразилось на всей последующей жизни и вкусах И.И. Барятинского, чему способствовала в немалой степени его женитьба на англичанке Марии Франциске Деттон. С 1808 — чрезвычайный посланник, а затем полномочный министр в Мюнхене. В 1811, после смерти родителей, все курские поместья перешли по наследству И.И. Барятинскому. Тогда же, оставив дипломатическую службу, он ненадолго возвращается в Россию и приступает к строительству имения. Он задумал создать себе усадьбу, ни в чем не уступающую прославленным образцам дворцово-паркового искусства в Петербурге, Москве и их пригородах. Огромное богатство, связи, высокое положение при дворе позволили ему осуществить свой замысел в чрезвычайно короткий срок. Выбирая место строительства своей резиденции, И.И. Барятинский, конечно, учитывал не только живописнейший природный ландшафт, но и то, что здесь издавна земля давала высокие урожаи. Плодородные земли из года в год обеспечивали высокий доход. В своих обширных владениях И.И. Барятинский использовал передовой по тому времени опыт сельского хозяйства английских и немецких крупных помещичьих латифундий. Во владении князя находилось «34 515 душ крепостных крестьян и 49621 десятина земли, вместе же с крестьянской землей — 100 000 десятины». «Для строительства великолепного дворца был выбран высокий северный берег речки Избицы». Поэтому первоначально дворец назывался «Избицкий дом» и лишь впоследствии (1817) Барятинский переименовал усадьбу в «Марьино» — обе его жены именновались Мариями (Мария Франциска Деттон и Мария Федоровна, урожденная Келлер). Марьинский ансамбль был построен в течение очень короткого срока в 1815—1816 гг. по проекту малоизвестного в России архитектора Карла Ивановича Гофмана. В строительстве ансамбля принимали участие и крепостные мастера-самоучки. По мере строительства дворца и хозяйственных служб, создавались парк и пруд, а в последующие годы XIX — начала XX века в Марьино поступали

редчайшие произведения искусства отечественных и зарубежных художников и скульптур. Во время основания усадьбы И.И. Барятинский жил за границей, но внимательно следил за ходом ее строительства. Марьинский дворец был широко известен в России не столько своей архитектурой, сколько роскошью внутреннего убранства, коллекциями, а также своеобразной атмосферой праздничности, открытости, художественной утонченности. Князь И.И. Барятинский погребен в фамильном склепе церкви Покровской села Ивановского, «на большой дороге от города Курска и Льгова в Рыльск».

¹⁴ Куракин Александр Борисович (18.01.1752, СПб. — 24.06.1818, Веймар, Германия), князь, действительный тайный советник 1-го класса (с 1807). Из древнего княжеского рода. В раннем детстве записан сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Получил домашнее образование. В 1761 получил чин подпоручика гвардии. В 1775—1776 слушал лекции в Лейденском университете. С 1772 камер-юнкер Высочайшего Двора. С 1775 определен на службу в Сенат. В 1778 пожалован в действительные камергеры, в 1780 избран предводителем дворянства Петербургской губернии. Входил в ближайшее окружение великого князя Павла Петровича (будущего имп. Павла I). Сопровождал наследника престола в его поездке в Берлин (1776) и путешествии по Европе (1781—1782). По возвращении в СПб., в ноябре 1782, подвергся опале со стороны императрицы Екатерины II, получил повеление удалиться в свое имение с. Надеждино Саратовской губ., где проживал до 1796. Здесь «в великолепном уединении своем сотворил он себе наподобие посещенных им дворов, также нечто похожее на двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворцовых управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстеров; потом секретарь, медик, капельмейстер... Всякий день, даже будни, за столом гремела у него музыка, а по воскресным и праздничным дням были большие выходы... Изображение вел. князя Павла Петровича находилось во всех комнатах». Живя открыто, хлебосольно, Куракин тяжело переживал свою опалу, поддерживал переписку с наследником престола. После смерти императрицы Екатерины II был вызван в С.-Петербург. В течение ноября 1796 был пожалован в действительные тайные советники, в гофмаршалы, вице-канцлеры, назначен членом Совета при императоре. Кроме того, он получил 150 тыс. рублей на уплату долгов, дом в СПб., а в апреле 1797 — дом в СПб., свыше 4 тысяч душ крестьян в Псковской губ. и богатые рыбные промыслы в Астраханской губ. В январе 1797 участвовал в подготовке конвенции о принятии

Мальтийского ордена под покровительство Павла I. В апреле 1798 г. назначен сенатором, однако в результате придворных интриг в сентябре этого же года уволен от службы. В феврале 1801 Куракину вновь повелено вступить в должность вице-канцлера. При вступлении на престол Александра I сохранил должность вице-канцлера и управляющего Коллегией иностранных дел (до сентября 1802). С 1801 член Непременного (Государственного) совета. С сентября 1802 г. канцлер российских императорских и царских орденов. В июне 1806 назначен послом в Вену, при его участии в июле 1807 заключен Тильзитский мирный договор между Россией и Францией. В 1809—1812 — посол в Париже. Предупреждал имп. Александра I о подготовке Наполеона к войне с Россией. Серьезно пострадал от пожара (тогда погибло около 20 человек) в июле 1810 в Париже во время бала во дворце австрийского посла кн. К. Шварценберга по случаю бракосочетания Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой. «Независимо от здоровья, Куракин лишился еще во время суматохи бриллиантов на сумму более 70 000 франков». Причиной такого несчастья Куракина были, по словам очевидца, его собственная «вежливость» и рыцарское чувство к дамам: он «оставался почти последним в огромной обятой пламенем зале, выпроваживая особ прекрасного пола и отнюдь не позволяя себе ни на один шаг их опереживать». В результате этого «Куракина сбили с ног, повалили на пол, через него и по нем ходили». От последствий ожогов он не оправился до конца своей жизни. По возвращении в СПб. в связи с болезненным состоянием отошел от активного участия в государственных делах. По отзывам современников, Куракин обладал добрым сердцем, но был страшно тщеславен и склонен к пышности. По страсти к блеску его называли «бриллиантовым князем». Был удостоен всех высших российских орденов. На могиле А.Б. Куракина по распоряжению императрицы Марии Федоровны был установлен памятник с надписью «Другу супруга моего» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 597).

¹⁵ Толстой Петр Александрович (12.03.1770 — 28.09.1844, Москва), граф, генерал от инфантерии (с 1814), генерал-адъютант (с 1797). Из древнего дворянского рода. В январе 1775 г. записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк. В мае 1785 вступил в тот же полк подпоручиком и назначен флигель-адъютантом к Екатерине II. Участник Русско-шведской войны 1788—1790. С марта 1792 служил в Ингерманландском карабинерном полку, а с апреля 1793 — в Псковском драгунском. В 1792 и 1794 воевал в Польше. Необычайная отвага Толстого обратила на него внимание А.В. Суворова, который дал о нем лестный отзыв в

присутствии императрицы Екатерины II. В конце 1798 послан к главнокомандующему австрийской армией эрцгерцогу Карлу-Иоанну для осуществления связи между австрийским командованием и генерал-фельдмаршалом А.В. Суворовым. Проявил себя искусным дипломатом. В октябре 1799 произведен в генераллейтенанты. В феврале 1800 назначен сенатором. В марте 1801, после воцарения Александра I, Толстому было велено состоять при армии. В октябре 1802 назначен военным губернатором Выборга и инспектором кавалерии Финляндской инспекции. С февраля 1803 С.-Петербургский военный губернатор. В мае того же года назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка. Во время войны с Францией 1805 и 1806—1807 командовал корпусом, в 1806 находился при прусском короле Фридрихе-Вильгельме III для связи с русскими войсками. Был противником политики франко-русского сближения после Тильзитского мира. Тем не менее в октябре 1807 назначен чрезвычайным послом в Париж и находился на этой должности около года. Согласно данному поручению, добивался скорейшей эвакуации французских войск из Пруссии, где они находились в опасной близости к русским границам. Рекомендовал С.-Петербургу немедленно заключить мир с Турцией и организовать новую антифранцузскую коалицию с Пруссий и Австроией. По настоянию Наполеона был отозван из Парижа. После возвращения в Россию назначен инспектором рекрутских депо. В 1812 — командующий ополчением, формируемым в Нижегородской, Симбирской, Казанской, Вятской и Оренбургской губерниях. В начале 1813 участвовал с ополчениями этих губерний в походе до Варшавы и вошел с ними в состав польской армии. В сентябре—декабре 1813 командовал корпусом, участвовавшим в осаде и взятии Дрездена, а затем Магдебурга; за отличия награжден золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость». С января 1816 командовал 4-м пехотным корпусом. В августе 1823 назначен членом Государственного совета. С 1827 председатель Департамента военных поселений. Во время Русско-турецкой войны состоял главнокомандующим СПб. и Кронштадта. Во время Польской кампании 1831 во главе резервной армии успешно действовал в Литве. В 1834 назначен состоять при Особе Е.И.В. В 1839 вышел в отставку. Последние годы жил в Москве, где скончался. Удостоен всех высших российских орденов. По отзыву Ф.Ф. Вигеля, «граф Толстой был человек усердный, верный, на которого совершенно можно было положиться: русский в душе и русский по уму, т.е., как говорится, из проста лукав. Такие люди с притворною рассеянностью, как бы ничего не помня, ничего не замечая, за всем

следят глазами зоркими и наблюдательными, ни на минуту не теряя из виду пользы и чести своего отечества» (Федоренко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 446—447).

¹⁶ Войков Алексей Васильевич (09.12.1778 — 22.06.1825, с. Рассказово под Тамбовом), генерал-майор (с 21.11.1812), флигель-адъютант (с 1810). В 1796 окончил Московский университетский пансион с отличием. С 1797 на военной службе: в пехоте на адъютантских должностях. Ординарец у А.В. Суворова (1799) в ходе швейцарской кампании. Участник Русско-турецкой войны 1806—1812, кампаний с французами 1806—1807. Отличился в Русско-шведской войне 1808—1809. Директор Особенной канцелярии военного министра (29.09.1810—1811). С 19 марта 1812 — командир 3-й бригады 27-й пехотной дивизии. Участник Заграничного похода 1813—1814. С 1815 в отставке. Похоронен в Трегуляевском Предтечевом монастыре под Тамбовом (Российский архив. М., 1996. Т. VII. С. 339, 340, 638).

¹⁷ Закревский Арсентий Андреевич (13.09.1783, с. Берниково Зубцовского уезда Тверской губ. — 11.01.1865, Флоренция), граф, генерал от инфантерии (с 1829), генерал-адъютант (в 1813—1831 и с 1847). Из дворянского рода польского происхождения. Сын мелкопоместного дворянина Тверской губернии, поручика в отставке. С 1795 воспитывался в Гродненском (Шкловском) кадетском корпусе, из которого в 1802 выпущен прaporщиком в Архангелогородский мушкетерский полк (командир генерал-майор гр. Н.М. Каменский). Участвовал в войнах с Францией (1805—1807), отличился в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805). Во время боя спас Каменского от плена, предложив ему свою лошадь вместо убитой. Сближение с Н.М. Каменским положило начало карьере Закревского, который и в дальнейшем пользовался покровительством известного военачальника. В 1808 в качестве адъютанта сопровождал Каменского на русско-шведскую войну. После назначения Н.М. Каменского главнокомандующим русскими войсками в Молдавии с марта 1810 начальник его канцелярии. Отличился при взятии Шумлы (июнь 1810), штурме Руштука (июль 1810), получил контузию в ногу и руку. Перед смертью (май 1811) Каменский направил Закревского с личным письмом к Александру I, он был милостиво принят и в декабре 1811 назначен адъютантом к военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли с зачислением в лейб-гвардии Преображенский полк подполковником. Император Александр I благоволил к нему. В 1812 Закревский был произведен в полковники и 21 марта назначен директором Особенной канцелярии при военном министре. Созданная к этому времени Высшая военная полиция не могла не соперничать с Особенной канцелярией, что сказывалось и

на отношениях между двумя руководителями этих структур. Во время восенных действий находился в Действующей армии, отличился в сражениях под Витебском, Смоленском, в Бородинском сражении. Храбрость и исполнительность Закревского постоянно отмечались Барклаем-де-Толли. В составе Главной квартиры императора участвовал в Заграничном походе русской армии 1813—1814, в сражениях под Лейпцигом, Дрезденом, Кульмом. Отличился при взятии Парижа. В 1815 состоял при Александре I, являясь одним из его ближайших генерал-адъютантов. В декабре 1815 назначен дежурным генералом Главного штаба, ведал делами Инспекторского департамента (личный состав армии). Во время отсутствия кн. П.М. Волконского исполнял обязанности начальника Главного штаба, зарекомендовал себя хорошим организатором. Под влиянием А.А. Аракчеева, которого Закревский называл «вреднейшим человеком в России», был удален из СПб. с назначением в августе 1823 Финляндским генерал-губернатором и командиром Отдельного Финляндского корпуса. После вступления на престол Николая I в июне 1826 назначен членом Верховного суда над декабристами, но фактически в его работе не участвовал (уехал по домашним обстоятельствам в Москву), хотя подписал приговор суда. В декабря 1826 назначен сенатором. С апреля 1828 министр внутренних дел. На этом посту проявил склонность к твердым дисциплинарным мерам. В августе 1830 возведен в графское Вел. Княжества Финляндского достоинство. В сентябре 1830 на него было возложено руководство мерами по локализации и ликвидации холеры, появившейся в юго-восточных губерниях. В основу своей программы борьбы с холерой он положил создание системы карантинов, которые фактически способствовали распространению холеры и на население наводили ужас больший, чем сама болезнь. Неудача принятых мер (в 1831 холера появилась в Москве и СПб.), послужила причиной выхода в октябре 1831 в отставку со всех постов. Находясь в отставке, проживал в имениях, в Москве и за границей. В мае 1848 по протекции государственного канцлера К.В. Нессельроде (дочь Закревского вышла замуж за сына канцлера) получил назначение членом Государственного совета и Московским генерал-губернатором. «Человек умный, хитрый, малообразованный (он не только не владел иностранными языками, что было по тому времени большой редкостью, но даже плохо знал русскую грамматику), Закревский держал Москву в ежовых рукавицах. Тон и речь его отличались необыкновенным лаконизмом. Он разговаривал отрывистыми фразами и более задавал вопросы, избегал длинных рассуждений...» Своими действиями, самодурством, деспотизмом, постоянным

превышением власти Закревский снискал недобрую память в либеральных кругах столицы, получив прозвище Чурбан-паша. Вместе с тем, по признанию современников, отличался гостеприимством и широтой натуры, устраивал для московского общества балы, обеды, домашние спектакли и маскарады. Каждое важное историческое событие он отмечал каким-либо празднеством. В апреле 1859 уволен от должности генерал-губернатора. Непосредственной причиной отставки послужил скандал, разразившийся вокруг его дочери, которая, не разведясь с первым мужем (гр. Д.К. Нессельроде), обвенчалась с чиновником для особых поручений при Закревском. Последний не только знал об этом, одобрил брак и дал письменное разрешение на него, но и заставил одного из священников под угрозой ссылки в Сибирь совершить венчание и представил молодоженам загранпаспорта. Св. Синод признал брак незаконным. После отставки Закревский уехал за границу, где жил в семье дочери. Был кавалером всех высших российских орденов, до ордена Св. Апостола Андрея Первозванного включительно (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 470—472.*)

¹⁸ Багратион Петр Иванович (1765, Кизляр — 12.09.1812, с. Симы Юрьев-Польского уезда Владимирской губ.), князь, генерал от инfanterии (с 1809). Из грузинского княжеского рода, внук грузинского царевича Александра Иесссеевича Багратиона, переселившегося в Россию. Старший сын секунд-майора русской армии. Учился в Кизлярском училище для штаб- и обер-офицерских детей. Службу начал в 1782 сержантом в Кавказском полевом батальоне, сражался с горцами на Кавказе. В 1783 произведен в прапорщики. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791. В 1788 находился при осаде и штурме крепости Очаков. С 1789 по 1791 вновь воевал на Кавказе, был тяжело ранен. В 1792 и 1794 принимал участие в военных действиях в Польше. Будучи майором Киевского конно-сгерского полка, отличился при штурме предместья Варшавы. В октябре 1794 получил чин подполковника. В 1798 произведен в полковники. В феврале 1799 имп. Павел I, благоволивший к Барклаю, пожаловал его в генерал-майоры. Во время Итальянского и Швейцарского походов 1799 командовал авангардом союзной армии, отличился во всех крупных сражениях. 13 сентября овладел перевалом Сен-Готард, ранен картечью в бое под Гларусом. А.В. Суворов отзывался о нем как об «отличнейшем генерале, достойном высших степеней». Во время войны с Францией 1805 успешно командовал арьергардом русской армии, особенно отличился в бою при Шенграбене (ноябрь 1805), где 6 тыс. русских солдат под его командованием

сумели отразить все атаки корпуса маршала И. Мюрата в 30 тыс. человек. За этот бой, позволивший основным силам армии безопасно совершить отступление, в ноябре 1805 произведен в генерал-лейтенанты и удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени, минуя 4-ю и 3-ю степени. Затем участвовал в сражении под Аустерлицем (ноябрь 1805). В ходе боевых действий против французов 1806—1807, командуя 4-й дивизией, отличился в сражениях при Прейсиш-Эйлау (январь 1807), Гутштадте (май 1807) и Фридланде (июнь 1807). В Русско-шведской войне 1808—1809 21-я дивизия под командованием Барклая, действовавшая на юге Финляндии, нанесла ряд поражений шведским войскам. В марте 1809 корпус Барклая совершил переход по льду Ботнического залива на Аландские острова, за что в марте того же года он был пожалован в генералы от инfanterии. В мае 1809 — марта 1810 главнокомандующий Дунайской армией, которая успешно овладела рядом турецких крепостей и нанесла поражение турецким войскам. С августа 1811 главнокомандующий Подольской (с марта 1812 — 2-й Западной) армией. В начале Отечественной войны 1812 отважно оборонялся от превосходящих сил принца Жерома Бонапарта и маршала Л. Даву, затем искусственным маневром вывел свою армию к Смоленску на соединение с 1-й Западной армией генерала от инfanterии М.Б. Барклая-де-Толли. Однако Багратион не понимал необходимости отступления, осуществлявшегося Барклаем, обвинял последнего в трусости и измене, требовал перехода в наступление и решительного сражения. В ходе Бородинского сражения армия Багратиона, составлявшая левое крыло русских войск, стойко отражала атаки противника. Сам Багратион проявлял мужество и отвагу, был тяжело ранен осколком гранаты в бедро. Умер от гангрены. В июле 1839 его прах был перевезен на Бородинское поле. Кавалер всех высших российских орденов. «Среднего роста, худощавый, мускулистый брюнет с типичным грузинским лицом, на котором сильно выдавался орлиный нос, дававший повод к ряду острот, шуток и анекдотов, Багратион был нескрасив, но всей своей фигурой производил сильное впечатление: солдаты называли его “орлом”. Но еще более сильное впечатление производил он на окружающих славой своих подвигов и репутацией суворовского любимца и ученика». На этой почве им увлклась вел. княжна Екатерина Павловна (сестра Александра I). «Он был скромного и относительно спокойного характера, но иногда очень вспыльчив, хотя гнев его проходил быстро; зла не помнил и никогда не мстил. Благодаря своим боевым заслугам, а также заботливому отношению к солдатам и офицерам и неприхотливости в походной жизни (спал всегда одетым, не более 3—4 часов

в сутки, был неприхотлив в пище и жилье) Багратион пользовался большой популярностью и любовью в войсках» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 91—92).

¹⁹ Чуйкович Петр Андреевич (1783 — 17.08.1831), генерал-майор (с 1823). Из дворян Полтавской губернии. Окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус. На военной службе с 1797. Командир взвода Кронштадтского гарнизонного полка, в 1804—1807 состоял в Свите Е.И.В. по квартирмейстерской части. Участник военных кампаний против французов 1807 и турок 1807—1809. Вышел в отставку 21.03.1809. Принят на службу в Экспедицию секретных дел (Особенную канцелярию) Военного министерства (1810 — начало 1812 гг.). Экспедитор 1-го стола Экспедиции получал и обрабатывал разведывательные данные со всех концов Европы, писал аналитические записки, делал предложения об «учреждении шпионств» в различных пунктах, рассыпал маршруты для передвижения воинским частям на западной границе. В начале января 1812 Чуйкович П.А. составил «дислокационную карту» наполеоновских сил в Германии. В апреле 1812 сформулировал в письменном виде итоговые рекомендации для ведения войны против Наполеона: предложил отступать в глубь страны и затягивать военные действия из-за численного превосходства Великой армии. В апреле—июне 1812 находился в командировке с военно-дипломатической миссией в Пруссию, которую использовал для разведывательных целей. Обер-квартирмейстер корпуса Платова М.И. (06.07.1812—10.01.1813), Управляющий Особенной канцелярией (при Военном министерстве 10.01.1813—1815), вышел в отставку с мундиром (29.11.1816—21.10.1820). Вновь поступил на службу и причислен к канцелярии Главного штаба (21.10.1820—1821), командирован «по особенному поручению» на международный конгресс в Лайбах (ныне Любляна) (1821 — 25.10.1829), начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса (25.10.1829 —17.08.1831). Автор многих военно-исторических трудов, один из первых историков Отечественной войны 1812 г.

Сочинения: Чуйкович П. Покушение Наполеона на Индию 1812 г., или Разговор двух офицеров на аванпостах армий, с замечаниями и некоторыми приказами, отданными в французской армии. СПб., 1813; Чуйкович П. Рассуждения о войне 1812 г. СПб., 1813 (Российский архив. М., 1996. Т. VII. С. 41—57).

²⁰ Прендель Виктор Антонович (1766 г., Солурн, Тироль — 29.10.1852), генерал-майор (с 1831). Образование получил в коллегиуме братства св. Бенедикта. В 1781 бежал из учебного заведения и отправился в Венецию, где поступил на

службу в коммерческий дом одного знакомого банкира. Много путешествовал по Европе. Затем вступил в австрийскую армию. В октябре 1804 был принят в Черниговский драгунский полк штабс-капитаном. В 1805 назначен для особых поручений к М.И. Голенищеву-Кутузову. За участие в сражении при Аустерлице награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и произведен в капитаны. В 1806 находился при генерале А.П. Мелиссино на турецкой границе. В 1807 участник кампании против французов. В 1808 поступил адъютантом к дивизионному начальнику генералу Левизу. В 1809 — адъютант князя С.Ф. Голицына, командира корпуса, направленного в Галицию для совместных действий с французскими войсками против Австрии. Неоднократно выполнял военно-дипломатические и секретные поручения русского командования. В апреле 1810 г. был отправлен в Пруссию «для проверки слухов». В мае 1810 был произведен в майоры с переводом в Харьковский драгунский полк и назначен адъютантом к генералу от инфантерии Д.С. Дохтурову. В 1810—1811 — адъютант посла «генеральского звания» в Дрездене В.В. Ханыкова. В 1811—1812 совершил ряд поездок по странам Европы для сбора сведений о переброске французских войск к русским границам. В августе 1812 вернулся в Россию. С сентября этого же года командовал отрядом партизан. Участник Заграничного похода 1813—1814. В мае 1815 назначен комендантом Лейпцига. С 1816 по 1818 — комендант военной дороги в Альтенбурге, в Саксонии, и директор немецких лазаретов. В 1819 возвратился в Россию к Киевскому драгунскому полку. В январе 1820 был вызван в Главную квартиру 1-й армии в Киеве и состоял для особых поручений при главнокомандующем графе Остен-Саксене. В 1831 командирован в Галицию и произведен в генерал-майоры. В июле 1835 был уволен в отставку (*Колпакиди А., Север А.* Спецназ ГРУ. М., 2008. С. 87—88).

²¹ Брозин Павел Иванович (1783—1845), генерал-майор (с 1817), флигельадъютант (с 1813). На военной службе с 1802, участник кампаний с французами 1805—1807, Русско-шведской войны 1808—1809. В 1810—1811 — адъютант посла «генеральского звания» в Дрездене В.В. Ханыкова. С 1810 по май 1811 — адъютант посла «генеральского звания» в Мадриде Н.Г. Репнина. Участник Отечественной войны 1812 г. (Российский архив. М., 1996. Т. VII. С. 146).

²² Ренни Роберт (Роман) Егорович (12.04.1767 — 26.09.1832), генерал-майор. Уроженец г. Риги, из дворян шотландского происхождения. На военной службе с 1794. Участник голландской экспедиции 1799, Русско-французской войны 1805—1807. Адъютант посла «генеральского звания» в Берлине Х.А. Ливена

(1810—1811), доставлял ценные сведения русскому командованию, за что был награжден орденом св. Анны 2-й степни. В 1812 генерал-квартирмейстер 3-й Обсервационной армии. В отставке с 1816. Был отлично образован и отнесен к «числу храбрых, распорядительных и точных высших штабных чинов» (*Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г.* М., 2005. С. 225).

²³ Тейль фон (фан) Сераскеркен Федор Васильевич (1771(2) — 27.06.1826), генерал-майор (с 1813). По происхождению голландец. На русской службе с 1803. Адъютант посла «генеральского звания» в Вене П.А. Шувалова (1810—1811). Доставлял ценные сведения военного характера. Рекомендовал в случае нападения Франции на Россию «вести длительную и упорную войну», отступать, «избегать генерального сражения», действовать отрядами легкой конницы в тылу противника, стараться затянуть военные действия до зимы. Участник Отечественной войны 1812 и Заграничного похода 1813—1814. Посланник в Рио-де-Жанейро (с сентября 1819).

²⁴ Орлов Григорий Федорович (1790—1853), полковник (с 1818). На военной службе с 1805, участник кампании с французами 1807. В 1811 заменил Р.Е. Ренни на посту адъютанта посла в Берлине генерал-лейтенанта Х.А. Ливена. Во время Отечественной войны был прикомандирован к М.Б. Барклаю-де-Толли. Участвовал во многих сражениях, получил несколько ранений, под Бородино лишился ноги. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Во время Заграничного похода 1813—1814 — адъютант Барклая. «Уволен за ранами» в 1818 (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 222.*)

²⁵ Граббе Павел Христофорович (02.12.1789, Кексгольм на Ладожском озере — 15.07.1875), граф, генерал от кавалерии (с 1855), генерал-адъютант (с 1839). Из дворян, «сын титулярного советника лютеранского закона». В сентябре 1805 выпущен из 1-го кадетского корпуса в СПб. поручиком во 2-й артиллерийский полк. В 1806—1807 участвовал в войне с Францией. В сентябре 1808 г. произведен в поручики. Находился в Мюнхене (Баварское королевство) «в звании канцелярского при миссии служителя» (сентябрь 1810 — апрель 1812). В 1812 назначен адъютантом при командующем 1-й Западной армией М.Б. Барклае-де-Толли с зачислением в лейб-гвардии Конную артиллерию. Во время Отечественной войны находился в сражениях при Витебске, Смоленске, Бородино, Тарутино, Малоярославце, Вязьме, Красном. Участник Заграничного похода русской армии в 1813—1814. С декабря 1816 г. полковник с назначением в 10-ю конную роту.

В 1817—1822 — командир Лубенского гусарского полка, отставлен «за явное несоблюдение порядка военной службы» (март 1822), а августе 1823 принят вновь на службу с назначением полковником в Северский конно-егерский полк. В декабре 1825 арестован как член тайного общества «Союз благоденствия», содержался под арестом до июля 1826. Возвращен в свой полк, а с августа 1827 служил в Новороссийском драгунском полку. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829, был ранен пулей в ногу. Состоял начальником штаба 7-го, а затем 1-го пехотных корпусов. В 1831 участвовал в боевых действиях в Польше, был контужен. В 1832 назначен начальником 2-й драгунской дивизии. В 1837—1842 главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье. Оставил о себе память на Кавказе «как о человеке-рыцаре, отважном воине, но малоспособном генерале». Участвовал в Венгерском походе 1849, командовал особым отрядом, действовавшим в северных областях страны. В 1852 назначен членом Александровского комитета о раненых, но в 1853 вместе с другими членами этого комитета был предан суду «за бездействие власти», следствием чего явилась крупная растрата, совершенная директором канцелярии комитета, и лишен звания генерал-адъютанта. С началом Крымской войны 1853—1856 командовал пехотой и артиллерией Кронштадтского гарнизона, в 1854 назначен и.д. военного губернатора г. Ревеля и командующим войсками в Эстляндии, вновь пожалован в генерал-адъютанты. В 1862—1866 наказной атаман Войска Донского. Управление Граббе Областью войска Донского ознаменовалось сокращением службы казаков с 25 до 15 лет. В октябре 1866 указом императора Александра II возведен с нисходящим его потомством в графское Российской империи достоинство. С 1866 член Государственного совета. Кавалер всех высших российских орденов. Граббе был «высокого роста, стройный, самой нарядной наружности, от природы наделенный пышным красноречием, в обществе смелый до дерзости, он с первых офицерских чинов стал в положение, на которое ему не давало право ни его воспитание, ни образование, ни происхождение... Дар красноречия у Граббес был развит до высшей степени, прекрасное его лицо оживлялось, синие глаза блестели, благозвучный голос принимал прекрасную интонацию, и слушатель до того очаровывался, что не было возможности логически разбирать сказанное им». Генерал от инfanterии К.Ф. Толь писал о нем в 1831: «Весьма образованный генерал — благороден в действиях своих — блестательной храбости, холоден в действии против неприятеля и потому весьма распорядителен среди

самой большой опасности. Знает употребление всех родов войск и повсюду подает пример собой» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 343—344).

²⁶ Чернышев Александр Иванович (30.12.1785, Москва — 08.06.1857, Кастелламаре-ди-Стабия, близ Неаполя), генерал от кавалерии (с 02.10.1827), генерал-адъютант (с 22.11.1812). Из старинного дворянского рода, известного с конца XV в. Сын сенатора, генерал-поручика И.Л. Чернышева от брака с Евдокией Ланской (сестрой фаворита имп. Екатерины II А.Д. Ланского). В детстве записан в военную службу вахмистром в Конную гвардию. Получил домашнее образование под руководством аббата Перрена. Камер-паж (с 1801). В сентябре 1802 произведен в корнеты Кавалергардского полка. В июне 1804 назначен адъютантом к шефу полка генерал-адъютанту Ф.П. Уварову. Участвовал в кампаниях против французов 1805 и 1807. В ноябре 1806 произведен в штабс-ротмистры. За храбрость, проявленную в рядах сражений, удостоен золотой шпаги с надписью «За храбрость» и ордена Св. Георгия 4-й степени. В 1808—1812 выполнял важные дипломатические поручения во Франции и Швеции, состоял адъютантом Александра при Наполеоне (1810—1812). В 1810 произведен в ротмистры, а в ноябре этого же года получил чин полковника. 13 февраля 1812 покинул Париж. В начале Отечественной войны 1812 состоял комендантом Главной квартиры императора Александра I и являлся начальником конвоя императора. В конце Отечественной войны командовал партизанским отрядом. Имел ряд успехов, в том числе освободил из плена «первого партизана» генерала Ф.Ф. Винцингероде. В ноябре 1812 «за успешные действия по возлагаемым на него поручениям и благородное исполнение отважной экспедиции» произведен в генерал-майоры и пожалован в генерал-адъютанты. В конце декабря 1812 разбил под Мариенвердером войска принца Евгения Богарне. В начале 1813 он со своим партизанским отрядом «тревожил» неприятеля на левом берегу Одера. В 1813 за взятие Берлина награжден орденом Св. Георгия 3-й степени; с тех пор стал пользоваться в Германии большой популярностью. Отличился затем при взятии Люнебурга и Касселя, командовал кавалерийским рейдом в Вестфальское королевство. В феврале 1814 за отличие при штурме Суассона (во время которого взял в плен 3 генерала, 180 офицеров и свыше 3 тысяч солдат противника) получил чин генерал-лейтенанта. В 1814 находился при Александре I во время его пребывания в Париже, в июле этого же года сопровождал императора в Англию, а затем на Венский конгресс. В 1815 во время второго Заграничного похода, командуя передовым отрядом, захватил г. Шалон. После возвращения в Россию состоял в качестве

генерал-адъютанта при Александре I. Член (1819—1821), председатель Комитета (1821—1835) об устройстве Донского войска. Начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии (декабрь 1821—1826). В конце 1825 был командирован во 2-ю армию для ареста одного из руководителей декабристов полковника П.И. Пестеля, член Следственной комиссии по делу декабристов (1826—1827 гг.). В историю вошла фраза, сказанная им С.Г. Волконскому: «Стыдитесь, генерал-майор князь Волконский, прaporщики больше показывают». В том же 1826 с нисходящим его потомством возведен в графское Российской империи достоинство, сенатор (1826). В феврале 1827 назначен товарищем начальника Главного штаба Е.И.В. а в сентябре — управляющим Военным министерством (02.10.1827 — 1828). В октябре того же года произведен в генералы от кавалерии. Управляющий Главного штаба Е.И.В. (1828—1832). Военный министр (май 1832 — 26.09.1852). При Чернышеве власть военного министра была существенно расширена: в его руках сосредоточилось «главное начальство над всеми отраслями военного управления», и он стал единственным докладчиком императору Николаю I по всем делам военного ведомства. Чернышев провел ряд преобразований в армии. Были изданы уставы: управления армией в мирное и военное время, рекрутский, военно-уголовный и госпитальный; положение о казачьих войсках и т.д. Учрежден Военная академия (1832), 8 кадетских корпусов и аудиторское училище. В 1841 закончено военно-статистическое описание империи по губерниям и областям. В течение этого времени было воздвигнуто много крепостей и укреплений (в том числе, в Александрополе, Варшаве, Новогоргиевске, Иван-городе, Брест-Литовске). Проведено было общее преобразование армейской пехоты, кавалерии и всей артиллерии. Резервные батальоны были отделены от действующих и образованы 6 резервных дивизий. Срок службы с 25 лет был сокращен до 15 и 20 лет (для отдельных категорий призывников). Улучшено положение офицеров: им было увеличено жалованье и столовые деньги; с 1832 всем офицерам разрешено носить усы. Принят ряд мер по упрощению снаряжения и обмундирования солдат. С 1842 в войска начало поступать на вооружение нарезное оружие. В апреле 1841 возведен с нисходящим его потомством в княжеское Российской империи достоинство, а в августе 1849 ему был пожалован титул Светлости. К осени 1848 здоровье Чернышева значительно пошатнулось вследствие перенесенного им удара, но, несмотря на это, в ноябре 1848 он был назначен председателем Государственного совета (с 1848 по 1856) и Комитета министров с сохранением прежних должностей. Современники не жало-

вали Чернышева-министра. По словам гр. М.А. Корфа, «нельзя не упомянуть, что при всем его высокомерном самовластии и при такой опытности, которую должно было предполагать в нем после столь долговременной карьеры, он всегда был слепо доверчивым игралищем канцелярий. С очень обыкновенным образованием, без высших сведений, без самостоятельного круга мыслей, без высших государственных идей... он необходимо должен был покоряться влиянию других». Вину ему ставили поражение в Восточной (Крымской) войне 1853—1856. Светское общество осудило его за попытки присвоить майорат, законным наследником которого являлся его дальний родственник декабрист, сосланный в Сибирь. Бессспорно одно: на протяжении всей своей жизни А.И. Чернышев преданно служил Отечеству. Женат трижды: на кнж. Теофиле Игнатьевне Радзивилл, урожд. Моравской; на кнж. Елизавете Александровне Белосельской-Белозерской (1803—1804); с 1825 на гр. Елизавете Николаевне Зотовой (1808—1872). От второго брака имел сына, светл. кн. Льва Александровича (1837—1864). От третьего брака имел трех сыновей, умерших в детстве, и трех дочерей. Умер 08.06.1857 г. в Кастелламаре-ди-Стабия, близ Неаполя. Похоронен в селе Петровском Московского уезда (*Алексеев Михаил. Наш человек в Париже // Родина. 1996. № 6; Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 521—523.*)

²⁷ Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838), князь Беневентский (1806—1815), герцог Дино (1817). Из старинной аристократической семьи, учился в духовной семинарии, был аббатом, генеральным викарием в Реймсе. В 1788 назначен епископом Отенским. В 1789 был избран в Генеральные штаты депутатом от духовенства, но примкнул к представителям третьего сословия. Провел декрет о превращении церковных земель в национальное имущество. В 1792 ездил в Англию с целью расположить английское правительство к союзу с Францией. «На всякий случай» поддерживал тайные связи с двором, опасность разоблачения которых заставила покинуть страну. После свержения монархии был объявлен эмигрантом. В 1794—1796 находился в Америке. Воспользовался амнистией и возвратился во Францию, где был назначен министром внешних сношений. Желая изолировать Англию и разрушить антифранцузскую коалицию, от имени Директории завязал секретные переговоры о мире с русским императором Павлом I, которые продолжались в течение второй половины 1797 и начала 1798. Переговоры были прерваны Павлом I, приступившим к созданию новой антифранцузской коалиции и устранившимся от активного

участия в войне с Францией. Не желая компрометировать себя службой в правительстве, в скором падении которого он был убежден, в 1799 подал в отставку. После возвращения Наполеона из Египта принял активное участие в подготовке и осуществлении государственного переворота (18 брюмера), в результате которого Наполеон стал первым консулом. Вновь назначен министром внешних сношений (11.1799 — 08.1807). Считал опасным безудержное продолжение завоевательской политики Наполеона. В 1805, после победы под Аустерлицем, предложил Наполеону создать франко-австрийской союз с целью предотвратить возможность образования новых европейских коалиций против Франции. Талейран понимал пагубность проводимой континентальной блокады, выступал против вторжения в Испанию, предпочел своевременно отойти от Наполеона. В отставке с 10.08.1807. После Эрфурта выдавал за вознаграждение правительству России и Австрии государственные секреты (с 1807). В 1809 Наполеон, до которого дошли слухи об интригах Талейрана, окончательно отстранил его от дел. В 1809—1814 продолжал не безвозмездно давать советы России и Австрии. Поход Наполеона в Россию был расценен Талейраном как «начало конца». В 1813 Талейран отклонил предложение Наполеона вновь принять на себя управление иностранными делами и приступил к подготовке почвы для возвращения во Францию Бурбонов. В качестве главы первого правительства реставрации вел переговоры с участниками антифранцузской коалиции, завершившиеся заключением Парижского мирного договора (май 1814). Тайными интригами добился заключения секретного союзного договора между Францией и Англией, направленного против России и Пруссии. Не поддержал Наполеона во время его «стодневного» правления (март—июнь 1815). После второй реставрации Бурбонов руководитель делегации на Венском конгрессе, возглавил правительство (июль—сентябрь 1815). Вынужден был подать в отставку, так как Россия и Пруссия, узнав о его интригах, отказались вести с ним переговоры. Примкнул к сторонникам Орлеанского дома, а после свержения Бурбонов (1830) содействовал укреплению шаткого международного положения новой династии. Во время бельгийской революции 1830 Талейран считал, что превращение Бельгии в нейтральное независимое государство отвечает интересам Франции. Сформулировал принцип «ненавмешательства», направленный против стран Священного союза, которые намеревались силой восстановить Голландию в границах, определенных Венским конгрессом 1815.

Посол в Англии (1830—1834). В отставке с 13.11.1834 (Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950. С. 790—794).

²⁸ Убри Петр Яковлевич (1774—1847), действительный тайный советник (с 1 января 1811). Сын выходца из Франции. С 1783 — на службе в Коллегии иностранных дел. С 28 января 1801 — секретарь русской миссии в Берлине. С 3 января 1802 — секретарь посольства в Париже. С ноября 1803 по сентябрь 1804 — временный поверенный в делах посольства в Париже. Отозван в Россию, состоял при министре иностранных дел России А.А. Чарторыйском. 19 апреля 1806 послан во Францию со специальной миссией для подготовки проведения мирных переговоров, которая оказалась неудачной. — Убри заключил договор, выйдя за пределы данных ему полномочий, в результате чего документ не был ратифицирован Александром I. 1806—1809 — в отставке. В 1809—1812 — поверенный в делах, секретарь миссии в Берлине. С 12 октября 1812 — в канцелярии министра иностранных дел, в 1817—1824 — неоднократно управлял Коллегией иностранных дел. С 8 августа 1823 по 5 апреля 1824 временно управлял Министерством иностранных дел. 1824—1825 — посланник в Мадриде, 1835—1847 — посланник при Германском союзе и в Гессен-Касселе. 1841—1847 — посланник в Гессен-Дармштадте.

²⁹ Нессельроде Карл Васильевич (Карл-Роберт) (02.12.1780, Лиссабон — 11.03.1862, СПб.), граф, канцлер (с 1845). Из старинного германского рода, восходящего к XIV в. Единственный сын гр. Максимилиана-Юлия-Вильгельма-Франца Нессельроде, в 1778 перешедшего на русскую службу и состоявшего посланником в Португалии и Пруссии, от брака с Луизой Гонтар, дочерью богатого купца-еврея из Франкфурта-на-Майне. Учился в гимназии в Берлине. В 1788 записан мичманом в русский флот. В 1796 прибыл в Россию и поступил на службу на Балтийском флоте. 6 декабря 1796 произведен во флигель-адъютанты, 19 декабря этого же года переведен поручиком в л.-гв. кавалерийский полк. 9 июля 1799 — полковник и командир эскадрона в этом полку. В этом же году впал в немилость и по распоряжению императора Павла I уволен (16 января 1800) с военной службы. После вступления на престол Александра I поступил на дипломатическую службу в Коллегию иностранных дел. С 13 августа 1801 назначен в российскую миссию в Берлин (состоял сверх штата), а с 1802 — в Гааге. В 1807 участвовал в разработке условий Тильзитского мира. С 31 августа 1807 — советник посольства во Франции, занимался сбором секретной информации. В августе 1811 отзван в Россию, на-

значен статс-секретарем Е.И.В. Выступал активным сторонником австро-пруссской ориентации во внешней политике. В Отечественную войну 1812 и Заграничного похода русской армии 1813—1814 состоял при Александре I, начальник походной дипломатической канцелярии императора. В августе 1814 ему было повелено «продолжать докладывать Его Величеству по всем делам иностранного департамента, как то исполнялось во все течение последней с французами войны». Принимал активное участие в работе Венского конгресса (1814—1815). Министр иностранных дел (август 1816 — 15.04.1856). Член Государственного совета (с 05.06.1821), действительный тайный советник (12.12.1823). В 1826 входил в состав Верховного уголовного суда по делу декабристов. С марта 1828 — вице-канцлер. Главной целью внешней политики России считал решительное противодействие европейскому революционному движению. Для этого пытался реанимировать Священный союз после французской революции 1830. Находился под сильным влиянием австрийского канцлера кн. К. Меттерниха, которому он нередко уступал без особой борьбы. В 1849 способствовал вмешательству России в австрийские дела с целью подавления венгерского восстания. Явно переоценивал англо-французские противоречия, в том числе на Ближнем Востоке. С 17 марта 1845 — канцлер. Крымская (Восточная) война 1853—1856, когда Россия оказалась в международной изоляции, явилась подтверждением ошибочности внешнеполитического оценок Нессельроде и в целом внешнеполитического курса Российской империи. 15 апреля 1856, после заключения Парижского мира, уволен в отставку с оставлением членом Государственного совета. Почетный член Петербургской академии наук (1833). Удостоен всех высших российских орденов. В немногочисленном обществе он всегда носил темный фрак с портретом государя, украшенным алмазами, в петлице. «Сын исповедовавшей протестанство еврейки и немца-католика, пять раз менявшего подданство, крещенный по англиканскому обряду, рожденный в Португалии и воспитанный во Франкфурте и Берлине, до конца жизни не умевший правильно говорить и писать по-русски, Нессельроде был чужд той стране, национальные интересы которой он призван был отстаивать в течение 40 лет. По словам кн. П.В. Долгорукова, «человек ума не обширного, но необыкновенно хитрого и тонкого, ловкий и вкрадчивый от природы... его страстью были три вещи: вкусный стол, цветы и деньги... Этот австрийский министр русских иностранных дел не любил русских, и считал их ни к чему не способными, зато боготворил немцев» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 118—119).

³⁰ Лейзер (Лезер) Мориц-Людвиг де (1783 — после 1818), маркиз, полковник (с 1814). Французский эмигрант. На русской военной службе с 1800 в 4-м егерском полку. Участвовал в 17 сражениях с французами (1806—1807), награжден тремя орденами. Служил на адъютантских должностях у генералов Л.Л. Беннигсена и Д.С. Дохтурова. С 1810 откомандирован в распоряжение Военного министерства и был послан в Прибалтику как военный резидент на границу, где организовал агентурную сеть русской разведки. 24 марта 1812 произведен в подполковники, а затем назначен директором Высшей воинской полиции 2-й Западной армии. После неудачных действий русских войск под Смоленском был заподозрен в измене и 20 августа 1812 отправлен в Москву, а позднее сослан в Пермь. В 1813 признан невиновным, произведен в полковники за отличие в кампании 1812. С 1815 находился в составе русского экспедиционного корпуса во Франции «для исправления разных поручений». Уволен с военной службы в 1818 (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 217*)

³¹ Нейдгард Александр Иванович (25.10.1784 — 27.08.1845, Москва), генерал от инfanterии (с 1841), генерал-адъютант (с 1825). Из дворянского рода, происходящего из Австрии, один из представителей которого в конце XVII в. выехал в Россию, где поступил на военную службу. Сын действительного статского советника. Получил домашнее образование. Службу начал в 1798 подпрапорщиком во Фридрихсгамском гарнизоне. В 1803 переведен в Невский пехотный полк. В 1807 назначен адъютантом Рижского генерал-губернатора генерала от инfanterии гр. Ф.Ф. Буксгевдена, с которым совершил в этом же году поход в Пруссию. В 1808—1809 участвовал в Русско-шведской войне, за отличие был произведен в капитаны и награжден золотой шпагой. В 1809 служил в Черниговском пехотном полку. В начале 1812 переведен в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части, где занимался составлением обзора западных границ России. Во время Отечественной войны 1812 состоял при штабе корпуса генерал-лейтенанта гр. П.Х. Витгенштейна, участвовал в ряде сражений, был тяжело ранен в грудь навылет, за храбрость удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, а также чина подполковника. Участник Заграничного похода 1813—1814, был в сражениях при Дрездене, Кульме, Лейпциге и др. По окончании войны был командирован для обозрения границы России с Австрией. В 1816—1817 начальник штаба 4-го и 5-го пехотных корпусов. В январе 1818 произведен в генерал-майоры. В 1823—1831 начальник штаба Гвардейского корпуса. 14 декабря 1825, во время восстания декабристов в СПб., проявил

энергию и распорядительность в подавлении восстания. В ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 вместе с частями Гвардейского корпуса находился при осаде крепости Варна и за отличие произведен в генерал-лейтенанты. В апреле 1830 назначен и.о. генерал-квартирмейстера Главного штаба Е.И.В. с оставлением в должности начальника штаба Гвардейского корпуса. Во время подавления польского восстания 1830—1831 состоял при главной квартире Действующей армии, временно и.о. начальника штаба, участвовал в ряде сражений, в том числе при штурме Варшавы. По окончании военных действий, в октябре 1831, назначен заведующим Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и вновь возвратился к управлению Главным штабом Е.И.В. В 1832 находился с секретным дипломатическим поручением в Берлине. С 1834 — командир 1-го пехотного корпуса, с 1836 — командир расположенного в Москве 6-го пехотного корпуса. В 1841 — временно и.о. Московского военного генерал-губернатора. В октябре 1842 — январе 1845 — главноуправляющий Закавказским краем и командир Отдельного Кавказского корпуса. Предпринял ряд военных операций против горцев, без существенных результатов. В январе 1845 назначен членом Военного совета, но в связи с расстроенным здоровьем в июне того же года вышел в отставку, а через два месяца скончался. Удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками включительно. Современники остались разноречивыми отзывами о Нейдгарте. Согласно одним оценкам, «Нейдарт происходил из темного немецкого семейства, был брюзгливый маленький человечек, искательный и низкопоклонный до подлости перед сильными и влиятельными личностями...» Генерал-адъютант гр. Г.Ф. Толь, со своей стороны, писал: «Отличный корпусной командир быть может. ...имеет весьма хорошее образование, мягок в обхождении, любит подчиненными и уважает начальниками; храбр без опрометчивости и благороден во всех своих действиях» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 109—110).

³² Турский Иосиф Иванович (1767—1816) Из польских дворян, на русской военной службе с 1809 (принят по рекомендации А.А. Аракчеева). В 1810—1812 официально находился в отпуске в г. Белостоке «для излечения болезни», фактически был направлен туда М.Б. Барклай-де-Толли для организации разведки. Ему удалось в короткий срок создать агентурную сеть за границей. Своей деятельностью он способствовал выявлению наполеоновских эмиссаров на русской территории. В его сохранившихся многочисленных донесениях содержались ценные сведения

о политическом положении и военных силах Герцогства Варшавского, внутреннем состоянии русских губерний. Перед войной произведен в полковники. Во время войны находился в 3-й Обсервационной армии. В июне—июле 1812 командовал разведывательным отрядом и руководил агентурной сетью в Бресте и Белостоке. Ранен в сражении при Пружанах и был отправлен в Дубно. В 1813 находился в польской армии. Награжден серебряной медалью в память 1812 (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 230*)

³³ Гирс Константин Карлович (1779 — после 1837), капитан Московского пехотного полка. Выходец из шведского дворянского рода, на военной службе с 1801. Участник Русско-австрийско-французской войны 1805 и Русско-турецкой войны 1806—1812. В сентябре 1811, «как офицер надежный и знающий иностранные языки» (французский, немецкий), был направлен в г. Радзивиллов для ведения разведывательной работы. В 1812 был утвержден в должности военного полицмейстера города. Вместе с братом переправлял разведывательные донесения из стран Европы, так как во время войны Радзивиллов использовался как пункт связи. В 1812 занимался также передачей пропагандистских материалов русского командования за границу. За действия в 1812 награжден орденом Св. Анны 2-й и 1-й степени. С 1817 — на гражданской службе (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 209*).

³⁴ Гирс Карл Карлович (1777—1855), статский советник (отец будущего министра иностранных дел Н.К. Гирса). Выходец из шведского дворянского рода, с середины XVII в. состоявшего на русской службе. Воспитанник Ревельской гимназии. На гражданской службе с 1799. В 1805—1807 — почтмейстер корпуса Л.Л. Беннигсена. С 1809 почтмейстер г. Радзивиллова. Вместе с братом занимался разведывательной деятельностью и организацией пропаганды. Нашел способ привлечь к сотрудничеству редактора «Львовской газеты». За свою деятельность в 1812 получил орден Св. Анны 2-й степени (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 209*).

³⁵ Санглен Яков (Жак) Иванович де (1776 — 01.04.1864), действительный статский советник. Его отец, de Saint Glin, француз, как младший сын, был предназначен для духовного звания и был отдан в монастырь, откуда через некоторое время бежал, так как монашеская жизнь пришла к нему совершенно не по вкусу. Прибыл в Париж, где вступил в королевские мушкетеры. Однако вскоре поссорился с одним офицером, который обозвал его беглым монахом. Дело закончилось дуэлью, на которой отец Санглена заколол своего соперника. Спасаясь от судебного преследования, он бежал в Россию, где и остался на-

всегда, женившись на барышне французского происхождения. Я.И. Санглен, получив первоначальное воспитание в московских частных пансионах, в 1786 поступил в Ревельскую гимназию и, окончив шесть классов, «принят был в службу прaporщиком и определен переводчиком в штат вице-адмирала Спиридова». Воспользовавшись продолжительным заграничным отпуском, прослушал курс философии у проф. Платнера в Лейпциге и курс астрономии у проф. Боде в Берлине; затем по возвращении в Россию, после экзамена, был назначен в 1804 лектором немецкого языка в Московский университет на место проф. Гейма и открыл на русском языке курс публичных лекций по военным наукам и тактике. В 1806 назначен адъюнкт-профессором, а в следующем, 1807-м, оставив службу в университете, по предложению генерал-майора П.М. Волконского сопровождал его в течение более двух лет в заграничной командировке во Францию. Цель командировки — сбор сведений о французской армии и французском генеральном штабе. Вернувшись в 1809 в Россию, он был прикомандирован к военному министру А.А. Аракчееву. В 1810 перешел на службу в Министерство полиции, стал автором Устава нового министерства. Создал и возглавил Особенную канцелярию, занимавшуюся производством политического сыска на всей территории Российской. Своими докладами обратил на себя внимание императора Александра I, который приблизил его и давал ему неоднократно весьма важные секретные поручения. Н.И. Греч свидетельствовал в своих мемуарах: «Александр не доверял никому, даже своему министру полиции, и Санглен служил ему соглядатаем. Вечером и ночью посыпал за ним по секрету и спрашивал, что делается в министерстве». Играя не последнюю роль в интриге, жертвой которой сделался государственный секретарь М.М. Сперанский. Менее двух лет (вторая половина 1810 — март 1812,) собственно, и составили основу репутации Якова (Жака) де Санглена. Он был яркой и остроумной личностью, но современники, по свидетельству ряда мемуаристов, побаивались его даже и тогда, когда он был уже частным лицом и давно находился в отставке. Так, по словам Ф.Ф. Вигеля, автора «Записок» (М., 1892), Санглен наводил на окружающих страх. Вообще, атмосфера страха и тайны до конца окутывала личность де Санглена. Это была та невидимая завеса, которая фактически отделяла его от остального общества. С 17 марта 1812 — директор Высшей воинской полиции 1-й армии, а 17 апреля 1812 назначен директором Высшей воинской полиции при военном министре Барклае-де-Толли при сохранении за собой

прежней должности. В связи с оставлением Барклаем поста военного министра, 2 сентября, сдав все дела, выехал в Петербург, где до 1816 служил в Военном министерстве. Указом от 23 марта 1816 причислен к герольдии, с производством по 4 тыс. рублей ежегодно. Удалился в деревню Клинского уезда, где и доживал свой век в уединении, под конец жизни разбитый параличом и преследуемый теми же страхами, которые он сам наводил некогда на других как начальник тайной полиции. Санглен сумел приобрести доверие Николая I: в 1831 он был вызван в Петербург, и государь поручил ему заняться разбором доноса, поданного государю князем А.Б. Голицыным: «О иллюминатстве в 1831 г.» — фолианта громадных размеров, в котором объявлялись иллюминатами почти все лица, бывшие при Александре I и оставшиеся в живых при Николае I. Санглен представил государю подробную записку, в которой князь Голицын, автор доноса, был признан «фанатиком». Николай I остался доволен разбором «доноса на всю Россию», пожаловал Санглену бриллиантовый перстень в 2000 руб. и 3000 руб. ассигнациями, а князя Голицына выслал в Кексгольм. Санглен был весьма плодовитый и довольно популярный в свое время русский публицист и философ. В разные периоды своей жизни он отдавал дань разным литературным жанрам. В 1804 появился его перевод с немецкого «Отрывков из иностранной литературы»; вместе с проф. Рейнгартом он издавал в Москве в 1805—1806 гг. ежемесячный журнал «Аврора», в 1805 вместе с проф. Буле участвовал в издании «Ученых Ведомостей». Затем появились его сочинения: «О военном искусстве древних и новых времен», М., 1808; «Исторические и тактические отрывки», М., 1809; «Краткое обозрение воинской истории XVIII века», М., 1809; «В память графу А.И. Кутайсову», СПб., 1812; «Об истинном величии человека», 1814; «О храмах, жрецах, богослужении и проч., древних греков», ч. I, СПб., 1815. Затем в литературной деятельности Санглена наступил перерыв, и только в 1830 г. он написал: «Жизнь и мнения нового Тристрама», «Рыцарская клятва на гробе» и «Подвиги русских под Нарвою в 1700 г.», и затем, в 1843 — «Шиллер, Вольтер и Руссо». Кроме того, Санглен печатал свои статьи в «Трудах Московского Общества Истории и Древностей», а с 1845 сотрудничал и в «Москвитянине». Несмотря на весьма преклонный возраст, уже в 1860 начал писать «Записки — не для современников», в которых он успел охватить события с 1776 г. по 1831 г. «Записки Я.И. де Санглена» появились в печати почти через двадцать лет после смерти автора. Первая часть их посвя-

щена «Царствованию Екатерины II»; часть вторая — «Павлу и его времени», части III и IV «Записок» охватывают «Царствование Александра I» и начало царствования Николая I, до 1832 г. Как по детальному знанию закулисных пружин описанных событий, по искреннему тону автора, писавшего «не для современников», так и по богатству фактического материала и значительности охватываемого периода «Записки» Санглена составляют ценный вклад в отечественную историю.

³⁶ Розен Пётр Федорович (1778—1831), барон, действительный статский советник. В сентябре 1811 как сотрудник Особенной канцелярии Министерства полиции был направлен на границу с Пруссией с разведывательными задачами. В декабре 1811 — январе 1812 совершил поездку в Кенигсберг для сбора сведений. Переведен в Военное министерство и назначен помощником директора Высшей воинской полиции (04.03.1812). С 13 мая до середины июня этого же года находился в командировке на границе от Ковно до Бреста с целью сбора разведывательных данных о частях Великой армии. В июне—июле 1812 находился в командировке в районе Динабурга и Риги. После отъезда Санглена в Петербург был назначен директором Высшей воинской полиции Военного министерства и занимал этот пост до октября 1813. По представлению М.И. Кутузова «за старание об открытии известий о неприятеле» награжден в декабре 1812 орденом Св. Анны 2-й степени переименован в военные советники, а затем — в полковники. Участник Заграничного похода 1813—1814. В отставке (с 1820), продолжил службу в чине действительного статского советника по линии Министерства внутренних дел (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 225—226).

³⁷ Шлыков Петр Алексеевич (1780—1844), надворный советник. Из дворян, на гражданской службе с 1796. 10 марта 1812 откомандирован для особых поручений в Вильно от Министерства полиции. Во время Отечественной войны выполнил ряд разведывательных поручений.

³⁸ Лешковский Иван Антонович (1767 — после 1825), отставной поручик, из польских дворян. С 1811 сотрудник Министерства полиции. В апреле 1812 был откомандирован в распоряжение М.Б. Барклая-де-Толли. С 5 июля вновь принят на воинскую службу поручиком и определен в штат Высшей воинской полиции Военного министерства. Во время войны выполнил ряд разведывательных поручений в районе Смоленска, а с 4 августа находился при 1-м Отдельном корпусе в авангарде для связи с агентурой и сбора сведений о противнике. В сентябре был отправлен курьером в

Главную квартиру русской армии. В 1813—1815 состоял в штате Высшей воинской полиции при Военном министерстве (*Безотосный В.М. Указ соч. С. 218*).

³⁹ Вейс Андрей, надворный советник, виленский полицмейстер. В 1812 активно сотрудничал с директором Высшей воинской полиции Военного министерства Я. Сангленом. «Вейс отличный работник, — писал о нем Санглен, — но только его нужно всегда подталкивать: он не станет ничего предпринимать, не получив предварительно четкой инструкции, но зато выполнит ее неукоснительно. Полицмейстер Вильны — идеальный исполнитель, что, конечно, отлично, но иногда этого оказывается недостаточным». Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени без банта. В начале войны был прикомандирован к Высшей воинской полиции 1-й Западной армии. Пропал без вести под Полоцком.

⁴⁰ Бистром Эдвард Антонович (? — 22.09.1812), майор, полицмейстер г. Ковно. Привлекался к деятельности Высшей воинской полиции. Первым сообщил о переправе наполеоновских войск через р. Неман. В начале Отечественной войны был принят в штат сотрудников Высшей воинской полиции с зачислением в Литовский уланский полк. Выполнял ряд разведывательных заданий командования. Смертельно ранен под Бородином (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 203*).

⁴¹ Протопопов, титулярный советник. В 1812 — начальник канцелярии Высшей воинской полиции Военного министерства, доверенный сотрудник Я. Санглена. После оставления Москвы выехал в Петербург. Находился в штате Высшей воинской полиции до 1815.

⁴² Валуа Карл Иванович (1787 — после 1826), из дворян Смоленской губернии, коллежский секретарь. В штате канцелярии Высшей воинской полиции Военного министерства (с 03.05.1812). «Он заклятый враг Бонапарта, — писал о Валуа Я.И. де Санглен, — предан нашему государю и до величайшей тонкости знает канцелярскую работу. Так что хаос, царивший в бумагах, относящихся до ведомства военной полиции, почти уже исчез. Кстати, Валуа привел в идеальнейший порядок все документы, связанные с тремя днями пребывания в Вильне графа де Нарбонна. Он отлично рассортировал донесения агентов, и эти материалы я хочу приобщить теперь к моему дневнику». При отступлении русских войск находился при Главной квартире. При возвращении в Петербург попал в плен (с 03 по 29.09.1812). До 1815 служил в штате Высшей воинской полиции 1-й армии. В 1815 назначен сотрудником Высшей воинской полиции в Варшаве. После 1825 на службе в Красноярске.

⁴³ Петрусович, студент. В 1812 принят в штат канцелярии Высшей воинской полиции Военного министерства. После оставления Можайска сопровождал архив канцелярии до Петербурга.

⁴⁴ Саван Давид (1761 — после 1813), отставной ротмистр русской армии. Коренной француз, его подлинная фамилия — Savant, что в переводе означает «знаток». На русской воинской службе с 1788. Участник Русско-турецкой войны 1787—1791 (штурм Очакова и Измаила), кампаний 1792 и 1794 в Польше. Проживал с семьей в Герцогстве Варшавском. Выйдя в отставку, хотел получить место учителя. Начальник генерального штаба польской армии генерал Фишер обещал помочь в подыскании места работы, но поставил условие — Саван должен будет выполнять поручения французского резидента барона Биньона в Варшаве. Саван, находившийся в безвыходном положении, вынужден был принять предложение генерала Фишера. На службе в полиции г. Варшавы. Отправлен с разведывательными задачами в Россию (в район Прибалтики). После перехода границы добровольно явился к русскому командованию и дал согласие сотрудничать в пользу России. С его помощью перед Отечественной войной 1812 удалось выявить ряд агентов наполеоновской армии. Во время приезда в Вильно личного посланника Наполеона к Александру I Луи Нарбонна передал дезинформационные материалы. В начале войны отправлен вместе с сыном в Казань. Савану была назначена ежегодная пенсия в 1 тыс. рублей.

⁴⁵ Бартц Андрей (1790 — после 1826), сын московского купца 1-й гильдии, коллежский асессор. В июне 1812, после увольнения с должности цолнера Гониондской таможни, определен сотрудником Высшей воинской полиции 1-й Западной армии. В начале войны по приказу Барклая-де-Толли был отправлен для сбора сведений в Белосток, где попал в плен и находился в г. Данциге. В феврале 1813 был обменен на французского полковника. В 1813—1814 продолжал служить в Высшей воинской полиции. В 1813 был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени без банта. В 1814 исполнял обязанности директора Высшей воинской полиции. В 1824 освобожден от занимаемой должности. Проживал в Одессе (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 203).

⁴⁶ Закс Янкель, уроженец Виленской губернии. В сентябре 1812 принят в штат чиновников Высшей воинской полиции 1-й Западной армии, выполнил ряд поручений командования по сбору разведывательных сведений. Награжден медалью «За усердие» (Безотосный В.М. Указ. соч. С. 212).

⁴⁷ Кемпен Егор Гаврилович (1775—1823), полковник. Из эстляндских дворян, на военной службе (с 1791). Участник Швейцарского похода 1799, войн с Францией 1805—1806, уволен в отставку в чине подполковника «за ранами с мундиром». С конца 1811 привлекался Лейзером к разведывательной работе, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. 27 мая 1812 был вновь принят на службу подполковником и зачислен в штат Высшей воинской полиции. В июле 1812 был отправлен в Мозырь для организации разведывательной работы в Белоруссии и Литве. 12 декабря этого же года был назначен военным комендантом г. Kovno. В 1815 награжден чином полковника и назначен управляющим отделения Высшей воинской полиции в Варшаве (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 212*).

⁴⁸ Ланг Карл Федорович (1765 — после 1817), отставной капитан русской армии. Уроженец г. Риги, на военной службе с 1782. Участник Русско-турецкой войны и Швейцарского похода 1799. Вышел в отставку в 1808, проживал в Пруссии. Выполнял разведывательные задания русского генерального консула в Пруссии. В 1812 вновь принят на службу и зачислен в штат Высшей воинской полиции 1-й Западной армии помощником директора. Во время войны командировался на передовые позиции для взятия «языков» (доставил в течение кампании 30 пленных). Участник боев при Смоленске, Бородино и Тарутино, был ранен в ногу. Во время Заграничного похода 1813—1814 занимал ту же должность в штате Высшей воинской полиции. В отставке с 1816 (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 217*).

⁴⁹ Ривофиннalli (Правода-Финоли) Винцент, уроженец Ломбардии. Бывший ротмистр австрийской армии, владел восемью языками. В 1812 был принят тем же чином в русскую армию по рекомендации Тейля фон (фан) Сераскеркена. Некоторое время являлся адъютантом М.Б. Барклай-де-Толли. В битве при Бородино получил три контузии и был прикомандирован к высшей воинской полиции 1-й Западной армии. В октябре 1812 выполнил ряд разведывательных заданий. Отличился под Малоярославцем, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1813 служил в Российско-немецком легионе (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 225*).

⁵⁰ Винцингероде Фердинанд Федорович (04.02.1770, Боденштейн, Саксония — 1818, Висбаден, Бавария), фон, барон, генерал от кавалерии (с 1813), генерал-адъютант (с 1802). Из дворян Вел. герцогства Гессенского. Службу начал в гессенской армии. С 1790 — в австрийской армии. В 1797 перешел на службу майором в Орденский кирасирский полк. В 1798 переведен в лейб-гвардии Измайловский полк, получил чин полковника и назначен адъютантом вел. князя

Константина Павловича, при котором состоял во время Итальянского похода 1799. В 1805 участвовал в войне с Францией. При отступлении русской армии в ноябре 1805 по поручению главнокомандующего М.И. Кутузова вел переговоры о перемирии с французами с целью затянуть время, вследствие чего русская армия выиграла два перехода. С 1807 — на службе в австрийской армии, участвовал в боевых действиях против французов, в 1809 был ранен картечью с раздроблением ноги. Получил чин фельдмаршал-лейтенанта австрийской службы. С 1812 вновь в русской армии. Назначен командовать «летучим» (партизанским) отрядом для действий на коммуникациях противника. После вступления французов в Москву перекрыл Тверскую дорогу и вел партизанские действия на Ярославской, Дмитровской и Рузской дорогах (действовал в тылу и на флангах противника, проводил разведку, захватывал фуражиров и мародеров). Узнав, что французскому губернатору Москвы маршалу Мортье отдан приказ взорвать русскую столицу, отправился под белым флагом для переговоров. Был взят в плен и едва не повешен как изменник по приказу Наполеона, посчитавшего, что он является подданным Рейнского союза, объединения ряда германских государств, находившихся под протекторатом французского императора. Казнь была отменена, и Винцингероде был отправлен под конвоем во Францию. Однако по дороге был отбит партизанским отрядом под командованием полковника А.И. Чернышева. В конце 1812 и в ходе Заграничного похода 1813—1814 командовал корпусом. Преследовал отступавшего противника через Герцогство Варшавское; в феврале 1813 под Калишем разгромил корпус генерала Ж.Л. Ренье, за что был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени; в марте 1813 занял Дрезден и Лейпциг. Отличился в сражении под Люценом и в «Битве народов» под Лейпцигом (октябрь 1813), при взятии Парижа (март 1814). По окончании военных действий командовал 2-м кавалерийским резервным корпусом в составе 1-й армии, принял участие в Заграничном походе русской армии 1815. Командовал Отдельным Литовским корпусом (с 1817). Кавалер высших российских орденов Св. Александра Невского и Св. Владимира 1-й степени. В 1818 выехал в Баварию для свидания с родственниками и скончался. По словам вел. князя Николая Михайловича, это «был первый иностранец, вошедший в милость Александра с начала царствования и сохранивший таковую до конца наполеоновской эпохи. ...по правде говоря, не отличался никакими высокими качествами, могущими оправдать такое высокое доверие» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 207—208).

⁵¹ Орлов Михаил Федорович (25.03.1788 — 1842), генерал-майор (с 1814). Внебрачный сын графа Ф.Г. Орлова. Мать — полковница Т.Ф. Ярославова. Узаконен в правах вместе с двумя братьями после смерти отца указом Екатерины II от 27 апреля 1796. Воспитывался в частном пансионе аббата Николя. 27 августа 1801 зачислен «студентом» в Коллегию иностранных дел. 15 июля 1805 перешел на военную службу с зачислением в Кавалергардский полк стандарт-юнкером. 9 января 1806 произведен в корнеты за отличие в сражении под Аустерлицем. В 1807 сражался под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом, был награжден золотой шпагой. К началу Отечественной войны состоял поручиком в Кавалергардском полку. 2 июля 1812 назначен флигель-адъютантом императора Александра I. Участвовал в обороне Смоленска и в сражениях при Бородино, потом находился в партизанском отряде генерала И.С. Дорохова. Сражался под Малоярославцем, Вязьмой и Красным. В 1812 выполнил ряд дипломатических и разведывательных заданий командования. В 1813 находился в «летучем» отряде. В 1814, будучи в отряде генерала В.В. Орлова-Денисова, сражался при Шампобере, Труа, Арси-сюр-Об. При взятии Парижа заключил конвенцию с французским командованием о сдаче города союзникам. Был послан в Данию для урегулирования конфликта между Норвегией и Швецией. В 1815 участвовал во втором походе во Францию. 13 июня 1817 был назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса. В 1817 познакомился с А.С. Пушкиным, был членом литературного общества «Арзамас». 3 июня 1817 получил в командование 16-ю пехотную дивизию. Один из основателей декабристского общества «Орден русских рыцарей». Разрабатывал широкую программу либеральных свобод (введение конституции, отмена крепостного права, введение суда присяжных, свободы слова). Руководил Кишиневской управой тайного общества. За Орловым был учрежден секретный надзор. Под предлогом ослабления дисциплины в дивизии его отстранили от должности. В декабре 1825 после восстания декабристов был арестован в Москве и заточен в Петропавловскую крепость. Благодаря заступничеству своего брата — генерал-адъютанта, генерал-майора А.Ф. Орлова (первый привел к Николаю I лейб-гвардии Конный полк и повел его в атаку против мятежников), не понес тяжелого наказания. Был лишь отставлен от службы и должен был проживать в своей деревне в Калужской губернии под надзором полиции. В 1831 получил разрешение вернуться в Москву (*Колпакиди А., Север А.* Указ. соч. С. 85—86).

⁵² Давыдов Денис Васильевич (16.07.1784, Москва — 22.04.1839, д. Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губ.), генерал-лейтенант (с 1831). Из древнего дворянского рода, восходящего к татарскому мурзе Минчаку, выехавшему в Москву в начале XV века. Родился в семье командира Полтавского легкоконного полка. В 1793 обратил на себя внимание самого А.В. Суворова, который благословил его, сказав: «Ты выиграешь три сражения». В 1801 начал службу эстандарт-юнкером Кавалергардского полка. В 1802 был произведен в корнеты. Стал известен как поэт, создатель особого стихотворного стиля — «гусарской лирики». В 1804 за сатирические басни переведен поручиком в Белорусский гусарский полк. Ставшие широко известными стихи создали ему славу «пьяницы-гуляки», «сорви-головы», «рубахи-парня». В 1806 зачислен в лейб-гвардии Гусарский полк и назначен адъютантом генерала кн. П.И. Багратиона. В 1806—1807 участвовал и отличился в войне с Францией, в Русско-шведской войне (1808—1809), в военных действиях против турок на Дунае (1809—1812). В апреле 1812 переведен подполковником в Ахтырский гусарский полк, прославился своими храбрыми действиями в тылу противника. В 1813 отряд Давыдова вошел в состав корпуса ген. Ф.Ф. Винцингероде. По собственной инициативе провел набег на Дрезден и заключил договор о капитуляции французского гарнизона. За этот поступок был отстранен Винцингероде от командования, а его отряд расформирован. Ходатайство о предании его суду за самоуправство не было удовлетворено, Александр I вернул его в армию, но только осенью 1813 Давыдов получил в командование два казачьих полка. С 1814 — командир Ахтырского гусарского полка в авангарде Силезской армии. В 1815 — командир бригады 1-й драгунской дивизии. С 1816 — командир 2-й гусарской дивизии. В 1818 — начальник штаба 7-го пехотного корпуса, в 1819 — начальник штаба 3-го пехотного корпуса. В 1820 — отправлен в длительный отпуск. В 1823, после того как не состоялось его назначение начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса (о чем просил и генерал А.П. Ермолов), вышел в отставку. В этот период он издал ряд сочинений, получивших известность: «Опыт теории партизанских действий», «Дневник партизанских действий 1812 г.», «Разбор трех статей в записках Наполеона». Одновременно Давыдов не оставлял поэзии, писал стихи, подружился с Пушкиным, Вяземским, Языковым, Баратынским. А.С. Пушкин подшучивал над ним: «Военные думают, что он отличный писатель, а писатели утверждают, что он отличный генерал». В 1826 вернулся на военную службу. Участвовал в Русско-персидской войне (1826—1828), в подавлении

польского восстания 1830—1831. В отставке с 1832, поселился в своем имении в Симбирской губ. Писал мемуары, боролся с цензурой, урезавшей его статьи (*Колпакиди А., Север А.* Указ. соч. С. 73—74).

⁵³ Фигнер Александр Самойлович (1787—1813), полковник (с 1813). Из семьи обрусевших германских дворян. В 1805 выпущен из кадетского корпуса в артиллерию. В 1805—1806 участвовал и отличился в экспедиции против французов на Средиземном море. С 1810 по 1811 участвовал в Русско-турецкой войне (1806—1812), отличился в штурме Туркуая, в блокаде и взятии Рушук. Получил назначение в 11-ю артиллерийскую бригаду, которая дислоцировалась под СПб. В начале Отечественной войны в звании поручика командовал артиллерийской ротой. Участвовал в обороне Смоленска. За мужество и храбрость М.Б. Барклаем-де-Толли был произведен в штабс-капитаны на поле боя. Прославился своими храбрыми действиями в тылу противника в 1812, произведен в подполковники с переводом в гвардию. Участник Заграничного похода 1813. Погиб при попытке переплыть реку Эльба в районе Дессау (Саксония).

⁵⁴ Сеславин Александр Никитич (1780, село Есемово Ржевского уезда Тверской губ. — 25.4.1858, там же), генерал-лейтенант (17.8.1820). Из древнего дворянского рода, известного с начала XVI в. Сын ржевского городничего. Образование получил в Артиллерийском и Инженерном Шляхетском корпусе. Службу начал 18 февраля 1798 поручиком лейб-гвардии артиллерийского батальона. Участвовал в кампаниях 1805 и 1807. Был ранен в сражении при Фридланде и после этого оставил службу. В июне следующего года представляется в Артиллерийский департамент Военного министерства документ: «Мнение о необходимости снарядных выюков для летучей артиллерии», в котором он предложил ввести на строевых артиллерийских лошадях снарядные выюки. В 1810 поступил волонтером в Молдавскую армию, участвовал в боях против турецких войск. Прославился выдающейся храбростью. С 13 июля 1810 участвовал в блокаде крепости Рушук. При штурме крепости 22 июля был тяжело ранен пулей в правое плечо, а беспримерная храбрость принесла ему чин капитана. «Вернулся в российские пределы 28 февраля 1811 г.» — записано в его формулярном списке. Шесть месяцев находился на излечении и 12 декабря 1811 определен адъютантом к военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли. В этой должности вступил в Отечественную войну, одновременно числясь в списках 1-й батареи гвардейской конной артиллерии капитана Ростислава Захарова. Принимал активное участие в арьергардных боях 1-й Западной армии в июле и

августе 1812. За успешные действия под Смоленском награжден золотой шпагой «За храбрость». Проявил необычайную храбрость в Бородинском сражении. За мужество, «искусную постановку батарей в боевых линиях и за участие в отнятии Ермоловым центральной батареи» награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Во время ожесточенного боя за батарею Раевского вновь был ранен. 30 сентября по поручению М.И. Кутузова Сеславин возглавил партизанский отряд из 250 донских казаков и одного эскадрона Сумского гусарского полка, в задачу которого входили боевые действия на фланге и в тылу неприятельской армии между Боровском и Москвой. «Неподалеку от вас действует артиллерии капитан Фигнер с особым отрядом, — говорилось в предписании М.И. Кутузова, — с коим можете быть в ближайшем сношении. Отобранным от неприятеля оружием вооружить крестьян, отчего ваш отряд весьма усилиться может... Мужиков ободрять подвигами, которые оказали они в других местах, наиболее в Боровском уезде». 1 октября в рапорте Александру I Кутузов отметил «великую пользу» отрядов подполковника Давыдова и капитанов Сеславина и Фигнера, которые «наиболее отличились своею предприимчивостью и успехами, с которыми они производили в действие вверенные им поручения». Первым 10 октября ответил на вопрос, когда и куда французская армия будет отступать из Москвы, «открыл движение Наполеона по Калужской дороге к Боровску» и, своевременно предупредив об этом М.И. Кутузова, помог ему заставить французов отступать по старой Смоленской дороге. В дальнейшем оповещал Кутузова о движении неприятельских войск, об их наличии в Могилеве и Красном, о пути отступления Наполеона с гвардией в начале ноября и доставлял другие срочные донесения. Продолжал совершать смелые до дерзости и неожиданные набеги на противника. 5 декабря 1812 произведен в полковники, назначен флигель-адъютантом и командиром Сумского гусарского полка. В 1813 в составе Богемской армии сражался при Дрездене и Лейпциге. 15 сентября 1813 произведен в генерал-майоры. Поддерживал сообщение главной армии с армией Блюхера и прекратил подвоз продовольствия в Париж. Был чрезвычайно популярен в народе, его портреты висели на постоянных дворах, почтовых станциях, в избах. За годы воинской службы А.Н. Сеславин принял участие в 74 больших и малых сражениях, пять раз был ранен, из-за полученных ранений вынужден с 1816 отправиться на лечение за границу. По возвращении в Россию 17 августа 1820 был уволен «по болезни за ранами». Сеславин считал, что его заслуги не оценены по достоинству, и, поселившись в своем имении, жил затворником. Убежденный крепостник, он

установил у себя жесткие казарменные порядки, что вызвало массовое бегство его крестьян, о которых Сеславин отзывался так: «Это злейшие неприятели, нежели те, которых я карал на русской земле в знаменательную эпоху 1812 г.».

⁵⁵ Кудашев Николай Данилович (1784 — 06.10.1813). В службу вступил 30 января 1801 унтер-офицером. Участник кампании 1805, в том числе Аустерлицкого сражения. 1 февраля 1806 произведен в поручики. В 1807 отличился под Гейльсбергом. Участник Русско-шведской войны 1808—1809. Удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. «Воздаяние отличной храбрости и мужества, оказанных в минувшую кампанию против шведов во время Куортанского сражения, 19 августа, где был прикомандирован к авангарду, командовал эскадроном полковника Кульнева и по сожжении неприятелем моста, бросился под неприятельскими выстрелами в брод через реку и, атаковав неприятельский ретраншамент, врубился и разогнал пехоту, чем выиграл время для переправы нашей пехоты; 20-го дня находился при эскадронах майоров князя Манвелова и Силина, когда они проскаакали под огнем неприятельских батарей, а 21-го числа, быв командирован от Куортане к Ландулакской дороге с двумя ротами егерей и встретясь с неприятелем, опрокинул и преследовал его до дороги, где соединился с авангардом, и потом при атаке на Сальми, вскочив с двумя ротами в неприятельское укрепление, много способствовал к одержанию победы». Назначен адъютантом к вел. князю Константину Павловичу. 13 октября 1811 произведен в полковники. В 1812 состоял при штабе М.И. Кутузова. Участвовал в Бородинском сражении. В начале сентября 1812 был назначен командиром армейского партизанского отряда, действовал с ним под Москвой, затем участвовал в преследовании отступавшей французской армии в составе корпуса генерала М.И. Платова. В ноябре 1812 отличился в боях при Красном. 26 декабря 1812 присвоено звание генерал-майора. В 1813 командовал кавалерийским отрядом. «Воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях при преследовании французских войск от Малоярославца до Немана» награждён 25 марта 1813 орденом Св. Георгия 3-й степени. Смертельно ранен в бою под Альтенбургом во время «Битвы народов». Похоронен в часовне-склепе Храма-памятника русской славы в Лейпциге. В. Жуковский воспел Кудашева в поэме «Певец в стане русских воинов».

⁵⁶ Дорохов Иван Семенович (23.09.1762 — 26.04.1815, Тула), генерал-лейтенант (с 1812). Родился в семье секунд-майора. В 1787 окончил Артиллерийский и Инженерный Шляхетский кадетский корпус. Службу начал 15 октября 1787

поручиком Смоленского пехотного полка. Участвовал в Русско-турецкой войне 1787—1791, проявил, находясь «беспрерывно в жестоком огне», выдающуюся храбрость в сражении при Рымнике, где состоял ординарцем у А.В. Суворова. В 1789 переведен капитаном в Фанагорийский гренадерный полк. В 1794 выказал особое мужество во время подавления восстания в Варшаве, когда, имея одну роту и одну пушку, четырежды отразил натиск мятежников и, потеряв всех канониров, сам стрелял из пушки. Будучи дважды ранен, удерживал свой пост 36 часов. В 1795 переведен в Сумский гусарский полк. В 1797 произведен в полковники с переводом в лейб-гвардии пехотный полк. В 1798—1802 находился в отставке. В 1802 вновь вернулся на службу в Сумский полк. С 1803 г. шеф Изюмского гусарского полка, с которым участвовал в войне 1806—1807 против Франции, особо отличившись в сражениях при Чарнове, Пултуске, Прейсиш-Эйлау, Фридланде. В начале Отечественной войны 1812 командовал арьергардом 4-го корпуса. Был окружён превосходящими силами противника, но сумел выйти из окружения. В Бородинском сражении возглавил атаку четырех кавалерийских полков, задержав продвижение французов, за что ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Назначенный командиром партизанского отряда, Дорохов осуществил внезапную атаку на захваченную противником Вересю и превратил ее в опорный пункт партизанских действий, за что получил от Александра I золотую саблю с алмазами и надписью «За освобождение Вереси». По приказу М.И. Кутузова вел наблюдение за движением французов по Калужской и Смоленской дорогам, осуществлял охрану левого крыла армии. Благодаря хорошо организованной разведке первым (7 октября) известил М.И. Кутузова о начавшемся отходе французских войск из Москвы. В сражении под Малоярославцем был тяжело ранен, что заставило его выйти в отставку. Долго болел и умер от последствий ранения. По собственному завещанию погребен в Вересе.

⁵⁷ Чернозубов Илья Фёдорович (1765 — 1821), генерал-майор (с 1813). «Из штаб-офицерских Войска Донского детей». На службу поступил казаком 10 июня 1777 и с этого времени до 1782 находился на Кубанской линии. Чин сотника получил 2 июля 1783. В 1788—1790 воевал с турками, в 1794 — с поляками. За боевые отличия трижды повышался в чинах, а за штурм Измаила Суворов удостоил его похвальным листом. 2 июля 1799 произведен в полковники. В 1801 принимал участие в походе к Оренбургу. С отличием сражался с французами в кампаниях 1806—1807 и был награжден несколькими орденами. В сентябре 1812 прибыл с

полком в составе донского ополчения к Тарутину и участвовал в преследовании противника до западных границ. Отличился в боях под Красным — захватил 11 орудий и 490 пленных. Участник Заграничного похода 1813—1814, находился в авангарде русских войск. 17 августа 1813 награждён орденом Св. Георгия 4-го степени. За болезнью уволен от службы с мундирем 23 декабря 1819.

⁵⁸ Вадбольский Иван Михайлович (1761—1861, с. Любене Одоевского уезда Тульской губернии), князь, генерал-лейтенант (с 1827). Происходил из княжеского рода Вадбольских, ветви белозерских Рюриковичей. 17 апреля 1790 был зачислен сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк и в 1796 поступил на военную службу (с переводом 21 ноября 1796 в Кавалергардский корпус). В 1797 произведен в унтер-офицеры лейб-гвардии Конного полка, где служил, проходя чинами до полковника (1807) до 1808. Затем назначен командиром Литовского уланского полка. Был отмечен наградами за действия против французов в 1805 (участвовал в сражении при Аустерлице) и 1807. Особо отличился под Фридландом, где был ранен пулей навылет. 20 мая 1808 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении 2 июня при Фридланде против французских войск, где с командуемым эскадроном врубился в исприятельскую конницу и произвел в ней великое поражение». 20 января 1812 был назначен командиром Мариупольского гусарского полка. В этой должности и в чине полковника он встретил Отечественную войну. С мариупольскими гусарами участвовал в боях и сражениях под Ошмянами, Козянями, Бешенковичами, Витебском (награжден орденом Св. Анны 2-й степени), Смоленском (награжден орденом Св. Владимира 3-й степени). В Бородинском сражении был ранен картечью в голову (повторно награжден орденом Св. Владимира 3-й степени). Позднее участвовал в арьергардных боях под Можайском. С 15 сентября командовал отдельным легучим отрядом (500 чел.), действовавшим на Новой Калужской и Можайской дорогах. За взятие Верей награжден алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени. Сражался при Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже и Красном. В 1813—1814 участвовал в боевых действиях при Лигнице, Бунцлау, Кацбахе (ранен пулей в правую ногу, награжден орденом Св. Анны 1-й степени), Сен-Дизье, Бриенн-ле-Шато, Ла-Ротьерс, где был ранен палашом в правый бок. Произведен в генерал-майоры 21 мая 1813, а 20 января 1814 награжден орденом Св. Георгия 3-й степени «за отличное мужество и храбрость, оказанные в сражении против французских войск 17 и 20 января при Брисенс и Ла-Ротьере». По заверш-

нии войны Вадбольский был назначен (29 августа 1814) командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии, с которой участвовал во 2-м походе во Францию в 1815. С декабря 1816—начальник 3-й гусарской дивизии. С началом Русско-персидской войны 1826—1828 переведен в Отдельный Кавказский корпус, в составе которого отличился при осаде Аббас-Аббада (1827), за что 2 октября 1827 был пожалован чином генерал-лейтенанта. Участник Русско-турецкой войны (1828—1829). 16 ноября 1828 награжден орденом Св. Владимира 2-й степени большого креста «в воздаяние отличного мужества и примерной храбрости, оказанных при осаде и взятии крепости Карса». В воспоминаниях Н.Н. Муравьёва-Карского о тех событиях имеется характеристика князя Ивана Михайловича Вадбольского, «коего солдаты по военным доблестям и по наружности называли Николаем Чудотворцем... отличных добродетелей, прямой, скромный, правдивый, храбрый, весёлый, приятный в обществе, умный, довольно образованный, красноречивый, честный, опытный и сметливый в обхождениях с людьми... во всех случаях показывал себя с честною и благородною душою...». 20 декабря 1833 уволен от службы «за ранами с мундиром и полным пенсионом».

⁵⁹ Фонвизин Михаил Александрович (20.08.1787, Москва — 30.04.1854, Марьино Бронницкого уезда Московской губернии), декабрист, генерал-майор. Родился в семье подполковника, племянник писателя Д.И. Фонвизина. Воспитывался сначала дома, затем в Московском университете пансионе, слушал лекции в Московском университете. 26 мая 1801 поступил на службу в звании подпрапорщик в Преображенский лейб-гвардии полк. 5 декабря 1803 переведён в Измайловский лейб-гвардии полк. Участник войн с Францией (1805—1807). Участвовал в военных действиях в Финляндии (1808—1809) во время войны с Швецией (Аландские острова). 19 февраля 1812 был назначен адъютантом к генерал-майору А.П. Ермолову. Во время Отечественной войны 1812 г. участвовал в битвах под Витебском, под Смоленском был ранен, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. За битву под Бородино награжден орденом Св. Анны 2-й степени. За битву при Малом Ярославце награжден золотой шпагой за храбрость. Участвовал в битвах при Красном, Березине. В Заграничном походе 1813 участвовал в битвах: Лютцен, за битву при Бауцене награжден алмазными знаками ордена Св. Анны 2-й степени, Кульм, Лейпциг, Бар-сюр-Об. Под Бар-сюр-Об ранен, взят в плен и отправлен в Бретань, где участвовал в заговоре пленных. Находился в Бретани до окончания военных действий. Награжден прусским орденом «За

заслуги», Кульмским крестом. 17 июля 1813 получил звание капитан, 5 декабря 1813 — полковник. В 1814 командовал 4-м егерским полком. С 1 июня 1815 — командир 37-го егерского полка. Во время высадки Наполеона Фонвизин вместе с полком возвращался в Россию. После высадки Наполеона вернулся во Францию и участвовал в военных действиях периода так называемых Стадней (блокада Менса и Тионвиля). Оставался с полком в составе оккупационного корпуса графа М.С. Воронцова до 1816. Член «Союза спасения» (1817), убеждённый сторонник конституционных идей. Фактический руководитель Московской управы Союза благоденствия. Его квартира являлась одним из мест встреч членов тайного общества. С 22 июля 1817 командир Перновского grenadierного полка. В этом же году вступил в Московскую масонскую ложу «Александра Тройственного спасения». В октябре—декабре 1817 командирован в оккупационный корпус во Францию. С 24 января 1818 назначен командиром 38-го егерского полка. Запретил в полку телесные наказания и завел училище для подпрапорщиков. Получил благодарность от Александра I. 19 февраля 1820 Фонвизин в звании генерал-майор назначен командиром 3 бригады 12-й пехотной дивизии. 25 декабря 1822 уволен в отставку. После выхода в отставку жил в своем подмосковном имении Крюково. Владел крепостными в Московской, Тверской, Рязанской и Костромской губерниях. С осени 1825 постоянный участник встреч декабристов в Москве, вместе с И.Д. Якушкиным, М.Ф. Митьковым, А.В. Шереметевым разрабатывал план выступления войск в Москве. 9 января 1826 арестован в подмосковном имении Крюково, доставлен в Петербург в Петропавловскую крепость («присыаемого г[енерал]-майора Фонвизина посадить, где лучше, но строго, и не давать видеться ни с кем»). Осужден по IV разряду, приговорен в каторжную работу сроком на 12 лет. 22 августа 1826 срок был сокращен до 8 лет. В январе 1827 отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь. Был доставлен в Читинский острог в марте 1827. В следующем году в Читу прибыла его жена — Н.Д. Фонвизина. Из Читы переведен в Петровский завод, куда прибыл в сентябре 1830. Здесь занимался историей, философией. В ноябре 1832 отправлен на поселение в Енисейск. В 1835 получил разрешение переехать в Красноярск. В Тобольске — с августа 1838. Просил перевести его рядовым на Кавказ (1839). Во время эпидемии холеры в Тобольске в 1848 вместе с другими декабристами ухаживал за больными, снабжал их медикаментами, пищей. В семье Фонвизиных воспитывались дети жителей Тобольска. 13 февраля 1853 получил разрешение вернуться на родину и жить в имении брата в Марьино Бронницкого

уезда Московской губернии с учреждением строжайшего полицейского надзора и воспрещением въезда в Москву и Санкт-Петербург. В мае 1853 прибыл в подмосковное имение Марьино, где и умер год спустя.

⁶⁰ Струве Генрих Антонович (1770—1850). На русской дипломатической службе с 1795. В 1809—1812 — секретарь миссии в Касселе. В конце 1812 через Швейцию был направлен в Альтону, потом в Гамбург, где занимался сбором разведывательных сведений. С 1815 — консул в Гамбурге (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 228*).

⁶¹ Трефурт Леонтий Федорович (1772 — после 1828), действительный тайный советник. На русской дипломатической службе с 1789. Участник Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова. Генеральный консул в Данциге. В 1811—1812 доставлял сведения военно-политического характера. 4 сентября 1812 награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 229*).

⁶² Покассовский Иван Петрович (1789-1857), дипломатический чиновник, переводчик русской миссии в Вене. В 1812 помогал Тейлю фон Сераскеркену, адъютанту посла, в сборе разведывательных сведений. С августа 1812 состоял при Главной квартире 3-й Западной армии, с 1813 — при Главной квартире Силезской армии, в 1814—1815 — при австрийской армии в Италии (*Безотосный В.М. Указ. соч. С. 223*).

⁶³ Толь Карл Федорович (Карл-Вильгельм) (09.04.1777 — 23.04.1842, имение Ароколь, Эстляндия), граф, генерал от инfanterии (с 1826), генерал-адъютант (с 1823). Из древнего немецкого дворянского рода, ведущего свое начало с XI в., представители которого переселились в Лифляндию и Эстляндию. Образование получил в Сухопутном Шляхетском корпусе в СПб., где был любимым учеником директора корпуса генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова, преподававшего тактику. Заметив выдающиеся способности кадета, директор задавал ему сложные задачи и даже заставлял делать чертежи на доске к его собственным лекциям. По окончании корпуса в ноябре 1796 зачислен поручиком в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. Участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова. Участвовал в кампании 1805 против французов, находился в сражении при Аустерлице. Во время Русско-турецкой войны 1806—1812 был в сражениях при Турбате, Журже, Измаиле, Браилове. Благодаря покровительству П.М. Волконского в 1811 переведен в квартирмейстерскую часть. В начале Отечес-

ственной войны 1812 был прикомандирован к 1-й Западной армии и назначен и.д. генерал-квартирмейстера. При прибытии к армии М.Т. Голенищева-Кутузова был назначен генерал-квартирмейстером Главного Полевого штаба армии. Осуществлял разработку стратегических замыслов главнокомандующего. Участвовал в сражении при Бородино (за которое удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени), в военном совете в Филях, в боях под Тарутином, при Малоярославце, Вязьме, Красном. Участник Заграничного похода русской армии 1813—1814. После смерти М.И. Голенищева-Кутузова (апрель 1813) состоял генерал-квартирмейстером при австрийском фельдмаршале кн. К.-Ф. Шварценберге, принявшем начальство над союзными войсками. В 1814, во время похода во Францию, был в целом ряде сражений, в том числе при взятии Парижа. Присутствовал на Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815). В декабре 1814 австрийским императором Францем I возведен с нисходящим его потомством в баронское Австрийской империи достоинство. В декабре 1815 назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба Е.И.В. Руководил сбором материалов по истории Отечественной войны 1812. С марта 1823 главный начальник корпуса колонновожатых и топографов. С апреля 1823 начальник Главного штаба 1-й армии. Принимал участие в подавлении восстания декабристов на Сенатской площади в СПб. и на юге России. В Русско-турецкой войне 1828—1829 занимал пост начальника Главного штаба 2-й армии. Указом Николая I в июне 1829 возведен с нисходящим его потомством в графское Российской империи достоинство, а в сентябре того же года «...за успешное окончание турецкой войны 1828—1829 годов» удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени. С января 1830 член Государственного совета. С декабря 1830 во время Польской кампании (1830—1831) — начальник Главного штаба Действующей армии под командованием генерал-фельдмаршала гр. И.И. Дибича. После смерти Дибича временно исполнял обязанности главнокомандующего армией (май—июнь 1831). Оставил армию из-за разногласий с новым главнокомандующим армией генерал-фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем. В октябре 1833 назначен главноуправляющим Департаментом путей сообщения и публичных знаний. В декабре 1836 избран почетным членом Петербургской Академии наук. Кавалер всех высших российских орденов. Толь, по отзывам современников, отличаясь блестящими и разнообразными способностями, «был человек развитой, образованный, даже ученый, с характером твердым и благородным». Будучи горяч и лично храбр, он умел сдерживать себя и в бою был «холоден, как лед». Бескорыстный и скромный,

он пользовался большим и всеобщим уважением (*Федорченко В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 449—450).

⁶⁴ Бутурлин Михаил Петрович (13.05.1786 — 26.06.1860, Москва), генерал-лейтенант (с 1841). Из древнего дворянского рода. Старший сын отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка. Получил хорошее домашнее образование, основательно овладел иностранными языками. В марте 1807 поступил на службу эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. В рядах полка участвовал в войне с Францией в 1807, совершив поход в Пруссию. В 1808 произведен в корнеты, а в 1810 — в поручики. В марте 1811 назначен полковым адъютантом. Участник Отечественной войны 1812. В мае этого года был назначен старшим адъютантом 1-й кирасирской дивизии. Отличился в сражениях под Смоленском и Бородино. Принимал участие в сражениях под Тарутино, Малоярославцем, Вязьмой и Красным. В рядах Кавалергардского полка принимал участие в Заграничном походе русской армии 1813—1814. В 1817 назначен адъютантом начальника Главного штаба Е.И.В. кн. П.М. Волконского. В 1818 произведен в полковники и прикомандирован к посольству в Париже. С октября 1927 по 1929 в командировках в различных губерниях империи, в том числе в Оренбургском крас., дважды заслужив за это время Высочайшее благоволение. В октябре 1929 вышел в отставку и поселился в Москве. В 1831 вновь принят на службу, состоял по кавалерии. С декабря 1831 по 1843 занимал пост Нижегородского военного и гражданского губернатора. По отзывам современников, проявил себя энергичным и деятельным администратором: не было такой отрасли, в которую бы он ни вникал, ежедневно работая с 6 часов утра до поздней ночи. Строгое соблюдение законов, ровное и любезное со всеми обращение и полная доступность снискали ему всеобщее уважение. В ноябре 1846 вышел в отставку с мундирем и пенссией. Удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Белого Орла включительно. Проживал в Москве, где и скончался. Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря (*Федорченко В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 176—177).

⁶⁵ Ермолов Алексей Петрович (24.05.1772, Москва — 11.04.1861, Москва), генерал от инfanterии (с 1818), генерал от артиллерии (с 1837). Из старинного дворянского рода, восходящего к началу XVI в. В 1784—1791 учился в Благородном пансионе при Московском университете. Записанный в 1787 унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк, службу начал в январе 1791 капитаном в Нижегородском драгунском полку. С 1792 старший адъютант

генерал-прокурора А.Н. Самойлова. В марте 1793 зачислен квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон. С октября 1793 репетитор Артиллерийского и Инженерного Шляхетского корпуса. Участник Польской кампании 1794, где зарекомендовал себя «выдающимся боевым офицером», за отличие при штурме Праги (предместья Варшавы) в октябре 1794 получил из рук А.В. Суворова орден Св. Георгия 4-й степени. В 1796 участвовал в Персидском походе, отличился при штурме Дербента, где командовал батареей. В 1797 получил чин майора, в 1798 — подполковника. Во второй половине 90-х гг. XVIII в. вместе со своим сводным братом А.М. Кауховским — один из основателей офицерского политического кружка, после раскрытия которого в ноябре 1798 арестован, недолгое время находился в заключении в Петропавловской крепости. Исключен со службы и выслан «на вечное жилье» в Кострому под надзор губернатора. После воцарения Александра I помилован и вновь принят на службу. С июня 1801 командовал конно-артиллерийской ротой. Участвовал в войнах с Францией 1805 и 1806—1807, командуя артиллерийской ротой, проявил личную храбрость и военное мастерство, произведен в полковники. С августа 1806 командовал артиллерийской бригадой, за отличие в сражении у Гутштадта (май 1807) удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. В марте 1808 произведен в генерал-майоры, состоял инспектором конно-артиллерийских рот. Во время австро-французской войны 1809 командовал артиллерийской бригадой, затем являлся начальником резервных войск, назначенных для наблюдения за галицийской границей. С 1809 командовал резервными войсками в Киевской, Полтавской и Черниговской губ. В мае 1811 по личному выбору Александра I назначен командиром гвардейской артиллерийской бригады, а затем — гвардейской пехотной бригады. С марта 1812 командовал гвардейской пехотной дивизией. С июня начальник штаба 1-й Западной армии. Способствовал успешному соединению армий под Смоленском, удачно руководил войсками в бою под Лубином, за что получил чин генерал-лейтенанта. В начале Бородинского сражения фактически выполнял обязанности начальника штаба главнокомандующего кн. М.И. Голенищева-Кутузова. В разгар сражения организовал контратаку на захваченную французами батарею Раевского, был ранен. Освобожден от занимаемой должности. На совете в Филях выступал за сражение под Москвой. Отличился в сражении при Малоярославце. Во время Заграничного похода русской армии 1813—1814 командовал артиллерией, арьергардом, корпусом. Участвовал во многих сражениях, отличился при

Кульме (август 1813), закончил войну под Парижем, получив в награду орден Св. Георгия 2-й степени. В июне 1816 занял пост командира Отдельного Грузинского (с 1820 — Кавказского) корпуса. Управляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерний. Большой знаток «кавказских дел», жизни и быта кавказских народов. В ноябре 1816 отправился в поездку по бывшим персидским территориям, вошедшим в состав Российской империи по условиям Гюлистанского договора. В апреле 1817 возглавил Императорское посольство в Персию к Фетх-Али-шаху с целью определения новой пограничной черты, выработки мер к усилению политического и торгового влияния России в Персии и противодействию английской политике. В задачи посольства входило также учреждение постоянно действующей российской миссии в Тегеране. Маршрут посольства пролегал из Тифлиса в Эривань, и далее через Тавриз к Тегерану. При Ермолове находились опытные офицеры Генерального штаба, которыми были составлены топографические съемки местностей, крепостей и маршрутов движения посольства. В ходе Кавказской войны, обладая фактически неограниченной властью, проводил жесткую колониальную политику (его именем на Кавказе пугали детей). В 1818 основал крепость Грозный, построил Тифлисский военный госпиталь. В 1820 подавил выступление в Имеретии, Мингрелии и Гурии, присоединил к России Карабахское ханство. Уделял большое внимание созданию местного законодательства и устройству новой системы управления краем. Независимая позиция и натянутые отношения с всесильным гр. А.А. Аракчеевым, беспримерная храбрость и бескорыстие, постоянные заботы о благе подчиненных и любовь к Ермолову солдат — все это порождало надежды декабристов на его возможную поддержку их выступлению (он намечался декабристами в состав Временного правительства). Во время междуцарствия 1825 Ермолов занял выжидательную позицию, несколько дней медлил с принесением Кавказским корпусом присяги императору Николаю I. Во время следствия над декабристами возникла версия о существовании в Отдельном Кавказском корпусе тайного общества и о намерении Ермолова «отложитьсь» от России вместе с Кавказом. В марте 1827 был уволен от должности «по домашним обстоятельствам», отставку пережил, как тяжелую личную драму. «Обаяние его имени, его личности, его прошлых заслуг было таково, что, когда появлялся в обществе, одетый в черный фрак с Георгиевским крестом, полученным из рук А.В. Суворова, в петлице — все, даже дамы, вставали». Кавалер всех высших российских орденов. Ермоловым составлены

знаменитые «Записки» (1868) — ценный источник для изучения политической и военной истории Кавказа и международных отношений на Среднем Востоке в первой половине XIX в. (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 454—456).

“Бебутов Василий Осипович (1791, Тифлис — 10.03.1858, Тифлис), князь, генерал от инфanterии (с 1856). Из рода грузинских князей Бебутовых. Сын полковника русской службы. Образование получил в 1-м кадетском корпусе в СПб., по окончании которого в 1809 начал службу прапорщиком в Херсонском grenadierском полку, дислоцированном в Грузии. С 1810 адъютант главнокомандующего на Кавказе, а с 1812 — Рижского генерал-губернатора маркиза Ф.О. Паулуччи. Участник Русско-турецкой войны 1806—1812 и Отечественной войны 1812. В награду за отличия в январе 1813 переведен в лейб-гвардии Семеновский полк и удостоен ордена Св. Анны 3-й степени. С мая 1816 адъютант командаира Отдельного Грузинского (с 1820 Кавказского) корпуса генерала от инфanterии А.П. Ермолова. В марте 1819 получил чин капитана. За участие в военных действиях против горцев в июне 1820 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В январе 1821 зачислен в списки лейб-гвардии Московского полка, в апреле того же года переведен в 7-й карабинерный полк с производством в полковники. С июля 1821 командир Мингрельского полка, во главе которого оставался до сентября 1825, когда получил в командование 2-ю бригаду 22-й пехотной дивизии, с назначением одновременно главноуправляющим Имеретией. В марте 1828 произведен в генерал-майоры. В Русско-турецкой войне 1828—1829, командаля бригадой, отличился при осаде и взятии турецкой крепости Ахалцих (август 1828), затем начальник гарнизона и Ахалцихской области. В феврале—марте 1829 отразил с 1,5-тысячным гарнизоном нападение 15-тысячного отряда аджацев на Ахалцих, выдержал двухнедельную осаду крепости, а затем, преследуя противника, разбил его. В феврале 1830 — апреле 1838 начальник вновь завоеванной Армянской области. В декабре 1830 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В апреле 1838 назначен членом Совета Главного управления Закавказского края. С апреля 1842 комендант крепости Замостье. В октябре 1843 произведен в генерал-лейтенанты. С февраля 1844 по ноябрь 1847 командал войсками в Дагестане, нанес поражение отрядам Шамиля у с. Кутиши (октябрь 1846). В 1847—1853 и 1854—1858 председатель Совета Главного управления и начальник Гражданского управления Закавказского края. Во время Крымской войны 1853—1856, командаля корпусом на границе с Турцией, одержал победы над турецкими войсками при Башкадыкларе

и Курюк-Дара (где он с 18-тысячным соединением нанес поражение 60-тысячной турецкой армии). В феврале 1858, за месяц до кончины, назначен членом Государственного совета. Кавалер высших российских орденов: Св. Анны 1-й степени (1829), Св. Владимира 2-й степени (1845), Белого Орла (1847), Св. Александра Невского (1849, бриллиантовые знаки к ордсу — 1851), Св. Апостола Андрея Первозванного (1854) (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 107.*)

⁶⁷ Муравьев-Карсский Николай Николаевич (14.07.1794, СПб. — 18.10.1866, с. Архангельское (Скорняково) Задонского уезда Воронежской губ.), генерал от инфanterии (с 1853), генерал-адъютант (с 1833). Из древнего дворянского рода, второй сын известного общественного деятеля, основателя Московского училища колонновожатых генерал-майора Н.Н. Муравьева. Получил хорошее домашнее образование, знал европейские языки; играл на нескольких музыкальных инструментах, рисовал. На службу поступил в начале 1811 колонновожатым в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части, а в апреле того же года был произведен в прапорщики. Участник Отечественной войны 1812 (находился в сражениях под Бородино, Тарутиным, Вязьмой, на Березине) и Заграничном походе 1813—1814. В 1816 Муравьев издал «Курс фортификации». Переведенный в гвардейский Генеральный штаб, с 1816 служил на Кавказе. Первым осуществил топографическую инструментальную съемку пути, ведущего от Моздока до Тифлиса, которая получила высокую оценку А.П. Ермолова («словно другими глазами край увидел»). Зимой 1816—1817 провел тайные рекогносцировки стыка русско-турецко-персидской границы, совершив короткие обезды персидской и турецкой территории. Во время службы на Кавказе изучал восточные языки. Находился в составе дипломатического посольства А.П. Ермолова в Персию. В 1819 руководил экспедицией на восточный берег Каспийского моря, в туркменские степи и в Хиву. Экспедицией были получены ценные сведения о восточном побережье Каспия и Хивинском ханстве, его политическом и экономическом состоянии, торговле, армии, положении русских пленных. Путешествие капитана Н.Н. Муравьева в Туркмению и Хиву явилось со стороны России первой попыткой проникнуть в глубь Средней Азии со времен неудачной поездки в Хиву Бековича-Черкасского в 1715—1716. По результатам поездки Муравьев издал важную в научном отношении работу — «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг.» (1822), к которой был приложен «Атлас к путешествию», содержащий виды и сцены, карты, таблицы и планы. Работа содержит интересные сведения по географии,

орографии, гидрографии, климату исследованных территорий, а также по административному устройству, юридическому быту, вооруженным силам Хивинского ханства, этнотERRиториальному делению, этнографии туркменских и узбекских племен (в 1825 труд Муравьева был переиздан на французском языке и сразу получил высокую оценку зарубежных ученых). В 1820 произведен в полковники. В 1821 совершает повторную экспедицию на восточный берег Каспийского моря к Балканским горам, результатом которой стало описание о. Челекена и его карта, географическое описание Балканских гор, топографическая съемка отдельных участков побережья. Второе путешествие Муравьева в Туркмению обогатило русскую географическую науку новыми сведениями о туркменском побережье, позволило исправить и дополнить прежние карты Каспийского бассейна. С 1822 командовал 7-м карабинерным полком. После событий 14 декабря 1825 к следствию не привлекался. Участник Русско-персидской войны 1826—1828, Русско-турецкой войны 1828—1829 (командовал Кавказской резервной гренадерской бригадой), где особенно отличился при осаде и штурме крепости Карс. В марте 1828 произведен в генерал-майоры, в ноябре этого же года удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, а в январе 1829 — Св. Георгия 3-й степени. В 1831 во главе гренадерской бригады участвовал в подавлении польского мятежа, отличился при штурме Варшавы. Был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 24-й пехотной дивизии. В 1833 во главе русского экспедиционного корпуса был послан на Босфор для оказания помощи турецкому правительству в условиях реальной угрозы вторжения в Турцию египетских войск под командованием паши Мехмет-Али. По результатам командировки на Босфор написал работы «Русские на Босфоре в 1833 г. Из записок Н. Н. Муравьева (Карсского)» и «Турция и Египет в 1832 и 1833 гг.». В 1834 назначен начальником главного штаба 1-й армии, а в 1835 получил в командование 5-й пехотный корпус. В это время составил и подал имп. Николаю I записку «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков армии». Эта записка стала первой причиной охлаждения императора к Муравьеву. В 1837 он вышел в отставку после «строгого», для Муравьева оскорбительного, выговора Николая I (во время военного смотра в Николаеве). В 1848 вновь поступил на службу и в декабре того же года назначен командиром Гренадерского корпуса. В конце 1854 Муравьев, восстановивший к себе доверие императора, назначен наместником Кавказа и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом. В ходе Крымской (Восточной) войны 1853—1856 прославился 6-месячной осадой

турецкой крепости Карс и взятием ее в ноябре 1855, за что к его фамилии было прибавлено почетное наименование «Карсский», удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени. В 1856, по расстроенному здоровью, уволен от должности наместника и назначен членом Государственного совета. В 1858 он был назначен во главе комиссии, учрежденной для исследования злоупотреблений во время Крымской войны. Кавалер всех высших российских орденов. Автор военно-исторического труда «Война за Кавказом в 1855 г.», о событиях на Кавказском фронте Крымской войны. Отличаясь недюжинными военными способностями, Муравьев был известен как один из самых образованных генералов русской армии. По отзывам современников, он отличался твердостью характера, чрезвычайной независимостью взглядов и суждений, резкостью и прямолинейностью. Строгий к самому себе, он был столь же строг, тяжел и неприятен в общении с подчиненными. На награды подчиненным был скончан, считая, что исполнение военнослужащими своего долга не есть что-либо особенное. В педантически-строгом исполнении долга не отступал ни перед какими соображениями (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 87—89; Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 166).

⁶⁶ Берг Федор Федорович (Фридрих-Вильгельм Ремберт) (15.05.1794 — 06.01.1874), граф, генерал-фельдмаршал (с 1865), генерал-адъютант (с 1831). Из дворян Лифляндской губ., сын статского советника, владельца замка Загниц. Учился в Дерптском университете. С началом Отечественной войны 1812, находясь уже на старшем курсе, бросил занятия и на последние дниги отправился в Вильнюс. Отсюда пешком дошел до Ковно, где поступил юнкером в Калужский пехотный полк. В августе 1812 произведен в подпоручики с переводом в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. Участвовал в Заграницном походе русской армии 1813—1814. После заключения мира путешествовал по Европе, выполняя тайное поручение наблюдать за движением карбонариев в Италии. В 1820 покинул военную службу и до 1822 состоял при российских представительствах в Мюнхене, Риме и Неаполе. Получил чин действительного статского советника. Пребывание за границей использовал для изучения полей сражения в Италии и Швейцарии. В 1823—1825 руководил двумя экспедициями для изучения киргиз-кайсацких степей (Казахстана) и пространства, лежащего между Аральским и Каспийским морями. Маршрут экспедиции 1825 пролег по северо-восточному берегу Каспийского моря, по Усть-Урту до западного берега Аральского моря и

обратно. Результатом экспедиции стали астрономические определения, уточнение расстояния между Аральским и Каспийским морями, барометрическая нивелировка. В 1826—1828 находился в Константинополе в качестве первого секретаря при российском посольстве. Бергу поручалось «исполнение столь важного по нынешним обстоятельствам дела, обозрения Турецкой империи, во всех отношениях могущего принести пользу и иметь влияние на военные действия». Донесения Берга и собранные им материалы направлялись в военно-топографическое депо и имели важное значение накануне Русско-турецкой войны 1828—1829. За «отличное усердие и труды во время нахождения при посольстве в Константинополе» был пожалован чином генерал-майора (1828) и денежной наградой, выплачиваемой в течение 12 лет по 1200 сереб. руб. ежегодно. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 состоял генерал-квартирмейстером 2-й армии. Особо отличился при взятии Браилова, организации переправы через Дунай, осаде Силистрии, боях под Шумлой. Под его руководством была проведена картографическая съемка северо-восточной части Болгарии. В 1829—1830 организовал картографическую съемку Дунайских княжеств и северо-восточной части Балканского хребта. В 1831 участвовал и отличился при подавлении польского мятежа. Во время штурма Варшавы дважды направлялся парламентером к командованию польских войск и склонил его к сдаче. Характеризуя Берга, генерал-адъютант К.Ф. Толь писал в 1831: «Отличный генерал-квартирмейстер, может быть со временем и начальником Главного штаба армии; имеет хорошее образование, весьма деятелен, смел, решителен и блестательной храбости; немного ветреного характера, но хорошего свойства человек; может командовать отдельно. Ума хитрого и весьма способен для всякого рода негоциаций». За отличия в боевых действиях в Польше в 1831 произведен в генерал-майоры. В 1843 получил чин генерала от инfanterии и назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба. Управляя в течение 20 лет Главным штабом, руководил работами по составлению 3-верстной военно-топографической карты России по военно-статистическому описанию губерний. С 1845 член-учредитель, с 1870 почетный член Императорского Русского географического общества. Во время Венгерской кампании 1849 состоял при австрийском императоре. Заподозренный в интригах против главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, подвергся опале. В 1852 назначен членом Государственного совета. С 1853 по 1856 командовал войсками в Эстляндии, занимался устройством оборонительных сооружений на Балтийском побережье. В 1854—1861 генерал-губернатор

и командующий войсками в Финляндии с чрезвычайными полномочиями, был противником восстановления там конституционного правления. В августе 1856 возведен с нисходящим потомством в графское достоинство Великого княжества Финляндского. С марта 1863 помощник, а с мая того же года и.д. наместника и главнокомандующего войсками в Царстве Польском. Решительными и жесткими действиями способствовал подавлению восстания 1863—1864. Награжден всеми высшими российскими орденами. Участник 16 войн, кампаний и боевых походов (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 121—122; Басханов М.К. Указ. соч. С. 32).

⁶⁹ Носков Иван Федорович (1797 — ?), генерал-майор Генерального штаба. Из дворян Киевской губернии. На службу поступил юнкером в 1-ю артиллерийскую бригаду (1812), переведен в 13-ю артиллерийскую бригаду, подпоручик (1819). Назначен в Корпус военных топографов, поручик (1824). В 1826 в качестве военного топографа был прикомандирован к дипломатической миссии А.С. Меншикова, направлявшейся в Тегеран для переговоров с персидским правительством. Миссия покинула пределы Персии в тот момент, когда войска Аббаса Мирзы уже начали военные действия в Закавказье, положив начало Русско-персидской войне 1827—1828. Помимо съемок маршрутов, планов городов и укреплений, Носков вел сбор военно-статистических сведений о Персии. Материалы поездки изложил в «Записке о политическом и военном положении Персии» (1827) (в открытой печати работа впервые появилась на страницах «Военного сборника» в 1860). С 1827 служит в Гвардейском Генеральном штабе, штабс-капитан (1829), капитан (1831), подполковник (1832). С 1833 и. д. обер-квартирмейстера 2-го пехотного корпуса, полковник (1834). С 1839 обер-квартирмейстер 6-го пехотного корпуса, генерал-майор (1843). В 1849 назначен вторым комендантом г. Севастополя. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829, подавления мятежа в Царстве Польском 1830—1831.

⁷⁰ Дюгамель Александр Осипович (1800 — ?), генерал-майор Генерального штаба. Из дворян, сын действительного статского советника. На службу поступил из пажей прaporщиком в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части (1820). Подпоручик (апрель 1823), переведен в Гвардейский Генеральный штаб (декабрь 1823). В 1820—1823, 1825 находился на тригонометрических съемках под Петербургом. В 1825 принимает участие в экспедиции полковника Ф.Ф. Берга для исследования пространства между Каспийским и Аральским морями. Второй секретарь при военном отделении русского посольства в Константинополе (1826), занимался

изучением европейских владений Турции. В конце 1832 по распоряжению Военного министра прикомандирован к дипломатической миссии генерал-майора Н.Н. Муравьева для сбора военно-географических и статистических сведений о вооруженных силах Османской империи. С этой целью ему предписывалось совершить поездку из Константинополя в Сирию и Египет. В силу различных причин выполнить возложенное поручение в полном объеме Дюгамелю не удалось. Перешел на службу в МИД, Генеральный консул в Египте (1834—1837), посланник в Персии (1838—1841).

⁷¹ Чевкин Константин Владимирович (1802, Каменец-Подольск — 03.11.1875, Ницца), генерал от инfanterии (с 1856), генерал-адъютант (с 1856). Из ста-ринного дворянского рода, известного с XVI в. Сын генерал-майора, а затем действительного тайного советника и Подольского гражданского губернатора. Учился в СПб. в пансионате иезуитов, а затем в Пажеском корпусе, по окончании которого в марте 1822 прaporщиком начал службу в гвардейском Генеральном штабе. Прикомандированный к Военно-топографическому депо, он вскоре был переведен в Гвардейский корпус, при штабе которого в течение 4 лет занимал должность начальника квартирмейстерского отделения. Принял участие в Русско-персидской войне 1826—1828, за храбрость был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1828 назначен состоять при начальнике Главного штаба генерал-адъютанте гр. И.И. Дибиче. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 участвовал в переправе войск через Дунай (май 1828), находился затем при осаде Шумлы. В 1828 за отличие произведен в капитаны, а затем — в полковники. Во время Польской кампании 1830—1831 был прикомандирован к Главной квартире Действующей армии, участвовал в ряде сражений, в т.ч. при штурме Варшавы. За отличия пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени и чином генерал-майора с зачислением в Свиту Е.И.В. В 1830 командирован в Париж для ознакомления с устройством французской армии и достижениями военной науки. В 1832 состоял членом комитета по пересмотру «Учреждения большой действующей армии». С апреля 1834 по июль 1845 — начальник штаба Горного корпуса. Во второй половине 1830-х — начале 1840-х объездил горные заводы на Алтае, Урале, а также крымские соляные копи. В 1836 выезжал за границу для изучения горной промышленности, в 1840 осматривал за границей железные дороги. В 1843 произведен в генерал-лейтенанты. В декабре того же года за выслугу 25 лет в офицерских должностях награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В июле 1845 назначен се-

натором с оставлением членом Совета Корпуса горных инженеров. В 1842 вошел в состав комитета по сооружению Николаевской железной дороги, принимал участие в строительстве железных дорог и наблюдал за их управлением. С октября 1855 и.д. главноуправляющего, а в январе 1856 — октябре 1862 главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями. С 1856 одновременно член Государственного совета. При нем, кроме Николаевской железной дороги, были сооружены ветка Петербург—Варшава до прусской границы и Московско-Нижегородская железная дорога. В 1864—1873 председатель Департамента государственной экономии Государственного совета. С 1872 председатель Особого комитета по делам Царства Польского. В декабре 1855 избран почетным членом Петербургской Академии наук. Удостоен всех высших российских орденов. Характеризуя его, кн. П.В. Долгоруков писал: «Человек очень умный, очень образованный, очень трудолюбивый, но все эти качества совершенно испорчены его тяжелым характером в соединении с безмерным честолюбием. Его характер приводит его постоянно к ссорам со всеми и делает его совершенно неприятным для всех, кому приходится иметь с ним дело, с другой стороны, его честолюбие толкает его иной раз к уступкам, на которые он не должен был бы идти, и все время у него проходит в том, что он ссорится, потом уступает придворным влияниям, потом снова ссорится со всеми» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 515—516).

⁷² Философов Алексей Илларионович (26.01.1800 — 18.10.1874), генерал от артиллерии (с 1859), генерал-адъютант (с 1842). Из древнего дворянского рода. Образование получил в Пажском корпусе, который окончил в 1818. Служил в гвардейской артиллерии. С 1828 адъютант генерал-фельдцейхмейстера вел. кн. Михаила Павловича. Принимал участие в Русско-персидской войне 1826—1828, а также Русско-турецкой войне 1828—1829, во время которой был ранен пулей в бровь и скулу. За храбрость награжден орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени. В 1830 с разрешения императора Николая I принял участие в военной экспедиции французской армии. С отличием участвовал в ряде боевых действий французских войск. Был удостоен командорского креста ордена Почетного легиона. В 1831 участвовал в военных действиях в Польше. За отличие награжден золотой табакеркой с бриллиантами. В 1836 произведен в генерал-майоры, оставаясь по-прежнему адъютантом вел. князя Михаила Павловича. Военные заслуги Философова и его редкое образование обратили на него внимание Николая I. В 1838 он был назначен состоять в должности воспитателя

при младших сыновьях императора вел. князьях Николас и Михаиле Николаевичах. В марте 1847 произведен в генерал-лейтенанты. С 1852 состоял при великих князьях Николае и Михаиле Николаевичах в должности попечителя. В 1854, во время Крымской войны 1853—1856, заведовал артиллерийской Кронштадта и приведением крепости в оборонительное положение. До конца жизни был близок к императорской семье. Человек высокообразованный, большой ценитель поэзии М.Ю. Лермонтова (был женат на родственнице поэта), не раз хлопотал за него. В июле 1837 ходатайствовал о смягчении репрессий, постигших Лермонтова в связи с написанием стихотворения «Смерть поэта». В 1839 по совету Философова поэт переработал поэму «Демон» для чтения в придворном кругу. В 1856—1857 издал в Германии за свой счет поэму «Демон». Удостоен ряда высших российских орденов до ордена Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками включительно (1857) (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 487*).

⁷³ Коцебу Павел Евстафьевич (10.08.1801 — 19.04.1884, Ревель), генерал от инfanterии (с 1859), генерал-адъютант (с 1847). Сын известного немецкого писателя и драматурга, служившего в России. Образование получил в гимназии в СПб., а затем в училище колонновожатых в Москве. В марте 1819 поступил на службу колонновожатым в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. В марте 1820 произведен в прaporщики, а в сентябре 1821 в чине подпоручика командирован в Отдельный Кавказский корпус. В 1821—1826 участвовал в боевых действиях против горцев, за отличие награжден чином поручика и орденами Св. Анны 4-й и 3-й степени. Во время Русско-персидской войны 1826—1828 участвовал в блокаде Эривани, в осаде Сердар-Абада, был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Анны 2-й степени с мечами и произведен в штабс-капитаны. В ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 отличился при осаде крепости Силистрия, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и чином капитана. В 1830 был послан с дипломатическим поручением в Сербию. Во время Польской кампании 1831 отличился при взятии Варшавы и осаде крепости Модлин, за что получил золотую шпагу с надписью «За храбрость» и чин полковника. С 1832 состоял в распоряжении начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстера 2-го армейского корпуса. В 1837 назначен и.д. начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса. В 1839 произведен в генерал-майоры. С 1843 по 1854 состоял начальником штаба 2-го армейского корпуса, а затем вновь служил на Кавказе. В 1843 зачислен в Свиту Е.И.В. В 1847 произведен в генерал-лейтенанты, в том же году за отличие при

взятии штурмом аула Салты пожалован в генерал-адъютанты. Во время Крымской войны 1853—1856 командовал 3, 4 и 5-м армейскими корпусами. В марте 1854 при персправе у Браилова через Дунай командовал десантным отрядом и успешно занял укрепления противника. За осаду крепости Силистрия в апреле 1854 получил золотую шпагу с бриллиантами. В феврале 1855 назначен начальником штаба Южной армии и всех сухопутных и морских сил, расположенных на Крымском полуострове. Во время осады Севастополя неоднократно лично руководил вылазками и за мужество и храбрость был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. С 1855 по 1859 последовательно командовал 5-м армейским корпусом и состоял начальником штаба 1-й армии. В декабре 1862 назначен Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа. На этом посту он много сделал для экономического развития Новороссийского края. При нем были построены и спроектированы все местные железные дороги, предприняты работы по углублению фарватера в Керченском проливе. В октябре 1863 одновременно назначен членом Государственного совета. С января 1874 по май 1880 Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа. В июне 1874 возведен с исходящим сего потомством в графское Российской империи достоинство. Удостоен всех высших российских орденов, до ордена Св. Апостола Андрея Первозванного с алмазными знаками включительно (1870). По отзывам современников, Коцебу был очень маленького роста («два аршина без вершка», его «фигурка была чисто вымытая, выбритая, приглаженная, с безжизненными глазищами, со всегдашнею неизменною улыбкою»). «Был пристрастен ко всему немецкому и очень высокомерен с русскими» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 581—582).

⁷⁴ Ладыженский Михаил Васильевич (1802 — 30.06.1875, Петербург), генерал-лейтенант Генерального штаба. Из дворян Смоленской губернии. Образование получил в Московском училище колонновожатых (1820). Из училища вышел в Свиту Е.И.В. Назначен обсер-квартирмейстером II пехотного корпуса, действовавшего на Кавказе. Проявил себя как неустомимый путешественник, этнограф, коллекционер. Находясь в боевых порядках действующей армии в период Русско-турецкой войны 1828 — 1829, Ладыженский ведет дневниковые записи, собирает сведения о населенных пунктах Европейской Турции. Собранный материал лег в основу труда «Взгляд на Европейскую Турцию и на окрестности Константинополя» (1828), который получил высокую оценку императора Николая I. Личные впечатления

от осады Силистрии были изложены Ладыженским в работе «Осада Силистрии в 1829 г. (Письмо к другу)» (1829). В 1830 М.В. Ладыженский назначается приставом (начальником конвоя) одиннадцатой духовной миссии в Пекин. Его деятельность в Китае имела большое значение для русского китаеведения. Кроме значительных топографических работ, как снятие глазомерной съемки всего маршрута от русской границы до Пекина и инструментальной съемки самого Пекина и его окрестностей, им собрана уникальная этнографическая коллекция. Ценность последней оказалась настолько велика и важна для русской науки, что по «Высочайшему повелению» была приобретена для Императорской Академии наук. Кроме того, в Пекине Ладыженский собрал большую коллекцию рисунков китайских художников с изображением жанровых сценок повседневной жизни китайской столицы, с видами архитектурных памятников и городских ландшафтов и т.п., которая и в настоящее время хранится в Институте антропологии и этнографии РАН. Коллекция в свое время привлекла внимание известного русского востоковеда Х.Д. Френа, посвятившего ей отдельную статью. Дневниковые записи Ладыженского, сохранившиеся не полностью, были частично опубликованы и являются ценным источником по истории русско-китайских отношений первой половины XIX в. По поручению Ладыженского членом десятой миссии в Пекине причетником Н.И. Вознесенским составлена «Краткая хозяйственная статистика Китайского государства» (1831), одно из первых русских исследований по экономике цинского Китая. За «представление составленных топографических работ и сведений о Китае» «Высочайшее» пожалован наградой в 2000 золотых червонцев. По возвращении из Китая Ладыженский на основе личных наблюдений и результатов топографических работ подготовил работу «О Забайкальском крае и граничной черте с китайскими владениями» (ок. 1832), которая так и осталась в рукописи и хранится в настоящее время в фондах РГВИА. В октябре 1834 назначен штаб-офицером в распоряжении Военного министра. С декабря этого же года —ober-квартирмейстер Сводного кавказского корпуса. С апреля 1838 — офицер для особых поручений командира Отдельного Сибирского корпуса, с июля этого же года — и.д. пограничного начальника над Сибирскими киргизами. В 1840 назначен Тобольским гражданским губернатором. С 1844 председатель Оренбургской пограничной комиссии, в этом же году получил чин генерал-майора. В 1853 Оренбургский комендант. В 1858 произведен в генерал-лейтенанты. С 1838 служебная деятельность М.В. Ладыженского неразрывно связана с Киргизской степью. Являясь председателем Орен-

бургской пограничной комиссии, Ладыженский прекрасно ознакомился с краем, казахскими родами Среднего и Младшего жузов, принимал деятельное участие в борьбе с мятеежом Кенисары Касымова. В 1857 с разрешения Военного министра командировался для изучения положения дел в степных укреплениях и фортах Сыр-Дарьинской линии и представил обзор «по полноте своей... замечательный и полезный». Отчет Ладыженского имел важное значение для выработки стратегии движения России в глубь Средней Азии. В 1865 уволен со службы «за болезнью» (1865) (*Басханов М.К. Указ. соч. С. 137*).

⁷⁵ Вронченко Михаил Павлович (1801—1855), полковник. Из дворян Московской губернии. Образование получил в Могилевской гимназии, Московском университете (курс не закончил), школе колонновожатых (1822), Дерптском университете (1825). С 1822 колонновожатый в Свите Е.И.В. Квартирмейстерской части, прапорщик. В 1825 прикомандирован к I пехотному корпусу, подпоручик. В 1828 производил геодезическую съемку в Молдавии и астрономические определения в Болгарии и Румынии. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829. Секретарь Российской Генерального консульства в Смирне (1833). В 1834—1836 по «высочайшему повелению» вел геодезические работы и собирал военно-статистические сведения в Малой Азии. Результатом работы стало двухтомное «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии» (1838—1840). В работе приведены разнообразные данные об Азиатской Турции, о состоянии экономики и торговли, дается описание важнейших памятников древности. Труд Вронченко явился важным вкладом в развитие отечественной османистики, стал первоклассным источником для изучения малоазийской части Османской империи в первой половине XIX в. Член Комиссии по управлению Закавказским краем. Член-учредитель ИРГО, член Совета общества. Известен переводами на русский язык европейских классиков — Байрона, Гёте, Шекспира, Мицкевича (*Басханов М.К. Указ. соч. С. 55*).

⁷⁶ Бларамберг Иван Федорович (Иоган Франсуа) (1800 — 8.12.1878, имение Чоргун близ Симферополя), генерал-лейтенант Генерального штаба. Из германских дворян. В 1823 окончил юридический факультет Гессенского университетата. В 1824 принимает российское подданство, спустя два года — в 1826 — поступил на военную службу прапорщиком в Корпус инженеров путей сообщения, поручик с 1828. Командирован в Румелию «для исследования в археологическом отношении памятников строительного искусства Европейской Турции». Переведен в Генеральный штаб и в 1830 направлен в Отдельный Кавказский корпус, где впервые

соприкоснулся с Востоком, участвуя в военных действиях в Чечне, Дагестане, Осетии и Закубанье. На Кавказе происходит формирование Бларамберга как исследователя и писателя. Пользуясь возможностью непосредственно наблюдать жизнь горских народов, он собрал большой этнографический материал, который широко использовал при подготовке своего первого фундаментального труда «Описание Кавказа» (1832). Ознакомившись с первыми двумя томами «Описания», Император Николай I распорядился «наградить штабс-капитана Бларамберга тремя тысячами руб. ассигнациями» в качестве поощрения автора к продолжению начатой работы. В конце 1834 Бларамберг передал в Военное министерство все три тома своей работы, за что награждается орденом Св. Станислава 3-й степени и 1500 руб. ассигнациями. Рукопись по соображениям секретности не была опубликована, но содержащиеся в ней сведения были использованы военным историком Н.Ф. Дубровиным для составления знаменитого исследования «История войны и владычества русских на Кавказе». С 1832 помощник начальника 3-го отделения канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба, штабс-капитан. В 1835 участвует в составе экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря, в которой вел дневник и топографические съемки. В ходе экспедиции были установлены устья рек Гюрген и Атрек, определены пределы туркменских кочевий в сторону Персии, а также собран большой географический, статистический и этнографический материал. Научные результаты экспедиции были опубликованы Бларамбергом в нескольких работах. В марте 1836 переводится на дипломатическую работу в Тегеран в качестве адъютанта полномочного ministra Российской империи при шахском дворе графа Симониче. Находясь в Персии, становится свидетелем многих важных событий — обострение англо-русских отношений в Центральной Азии, кризис персидско-афганских отношений по поводу Герата, первая англо-афганская война (1839—1841). Он концентрирует в своих руках разведывательную деятельность в Персии и Афганистане. Бларамберг содействовал капитану Витковичу в его военно-дипломатической миссии в Кабул. Результатом его пребывания в Азии стало несколько важных работ по Персии и Афганистану, часть которых была опубликована в «Записках ИРГО» и «Сборнике материалов по Азии». Некоторые, как, например, «Взгляд на современные события в Афганистане» (1839), так и остались неопубликованными. По возвращении в Россию (1841) Бларамберг переводится на службу в Отдельный Оренбургский корпус (назначен обser-квартирмейстером), где проводит последующие 14 лет своей жизни. На Бла-

рамбсрга возлагаются задачи по статистическому описанию Оренбургского края, по ведению разведок и топографической съемке в Киргизской степи, организации охраны русских дипломатических миссий и путешественников в среднеазиатских ханствах. В 1841 Бларамберг предпринимает рекогносцировочную поездку по Киргизской степи с целью сбора географических и этнографических сведений. Собранный материал использует для написания работы «Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков» (1856), где дает подробное описание земель внутренней (Букреевской) орды и Малой орды (казахов Оренбургского ведомства), их границ, населения, хозяйственной жизни и торговли. В 1843 командируется в Киргизскую степь для рекогносцировок рр. Джилхуара, Тобола и Большого Аята. В 1845 ему присваивается чин полковника, в этом же году он снова отправляется в Киргизскую степь для рекогносцировки р. Иргиз. В 1846 совершает поездку на реки Темир, Эмбу и в Мугоджарские горы. В 1852 произведен в генерал-майоры. В этом же году совершает движение с отрядом от Аральского укрепления вверх по Сыр-Дарье до кокандского укрепления Ак-Мечеть. Возглавляя корпус русских топографов, много сделал для расширения военно-географических исследований в Азиатской России и сопредельных странах Востока. В 1855 в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба. С 1856 директор Военно-топографического депо. В 1867 вышел в отставку. Кавалер ряда российских орденов. По учреждению Императорского Русского географического общества становится его активным членом (1845). Почетный член Берлинского географического общества (1861) (Басханов М.К. Указ. соч. С. 33).

⁷⁷ Глинка-Маврин Борис Григорьевич (1810 — 13.03.1895, СПб.), генерал от инфanterии (с 1869), генерал-адъютант (с 1856). Из древнего дворянского рода Глинок польского происхождения. Второй из трех сыновей статского советника, профессора Дерптского университета, писателя Григория Андреевича Глинки, преподававшего словесность членам императорской фамилии. Образование получил в Благородном пансионате при Петербургском университете. В 1821 окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с производством в прапорщики лейб-гвардии Московского полка. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829 и Польской кампании 1831, удостоен босых орденов Св. Анны 3-й степени с бантом и Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1832—1835 продолжал службу в СПб., будучи причислен к Гвардейскому Генеральному штабу, штабс-капитан. Занимал должности дивизионного квартирмейстера 3-й гв. пехотной

дивизии; старшего адъютанта отдельного гв. корпуса. «Представитель военного министерства в Париже» (25 апреля 1835 г. — 1 ноября 1842 г). «Состоял для особых поручений при после в Париже» (1 ноября 1842 г. — 22 января 1844 г.). Обратил особое внимание на постановку ружейного дела во Франции. По возвращении в Россию в 1844 назначен членом Комитета по улучшению штуцеров и ружей, командирован на Сестрорецкий оружейный завод для разработки новых образцов ударных ружей, затем на Ижевский оружейный завод. Участник Венгерского похода 1849, состоял в распоряжении главнокомандующего Действующей армией кн. И.Ф. Паскевича. В 1849, по окончании военных действий, произведен в генерал-майоры и командирован в Бельгию для заказа штуцеров. Занимал должности начальника штаба 4-го пехотного корпуса, начальника штаба всех войск, расположенных в СПб. и его окрестностях. В 1856—1862 начальник штаба инспектора стрелковых батальонов. Содействовал развитию и улучшению стрелкового дела в армии, составил «Наставление для стрелкового образования пехоты и драгун». В 1857 произведен в генерал-лейтенанты. В 1862—1864 заведовал резервными стрелковыми батальонами. В 1867—1872 командующий войсками Казанского военного округа. Пользовался расположением императоров Александра II и Александра III. Автор ряда исторических работ. За службу удостоен всех высших российских орденов (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 295).

⁷⁸ Дайнези Иосиф Францевич (1801 — ?), полковник Генерального штаба. На службу поступил в Сибирский Гренадерский полк подпрапорщиком (1817), прапорщик (1818), подпоручик (1819). Вышел в отставку (1820). В 1828 вновь поступил на службу с зачислением в Карабинерный полк, с 1830 адъютант начальника штаба Гренадерского корпуса. В 1830 г. состоял переводчиком при турецком посольстве. За труды при посольстве «Высочайше пожаловано» 200 червонцев. В 1831 участник подавления мятежа в Царстве Польском, адъютант генерал-квартирмейстера действующей армии, поручик (1832). В 1833 прикомандирован к Генеральному штабу, штабс-капитан. С марта по июль 1833 состоял в качестве офицера Генерального штаба при десантном отряде контр-адмирала М.П. Лазарева, высившегося близ Константинополя для оказания помощи турецкому правительству. В октябре того же года в качестве пристава (начальника конвоя) сопровождал турецкое посольство в СПб. За образцовое исполнение задания «Высочайшее» награжден бриллиантовым перстнем. Назначен в лейб-гвардии Павловский полк, капитан (1836). В 1837 командировался в Сирию в г. Алеппо

для «усовершенствования в арабском и турецком языках». В 1837—1838 совершил поездку по Сирии и Палестине, по итогам которой составил отчет. Работа Дайнези долгое время оставалась практически единственным (за исключением отчета капитана П.П. Львова) военно-статистическим материалом по Сирии, которым располагал русский Генеральный штаб. В 1839 за отлично выполненное задание произведен в полковники и переведен в Генеральный штаб. В марте 1840 назначен в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса. В сентябре того же года командирован в Константинополь «по Высочайшему секретному повелению», откуда вернулся в Тифлис в сентябре 1841. Осенью этого же года по распоряжению командира Отдельного Кавказского корпуса командирован с «секретным поручением» в Турцию в г. Эрзерум. Целью поездки были вопросы пограничного размежевания с Турцией в пределах областей Гурии, Аджарии и округа Кабулети. За полтора года нахождения в Северо-Восточной Турции Дайнези совершил несколько рекогносцировок по удаленным приграничным районам страны, вел сбор военно-статистических сведений и совершенствовал знания в турецком языке. За успешное выполнение задания по личному ходатайству командира Отдельного Кавказского корпуса был «Всемилостивейше» награжден тысячью рублей серебром (Басханов М.К. Указ. соч. С. 74—75).

⁷⁹ Симонич Иван Осипович (1792, г. Шибеник, Далмация — 1851), граф, генерал-лейтенант. В 1809 призван во французскую армию. В 1812 в чине капитана в составе Великой армии участвовал в походе в Россию, взят в плен под Красным. После окончания Отечественной войны 1812 поступил на русскую службу. В 1819 в чине майора был послан на Кавказ командиром батальона Грузинского гренадерского полка. Отличился в Русско-персидской 1826—1828 и Русско-турецкой войнах 1828—1829. Произведен в генерал-майоры. В 1832—1838 — полномочный министр в Персии, способствовал мирному переходу власти к Мухаммед-шаху. В 1838—1851 занимал должность коменданта варшавской цитадели. В 1849, во время венгерского похода, — генерал-полицмейстер армии И.Ф. Паскевича. «Он в душе не злой и не дурной человек, но из первых пройдох», — писал о нем в своих записках Н.Н. Муравьев-Карсский.

⁸⁰ Львов Петр Петрович (1802 — ?), полковник Генерального штаба. Из дворян Тверской губернии. В 1820 выпущен прапорщиком из Московского училища колонновожатых в Свиту Е.И.В. Подпоручик с 1826. Переведен в Гвардейский Генеральный штаб, адъютант главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.И. Ди-

бича. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829. Поручик (1829). В марте 1830 совершил поездку по Азиатской Турции из Константинополя через Ангору, Сивас, Эрзурум в Тифлис. За успешное выполнение задания и представленные материалы о поездке награжден алмазным перстнем. Адъютант главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, участник подавления мятежа в Царстве Польском в 1831, штабс-капитан. Назначен в лейб-гвардии Гренадерский полк, капитан (1832), переведен в Генеральный штаб, подполковник (1833). В 1833—1835 командировался в Азиатскую Турцию для сбора военно-географических и военно-статистических сведений. По результатам поездки представил ценное военно-географическое описание Сирии — «края и по сие время дурно известного Европе», и топографические данные, послужившие основой для составления более точной карты Азиатской Турции. В своем очерке Львов рассматривает географические и природные условия страны, приводит сведения об основных этнических группах с указанием их бытовых и религиозных особенностей, дает характеристику наиболее важным населенным пунктам Сирии и Палестины как в экономическом, так и в стратегическом аспектах. В «вознаграждение отличного исполнения важной и опасной командировки» «Высочайше» пожалован пожизненной пенссией в 2 тыс. рублей в год. Полковник (1835). В 1838 уволен от службы «по болезни и домашним обстоятельствам». С 1840 гражданский губернатор Витебска (*Басханов М.К. Указ. сочинения. С. 147.*)

⁸¹ Мейендорф Петр Казимирович (08.08.1796 — 09.03.1863, СПб.), барон, действительный тайный советник, обер-гофмейстер (с 1857). Из древнего германского дворянского рода, представители которого в XVIII в. поступили на российскую службу. Третий сын генерала от инфантерии барона Казимира Ивановича Мейендорфа. Получив хорошее образование, с молодых лет находился на военной службе, участвовал в Заграничном походе русской армии 1813—1814. Пересядя на дипломатическую службу, в 1814 назначен секретарем российской миссии в Испании. Затем состоял советником российского посольства в Австрии, и.д. поверенного в делах в Нидерландах. В 1832 назначен чрезвычайным посланником и полномочным послом в Пруссии. Принимал активное участие в подготовке Лондонского соглашения, закрепившего за Данией обладание Голштинией. С 1850 по 1854 Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Австрии. В 1854 назначен членом Государственного совета и Комитета министров. В декабре 1858 вошел в состав Комитета железных дорог. За службу удостоен высших российских орденов,

до ордена Св. Владимира 1-й степени включительно. Один из современников писал о нем: «Барон Мейендорф — человек умный и ученый, он знает все в мире, за исключением России, о которой не имеет никакого понятия... Большой поклонник Меттерниха, с которым он встречался в Вене в интимном кругу... барон Петр Казимирович считал Австрию державой, поддержанием которой в ее настоящих границах необходимо для Европы, и по этой причине является врагом славянских народностей. Эти две причины сделали его, несмотря на его замечательный ум, чрезвычайно вредным для России во время исполнения им обязанностей посла в Вене; вместо того, чтобы создавать нам симпатии среди славян, он боролся против них с ожесточенной убежденностью...» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 39).

⁸² Бенкендорф Константин Константинович (1817—1857), граф, генерал-майор (с 1849), генерал-адъютант (с 1855). Племянник шефа жандармов гр. А.Х. Бенкендорфу. Прапорщик с 2 сентября 1834. Состоял при Российской миссии в Берлине (до 1856) (Список генералам по старшинству. СПб., 1856. С. 424).

⁸³ Стакельберг Эрнест Густавович, граф, генерал-лейтенант (с 1861), генерал-адъютант (с 1860). Прапорщик с 18 июля 1834. В Свите Е.И.В. с 16 сентября 1853. «Член-корреспондент Военного министерства при Российской миссии в Вене» (до 1856). Чрезвычайный посланник и полномочный министр при Его Величестве Короле Италии (1856—1864) (Список генералам по старшинству. Исправлено по 12-е июля. СПб., 1864. С. 319).

⁸⁴ Бодиско (1) Андрей Андреевич (около 1894 — после 1856), генерал-майор (с 1846). Прапорщик с 1812. Офицер лейб-гвардии драгунского полка. Участник войны 1812. Полковник с 1832. Состоял при Стокгольмской миссии (до 1856). В этом же году вышел в отставку (Список генералам по старшинству. СПб., 1856. С. 329).

⁸⁵ Тизенгаузен Александр Евгеньевич (9.08.1858 — ?), генерал-майор Генерального штаба, барон. Из потомственных дворян, уроженец Санкт-Петербурга, сын генерал-лейтенанта. Образование получил в Пажеском корпусе (с занесением имени на мраморную доску корп.). Из Пажеского корпуса вышел в лейб-гвардии Преображенский полк (1876). Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1882. Проходил службу по Генеральному штабу в Кавказском военном округе, старший адъютант штаба 24-й пехотной дивизии (1882). С 1884 младший делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба, подполковник (с 1885). Занимался изучением Британской

Индии, Китая и Японии. Сопровождал в поездке по России японского военного министра генерала Ояму (1884) и японского принца Камацу (1887). Автор военно-статистических трудов по Британской Индии, Китаю и Японии. Прикомандирован к лейб-гвардии Семеновскому полку для цензового командования батальоном (1889). Полковник (с 1891). С 1894 помощник главного редактора журнала «Военный сборник» и газеты «Русский Инвалид» (1894). В распоряжении начальника Главного штаба (1899). В 1899 назначен командиром 137-го пехотного Нежинского полка, с 1901 начальник штаба 17-го армейского корпуса, в 1901 произведен в генерал-майоры. Участник Русско-японской войны 1904—1905. Награжден рядом высших российских орденов и золотым оружием с надписью «За храбрость» (Басханов М.К. Указ. соч. С. 237).

⁸⁶ Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (12.09.1820, СПб. — 15.04.1893, Порховской уезд Псковской губ.), князь, генерал от кавалерии (с 1878), генерал-адъютант (с 1869). Из древнего дворянского рода Корсаковых. Старший сын тайного советника Михаила Александровича Корсакова, получившего в 1820 дозволение принять титул и фамилию князей Дондуковых и именоваться потомственно кн. Дондуковым-Корсаковым. Образование получил на юридическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1841. В этом же году начал службу юнкером в лейб-Кирасирском полку. В 1844 переведен на Кавказ и назначен адъютантом наместника гр. М.С. Воронцова, вел его конфиденциальную переписку. В 1845—1851 участвовал в военных действиях на Кавказе, отличился в Даргинской экспедиции 1845. В 1848—1852 в лейб-гвардии Гусарском полку. В 1849 получил чин полковника. В 1852 переведен в Нижегородский драгунский полк. В 1853 командирован в Алжир для ознакомления с методами ведениями колониальной войны французской армией. В ходе Крымской войны 1853—1856 на Кавказском театре отличился в сражении при Курюк-Дара (1854), где был ранен и получил орден Св. Георгия 4-й степени и, как командир Нижегородского полка, — при штурме Карса (1855) произведен в генерал-майоры. В 1856 участвовал в боях за Чечню. Осенью 1858 из-за столкновений с генерал-лейтенантом Н.И. Евдокимовым, незаслуженно оскорбившим одного из офицеров полка, покинул Кавказ. В 1859—1863 начальник штаба Войска Донского; участвовал в проведении крестьянской реформы 1861 на Дону. С 1863 в отставке, занимался общественной и земской деятельностью. С января 1869 Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор, в начале 1877 одновременно командующий войсками Киевского военного округа. С на-

чаала Русско-турецкой войны 1877—1878 командовал 13-м армейским корпусом, а с февраля 1878 — Восточным отрядом (заменив уехавшего в СПб. наследника престола, будущего имп. Александра III). С апреля 1878 имп. Российский верховный комиссар в Болгарии, одновременно в 1879—1880 командовал русским оккупационным корпусом. Провел большую работу по организации нового управления, административному, судебному, финансовому и военному устройству страны. Пользовался популярностью среди болгар, которые, по свидетельству современников, помышляли даже возвести его на болгарский престол. С 1879 член Государственного совета. С 1880 временный Харьковский генерал-губернатор и командующий войсками Харьковского военного округа. С 1881 временный Одесский генерал-губернатор. В 1882—1890 главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом. Возглавлял комиссию, выработавшую новое Положение об управлении Кавказом (введено в 1883). При Дондукове-Корсакове было упразднено военно-народное управление, образована статистическая часть; по его инициативе источники миниральных вод (пятигорские, железноводские, кисловодские, боржомские и др.) признаны «имеющими общественное значение» и начато их благоустройство. Проводил на Кавказе примирительную политику по отношению к горским народам, считал необходимым сохранение привилегий местной аристократии. Гр. С.Ю. Витте едко и несправедливо писал о Дондукове-Корсакове: «Главноначальствующим на Кавказе он был сравнительно недолго и ничем себя не проявил, но Кавказ его очень любил, потому что он был кавказским и во время своего пребывания на Кавказе устраивал всевозможные кутежи». С июня 1890 заседал в Государственном совете. Удостоен всех высших российских орденов (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 415—416).

⁸⁷ Татищев Дмитрий Павлович (1767, Псковский уезд — 16.09.1845, Всна), действительный тайный советник (с 1819), обер-камергер (с 1841). Из древнего дворянского рода. Сын капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка, а затем надворного советника Павла Сергеевича Татищева. Получил домашнее образование. В 1782 начал службу сержантом в лейб-гвардии Преображенском полку, а в мае 1787 переведен вахмистром в лейб-гвардии Конный полк. В январе 1791 получил чин подпоручика и отправился волонтером в армию светл. кн. Г.А. Потемкина, действовавшую против турок. После заключения Ясского мира с Турцией, в январе 1792 произведён в поручики и направлен гр. А.А. Безбородко в Константинополь, где в течение четырех месяцев исполнял обязанности по-

веренного в делах. В том же году в качестве волонтера в рядах союзной австро-пруссской армии участвовал в боевых действиях против французов. В январе 1793 пожалован в камер-юнкера Имп. Двора. В 1794 под командой А.В. Суворова принял участие в военных действиях в Польше, отличился в ряде сражений, в том числе в кровопролитном штурме предместья Варшавы, где командовал добровольцами, шедшими впереди 3-й колонны. За храбрость был пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени и чином секунд-ротмистра. В январе 1796 получил чин ротмистра. В ноябре этого же года, через несколько дней после вступления на престол Павла I, пожалован в действительные камергеры Имп. Двора. В июне 1799 получил чин тайного советника, а в сентябре того же года назначен членом государственной Коллегии иностранных дел. С этого времени свыше 40 лет находился на дипломатической службе. Участвовал почти во всех важнейших конгрессах третьим, вторым или первым представителем от России, его именем скреплены многие международные договоры. В июне 1802 назначен посланником в Неаполь. В марте 1803 ему повелено вновь присутствовать в Коллегии иностранных дел. В октябре 1804 назначен вторым уполномоченным при заключении союзного договора с Австрией; подписал Декларацию о союзе России и Австрии против Франции, подготовившую создание 3-й антифранцузской коалиции. В 1805 подписал союзный договор с Неаполем. В 1805—1808 посланник в Неаполе. В сентябре 1810 назначен сенатором. В 1815—1821 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Испании. В декабре 1819 получил чин действительного тайного советника. С июля 1821 чрезвычайный посланник и полномочный министр в Нидерландах. В феврале и мае 1822 по повелению имп. Александра I дважды направлялся с особыми поручениями в Вену. В 1822 являлся уполномоченным России на Веронском конгрессе; в ноябре подписал протокол о соглашении России, Австрии и Пруссии с Францией по испанским делам, а в декабре — конвенцию с представителями Англии, Франции, Австрии и Пруссии об отмене торговли неграми. В августе 1823 оставлен в Вене в чрезвычайной миссии при австрийском императоре. В феврале 1825 подписал в Вене конвенцию с представителями австрийского правительства о ликвидации денежных дел в Царстве Польском. В августе 1826 — сентябре 1841 Чрезвычайный и Полномочный Посол в Вене. В 1833 подписал секретные конвенции с Австрией по делам Османской империи и Египта и по делам Царства Польского. В августе 1838 в Милане подписал конвенцию с Австрией и Пруссиею по делам вольного города Кракова. В декабре 1838 назначен членом Государственного совета с остав-

лением в должности посла. Удостоен ряда высших российских орденов: Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 1-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского, Св. Апостола Андрея Первозванного. В 1840 получил знак отличия беспорочной службы за 50 лет. В 1843 уволен в отпуск за границу до излечения болезни с сохранением содержания (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 432—433).

⁸⁸ Грибоедов Александр Сергеевич (04.01.1795, Москва — 30.01.1829, Тегеран). По свидетельству родственников, в детстве Грибоедов был «очень сосредоточен и необыкновенно развит». В 1810, в возрасте пятнадцати лет, окончив словесное отделение философского факультета Московского университета, Грибоедов продолжил учебу в университете. Летом 1812, во время наполеоновского вторжения, вступил корнетом в формируемый Московский гусарский полк (добровольческое нерегулярное подразделение) графа Салтыкова, который не принял участие в боевых действиях Отечественной войны 1812. 8 сентября этого же года корнет Грибоедов заболел и оставался во Владимире, вплоть до 1813. Прибыв на место службы, он попал в компанию «юных корнетов из лучших дворянских фамилий» — князя Голицына, графа Ефимовского, графа Толстого, Алябьева, Шереметева, Ланского, братьев Шатиловых. С некоторыми из них Грибоедов состоял в родстве. Первые литературные опыты Грибоедова — «Письмо из Брест-Литовска к издателю», очерк «О кавалерийских резервах» и комедия «Молодые супруги» (перевод французской комедии «Le secret du Ménage») — относятся к 1814. В статье «О кавалерийских резервах» Грибоедов выступил в качестве исторического публициста. В 1817 поступил на службу в государственную Коллегию иностранных дел в Петербурге. С 1818 — секретарь русской дипломатической миссии в Персии. С 1821 секретарь «по иностранной части», а с 1826 — начальник дипломатической канцелярии командующего войсками Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А.П. Ермолова (в этом же году его сменил генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич). В январе 1826 арестован в крепости Грозная по подозрению в принадлежности к декабристам (со многими из которых был знаком лично, одобрял их цели, но к перспективе заговора относился скептически); был привезен в Петербург и сумел доказать непричастность к тайному обществу. Во время Русско-персидской войны 1826—1828 участвовал в дипломатических переговорах с персидским правительством и выработал условия Туркманчайского мирного договора 1828, закрепившего победу России над Персией. Согласно договору, к России отошли территории ханств Эриванского (по обеим сторонам р. Аракс) и Нахичеванского. Персидское

правительство обязывалось не препятствовать переселению в русские пределы армян (во время войны армяне оказывали поддержку русской армии). Подтверждалась свобода плавания в Каспийском море для русских торговых судов и исключительное право России иметь здесь военный флот. Устанавливались консульские отношения, статьей 8 договора Аббас-Мирза признавался наследником шахского престола. Персия обязывалась выплатить 10 куруров туманов (или 20 млн рублей) контрибуции. На последнем условии особенно настаивал Грибоедов, считавший, что «требуя денег, мы лишаем неприятеля способности вредить нам долгое время». Текст договора Грибоедов доставил в Петербург. В мае 1828 он был вновь послан в Персию в звании министра-резидента. Еще в Петербурге Грибоедов составил «Проект инструкции посылаемому в Персию», в котором наметил пути русской политики в Персии. Он предложил, отсрочив платежи по контрибуции, добиться сближения с Аббас-Мирзой, что позволило бы России бороться с английским влиянием в Персии. Но Министерство иностранных дел изменило ряд пунктов проекта Грибоедова, как слишком далеко идущих. Составленная Грибоедовым «Записка об учреждении Российской Закавказской компании», призванной не только обеспечить экономическое развитие Закавказья, но и укрепить русские позиции в Персии и на всем Среднем Востоке, также не получила одобрения. Русское правительство уклонилось от активной политики в Персии, желая избежать обострения отношений с Англией, особенно нежелательного ввиду Русско-турецкой войны. Указания министерства ограничивали сферу действий Грибоедова требованием от Персии точного выполнения условий договора (в первую очередь выплаты контрибуции). По пути на место назначения Грибоедов провёл несколько месяцев в Тифлисе, где и женился на княжне Нине Чавчавадзе, дочери начальника Эриванской области и грузинского поэта Александра Чавчавадзе. В октябре 1828 Грибоедов прибыл в Тавриз (столица персидского Азербайджана), где добился выплаты очередного взноса контрибуции и обеспечилнейшему Аббас-Мирзы в Русско-турецкой войне. 9 января Грибоедов выехал в Тегеран. Шахское правительство, поддерживаемое английскими резидентами, отказалось выплачивать в дальнейшем контрибуцию и возвратить русских пленных и насильственно угнанных. При этом высшее персидское духовенство развернуло широкую антирусскую кампанию. Грибоедов специальной нотой известил шаха о своем решении покинуть Персию, указав при этом, что безопасность членов русской миссии находится под угрозой. 30 января 1829 толпа мусульман-фанатиков разгромила русское посольство в Тегеране.

Грибоедов, как считается, выбежал с саблей и получил удар камнем по голове, затем был закидан камнями и изрублен. Его тело было настолько изуродовано, что Грибоедова опознали только по следу на кисти левой руки, полученному в дуэли с Якубовичем. Тело Грибоедова было доставлено в Тифлис и погребено на горе Мтацминда в гроте при церкви Святого Давида. На могиле вдова Нина Чавчавадзе поставила ему памятник с надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?». Литературной славой Грибоедов обязан лишь одной своей пьесе, стихотворной сатире «Горе от ума». Пьеса была задумана в Петербурге около 1816. С 1823 Грибоедов читал отрывки из пьесы (первоначальное название «Горе уму»). Первая редакция пьесы была закончена в Тифлисе в 1824. В январе 1831 состоялась первая постановка пьесы. В этом же году «Горе от ума» было опубликовано на немецком языке в Ревеле и только в 1833 — на русском языке. Первая публикация пьесы без искажений появилась в Москве только в 1875.

⁸⁹ Орлов Алексей Федорович (08.10.1796, Москва — 09.05.1861, СПб.), князь, генерал от кавалерии (с 1833), генерал-адъютант (с 1820). Внебрачный сын («воспитанник») генерал-аншефа гр. Ф.Г. Орлова и полковницы Т.Ф. Ярославовой. Незадолго до смерти Ф.Г. Орлова императрица Екатерина II даровала всем его «воспитанникам» права потомственного дворянства и фамилию. Получил первоначальное домашнее образование, а затем учился в пансионате аббата Николя. В 1801 поступил на службу в Коллегию иностранных дел. В 1804 переведен юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк и вскоре произведен в корнеты. Участник войн 1805 и 1806—1807 с Францией: за отличие в сражении при Аустерлице (ноябрь 1805) награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1809 в чине штабс-ротмистра перешел на службу в лейб-гвардии Конный полк, в списках которого значился до конца жизни. В рядах своего полка участвовал в Отечественной войне 1812 и Заграничном походе русской армии 1813—1814: был в сражениях под Витебском, Смоленском, при Бородино (где получил семь ран), под Красным, под Люценом, Бауценом, Кульмом и Дрезденом, в сражениях во Франции. С января 1813 адъютант великого князя Константина Павловича. В августе 1814 вышел в отставку, но уже в 1815 вновь вернулся в строй. В 1817 пожалован в генерал-майоры. В 1819—1826 командовал лейб-гвардии Конным полком. 14 декабря 1825 Орлов сыграл важную роль при подавлении восстания декабристов в СПб.: он первым из полковых командиров привел к императору Николаю I вверенную ему часть,

а затем с оружием в руках двинулся в атаку против мятежников. 25 декабря 1825 возведен с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство. До конца своих дней российский император помнил оказанную ему услугу: он приблизил Орлова к себе, удостоил особым доверием и расположением, граничившим с дружбой. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 сопровождал Николая I в действующую армию, за участие в ряде сражений пожалован украшенным алмазами золотым оружием, а в 1829 произведен в генерал-лейтенанты. Орлов проявил себя как умелый и тонкий дипломат: его трудам принадлежит подписание в 1829 Адрианопольского мирного договора с Турцией. После этого Орлов был назначен послом в Константинополь, где находился менее года, с успехом разрешив стоявшую перед ним задачу — обеспечить выполнение условий договора. Июльская революция 1830 во Франции побудила Николая I отправить Орлова в Вену с целью нащупать почву для совместных с Австрией действий против Франции. Будучи убежденным сторонником интервенции, Орлов, однако, не достиг успеха. В 1831 возглавил подавление «холерного бунта» в СПб. и восстаний в военных поселениях. В 1832 находился с дипломатической миссией в Пруссии, Голландии и Англии. Громкий успех выпал на долю Орлова в связи с подписанием им в качестве чрезвычайного и полномочного посла Ункяр-Искелесийского договора 1833 с Турцией. Наибольшее значение имела приложенная к договору «отдельная и секретная статья». Она налагала на Порту обязательство закрывать по требованию правительства Российской империи Дарданельльский пролив, «то есть не дозволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом» (Лондонская конвенция 1841, установившая международную регламентацию режима проливов, лишила Россию выгод, вытекавших из У.-И. договора). В начале 1839 назначен попечителем наследника цесаревича великого князя Александра Николаевича и сопровождал его в поездках за границу. После смерти гр. А.Х. Бенкendorфа сменил его в 1844 на посту шефа жандармов и главного начальника 3-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. Одновременно назначен командующим Имп. Главной квартирой. Деятельность Орлова по 3-му отделению была направлена к ограждению России от западноевропейского революционного влияния. Принял ряд мер по запрещению ввоза в страну иностранной литературы. Одновременно был председателем совета военно-учебных заведений и главноначальствующим над Лазаревским институтом восточных языков в Москве. Благоговел перед личностью Николая I, который в свою очередь

был с ним очень откровенен в части государственных планов. В 1854 вел неудачные переговоры в Вене о сохранении нейтралитета Австрии в войне России с Турцией, Францией и Англией. В царствование императора Александра II пользовался не меньшим почетом, чем при Николас I. В феврале—мая 1856 возглавлял российскую делегацию на Парижском конгрессе, подвешем итоги Крымской (Восточной) войны. В мае 1856 назначен председателем Государственного совета и Комитета министров, а также председателем Кавказского и Сибирского комитетов. В этом же году возведен, с нисходящим потомством, в княжеское Российской империи достоинство. В период подготовки крестьянской реформы возглавлял Секретный (1857—1858), затем Главный (1858—1860) комитет по крестьянскому делу. Будучи убежденным противником немедленного освобождения крестьян, он направлял свои усилия к тому, чтобы затормозить дело, а, если и осуществить реформу, то в самых ограниченных пределах. За государственную деятельность удостоен всех высших российских орденов. Отзывы современников об Орлове, одном из крупнейших сановников царствования Николая I, различны. В своем послании к нему А.С. Пушкин писал:

*О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный...*

Характеризуя Орлова как блестящего царедворца, ловкого политика и удачливого дипломата, современники отмечали вместе с тем его эгоизм и лень (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 172—174).

⁹⁰ Авинов Александр Павлович (18.03.1786 — 13.09.1854, СПб.), адмирал (с 1852). Из старинного дворянского рода, восходящего к концу XV в., многие представители которого находились на военной службе. Сын помещика Рязанской губ., кавалерий подпоручика. В царствование Павла I был определен дядей, вице-адмиралом Скуратовым, в Морской кадетский корпус. С 1801 в звании гардемарина служил на Балтике. С 1803 с группой молодых офицеров направлен для стажировки на английский флот. В чине мичмана плавал на английских судах по Северному морю, Атлантическому океану. Под начальством адмирала Г. Нельсона участвовал в Трафальгарском сражении (1805), был взят

в плен испанцами и провел несколько месяцев на о. Пальма. В 1808 возвратился в Россию и служил на Балтике. В 1812—1814 в чине лейтенанта находился в плавании у берегов Голландии и Англии. В 1819—1822 старшим офицером шлюпа «Открытие» совершил кругосветное плавание, целью которого являлось описание северных берегов Америки и отыскание проходов в Атлантический океан. С 1823 по 1827 находился в Кронштадте и, командуя 84-пушечным кораблем «Гангут», поступил в эскадру контр-адмирала гр. Л.П. Гейдсна, отплившую в Средиземное море. В 1827 участвовал в Наваринском сражении, за боевые отличия произведен в капитаны 1-го ранга. В 1829 был командирован в Америку для закупки парового колесного корвета и для ознакомления с последними достижениями в области судостроения. В октябре 1830 получил чин контр-адмирала. С 1831 командовал 3-й бригадой 4-й флотской дивизии, а с 1834 начальник штаба Черноморского флота и портов. С декабря 1837 вице-адмирал, командир Севастопольского порта. Был деятельным сотрудником адмиралтейств и сухих доков. В 1841—1849 военный губернатор Севастополя. Тяжело заболел, будучи потрясен известием о гибели старшего сына, лейтенанта флота, утонувшего в Пирейской гавани. В апреле 1849 назначен членом Адмиралтейств-совета и переехал в СПб. Все шесть сыновей находились на военной службе, продолжая традиции рода Авиновых (третий сын Александра Павловича — Сергей Александрович дослужился до чина генерала от инфanterии) (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 10—12).

⁹¹ Шанц Иван Иванович (Эбергард-Юган) (1802, близ Бьернеборга, Финляндия — 1879), фон, адмирал (с 1866). Швед по национальности. Обучался в «институте» г. Бьернеборга. С 1814 ежегодно ходил в море на торговом судне, продолжая обучение зимой. Отказался от предложения стать капитаном торгового судна из-за нелюбви к коммерции. В декабре 1820 сдал экзамен на офицерский чин (экзамен сдавал на английском языке, т.к. русским языком он не владел). 2 марта 1821 поступил из волонтеров шведской национальности в мичманы Балтийского флота и принес присягу на подданство России. В 1822, командуя тендером «Атис», проводил опись и промеры в Финском заливе. В 1823 служил на таможенной финляндской яхте. В 1824 ходил на бриге «Ахиллс», в 1825 — на фрегате «Патрикий». В 1826—1827 на яхте «Лизетта» описывал Аландские острова. В 1828 произведен в лейтенанты; перешел на корабль «Фершампенуаз» на Средиземное море и до

1831 крейсировал там, участвуя в блокаде Дарданелл. Отличился при попытке спасти корабль, загоревшийся при входе в гавань Кронштадта. В 1831 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1832 командовал люгером «Ораниенбаум». В 1834—1836, командуя транспортом «Америка», совершил кругосветное плавание. Прошел мимо мыса Доброй Надежды. Доставил груз в Петропавловск и Ново-Архангельск. Открыл группу островов Шанца (Маршалловы острова) и вернулся мимо мыса Горн. Произведен в капитаны 2-го ранга. В 1836—1838 состоял адъютантом при начальнике Главного морского штаба адмирале А.С. Меншикове. Произведен в капитаны 1-го ранга. В 1839—1841 во главе группы русских офицеров наблюдал в Северной Америке за постройкой парохода-фрегата «Камчатка», который перевел в Кронштадт. До 1847 командовал «Камчаткой». В 1847 за 25 лет службы в офицерских чинах награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Произведен в контр-адмиралы. В течение семи лет выполнял особые поручения адмирала А.С. Меншикова и генерал-адмирала вел. князя Константина Николаевича. В 1848 в Кронштадте занимался постройкой гребных судов и лафетов для корабельных орудий по собственным чертежам. В 1848—1853 посещал многие зарубежные верфи, изучая опыт железного судостроения. В 1849—1852 руководил постройкой в Або пароходофрегата «Рюрик». В 1853 спроектировал и построил гребную канонерскую лодку. В 1854 руководил постройкой 40 гребных канонерских лодок по своему проекту и разработал проект типовой винтовой канонерской лодки «Стерлядь» (построена в том же году в г. Або); по ее образцу строили серии лодок в СПб. В 1855 произведен вице-адмиралы, назначен командующим 1-й флотской дивизией Балтийского флота, командовал отрядом паровых судов. В 1858 впервые вывел в море эскадру паровых судов. В 1860 назначен старшим флагманом Балтийского флота, предложил свой проект клипера. С 1861 командовал практической эскадрой Балтийского флота. В 1863 был назначен членом Адмиралтейств-совета. Награжден рядом высших российских орденов, до Св. Александра Невского включительно. Автор мемуаров: «Воспоминания о паровом фрегате “Камчатка”» (1856), «Первый шаг на море. Рассказ старого моряка» (1859), «Первые шаги на поприще морской военной службы» (1865). Поместил ряд статей в «Морском сборнике» (Скрицкий Н.В. Русские адмиралы. Краткий биографический словарь. М., 2003. С. 437—439).

⁹² Горковенко Алексей Степанович (1821—1876), вице-адмирал (с 1874). В 1830 поступил в морскую роту Александровского кадетского корпуса. С 1832

по 1837 учился в Морском кадетском корпусе, откуда выпущен с чином мичмана. Оставленный при Офицерских классах, он начал службу собственно в 1841. Совершил несколько плаваний в Атлантическом океане и в Средиземном море. Ушиб головы при падении с мостика парохода «Камчатка» заставил Горковенко перейти на береговую службу. В 1852 назначен адъютантом к инспектору морских учебных заведений. С 1853 старший адъютант при дежурном генерале Главного морского штаба. В этом же году был послан представителем России на морскую метеорологическую конференцию в Брюссель, по окончании которой капитан-лейтенант Горковенко совершил поездку по Соединенным Штатам Северной Америки с целью сбора информации о военном судостроении. По окончании Крымской войны 1853—1856, в течение которой он состоял при главном командире Кронштадтского порта, Горковенко был назначен адъютантом к генерал-адмиралу вел. князю Константину Николаевичу. В 1857 переведен в Гвардейский экипаж. С 1861 — член комитета по устройству Санкт-Петербургского коммерческого порта. В 1860 получил назначение вице-директором Гидрографического департамента Морского министерства, которым и оставался в течение 14 лет, исполняя в то же время различные отдельные поручения: так, в 1864 осматривал маяки и гидрографические учреждения иностранных государств, а в 1869 присутствовал при открытии Суэцкого канала. В 1875, уже будучи членом ученого отделения Морского технического комитета, был командирован на географический конгресс в Париж, но по болезни возвратился с пути в Петербург, где и умер.

⁹³ Глазенап Богдан (Готлиб) Александрович (1811, Лифляндия — 23.11.1892, Висбаден), адмирал (с 1869), генерал-адъютант (с 1858). Из семьи титулярного советника Александра Христофоровича Глазенапа, потомка древнего лифляндского дворянского рода. Получил образование в Морском кадетском корпусе: 1 мая 1824 произведен в гардемаринны, после чего плавал на корабле «Св. Андрей» до Исландии и обратно, а в 1825 крейсировал в Балтийском море на корабле «Сисой Великий»; в феврале 1826 окончил корпус с чином мичмана. На шлюпе «Сенявин» под командованием капитан-лейтенанта Ф.П. Литке участвовал в кругосветном плавании на Камчатку и обратно, за что награжден орденом Св. Анны 3-й степени. По возвращении состоял с 30 сентября 1829 в должности адъютанта при дежурном генерале Главного морского штаба. В 1831 произведен в лейтенанты и в том же году участвовал в польской кампании; был при взятии Варшавы и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, золотой саблей

с надписью «За храбрость». Затем в 1832 находился в плавании по Балтийскому морю на корабле «Березина» и бриге «Усердие». В 1833 за 18 морских кампаний награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С мая 1834 до 1838 назначен адъютантом к начальнику Главного морского штаба. В 1834—1837 плавал по Балтийскому морю на пароходах «Ижора», «Геркулес» и фрегате «Кастор»; сопровождал членов Императорской фамилии при плавании в Германию. В декабре 1834 переведен в Гвардейский экипаж. В сентябре 1837 произведен в капитан-лейтенанты и в том же году сопровождал императора Николая I на пароходе «Северная Звезда» из Одессы в Крым и к берегам Абхазии. В этом же году по «высочайшему повелению» сделал перевод известного французского сочинения «Руководство к управлению пароходами», за который получил бриллиантовые перстни от государя и от вел. князя Михаила Павловича. В 1839 был командирован в Николаев. С Главным командиром Черноморского флота и портов вице-адмиралом М.П. Лазаревым ходил на судне «Силистрия» и пароходах «Колхида» и «Северная Звезда» из Тамани к берегам Абхазии. В этом же году командовал сводным морским батальоном в экспедиции против горцев и за участие в десанте при Субаши (с реляцией о взятии Субаши был послан в Петербург) и Шахе получил орден Св. Анны 2-й степени. В 1840 участвовал в десанте у форта Вельяминовского (Туапсе). С 1841 по 1846 командовал последовательно бригом «Козарский» (1841), корветом «Львица» (1842), фрегатом «Екатерина» (1843) и корветом «Князь Варшавский» (1845—1846), на котором совершил плавание в Средиземное море. В 1844 произведен в капитаны 2-го ранга. Командирован в Лондон для наблюдения за постройкой двух железных канонерских лодок и одной десантной. В 1846 произведен за отличие в капитаны 1-го ранга, назначен делопроизводителем Морского ученого комитета. С 1847 «испременный член» Морского ученого комитета. В 1848—1849 редактировал «Морской сборник» и с 1850 состоял членом Комитета по пересмотру морских узаконений. В 1849—1850 на разных судах плавал по Балтийскому морю. Назначенный 8 апреля 1851 исправлять должность директора Морского кадетского корпуса, Глазенап был 15 декабря 1852 произведен в контр-адмиралы с назначением в свиту Е.И.В. и с утверждением в должности директора корпуса. 12 марта 1855 назначен временно управляющим Гидрографическим департаментом Морского министерства, а в октябре того же года прикомандирован от Морского министерства к российской миссии в Стокгольме. 21 октября 1857 был назначен Главным командиром Архангельского порта и Архангельским военным губернатором. Во

время посещения порта императором Александром II 21 июня 1858, при закладке винтового фрегата «Пересвет», Глазенап удостоился звания генерал-адъютанта. В феврале 1860 назначен Главным командиром Николаевского порта и Николаевским военным губернатором. В апреле 1861 произведен в вице-адмиралы. С апреля 1871 член Адмиралтейств-совета и Александровского комитета о раненых, а с января 1877 — почетный член Николаевской морской академии, являлся действительным членом Императорского Русского географического общества. Награжден высшими российскими орденами, до Св. Владимира 1-й степени включительно. В январе 1863 ему были пожалованы 4000 десятин земли. Глазенап поместил в «Морском сборнике» следующие статьи: 1) рецензия на сочинение К.Н. Посьета «Вооружение военных судов» (1858 г., № 12); 2) «О денежном счетоводстве и отчетности морского ведомства в Голландии» (1859 г., №№ 7 и 8); 3) «О преобразовании рабочих сил Архангельского порта. Проект Б. Глазенапа» (1860 г. № 2); 4) «Краткий очерк Архангельского порта и его деятельности» (1860 г. № 9). Здесь же было напечатано несколько официальных его донесений и отчетов.

⁹⁴ Корнилов Владимир Алексеевич (01.02.1806, Тверская губ. — 05.10.1854, Севастополь), вице-адмирал (с 1852), генерал-адъютант (с 1852). Из дворянского рода, восходящего к XVI в. Второй сын Иркутского, а затем Тобольского губернатора. Образование получил в Морском кадетском корпусе, по окончании которого в феврале 1823 произведен в мичманы с прикомандированием к флотскому Гвардейскому экипажу. В 1827 на корабле «Азов» участвовал в Наваринском морском сражении, за что был награжден орденом Св. Анны 4-й степени. В феврале 1828 произведен в лейтенанты. Участник Русско-турецкой войны 1828—1829. Последующие три года — 1830—1832 — капитан строящегося тендера «Лебедь». В 1832 переведен с Балтийского на Черноморский флот. В 1833 выполнял опись Босфора и Дарданелл, за что удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени. В 1834—1835, командуя бригом «Фемистокл», плавал в Черном и Средиземном морях. В апреле 1835 произведен в капитан-лейтенанты. В 1836 получил в командование корвет «Орест». В 1837 награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В июне 1838 за отличие произведен в капитаны 2-го ранга. В 1838 капитан фрегата «Флора». С 1838 по 1841 начальник штаба эскадры при адмирале М.П. Лазареве, одновременно исполняя должность командира 120-пушечного парусного линейного корабля «Двенадцать Apostолов». Автор ряда наставлений и других руководящих документов по различным вопросам военно-морской службы. В декабре 1840 про-

изведен в капитаны 1-го ранга. В 1846—1848 командирован в Англию для заказа пароходофрегатов для Черноморского флота и наблюдения за ходом их строительства. В декабре 1848 удостоен чина контр-адмирала. С апреля 1849 начальник штаба Черноморского флота и портов Черного моря. Фактически сосредоточил в своих руках всю власть и командование Черноморским флотом. Большая работа, проведенная Корниловым, обеспечила образцовую службу на кораблях и высокую боевую подготовку матросов и офицеров. Корнилов выступал за перевооружение кораблей новой артиллерией, за замену парусного флота паровым, активно участвовал в создании Севастопольской военно-морской библиотеки, в разработке нового морского устава. В 1853 входил в состав чрезвычайного посольства во главе с адмиралом А.С. Меншиковым, отправленным в Константинополь. Накануне Крымской (Восточной) войны 1853—1856 провел быструю переброску на Кавказ пехотной дивизии, которая сыграла решающую роль в отражении турецкого наступления на г. Тифлис. В ноябре 1853, в начале Крымской войны, на пароходофрегате «Владимир» захватил в бою турецкий пароход «Перваз Бахри». В сентябре 1854 возглавлял оборону северной стороны Севастополя. Благодаря исключительной энергии и настойчивости Корнилову удалось в короткий срок создать систему сухопутных укреплений города. При первой бомбардировке Севастополя был смертельно ранен ядром на Малаховом кургане. Последними словами Корнилова были: «Отстаивайте же Севастополь!» По свидетельству современников, в делах службы Корнилов был требовательным начальником, не оставлявшим без замечания малейшего промаха подчиненных. Но в то же время он предоставлял полную свободу каждому офицеру исполнить порученное ему дело. Выдержка и хладнокровие Корнилова при этом были поразительны: он никогда не позволял себе вмешиваться в распоряжения подчиненных, разъясняя потом каждую их ошибку (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 573—574).

⁹⁵ Путятин Евфимий Васильевич (08.11.1803 — 16.10.1883, Париж), граф, адмирал (с 1858), генерал-адъютант (с 1849). Из старинного дворянского рода, восходящего к XVI в. Старший сын капитан-лейтенанта Василия Ефимовича Путятина. В 1822 мичманом выпущен из Морского кадетского корпуса. В 1822—1825 совершил кругосветное плавание к северо-западным берегам Америки на фрегате «Крейсер» под командой капитана 2-го ранга М.П. Лазарева, в ходе которого в том числе были проведены исследования по метеорологии и этнографии. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Служил на кораблях Балтийского флота,

Средиземноморской эскадры, Черноморского флота. В 1827 на корабле «Азов» участвовал в Наваринском сражении, за храбрость награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1828 произведен в лейтенанты. В 1830 за 18 морских кампаний награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 1832 на Черноморском флоте состоял офицером для особых поручений при вице-адмирале М.П. Лазареве, принимая участие в гидографических работах и описи пролива Дарданеллы. С 1834 — капитан-лейтенант, с 1838 — капитан 2-го ранга. В 1838—1839 командовал фрегатом, а затем сводным отрядом моряков, высаженных с кораблей у устья реки Субаши (Абхазия), был ранен. С 1839 — капитан 1-го ранга. После лечения раны на кавказских минеральных водах Путятин для «поправления здоровья» продолжил лечение за границей, в Англии (1841). Одновременно по поручению правительства он произвел заказ нескольких пароходов для Черноморского флота. В следующем году — 1842 — возглавил дипломатическую миссию в Персию. До-брался отмены ограничений для русской торговли на Каспийском море и в самой Персии. Путятином были приняты меры для разграничения водного пространства на Каспийском море между двумя странами. Благодаря его усилиям было установлено пароходное сообщение между Россией и Персией. В августе 1842 произведен в контр-адмиралы. По возвращении в Петербург, председательствовал в комитете по составлению урочного положения для судостроения (1842—1844). В апреле 1846 г. пожалован в Свиту Е.И.В. В 1849 Путятин был командирован в Египет и Турцию «для осмотра тамошних морских сил». В апреле 1851 получил чин вице-адмирала. 7 октября 1852 по приказу Николая I Путятин на борту фрегата «Паллада» отбыл из Кронштадта в Японию с задачей установления дипломатических и торговых связей со Страной восходящего солнца. Экспедиция Путятина прибыла в Нагасаки 11 августа 1853. Японские власти были настроены по отношению к русским значительно благожелательнее, чем к американцам, оскорбившим их чувство национального достоинства своими угрозами (американская миссия Перри убыла с островов накануне прибытия русских). У японцев существовали даже неопределенные расчеты на помочь России в случае вооруженного конфликта с Америкой. Проявив недюжинное дипломатическое искусство, Путятин сумел использовать и усилить эти настроения. В сентябре 1853 он был торжественно принят в Нагасаки, где передал японским властям письмо канцлера Нессельроде. В январе 1854 начались переговоры с прибывшими в Нагасаки японскими уполномоченными. После продолжительного перерыва Путятин заключил 26 января

1855 Симодский договор, согласно которому устанавливались «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Для русских судов открывались порты Симода, Хакодате и Нагасаки, причем первые два — и для торговли. Именно в эти два порта Россия получала право назначать с 1856 своих консулов. Все Курильские острова к северу от острова Итуруп объявлялись владениями России. Формально дипломатические отношения между двумя странами были установлены три года спустя, в 1858, все тем же Путятином. В ходе дипломатической миссии вице-адмирала Е.В. Путятину в Японию на борту фрегата «Паллада» капитан фрегата И.С. Унковский организовывал съемки и описание восточного берега Корси. Член экипажа фрегата Н. Посьет проводил гидрографические исследования побережья Кореи и Приморья. При этом были открыты залив Посьета и остров Римского-Корсакова. По возвращении из Японии Путятин в декабре 1855 был возведен с нисходящим его потомством в графское Российской империи до-стоинство. В 1855—1856 — начальник штаба Кронштадтского военного губернатора. В 1856 назначен представителем Морского министерства при российских посольствах в Лондоне и Париже. В 1857—1858 возглавлял дипломатическую миссию в Китае. 13 июня 1858 подписал русско-китайский Тяньцзинский договор, подтверждавший прежние права России содержать в Пекине Русскую духовную миссию и «отправлять посланников в Пекин всякий раз, когда признает это нужным». Торговля России с Китаем отныне могла производиться «не только сухим путем... но и морем». Для русских кораблей открывались порты Шанхай, Нинбо, Фучжоу, Амой, Кантон, Таинань на Формозе, Сунчжоу (на Хайнане) и «другие открытые места для иностранной торговли». Впрочем, эти права имели небольшое практическое значение для России в связи со слабостью ее торгового флота на Тихом океане. Что же касается прав на сухопутную торговлю, то они были зафиксированы лишь в общей декларативной форме и не отвечали стремлениям русского купечества торговать во внутренних районах Китая. Это обстоятельство было устранено И.П. Игнатьевым, подписавшим в 1860 новый русско-китайский договор (Пекинский). Кроме того, Путятин добился согласия китайского императора на принятие пяти русских военных инструкторов и современного вооружения для китайской армии. Однако предложения Путятина не были претворены в жизнь царским правительством. Из Китая Путятин отправился в Японию и подписал с ней новый договор (1858), который, подтвердив Симодский договор 1855, открывал для России еще два порта и предоставил ей право иметь в них свои консульства.

Стороны предоставляли друг другу право назначения дипломатических представителей в столицы. Одновременно Путятин организовал работы по исследованию залива Ольги в Японском море, участвовал в открытии залива Владимира. По возвращении в Россию в августе 1858 был произведен в адмиралы и повторно назначен на должность агента Морского министерства, которую занимал до июня 1861. За границей Путятин заинтересовался вопросами образования и опубликовал книгу «Проект преобразования морских учебных заведений, с учреждением новой гимназии». В июне 1861 назначен министром народного просвещения. По словам министра внутренних дел П.А. Валуева, «повородом к выбору гр. Путятина было состояние наших учебных заведений и в особенности университетов, где более и более ослаблялась дисциплина и распространялись социалистические и материалистические учения. Гр. Путятин был известен за человека набожного... и слыл человеком с твердым характером и железной волей. Вся его внешность имела аскетический оттенок... Я думал, что Министерство народного просвещения передается в сильные и жесткие руки». Назначение Путятина на пост министра оказалось неудачным. Он попытался крутыми мерами подавить начавшееся брожение среди университетской молодежи. Путятин, человек прямодушный, обращался с профессорами и студентами, как с командой на военном корабле. Он попытался ввести преподавание японского языка в российских университетах. Будучи очень религиозным человеком, Путятин решил перевести начальное образование в сферу деятельности церкви. По его указу вводились специальные двухгодичные курсы для преподавателей начальной школы, на которые принимались только выпускники духовных семинарий. Через пять месяцев после назначения, в декабре 1861, Путятин подал прошение об отставке и был уволен. Причиной увольнения явились студенческие волнения, вызванные рядом реформ в области высшего образования, проведенных в бытность его министром: были введены так называемые матрикулы (подобие современной студенческой зачетки), обязательное посещение лекций и плата за обучение. Последние два нововведения особенно сильно ударяли по разночинной молодежи. Большой резонанс также получил циркуляр от 21 июля 1861 г., которым запрещались любые студенческие собрания. Вскоре он был назначен членом Государственного совета.

В 1862 Путятин привез из Гонконга в Россию матрицы китайских иероглифов, которые разобрал академик М.И. Броссе. Оставил записки о плавании в Японию и Китай. В январе 1883 вновь назначенный государственный секретарь А.А. По-

ловцов, отдавая визиты членам Государственного совета, застал «гр. Путятину в скромнейшей наемной квартире с сильным запахом кухни и оглушительным кашлем чахоточной дочери». Спустя несколько месяцев Путятин скончался в Париже на 80-м году жизни. За службу удостоен ряда высших российских орденов: Св. Станислава 1-й степени (1850), Св. Анны 1-й степени (1853), Белого Орла (1855), Св. Александра Невского (1858), Св. Владимира 1-й степени (1872). Именем адмирала Е.В. Путятина названы мыс и остров в Японском море, мыс в бухте Провидения (Анадырский залив Берингова моря) (Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950. С. 835—836; Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 280—281).

⁹⁶ Шестаков Иван Алексеевич (01.04.1820, с. Смилово Красненского уезда Смоленской губ. — 21.11.1888, Севастополь), адмирал (с 1888), генерал-адъютант (с 1882). Из старинного, но небогатого дворянского рода Смоленской губ. Сын флота капитан-лейтенанта в отставке. Определенный в 1830 в Морской кадетский корпус в СПб., он вскоре обратил на себя внимание как своими блестящими способностями, так и серьезными познаниями в некоторых предметах, приобретенных им еще дома, особенно в языках (французском, немецком и английском). Произведенный в 1832 в гардемарины, он из-за столкновений с воспитателем в 1836 был отчислен из корпуса. По просьбе отца вице-адмирал М.П. Лазарев принял его юнкером на Черноморский флот; в том же году он был повторно произведен в гардемарины. Участвовал в плаваниях и боевых действиях у Кавказского побережья (1837—1838 и 1840—1842), а также на Средиземном море (1838—1840 и 1842—1843). В декабре 1837 произведен в мичманы. В 1838 награжден орденом Св. Анны 4-й степени. В апреле 1843 произведен в лейтенанты и назначен адъютантом адмирала М.П. Лазарева. В 1845—1846 офицер парохода «Бессарабия». В 1847—1850 командовал тендером «Скорый», производил гидрографические работы и опись Черного моря, вместе с Г.И. Бутаковым составил первую лоцию моря. В апреле 1850 произведен в капитан-лейтенанты. В этом же году направлен в Англию за винтовой шхуной «Аргонавт», на которой в 1851 прибыл в Николаев. За составление лоции Черного моря был награжден бриллиантовым перстнем. В 1852—1853 вновь находился в командировке в Англии, где наблюдал за постройкой паровых винтовых корветов. В феврале 1854 назначен членом Пароходного комитета, а в декабре того же года произведен в капитаны 2-го ранга. С мая 1855 адъютант генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича; был одним из его ближайших сотрудников по реформированию флота. В 1854—1855

участвовал в проектировании первых отечественных винтовых канонерских лодок и корветов для Балтийского флота, наблюдал за их постройкой. В августе 1856 получил чин капитана 1-го ранга. В 1856 командирован в Америку для заказа парового винтового фрегата и наблюдения за его постройкой, на котором в 1859 из Нью-Йорка прибыл в Кронштадт. За успешное выполнение этого поручения награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. С 1859 член Морского ученого и Кораблестроительного технического комитетов. В апреле—июле 1863 помощник главного командира Кронштадтского порта по морской части. В 1864 Шестаков выступил с резкой критикой программы строительства броненосцев береговой обороны. Малое водоизмещение, плохая мореходность и слабая защита делали такой броненосный флот, по мнению Шестакова, «памятником невежества создавших его». Личный конфликт с управляющим Морским министерством адмиралом Н.К. Граббе заставил Шестакова уйти в годичный отпуск. С апреля 1866 по март 1868 Таганрогский градоначальник. Впоследствии — до октября 1869 — Виленский губернатор. Из-за столкновений с Виленским, Kovенским и Гродненским генерал-губернатором генерал-лейтенантом А.Л. Потаповым в ноябре 1869 вышел в отставку и уехал за границу. С 12 февраля 1873 по октябрь 1881 агент Морского министерства в Австро-Венгрии и Италии. В январе 1880 произведен в вице-адмиралы. 16 ноября 1881 назначен председателем кораблестроительного отделения Морского технического комитета. С 11 января 1882 по 21 ноября 1888 управляющий Морским министерством. Особое внимание уделял восстановлению Черноморского флота, усилению морских сил на Дальнем Востоке. При нем в широких масштабах осуществлялось строительство броненосного флота. Добился утверждения 20-летней кораблестроительной программы 1883—1902, направленной на создание океанского броненосного флота из боевых единиц всех классов. Заботился об упорядочении службы офицерского состава: был проведен закон о цензе продолжительности плавания, в силу которого для получения каждого чина и права командования судном необходимо проплавать на кораблях определенное число лет. Шестаков был автором статей по различным вопросам военно-морского дела, опубликованных в 1850—1870-х гг. Кавалер ряда высших российских орденов: Св. Станислава 1-й степени с мечами, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского. Скоропостижно скончался. Именем Шестакова названы остров архипелага Новая Земля в Баренцевом море и рейд у Корейского полуострова. По словам статс-секретаря А.А. Половцова,

«морской министр Шестаков что ни скажет — рублем подарит. Прямая, честная душа, ясный, светлый ум, мужество характера — вот отличительные черты этого замечательного человека... То был истинный сын отчества, горячо любивший добро, его искренность, правдивость... были в высшей степени привлекательны и ставили этого человека весьма высоко над прочими его сверстниками и сотоварищами» (*Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 553—554*).

⁹⁷ Попов Андрей Александрович (22.09.1821 — 06.03.1898, СПб.), адмирал (с 1891), генерал-адъютант (с 1871). Из дворян, сын известного кораблестроителя Александра Андреевича Попова. В 1830 поступил в морскую роту Александровского кадетского корпуса, а в 1831 был переведен в Морской кадетский корпус, который окончил в 1838 с производством в мичмана. Плавал на кораблях Черноморского флота, участвовал в боевых действиях против горцев при колонизации Кавказского побережья. С 1853 командир парохода «Метер», проводил разведку Босфора и черноморского побережья Болгарии. В 1854 командовал последовательно пароходами «Эльбрус», «Тамань», «Турок» и «Андия», совершая крейсерские операции. Потопил шесть турецких транспортов с оружием для кавказских горцев. В 1854—1855, во время Крымской войны, состоял офицером для особых поручений при вице-адмирале В.А. Корнилове и адмирале П.С. Нахимове; контужен в голову. За участие в обороне Севастополя награжден орденами Св. Анны 2-й степ., Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотым оружием с надписью «За храбрость», произведен в капитаны 2-го ранга. В 1855 назначен командиром 32-го флотского экипажа. В 1856, командуя отрядом клиперов, перешел из Архангельска в Кронштадт. В 1857 и.д. начальника штаба Кронштадтского порта, руководил постройкой 12 винтовых клиперов и 14 корветов. В 1858—1860, командуя отрядом из двух корветов и клипера, совершил переход из Кронштадта к берегам Японии. В 1861 назначен членом Морского ученого и Кораблестроительного технического комитетов. За отличия произведен в контр-адмиралы с зачислением в Свиту Е.И.В. В том же году находился в командировке в Англии для ознакомления с новейшими приспособлениями морской артиллерии. «На всю оставшуюся жизнь» подружился с английским кораблестроителем Джоном Эдуардом Ридом. С 1862 командовал эскадрой Тихого океана. В 1863—1864, во время Гражданской войны в САСШ, командовал эскадрой в Американской экспедиции русского флота. С 1865 занимался вопросами кораблестроения, неоднократно командировался для изучения зарубежного опыта. В 1866 производил опыты с подводной лодкой

Александровского, стал членом кораблестроительного отделения Морского технического комитета. Автор проектов броненосца «Петр Великий» (1867), круглых броненосцев береговой обороны (для Черноморского флота) «Вице-адмирал Попов» и «Новгород» (т.н. «лоповки»). Инициатор использования в военных целях переоборудованных коммерческих пароходов. Разработал проект миноносчи и минных катеров. В 1871 произведен в вице-адмиралы. В 1876 назначен членом Адмиралтейств-совета. С 1880 председатель кораблестроительного отделения Морского технического комитета. Кавалер ряда высших российских орденов: Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени. Автор многих статей в «Морском сборнике». Состоял членом общества для содействия русской промышленности и торговли. Его именем названы несколько географических пунктов. Попов обладал редкой способностью, при качествах истинного моряка, быстро усваивать дух новейших требований, предъявляемых жизнью, и так же быстро овладевать средствами современной техники. Это создало Попову огромную популярность во флоте. Горячий и нетерпеливый «служак», он был настоящим «грозным адмиралом», талантливо воспетым К.М. Станюковичем в его морских рассказах: забывая себя, он требовал и от окружающих сослуживцев забвения своих личных интересов для пользы дела. Но наряду с этим «Попов привлекал подчиненных редкой отзывчивостью к их положению, ко всему высокому, добротой своего благородного сердца, широкими горизонтами замечательного ума и искренностью увлечения. Как человек, он отличался нетерпеливым, нервным характером, резкость которого смягчалась, однако, терпимостью к чужим мнениям» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 258—259).

⁹⁸ Альбединский Петр Павлович (1826 — 19.05.1883), генерал-адъютант, генерал от кавалерии (с 1878). Образование получил в Пажеском корпусе, после которого в 1843 выпущен в л.-гв. Конный полк корнетом, в 1853 назначен флигель-адъютантом к Е.И.В. С началом Крымской (Восточной) войны 1853—1856 был командирован в распоряжение главнокомандующего армиями и принял участие в военных действиях. 24 октября в сражении под Инкерманом был контужен в голову и за проявленное мужество получил золотой палаш с надписью «За храбрость». Выбыв вследствие контузии из рядов действующей армии, был дважды командирован в Париж: для передачи чрезвычайных депеш русскому уполномоченному на конгрессе адмиралу гр. Орлову и для поднесения императору Наполеону III

орденских знаков св. Андрея Первозванного. Агент Военного министерства при российском посольстве в Париже (1856—1857). В 1858 получил в командование лейб-гвардии конно-гренадерский полк, а три года спустя — лейб-гвардии гусарский Его Величества полк. В 1865 назначен начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа (1866—1870). Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа (1874—1880). В качестве командующего войсками округа значительное внимание уделял воспитанию и боевой подготовке войск. Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (с мая 1880 до конца жизни), член Государственного совета (с 1881). По отзывам современников, «чрезвычайно красивый, ловкий и со средствами, Альбединский в молодости имел огромный успех в обществе; самые аристократические дамы ссорились из-за него, и до конца жизни он оставался поклонником прекрасного пола». Н.Г. Залесов в своих Записках субъективно писал о нем: «Не обладая ни высшим военным образованием, ни особыми военными достоинствами, Альбединский своей военной карьерой был обязан, главным образом, красивой внешности и большими связями при Дворе. Отлично усвоив себе требования военной службы в мирное время, обладая простым здравым смыслом и гуманным сердцем, он проявлял большую заботливость о войсках и пользовался среди них большой популярностью». Кавалер высших российских орденов, до ордена Св. Владимира 1-й степени (май 1883) (Военная энциклопедия. Т. II. Петербург, 1910. С. 347; Федорченко В.И. Указ. соч. Т. I. С. 47—48).

⁹⁹ Торнау Федор Федорович (1810—1890), барон, генерал-лейтенант (с 1869). Из потомственных военных. Участник Кавказской войны, ряда рекогносцировок на Западном Кавказе. В 1835 с разведывательными целями совершил поездку по черкесским аулам Закубанья. Кроме сведений военного характера, собрал большой этнографический материал, являющийся ценным источником для изучения жизни и быта кавказских горцев первой трети XIX в. По результатам рекогносцировок отправил в штаб Отдельного Кавказского корпуса большое количество донесений, записок и писем, содержащих разнообразный материал по топографии, экономической географии, военной и политической ситуации на Западном Кавказе. За исследование малоизвестных районов Западного Кавказа был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени. В 1836—1838 находился в плену у черкесов, хорошо ознакомился с их

бытом, обычаями, традициями, культурой и языком. Оставил интересные мемуары о службе на Кавказе — «Воспоминания кавказского офицера, 1835—1838» (1865). С июня 1856 по 1871 агент Военного министерства (военный агент с 1859) в Вене (Басханов М.К. Указ. соч. С. 240—241).

¹⁰⁰ Франкини Виктор Антонович (1820 — 28.07.1892, в Абацции, Италия), генерал-лейтенант. Воспитанник Артиллерийского училища, в котором окончил и офицерские классы. В 1844 выпущен на службу в конную артиллерию. Во время Крымской войны (1853—1856) в чине штабс-капитана в течение 10 месяцев находился среди защитников Севастополя, а затем состоял при главнокомандующем на Кавказе князь А.И. Барятинском и участвовал в пленении Шамиля. Агент Военного министерства (военный агент с 1859) в Константинополе (июнь 1856 — 1870). Здесь он в совершенстве изучил турецкий язык и близко ознакомился с бытом и учреждениями Турции. С 1865 гвардейской артиллерией полковник. В 1870 переведен на Кавказ, где заведовал военно-горским управлением Кавказского военного округа. Произведенный в генерал-майоры, в 1877 был командирован в Тегеран с особым поручением к персидскому правительству. По возвращении из Персии представил обширный доклад о политическом, экономическом и военном состоянии Персии, в котором рекомендовал принять возможное предложение шаха о посылке военных инструкторов и командного состава для предполагавшейся к формированию Персидской казачьей бригады (впоследствии это предложение было реализовано). После присоединения к России Карской области был назначен ее первым российским губернатором и за следующие три года организовал эту новую провинцию. Расстроенное здоровье и домашние неурядицы заставили Франкини покинуть службу. Последние годы Франкини провел преимущественно во Флоренции, занимаясь литературной работой. Большую известность ему принесли работы «Нынешнее состояние Персидской армии (1877 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» (Вып. 4. СПб., 1883) и «Восточная политика императора Николая I», частично опубликованная в «Историческом Вестнике» в ноябре 1891.

¹⁰¹ Адлерберг (3-й) Николай Владимирович (19.05.1819 — 13.12.1892, Мюнхен), граф, генерал от инfanterии (с 1870), генерал-адъютант (с 1857). Из дворянского рода шведского происхождения. Второй сын министра Имп. Двора. Закончил Пажеский Его Величества корпус, по окончании которого в 1837 произведен в офицеры. В 1838 назначен флигель-адъютантом к Е.И.В. Участвуя в военных

действиях на Кавказе в 1841—1842 и в Венгерской кампании 1849, получил за боевые отличия чин штабс-капитана, далее полковника, золотое оружие с надписью «За храбрость». В 1852 был уволен в отставку по болезни с причислением к Министерству внутренних дел и с пожалованием в звание камергера Двора Е.И.В. С июня 1853 Таганрогский градоначальник. В 1854 вновь зачислен на военную службу и во время Крымской войны в ноябре 1854 — мае 1856 военный губернатор города Симферополя и Таврической гражданской губернии. Назначен состоять при Императорской русской миссии в Берлине (1856—20.04.1866). Произведенный в 1861 в генерал-лейтенанты, а в 1870 в генералы от инfanterии в течение 15 лет (с 1866 по 1881) занимал должность генерал-губернатора Великого княжества Финляндского и командующего войсками округа. Под его руководством в Финляндии было введено сельское и городское самоуправление, принят новый сеймовый устав, школа отделена от церкви, лютеранская церковь перестала быть единственным официально признанной в Финляндии. В мае 1881 назначен членом Государственного совета. Дважды (в 1845 и 1860) совершил путешествие в Палестину. В 1853 в Петербурге появилось описание этого путешествия под заглавием «Из Рима в Иерусалим». Описание второго путешествия появилось в 1867 в двух томах на французском языке под заглавием: «En Orient. Impression et reminiscences» (Военная энциклопедия. Т. 1. СПб. 1911. С. 145; Список генералам по старшинству. СПб., 1901. С. 11).

¹⁰² Залесов Николай Гаврилович (15.05.1828—1896) — генерал от инfanterии (с августа 1892). Из обер-офицерских детей Оренбургской области. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Императорской военной академии (1852). По Генеральному штабу службу проходил в штабе командующего войсками III, IV, V армейских корпусов (1853). Участник Крымской войны 1853—1856. Помощник старшего ад-та (1855), и.д. старшего адъютанта (май 1856) в управлении генерал-квартирмейстера Южной Армии, старший адъютант штаба Отдельного Оренбургского корпуса (ноябрь 1856). Квартирмейстер 23-й пехотной дивизии (1857), и.д. обер-квартирмейстера Отдельного Оренбургского корпуса. Принимал участие в рекогносцировках по Киргизской степи, составлял военно-географические отчеты и описания. В 1858 участвовал в составе дипломатической миссии полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару. Еще находясь в походе, Залесов стал отправлять в редакцию «Военного сборника» небольшие путевые заметки (в форме писем) о путешествии в Хиву и Бухару. Обобщенный материал о посольстве

1858 обнародован Залесовым в работе «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.» (1871). Кроме работ, относящихся к экспедиции полковника Игнатьева, им написано несколько статей об экспедициях в Хиву Никифорова и Данилевского и о русско-бухарских дипломатических отношениях в 30—40-х XIX в. Залесов «стал одним из авторитетных историографов дипломатических сношений России с ханствами Средней Азии». Капитан с 1859, подполковник с 1861. В 1862 назначен обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса, полковник с 1864. Помощник начальника штаба Оренбургского военного округа (1865), и.д. начальника штаба Оренбургского ВО (1867), начальник штаба Оренбургского военного округа. В 1869 произведен в генерал-майоры. С 1873 командир 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. В 1875 зачислен состоять в запасных войсках. В 1876 прикомандирован к Военно-ученому комитету Главного штаба. С ноября этого же года командующий 27-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант с 1878, командир XVII армейского корпуса (1888), генерал от инfanterии (август 1892), член военного совета (ноябрь 1892). В 1903—1905 в «Русской Старине», по мнению автора статьи в Военной энциклопедии (Т. X, Петербург, 1912 г.), были напечатаны «районные интересные записки Залесова, представляющие исключительной важности материал для изучения русской воинской среды 60—80-х гг. и содержащие откровенные характеристики кн. А.И. Барятинского, Д.А. Милютина, Банновского, Альбединского, Тотлебена, Скобелева, Драгомирова и др. К сожалению, эти записки по цензурным условиям, появились далеко не в полном виде» (*Басханов М.К. Указ. соч. С. 88—89; Военная энциклопедия. Т. 10. Петербург. 1912. С. 445.*)

¹⁰³ Шувалов Павел Андреевич (13.11.1830, СПб. — 07.04.1908, имение Вартемяки Петербургского уезда), граф, генерал от инfanterии (с 1877), генерал-адъютант (с 1871). Из дворянского рода, известного со 2-й половины XVI в. Младший сын обер-камергера, члена Государственного совета гр. Андрея Петровича Шувалова. Образование получил в Пажеском корпусе, по окончании которого в мае 1849 выпущен конретом в лейб-гвардии Конный полк. Во время Венгерской кампании 1849 участвовал в походе гвардии к западной границе империи. В июле 1854 в чине поручика назначен адъютантом к всл. князю Николаю Николаевичу (Старшему) и занимал эту должность до апреля 1859. В 1854—1855 принял участие в военных действиях в Крымской войне 1853—1856; за отличие и мужество в сражении под Инкерманом в 1854 награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. С 17 апреля 1859 по 15 июля 1861 «военный агент

при Императоре французов». С июля 1861 по апрель 1863 директор Департамента общих дел МВД. В 1863 участвовал в подавлении польского восстания. С мая 1863 по ноябрь 1864 командовал лейб-гвардии стрелковым Е.В. батальоном. В августе 1864 произведен в генерал-майоры. В ноябре 1864 — сентябре 1867 командир лейб-гвардии Семеновского полка. В сентябре 1867 — августе 1877 начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа при командующем великом кн. Николае Николаевиче (Старшем). Одновременно в июле 1869 — ноябре 1874 член Главного военно-тюремного комитета, а в июле 1872 — ноябре 1874 помощник председателя Главного комитета по устройству и образованию войск. С августа 1877 по апрель 1879 командовал 2-й гвардейской пехотной дивизией. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878: за особые отличия, проявленные в сражении под Горным Дубняком, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени; за отличия под Правцем и Ташкисеном и за переход через Балканы удостоен орденом Св. Георгия 3-й степени. После трехдневного боя 3—5 января 1878 у Кадыкиоя, Дермен-Дере и Карагача нанес поражение армии Сулейман-паша и заставил турок отступить, отбив 110 орудий, за что был награжден золотой, украшенной бриллиантами шпагой с надписью «Филиппополь 3, 4 и 5 января 1878 г.». В апреле 1879 — марте 1881 командир Гренадерского корпуса, а с марта 1881 по апрель 1885 командир Гвардейского корпуса. С апреля 1885 по январь 1895 Чрезвычайный и Полномочный Посол в Берлине и одновременно чрезвычайный посланник и полномочный министр в великих герцогствах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком. В результате переговоров Шувалова с канцлером О. фон Бисмарком в июне 1887 между Германией и Россией был подписан договор, получивший название «договора перестраховки». Участвовал в подготовке торгового соглашения 1894, прекратившего «таможенную войну» между двумя странами. Направлял русскую внешнюю политику в сторону сближения с Германией. В январе 1895 — декабре 1896 Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа. С мая 1896 состоял членом Государственного совета. Удостоен всех высших российских орденов. По характеристике гр. С.Ю. Витте, он был «очень светский, образованный человек и весьма хитрый в хорошем смысле этого слова, он имел русский характер, а хитрость поляка, так как мать его была поляка. Граф Шувалов был выдающимся послом, и его в Берлине как старый император Вильгельм, так и молодой император... весьма любили и ценили».

Статс-секретарь А.А. Половцов также писал о нем как о человеке «с обычною своею внешнею простотою и чрезвычайною в действительности хитростью» (*Федорченко В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 576—577).

¹⁰⁴ Барон Каульбарс 1-й Николай Васильевич (22.05.1842, Эстляндская губ.—20.11.1905), генерал от инfanterии (с 1905). Из старинного шведского рода, представители которого в XVIII в. перешли на русскую службу. Сын генерал-лейтенанта. Образование получил в Николаевском кавалерийском училище в СПб., по окончании которого выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Гатчинский полк. В рядах полка в 1863 участвовал в подавлении польского восстания. За отличие награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В 1869 окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду. Занимал должности командира батальона; старшего адъютанта штаба дивизии; состоял для поручений при штабе округа. В 1877 произведен в полковники и назначен начальником штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, с которой участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878. За отличие удостоен орденов Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Владимира 3-й степени с мечами. В 1878—1879 русский военный агент при австрийской оккупационной армии в Боснии. В 1879 делегат от России по проведению границ Черногории. С 18 октября 1881 по 17 декабря 1886 военный агент в Австро-Венгрии. В 1885 член Международной комиссии на театре военных действий между Сербией и Болгарией. В этом же году произведен в генерал-майоры. В 1886 состоял в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. С 2 сентября по 17 декабря этого же года дипломатический агент в Болгарии. С декабря 1886 начальник штаба 6-го армейского корпуса. В 1891—1898 начальник штаба Финляндского военного округа. В 1894 произведен в генерал-лейтенанты. С 24 декабря 1898 по 1 мая 1903 член Всеславянского комитета Главного штаба. С мая 1903 член комитета Главного штаба. В 1905 произведен в генералы от инfanterии и уволен в отставку по болезни. Автор работ, в том числе «Германская армия и принципы ее быта и обучения» (1890), «Записки об австрийской армии» (1891). Каульбарс принял участие в составлении карт Австралии, Южной Америки, Африки, содействовал организации экспедиции Н.Н. Миклухо-Маклая на острова Океании. За службу удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Белого Орла включительно (Список генералам по старшинству. СПб., 1903. С. 223; *Федорченко В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 531).

¹⁰⁵ Долгорукий (Долгоруков) Николай Сергеевич (28.04.1840 — 1913), князь, генерал от инfanterии, генерал-адъютант. Из древнего княжеского рода, сын действительного тайного советника. «Получил образование: общее — дома; военное на службе». Окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду. Занимал должность командира 80-го пехотного Кабардинского полка. Состоял при Е.В. императоре германском, короле Пруссом. С 25 октября 1886 по 18 ноября 1889 чрезвычайный посланник и полномочный министр при Персидском дворе. В мае 1896 произведен в генерал-лейтенанты. В 1905—1909 помощник командующего Имп. Главной квартиры. Состоял в ведомстве министерства иностранных дел, с 1909—1912 посол в Италии. С 1912 член Государственного совета. Участвовал в кампаниях 1859—1861, 1876, 1878 и 1879 (Список генералам по старшинству. СПб., 1903. С. 256).

¹⁰⁶ Драгомиров Михаил Иванович (08.11.1830, близ Конотопа — 15.10.1905, Конотоп), генерал от инfanterии (с 1891), генерал-адъютант (с 1878). Из дворянского рода польского происхождения, восходящего к 1-й половине XVIII в. Сын помещика Черниговской губ., служившего в молодости в драгунском полку. В 1849 окончил курс обучения в Дворянском полку «из отличнейших» и имя его занесено на мраморную доску. Службу начал в 1849 прaporщиком в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1854 в чине поручика принят в Императорскую Военную академию, которую окончил в 1856 по 1-му разряду с награждением золотой медалью (он был одним из двух выпускников, удостоенных золотой медали за все время существования академии). С 1856 на службе по Генеральному штабу, с 1857 штабс-капитан. В 1857 опубликовал свою первую научную работу «О высадках в древние и новейшие времена», посвященную истории десантных операций. В 1858 командирован за границу для изучения военного дела. Во время итало-французской войны 1859 состоял при штабе Сардинской армии. По возвращении издал труд об этой войне, в котором подчеркивал решающее значение нравственного фактора, выдвигал требование учить и воспитывать, а не муштровать солдат. С 1860 адъюнкт-профессор тактики в Николаевской академии Генерального штаба, капитан. В 1863—1869 профессор тактики. В январе 1861 — июле 1863 читал курс тактики и военной истории наследнику цесаревичу вел. князю Николаю Александровичу. С 1861 постоянно выступал со статьями по вопросам тактики в военной периодической печати. С 1864 полковник, начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, продолжая одновременно преподавать в

академии. В 1866 был командирован в качестве военного агента в прусскую армию, во время австро-пруссской войны состоял при Главной квартире прусской армии, первым составил историю этой войны («Очерки австро-пруссской войны 1866»). В 1866 издал «Записки тактики» (впоследствии был издан «Учебник тактики») для военных училищ, а в 1868 — «Разбор романа “Война и мир”» Л.Н. Толстого. В 1868 получил чин генерал-майора. С 1869 начальник штаба Киевского военно-го округа. С 1873 начальник 14-й пехотной дивизии, во главе которой вступил в Русско-турецкую войну 1877—1878. В ходе войны отличился при форсировании реки Дунай у Зимницы (июнь 1877). Участник обороны Шипки (август 1877), был тяжело ранен пулей в ногу. Продолжал командование, пока от сильного кро-вотечения, вызвавшего упадок сил, не потерял сознание. С октября 1877 состоял при главнокомандующем великому князю Николае Николаевиче (Старшем). В 1878—1889 начальник Николаевской академии Генерального штаба. По инициативе Драгомирова в стенах Академии проводились диспуты по различным проблемам военного дела, материалы которых затем публиковались и рассыпались офицерам Генерального штаба. Драгомиров придавал решающее значение штыковой атаке, считая огонь лишь ее подготовительным средством. Внимательно следя за раз-витием военной техники, тем не менее, стоял на точке зрения, что этот процесс в целом не повлияет на изменение тактики. Написанный Драгомировым «Учебник тактики» многие годы служил основным пособием для подготовки офицеров в военно-учебных заведениях России. В 1889—1904 командующий войсками Ки-евского военного округа и одновременно в 1898—1904 Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор. С 1903 член Государственного совета. Состоял почетным членом (с 1894) и почетным вице-президентом (с 1899) Николаевской академии Генерального штаба, почетным членом Московского университета (с 1892), почетным членом Михайловской Артиллерийской академии (с 1893). В ходе Русско-японской войны 1904—1905, после поражения русской армии под Мукденом (февраль 1905), был вызван в СПб., где рассматривался вопрос о заме-не им генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина на посту главнокомандующего. Однако 75-летний Драгомиров отклонил предложенное назначение. Удостоен всех высших российских орденов. По отзыву В.А. Сухомлина, бывшего начальником штаба у Драгомирова, «то был человек с непреклонной волей, суровый и бесце-ремонный, не без некоторого педантизма в своих принципиальных требованиях; человек, от поры до времени мягкий, сердечный... Притом верный друг и человек

устойчивый в своем доверии, раз его у него заслужили. В общем: настоящий хохол, малоросс со всеми его преимуществами и слабостями...» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 419).

¹⁰⁷ Обручев Николай Николаевич (22.11.1830, Варшава — 25.06.1904, Франция) генерал от инfanterии (с 1887), генерал-адъютант (с 1878). Из дворян С.-Петербургской губ. Второй сын полковника Николая Афанасьевича Обручева. По окончании в 1848 Александровского сиротского 1-го кадетского корпуса был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк и через два года издал свой первый научный труд: «Опыт истории военной литературы в России». В 1852 Обручев поступил в Императорскую Военную академию, которую окончил первым с большой серебряной медалью, с занесением имени на мраморную доску и был зачислен в гвардейский Генеральный штаб. Через два года занял кафедру статистики в Академии и вскоре стал одним из самых выдающихся профессоров. Читал военно-статистический обзор европейских государств и первый ввел практические занятия по военной статистике. В 1854 издал «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г.», положивший начало дальнейшим архивным исследованиям и изучению отечественной военной истории. Дивизионный квартирмейстер 2-й гвардейской резервной пехотной дивизии (18.12.1855 — 12.04.1859). В 1858 по предложению Обручева был основан журнал «Военный сборник», первым редактором которого он и стал. Профессор, заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба (28.11.1857 — 12.12.1875). Начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (12.03.1859 — 01.12.1863). Делопроизводитель Совещательного комитета Главного штаба (1 декабря 1863 — 28 апреля 1867), управляющий делами Совещательного комитета (28 апреля 1867 — 30 марта 1869). Управляющий делами Военно-ученого комитета (ВУК) (30 марта 1869 — 19 февраля 1881). В 1873 был командирован в Турцию, Германию и Австро-Венгрию с целью сбора сведений о составе и организации вооруженных сил этих государств. За время управления делами ВУКа под редакцией Н.Н. Обручева вышло много военно-ученых трудов, в том числе четыре выпуска Военно-статистических сборников, три из которых посвящены государствам Западной Европы, Турции, сопредельным с Россией странам Азии и государствам Америки, а четвертый — России. Когда в 1876 стала назревать угроза войны с Турцией, Обручев был привлечен к разработке плана войны, который изложил в четырех последовательно поданных записках «Стра-

тегические соображение о плане войны». При образовании полевого управления действующей армии Александр II и военный министр Д.А. Милютин рекомендовали главнокомандующему великому князю Николай Николаевичу взять Обручева в состав своего штаба. Великий князь категорически отказался, памятуя, как в 1863 Обручев, будучи начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, «демонстративно отчислился от должности, не желая идти на братоубийственную войну (русских с поляками в 1863—1864. — Примеч. авт.)». По той же причине не состоялось его назначение начальником штаба Западного отряда Дунайской армии. Обвинения великого князя были беспочвенны, но менять свое отношение к Обручеву он не собирался. Обладая, по словам М.А. Газенкампфа, «особой способностью увлекательно и настойчиво проповедовать свои идеи и вселять их путем пламенного внушения в головы лиц, власть имеющих», Обручев сумел убедить Императора в необходимости занятия Босфора в виду возможной войны с Англией». Но осуществление этой идеи встретило противодействие со стороны все того же великого князя Николая Николаевича. С восшествием на престол императора Александра III Обручев был назначен 19 февраля 1881 помощником начальника Главного штаба, а спустя несколько месяцев — 10 июня 1881 — начальником Главного штаба и оставался в этой должности 16 лет. В 1897 был уволен с поста начальника Главного штаба с оставлением членом Государственного совета (с 30 августа 1893 г.). Удостоен всех высших российских наград, до ордена Св. Апостола Андрея Первозванного включительно (1896). По словам военного министра генерала от инfanterии А.Н. Куропаткина, «талантливым и энергичным руководством генерала Обручева наша боевая готовность была очень приподнята сравнительно с еще недавним временем». Был женат на француженке, в имении которой и умер. Похоронен в СПб., на Никольском кладбище Александро-Невской лавры (Военная энциклопедия. Т. XVII. Петроград. 1914. С. 81—82; Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1896 г. СПб. 1896. С. 38).

¹⁰⁸ Куропаткин Алексей Николаевич (17.03.1848, Холмский уезд Псковской губ. — 16.01.1925, с. Шешурино Холмского уезда Псковской губ.), генерал от инfanterии (с 1901), генерал-адъютант (с 1902). Родился в семье отставного офицера, капитана-геодезиста. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге. В 1866 произведен в прaporщики и начал службу в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне. В 1867—1868 участвовал в боевых действиях против бухарцев, за храбрость награжден орденами Св. Станислава

и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и чином поручика. В 1874 окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Командир роты, исполняющий должность старшего адъютанта Туркестанского военного округа. Был командирован в Алжир, где находился около года и принял участие в военной экспедиции французской армии в Большую Сахару, за что был награжден орденом Почетного легиона. Из Алжира регулярно присыпал военно-востоковедные корреспонденции, публиковавшиеся на страницах «Военного сборника». По материалам поездки издал свою первую научную работу «Алжирия» (1877), которая сделала его имя известным русской общественности. С отличием участвовал в Кокандском походе 1875—1876 под начальством генерала М.Д. Скобелсва, был ранен. В чине капитана в мае 1876 возглавил русскую военно-дипломатическую миссию в Кашгар ко двору местного правителя Якуб-бека. Куропаткин явился первым русским путешественником, прошедшим путь от Кашгара через Аксу до Курля. В ходе поездки собрал уникальный географический, исторический, этнографический и военный материал по Восточному Туркестану, который Куропаткин обобщил в работе «Кашгaria. Историко-географический очерк страны, ее вооруженные силы, промышленность и торговля» (1879). В экспедиции вел подробный дневник, содержащий ценные путевые впечатления и наблюдения (не опубликован, хранится в фондах РГВИА).

Участник Русско-турецкой войны 1877—1878: в должности начальника штаба отряда генерала М.Д. Скобелсва находился в сражении под Ловчей и в штурме 30—31 августа 1877 Плевны был контужен в голову; при переходе отряда Скобелсва через Балканы в декабре 1877 был тяжело ранен; произведен в подполковники и полковники, награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденами Св. Владимира 3-й степени с мечами, Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени с мечами (в то время он был единственным офицером русской армии, имевшим два последние ордена 2-й степени с мечами). В 1878—1879 заведующий Азиатской частью Главного штаба и одновременно адъюнкт-профессор военной статистики Николаевской академии Генерального штаба. По праву считался выдающимся русским военным востоковедом. Он составил описание действий отряда М.Д. Скобелева в Русско-турецкую войну. Его публичные лекции по военным вопросам всегда вызывали живой интерес. В 1879—1883 командовал Туркестанской стрелковой бригадой, участвовал в завоевании Туркмении. Участие в Ахал-Текинской экспедиции и годы, проведенные в Закаспийском крае, позволили ему хорошо

ознакомиться с Туркменией. Его перу принадлежит этнографическое описание «Туркмения и туркмены» (1879). Истории завоевания Туркмении Куропаткин посвятил отдельную работу — «Завоевание Туркмении» (1899). Будучи в 1870—1880-х одним из ближайших сотрудников генерала М.Д. Скобелева, проявил себя как умный, исключительно работоспособный, исполнительный, образованный начальник штаба и командир бригады, обладал личной храбростью и административными способностями. В 1882 произведен в генерал-майоры. В 1883—1890 состоял в числе четырех генералов, положенных по штату, при Главном штабе, начальником которого был Н.Н. Обручев. Занимался разработкой мобилизационных планов русской армии, совершил многочисленные инспекционные поездки в приграничные округа, а также за границу. В 1886 направлен в секретную командировку с разведывательными целями в Турцию. В период пребывания в Петербурге читал лекции в Николаевской академии Генерального штаба. В 1890 получил чин генерал-лейтенанта. В марте 1890 — январе 1898 начальник Закаспийской области и командующий войсками, в ней дислоцированными. В 1895 совершил поездку в Персию, по результатам которой составил Отчет (1895). В январе—июле 1898 управляющий Военного министерства, с июля 1898 по февраль 1904 военный министр, член Государственного совета. По свидетельству современников, Куропаткин обладал всеми качествами для занятия поста военного министра. Генерал от инfanterии А.Ф. Редигер (будущий военный министр) писал о нем: «Куропаткин очень любил военное дело, прилежно его изучал, он очень много читал и участвовал во всех бывших при нем походах русских войск... он обладал массой знаний теоретических и практических... он имел за собой славное боевое прошлое, отлично знал войска, их жизнь и нужды, любил солдат... Добрый от природы, он, кроме того, желал быть любимым, прославленным и потому относился к подчиненным снискходительно...» Однако Куропаткин был натурой весьма противоречивой. При всем своем уме он был нетерпим к чужим мнениям, лишь казался сильным и твердым, а в действительности оказался человеком нерешительным. В 1902 побывал в Японии, однако не смог оценить ее потенциал. В феврале 1904, с началом Русско-японской войны, назначен командующим 1-й Маньчжурской армией. «Это назначение, — писал гр. С.Ю. Витте, — последовало по желанию общественного мнения; общественное мнение единогласно требовало назначения Куропаткина, питая к нему большое доверие». С октября 1904 по март 1905 главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, действующими против

Японии. Боязнь риска, постоянные колебания, проявившиеся неумение организовать взаимодействие отдельных соединений, недоверие к подчиненным и мелочная опека характеризовали стиль руководства Куропаткина войсками. После поражения русской армии при Мукдене (февраль 1905) смещен с поста и назначен командующим 1-й армией. Уже тогда начал составление «Отчета генерал-адъютанта Куропаткина» о своем пребывании на посту главнокомандующего. В феврале 1906 поступило высочайшее повеление передать командование своему заместителю и выехать в европейскую часть России. Ему предписывалось «не останавливаться в Петербурге и его окрестностях, проживать в своем имении, в Шешурине... воздержаться от всяких интервью, от оправданий и высказываний в печати». Здесь, в имении, он закончил свой «Отчет генерал-адъютанта Куропаткина», который составил четыре тома. Прочитав два из них, Николай II принял решение, «что отчеты ген[ерала] Куропаткина никоим образом не должны сделаться достоянием всех, пока не появится в печати официальная история русско-японской войны». Тем не менее отмахнуться от Отчета Куропаткина уже было нельзя. Содержавшаяся в нем критика армейских порядков и действий высших начальствующих лиц в Маньчжурии требовала осмысления и учета. Поэтому документ был разослан ряду генералов и командиров соединений для тщательного изучения опыта войны. В конечном итоге Отчет все же попал в открытую печать. В 1909 без ведома автора его напечатали в Германии. Уже в ноябре 1906 Куропаткину было разрешено проживать, где он пожелает. В ходе аудиенции у императора Куропаткин попросил Николая II простить и себя, и армию за то, что «мы в данный нам срок не доставили России победы». Последний ответил: «Бог простит, но помните, что победители всегда возвращаются с венком лавровым; побежденные с венком терновым. Несите его мужественно». Опала была снята, рассматривался вопрос о назначении Куропаткина на Кавказ, но оно так и не состоялось. Газеты не сккупились на критику неудачливого главнокомандующего, и, чтобы как-то защитить свою честь и достоинство, А.Н. Куропаткин шесть раз вызывал на дуэль своих обидчиков, в числе которых был и С.Ю. Витте. Как член Государственного совета (с 1898), Куропаткин направлял напрямую докладные записки министрам по вопросам, касающимся военного строительства. Им были опубликованы работы: «Россия для русских» (т. 1—3, СПб., 1910), «Русско-китайский вопрос» (СПб., 1913). Объявление войны лишило его покоя. Он рвался на фронт, обивал пороги начальства, засыпал власть имущих письмами с просьбами, но они

оставались без ответа. В одном из своих посланий Алексей Николаевич писал: «Поймите меня! Меня живого уложили в гроб и придавили крышкой. Я задыхаюсь от жажды дела: преступников не лишают права умирать за родину, а мы отказывают в этом праве». Только в сентябре 1915, благодаря поддержке генерала М.В. Алексеева, Куропаткин был назначен командиром Гренадерского корпуса. «Жаль старика, — как-то сказал о нем Алексеев, — да и не так он плох, как многие думают: лучше он большинства наших генералов». В начале 1916 Алексей Николаевич получил назначение командующим 5-й армией. С февраля по июль 1916 он — командующий Северным фронтом. На полководческом поприще Куропаткин вновь не проявил себя: провел ряд неудачных наступлений. Но ему удалось и избежать позора поражений. С июля 1916 по февраль 1917 Куропаткин Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа. Имел ряд высших российских орденов, до ордена Св. Владимира 1-й степени включительно. После Февральской революции 1917 арестован в Ташкенте и отправлен в Петроград, но был вскоре освобожден Временным правительством. В Петрограде Куропаткин получил свое последнее назначение в военном ведомстве — в Александровский комитет о раненых. В отставку он был отправлен уже при советской власти — 24 января 1918, прослужив, таким образом, в офицерских чинах 52 года. До конца жизни жил в своем бывшем имении в с. Шешурино Холмского уезда Псковской губ., где преподавал в средней школе и основанной им сельскохозяйственной школе. В 1918 принял участие в организации в Холме народного музея и стал его научным консультантом. 8 сентября 1918 был арестован и доставлен в Петроградскую ЧК, но уже 25 сентября освобожден с разрешением проживать на родине. В 1918—1919 отверг предложение французского посла покинуть Россию, как и отказался примкнуть к Белому движению. Скончался на 77-м году жизни. На собранные местными жителями средства в 1964 на его могиле было воздвигнуто мраморное надгробие с надписью: «Куропаткин Алексей Николаевич. 1848—1925. Основатель сельскохозяйственной школы».

¹⁰⁹ Витгенштейн Петр Львович (1831 — 08.08.1887), светл. князь, генерал-лейтенант (с 1879). Из древнего немецкого дворянского рода, восходящего к XI в. Его прадед, гр. Христиан-Людвиг-Казимир Сайн-Витгенштейн-Берлебург, подполковник прусской службы, был взят в плен в ходе Семилетней войны, после чего поступил на русскую службу. Его отец, Лев Петрович В., полковник в отставке, привлекался по делу декабристов. Офицер (с 25.06.1851). Полковник

(с 30.08.1861). С 1864 (возможно, и ранее) по 1872 — военный агент в Париже. 30 августа 1868 произведен в генерал-майоры. Состоял по армейской кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 (Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е мая. СПб., 1876. С. 667).

¹¹⁰ Гасфорд (Гасфорд) Всеволод Густавович (около 1823 — после 1882), генерал майор (с 1862). Из вестфальских дворян лютеранского исповедания. Его отец (генерал от инfanterии с 1853) в российское подданство вступил только в 1833. Окончил 2-й Кадетский корпус в Петербурге. Офицер (с 30.08.1841) гвардейской пехоты. Окончил Императорскую Военную академию (1848). Участник Восточной (Крымской) войны (1853—1856). Полковник (с 29.01.1854). Командир Егерского Е.И.В. вел. кн. Михаила Николаевича полка (с 1854). «Испр[авляет] должность военного агента в Париже» (1859). Военный агент в Турине, столице Сардинского королевства (1860—1861). Военный агент во Флоренции, столице Итальянского королевства (1861—1869). Состоял по Генеральному штабу. Числился в Запасных войсках, командир 64-м пехотного Казанского Е.И.В. вел. кн. Михаила Николаевича полка (1876 — сентябрь 1882) (Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е мая. СПб., 1881. С. 455).

¹¹¹ Новицкий Николай Александрович (1821 — не ранее 1886), генерал-лейтенант (с 1881). Младший офицер кавалергардского полка с 18 октября 1840. Полковник (с 07.02.1857). Командир 6-го Резервного батальона Севастопольского полка (1859). С 1864 (возможно, и ранее) по 1867 «находится при Посольстве в Лондоне». С 1868 — «состоит при Посольстве в Лондоне». Генерал-майор (с 1868). Военный агент во Флоренции (1869—1870), в дальнейшем — военный агент в Риме, новой столице Итальянского королевства (с 1871 по 1881). Состоял по армейской кавалерии. В отставке с сентября 1881 (Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е мая. СПб., 1881. С. 440).

¹¹² Валиханов Чокан Чингисович (1835 — 10.04.1865), штабс-ротмистр. Образование получил в Сибирском кадетском корпусе (1853), по выпуску из корпуса поступил в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири генерала от инfanterии Г.Х. Гасфорда. С 1854 адъютант генерал-губернатора. В 1855 Валиханов принял участие в поездке генерал-губернатора Западной Сибири генерала по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Это путешествие положило начало глубокому научному изучению Валихановым истории и быта казахского народа. В 1856 принял участие в экспедиции полковника Хоментовского в район

оз. Иссык-Куль, где собрал большой этнографический и фольклорный материал по киргизам, первым записал отрывок из киргизского эпоса «Манас». В августе 1856 в качестве официального представителя русского правительства командируется в Западный Китай в г. Кульджу. В следующем году совершает поездку в кочевья алатауских киргизов. Научные результаты первых путешествий Валиханова в 1856—1857 отражены в его путевых очерках — «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о киргизах». За большой вклад в изучение стран и народов Центральной Азии был избран в состав действительных членов Имп. Русского географического общества (1857). В 1858 г. по заданию Главного штаба совершает «тайную поездку» в Восточный Туркестан в г. Кашгар, с целью сбора политической, экономической и военной информации о малоизвестной стране. Валиханов провел в Кашгаре около полугода и успел близко ознакомиться со страной и населением. В Кашгаре изучал уйгурский язык, приобрел редкие восточные рукописи, собрал нумизматическую, ботаническую и геологическую коллекции. Среди обширных материалов, собранных Валихановым, были и его уникальные карандашные зарисовки, воспроизводящие типы жителей Восточного Туркестана и бытовые сцены. Часть материалов Валиханов пожертвовал Академии наук для Азиатского музея. Главнейшим результатом поездки в Кашгар явился труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии)». Это был первый научный труд, посвященный географии, истории и социальной жизни народов Восточного Туркестана. За составленное описание произведен в штабс-ротмистры и «Всемилостивейше» пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени, «для мусульман установленного», и получил в единовременное пособие 500 руб. серебром. В 1859 прикомандирован к Военно-ученому комитету Главного штаба, в 1860 переведен на службу в Азиатский департамент МИД. Обобщает и готовит к печати результаты своих исследований, работает над картографическим материалом. Под его редакцией подготовлены: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «План города Кульджи», «Карта Западного края Китайской империи» и др. В 1861 в связи с обострившейся болезнью возвратился на родину. В 1864 в качестве переводчика принимал участие в весенней экспедиции генерала Черняева в Кокандское ханство. Осенью того же года поселился в ауле Алтын-Эмель во владениях султана Тезека, где и скончался. Похоронен в урочище Кучен-Тоган (современная Алматинская обл.) (Басханов М.К. Указ. соч. С. 42).

¹¹³ Венюков Михаил Иванович (23.06.1832 — 3.07.1901), генерал-майор Генерального штаба. Из дворян Рязанской губернии. Образование получил в Николаевской академии Генерального штаба (1856). По Генеральному штабу службу проходил в Восточной Сибири. С 1857 старший адъютант штаба войск Восточной Сибири, с 1859 старший адъютант штаба Отдельного Сибирского корпуса. Штабс-капитан с 1858, капитан с 1859. В марте—октябре 1858 проводил исследования в Уссурийском крае для определения пограничной черты между Россией и Китаем. Летом 1859 г. руководил рекогносцировочным отрядом в верховьях р. Чу в кокандских владениях и обустроил укрепления на р. Кастанек, снял план кокандской крепости Пишпек. В 1860 прикомандирован к Главному штабу, штаб-офицер Севастопольского пехотного полка с 1861, командир батальона с 1862, командир Сводно-стрелкового пехотного батальона, подполковник (с 1863). В 1861—1863 руководил рекогносцировочными партиями на Западном Кавказе, исследовал бассейны рр. Белая и Малая Лаба и Даховскую долину. С 1864 воинский начальник Ленчицкого уезда. В 1869 командирован на два года в Китай и Японию для сбора восино-географических и военно-статистических сведений об этих странах. С 1871 прикомандирован к Главному штабу, полковник (1871). Участвует в составлении военного обзора русских азиатских границ, издает главный труд своей жизни — «Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии», который впервые был опубликован на страницах журнала «Военный сборник» (1872—1873). В фундаментальной работе Венюкова впервыедается обобщенное и системное военно-географическое описание азиатских границ России от о. Сахалина до Кавказа (всего 11 участков). Эта работа имела большое значение для развития теории районирования — выделения общегеографических районов («участков») по общности физико-географических, этногеографических, политических и военных признаков. В 1872—1874 избирается ученым секретарем Имп. Русского географического общества (ИРГО), участвует в выработке программы исследования р. Аму-Дарьи. В 1872 по его инициативе подготовлена новая этнографическая карта России, получившая высокую оценку П. П. Семенова-Тян-Шанского. В 1873 назначается от Военного министерства в Особую комиссию при Министерстве внутренних дел для составления проекта деления азиатской границы России. В 1874 командирован от Военного министерства на Всемирный географический конгресс, где представлял карту русских путешествий по Азии. В том же году совершает путешествие по Турции, Болгарии, Кипру и черноморскому побережью, исследует течения в проливах

Босфор и Дарданеллы. В мае—августе 1875 принимает участие в Международном географическом конгрессе в Париже, совершая поездку в Великобританию и Германию. В 1876 уволен со службы в чине генерал-майора. В 1877 эмигрирует из России, но продолжает активно заниматься географическими исследованиями. За многочисленные труды на пользу русской географической науки удостоен малой золотой медали ИРГО. Состоял в переписке со многими известными русскими и зарубежными учеными и дипломатами, регулярно информировал зарубежные научные общества об успехах русской географической науки. Труды М. И. Венюкова переведены на иностранные языки, он был избран почетным членом парижского, лондонского и женевского географических обществ. Скончался в Ницце, похоронен на русском кладбище Кокад (*Басханов М.К. Указ. соч. С. 47.*)

¹¹⁴ Пржевальский Николай Михайлович (31.03.1839 — 20.10.1888), генерал-майор Генерального штаба. Из дворян Смоленской губернии. Образование получил в Смоленской губернской гимназии. На службу поступил унтер-офицером в Сводно-запасной Рязанский пехотный полк (1855), переведен в Полоцкий пехотный полк, прапорщик (с 1856), подпоручик (с 1861). В 1863 окончил Николаевскую академию Генерального штаба, поручик. По Генеральному штабу службу проходил и.д. адъютанта Полоцкого пехотного полка (январь 1864), и.д. старшего адъютанта штаба 7-й пехотной дивизии (май 1864). Участник подавления мятежа в Царстве Польском 1863—1864. Преподаватель истории и географии в Варшавском юнкерском училище (декабрь 1864). Переведен в Восточно-Сибирский восточный округ, штабс-капитан (с 1867). С октября 1869 старший адъютант управления войск Приморской области, капитан. Деятельность Н.М. Пржевальского, как путешественника и ученого началась на Дальнем Востоке. В 1867 совершил путешествие по Уссурийскому краю. Исследовал долину реки Уссури и окрестности озера Ханка, сделал ценные орнитологические наблюдения, собрал ботанические коллекции. Зимой 1867—1868 провел рекогносировка в Южно-Уссурийском крае, собрал ценный военно-географический и этнографический материал. Результатом рекогносировки стали работы — «Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края» (1869), «Путешествие по Уссурийскому краю» (1868—1869) и «Инородческое население южной части Приморской области: китайцы, корейское население» (1869). В 1871 г. предпринимает первое путешествие в Центральную Азию. Выехав из Пекина, направился к озеру Далайнор и г. Калгану, исследовал хребты Сума-Ходи, Инь-Шань, среднее течение реки Ху-

анхэ, пересек пустыню Ала-Шань и Ала-Шаньские горы и возвратился в Калган. Всего за 10 месяцев путешествия им пройдено св. 3500 верст. В 1872 двинулся к оз. Кукунору и далее в Тибет, пересек Цайдам и достиг верховьев р. Мур-Усу (Голубой реки), откуда через Среднюю Гоби и Ургу вернулся в Кяхту. В течение трех лет им было пройдено более 11 тыс. верст пути, собран уникальный научный материал, составлены описания пути, произведена глазомерная и полуинструментальная съемка маршрутов, определены высоты и географические координаты. Описание путешествия представлено в работе «Монголия и страна Тангутов» (1875—1876). За выдающиеся научные достижения и труды в экспедиции «Высочайше» пожалована пожизненная пенсия в 600 руб. в год (1874). Прикомандирован к Главному штабу для «письменных занятий», подполковник (с 1874), полковник (с 1877). В 1876 по «Высочайшему» повелению предпринял второе путешествие в Центральную Азию. Выйдя из Зайсана, пересек Тянь-Шань, достиг «кочующего» озера Лобнор, южнее которого открыл хр. Алтынта. На Лобноре Пржевальский провел географические, гидрографические и орнитологические исследования. Весной следующего года через Курлю и Кульджу вернулся в Зайсан. Экспедиция Пржевальского находилась в Восточном Туркестане в период активных боевых действий китайского экспедиционного корпуса Цзо Цзунтана против войск кашгарского правителя Якуб-бека. Сведения о военно-политической обстановке в Восточном Туркестане, доставляемые Пржевальским в Главный штаб, имели чрезвычайно важное значение. Материалы экспедиции Пржевальский опубликовал в работе «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор» (1877). Научные результаты второй центральноазиатской экспедиции нашли отражение в двух других работах Пржевальского: «О современном состоянии Восточного Туркестана» (1877) и «Несколько слов по поводу замечаний барона Рихтгофена на статью “От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор”». За успешное путешествие по Восточному Туркестану «Высочайше» произведен в полковники и пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1879 г. совершает третье путешествие по Центральной Азии, целью которого было исследование Тибета и посещение Лхасы. Выступив из Зайсана, экспедиционный отряд Пржевальского пересек Хамийскую пустыню и через хр. Нань-Шань достиг Тибетского нагорья и верховий реки Мур-Усу. Политические осложнения с тибетскими властями не позволили осуществить «заветную мечту» Пржевальского — посетить Лхасу, столицу Тибета (находился от нее в 250 верстах). Обратный путь экспедиции пролег через Северный Тибет, Цайдам, Кукунор

в г. Синин. Были исследованы верховья реки Хуанхэ, озера Кукунор, восточный Нань-Шань. Спустившись с Тибетского нагорья, экспедиция пересекла Ала-Шань и центральную часть пустыни Гоби и через Ургу прибыла в Кяхту. Экспедицией получены важные научные результаты: описаны неизвестные науке территории, собраны географические и этнографические сведения, сформированы зоологические и ботанические коллекции. За научные работы и труды в экспедиции «Высочайше» пожалован орденом Св. Владимира 3-й степени и пожизненной пенсией в 600 руб. в год (в дополнение к ранее полученной). С 1882 сверхштатный член Военно-ученого комитета Главного штаба (1882). В 1883 Н.М. Пржевальский предпринимает четвертое путешествие по Центральной Азии, длившееся почти три года. Выйдя из Кяхты, экспедиция через Ургу достигла Тибетского нагорья, исследовала истоки реки Хуанхэ и ее водораздел с рекой Мур-Усу, пересекла Цайдам, вышла к озеру Лобнор и вернулась в г. Каракол. Экспедиция исследовала горные системы Кунь-Луня, Северного Тибета, бассейны озер Лобнора и Кукунора, истоки реки Хуанхэ. Пржевальским был открыт целый ряд новых видов животных — дикий верблюд, дикая лошадь (получившая имя «лошадь Пржевальского»), тибетский медведь и др. В дополнение к маршрутным съемкам, астрономическим определениям были собраны богатейшие зоологические, ботанические и геологические коллекции. В 1886 Пржевальский был произведен в генерал-майоры. В декабре 1886 Императорская Академия наук, «желая почтить важные научные заслуги, оказанные генералом Пржевальским в четыре последовательные его путешествия в Средней Азии», наградила путешественника специальной золотой медалью с его изображением. По «Высочайшему» повелению награжден третьей пожизненной пенсией в 600 руб. в год. Вернувшись из четвертого путешествия, Пржевальский задумал новую, пятую, экспедицию. Предполагалось с Лобнора достичь Лхасы, а затем исследовать восточную оконечность Тибетского нагорья (область Кам). По ходатайству Императорского Русского географического общества (ИРГО) на эту экспедицию правительством было ассигновано 80 тыс. руб. (сумма небывалая до того в истории русских географических исследований в Центральной Азии). Внезапная кончина Пржевальского — скончался от брюшного тифа в г. Караколе — не позволила осуществить эту экспедицию в полном объеме. Состоял почетным членом Императорской Академии наук (1878), почетным членом Имп. Русского географического общества (1880), почетным гражданином Санкт-Петербурга и Смоленска, почетным доктором зоологии Московского университета, почетным

членом Санкт-Петербургского университета, Венского географического общества и других отечественных и иностранных научных обществ. В истории ИРГО время с 1871 по 1885 справедливо названо «периодом экспедиций Н.М. Пржевальского» (П.П. Семенов-Тян-Шанский). Всего в общей сложности Н.М. Пржевальский провел в экспедициях по Центральной Азии девять лет и три месяца, прошел около 30 тыс. верст пути. Во всех его экспедициях велись маршрутные съемки, определения астрономических пунктов, барометрические определения высот, метеорологические наблюдения, собирались зоологические, ботанические, геологические коллекции, этнографические материалы. Пржевальскому первому в мировой науке удалось исследовать горную систему Кунь-Луня, северную оконечность Тибетского нагорья, область озера Кукунора и истоки рек Хуанхэ и Мур-Усу. В память заслуг Н.М. Пржевальского ИРГО в 1891 г. учредило серебряную медаль, приравненную к малым золотым медалям Общества. Она выдавалась исключительно за выдающиеся путешествия как членам, так и не членам Общества. Одновременно была учреждена премия имени Н.М. Пржевальского для поощрения трудов русских путешественников (Басханов М.К. Указ. соч. С. 193).

¹¹⁵ Зеленый Александр Семенович (6.11.1839 — 30.03.1913), генерал от инfanterии (с 1909). Из древнего дворянского рода Псковской губ., известного с конца XV в. Старший из трех сыновей адмирала Семена Ильича Зеленого. Реформаторского вероисповедания. Окончил Лазаревский институт восточных языков (специализировался по Турции, в совершенстве знал турецкий язык). В 1863 окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. По Генеральному штабу службу проходил в Кавказском военном округе: состоял для особых поручений при штабе войск Терской области (с августа 1864 по октябрь 1865). Капитан (декабрь 1864). В 1865 назначен младшим помощником отделения Управления военно-учебных заведений Главного штаба. С 1867 чиновник для особых поручений Кавказского горского управления, правительственный комиссар по переселению чеченцев в Турцию, подполковник. С 1868 председатель Закатальской сословно-поземельной комиссии. Полковник (с 1870). С 16 июля 1870 по 5 марта 1879 (формально) военный агент в Константинополе (в действительности отозван из Константина в связи с объявлением Россией войны Турции в апреле 1877). Много сделал для пограничного размежевания России с Турцией и Афганистаном. Являлся российским делегатом в международной турецко-персидско-англо-русской комиссии по разграничению Персии

и Турции (Константинополь, январь 1875 — октябрь 1876) и в Европейской комиссии для проведения демаркационной линии между Сербией и Турцией (1876). В ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 находился в Действующей армии, награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Для военно-географического изучения Персии в связи с персидско-турецким размежеванием командирован в Персию (сентябрь 1877 — ноябрь 1878). Представлял интересы России во 2-й Малоазиатской международной турецко-англо-русской комиссии для проведения государственной границы России и Турции от Караургана до Араката (1879—1880). В 1879 произведен в генерал-майоры. С 1880 начальник 2-го отдела иностранных сношений и военных представлений Главного штаба. Участник переговоров в Петербурге по выработке условий русско-афганского разграничения, российский представитель русско-английской комиссии для про-ведения государственной границы между Россией и Афганистаном на участке от Гери-руды до Аму-Дарьи (сентябрь—декабрь 1884). С февраля 1885 назначен состоять при войсках Кавказского военного округа. В качестве Императорского комиссара командировался в Константинополь для переговоров с турецким правительством относительно режима русско-турецкой границы (1899). Автор военно-географических работ по Сирии и Турции, русско-турецкого словаря (Басханов М.К. Указ. соч. С. 91; Список генералам по старшинству. СПб., 1903. С. 172).

¹¹⁶ Краббе Николай Карлович (20.08.1814, на Кавказе — 13.01.1876, СПб.), адмирал (с 1869), генерал-адъютант (с 1858). Из дворян. В 1826—1832 учился в Морском кадетском корпусе в СПб., по окончании которого произведен в мичманы. Служил на Балтийском флоте. В июле 1834 назначен на luger «Ораниенбаум». В декабре 1836 за отличие произведен в лейтенанты. В 1837 на Кавказе участвовал в восстаниях против горцев, пожалован орденом. Св. Станислава 4-й степени. В 1838 произведен в Гвардейский экипаж и назначен адъютантом начальника Главного морского штаба светл. кн. А.С. Меншикова. В 1839 принял участие в военной экспедиции генерал-лейтенанта В.А. Первовского против Хивинского ханства. В 1840—1847 находился в служебных командировках на Каспийском, Черном и Балтийском морях: в 1842 был командирован в Персию для организации борьбы с туркменскими пиратами; в 1847 в составе группы участвовал в исследовательских работах на Аральском море и на реке Сырдарья по выявлению возможностей строительства на ней укрепления и основания поселений. В дека-

бре 1849 произведен в капитаны 1-го ранга. В 1850—1853 вновь неоднократно командировался в служебные командировки в различные порты. В 1853 входил в состав посольства светл. кн. А.С. Меншикова в Константинополь. Участник Крымской (Восточной) войны 1853—1856. В 1854—1855 вице-директор, а с 1855 директор Инспекторского департамента Морского министерства. С 4 апреля 1860 (до 19 сентября 1860 — и.д. управляющего) до 3 января 1876 — управляющий Морским министерством, член Государственного совета. Ближайший сотрудник генерал-адмирала вел. князя Константина Николаевича. При его участии была разработана и осуществлялась программа перевооружения флота. Краббе возглавил переход от парусно-деревянного судостроения к паровому металлическому. Под его личным наблюдением был создан Обуховский сталелитейный завод. При участии Краббе была создана минная школа с офицерскими классами при ней, сформирована практическая эскадра и минный отряд. Краббе был убежденным сторонником проведения реформ в России. Удостоен высших российских орденов до ордена Св. Владимира 1-й степени включительно. По отзывам современников, Краббе был хорошим администратором, однако мало знающим морское дело; «... гибкий характер при внешности прямой и добродушной позволил ему с успехом лавировать более десяти лет. Любитель острот гривуазной литературы (ему принадлежала обширнейшая библиотека в этом направлении), несколько циник на словах, но с добрым сердцем и заботливый о подчиненных, он заслужил в обществе лучшую репутацию по смерти, нежели при жизни» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 585).

¹¹⁷ Пещуров Алексей Алексеевич (09.05.1834 — 27.09.1891), вице-адмирал (с 1882). Из дворянского рода, известного с XVII в. Младший из четырех сыновей обер-прокурора Мосальского уезда (Калужская губ.) предводителя дворянства действительного статского советника Алексея Петровича Пещурова. Образование получил в Морском кадетском корпусе, по окончании которого в 1853 произведен в мичманы. В 1852, будучи гардемарином, на фрегате «Паллада» перешел из Кронштадта к берегам Японии. Составил описание и план порта Нагасаки. Участвовал в гидрографических работах у восточного побережья Кореи и в заливе Посыета. В 1854—1855 ходил в Японию на фрегате «Диана», который потерпел крушение в бухте Симода. Работал над составлением описания залива Де-Кастри и Сангарского пролива. Составил планы портов Хакодате, Осака, Симода, бухт Энора, Хеда, Арачи, Таго. Участвовал в постройке шхуны «Хеда», на которой в 1855 сопровождал

Путятин в Николаевск-на-Амуре и через Сибирь вернулся в Санкт-Петербург. С 30 декабря 1855 по 30 марта 1856 — адъютант начальника штаба военного генерал-губернатора Кронштадта. 24 июля 1856 командирован в Англию и назначен состоять при Е.В. Путятине. С 26 февраля 1857 агент по заказам Морского министерства в Англии и Франции. В 1860—1861 командир клипера «Гайдамак». Перешел из Англии на Дальний Восток; открыл бухту Гайдамак. В октябре 1860 присвоено звание капитан-лейтенант. В 1863—1864 на клипере «Гайдамак» в составе Тихоокеанской эскадры контр-адмирала А.А. Попова участвовал в экспедиции русского флота в Сан-Франциско. В 1865 произведен в капитаны 2-го ранга, прикомандирован к Кораблестроительному департаменту Морского министерства для разработки вопросов выделки и испытания якорей и цепей. 4 апреля 1866 командирован в Англию для ознакомления со снабжением броненосных судов. 15 мая 1867 командирован в САСШ в качестве специального правительственного комиссара. 14 октября 1867 подписал протокол о передаче Америке владений Российско-Американской компании на Аляске и Алеутских островах. В 1868 за отличие произведен в капитаны 1-го ранга с назначением вице-директором канцелярии Морского министерства. В 1874 получил чин контр-адмирала. С 1 января 1875 по 14 января 1880 являлся директором Канцелярии Морского министерства. В 1880 товарищ управляющего, а с 23 июня 1880 по 11 января 1882 управляющий Морским министерством. С 1882 Главный командир Черноморского флота и военный губернатор г. Николаева. С января 1886 главнокомандующий флота и портов Черного и Каспийского морей с сохранением должности военного губернатора г. Николаева. В 1890 был назначен членом Государственного совета. Автор многих статей в «Морском сборнике». Удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Св. Александра Невского включительно. Его именем названы три мыса в Японском море (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 233—234).

¹¹⁸ Лесовский Степан Степанович (1817, Франция — 26.02.1884, СПб.), адмирал (с 1881), генерал-адъютант (с 1869). Из дворян, родился в семье полковника С.И. Лесовского, командира Кинбурнского драгунского полка, входившего в состав русского оккупационного корпуса во Франции. Образование получил в Морском кадетском корпусе в СПб., по окончании которого в 1833 произведен в мичманы и оставлен для продолжения обучения в Офицерском классе. В 1839—1853 служил на Черноморском флоте, дважды плавал в Средиземное море, в 1851—1853 командовал бригом «Язон», а затем фрегатом «Кулевчи». В 1835—1855, командуя фрегатом

«Диана», совершил переход из Кронштадта к берегам Японии и плавал в Тихом океане. В 1856 произведен в капитаны 1-го ранга с переводом в торговый флот. В 1857—1858 служил в только что образовавшемся тогда Русском обществе пароходства и торговли (РОПиТ). В 1858 назначен капитаном Кронштадтского порта. В 1862 командирован в Америку для изучения броненосного судостроения. В 1863 произведен в контр-адмиралы и назначен капитаном Санкт-Петербургского порта и в этом же году назначен младшим флагманом Балтийского флота. В 1863—1864, командуя эскадрой, участвовал в Американской экспедиции. В 1864 зачислен в Свиту Е.И.В. и назначен командующим эскадрой в Средиземном море. С 1866 помощник главного командира, а затем главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. В 1871 получил чин вице-адмирала и назначен товарищем управляющего Морским министерством (адмирала Н.К. Краббе). С 12 января 1876 по 23 июня 1880 — управляющий Морским министерством (оставил пост по собственному желанию). В этой должности являлся ближайшим помощником генерал-адмирала вел. князя Константина Николаевича. С 1877 почетный член Николаевской Морской академии. В 1880 назначен членом Государственного совета. В 1880—1881 — Главный начальник морских сил на Тихом океане. С 1882 председатель комиссии при Морском министерстве для пересмотра Морского устава. Удостоен ряда высших российских орденов, до Св. Владимира 1-й степени включительно. По отзывам современников, Лесовский совмещал в себе противоположные качества: «будучи человеком высокого бескорыстия и отличным моряком, имея, в сущности, не злое сердце, он даже в те времена приобрел репутацию исключительного жестокого начальника». «На кораблях, которыми он командовал, матросы изнемогали под тяжестью беспощадных телесных наказаний и кулачной расправы как самого капитана, так и его офицеров. Даже терпеливые и краткие команды того времени не выдерживали невыносимого существования: на фрегате «Диана» в заграничном плавании были попытки к возмущению, крики матросов по адресу Лесовского: “За борт его”...» На флоте имел прозвище «Дядька Степан» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 636—637).

¹¹⁹ Кроун Александр Егорович (1823—1900), вице-адмирал (с 1888). Окончил Морской кадетский корпус. В 1839—1845 плавал на Балтийском море. В 1846 и 1849 участвовал в гидрографических работах в Финском заливе. В 1852—1853 на винтовом корвете «Оливуза» перешел из Кронштадта в Петропавловск. В 1855 командирован в Северную Америку с целью заказа пароходов для Дальнего Вос-

тока. В 1860—1862 командовал канонерской лодкой «Морж», совершил второе плавание с Балтийского моря в Тихий океан. В 1862—1864 находился в Северной Америке для «собирания сведений о новейших технических усовершенствованиях» и с последующей задачей обеспечения снабжения эскадр С.С. Лесовского в Нью-Йорке и А.А. Попова в Сан-Франциско. С 1865 по 1869 — агент по заказам Морского министерства в Великобритании. В 1867 произведен в капитаны 1-го ранга. С 1872 по 1875 занимал должность военного губернатора Приморья. В начале 1877 вновь направлен в САСШ в связи в возможным заходом русских эскадр в порты Северной Америки. С этого же года капитан императорской яхты «Ливадия». В 1884—1885 командовал отрядом судов Тихого океана.

¹²⁰ Лихачев Иван Федорович (31.03.1826, с. Полянка, Казанской губ. — 1907), адмирал. Принадлежал к древней дворянской фамилии, известной на Руси с XV в. Старший сын бывшего штаб-ротмистра Кавалергардского полка, который вынужден был оставить службу и переехать в деревню, чтобы ликвидировать столичные долги. Общее образование получил дома и тринадцати лет был принят в один из старших классов Морского кадетского корпуса. В 1842 был произведен в гардемаринцы. На фрегате «Паллада» плавал в Финском заливе. В 1843 получил звание мичмана, с оставлением, как лучшего, в Офицерском классе. В 1844—1845 служил на разных судах Черноморского флота, плавал у берегов Абхазии. В 1845—1847 на шхуне «Забияка» перешел на Средиземное море и вернулся в Севастополь на пароходе «Силач». В 1848 произведен в лейтенанты. В 1848—1849 служил на разных судах, после чего переведен на Балтийский флот. Проходил службу на бриге «Диомид», который выполнял гидрографические работы в Финском заливе и Балтийском море. Спустя 12 лет он напишет: «Гидрографические работы составляют одну из священных обязанностей флота». Осенью на корвете «Оливуца» Лихачев отправился из Кронштадта в свое первое кругосветное плавание на Камчатку и в Русскую Америку. Корабль пересек Атлантику и, обогнув мыс Горн, вышел в Тихий океан. Во время стоянки «Оливуцы» в Рио-де-Жанейро составил заметки о бразильском военно-морском флоте. В конце июня корвет бросил якорь в Петропавловской гавани. С октября 1851 капитан корвета «Оливуцы», ходил между Петропавловском и Новоархангельском. В марте 1853 капитан-лейтенант Лихачев по состоянию здоровья сдал командование корветом и возвратился через Сибирь в Петербург, где временно получил должность помощника редактора журнала «Морской сборник». С началом Крымской

(Восточной) войны назначен флаг-офицером начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В.А. Корнилова. На пароходофрегате «Бессарабия» 6 мая 1854 участвовал в бою с тремя англо-французскими пароходами, произведен в капитаны 2-го ранга. В 1854—1855 состоял в гарнизоне Севастополя, накануне оставления которого (26 августа 1855) был сильно контужен в голову. Награжден орденами Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Станислава 2-й степени с мечами. В 1856 произведен в капитаны 1-го ранга. Командирован на Балтийское море с заданием, «сделав возможно быстрый переход», перевести три новых винтовых корвета («Удар», «Рысь» и «Зубр») на Черное море в Севастополь «в таком виде, чтобы они могли быть немедленно готовы на всякую деятельность службу». В 1857 начальник штаба при заведующем морской частью в Николаеве контр-адмирале Г.И. Бутакове. В 1860 получил приказ собрать и возглавить эскадру в китайских водах. Под «личную ответственность» установил пост в заливе Посыета. В 1861 предпринял попытку (оставлена под давлением Великобритании) присоединить к России о. Цусима. В 1861 произведен в контр-адмиралы с назначением состоять при генерал-адмирале. В 1862 зачислен по резервному флоту, в 1863 возвращен на действительную службу. В 1864—1867 командир первой броненосной эскадры в Балтийском море. Участвовал в составлении свода новых «морских эволюций и боевых порядков», в разработке начал новой морской тактики, составлении свода военно-морских сигналов. Итогом напряженной работы явились «Обзор практического плавания броненосных судов» и «Памятка об обязанностях флаг-офицеров». В 1866 награжден орденом Св. Анны 1-й степени с мечами, назначен членом артиллерийского отделения Морского технического комитета. В 1867 передал эскадру вице-адмиралу Г.И. Бутакову. Необыкновенно способный, деятельный и предприимчивый, И.Ф. Лихачев вызывал, с одной стороны, тревогу начальства своей самостоятельностью и неуступчивостью, а с другой — неудовольствие многих подчиненных требовательностью в отношении к службе. С 1867 по 1883 агент Морского министерства в Великобритании и Франции. В 1874 получил чин вице-адмирала. В 1876 добился покупки в Великобритании двух миноносок производства «Торнкорф» — первых миноносных кораблей Черноморского флота. И только в 1882 И.Ф. Лихачев получил предложение занять место председателя Морского технического комитета. Приехав в Петербург, он несколько дней знакомился с положением дел и... решительно подал прошение об отставке. В письме к А.П. Жандру (тоже бывшему флаг-офицеру вице-адмирала Корнилова) Иван

Федорович писал, что председатель Морского технического комитета «даже не имеет права в выборе судов и пр., а это самый главный и жизненный вопрос современного флота, для которого я предполагал необходимым создать даже новое, несуществующее учреждение, подобное сухопутному Генеральному штабу». В чине вице-адмирала был уволен со службы с мундиром и пенссией. Свой уход в отставку Иван Федорович объяснил так: «В 1883 г. я вышел в отставку, не унося с собой другой награды за службу, кроме личного чувства избавления от участия в фатальном, как мне всегда казалось, и преступном деле реакции и нравственного понижения или “притупления”». Кавалер многих высших российских орденов, до ордена Св. Александра Невского включительно. Выход в отставку не означал для энергичного и деятельного человека, каким оставался Иван Федорович в свои 57 лет, прекращения связи с флотом. Личных проблем для него практически не существовало, так как он был богат и притом не имел семьи. Холостым он оставался до самой смерти. И.Ф. Лихачев прекрасно владел несколькими европейскими языками, свободное время посвящал изучению греческого, латинского, чешского и польского языков. Теперь большая часть его деятельности заключалась в занятиях за письменным столом. Живя в Париже, лишенный возможности непосредственно отдаваться любимому делу, И.Ф. Лихачев стал знакомить русских морских офицеров со всеми полезными для них новинками, появлявшимися за границей, помогал им советами, рецензировал и переводил на русский язык труды иностранных морских специалистов, изобретателей, флотоводцев. Будучи членом различных научных обществ (русского и французского географических, Международного института морских арбитров и других), он вел обширную переписку. Лихачев теперь свободно критиковал существующие, на его взгляд, непорядки на флоте. Этого уже никто не мог запретить отставному адмиралу. Он публиковал свои статьи в журнале «Морской сборник», газете «Кронштадтский вестник» и других изданиях, оставляя их без подписи, чтобы «они не носили никакого характера личности».

¹²¹ Копытов Николай Васильевич (1833 — 09.02.1901), вице-адмирал (с 1888), генерал-адъютант (с 1898). Из дворян С.-Петербургской губ. В 1843 поступил в морскую роту Александровского кадетского корпуса, в 1844 переведен в Морской кадетский корпус, по окончании которого в августе 1852 произведен в мичманы и оставлен для продолжения обучения в Офицерском классе. В мае 1855 окончил курс в Офицерском классе и произведен в лейтенанты. В 1854—1855, во время Крым-

ской (Восточной) войны, на кораблях «Императрица Александра», «Константин» участвовал в защите Кронштадта от нападения англо-французского флота. В 1857 был назначен старшим офицером на корвете «Новик», командиром которого стал в 1858. В 1857—1860 на «Новике» перешел из Кронштадта в Тихий океан, плавал у берегов Японии, Китая и в устье Амура. В 1860 за отличие по службе произведен в капитан-лейтенанты. В 1861—1863, командуя корветом «Гриденъ», плавал в Тихом океане. В марте 1863, вследствие отказа принять назначение для прохождения службы на р. Амур, уволен в чине капитана 2-го ранга, однако уже через четыре месяца вновь принят на службу и в 1863 назначен командиром фрегата «Пересвет». В 1863—1864 в составе эскадры контр-адмирала С.С. Лесовского совершил переход из Кронштадта в Северную Америку и обратно. В 1865—1866 плавал в Средиземном море. В 1866—1867 командовал фрегатом «Адмирал Чичагов», в 1867—1869 — броненосной батареей «Первенец». В 1870—1871 — фрегатом «Дмитрий Донской», а в 1871—1872 — броненосным фрегатом «Адмирал Спиридов». С ноября 1872 по февраль 1876 агент по закупкам Морского министерства в Лондоне. В феврале 1876 назначен капитаном над С.-Петербургским портом. В 1882 произведен в контр-адмиралы с назначением командующим отрядом судов Тихого океана. С 1884 младший флагман, а с 1888 старший флагман Балтийского моря. В январе 1888 получил чин вице-адмирала. В 1890 командовал Практической эскадрой Балтийского флота. С января 1891 по 1898 главный командир Черноморского флота и портов Черного и Каспийского морей и военный губернатор г. Николаева. В 1898 пожалован в генерал-адъютанты и назначен членом Адмиралтейств-совета. Автор ряда статей по военно-морской тематике, публиковавшихся в журнале «Морской сборник». За службу удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Белого Орла включительно. По отзывам современников, «Копытов уже с ранних лет имел ясный и просвещенный ум, проявил выдающиеся способности, решительный и прямолинейный характер. Каждый вопрос, с которым Копытов соприкасался при своем служении на высших должностях, он охватывал не узким государственным, а широким государственным взглядом. Это его ценное качество было использовано для привлечения к работе по ряду вопросов общегосударственного значения (учреждение Добровольного флота, строительство Великого Сибирского пути и др.)» (Федорченко В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 572—573).

¹²² Невахович Николай Александрович, контр-адмирал (с 1889), флигель-адъютант (с 1879). В 1850 произведен в гардемарины. В 1852 выпущен мичманом

на Черноморский флот. В 1853 переведен на Балтийский флот. В 1854 в составе отряда гребной флотилии принимал участие в защите города Або. В 1855 на пароходофрегате «Камчатка» отражал нападение англо-французской эскадры при защите Кронштадта. В 1857 находился в командировке во Франции, где наблюдал за ходом строительства винтового корвета «Баян», на котором в этом же году прибыл в Кронштадт. На этом же корвете перешел в Средиземное море, где проплавал в течение двух лет. В 1858 произведен в лейтенанты. В 1860 переведен в гвардейский экипаж. В 1862 командовал броненосной лодкой «Опыт» на Балтийском море. В 1863 с гвардейским экипажем командирован в Варшаву и совершил плавания по реке Висла, командуя пароходом с одноименным названием. В 1864—1866 на паровой яхте «Александрия» ходил между Петербургом и Кронштадтом. В 1867—1868 на императорской паровой яхте «Штандарт» ходил старшим офицером из Кронштадта к берегам Дании и по портам Финского залива. В 1869 произведен в капитан-лейтенанты. В течение двух лет командовал яхтой «Забава» в финляндских шхерах. В 1873 назначен председателем хозяйственного комитета гвардейского экипажа. В 1874 командирован в Германию. С 06.07.1876 по 1883 — агент Морского министерства в Германии и Нидерландах. В 1877 произведен в капитаны 2-го ранга и командирован в Действующую армию на Дунай. В 1881 произведен в капитаны 1-го ранга. В 1883 назначен вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства с оставлением в звании флигель-адъютанта и в гвардейском экипаже. В 1884 назначен помощником начальника Главного морского штаба. С 1886 является одновременно командиром гвардейского экипажа и командиром императорской яхты «Александрия». В 1889 произведен в контр-адмиралы. В 1895 назначен почетным опекуном петербургского присутствия Опекунского совета учреждений Императрицы Марии, с зачислением по флоту (Общий морской список. Часть XI. СПб., 1900. С. 25—27).

¹²³ Горлов Александр Павлович (18.10.1830 — 19.12.1905, Франция), генерал-лейтенант (с 1880). Происходил из дворян Казанской губ. Образование получил в Михайловском артиллерийском училище и в его офицерских классах (впоследствии Михайловская артиллерийская академия), откуда в 1848 был выпущен подпрапорщиком в гвардейскую конную артиллерию. С 1851 занимал должность ученого секретаря Военно-ученого комитета, а затем такую же должность в выделенном из него Техническом комитете Главного артиллерийского управления. Горлов принимал самое деятельное участие в усовершенствовании вооружения армии и

занимался научной разработкой некоторых отделов теории артиллерии. В 1858, будучи приглашенным читать в Михайловскую артиллерийскую академию курс по теории лафетов, составил записки, которые долго потом служили единственным учебным пособием для слушателей. Попутно с чтением лекций Горлов первый начал опыты по исследованию законов отката лафета при выстреле. Однако его ученопрактическая деятельность была прервана командировкой за границу, в САСШ, для сбора сведений по артиллерийской части (с 1859 по 1862). В 1864 Горлов получил Михайловскую премию за сочинение: «О законах движения артиллерийских снарядов в канале нарезного оружия»; содействовал введению в русской армии нарезных стальных орудий, заряжаемых с казны. В 1864 он был вторично командирован в Америку, на сей раз специально для заказа нарезных ружей системы Лэдли и Пибоди. Выяснив уже на месте их неудовлетворительность и представив обстоятельный доклад по этому вопросу, Горлов получил предписание изыскать подходящий образец малокалиберной винтовки. Результатом выполнения этого задания и было принятис в 1867 на вооружение стрелковых частей 4,2-лн. винтовки «Бердана № 1», переработанной Горловым совместно с изобретателем и с делопроизводителем Артиллерийского комитета капитаном К.И. Гунниусом. По инициативе Горлова были введены у нас для армии револьверы Смита и Вессона. В 1867 был назначен Действительным членом Артиллерийского комитета. С 1868 состоял военным агентом в Северо-Американских Соединенных Штатах. Здесь он начинает работу над картечницами, прообразом пулеметов. С его подачи в России стал известен и был принят на вооружение револьвер системы Смита—Вессона. В 1870 получает чин генерал-майора. С 1873 по 1882 военный агент в Лондоне. Впоследствии, как правило, на должности военных агентов назначались офицеры Генерального штаба, окончившие Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. В 1874 ему было поручено разработать вопрос об улучшении образцов холодного оружия. Результатом его трудов явилось принятие на вооружение русской армии новых шашек образца 1881. В следующем, 1882-м, назначен инспектором местных арсеналов. На Пермском и Златоустовском заводах установил производство шашечных клинов. В 1886 «по расстроенному здоровью» вышел в отставку.

¹²⁴ Кутайсов Павел Ипполитович (24.12.1837 — 1911), граф, Генерального штаба генерал от инфантерии (с апреля 1900). Предком Кутайсова являлся пленный турок, служивший камердинером при наследнике престола Павле Петровиче и

быстро возвысившийся при его воцарении: достиг в течение 3 лет звания оберштальмейстера и получил в 1799 баронский, а через два с небольшим года графский титул Российской империи. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1854 и выпущен в лейб-гвардии Драгунский полк. Спустя несколько лет окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду. Занимал должности и.д. старшего адъютанта при штабе войск Кутаисского генерал-губернатора; и.д. начальника штаба войск того же генерал-губернатора; состоял для особых поручений при Е.И.В. главнокомандующем Кавказской армии. В 1866 произведен в полковники. В 1870 — начальник Мангышлакского отряда (восточное побережье Каспийского моря). С 27 апреля 1871 по 27 июля 1873 военный агент в Лондоне. В 1873—1880 нижегородский губернатор. В 1878 произведен в генерал-майоры. Павел Ипполитович Кутайсов, по свидетельству современников, отличался «широкой увлекающейся натурой». «Любил он отдохнуть на широкую ногу. А с легкой руки жены Кутайсова Ольги Васильевны стала всячески поощряться в Нижнем благотворительность. Сама графиня основала в 1875 г. на Новобазарной площади детский приют, носивший ее имя. Это заведение считалось одним из лучших среди ему подобных». Генерал-лейтенант с 1882. Начальник Варшавского жандармского округа; член совета министра внутренних дел. Сенатор (с 1896). Член Государственного совета. С августа 1904 по 1905 иркутский военный генерал-губернатор и командующий войсками Иркутского военного округа. Участвовал в кампаниях 1854, 1861—1864 и 1870 (Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е сентября 1905. СПб., 1906. С. 91).

¹²⁵ Фредерикс Лев Александрович (18.01.1839 — позднее 1903), барон, Генерального штаба генерал-лейтенант (с 30 августа 1894). Из рода, восходящего к придворному банкиру Ивану Юрьевичу (Иоганну) Фредериксу, возведененному имп. Екатериной II в августе 1773 в баронское Российской империи достоинство. Окончил Пажеский Его Величества корпус и Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду. Занимал должность адъютанта при военном министре. С 12 октября 1876 по 29 июля 1899 военный агент в Париже. С 29 июля 1899 почетный опекун Опекунского совета, учрежденного Императрицей Марисей по СПб. Участвовал в кампании 1863 (Список генералам по старшинству. СПб., 1903. С. 215).

¹²⁶ Даллер Александр Александрович (24.12.1839 — позднее 1903), генерал-лейтенант (с 30 августа 1894). Окончил Михайловское артиллерийское училище и

Михайловскую артиллерийскую академию по 1 разряду. Состоял для особых поручений при штабе Е.И.В. генерал-фельдцейхмейстера (инспектора всей артиллерии). С 14 ноября 1871 по 8 сентября 1884 военный агент в Берлине. Прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению. С 4 октября 1899 Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска (Список генералам по старшинству. СПб., 1903. С. 209).

¹²⁷ Фельдман Федор Александрович (1835—1902), генерал от инfanterии (с 1901). Закончил Пажеский Его Императорского Величества корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Старший помощник начальника Военно-ученого отделения Главного управления Генерального штаба (03.12.1863—20.04.1865), начальник Военно-ученого отделения ГУГШ (20.04.1865—28.04.1867), делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба (28.04.1867—23.05.1876). Военный агент в Вене (23.05.1876—08.10.1881). Управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба и член комитета по мобилизации войск (08.10.1881—10.08.1896). Директор Императорского Александровского лицея (10.08.1896—30.06.1900), где ввел целый ряд преобразований, в том числе преподавание нескольких новых предметов — торгового и морского права, гигиены, начал анатомии и физиологии, отечествоведения, а также практические занятия под руководством профессоров и преподавателей старших классов. По инициативе и под редакцией Фельдмана издан был «Систематический сборник очерков по отечествоведению» (1898). Член Военно-ученого комитета Главного штаба, почетный опекун Опекунского совета Императрицы Марии по Санкт-Петербургскому присутствию (30.06.1900—01.05.1901) (Список генералам по старшинству. СПб., 1901, С. 143).

¹²⁸ Артамонов Николай Дмитриевич (26.10.1840, Москва — 1918, Петроград), генерал от инfanterии (с 1906). «Из обер-офицерских детей Московской губернии». Обучался в малолетнем отделении Имп. Воспитательного дома в Москве, а затем в Александровском сиротском кадетском корпусе. Окончив в 1859 специальные классы кадетского корпуса (с занесением имени на мраморную доску), был выпущен поручиком в 3-й Гренадерский стрелковый батальон «с прикомандированием к Николаевской инженерной академии». В октябре 1860 в стенах академии разразился скандал. На одном из занятий крупно повздорили между собой профессор полковник Таубе и слушатель инженер-поручик Никонов. Результатом этого происшествия явилась массовая подача рапортов об увольнении из академии большинства слушателей (за исключением семи человек) в знак про-

теста против поведения профессора. Большинство рапортов было удовлетворено, в том числе и рапорт Артамонова, который был направлен в Инспекторский департамент Военного министерства. Однако через два года, в 1862, он поступил на геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба. Окончив академию с отличием (с малой серебряной медалью), штабс-капитан Артамонов в декабре 1864 «отправлен на обсерваторию академии в село Пулково». В декабре 1866 по окончании занятий в обсерватории «отчислен от академии с причислением к Военно-топографическому отделу Главного штаба» и через полгода был откомандирован для продолжения «русского измерения градусной дуги от г. Измаила до о-ва Кандия». В июне 1869 вновь командирован в Европейскую Турцию. Возвратившись в 1870 в СПб., назначен старшим обер-офицером для занятий Военно-топографического отдела Главного штаба. Опубликовал несколько специальных статей в военных журналах. С января 1873 штаб-офицер для поручений при том же отделе. За отличие по службе в апреле этого же года получил чин полковника, а в июле назначен штаб-офицером, заведующим обучающимся в Николаевской академии Генерального штаба офицерами. В 1876 закончил издание 17-листной карты Европейской Турции в 10-верстном масштабе и карты высот в 30-верстном масштабе. 2 ноября 1876 назначен штаб-офицером над вожатыми в Полевой штаб Действующей армии. На Артамонова были возложены обязанности по сбору сведений о противнике и «приисканию и доставлению армии надежных проводников и переводчиков» во время Русско-турецкой войны 1877—1878. В октябре 1877 назначен и.д. начальника Военно-топографического отдела Полевого штаба Действующей армии. С 14 октября 1878 штаб-офицер, заведующий обучающимся в Николаевской академии Генерального штаба офицерами. Спустя месяц назначен редактором карт при Военно-топографическом отделе. 15 мая 1883 за отличие по службе произведен в генерал-майоры с оставлением в академии наблюдающим за обучающимися офицерами и редактором карт в Генеральном штабе. В марте 1886 назначен начальником Военно-топографического училища. В 1894 произведен в генерал-лейтенанты. С 1903 по 1911 начальник Военно-топографического отдела Главного штаба, который в 1905 был преобразован в Военно-топографическое управление Главного управления Генерального штаба. В апреле 1911 назначен членом военного совета. Состоял почетным членом Имп. Русского географического общества. Удостоен ряда высших российских орденов, до ордена Св. Александра Невского включительно (1904). Согласно одному из последних указов, подписан-

ных Николаем II, престарелый генерал должен был служить до «истечения того года, в который закончится война». В марте 1918 Н.Д. Аргамонов обратился в Народный комиссариат по военным делам с просьбой об отставке и назначении ему пенсии. Просьбу удовлетворили. 22 июня того же года ему была назначена пенсия в размере 2145 рублей в год. Проживал в Петрограде, где и скончался.

¹²⁹ Бобриков Георгий Иванович (1840—1924), генерал от инфантерии (с 1902). Из дворян, сын действительного статского советника. Образование получил в 1-м кадетском корпусе, по окончании которого в 1859 выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Уланский полк. В 1868 после окончания Николаевской академии Генерального штаба назначен делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба. В 1876 — полковник, офицер для поручений при главнокомандующем Действующей армией вел. князе Николае Николаевиче (Старшем), затем состоял при князе Милане Сербском. Во время заседаний Берлинского конгресса (июнь—июль 1878) находился при генерал-адъютанте гр. П.А. Шувалове в качестве специалиста по военной части и по географии Балканского полуострова. В 1878 произведен в генерал-майоры, а в 1879 зачислен в Свиту Е.И.В. В 1880 участвовал в установлении границы между Грецией и Турцией. В 1881 назначен членом Военно-учесного комитета Главного штаба. С 1855 состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа вел. князе Владимира Александровиче. Принимал участие в работах над вопросами обороны Балтийского побережья и решительно высказывался против устройства крепости в Либаве. С 1898 по 1901 в чине генерал-лейтенанта командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией. По словам генерала от инфантерии Н.А. Епанчина, служившего вместе с Бобриковым, «Григорий Иванович не получил никакой подготовки для командования дивизией... Будучи весьма хозяйственным человеком, он приобрел имение на Волыни, где разводил картофель и гнал водку... Авторитет нового начальника дивизии в полках был, разумеется нулевой, и все шло, как говорят французы, кое как, без души и почти без пользы. В личных отношениях Григорий Иванович был обходителен и приветлив; ко мне он относился с большим вниманием и доверием; но свои личные интересы ставил выше всего». В 1902 произведен в генералы от инфантерии и назначен членом Александровского комитета о раненых и директором Московской Измайловской военной богадельни. Автор ряда работ, посвященных участию Сербии в войне с Турцией, Берлинскому конгрессу, а также публикаций о внутренней жизни России. Во время Первой мировой войны состоял председателем совместного Общества попечения объединенных

военных и морских духовенств. После революции 1917 в эмиграции. Скончался в Швейцарии (*Федорченко В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 137—138).

¹³⁰ Паренсов Петр Дмитриевич (05.07.1843 — 25.08.1914, СПб.), генерал от инфanterии. Воспитывался в Пажеском корпусе. В 1860 из камер-пажей был произведен в офицеры в лейб-гвардии Гатчинский полк. В 1867 закончил курс Академии Генерального штаба по первому разряду и был назначен для прохождения службы в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1869 командирован на Урал, где «принял участие в усмирении беспорядков в Киргизской степи». Офицер для особых поручений при главнокомандующем Действующей армией (1876—1877). В течение семи месяцев организовывал и лично осуществлял разведку турецких вооруженных сил.

Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 в должностях начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, начальника штаба Северного отряда оккупационных войск в Болгарии. В 1879—1880 первый болгарский военный министр и член кабинета. Начальник штаба 2-го армейского корпуса, Варшавский комендант, помощник начальника штаба Варшавского военного округа, начальник 6-й кавалерийской дивизии (1890—1898), комендант варшавской крепости (1902—1906), комендант Петергофа (1906—1914). В 1914 уволен в отставку.

Автор воспоминаний о войне 1877—1878 гг. под общим заглавием «Из прошлого», удостоенных Императорской академией наук Макарьевской и Ахматовской премиями. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры (Военная энциклопедия. Т. XVII. Петербург, 1914. С. 291).

¹³¹ Кишельский Иван Киркович (1820—1880), генерал-майор. Болгарин по происхождению, родители которого эмигрировали в Россию. Окончил 2-ю Киевскую гимназию, учился на математическом факультете Киевского университета. Ушел добровольцем на Крымскую войну 1853—1856 гг. Отличился исключительной смелостью. Содействовал формированию отрядов болгарских добровольцев. Член Московского славянского комитета. Выполнял различные задания Азиатского департамента МИДа по организации разведки на славянских территориях Османской империи и помогал болгарскому национально-освободительному движению. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 выступил одним из организаторов разведки. Находился в распоряжении Временного русского гражданского управления в Болгарии. Был губернатором Видина, Варны. Суходром русских войск из Болгарии в 1879 вернулся в Россию (*Канева Калина. Рыцарь Балкан граф Н.П. Игнатьев. М., 2006. С. 442.*)

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПЕРВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО СОЗДАНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРГАНА ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

1.1. На пути к Русско-французской войне. Экспедиция секретных дел при Военном министерстве.....	3
1.2. «Наш» человек в Париже	26
1.3. Отечественная война 1812 г. и военная разведка.....	66
1.4. Партизаны — источник разведывательной информации.....	75

2. ФОРМИРОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СИЛ ВОЕННОЙ И ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ

2.1. «Сбор статистических и военных сведений об иностранных государствах»	91
2.2. Командировки офицеров Генерального штаба «для военно-ученых изысканий и открытий»	108
2.3. Деятельность заграничных представительств МИД в интересах военного ведомства.....	126
2.4. Первые компоненты зарубежных сил военно-морской разведки	141
2.5. Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. и разведывательное обеспечение боевых действий.....	155

3. СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ И ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ

3.1. Учреждение института военных агентов.....	180
3.2. «Утвердить в виде опыта на два года» — 27 сентября (9 октября) 1863 г.	201
3.3. Изучение стран Азии и Дальнего Востока	209

СОДЕРЖАНИЕ

3.4. Первый центральный орган разведки Морского министерства.....	220
4. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. И ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА	
4.1. Деятельность Н.П. Игнатьева в Османской империи в 60—70-е годы. Канун Русско-турецкой войны.....	246
4.2. Н.Д. Артамонов — штаб-офицер над вожатыми	261
4.3. «Только случайно и притом временно пристегнут к этому делу» — полковник П.Д. Паренсов	277
4.4. Осведомленность русского командования о противнике	292
4.5. Попытки Артамонова «приобрести» агента в Константинополе.....	330
ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ.....	342

Научно-популярное издание
Хроники тайной войны
Алексеев Михаил Николаевич
ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ —
от Александра I до Александра II
Выпускающий редактор Г.Ю. Перновский
Корректор О.Н. Богачева
Верстка И.В. Левченко
Художественное оформление Д.В. Грушин
ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.03.2010. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 15. Тираж 3000 экз. Заказ № 807.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Хроники тайной войны

Первые ведомства, отвечавшие за разведку, появляются в России еще в XVI веке.

Благодаря им русские государи и их ближайшие помощники были лучше осведомлены о замыслах и намерениях противника. При Алексее Михайловиче был основан Приказ тайных дел, а Пётр I в воинском уставе 1716 г. впервые подвел законодательную и правовую базу под деятельность русской военной разведки.

Большую роль в создании военной разведки в России сыграл генерал-адъютант князь П.М. Волконский. Но настоящим органом военной разведки стала Экспедиция секретных дел при Военном министерстве, созданная по инициативе Барклая-де-Толли в январе 1810 г. По его замыслу, это учреждение должно было заниматься стратегической и оперативно-тактической разведкой, а также контрразведкой.

О руководителях русской военной разведки и знаменитых разведчиках, о наиболее важных операциях российских имперских спецслужб в XIX веке рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-9533-4485-2

9 785953 344852

